Библиотека
Литературы
Древней
Руси

ТОМ 3
(XI-XII века)

Библиотека литературы Древней Руси */ РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 3: XI–XII века. – 413 с.*

СОДЕРЖАНИЕ

Д. С. Лихачев. **Священная история в познавательных произведениях литературы Древней Руси**

Сказание об Евстафии Плакиде *(Подготовка текста, перевод и комментарии О. П. Лихачевой)*

Повесть об Акире Премудром *(Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова)*

Девгениево деяние *(Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова)*

О сотворении Адама *(Подготовка текста, перевод и комментарии М. Д. Каган-Тарковской)*

Сказание, как сотворил Бог Адама *(Подготовка текста, перевод и комментарии М. В. Рождественской)*

Об Адаме и Еве *(Подготовка текста, перевод и комментарии М. Д. Каган-Тарковской)*

О потопе *(Подготовка текста, перевод и комментарии М. Д. Каган-Тарковской)*

Сказание о Мелхиседеке *(Подготовка текста М. Д. Каган-Тарковской, перевод и комментарии Р. Б. Тарковского)*

Житие пророка Моисея *(Подготовка текста, перевод и комментарии М. В. Рождественской)*

Слово блаженного Зоровавеля *(Подготовка текста, перевод и комментарии Л. М. Навтанович)*

Сказание о царе Давиде *(Подготовка текста, перевод и комментарии М. Д. Каган-Тарковской и Р. Б. Тарковского)*

Суды Соломона *(Подготовка текста, перевод и комментарии Г. М. Прохорова)*

Видение пророка Исайи *(Подготовка текста, перевод и комментарии М. В. Рождественской)*

Книга Еноха *(Подготовка текста, перевод и комментарии Л. М. Навтанович)*

Сказание о двенадцати пятницах *(Подготовка текста, перевод и комментарии М. В. Рождественской)*

Сказание Афродитиана *(Подготовка текста, перевод и комментарии А. Г. Боброва)*

Слово на воскресение Лазаря *(Подготовка текста, перевод и комментарии М. В. Рождественской)*

Слово о сошествии Иоанна Крестителя во ад *(Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова)*

Легенда о царе Авгаре *(Подготовка текста, перевод и комментарии Е. Н. Мещерской)*

Слово о крестном древе *(Подготовка текста, перевод и комментарии М. Д. Каган-Тарковской)*

Слово об успении Богородицы *(Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова)*

Хождение Богородицы по мукам *(Подготовка текста, перевод и комментарии М. В. Рождественской)*

Сказание о Макарии Римском *(Подготовка текста М. А. Салминой, перевод О. В. Творогова и М. А. Салминой, комментарии О. В. Творогова)*

Сказание отца нашего Агапия *(Подготовка текста, перевод и комментарии М. В. Рождественской)*

Из "Беседы трех святителей" *(Подготовка текста, перевод и комментарии М. В. Рождественской)*

Вступление

СВЯЩЕННАЯ ИСТОРИЯ В ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

В этом томе собраны произведения, в основном имевшие познавательный интерес, но «познавательный» — в средневековом понимании. Средневековая познавательность отличалась от современной. Главное заключалось в истории. История же была прежде всего — Священная история, то есть в основном история, изложенная в Ветхом и Новом Заветах. Эта история восполнялась историей государства, к которой принадлежал сам читатель. Но начиналась она главным образом с момента принятия этим государством христианства. История языческого периода была не больше чем предуготовление к принятию христианства — главному этапу «исторического прозрения народа».

Главным в Священной истории было взаимоотношение Бога и человечества. История как бы творилась самим Богом, но не лишала человека ответственности за свои поступки.

Священная история была, как уже было сказано, зафиксирована в книгах Библии, но имела своими продолжениями исторические книги Византии и других христианских государств. Эти последние не имели для средневекового человека того высокого интереса, что история, заключенная в Библии, ибо в них не было той значительности, которую имело для любого средневекового человека каждое событие Библии или, что подчеркнем, событие, связанное с библейскими персонажами и библейской землей.

Можно сразу отметить ту территорию, на которой в первую очередь разворачивались все наиболее значительные события человеческой истории. Центр ее — Палестина, а в ней Иерусалим, и затем все остальное окружение — Египет, Малая Азия, страны Средиземноморья и Черноморья. Восток открывался для средневекового человека до границ похода Александра Македонского в Индию. Для русского читателя территория человеческой истории была раскрыта Повестью временных лет и особенно ее географическим описанием,

начинавшимся с водораздела Восточно-Европейской равнины — «Оковского леса».

Естественно, что читателям Библии и исторических произведений «постбиблейского» характера хотелось углубить свои знания — особенно те, которые могли так или иначе раскрыть смысл уже известного из Священного писания.

Эту роль во многом и выполняли апокрифические (неканонические с точки зрения официальной церкви) сочинения, составлявшие немалую долю в репертуаре переводной литературы Древней Руси. Многие из них возникли в иудео-христианской и раннехристианской среде, связаны происхождением с учениями разных христианских общин. Через византийскую литературу в славянских переводах с греческого (а в ряде случаев непосредственно с древнееврейского и, может быть, сирийского) апокрифы попали и к древнерусским книжникам. Особенно много апокрифических подробностей Священной истории содержится в Толковой Палее. Другой путь знакомства древнерусского читателя с этими сюжетами — это рассказы паломников в Святую землю об увиденном. Так, игумен Даниил включил в свое знаменитое «Хождение» немало апокрифических легенд о библейских святынях.

Появившись в раннехристианских культурах одновременно с формированием канона, апокрифические сочинения в жанровом плане часто соответствуют библейским книгам: на Руси были известны апокрифические Откровения (Видения), апокрифические Деяния, апокрифические Евангелия, а также апокрифические Жития. Понимание «апокрифического», «апокрифичности» менялось со временем. Поэтому случалось так, что произведения, запрещавшиеся церковью для чтения и переписывания, позже включались во вполне признанные сборники или своды (например, в Великие Минеи Четьи митрополита Макария).

Познавательность, к которой в первую очередь было устремлено внимание средневекового читателя, отнюдь не ограничивалась историей и толкованием исторических событий. Чрезвычайно важно то различие, которое может быть отмечено между познанием средневековья и познанием современным.

Познание в средние века было по преимуществу словесным. Иногда познать новое явление означало прежде всего его назвать, отнести к той или иной категории явлений, определить его символический смысл. Символический же смысл определялся в основном его связью со священной историей человечества, в центре которой находится тайна воочеловечения Христа, спасающего людей. Вот почему для познавательного характера текста вполне достаточна была иногда вопросо-ответная форма («Слово о крестном древе» или «Беседа трех святителей»). Отсюда же афористическая форма раскрытия смысла явлений («Повесть об Акире Премудром»).

Вполне своеобразной была «мудрость» разрешения какой-либо загадки, сложного вопроса, запутывающего предложения. Сложный вопрос

равнялся ловушке, и знание заключалось в том, чтобы уметь из этой ловушки не только выйти, но и озадачить самого вопрошающего. Тем самым вопросо-ответная форма «познавательных» произведений превращалась в своего рода состязание. Острота этих состязаний подкреплялась иногда угрозой лишения жизни проигравшему.

«Технический прием» ответа на неразрешимую загадку — умение ответить загадкой на загадку, умение парировать вопрос вопросом, отказаться от своего вопроса или от поставленной задачи соответственным усложнением вопроса для загадывающего, задающего свою задачу.

И еще одна черта, имеющая непосредственное отношение к литературному значению познавательных произведений Древней Руси: занимательность. Наука, знание не ограничивались в средние века тем, что мы называем эрудицией, или той непосредственной пользой, которую могли принести знания в практической деятельности. Знание обязательно должно было быть интересным и нравственно ценным. Отсюда популярность формы ранневизантийского приключенческого романа, типичным представителем которого является «Повесть о Евстафии Плакиде», обладающая всеми элементами приключенческого сюжета: нападениями морских пиратов, разъединением любящих, похищениями, случайными воссоединениями, в которых разлученные перед тем действующие лица долго не узнают друг друга и т. д. Все это, однако, оправдывалось религиозным смыслом, особой значимостью происшедшего и для действующих лиц, и для читателей.

Особое значение для всех этих произведений, которые мы условно можем назвать «познавательными», играла достоверность, — конечно, в ее средневековом понимании. Достоверность определялась в средние века многими признаками: прежде всего авторством какого-либо значительного лица, причем не было значительных писателей самих по себе — были значительные деятели церковной истории или, по крайней мере, — государственной истории. Им и приписывалось большинство произведений. Именно они, если и не написали то или иное произведение, то были рассказчиками излагаемых событий, участниками или свидетелями.

Естественно, что чем древнее было произведение, тем оно казалось достовернее, мы бы сказали «документальнее». Отсюда преобладающая роль в познавательных произведениях — переводных с греческого, а иногда и с древнееврейского. Перевод вызывал к себе доверие, едва ли не большее, чем то, что написано было по-русски или церковнославянски, хотя последний язык обладал также своего рода авторитетностью и превосходил в этом отношении язык русской деловой письменности. Последний язык был языком летописей и повестей из русской истории: тут он был более уместен.

Произведения познавательных жанров были исключительно долговечны. Они читались вплоть до XX века — особенно в последние два века в среде староверческой.

Исключительна долговечность познавательных произведений Древней Руси. В данном томе собраны произведения, начало активной жизни которых началось еще в домонгольской Руси — до ее завоевания татаро-монголами в XIII веке. И тем не менее многие из них продолжали интересовать читателей вплоть до XX века. Интересны они и для нас сейчас, но как произведения богатой фантазии. Читателей же древнерусской культуры они интересовали и по существу. В рассказываемое в них и во все, что говорилось в них в объяснение существующего, читатели древнерусской культуры верили и устанавливаемыми в них нравственными правилами жили.

Не могли убить интереса к ним и запреты, с разной степенью решительности налагаемые на эти произведения Церковью. А налагались эти запреты понятно почему: ведь во многих из этих произведений содержание было настолько фантастическим, что накрепко соединенные с Библией они могли разрушить веру и в то, что рассказывалось в последней.

Интересно, однако, что иконография Успения Божьей Матери, одного из самых почитаемых праздников и храмовых посвящений Древней Руси, полностью соответствовала рассказу («Слову») Иоанна Богослова об Успении: апостолы слетались к умирающей Богоматери на облаках, ангел отрубал руки пытавшемуся осквернить погребение Афоне. Апокрифические детали проникали и в изображение схождения Христа во Ад. То же самое может быть отмечено и в иконографии Благовещения.

На «Сказание Агапия» о земном рае как на свидетельство очевидца ссылается новгородский архиепископ Василий Калика в своем послании тверскому епископу Федору.

Все это не просто свидетельства о доверии, а документы официального признания некоторых из апокрифов.

Д. С. Лихачев

СКАЗАНИЕ ОБ ЕВСТАФИИ ПЛАКИДЕ

Подготовка текста, перевод и комментарии О. П. Лихачевой

ВСТУПЛЕНИЕ

«Сказание об Евстафии Плакиде» — одно из широко распространенных в древнерусской литературе житий-мартириев.

Этот жанр был заимствован из Византии, где и сложились основные его особенности, определившиеся генетической связью его с поздним греческим романом.

Византийский же роман, который ведет свое происхождение из античности, — это очень распространенный в эллинистическую эпоху беллетристический жанр, отличающийся следуюшими характерными чертами: на первом плане личная судьба героев, любовная линия со сложными сюжетными переплетениями (странствования, разлуки, неожиданные встречи, борьба с соперниками, похищения и т. п.); всеми событиями управляет верховная власть Судьбы или Рока; все происходящее предопределено (о предопределенности герои часто узнают из примет, предсказаний, вещих снов); все приходит к счастливому концу.

Эти черты византийского романа оказались перенесенными в другой, первоначально небеллетристический жанр — житие и мученичество, и таким образом создались очень своеобразные памятники, сочетающие в себе особенности и агиографии, и беллетристики. Эти произведения (литературоведы их иногда называют «жития-романы») обладают острым сюжетом с использованием традиционных для романа приемов и строятся по определенной схеме: счастливая жизнь добродетельных героев вначале, потом ряд злоключений, разлука, потеря друг друга, многие испытания (испытания верности в любви и в убеждениях), встреча героев, не узнающих друг друга, узнавание, счастливая развязка. В «житиях-романах», в отличие от романа, господствует христианский элемент. Прежде всего это сказывается в том, что герои и все события подчиняются не предопределениям Рока, а Божьей воле, которая также выражается через видения, сны, пророчества. Во-вторых, в житии прибавлен другой конец (после счастливой развязки) — мученичество героев и их прославление в конце. Текст дополняется многочисленными религиозно-нравственными сентенциями, цитатами из Священного Писания и т. п. Однако эти собственно житийные черты не нарушают построения сюжета, не уменьшают занимательности фабулы, не меняют общего облика памятника как произведения беллетристического. Таким образом, памятники подобного рода, будучи произведениями религиозно-нравственными по существу, фактически становились разновидностью светского романа, соответствующего литературным вкусам поздней античности.

«Житие Евстафия Плакиды» было известно на Руси уже в Киевскую эпоху и широко переписывалось древнерусскими книжниками в течение нескольких веков. Оно было включено также и в Великие Минеи Четьи митрополита Макария XVI в., под 20 сентября. Настоящая публикация осуществляется по рукописи сентябрьского тома Успенского комплекта Великих Миней Четьих — ГИМ. Синод. собр. № 784. Л. 591—596.

ОРИГИНАЛ

В ТОЙ ЖЕ ДЕНЬ. ПИСАНИЕ ЖИТИА И МУКИ СВЯТАГО ЕУСТАФИА И ЖЕНЫ ЕГО ФЕОПЕСТИА, И ЧАДУ ЕЮ АГАПИА И ФЕОПИСТА

В дни царьства Траияня,[1] идольстии жрътвѣ одръжащи, бѣ етеръ стратилатъ,[2] именемъ Плакида, добра рода и славна, богатъ же зѣло паче всѣхъ златомъ и прочею службою; еллинъ же бѣ вѣрою, а дѣлы праведными украшашеся, алчющая насыщая, жаждущая напаяа, нагыа одѣвая, впадающимъ в бѣду помагая, ис темница изимаа, и всѣмъ людемъ отнюдъ помогая. Имѣ же и жену тояжде вѣры и си же дѣла творящю. Родиста же два сына и въспитаста а в той же добрѣй воли. Бѣ же тако прослулъ мужь сьй доброю дѣтелию и крѣпостию и силою, яко вси погании и варвари[3] именованиемъ токмо бояхуся его. Бѣ бо храборъ велий и ловецъ худогъ, по вся дни весело ловя. Человѣколюбецъ же Богъ, призвавый всегда вездѣ сущая достойны его, не позрѣ его въ тмѣ идольских жрътвъ, но якоже писано есть, яко: «Всякъ человѣкъ, бояйся Бога, въ всякомъ языцѣ, приятъ имъ есть»,[4] въсхотѣ сего спасти сицемъ образомъ: отшедшю бо ему въ единъ отъ днии по обычаю на ловъ свой и съ слугами своими, явися ему стадо елений ходяще; и растрои воя, и начя гонити. И видѣ елень болий въ всемъ стадѣ и краснѣй; отлучи же ся елень той от стада, отлучи же ся и Плакида с маломъ чадѣ, и начятъ с ними гонити по немъ. Гонящим же, изнемогоша всѣмъ, Плакида же единъ начятъ гонити по немъ, отлучи же ся далече от дружины. Долго же гонящу ему, елень той взиде на камень высокъ и ста на немъ. Приѣхавъ же близъ стратилатъ, не сущю ни единому с нимъ отъ слугъ, помышляше же в себѣ, которымъ образомъ уловилъ бѣ. Богъ же, съдръжай и устраяй всячьскиа пути на спасение человѣкомъ, той паче улови явлениемъ своимъ, не якоже Корнилия Петром, но якоже Павла гоняща.[5] Долго же стоящу Плакидѣ и зрящу и дивящуся, показа ему Богъ чюдо сицемъ образомъ, да якоже при Валамѣ проглагола оселъ его человѣчьски.[6] Такожде и сей показа над рогама же еленема образъ святаго креста, свѣтящься паче солнца, посредѣ же рогу образъ святаго тѣла Христова.[7] Гласъ же человѣческъ Богъ вложи вѣ елень, и рече к нему, глаголя: «О Плакидо! Что мя гониши? Се тебе ради пришелъ есмъ на животнѣмь семъ явитися тебѣ. Азъ есмь Иисус Христос, егоже ты нынѣ не вѣдый чтеши. Добрыя бо твоа дѣтели, яже ты твориши нищим, взидоша пред мя, да того ради приидохъ явитися тебѣ на животнѣмъ семъ възловить тебѣ, нѣсть бо праведно моему приятелю вязити в сѣти неприязненѣ». Си слышавъ стратилатъ и пристрашенъ бѣ, спаде с коня; годинѣ же минувши въста, хотя истѣе видѣти, и рече: «Кто есть глас сей, иже слышу, явися мнѣ глаголя, да вѣрую в тя!» Рече же к нему Господь: «Разумѣй, Плакидо, азъ есмь Иисус Христос, сътворей небо и землю от не сущихъ; азъ есмъ сътворей солнце на просвѣщение дни, луну же и звѣзды въ просвѣщение нощи; азъ есмь създавый человѣка от земля и спасениа ради человѣческа явихся плотию, пропятие же пострадавъ и погребение, и въ третий день въскресохъ».[8] Си слышавъ Плакида,

паде на земли, глаголя: «Вѣрую в тя, Господи, яко ты еси творець всячьскимъ и животворець мертвымъ». Рече же к нему пакы Господь: «Аще вѣруеши в мя, иди въ град и приступи къ иерѣю хрестияньску, и проси у него крещениа». Рече же Плакида: «Господи! Велиши ли си повѣдати женѣ моей и чадома моима, да и ти вѣру имуть?» Рече же Господь: «Повѣждь, и крещьшеся истребитеся от грѣхъ вашихъ. И приими сѣможде, да тебѣ явѣ сътворю спасеныя тайны». Съшедъ же Плакида, уже вечеру сущу, начятъ повѣдати женѣ своей великая чюдеса Христова, яже видѣвъ. Егдаже скончa глаголя, възопи жена его, глаголющи: «О господи мой! Пропятаго ли видѣлъ еси, егоже христиане чтуть? Тъй бо есть Богъ истинный, спасаяй тацѣми знамении вѣрующая в онь». Еще же възъпи, глаголющи: «Помилуй мя, Господи Иисусе Христе, и оба младенца моя!» Рече же к мужу: «И азъ в мимошедшую нощь видѣхъ и́ во снѣ, глаголющь: утрѣ ты и мужь твой и обѣ чадѣ твои приидѣте к мнѣ и разумѣите, яко азъ есмь Иисус Христос. Пойди убо в сию нощь, да идемь и крестимся: сим бо крещениемь свои ему будемъ». И рече к ней Плакида: «Се же бо и мнѣ рече явлий ми ся». И егда полунощи бысть, таи поимша оба младенца и мало от отрокъ, приидоша к иерѣю. Оставльше же внѣ слугы и възвѣстиша иереови вся видѣниа ею, исповѣдавше же ся вѣровати в Господь нашь Иисус Христос, молиша и́, да дасть имъ знамение крещениа Христова. Он же рад бывъ и прославль Господа Иисус Христа, хотящаго всякого человѣка спасти и в разумь истинный привести, и поимъ а́, молитву сътвори над ними и научи а́ вѣре, крести же во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Плакиду же нарече Еустафиа, а жену его Татьяну нарече Феопесту, сына же прьвенца нарече Агапия, а меншаго нарече Феописта; и дасть имъ от святаго причастия святаго тѣла и крове Господа нашего Иисус Христа, и отпусти а́, рекъ: «Богъ буди с вами и царьство свое даждь вамъ! Аз бо разумѣхъ, яко рука Господня над вами есть. Вы же, егда въдворитеся в раи пища, помянете душу мою Иоаннову, ей, молюся вам».

Утру же бывшу, и поимъ Еустафий мало снузникъ с собою, взиде на гору. Близ же бывъ мѣста, идѣже бѣ видѣние видѣлъ, отсла слугы, рекъ: «Поищете лова». Он же мало претръпѣвъ, паде ниць, вопия и глаголя: «Молюся тебѣ, Господи Иисусе Христе, разумѣхъ, яко ты еси Христос, сын Бога живаго, и вѣрую въ Отецѣ и Сынъ и Святый Духъ; и нынѣ приидох и молюся божеству твоему, да ми вѣсто сътвориши, еже ми си реклъ». Рече же к нему Господь: «Блаженъ еси, Еустафие, приимъ баню благодати моеа; нынѣ съвлеклъся еси истлѣннаго человѣка и облъкся еси в неистлѣннаго.[9] Нынѣ имать явитися дѣло твоеа вѣры. Понѣже оставилъ еси диавола, ищеть на тя напасти етеры; сю же аще претръпиши, приимеши вѣнецъ побѣды.[10] Се бо възнеслъся еси богатьством житиа, и смиритися имаши богатьствомъ духовным; и не мози въспятитися, поминая на древнюю славу свою, и якоже угодилъ еси земному царю, такоже потщися побѣдити диавола и хранити мою вѣру: другый бо Иовъ явитися имаши в напастехъ.[11] Блюди убо, да не взыдеть на сердце твое хула. Егда бо смиришися, прииду к тебѣ и устрою тя въ славѣ твоей прьвѣй». И си рекъ Господь, взыде на небеса, рекъ къ Устафиеви: «Нынѣ ли хощеши, да ти приидеть напасть или в послѣдняа дни?» Рече же Еустафий: «Молюся тебѣ, Господи, аще

нѣкако да мимоидеть реченное, нынѣ повелѣ, да приидеть напасть. Но даждь, Господи, силу и съхрани ны от зла помышлениа, да не смутятся сердца наша». Рече же к нему Господь: «Подвизайся и крѣпися, Еустафие, благодать моа с вами буди».

Съшед же с горы, вниде в домъ и повѣда женѣ своей. Поклонше же колѣна, моляхуся Богу, глаголюще: «Господи, твоя воля буди!» Малу же дни мимошедши, вниде моръ в домъ его, изъмроша вси раби его. Сему же бывшу, ощути Еустафие реченую напасть; приим же ю́ с похвалою, тѣшаше жену свою не изнемощи. Не по многу же времени, тожде моръ вниде и въ скотъ его, и изъмроша вси кони и скоти его. Приим же и сию напасть с похвалою. И отъиде из дому своего таи на ино мѣсто едино съ женою и съ сынома. Видѣвше же татие отшествие их, в нощи въсхитиша имѣниа ихъ, злато же и сребро, и челядь, и все богатство. Въ дни же ты праздньство творяще царь, зане бѣ побѣдилъ воя перскиа; подобаше же обрѣстися ту и стратилату, зане бѣ честнѣй всеа сунькликиа.[12] Искаше же его и не обрѣтоша; и вси жаловаху, како толь скоро имѣние его погыбе, и сам же не обрѣташеся; и жаловаше же и царь и вси сущии о немъ.

Жена же Плакидина рече к нему: «Доколѣ ждемъ здѣ, господи мой? Прииди, да поими обѣ чадѣ наю: тѣ бо оставленѣ есте наю; и да отъидевѣ от сеа земля, яко поношение быховѣ знающимь ны». В нощи же въставша, поимша обѣ отрочатѣ свои, идяшета въ Егупетъ. Два же дни шедша, приидоста на море; обрѣтша же корабль стоящь въ пристанищи, влѣзоша в онь. Бѣ же господинъ корабля того варваръ сверѣпъ; влѣзше же поплуша. Видѣвъ же науклиръ жену Еустафиеву, яко красна бѣ лицемъ зѣло, възлюби ю́; и егда приидоша на онъ полъ, прошаше у нею мъзды. Не имущима же има что дати, удръжа жену Еустафиеву за мыто. Противящу же ся Еустафию и молящуся еа ради, *поману* науклиръ корабленикомъ, да ю́ в море ввергнуть. Разумѣвъ же Еустафий, не по воли остави жену свою; поимъ же обѣ отрочатѣ свои, идяше, и плачася и глаголя: «Увы мнѣ и вама, яко мати ваю издана есть мужеви иноплеменнику!» Грядый же слезенъ доиде етеры рѣкы; видѣв же ю́ водну, убояся вкупѣ пренести обѣ отрочатѣ. Взем же на рамо отроча преплуть рѣку, о сь поль другое оставль; пренесъ же положи на земли и възвратися, хотя другое пренести. И внегда бысть посредѣ рѣкы, видѣ, яко левъ восхыти отроча его, бѣжить. Видѣв же се и възвратися къ другому, чаяние свое имѣа; видѣв же такожде и то волкомъ въсхищено бысть. И видѣвъ чадѣ свои звѣрьма въсхищенѣ, торгая власы своа и плачася горко, хотяше ся утопити в рѣцѣ; но не дасть ему Богъ того сътворити, и изыде из рекы. Левъ же выше преплувъ рѣку, идяаше в пустыню, нося отроча Божиею же волею здраво. Видѣвше же пастуси отроча живо носимо, гониша съ псы по львѣ. Убояв же ся левъ, повръже отроча здраво и отъиде. Другое же отроча такожде вълкомъ въсхищено, видѣвше же ратаи етери здраво носимо отрочя, въскричаша по немъ, онъ же поврыгъ отроча, побѣже; ратаи же и пастыри изь единоа вѣси бѣша, и поимше отрочатѣ,

въспиташа и́. Сего же Еустафий не видяше; но идяше по пути, плачася и сице глаголя: «Увы мнѣ, иногда яко цвѣтущу, нынѣ же обнажену! Увы мнѣ, иногда богату бывшу, нынѣ же аки плѣнену сущу! Увы мнѣ, иногда тма людий служаше ми, нынѣ же единъ есмъ оставленъ, ни понѣ чадцю свою имый! Но не остави мене, Господи, Господи, до конца,[13] ни моих слезъ мози презрѣти; помяни, Господи, рекша тя: прияти имаши напасть, якоже Иовъ, но се боле Иова мнѣ бысть. Онъ бо аще имѣния лишенъ бысть, но на своемъ смѣтищи сѣдяше: аз же на страннѣ земли муки приемлю; онъ приятеля имѣше утѣшающая и́: мое же утѣшение дѣтьное звѣрие дивии на пустынѣ сей отъяша; онъ аще и от вѣтвий лишенъ бысть, но корене женьскаго зря утѣшашеся; аз же окаянный отвсюду искорененъ быхъ и якоже трость в пустыни бурею неприязненою колѣблюся.[14] Но не отвръзи мене, Господи Иисусе Христе, раба твоего, много глаголющи: болѣзнию бо сердца, не волею се глаголю; положи, Господи, съхранение устомъ моимъ и двери ограждены о устнахъ моихъ; да не уклонится сердце мое въ словеса лукавна,[15] да не отвръженъ буду отъ твоего лица». И си глаголя со въздыханиемъ и слезами, дойде етеры веси, нарицаемыа Вадисонъ. Вшед же в ню, дѣлаше и взимаше дневную пищу. Пожив же в ней много лѣтъ, умоли мужа тоа веси и устроиша и́, да хранить жита их; взимаа же мьзду свою, пожи лѣтъ 15.

Сына же его вспитѣна быста въ друзѣй веси, не знающа себе, яко брата си еста. Науклиръ же онъ иноплеменник веде жену Еустафиеву на свою землю; Богу же сице изволшу, умреть иноплеменникъ той, не прикъснувся ей: свободь же бывше, живяше тако.

Воеваша же иноплеменници ти на Римь и отъяша многу страну. Многу же печаль имѣ о томъ царь, и помяну Плакиду, зане бѣ доблий храборъ. Воспомянув же, зѣло дивляшеся о измѣнении бывшимъ ему внезаапу. Избрав же воя, хотя воевати; и пекыйся о Плакидѣ, въпрашаше когожде его ради, живъ ли есть или умерлъ. И заповѣда всѣмъ искати его, аще живъ есть. И посла по всему царству своему искать его, рекь: «Аще кто обрящеть и повѣсть и́ мнѣ, сътворю ему честь велию и приложу къ уроку его». Два же етера въина, имаже есте имени си Антиох и Акакий, яже служашета всегда Плакидѣ, идоста взыскати его. Обшедша же всю землю, приидоста в весь, в нейже живяше Еустафий не вѣдущи. Видѣвша же и́, не мысляшета въпросити его. Еустафий же издалеча я́ позна. И въспомянув древнее свое житие, начать плакати и молитися, глаголя: «Господи Боже милостивый, избавляай от всякоа скръби уповающая на тя! Якоже есмь внезапу видѣлъ бывшаа съ мною древле, сподоби мя видѣти рабу твою, а жену мою! Нищии бо мои чадѣ видѣ, яко звѣрие суть снѣли злыхъ ради моихъ дѣлъ! Даждь же, Господи Боже истинный Христе, да поне въ день въскресения узрю чадѣ свои!» Си же глаголющу ему, услыша глас с небесѣ, глаголющь ему: «Дерзай, Еустафие! В се бо время паки устроенъ будеши вь древню свою чьсть, и жену свою приимеши и сына своа. На въскресение же болша узриши, и наслаждение же вѣчных благъ получиши, и имя твое величано будеть в

род и родомъ». Си слышав Еустафий и пристрашенъ бывъ, сѣде; видѣв же воина приближающася к нему, съшед с мѣста, идѣже сѣдяше, и ста при пути противу има. Близъ же его бывшима има, не познаста его. Рѣста же к нему: «Радуйся, друже!» Онъ же к нима: «Миръ буди вама, брата!» Рѣста же к нему: «Рцы нама, аще знаеши здѣ етера странна именемъ Плакиду, с женою и с двѣма отрочатма? И аще покажеши и́ нама, дадивѣ ти злата много». Онъ же рече к нима: «То чьсо ради ищета его?» Она же рѣста: «Другь наю есть и имавѣ многа лѣта не видѣвша его, да того ради хощевѣ и́ видѣти». Рече же к нима: «Не знаю такого мужа здѣ. Но всяко препочийта поне мало в хижицы моей, и азъ бо странникъ есмь». Веде же ю́ в хижицю свою и иде купить вина, да я́ напоить зноа ради. Рече же къ господину дому того, в нем-же самъ живяше: «Знаема ми еста мужа сиа, да того ради приидоста ко мнѣ. Даждь ми убо хлѣба и вина, да предложю има, и въздам ти въ время дѣла моего». Он же дасть ему, елико хотяше. Пьющимь же имъ и ядущимъ, напаяя же я́ Еустафий, не можаше терпѣти, помышляа древнее истое житие; но слезы ся ему възвертѣша. Излазя же вонъ, плакашеся и умываше си лице; и влазя пакы, служаше има. Она же зряща его, начаста помалу познавати его. Рѣста же к себѣ едина: «Кольми подобенъ есть мужь сей искомому нама». Рече же единъ къ другу своему: «Зѣло подобенъ к нему есть. Но азъ вѣдѣ, яко мало есть знамение вреда на выи его, бывьшии ему на брани. Да видѣвѣ, аще имать знамение то, тъ тъй есть ищемый нама». Зрѣвша же прилѣжно, видѣста знамение то на выи его; и абие въскочиста, облобызаста и́, и со слезами въпрашаста и́, аще той есть бывый иногда стратилатъ Плакида. Онъ же прослезися, рече к нима, яко нѣсмъ азъ. Показающема же има знамение на выи его и кланяющимася има, яко ты еси стратилатъ Плакида, въпросиста же и о женѣ его и о сыну ею, и ина многа въспоминашета. И тогда исповѣда, яко азъ есмь. О женѣ же своей и о сынову рече к нима, яко умроша. Сим же бесѣдующимся, вси людие тоя веси стекошася, яко на велико чюдо. Воина же утолша молву, начаста повѣдати людем дѣание и житие и храборьство и гордыню его. Слышавше же се людие, плакахуся, глаголюще: «О каковъ мужъ великъ наимникъ бысть!» Тогда показаста ему букви царя, а облъкша и́ в ризы, поимша и поидоша. Вся же весь провожаше и́; он же утѣшь, възврати я.

Идущим же им повѣда има, како видѣ Христа, и яко нареченое ему есть имя въ крещении Еустафий; и вся приключьшаяся ему повѣда има. Шедша же 15 днии, приидоша къ царю. Влѣзъша же, повѣдаста, како обрѣтоста Плакиду. Изиде же царь въ срѣтение ему, и облобыза и́; и много прослежь, въпроси отъ него вины отшествиа его. Онъ же по ряду повѣда къ царю и къ всѣмъ другомъ и о женѣ своей, яко в море оста, и о сынову своею, како звѣремь стравленѣ быста. Бысть же радость велика о обрѣтении его. Умоли же и́ царь, да ся препояшеть мечемь; и препоясася, якоже и пръвѣе стратилатъ сый.

Видѣвъ же воя, яко не довлѣють противу варваромъ, повелѣ тироны собрати; и написаны быша книгы от царя во вся грады и въ вся веси

Римьския области. Приключи же ся и в ту весь, идѣже бѣста въспитѣна сына Еустафьева, доити написанию цареву. Вси же сущии в той веси оба юноши та, якоже странна сущи, предаша а́ воиномъ; бѣста же растомъ и видѣниемъ красна зѣло. Събраномъ же всѣмъ тирономъ, и приведеномъ бывшимъ къ стратилату, видѣвь я́ вся учинены на нумеры, видѣв же она юноши оба паче всѣхъ краснѣйша, учини а́ себѣ на службу. Зря же ею тако красну, повелѣ има всегда ѣсти с собою на трапезѣ. И расчинь воа, иде на брань; и страну, юже бяше прьвѣе отъяли варвари, свободи; оны же побѣждь, преѣде рѣку, нарѣцаемую Идаспая.[16] Преѣхавше же, внидоша в Вышнюю страну варварьскую, [17] и ту побѣдиша. Мышляше же ѣхати и на другую, Божии же воли водящи и, идѣже бѣ жена его съхранена от иноплеменника того. Умершю бо ему, отшедши и хижину створши, стрѣжаше вертограды тѣх людий. Пришед же в ту весь стратилатъ и повоевавь ю́, препочи с вои в ней три дни. Приключи же ся колимогу его близъ хижа еа поставлену быти при вертоградѣ иже храняше жена его. Юноши же она обитаста в хыжицы жены тоя, не вѣдуща, яко мати има есть. В полудни же сѣдяща, повѣдашета о младеньствѣ своемъ: помняшета бо мало что. Мати же ею послушаше. Рече же старѣй братъ, яко: «Азъ иного не помню ничтоже развѣ се, яко отець мой стратилат бѣ, мати же моя зѣло красна; имѣста же два сына: мене и инъ мни мене, русъ власы, красенъ зѣло. И поимша ны, изыдоста из дому в нощи и влѣзоста в корабль с нама. Не вѣмъ, камо хотяша ити. Внегдаже излѣзохомъ ис корабля на землю, мати же наю не бѣ с нами, и не вѣмъ, како в мори оста. Отець же взят ны на рамѣ, и идяше, плачася. Приидохомъ же на етеру рѣку, и пренесе меншаго брата, а мене остави на семъ полу. Хотящу же възвратити, да мя пренесеть, левъ прииде и въсхищь мя идяше, пастырие же овчии отъяша мя лву, и въспѣтѣша мя въ веси, в нейже и самъ вѣси. Боле сего юже не вѣмь». Слышав же си словеса менший братъ, въскочи, и плачася глаголаше: «Тако ми сила Христова! Братъ ми еси ты. Познахъ бо яже ми повѣда; такожде бо ми суть повѣдали иже мя въспитѣша, яко волку тя отъяхомъ». Приимше лобызаше и́. Слышавши же се мати, и познавши бесѣду реченую до корабля, и разумѣвши, съжали себѣ зѣло, наипаче лобызающеся видящи, и плачющася, помышляюще, еда то еста сына еа, паче же слышавшиа, яко отець има стратилатъ бѣ. Въ другий же день прииде къ стратилату жена та, глаголющи: «Молюся тебѣ, господи мой, азъ римлянынѣ сущи, плѣнена есмь сѣмо, да веди мя на свою землю». И се глаголющи жена, зряше знамениа сущаго на мужи еа. И познавши и́, бояшеся вопросити его. Дерзнувше же, припаде к нему, глаголющи: «Молюся тебѣ, господи мой, не мози ся гнѣвати на рабу твою, но кротко послушай. Повѣждь мнѣ древнее твое житие: азъ бо мню, яко ты еси стратилать Плакида, именовавыйся въ крещении Еустафий, емуже Христось явися еленемь, вѣровавый в онь и впадый в напасти, поимый жену свою, мя, и обѣ чадѣ свои Агапиа и Феописта, и въсхотѣ ити въ Египетъ; овогда же плаваховѣ в корабли, науклиръ варваръ поятъ мя, иже мя приведе на сю землю. Свѣдитель же ми есть Христос, яко ни тъй, ни инъ никтоже не оскверни мене до днешняго дне. Аще бо ты еси, егоже азъ познахъ знамениими, повѣждь ми. Тако ти сила Христова». Слышавше же се Еустафий от неа, и той такоже позна ю́. Възрадовавъ же ся, плакася велми и рече: «Азъ есмъ, егоже ты глаголеши». И воста абие и облобызашетася, славяще Христа Господа, избавляющаго рабы своя от многых скръбей. Рече же к нему жена его:

«Господи мой! Еста здѣ чадѣ наю». Он же рече: «Звѣремъ стравлена еста». И повѣда еи, како я́ погуби. Она же рече: «Да хваливѣ Христа Господа, да якоже нама дасть обрѣстися, такожде нама имать дати чадѣ наю». Рече же к ней Еустафий: «Рѣх ти, яко звѣрми стравленѣ бысте». Рече к нему жена его: «Вчера сѣдящи въ вертоградѣ, слышахъ етера юноши два к себѣ глаголюща о младенствѣ своемъ и познахъ я́, яко та еста сына наю. Но и та не знаяшетася, яко брата си бяшета, токмо повѣстию старѣйшаго брата. Аще бо до днешняго дне сего нѣси видѣлъ, разумѣй, колика милость есть Христова! Слыши же от нею, и речета ти». Призвав же оба юноши стратилатъ, въпроси а́: «Кто еста и что ся приключило есть вама?» Повѣдаста же ему все, и позна я́, яко та еста сына ею. Приим же а́ Еустафий, облобыза я́; такожде же и мати облобызавше съ слезами, хвалящи Бога о славнѣмь обрѣтени ихь. От вторыа же годины до шестыа прослу чюдо се по всѣмъ воемъ; и собрашася вои, веселяхуся о обрѣтени их паче, нежели о бывший побѣдѣ на варварѣх. Праздньство же велико сътвори Еустафий о познани ихь, въ другий же день Бога призвавъ и гласы похвалны въ славу Христову о велицемъ человѣколюбии его. Побѣждьше всю страну варварьску, възвратишася с побѣдою велиею, обьдо много несый, боле же плѣнникы ведый.

Уключи же ся, даже Еустафий не възвратися со брани, умретъ царь Траиянъ. Поставленъ же бысть инъ царь в него мѣсто, именемъ Андрѣянъ,[18] еллинъ и той такожде, лющий всѣх царь древних. Възвращьшю же Еустафию с побѣдою, срѣте и́ царь, якоже обычай есть римляномъ. Увидѣв же побѣду, юже сътвори, и обрѣтение жены его и сынову его, болшиими радоваше и иде въ церковъ неприязнену жрътвы принести идоломъ. Влазящю же ему въ церковь Аполоню, не вниде с нимъ въ церковь Еустафий, но внѣ оста. Призвав же и́ царь, рече: «Почто не пожреши богомъ, приѣхавъ с побѣды? Достоить бо тебѣ не побѣды ради токмо, но и обрѣтениа ради жены твоеа и сынову жрътвы сътворити». Рече же Еустафий къ царю: «Азъ Христу своему всылах и вослю молитвы и молениа: иного же бога ни знаю, ни чту, токмо сътворшаго словомъ всячьская». Тогда повелѣ царь изврещи и́ от чести тоа, стати же пред нимь яко простому человѣку; жену же его привести и сына его и тако испытати а́. Видѣв же царь непреложную вѣру его, повелѣ самого и жену его и дѣти его пустити къ звѣри. Тек же левъ и ста близъ блаженых, и поклонься имъ, отьиде, хотя излѣсти изъ игралища; и изыде ис позорища. Тогда царь, видѣвъ дивное то чюдо, яко не прикоснуся ихъ звѣрь, повѣле ражжещи волъ мѣдянъ и въврещи святыа в онь. Собраша же ся вси вѣрнии, от еллинъ немало, хотяще видѣти вмѣтаемыя въ мѣдь. И егда близъ приидоша, воздѣвше рукы своа на небо, помолишася, глаголюще: «Господи, Боже силъ, и всѣмъ невидимъ, намъ же видимъ! Якоже въсхотѣлъ еси, послушай насъ молящихся тебѣ! Се бо молитва наша скончася, зане совокупихомся. И сподобил ны еси части святых твоих: яко и трие отроцы въвержении в Вавилонѣ въ огнь[19] и не отвръгшеся тебе, тако и ны сподоби скончатися огнемъ симъ, и да прияти тобою будемъ, яко жрътва благоприятна. Даждь же, Господи Боже, всякому поминающему память нашу участие въ царствии небеснѣмь твоемъ, ярость же огня сего

преложи на хладъ и сподоби ны, да в немъ скончаемся. Еще же, Господи, сподобиши, да не разлучатся тѣлеса наша, но да вкупѣ лягуть». Сице же помолшимся имь, гласъ бысть съ небесѣ, глаголя: «Буди тако, якоже просита. И боле вамъ будетъ, яко многы напасти претрьпѣсте и не побѣждени бысте; идете в миръ, приимѣте вѣнца побѣдныя, почивайте въ вѣкы вѣкомъ за страсти ваша». И си слышавше святии с радостию предашася огню. И яко вьвержени быша во огнь, и абие огнь угасе. Прославльше же Пресвятую Троицу, предаша в миръ душа своа, и не прикоснуся огнь ни понѣ власѣхъ. По трех же днехь приде нечьстивый царь на мѣсто то, и повелѣ отвръсти мѣдяный тъй волъ, да видить, что есть сътворено телесемь святыхъ мученикъ. Обрѣте же цѣла тѣлеса ихъ и мнѣ, яко живи суть. Изнесше же, положиша я́ на земли; дивиша же ся вси стоящии, яко и власех ихъ не прикоснуся огнь; свѣтяху же ся тѣлеса их паче снѣга. Убояв же ся скверненый царь, отиде. Людие же възопиша: «Въ истинну велий есть Богъ кристианескъ! Единъ истиненъ Богъ Иисус Христос и нѣсть инъ, иже съхрани святыа своа!» Крестиане же тай, украдше тѣлеса святыхъ мученикъ, положиша вь честнѣ мѣстѣ; и егда преста гонение, храм честенъ създаша кристияне, и положиша тѣлеса святых мученикъ, славяще Господа нашего Иисуса Христа, емуже слава, честь и покланяние съ безначалным Отцемь и с пресвятымъ Духом, и нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ. Аминь.

---

[1] *В дни царьства Траияня…* - Римский император Траян Марк Ульпий правил с 98 по 117 г.

[2] *…бѣ етеръ стратилатъ…* – Стратилат – военачальник высокого чина.

[3] *…яко вси погании и варвари…* – В данном контексте слово «погании» употребляется как синоним к слову «варвар», то есть чужестранец, иноплеменник, внешний враг. Позднее оно стало синонимом слова «язычник».

[4] *…якоже писано есть… приятъ имъ есть…* - Ср. Деян. 10, 35.

[5] *… той паче улови явлениемъ своимъ, не якоже Корнилия Петром, но якоже Павла гоняща.* - Эта сложная по конструкции фраза является творчеством славянского переводчика. В сравнении использованы два новозаветных сюжета – обращение в христианство апостолом Петром Корнилия Сотника (Деян. 10) и обращение апостола Павла (Деян. 9). В первом случае Корнилий стал христианином благодаря апостолу Петру, во втором случае обращение в христианство совершилось не через человека, а непосредственным божественным явлением – Павел услышал глас с небес. Обращение Плакиды, которому Бог явился через оленя, противопоставляется поэтому обращению Корнилия и сравнивается с обращением Павла. Сходство усугубляется тем, что тот

и другой были обращены во время преследования (Павел преследовал христиан, Плакида гнался за оленем, который на самом деле был образом, в котором Бог явился Плакиде), и подчеркивается дальнейшим диалогом: в обоих случаях Господь сказал: «Что меня гонишь?..»

[6] *... якоже при Валамѣ проглагола ослъ его человѣчьски*. – Имеется в виду эпизод из библейской книги Чисел (Чис. 22. 22-31), в котором рассказывается об осле пророка Валаама, остановившегося, потому что путь преградил ангел с мечом, невидимый Валааму; Валаам побоями заставлял животное двигаться, пока оно не заговорило по-человечески – и тогда очи Валаама отверзлись, он увидел ангела и преклонился.

[7] *...посредѣ же рогу образъ святаго тѣла Христова*. – Возможно, что слова «тело Христово» обозначают просфору. Плакида видел два образа – крест и просфору, что следовало понять как призыв к крещению.

[8] *Азъ есмь Иисус Христос... въскресохъ»*. – Своеобразный «символ веры», построенный на ветозаветных реминисценциях (ср. Быт. 1. 14-16; Иер. 31. 36; Пс. 135. 7-9) и новозаветном символе веры.

[9] *...нынѣ съвлеклъся еси истлѣннаго человѣка и облъкся еси в неистлѣннаго*. – Здесь выражена мысль, многократно повторенная в Апостоле, о том, что при крещении человек снимает с себя, как ветхую одежду, плотского, тленного человека, и облекается в нового, нетленного. Нетленность нового человека заключается в отречении от греха, ибо грех – смерть.

[10] *Нынѣ... побѣды*. – Согласно христианскому учению, вера должна доказываться делами и проявляться в делах (Иак. 2. 26 – Вера без дел мертва). Дела, утверждающие веру, обычно – терпеливое и мужественное перенесение бед (напастей), случающихся в жизни (происками сатаны). Победителю достается венец – Царствие небесное.

[11] *...другый бо Иовъ явитися имаши в напастехъ*. – Иов, согласно Библии (Книга Иова), благочестивый и добродетельный человек, перенесший испытание своей веры всевозможными несчастьями (он потерял богатство, умерли дети, он был поражен страшной болезнью и лежал «на гноище» за городскими воротами и др.), но проявивший долготерпение: остался непоколебимым в вере и не возроптал, за что был вознагражден Богом – ему вернулось былое богатство, семья, почетная жизнь, и он также получил награду на небесах.

[12] *...подобаше же обрѣстися ту и стратилату, зане бѣ честнѣй всеа суньклικиа*. – Синклит – сенат. Вероятно, здесь имеется в виду не сенат, а собрание в театре, где происходило празднование выдающихся государственных событий и где стратилату полагалось одно из почетных мест.

[13] *Но не остави мене, Господи, Господи, до конца*. – Ср. Пс. 37. 22.

[14] *...якоже трость в пустыни бурею неприязненою колѣблюся...* - Ср. 3 Царств. 3, 15.

[15] *…положи, Господи… словеса лукавна…* - Ср. Пс. 140. 3-4.

[16] *…рѣку, нарѣцаемую Идаспая.* – река Гидасп, приток Инда.

[17] *…внидоша в Вышнюю страну варварьскую…* - Верхняя Варвария – местность в Месопотамии.

[18] *Поставленъ же бысть инъ царь в него мѣсто, именемъ Андрѣянъ…* - Адриан Публий Элий (76-138), римский император, правивший с 117 г.

[19] *…яко и трие отроцы въвержении в Вавилонѣ въ огнь…* - Три отрока Азария, Анания и Мисаил, отказавшиеся по приказу царя Навуходоносора поклониться идолу, были брошены в раскаленную печь, но остались невредимы (Книга Даниила, гл. 3).

ПЕРЕВОД

В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ. ОПИСАНИЕ ЖИТИЯ И МУЧЕНИЯ СВЯТОГО ЕВСТАФИЯ, И ЖЕНЫ ЕГО ФЕОПИСТИИ, И ДЕТЕЙ ИХ АГАПИЯ И ФЕОПИСТА

В дни правления Траяна, когда приносили жертвы идолам, был некий стратилат по имени Плакида, человек высокого и славного рода, имеющий более других золота и всякого добра; он был язычником, но украшал себя праведными делами, кормил голодных, поил жаждущих, одевал нагих, помогал бедствующим, освобождал из темниц и вообще стремился помочь всем людям. Была у него жена, той же веры, но, как и он, творила она (добрые) дела. У них родились два сына, и они воспитали их в тех же добрых обычаях. И так как этот муж прославился добродетелями, храбростью и силою, то все чужестранцы и варвары боялись одного только его имени. Он был храбрый воин и искусный охотник и всегда развлекался охотой. Человеколюбец Бог, всегда и везде призывающий к себе достойных себя, не посмотрел на то, что он находится во тьме идолопоклонства, — ведь сказано в Писании: «Человек, боящийся Бога, в любом народе, приятен ему», — захотел спасти его следующим образом: когда однажды Плакида отправился, как обычно, на охоту со своими слугами, появилось стадо бегущих оленей; Плакида расставил охотников и начал гон. И увидел он оленя, самого крупного и самого красивого во всем стаде, и отделился тот олень от стада, Плакида тоже отделился с небольшой свитой и стал с ними преследовать этого оленя. Пока они его преследовали, все обессилели, и Плакида один продолжал гнаться за оленем, и вскоре оказался далеко от его дружины. Долго гнал он оленя, олень вскочил на высокую скалу и стал на ней. Стратилат подъехал ближе, обдумывая, каким бы ему образом поймать оленя, ведь слуг с ним не было. Но Бог, всем управляющий и устраивающий различные пути для спасения людей, уловил он своим явлением — не так, как Корнилия — Петром, а как Павла-гонителя. Долго так стоял Плакида, смотрел и удивлялся, и

показал Бог чудо так, как некогда Валааму, когда осел заговорил по-человечески. И еще над рогами оленя показался святой крест, светящийся ярче солнца, и между рогами — образ святого тела Христова. И дал Бог человеческий голос оленю, который сказал ему: «О Плакида! Зачем ты меня гонишь? Это ведь ради тебя пришел я, чтобы явиться тебе в образе этого животного. Я — Иисус Христос, которого ты почитаешь, не ведая. Твои добрые дела, что творишь ты нищим, дошли до меня, и из-за этого я пришел явиться тебе в образе этого животного и уловить тебя, так как несправедливо, чтобы последователь мой увяз в дьявольской сети». Услышав это, стратилат, объятый страхом, упал с коня; через некоторое время он встал и, желая лучше увидеть, сказал: «Кто ты, голос, который я слышу? — явись мне, говорящий, чтобы я уверовал в тебя!» Сказал ему Господь: «Знай, Плакида, я Иисус Христос, сотворивший небо и землю из небытия; я, сотворивший солнце, чтобы дать свет дню, и луну и звезды, чтобы дать свет ночи; я, создавший человека из земли, ради спасения человека явился во плоти, претерпел распятие и погребение и в третий день воскрес». Услышав это, Плакида упал на землю и сказал: «Верую в тебя, Господи, верую, что ты творец всего и животворец мертвых». И снова сказал ему Господь: «Если веруешь в меня, иди в город, обратись к христианскому священнику и проси у него крещения». Плакида же сказал: «Господи! Велишь ли сказать об этом моей жене и детям моим, чтобы и они уверовали?» Сказал Господь: «Расскажи им; крестившись, вы очиститесь от ваших грехов. А потом приди сюда, я тебе раскрою тайны спасения». Вернувшись домой, когда уже был вечер, Плакида стал рассказывать жене своей о великих чудесах Христа, которые он видел. Когда он кончил, жена воскликнула: «О господин мой! Ты видел распятого, которого чтут христиане? Он есть Бог истинный, такими знамениями спасающий верующих в него!» И еще она воскликнула: «Помилуй меня, Господи Иисусе Христе, и обоих моих младенцев!» И сказала она мужу: «И я прошлой ночью видела его во сне, и он сказал: “Завтра ты, и муж твой, и оба ребенка придете ко мне и поймете, что я есть Иисус Христос”. Давай пойдем этой ночью и крестимся: этим крещением мы станем ему свои». И сказал ей Плакида: «То же самое сказал мне тот, который мне явился». И когда наступила полночь, с обоими младенцами и несколькими слугами пришли они к священнику. Оставив слуг снаружи, они (вошли) и рассказали священнику обо всех видениях; объявили себя верующими в Господа нашего Иисуса Христа и просили его свершить над ними таинство крещения Христова. Священник обрадовался и прославил Господа Иисуса Христа, который хочет спасти всякого человека и привести его к истине, и, взяв их, сотворил он над ними молитву, научил их вере и крестил их во имя Отца и Сына и Святого Духа. Плакиду он назвал Евстафием, а жену его Татьяну — Феопистией, сына — первенца — Агапием, а меньшого — Феопистом; и причастил их святого тела и крови Господа нашего Иисуса Христа, и отпустил их, сказав: «Бог да будет с вами и да даст вам царствие свое. Я понял, что рука Господня над вами. Вы же, когда будете в раю, помяните мою душу, Иоанна, прошу вас!»

Наступило утро, и Евстафий, взяв с собой нескольких всадников, поехал на гору. Около того места, где ему было видение, он отослал слуг, сказав им: «Поищите лова». И, немного подождав, упал ниц, восклицая: «Молюсь тебе, Господи Иисусе Христе, знаю, что ты Христос, сын Бога живого, верую в Отца и Сына и Святого Духа; а теперь я пришел и молюсь божеству твоему, чтобы ты открыл мне то, о чем говорил мне тогда!» И сказал ему Господь: «Блажен ты, Евстафий, ибо принял баню моей благодати; теперь ты стряхнул с себя тленного человека и облекся в нетленного. Ныне же проявится дело твоей веры. Поскольку ты отошел от дьявола, он хочет для тебя какой-нибудь беды; если перенесешь ее, примешь венец победы. Ты вознесся богатством житейским, а теперь должен смириться богатством духовным; не вздумай отступить, вспомнив свою прежнюю славу,— как ты угодил земному царю, постарайся победить дьявола и хранить мою веру: ты будешь вторым Иовом в несчастьях. Опасайся, чтобы хула не вошла в твое сердце. Когда смиришься, приду к тебе и устрою тебя в прежней славе». И, сказав это, Господь взошел на небеса, говоря Евстафию: «Хочешь ли, чтобы несчастье пришло к тебе сейчас или потом?» И сказал Евстафий: «Молю тебя, Господи, если никак нельзя избежать предначертанного, пусть ныне придет бедствие. Но дай, Господи, силу и сохрани нас от злого помышления, и пусть не смутятся наши сердца!» Сказал ему Господь: «Борись и крепись, Евстафий, с вами будет моя благодать».

Сойдя с горы, Евстафий вернулся домой и рассказал все жене своей. И, преклонив колени, они молились Богу, говоря: «Господи, да будет воля твоя!» Когда прошло немного дней, мор вошел в его дом, и умерли все рабы его. Когда все это случилось, Евстафий понял, что это та предсказанная напасть; и принял ее с благодарностью, ободряя свою жену, чтобы она не пала духом. Но прошло еще немного времени, и опять вошел мор, и пали все кони и скотина. И эту напасть он принял с благодарностью. Тайно ушел он прочь из своего дома с женой и сыновьями. И воры, заметив их уход, ночью украли их имущество: забрали и золото, и серебро, и челядь, и все богатство. В те дни царь устроил праздник, ибо одержал победу над персидским войском; следовало присутствовать там и стратилату, ведь он был самым почетным в синклите. Его искали и не нашли; и все сетовали, как внезапно погибло его богатство и он сам пропал; очень о нем жалели царь и все, кто там был.

Жена сказала Плакиде: «Долго ли еще будем ждать здесь, господин мой? Давай возьмем обоих детей наших — ведь они одни нам оставлены — и уйдем из этой земли, — ведь здесь мы — поношение всем, знающим нас». Ночью они встали, взяв своих двух мальчиков, и отправились в Египет. Два дня они шли, и пришли к морю, и увидели корабль, стоящий в гавани, и зашли на него. Хозяином корабля был свирепый варвар; итак, они сели на корабль и поплыли. Корабельщик увидел жену Евстафия, которая была очень красива, и она ему полюбилась; а

когда они приплыли на другую сторону, корабельщик потребовал плату за переезд. И так как у них не было, чем заплатить, он забрал жену Евстафия вместо платы. А когда Евстафий стал противиться этому и просить за нее, хозяин корабля кивнул матросам, чтобы они бросили ее в море. Понял это Евстафий и поневоле должен был оставить свою жену; взяв обоих мальчиков своих, он шел на берег, плача и говоря: «Горе мне и вам! Ваша мать отдана мужу-иноплеменнику!» Так, плача, он дошел до какой-то реки; река была многоводна, и он побоялся перенести через нее обоих мальчиков сразу. Одного он взял на плечи, чтобы с ним вместе переплыть реку, а другого оставил на берегу; перебравшись, Евстафий посадил ребенка на землю и вернулся, желая перенести и другого. Когда он был на середине реки, он увидел, что лев схватил его ребенка и убежал. Увидев это, он обратился к другому, имея намерение и его перенести, и увидел, что и того мальчика уносил волк. Увидев, что его детей утащили звери, он горько плакал, рвал на себе волосы и хотел утопиться в реке, — но Бог этого не допустил, и он вышел из реки. А между тем лев, переплыв реку выше, пошел в пустыню, неся ребенка, Божьей волей невредимого. Пастухи увидели, что лев несет живого ребенка, погнались за львом с собаками. Лев испугался, бросил ребенка невредимого и убежал. А что касается другого ребенка, унесенного волком, некие пахари увидели, что зверь несет живого ребенка, стали кричать ему вслед, тот бросил дитя и убежал; эти пастухи и пахари были из одного села, они приняли детей и воспитали их. Евстафий этого не знал; он шел по дороге, плакал и так говорил: «Горе мне! когда-то дела мои процветали, а ныне я лишился всего! Горе мне! когда-то я был богат, а ныне я будто в плену! Горе мне! когда-то множество людей мне служили, а теперь я остался один и даже детей у меня нет! Но не оставь меня совсем, Господи, слез моих не отвергни! Вспомни, Господи, что ты сказал мне: примешь напасть, как Иов, — но мне выпало больше, чем Иову. Он, хотя и лишился богатства, но сидел на своем гноище, а я терплю муки в чужой стране; у него были друзья, которые его утешали; мое же утешение, моих детей, отняли дикие звери в пустыне; он, хотя и лишенный ветвей, утешался тем, что видел корень — жену свою; я же, окаянный, отовсюду искоренен, и колеблет меня враждебная буря, как тростник в пустыне. Но не отвергни меня, Господи Иисусе Христе, твоего раба, который так много говорит,— от боли сердечной, а не по воле я это говорю; положи, Господи, охрану устам моим и огради двери уст моих, не дай уклониться сердцу моему к словам лукавым, да не буду отвержен от лица твоего». И говоря это с воздыханиями и слезами, дошел он до некоего селения, называемого Вадисон. Поселившись там, он стал работать, зарабатывая себе пропитание. Прожив там много лет, он упросил жителей того селения, чтобы они позволили ему сторожить их посевы; получая плату за это, он прожил пятнадцать лет.

Сыновья же его были воспитаны в другом селении; они не знали, что они братья. А корабельщик-иноплеменник привел жену Евстафия в свою землю; но Бог так пожелал, чтобы этот иноплеменник умер, не коснувшись ее: она стала свободна и так жила.

А эти иноплеменники воевали с Римом и завоевали много областей. Об этом весьма печалился царь, и вспомнил он Плакиду, который был доблестным и храбрым воином. Вспомнил и весьма удивился внезапно случившемуся с ним. Стал царь набирать воинов, готовясь к войне, и интересовался Плакидой, спрашивая о нем у всех, жив ли он или умер. Он приказал всем искать его, если он жив. И послал по всему своему царству искать его, и сказал: «Если кто найдет его и скажет мне о нем, воздам тому честь великую и увеличу жалованье». Два воина — имена их были Антиох и Акакий, — которые всегда служили Плакиде, отправились искать его. Обойдя всю страну, они пришли в селение, где жил, ничего не зная, Евстафий. Увидев его, они не догадались расспросить его. Евстафий же издали их узнал. И вспомнил он свою прежнюю жизнь, и стал плакать и молиться, говоря: «Господи Боже милостивый, избавляющий от всякой скорби надеющихся на тебя! Как некогда увидел я все, что внезапно случилось со мной, так теперь удостой меня увидеть твою рабу, а мою жену! Видел я своих несчастных детей, которые стали пищей зверей из-за злых моих дел! Дай, Господи Боже истинный Христе, хоть в день воскресения мне увидеть их!» Когда он так молился, услышал он глас с небес, обращенный к нему: «Мужайся, Евстафий! Теперь ты снова обретешь свою прежнюю честь, и жену свою найдешь, и сыновей. А в день воскресения ты больше увидишь и получишь вечное блаженство, и имя твое будет прославляться из рода в род». Устрашенный, сидел Евстафий, слыша это; когда он увидел, что воины приближаются к нему, он сошел с того места, где сидел, и вышел им навстречу. Даже приблизившись к нему, они его не узнали и сказали ему: «Здравствуй, друг!» Он же им: «Мир вам, братья!» Они сказали: «Скажи нам, не знаешь ли здесь некоего чужестранца по имени Плакида с женой и двумя детьми? Если покажешь его нам, дадим тебе много золота». Он же сказал: «А зачем вы его ищете?» Они же сказали: «Он наш друг, мы не видели его много лет, поэтому хотим его видеть». Он сказал им: «Я не знаю здесь такого человека. Но все же отдохните немного в моей хижине, я тоже здесь чужестранец». Привел он их в свою хижину и пошел купить вина, чтобы напоить их, ведь было очень жарко. Он сказал хозяину дома, в котором жил: «Эти люди — мои знакомые, и поэтому они пришли ко мне. Дай мне хлеба и вина, чтобы угостить их, я расплачусь с тобой своей работой». И тот дал ему, что он просил. И когда они пили и ели, Евстафий угощал их и не мог сдержаться, вспоминая о своей прежней жизни, слезы наворачивались у него на глаза. Он выходил из дома и плакал, потом умывал лицо и возвращался, чтобы служить им. Они же, глядя на Евстафия, начали понемногу узнавать его. Один из них подумал: «Как похож он на того, кого мы ищем». И сказал другу своему: «Очень он похож на него. Но я знаю, что у него на шее есть небольшой след от раны, полученной в бою. Давай узнаем: если у него есть этот знак, значит он тот, кого мы ищем». Посмотрев внимательно, они увидели этот рубец на шее, и тогда вскочили, обняли его, и со слезами спросили, не он ли Плакида, бывший некогда стратилатом. Он же, прослезившись, сказал им: «Нет, не я». Но тогда они показали ему знак на шее и, кланяясь ему, сказали: «Ты стратилат Плакида», и спросили его о жене и сыновьях, и вспомнили много другого. Тогда он признался:

«Да, это я». О своей жене и о детях он сказал, что они умерли. Пока они так беседовали, все жители того селения собрались, как на великое чудо. Воины, успокоив шум, стали рассказывать людям о его жизни и деяниях, о его храбрости и гордости. И, слышав об этом, люди плакали, говоря: «Какой великий человек был наемником!» Тогда воины показали ему царское послание, и одели его в (дорогие) одежды, и, взяв с собой, отправились в путь. Все селение провожало их, и он, утешив их, отправил по домам.

По пути он рассказал воинам, что видел Христа и что наречено в крещении ему имя Евстафий, и все, что случилось, рассказал им. Через пятнадцать дней пришли они к царю. И, придя к нему, рассказали, как они нашли Плакиду. Царь вышел навстречу ему, поцеловал его и, сильно прослезившись, спросил его о причинах ухода. Евстафий же по порядку рассказал царю и всем друзьям о своей жене, оставшейся в море, и о сыновьях, съеденных зверями. Все радовались, что он нашелся. Царь просил его препоясаться мечом; и он препоясался и стал, как прежде, стратилатом.

Увидев же, что войска недостаточно для войны против варваров, Евстафий велел собрать молодых воинов; и были разосланы царские грамоты во все города и селения Римской империи. Случилось же так, что в то селение, где были воспитаны сыновья Евстафия, дошло царское послание. Жители селения отдали воинам этих двух юношей, так как они были чужеземцами; оба они были рослые и очень красивые. Когда все новобранцы были собраны и приведены к стратилату и все распределены по отрядам, он увидел этих двух юношей, которые были прекраснее всех, и назначил их к себе на службу. Видя, как они красивы, он велел им всегда быть вместе с ним за трапезой. И, распределив воинов, пошел на войну; освободил местность, которую прежде завоевали варвары, победив, он перешел реку, называемую Идаспая. Совершив переход, он вошел в Верхнюю страну варваров и ее победил. Задумал он, руководимый Божьей волей, напасть и на ту страну, где была жена его спасена от того иноплеменника. Когда тот умер, она ушла в другое селение, построила себе хижину и стерегла сады тамошних жителей. Когда стратилат пришел в то селение и захватил его, он остался в нем со своим войском на три дня для отдыха. И так случилось, что шатер стратилата был поставлен около ее хижины возле сада, который охраняла жена его. А юноши те жили в хижине той жены, не зная, что она — их мать. Однажды в полдень они сидели, рассказывая о своем детстве: они мало что помнили. А мать слушала. И сказал старший брат: «Я ничего не помню, кроме того, что мой отец был стратилат, а мать очень красива; и у них было два сына — я и другой, младше меня, русоволосый, очень красивый. Однажды они взяли нас и ночью ушли из дома, сели на корабль вместе с нами. Я не знаю, куда они хотели плыть. Когда мы сошли на землю с корабля, матери с нами не было; я не знаю, каким образом она осталась в море. Отец взял нас на плечи и пошел, плача. Пришли мы на какую-то реку, и

он перенес младшего брата, а меня оставил на этом берегу. Когда он хотел вернуться, чтобы перенести меня, пришел лев и, похитив меня, побежал, овечьи пастухи отняли меня у льва и воспитали в том самом селении, где и тебя. Кроме этого, я ничего не знаю». Услышав его рассказ, младший брат вскочил и, заплакав, сказал: «Такова сила Христова! Ты — мой брат! Я знаю то, о чем ты рассказал; воспитавшие меня тоже сказали, что они отняли меня у волка». И они поцеловались. А мать, слушая это и поняв все, что было рассказано до событий на корабле, очень растрогалась, особенно же когда она увидела, что они заключили друг друга в объятья; и заплакала, подумав, не ее ли это сыновья, тем более услышав, что отец их был стратилат. На другой день эта женщина пришла к стратилату и сказала: «Умоляю тебя, господин мой, я римлянка, и здесь я в плену, — отведи меня на родину». Так говоря, увидела она шрам, который был на ее муже. Узнав его, она побоялась спрашивать. Потом, осмелившись, бросилась к нему в ноги, говоря так: «Умоляю тебя, господин мой, не гневайся на свою рабу, выслушай меня терпеливо. Расскажи мне о своей прежней жизни, потому что мне кажется, что ты — стратилат Плакида, названный при крещении Евстафием, которому Христос явился в виде оленя, он уверовал в него и затем впал в бедствия; взяв жену свою — меня и двоих детей, Агапия и Феописта, захотел отправиться в Египет; а когда мы плыли на корабле, корабельщик-варвар забрал меня и привел в эту землю. Но Христос мне свидетель, что ни он, ни кто другой не осквернили меня до сегодняшнего дня. Если действительно ты тот, кого я узнала по знакам, скажи мне! Такова сила Христова!» Услышав же все это, Евстафий тоже узнал ее. Обрадовался он, заплакал и сказал ей: «Да, я тот, о ком ты говоришь!» Он тотчас вскочил, и они расцеловались, славя Христа Бога, избавляющего своих рабов от многих скорбей. Сказала Евстафию жена его: «Господин мой! Наши дети здесь!» Он же сказал: «Их съели звери!» И рассказал, как он погубил детей. Она же сказала: «Восхвалим же Христа Господа, пусть он даст нам найти наших детей, так же как дал нам найти друг друга!» Сказал ей Евстафий: «Я же тебе сказал, их съели звери». Но поведала ему жена: «Вчера, сидя в саду, я слышала, как два некие юноши говорили между собой о своем детстве, и я узнала, что это наши сыновья. Но и они не знали, что они братья, и догадались об этом благодаря рассказу старшего брата. Если ты до сегодняшнего дня этого не видел, пойми теперь, как велика милость Христова! Послушай их самих, они скажут тебе». Позвав юношей, стратилат спросил их: «Кто вы такие и что с вами было?» Они рассказали ему все, и он понял, что они — их сыновья. Обнял их Евстафий, расцеловал; так же и мать их целовала со слезами, благодаря Бога за их чудесное обретение. От второго до шестого часа стало известно это чудо всему войску, собрались воины, и все радовались их счастливой встрече более, чем победе над варварами. Великий праздник устроил Евстафий в честь такого события, а на другой день он хвалебными словами принес молитву Богу, прославив Христа за его великое человеколюбие. Завоевав всю страну варваров, возвратились они с победой великою, захватив богатую добычу и приведя много пленников.

Случилось же так, что до возвращения Евстафия с войны умер царь Траян. Вместо него стал царь по имени Адриан, язычник, самый свирепый из всех древних царей. Когда Евстафий вернулся с победой, царь встретил его по римскому обычаю. Узнав о совершенной Евстафием победе, а также о том, что он нашел жену и сыновей, очень обрадовался царь и отправился в сатанинский храм, чтобы принести жертвы идолам. Когда же царь вошел в храм Аполлона, Евстафий не последовал за ним в храм, а остался снаружи. Призвал его царь и сказал: «Почему ты не приносишь жертвы богам, приехав с победой? А ведь тебе надлежит не только ради победы, но и ради обретения жены и сыновей совершить жертвоприношения». Сказал же Евстафий царю: «Я Христу своему воссылал и буду воссылать молитвы и моления, иного же Бога не знаю и не чту, кроме того, который сотворил словом все». Тогда велел царь лишить Евстафия всех почестей и стать ему простым человеком, а также приказал привести жену его и сыновей и их испытать. Но, видя их твердую веру, повелел царь его с женой и детьми бросить зверям. Выбежал лев и встал около блаженных, поклонился им и отошел, стремясь выбраться с арены, и ушел из цирка. Тогда царь, который видел это удивительное чудо, что зверь не прикоснулся к ним, повелел раскалить медного быка и бросить туда святых. Собрались вокруг все христиане и многие язычники, желая видеть тех, которых ввергали в раскаленную медь. Они приблизились, воздели руки к небу и помолились так: «Господи, Боже сил, для всех невидимый, нами же зримый! Поскольку ты соблаговолил к нам, послушай нас, молящихся тебе! Наша молитва теперь кончилась, ибо мы соединились. Ты удостоил нас участи святых твоих: как три отрока в Вавилоне были брошены в огонь и не отреклись от тебя, так нас ныне удостой скончаться в этом огне — да будем мы приняты тобою как угодная тебе жертва. Подай, Господи Боже, всякому, поминающему нашу память, доли в твоем царствии небесном; ярость же этого огня преврати в холод и сподоби нас в нем скончаться. А еще, Господи, удостой нас того, чтобы тела наши не разлучались, пусть их вместе положат!» Когда они так помолились, раздался голос с небес, говорящий: «Пусть будет так, как вы просите. И более этого будет вам дано, потому что многие напасти перенесли вы и не были ими побеждены; ныне же примите мир, получите венцы победные и почивайте во веки веков за ваши страдания». И, услышав это, святые с радостью пошли в огонь. И когда были они ввержены в огонь, огонь вдруг угас. Прославляя Пресвятую Троицу, предали они в мир души свои; не прикоснулся к ним огонь, ни единого волоса не тронул. Через три дня нечестивый царь пришел на то место, велел открыть медного быка, чтобы увидеть, что случилось с телами святых мучеников? Он увидел тела их невредимыми, и показалось ему, что они живы. Их вынесли и положили на землю; удивились все стоящие, что огонь не коснулся даже волос их, тела же их сверкали ярче снега. Испугался нечестивый царь и ушел. Люди же воскликнули: «Воистину велик Бог христианский! Один истинный Бог — Иисус Христос, нет другого бога, который бы сохранял святых своих!» Христиане же тайно, украв тела святых мучеников, похоронили их в почитаемом месте, а когда кончились гонения, построили там храм честен и положили в нем тела святых мучеников, славя Господа нашего Иисуса Христа, ему же слава, честь и поклонение со безначальным его Отцом и Пресвятым Духом ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

ПОВЕСТЬ ОБ АКИРЕ ПРЕМУДРОМ

Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова

ВСТУПЛЕНИЕ

«Повесть об Ахикаре» — прототип славянской повести об Акире, возник, как полагают, в VII веке до н. э., в Ассирии. Сюжет повести был широко распространен на Востоке, сохранились сирийский, арабский и армянский ее варианты. На славянскую почву повесть попала еще в Киевской Руси, при этом, по мнению А. А. Мартиросяна (см. автореферат его докторской диссертации, Ереван, 1970), оригиналом послужил текст армянской версии.

На Руси «Повесть...» была известна в нескольких редакциях. Редакцию, представляюшую собой перевод с иноязычного оригинала, именуют Древнейшей, кроме нее существует Соловецкая редакция, а также две редакции XVII века — Краткая и Распространенная. В этих последних редакциях текст «Повести...» по существу пересказан заново: введены новые сюжетные мотивы, отдельные детали и образы сближают эти редакции с русской народной сказкой.

Здесь издается Древнейшая редакция «Повести...». Она была известна в новое время в четырех списках: рукописи РГБ, собрания Общества истории и древностей российских (ОИДР), № 189, XV в., в списке ГИМ, собр. Вахрамеева, № 427, также XV в., в списке ГИМ, собр. Хлудова, № 246, XVII в.; четвертый список утрачен: это был тот самый сборник А. И. Мусина-Пушкина, в котором читалось и «Слово о полку Игореве». Кроме того, в Соловецком списке XVI—XVII веков, ныне утраченном, но изданном Н. Н. Дурново (*Дурново Н.* Материалы и исследования по старинной русской литературе. I. К истории повести об Акире. М., 1915), первые две трети текста также принадлежат к Древнейшей редакции. Списки ОИДР, Вахрамеевский и Хлудовский были изданы в монографии А. Д. Григорьева (*Григорьев А. Д.* Повесть об Акире Премудром. М., 1913).

В основу настоящего издания положен список ОИДР. К сожалению, список этот (един-ственный полный из всех сохранившихся) изобилует многочисленными ошибками — описками, пропусками слов, механическими повторами и т. д. Такие испорченные чтения, затрудняющие понимание смысла, исправляются на основании Вахрамеевского, Хлудовского и Соловецкого списков; в редких случаях вносятся незначительные буквенные поправки по смыслу.

Текст издается полностью. Пропущены лишь ошибочно повторенные в списке слова и словосочетания, реже — испорченные чтения, не поддающиеся истолкованию. Во всех этих случаях пропуск обозначается многоточием в скобках.

При переводе неясных по смыслу мест учитывались чтения армянской версии «Повести об Акире»; все эти случаи оговорены в примечаниях.

ОРИГИНАЛ

Синагрипъ цесарь Адоровъ и Наливьской страны,[1] в того время азъ, Акиръ, книгьчий бѣх. И речено ми *бысть* от Бога: «От тебе чадо не родиться». Имѣние же имѣх паче всѣх человѣкъ, поях жену и устроихъ домъ и жихъ 60 лѣт, и не бы ми чада. И создах требники и *възгнѣтих* огнь и рѣх: «*Господи* Боже мой! Аще умру и не будеть ми наслѣдника, и рчуть человѣчи: “Акиръ праведенъ бѣ и Богу истиньно служаше. Аще умреть, не обрящется мужьскъ полъ, иже постоитъ на гробѣ его, ни дивическъ полъ, иже бы его оплакалъ, ни иже по нем задницю възметь и будеть наслѣдникъ”. И нынѣ прошю у тебе, Господи Боже мой, дай же ми *чадо* мужьскъ полъ. Егда *преставлюся*, да всыплѣть ми персть на очи мои». И Господь послуша моления моего, и глас ми *приде* съ небесъ, глаголя: «Акире! Всяко ти прошение створю, а еже о чядѣ, то не проси у мене. Се сестрицыць твой Анаданъ, и сего поими въ *сына* мѣсто». И яко услышах глас *от* Господа и пакы възъпих: «Господи, Боже мой! Аще бы у мене мужьскый полъ, и въ день смерти моея въсыпалъ *бы* персти на очи мои. Аще бы до смерти своея *вдалъ бы* на день *кеньтинарь*[2] злата на потрѣбу собѣ, не истощилъ бы дому *моего*». И не бысть ми глас, и прияхъ рѣчь Господню, и прияхъ сестричица своего Анадана въ сына мѣсто. И младъ бѣ, и дах одоити и́, *воскормих* и́ медом и виномъ, и одѣхъ и́ бебромъ и брачиномъ, и *яко* възрасте, и научихъ и́ всякой грамотѣ.

И царь ми тако рече: «О, Акире, *премудрый* книгъчие, свѣтниче мой! Аще *состарѣешися и* прѣставишися, кого обрящю свѣтьника моего?» И тако отвѣщахъ: «Цесарю, въ вѣкы живы! Есть у мене сынъ, якоже есмь азъ: уму и всякой прѣмудрости и книгам научихъ и́». И отрече ми цесарь: «Приведи ми сына своего, да вижю и́, аче можеть предо очима моима угодити, да тя тогда отпущу домовь, и въ старости дний своихъ въ покои живеши». И пояхъ сына *своего* Анадана, и приведохъ и́ къ царю. И узрѣ цесарь и отвѣща, рька: «Благословенъ буди дньшний день Акирови, яко прѣдстави сына своего прѣд мною в животѣ моемь». И поклонихся цареви: «*Ты самъ* вѣси, како есмь служилъ отцю твоему и тобѣ. И нынѣ дѣчьства отрочати сего пожди ми, и да будеть милость твоя на *старости* моей». И яко услыша от мене рѣчь мою царь и клять ми ся, ркя, яко «*заднича* твоея *никтоже ины не прииметь*».

И азъ, *Акир*, не оставихъ сына си и от учения своего. Егда насытихъ и́, яко хлѣба и воды, учения моего, и глаголахъ ему тако:

«Человѣче, внимай глаголы моя, господину мой Анадане! Всякому наказанью *яснъ* буди во всѣх днехъ жития твоего. Аще что слышиши от царя или видиши в дому его, да съгниеть въ сердци твоемь, и не извѣстиши его человѣкомъ. Аще ли исповѣси, чи будуть ти угльe горящи и послѣдокъ ожещися, и тогда тѣло твое *с* порокомъ будет.

Сыну, аще что слышиши, не повѣдай никому, аще что *узриши*, не обавляй. *Увязана* ужа не отрѣшай, а отрѣшена не завязяй. Сыну, не взирай на красоту женьскую и сердцемь не *жадай* ея. Аще и все *имѣниѣ* даси ей, тоже *никоторыя ползы* обрящеши от нея, но паче къ Богу въ *грѣхъ* въпадеши. Чадо, не буди жестокъ, якоже кость человѣча, но буди, *яко бобъ*, мякокъ. Сыну, очи твои *да будета* долу зряща, глас твой *обниженъ*; аще бо и великымъ гласомъ храминѣ ся создати, оселъ бы рыканиемь своимь 2 храмѣнѣ въздвиглъ *единым* днемь. Сыну, уне есть *со умным* каменъ двигнути, *нежели* съ *безумнымъ* вино пити. С разумнымъ безумья не твори, и с безумным не яви ума своего. Не буди сладокъ без мѣры, но егда когда *пожруть* тя, *не буди* без мѣры горекъ, да не отбѣжить от тебѣ другъ твой. Сыну, ѣдну сущю на нозѣ твоей, не *велми* въступай на ню, и уготова путь сыномъ и дъщеремъ своимь.[3] Сыну, богата мужа сынъ змию снѣл и ркоша ему людие: “*Целбы* дѣля снѣл ю есть", а *убога* мужа сынъ змию снѣл есть, и ркоша ему людие: “*Гладенъ бѣ* и *снѣл* есть ю”. Сыну, свое участье дай, а чюжего не заимай. Иже свѣта не приемлеть муж, то с тѣмъ на пут не ходи и со облестивым на *трапезѣ* не *яждь*. Чадо, аще вышеши тебѣ отпадеть, не велми ся *обрадуй*, ни въздай же глас пред други своими, да не явить ти глаголи твои, егда како, въставъ, мужь въздасть ти. Сыну, егда мужь възвелицится, то не завиди ему, аще злоба придеть, то не порадуйся. Сыну, не прикасайся женѣ безумнѣ, и язычнѣ, и величавѣ, и женьстѣй красотѣ не *жадай*: тоя бо красота слабость язычная.[4] Сыну, аще другъ твой възненавидить тя, начнеть кляти и камение метати, а ты и́ хлѣбомь срящи, и оба *приимета* отвѣтъ в день Судный.[5] Сыну, безумен муж падеть, а *праведный* востанеть. Сыну, аще *от* биения сына своего не воздержайся, оже бо рана сынови, *то* яко *вода на* виноград *възливается*. Сынъ бо ти от раны не умреть, аще ли его *небрега* будеш, иную кую либо вину приведеть на тя. Чадо, сына своего от дѣтьска укроти, аще ли его не укротиши, то преже *дний* своихъ *состарѣеться. Сыне*, не *купи* раба *величава*, ни рабы тативы, *да тѣ* имѣния не *расточать*. Чадо, аще кто навадить на друга твоего, не послушай его, и твою бо вину ко иному понесеть. Чадо, аще тя кто срѣтъ, възмолвить к тобѣ, со въздержаниемь отвѣщяй ему, зане напрасно человѣкъ *въборзѣ* изронить слово и послѣ каеться. Чадо, *лживъ* человѣкъ исперва възлюбленъ будетъ и наконѣчь въ *смѣсѣ будет* и въ укоризнѣ бываеть. *Лжива* человѣка речь, яко птича шептания суть, и безумнии послушають его. Чадо, отца своего *почти*, яко *все стяжание* оставляеть тобѣ. Сыну, отца и матере *клятвы* не приимай, егда и *от* чад своихъ не приимеши радости. Егда на тя найдеть *гнѣвъ* золъ, не молви зла, егда когда безуменъ наречешися. Сыну, безъ оружьи в ночь не ходи, кто бо свѣсть, кто тя срящеть. Чадо, древо с плъдомъ прегне е с *твердостию* своею, тако въ красѣ пребываеть, такоже и съ ближними своими и другъ со другом своимь, такоже суть. Яко левъ въ твердости своей страшенъ есть, тако и мужь въ близоцѣхъ своихъ честенъ есть. Иже родомъ скуденъ есть и детми и *близоки*, то пред врагы своими хуленъ есть, и подобенъ есть древу стоящю при пути, *яко вси* мимоходящеи сѣкуть е. Сыну, не рци, яко: “Мой осподин безуменъ есть, азъ *уменъ* есть”. Наказание осподина своего приими, и помилованъ будеши, и своей мудрости не надѣйся. Елико можеши терпѣти — *терпи*, а зла не глаголи. Сыну, немногорѣчивъ буди, ибо пред господиномъ своимъ согрѣшиши. Чадо, аще тя на посолъ послуть, не *медли* чресъ годину, да не ины послуть въ

слѣдъ тебе. Сыну, да не речеть осподинъ твой тобѣ: “Отида от мене, *оскорбѣеши*”; нъ да бы ти реклъ: “Приступи близъ, и обрадуешися”. Сыну, въ святый день церкви не лишися. Чадо, идеже *в дому* печаль будеть, оставль ту бѣду, а на чюжь обѣдь не ходи, но преже посѣтивъ, толи на обѣдъ иди и помяни, яко тобѣ умреты же есть. Сыну, коня не имѣя, на *чюжемь* не ѣзди, аще бо опѣшаеши, и посмѣють ти ся. И, чреву не алчющю, не яжь брашна, егда обьястливъ *наречешися*. Со *силнийшими* себе брани не въздвизай, тобѣ не вѣдущу, не вѣси что *възъдвигнуть* на тя. Сыну, аще храм твой высокъ есть, обнизи стену его, и тако влази во нь, и умомъ своимъ *возвышися*. Сыну, *гнѣва* своего устягни, и за *терпѣнье* приимиши благодать от Бога. Сыну, велику *мѣру* вземъ, а в малу не продай, не рчи, яко “тъ *ми* есть *прибытокъ*”:[6] зло бо то дѣло есть. Кто бо вѣсть, чи и Богъ, узривъ, разгнѣваеться на тя и потребить домъ твой акы безаконьника. Чадо, Божиимъ именемъ не клѣнися во лъжю, да не умалится число дний твоихъ. Сыну, аще что просиши *у* Бога, то не забывай, и не буди яко небрегый, но *помни, внимай*, благословенъ будеши. Чадо, старѣйшаго сына възлюби, а меншааго не *отрѣй*. Аще бо ти не въдно от Бога будеть, тъщивъствомь не обрящеши; убогъ богатъ бываеть, а *богатъ убогъ бываеть*, и высокъ обнижается и низокъ възноситься. Чадо, к печалному *прихажай и утѣшеная* словеса глаголи — уне бо то есть многа злата. Сыну, облакомився на злато и на сребро, не въсхощеши оклеветати, от Бога бо противо тому и от человѣкъ приимеши. Сыну, без *вины* крови не проливай, яко мьститель сему Богъ есть. *Сыне*, удержи уста от зла, а руцѣ твои от татбы: иже украдеть злато или ризы, от обоего едина *хула* есть. Сыну, от *блудниць* удалися, паче же и от *мужатиць*, да не приидет на тя гнѣвъ Божи. Сыну, аще кто *послушаеть* умна человѣка, то якоже въ день жадания студеные воды напиеться. Сыну, аще напасть и печаль приидеть на тя, Бога не *укаряй*, яко ничтоже не *одолѣеши* ему, но *услышит* укоризну твою и отвѣщаеть ти по истинѣ. Сыну, правъ судия буди, и на старость твою честенъ будеши. Сыну, языкъ твой сладокъ буди, и устнѣ твоеи добром *отверзай*. Чадо, умну мужю речеши слово, и поболить сердцемь, а безумнаго, аще кнутомъ бьеши, не вложиши во нь ума. Сыну, умна мужа пославъ на путь, не много ему кажи, а безумнаго пославъ, то самъ по нем иди, да не въведеть тебе въ *срамъ*. Сыну, друга своего не искушай *брашномъ* и виномъ, и тогда на болше попустится.[7] Сыну, аще тя позовуть на обѣдъ, по первому *зову* не ходи, и аще взовуть тя *другое*, тогда вижь, яко *честенъ* еси, и въ честь придеши. Сыну, не *приемляй* мьзды, ибо мьзда очи *ослѣпляеть* судиямъ. Золчи и горести *вкушах*, и не бысть пуще убожьства. Сыну, соль и олово льжѣе ся мнить *понести, нежели въпятити скотъ, егоже въземши*.[8] Сыну, желѣзо и камень подъяхъ, и легчи ми ся мнить, нежели мужеви, вѣдущему законъ, тязатися со ближнимь своимь. Сыну, аще въ знаемых людехъ сѣдя, *худобы* своея не являй, егда како *поругаются* и не послушають наказания твоего. Чадо, люби жену свою от всего сердца, яко та есть мати дѣтем твоим и в животѣ твоемъ похоть твоя есть. Чадо, егда учиши сына своего, то *наиболее въздержанию* учи и́; емуже бо наученъ будеть, в тѣхъ прѣбудеть. Сыну, в дому твоемь не сущи винѣ никоейже, не възмущай дому своего, егда поносъ приимеши от сусѣдъ своихъ. Сыну, уне есть послушати пиана мудра, нежели трезва безумна. Чадо, уне есть *слѣпъ* очима, неже слѣпъ сердцемъ: слѣпъ бо очима, аще по пути ходить, обыкнеть и начнет обрѣтати стезя своя, а *слѣпъ* си сердцемь,

совращяся со пути своего, заблудиться. Сыну, уне есть женѣ, дабы свой сынъ умерлъ бы ей, нѣли дабы ей чюжь кормити, зане еже ей добро створити, зломъ въздасть. Сыну, уне есть вѣренъ рабъ, *негли* свободенъ невѣренъ. Чадо, уне есть другъ, иже близъ тебе живеть, *негли блишьший*, иже далече пребываеть. Сыну, имя и слава чьстьнѣе есть человѣку, нежели красота личная, зане слава въ вѣкы прѣбываеть, а личе по умертвии увядаеть. Сыну, уне есть человѣку добра смѣрть, *негли* золъ живот. Сыну, уне есть овча нога въ своею руку, негли плече в чюжей руцѣ, и ближнее овча уне есть, негли далней волъ. Уне есть единъ врабьи, иже в ручѣ держиши, *негли* тысяща птича, летеща по аеру. Уне есть конопянъ портъ, иже имѣешь, *негли* брачиненъ, егоже не имѣеши. Сыну, еда призовеши на честь друга своего, веселомъ личемъ прѣдстой ему, да онъ веселом сердцемъ отидеть в дом свой. Егда обѣд твориши пред другом, не стани посупленъ личемъ, да не будеть ти обѣдъ в посрамление, егда неблагъ наречешися. Сыну, не благослови человѣка, а другаго не клени, не свѣдая дѣла его, но, испытавъ, то же *отвѣщай*. Сыну, уне есть огнем *болѣти*, али трясавичею, негли жити со злою женою: да не будеть ти свѣта в дому твоемь, и сердецнаго ей не вѣщай. Сыну, аще слово хощеши рещи кому, то напрасно не глаголи, но размысли въ сердци си, да еже ти на потрѣбу, то глаголи, зане уне ти есть ногою подъкнутися, негли языкомъ. Сыну, егда будеши въ чади, то же приступивъ к нимъ не смѣйся: въ смѣсѣ бо безумье исходить, а в безумьи сварь бываеть, а въ сварѣ *тязание* и бой, а в бою смерть, а въ смерти грѣхъ свершаеться. Сыну, аще хощеши мудръ быти, да егда *упьешися виномъ*, не глаголи много и уменъ наречешися. Сыну, аще права суда не *усудиши*, то лицемѣръ наречешися, и днье его прикратятся. Сыну, безумному человѣку не смѣйся, но отступи паче от него и *боголишиву* не смѣйся, яко *такъ* же человѣкъ *есть*. Сыну, скота своего безъ *послуха* не дай въ тъщету да не *испортиши* его. Сыну, аще хощеши умна послушати, безумнаго не прикладай, нѣсть бо ти в *нем* потребы. Сыну, перваго друга не отганяй, не *согрѣшившю ти ничтоже*, да и новый не отбѣгнеть от тебе. Сыну, на обѣдѣ седъ, другу своему не помышляй зла, егда огорцает *ти* брашно въ устѣх твоих. Сыну, господина своего чти, великы не *обнизи, ни* низъкия не възвышай, но еже ти речеть, то твори. Сыну, в *судиинъ* виноград не входи и съ безумною женою не сходися и *свѣта* с нею не твори.[9] Сыну, лживо слово, якоже и олово тяжело есть, а напослѣдокъ по водѣ *плаваеть.* Сыну, искуси друга своего, и яви ему тайну свою и, мимошедшимъ днемъ многымъ, сварися с ним, и аще не явить твоея тайны, то *люби* и́ от всего сердца, яко извѣстенъ ти есть другъ; аще ли *явит* тайну твою, *отвратися* от него и пакы не възратися к нему. Чадо, уне есть, да инъ у тебе украдеть, *негли* ты татемь наречешися. Сыну, аще пред царемь друга своего ради помощно слово induced, и будеши, яко от устъ лвов *изьятъ* овча носимо. Сыну, аще на путь *идеши*, не надѣйся *о* чюжемь брашнѣ, но свое да имѣеши, аще ли *и* не имѣеши своего и ходити начнеши — и въ укоризнѣ будеши. Сыну, друг твой, иже ненавидить тебѣ, аще умреть, и *то* не порадуйся, но дабы живъ былъ, и обнизилъ и́ Богъ, дабы от тебе прощение приимал, и подай же ему; и того ради приимеши от Бога благодать. Сыну, стара узрѣвъ, въстани ему, аще ти противу тому не отдасть, да от Бога благословление приимеши. Сыну, друга на обѣдъ звавъ, к *иному дѣлу* не прѣставляй его, то аки *ложь* наречешися. Сыну, егда вода *воспять* потечеть или птиця опять

полетит, или синечь или срачининъ *побѣлѣеть*, ли желць, аки прѣсный мед усладѣеть, *тогда* безумный уму научится. Сыну, аще к сусѣду званъ *будеши* и, влѣзъ въ храмину, не глядай по угломъ: беществено бо ти есть. Сыну, егоже Богъ обогатить, то не завиди ему, но боле, елико мога, почьсти и́. Сыну, егда внидеши в *печаленъ* домъ, то о *питии* и о *яденьи* не молви; егда сядеши на радостнѣ *обѣдѣ*, тогда бѣды не *поминай*. Сыну, человѣчи ти очи, яко источники кыпя, и скота не насытистася, но когда умреть, и *персти* насытится.[10] Сыну, *имѣние* имѣя, не *умаряй себя* гладомъ и жежею: умершю бо тобѣ, инъ *приимет* и начнет веселитися всемъ, а ты *всуе тружалъся* будеши. Сыну, аще *человѣкъ* въ убожествѣ украдеть, то прочее помилуй его, зане не онъ то створилъ: убожество принудило и́ будеть. Сыну, на брак шед, долго не сѣди, егда преже похода твоего иженуть тя. Сыну, къ другу своему не *часто* ходи, егда бе-щьсти внидеши. Сыну, в новъ портъ облачася, и възраченъ будеши, и иному имѣющю не завиди, егоже порты свѣтлы, того и рѣчь чистна есть. Сыну, аще имѣя или не имѣя, то не прѣбывай в печали, *кую* бо ти *ползу принесет* печаль? Сыну, аще песъ, отставъ господина по *тебѣ* поиде въ слѣд, то обрящься, вземь камень и *удари* и́, такоже бо и тя оставивъ, по иномь потечеть. Сыну, аще тебе сусѣдъ нелюбити начнеть, но ты паче люби и́, да не приведеть на тя досажения, тобѣ не вѣдущи. Сыну, аще *зломысль* твой въсхощет ти добра творити, и то вборзѣ не ими ему вѣры, да не, прѣльстивъ тебе, свой гнѣвъ свьршить на тя. Сыну, аще человѣкъ согрѣшить ти грѣха ради, то не глаголи, яко без лѣпа казнять и́, да не впадеши в такую же казнь. Сыну, уне есть от премудра бьену быти, неже от безумна масломъ помазану быти, зане уменъ, аще ударить тя, тако мнится ему, яко сам ся ударяеть, и напослѣдь размышляеть, како бы тя утѣшить, а *безумный, единою цаты мѣры* масла *помазавъ* тя, тысящу хощеть приати злата.

Сыну, еже тя научихъ, то с *прикупом* въздай же ми от своего и от моего».

И сему всему научих азъ, Акиръ, *сестричича* своего Анадана. Азъ, Акиръ, тако рѣх въ сердци своемь, яко: «Сынъ мой Анаданъ моего наказания послушаеть, и представлю и́ царю въ свое мѣсто». Не увѣдѣх, яко Анаданъ не послушаеть рѣчи моея. Азъ тщахся научити и́, а онъ помышляше о смерти моей. И *тако* дѣяшеть: «Отець мой старъ есть, и ближе ему къ смѣрти, а уже умом скуденъ есть». И нача *Анаданъ* (…) растачати домъ мой безъ милости, и бияше рабы моя и рабыни моя, и милыя моя прѣд очима моима великими ранами, и коня и ослята моя умаряюще безъ милости. И яко видѣх Анадана тако дѣющя и възнегодовах, съжалих си и пощадѣхъ имѣния моего, рѣх: «Сыну, не порти ми скота моего, поистѣнѣ бо въ Писании та мнить: о немже ся кто не труди, то того не рядить».

Шедъ, възвѣстих Синагрипу, царю своему, и тако ми отвѣща царь: «До *живота твоего*, Акире, да не *обладаеть* домомъ твоимь инъ». Анаданъ, узрѣвъ брата своего, егоже такоже кормях в дому своемь, и нача от того дни завидити и гняти, рька: «Еда Акиръ, отечь мой, отженеть мя и оному задничю *дасть*». Яко учютих и́ тако мысляща, и сварих и́, *сице* рѣкъ: «Како *попортил* ми еси *наказания* моя, и скотъ мой испортилъ еси». И се слыша *от* мене сынъ мой *Анаданъ, яростью разгнѣвався* и иде в дом царевъ и, уловль годину, написа грамотѣ 2. К ратному *цареви перскому*, емуже имя Алонъ, и тако написа, рекий: «Синагрипа царя книжникъ и свѣтник азъ, Акиръ, перьскому цесарю Алону радоватися! Во ньже день приидет грамота сия, готовъ буди со своими вои. Азъ ти *предамъ Адорьскую* землю. И приимеши ю́, не побѣдився ни с кымже». И другую *грамоту* къ египетьскому царю *Фараону*, тако река: «Якоже придет грамота си к тобѣ, тако готовъ буди и прииди на поле Египетьское мѣсяца августа въ 25 день, и азъ тя въведу въ Аналивьскый град, и преимеши *предѣлы* его не бивъся».

И в то врѣмя царь бѣ распустилъ воеводы своя, и царь единъ бѣ въ тъ *чинъ*. И грамоты написалъ бѣ моемь писмянем, и *моимъ* перьстьнем *запечата*, и прия у себе обѣ грамоти, жда годины, како бы вдати цареви. И написа паки и ину грамоту, река тако: «От царя Синагрипа къ Акирови, свѣтнику моему. Имже дни придет грамота си, сбери воя моя и воеводы моя, и пристрой я. И готовъ буди мѣсяца *августа* 25 день на поли Египетьстѣ. И когда аз *выйду*, тогда пристрой воя, аки на бранъ, яко есть у мене посол *Фараоновъ*, и хощю, да *видить* воя моя».

И вда сынъ мой Анаданъ грамоту со двѣма отроками, присла ко мнѣ, творя я от царя. Анаданъ, сынъ мой, предстояше цареви и принесе обѣ грамотѣ пред царемь, еже бѣ написалъ к ратнымъ царемь, и рече: «Царю, въ вѣки живи! Се грамота отца моего Акира, и азъ не приях совѣта его, но се принесохъ к тобѣ грамотѣ его, зане ялъ есмь брашно твое, и не достоить ми тьбѣ зла мыслити. Послушай *рѣчи* моея, господи царю! Ты отца моего Акира *възвыси* и възвелици паче велможь своих, и се вижь, что писа на тя и на царство твое». И се рекъ, вда цареви грамоты.

И яко слыша царь и велми оскорбѣ и рече: «Господи Боже! Кое зло створих Акирови, да селико зло помысли на мя и на царство мое?» Отвѣща ему *Анаданъ*, рече: «Царю мой! Что то есть, да оклеветанъ будеть? Но мѣсяца августа дабы шелъ на поле Египетьское, тогда бы увидилъ, аще есть истина». И послуша царь сына моего. *Приде царь на поле Египетеское, и сынъ мой* Анаданъ бѣ со царемь. И яко узрѣхъ царя приближающася и уготовахъ воя, яко въ день брани по реченому писанью. И *не* вѣдяхъ, яко сынъ мой Анаданъ подо мною ровъ копаеть. Яко узрѣ мя царь с вои *уготовившася,* великимъ страхомъ обьяся и рече, яко: «Вся глаголаная Анаданом истина суть». И отвѣща Анаданъ:

«Господи мой царю! Се уже видилъ еси своима очима, еже створи отець мой Акиръ. И уже *възвратися* отсюду, азъ иду къ *отцю* моему Акиръви и развѣщаю мысль его злую, и распущу воя, и самого увѣщавъ добрыми словесы, приведу к тобѣ, и тогда судиши ему противу дѣломъ его».

Обращающися цареви, и се сынъ мой Анаданъ приде ко мнѣ и, целовавъ мя, и рѣче: «Здравъ буди, *отче* Акире! Се царь мой прислалъ мя к тобѣ и реклъ ти: "Благословенъ буди, Акире, яко угоди мнѣ въ днешний день и представи *воя* моя, яко ти бѣх велѣлъ. И се възвелицихся пред послы *Фараоновы*. И сам ко мнѣ приди"». И по речению распусти воя и идохъ съ сыномъ своимъ Анаданомъ къ цареви.

Узрѣв мя царь и рече: «Приде ли, Акире, свѣтнице мой, книгцие мой? *Аз* тя бѣхъ възвысилъ въ честь и в славу, ты же въздвиже рать на мя». И се рекъ, вда ми грамоту. И видихъ, яко *подобно* моему *писанию* и печатано *моим* перьстнемъ. Яко *прочьтох*, и *составы* костий моих *разслабѣша*, и связяся языкъ мой. И взискахъ премудрости в собѣ, и не обрѣтеся мнѣ, зане ужасъ великъ наиде на мя. И тогда сынъ мой *Анаданъ*, егоже бѣх поставилъ пред цесаремь, тако ми рече: «Старѣй несмысленая! Почто не отвѣщаеши пред царемь? Се нынѣ по дѣлом твоимь обрѣлъ еси собѣ!» И тако ми рече сынъ мой Анаданъ: «Тако велит царь: руци твои на связание предадутся, нозѣ твои на окованье, и потом да усѣкнут главу твою от телѣсѣ твоего и, отнесше 100 локотъ от тѣла твоего, да повергуть ю». И приях отвѣтъ царевъ, и падохъ, и поклонихся цареви и рекох: «Господи мой, царю! Въ вѣкы живы! Како мя хощеши погубити, не слышавъ от мене отвѣта? Но Богъ вѣсть, яко царству твоему не согрѣшилъ есмь. Но уже суд твой да збудеться, но повели, да быша мя *погубили* въ дому моемь, да погребеться тѣло мое».

И повели ми царь, и преда мя мужеви, с нимже имѣх любовь исперва, и пристави отроки своя, и *отпусти* мя на погубление. И послах в дом мой преди и рекох женѣ *своей: «Изыди* противу мнѣ и поими 1000 дивиць целяди моея, иже мужа не знают, *одѣвша* а и в беберъ и въ бранину, да мя *оплачють*, зане суд смертный *приалъ* от царя. И повели, да уготовають тряпезу чади *моей*, и да введиши чадь сию в дом мой, да нели азъ, вшед бых в дом свой, с ними вкусилъ брашна и испилъ вина и потом рценый суд приалъ». И все твори жена моя, якоже повѣлѣл *ей*. И пришедши въсрѣте ны, и *вшед* я в домъ мой, и введша мя с собою, и представлену бывшю брашну, и начаша пити и ѣсти и упишася, и леже кождо ихъ спати.

И тогда азъ, Акиръ, въстона из глубины сердца своего и рѣхъ къ другу своему, емуже мя велилъ погубити, и рѣх ему: «Възри на небо, убойся Бога, в *сей* час помяни, яко дружбою живяховѣ дни многи, помяни, яко

царь, Синагрѣповъ отець, въдалъ тя бѣ мнѣ на усѣчение и бывши винѣ на тя, и азъ удержах тя и исправих, яко без вины, и схраних тя, дондеже взыска тобе царь. И *се* нынѣ молю ти ся, *зане* азъ преданъ тобѣ, и нынѣ молю ти ся: не погуби *мене*, но съблюди мя, якоже и азъ тя соблюдохъ, створи милось свою со мною, от царя не устрашайся. Се бо есть мужь у мене в темницѣ, емуже имя Арапаръ, образомъ *сличенъ* мнѣ и *повиненъ* есть *смерти*. Да *совлек* ризы с мене, облече и́, и изведъ и́ вонь, и извѣсти други своѣ, и, приближающимся имъ, посѣщи и́, и отнеси главу его 100 лакотъ, яко ти есть повелѣлъ царь».

И яко услыша от мене рѣць сию, прискорбна бысть душа его, и рече ми: «Великъ суд цесаревъ — како могу ослушатися его? Но за любовь твою, якоже ми рече, тако створю. Писано бо есть: “Иже любит другъ друга своего, положит душю свою за нь”.[11] И азъ нынѣ соблюду *тя*. Аще ны обличить цесарь, да погибну с тобою». И се рекъ, взя порты моя *и възложи ризы моя на Арапара*, и выведъ вонъ, извѣсти *други* своя, и рече имъ: «Видите: се усѣкаю и́». И, приближающимъся онемъ, усѣце главу его и отнесъ от тѣла 100 лакотъ. И не вѣдаша, яко не азъ бѣхъ, но мнѣша, яко *мою* главу.

Промчеся слово то по всей земли Адорьстѣй и *Наливстѣй*, яко Акир книгций убиенъ бысть. И тогда другъ мой и жена моя уготоваста ми мѣсто в земли: 4 локотъ въ долготу, 4 в ширину, 4 въ глубину, и ту внесоша ми хлѣбъ и воду. И, шедъ, другъ мой възвѣсти Синагрипу царю, яко «Акиръ усѣкновенъ *бысть*, якоже еси повелѣлъ». Вси людии слышавше въсъплакашася, и жены ихъ сѣтовахуся и глаголаху: «Акиръ Прѣмудрий, книгций земля нашея, убоенъ бысть; иже бѣ твердь градомъ нашимъ, и си аки убийца *убиенъ* бысть. Отселѣ такого не имамъ налѣсти».

И посем рече царь сыну моему Анадану: «Иди в домъ, сѣтуй отца своего и, минувшимъ днемъ сѣтования, възратися и приди ко мнѣ». И прииде сынъ мой Анаданъ в дом мой и не прият сѣтования, отинудь ничтоже ни помышляше о смерти моей, но паче собра игрѣца и *гудца* в дом *мой*, и нача творити пиры великыя с веселиемь. И рабы моя умаряше — нача казнит казнями великими и *муками* лютими мучаху. И то не довляшеть ему, но и к женѣ моей глаголюще, яко быти ей с ним. И аз Акиръ лежах во тмѣ и сѣни смертнѣй, слышах, якоже творяше сынъ мой Анаданъ в дому моемъ, и въздыхах въ *горести* сердца своего, и не можах ничтоже створити. Изнеможе тѣло мое от бѣды, юже видихъ. И посемь другъ мой приде посѣтить мене. И, влѣзшу ему ко мнѣ, сѣдъ у мене, нача тѣшити. И рѣхъ азъ другу своему: «Исходящю тобѣ *от* мене, помолися за *мя* к Богу». И рѣх тако: «Святъ еси, Господи, и праведенъ, истиненъ. И ныня помяни раба своего и изведи ис тѣмницѣ сея, и на тя възложилъ упованье свое. Егда бо бѣхъ въ сану своемь, телци *упитанныя* и агнеци *приношах ти, Владыко*.[12] И се ныне яко мерьтвѣць в земли погребенъ

бысть и не видить свѣта твоего. Нынѣ, Господи Боже, призри, изведи мя ото рва сего, послушай молитвы сея, еюже молюся тобѣ».

И яко слыша егупетъский царь Фараонъ, яко Акиръ убиенъ бысть, и възрадовася радостью *великою*. И посла Фараонъ царю Синагрипу, написа грамоту, а рка тако: «От египечкаго царя Фараона Адарьскому и Наливьскому царю, радоватися! Хощу дѣлати домъ межу небомъ и землею. Да посли ми мудра дѣлателя, да здѣлают ми и устроять я, якоже ми годѣ будет. И ину мудрость, прошу, да ми отвѣщаеть. Аще ми пришлешь толь мудра дѣлателя, аще ми створит, елико ему рку — 3 лѣта дани моей прислю ти. Аще ли ми не пришлеши *такова мужа* прѣмудра, или въспросу моему не отвѣщаеть — 3 лѣта дани *земли* своея да прислеши ми». И *яко* прочтоша грамоту сию пред царемъ Синагрипом, призва умники земля своея, и прочте пред ними грамоту, присланую от Фараона. И рече имъ цесарь: «Хто есть от вас, да идет въ Египетьскую землю къ царю Фараону, и *отвѣты добры да* створить Фараону?» И рѣша ему умнии земля его: «Ты, царю, самъ вѣси: въ дни твоя и во дни отца твоего кое любо слово премудрый Акыръ исправляше. А се ныне сынъ его Анаданъ, иже наученъ от него всякой премудрости книжнѣй, и тотъ да идеть». Яко се слыша *Анаданъ*, великим *гласомъ* рече: «Господи мой, царю! Егоже *Фараон* просит, то поне бози могуть створити и како могут человѣчи?»

Се слыша царь, велми оскорбѣ, и съступи съ престола своего златого, и облечеся въ вретище, и нача скорбѣти, рца: «О, како тя погубих, Акире, премудрый книгцие моея земля, *дѣтьска* послушавъ! Въ единъ час погубих тя! И ныне подобна тебѣ не могу обрести, егоже быхъ послалъ к Фараону. Гдѣ ныне обрящу тя, о Акире! И яко въ едино помышление свое погубихъ тя!» И яко слыша другъ мой *от* царя рѣць сию, и, падъ, поклонися цареви и глагола ему: «Иже не створить повеленья господиня своего, *повиненъ есть смерти. Преступих, царю, заповѣдь твою*, и ныне повели, да мя погубять: зане ты ми повелѣ погубити *Акиря*, а азъ схраних, и се живъ есть». И отвѣща ему царь, рек: «Глаголи, глаголи, угоднице мой! Якоже глаголюще по правдѣ, представиши ми Акира жива, и вдамъ ти дары: 100 кентинарь злата, 1000 сребра, 5 свит златых вдам ти». И отвѣща другъ мой, рече цареви: «*Покляни ми* ся, царю, яко не створиши ему вины никоторыяже в сей винѣ, в нейже есть нынѣ! Аще ли ти вину иную створить, то тогда сам отвѣщает за дѣла своя». И *поклятся* ему царь, во *той* час посла царь по Акира и повелѣ прѣвести.

И азъ, Акиръ, придох предъ цесаря и падох ниць пред царемь. И бяху власи главнии ниже чреслъ моих, и брада моя ниже *персей моихъ* сошла бѣ. И тѣло мое в персти прѣмѣнилося бѣ. Ногти мои подобни бяхуть оръловымъ. Якъ узря мя царь, великимъ плацемъ въсплакася, и устыдѣся царь мене, зане преже в велицѣ чти имяше мя. И минувшу

часу, и отвѣща ми царь, рече: «О Акире! Азъ не согрѣших, но сынъ твой Анаданъ: си вся приведе на тя». И отвѣщах, рѣхъ цареви: «Господи мой, царю! Уже есмь видилъ лице твое, *то* уже бѣды не поднялъ есмь никоеяже». Отвѣщав ми царь и рече: «Иди нынѣ в домъ свой, и прибуди 40 днии, и тогда приди ко мнѣ».

И азъ Акиръ идох в домо свой и пребысть 40 дний. И измѣнися тѣло мое, и бых, яко и преже, и придох пред царя. И рече ми царь: «Не слыша ли Акыре, что *писа* египетьскыя царь на Адорьскую землю и Наливъсию и вси людие слышавшеи убоашеся того и отбѣгоша от пределъ своих?» И отвѣщавъ, рѣхъ: «Господи мой, *царю*! Въ твоя день тако есмь сотворилъ, яже будяше человѣку какая люб вина велика, и азъ прииди тя и оправда их. И яко слышаша погубление мое и не бѣ такого убѣжника людемъ, и за то вси разыдошася. Нынѣ повели, царю, да възвѣстят людем, яко Акиръ живъ есть и предстоит цареви, и да услышавше мя, зберутся. А о писании, *еже* ти писа Фараонъ, то не печаленъ буди: азъ бо шед и отвѣщаю ему, а 3 лѣта дани земля его, въземъ, принесу *ти*». Яко се слышавъ царь, възрадовася радостию великою, и съзва умники земля своея, и вда ми дары *велики*, и друга моего, иже мя избавилъ от смерти, выше *велможь* своих посади.

Тогда азъ Акиръ послах в домъ свой и рькох: «Налѣзите ми орлица двѣ и въскормите я. Рцѣте ястребникомъ моимъ и да научать я горѣ възлѣтати. И устройте *клѣтку*, и обрящеть у домачадець моих дѣтя ясно;[13] и всадите въ клѣтку къ орлицама. И тако учите я възлѣтати, отрочя научите глаголати: “Понесите извисть и камение, се дѣлатели *доспѣли* суть”. И привяжѣте вервь к ногама има».

И устроиша отроци, якоже имъ повелѣх. И посемь собрашася адорьстии и наливьстии людие в домы своя. Рекох: «Нынѣ посли мя, царю, да иду къ египетьскому царю Фараону». Яко посла мя царь, пояхъ воя своя съ собою, и *дошедшю* ми близ Фараона, не дошедшю ми градъ, и повелѣх превабливати орлица, и видѣх, яко угодно пред очима моима. И внидох въ град и послѣх ко Фараону и рѣх: «Възвѣстите Фараону царю: егда еси писал къ Синагрипу царю, река: “*Посли* ми мужь, иже отвѣщаеть *всякой* рѣчи моей, егоже въспрошю”. И се мя прислалъ есть». И повелѣ царь и вда *ми* мѣсто обитати. И въведе мя царь пред ся, и целовах царя. И въпраша мя царь, рече: «*Како ти* есть имя?» И не повѣдах имени своего и рече: «Имя ми есть Абесамь, единъ есмь от конюх его азъ». *Яко* се слыша от мене Фараонъ, ярости исполнися, рече ми тако: «Како ли аз царя твоего хужши есмь, да конюси свои слете ко мнѣ? Да с тобою и мнѣ деньину рѣчь глаголати?» И пусти мя царь въ *обитель* свою и рече ми: «Придеши въ утрий день и тогда отвѣщаеши въпросу моему. Аще ли не угониши гаданий моих, тогда предамъ тѣло твое птицамъ небесным и звѣремь земным».

И наутрия повелѣ ми царь *предстати* пред собою. И самъ сѣде на престолѣ своемь златом, одѣявся въ свиту черлену, одѣ велможа своя въ свиты различны. И представшю мнѣ, и рече ми царь: «Обекаме! Рци ми нынѣ: кому уподобихся азъ, и кому ли уподобишася велможи мои?» И отвѣщавъ къ царю: «Ты, царю, уподобихся солнцу, а велможи свои уподобилъ еси лучам солнечным». И се услышавъ от мене царь, помолчавъ, ми рче, глаголя: «Обекаме! Поистинѣ есть умник царь твой, оже прислалъ тя, яко угону». И на гадания тако предложшу ми: ово бо ся уподобляшет лунѣ, а велможи свои звѣздам, ово уподобляшется зраку дубравному, а велможи *свои* — цвѣту травному. И симъ подобнаа гадания многа *предложившу* ему, азъ изгадах.

И послѣди рече ми царь: «*Обекаме*! Писалъ есмь царю твоему, то здѣлай ми дворъ межю небом и землею». Тогда послах, и *принесоша ми* орлиця, яже научил бѣах. Стоящу цареви и всѣм людем с ним, въспустих орлица горѣ, и отроча над нею. Въсходящема орлома, въспи отрочище, глаголя, якоже наученъ: «Се дѣлатели доспѣли! Понесите камение и *извѣсть*». И тогда цареви рѣхъ: «Повели, царю, да понесуть камение и извѣсть, да не медлять дѣлатели!». И отвѣщавъ рече царь: «Кто может на толику высоту въздати!». И отвѣщавъ, рѣх цареви: «Азъ *дѣлатели* въспустилъ, а ты камения и извѣсти аще не въспустиши, то не до нас вина есть». И не може ми царь отвѣщати что. «Се дѣлатели доспѣли суть, понесите *камение* и керемиду и кал». Они же *недужи* быша воздати камения и керемиды и кала. И азъ, Акиръ, веземъ пруть, начах бити, и побѣгоша дружина Фараонова и бояре его. И видѣ Фараонъ, прогнѣвася на мя и рече мне тако: «Ци потворы дѣеши, оже биеши люди моя без *лѣпа*. Кто может тамо възьдати камение и калъ?». И рекох ему тако: «Азъ ни потворы дѣю силы тыи, оже еси задѣлъ мнѣ *небылное* дѣло дѣлать. Оже бы хотелъ *Синагрипъ* царь, одиниимъ днемъ 2 двора створь, тому бо не дивно: оже хощеть, то створить». И рече ми Фараонъ: «Ослабимь дѣла сего дворнего». И рече ми: «Иди во обитель си, и прииди утро рано».

И азъ рано приидох и влѣзох пред него, и рече ми: «Акире, исправи ми се слово: како оже твоего князя ориве ржють на *Адорстѣй* и *Наливстѣй* землѣ, то наши *кобылы* жеребята измещуть на сей землѣ». И якоже рѣчь сию слышах, вылѣз от Фараона и рекох отроком своимъ: «Имше дохорь живъ,[14] принесети ми». И отроци шедше, *яша* дхорь жив и принесоша ко мнѣ. И рекох имъ: «Бийте, донелѣже Егупетьская земля слышиить». И почаша отроци мои бити и́. И слышавше людие, повѣдаша Фараону: «*Акиръ разбуявся* пред нашима очима: нашимъ *богом* посмѣяся, пред нашим жертвищем потворы дѣеть». Яко слыша Фараонъ, възва мя к собѣ и рече ми: «Како что дѣля пред нашима очима нашима богомъ посмѣяся?». И рекох Фараону тако: «Въ вѣкы живъ буди! А сей дхоре велику пагубу сотворилъ, а *не* малу. Царь мой Синагрипъ вдалъ ми бѣ кочет на руци, *того* дѣля бѣ вдал ми, понеже бѣ

пѣти гораздъ. Егда же хотях, въ *той* час пояше, и убужахся и идяхъ пред свой князь. Въ *той* же год *николѣ* не согрѣших. В сю *же* нощь иде *дхоре* си во *Аливскую* землю и во *Адорскую* и угрызе кочету моему главу и приидe семо». И рече ми Фараонъ: «Вижю тя, Акире, состарѣлся еси, умъ твой охудѣлъ еси: от Египта до Адорьскыи землѣ есть 1000 и 80 верстъ, да како сий дхорь шедъ одиной нощи и угрызе кочету твоему главу и приидe опять той нощы?». И рекох ему тако: «Како слышавъ: на Адорьсти землѣ оже оревѣ ржють, и сде твоя кобылы жеребята измещют. А ты дѣеши изъ Египта до *Адорскыи* землѣ 1000 и 80 верстъ есть». Якоже слыша Фараонъ у мене рѣчь сию, подивовася.

И рече ми тако Фараонъ: «Исправи ми се слово. Есть одино бервно дубово, а на том бервнѣ 12 соснѣ по 30 колесъ, а на колесѣ по *две* мыши — одина *черна*, а другаа *бѣла*». И рекох ему тако: «Се, егоже у мене вопрошаеши, в *Наливстѣй земли* и въ *Адорстѣи* конюси то вѣдают». И рекох ему тако: «Оже то дѣеши бервно то есть лѣто, а еже то дѣеши 12 соснѣ на нем, то есть 12 мѣсяца в лѣтѣ. Еже дѣеши 30 колесъ, а то есть 30 дни въ мѣсяци, а еже то дѣеши 2 мыши — единa бѣла, а другая чернаа — то есть день и нощь».

И рече ми тако Фараонъ: «Акире! Совѣй ми 2 ужа пѣском 5 лакот вдоле же, а вътнѣе — перста». И рекох ему тако: «Повели тивуном своим, да вынесут уж тѣмже лицем ис полаты, да и азъ в того же образ совью». И рече ми Фараонъ: «Не слушаю твоего слова и (...) не *съвиеши* ми тако ужа, да нѣсть ти нести дани египетскыя къ своему царю». Потом азъ, Акиръ, помыслих въ сердци своемъ, идох на требище фараоне и провертѣх оконце противу солнца вътнѣе, якы перстъ внидет. И якоже солнце взыде и вниде во оконце, к потом азъ, Акыръ, веземъ горсть мягкого пѣску и *всуну* въ *оконце*. Възвертѣся въ солнци, яко уже. И потом кликнух и рѣх Фараону: «Послы отрок, да согублют уже сего, а другое в того мѣсто совию». Якъ се видѣ Фараонъ, посмѣяся рече ми тако: «*Днешным* днем буди, Акире, възялъ *пред* Богомъ, яхо тя видих жива, яко изучил мя еси мудром словом». И потомъ сотвори ми Фараонъ пиръ велик и вда ми 3 лѣта дань египетскою, и почти мя, и пусти мя къ своему царю Синагрипу.

И придох къ царю, и якоже *слыша* мя *идуща*, и изыде противу мнѣ, и сотвори великъ день, и посади мя выше велмож своихъ, и рече ми: «Акире! Егоже хощеши, вдам ти. А проси у мене!» И рекох ему тако: «Царю, покляняю *ти ся*, понеже твой живот, егоже ми хощеши дати, то дай *Набугинаилу* (...) другу моему: от того бо ми живот. И *вдай* ми сына моего Анадана; научил бо и бѣх уму своему и *мудрости*, и нынѣ вижю, яко забылъ есть первая словеса и прежнюю мудрость».

И потом царь повелѣ, и приведоша *ко мнѣ*. И *рече ми царь*: «Се ти сестричичь твой Анаданъ в руцѣ твои, да еже ти любо, то же да сотвориши над ним, никтоже бо может изяти его изъ твоею руку».

И потом азъ, Акир, поим сына своего и приведох и́ в дом свой, и възложих на нь уже желѣзно 9 кинтинарь *вѣсом*, и въ проскѣпъ руцѣ его вльжих, и на выю кладу ему *навязах*, и дах ему по хребту 1000 ранъ, а по чреву 1000 ранъ. И посадих и под сѣнми своими, и дах ему хлѣба и воды в мѣру, и *поручих* отроку своему блюсти и́, имя ему Анабугилъ. И ркох ему тако: «Еже ти азъ, вылѣзъ и влѣзъ, молвлю къ Анадану, ты то пиши». И потомъ азъ *начахъ* молвити къ Анадану, сыну своему:

«Иже не слышить ушима своима, да шеею своею слышалъ будет». И потом Анаданъ сице ми отрече: «Да почто еси сестричича въ сына мѣсто приалъ?» Азъ рекох тако: «И язъ тя посадих на столѣ честнѣ, а ты мя еси свергл̃ъ съ стола моего *ниц*. И потом мя исправи правда моя *от* твоего зла помышления. Был ми еси, сыну, яко змыя, *усрѣтши* иглу, клюну ея, и рече ей игла: “Уклюнула мя еси острѣиши собе”. Был ми еси, *сыне*, яко коза нача ясти черленое зелие, и рече ей зелие: “Почто мя *яси*? Оже ты умреши, чимъ хотять кожю твою червити?” Рече ему коза: “Понеже тя ѣмъ за живота своего, да оже я умру, да твое корение копаа, и начнут кожю мою червити”. Был ми еси, сыну, акы человѣкъ стрѣливый ко небеси, и стрѣла та къ небеси не долетѣла, и от Бога собѣ грѣх взялъ. Был ми еси, сыну, аки онъ, иже друга своего *видѣ* озябша, и, принесъ, възлѣя на *нь* кнею воды студены. Тако вѣжь: аже будет свиный хвостъ 7 локотъ водлѣе, не может с коневим хвостом на ладу быти. Аще будет свинаа шерсть мягче бумаги, николиже не могут в ней боярѣ собѣ портъ створити. Сыну, тако бях мыслилъ, яко тобѣ было прияти мое мѣсто, и *дом* мой пристроити, и скотъ мой, имѣние мое соблюсти, *но Бог* не хотѣлъ твоего зломышления, и не послуша твоего *злоумышления*. Подобенъ еси, сыну, оному лютому звѣри, иже устрѣлъ осла и рече ему тако: “По здорову ли еси пришелъ?” И рече ему оселъ: “Тому буди мое здравие, иже мою ногу не твердо связалъ, да бых яз тебе не узрѣлъ”. Сыну, яко ина сѣть *лежала* и на пѣсцѣ, и прииде *заець* к ней и рече: “Что дѣеши здѣ?”. И рече ему сѣть: “Кланяюся Богу”. И рече к ней заяць: “Что дръжиши въ устѣх?”. И рече ему сѣть: “Укрух хлѣба держю”. И потом приступивъ заяць, хотѣ взяти укрух и углоби си ногу в сѣти свою. И рече заяць: “Оже укрухо сь сице клюкавъ, то твоего кланяния не приемлет Богъ николиже”. Сыну, *подобенъ еси* колени, *иже* противляяся горѣ, рога своя сломи. Сыну, былъ ми еси, якоже котлу прикованѣ золотѣ колцѣ, а дну его не избыти черности. Сыну, был ми еси, яко ратай, оравый ниву, и въсѣя на ней 12 кадий. И рече ратай к нивѣ своей: “Аже есмь болша не добылъ на тобѣ, а еже всѣял, то и добылъ”. Был ми еси, сыну, яко и грець в теплъ храм влѣз[15] согрѣтся и яко согрѣвся, начнет на *государь* свой лаяти. Был ми еси, сыну, якоже свиния пошла с боляры мытся в баню, и яко доиде калу, и леже в нем, и рече боярем: “Вы *идите* в баню мытся, а я хочю зде мытися”. Был ми еси, сыну, яко оно древо, емуже рекли: “Хочю тя

посѣци”. Оно *же* рече: “Оже не бых в твоею руку; то не приитти бь на мя николиже”. Сыну, был ми еси, яко *птенець*, спад из гнѣзда на землю, и нашедши дхорь и рече ему: “Оже бых не аз, да зло бы было тобѣ”. И рече ему птенець: “Даже бых не яз, что было тобѣ ясти?” Был *ми* еси, сыну, ако тать, и ркли ему: “Останися татбы своея”. И рече им: “Оже быста ми златы очи, а руци *сребренѣ*, не хочю остатися николиже”. Сыну, аз видих, оже приведут овча от стада зарѣзат и аще не *будет* года зарѣзати, да пустит *опят*, да видит *агнятка своего*. Сыну, аз *не* видих жребя, погубляюще матерь свою. Сыну, иже на сем свѣтѣ сладкаго, тѣм тя вскормих, а ты мя достроилъ, яко хлѣб свой в земли ядях; и аз тя поих ветхим вином, а ты мне воды в мѣру *не* напояше; и аз тя помазах маслом честным, а ты мое тѣло в земли исказилъ еси, аз тя въсклопотилъ есмь яко и сосну, а ты достроил мя еси гроба и кости моя. Сыну, устроилъ тя есмь аки дворъ, да реклъ есмь: “Оже ратници приидят, то вниду во нь и *разсилнѣю* в нем”. И ты узрѣ ратныя, въвръже мя пред ня. Был ми еси, сыну, аки крот, иже противу солнца *леглъ*, и прилетѣвъ орел взя и́».

И отрече ми сынъ мой Анаданъ, и рече ми тако: «Недостойно ти, Акире, господине мой, боле сего словеси рещи, но милуй мя! Оже къ Богу согрѣшит человѣкъ, и простить и́. И ты такоже мя прости: коня твоего говна кидаю, любо свиныям твоим пастух буду». И рекох ему тако: «Был ми еси, сыну, яко *яворово* древо, росло бо есть над рѣкою, да оже ражалося на нем ягода, то впадала в рѣку. И пришед к нему господинъ и рече: “Хочю тя посѣчи”. И рече древо: “На другое лѣто на мнѣ вишни възрастут”.[16] И рече ему тако *господинъ* его: “Своее ягоды не возрастивъ, можеши ли чюжа агоды возрастити на собѣ?”. Сыну, ркли суть волку: “Почто ходиши по овчах, а прах ти летит въ очи?”. Он же рече имъ тако: “Порох овчии здравие есть очима моима”. Сыну, волчье дѣтя дали учити книгамъ, и *рекли ему* тако: “Рчи — аз, буки”. Он же рече: “Ягнятка, козлятка”, Сыну, из негоже тя есмь *учил*, се еси умыслилъ на мя. Да противу тому Богъ есть, еже добро творить, *тому* добро будеть, правды моея дѣло, и тя по твоему зломышленью хочетъ погубить. Ослу голову возложили на *злато* блюдо и *свалися* доловь в попел. И *рекли* ей тако: “Своей головѣ не смыслиши добра, оже изъ чести валишися в попелъ”. Сыну, иже ркли суть в повѣстехъ: “Оже родивше, то сыномь звать, а еже скотъ даявше, то холопомъ звать”. Богь, иже мя въскресилъ, то буди межю нама пря».

В той час надувся Анаданъ, яки кнея, и пересѣдеся на полы.

Иже добро творить, тому добро будет, а иже яму копаеть подъ другомъ, да самъ в ню впадеть.

---

[1] *Синагрипъ цесарь Адоровъ и Наливьской страны…* - Возможно, имеется в виду Синаххериб (704-681 гг. до н.э.), царь «Ассирии и Ниневии».

[2] *…кеньтинарь* – мера веса. Точное весовое значение ее для данного текста установить трудно. В XVI в. на Руси «кентарь» (так!) равнялся 2,5 пуда.

[3] *Сыну, ѣдну сущю… сыномъ и дъщеремъ своимь.* – В русских списках текст испорчен («если рана на ноге твоей, не сильно на нее наступай, и готовь путь…»). Перевод сделан согласно тексту армянской версии.

[4] *…тоя бо красота слабость язычная.* – Перевод предположителен; в армянской версии говорится, что красота женщины в здравом смысле ее речей.

[5] *…в день Судный.* – В день Страшного суда.

[6] *Сыну, аще храм твой высокъ есть… тъ ми есть прибытокъ…* - В русских списках текст неясен. В армянской версии это место имеет следующий смысл: «Сын, если твои дверные косяки высоки, если бы даже были они в семь локтей, всякий раз, когда ты входишь, наклоняй свою голову. Сын, не бери от других с большим весом и не отдавай с малым весом, и не говори: “Я получил выгоду”».

[7] *Сыну, друга своего… на болше попустится.* – Текст испорчен. В армянской версии: «Сын, испытай своего сына голодом и жаждой, и если он в состоянии переносить это, тогда дай твои богатства в его руки».

[8] *Сыну, соль и олово льжѣе… егоже въземши.* – В армянской версии смысл иной: «Я поднимал соль, и поднимал свинец, и это не было тяжелее, чем долг»; то есть тяжело осознавать, что ты должник.

[9] *Сыну, в судиинъ виноград не входи… не твори.* – В армянской версии этот совет звучит так: «Не вступай в разговор с женой судьи».

[10] *Сыну, человѣчи ти очи, яко источники кыпя… перьсти насытится.* – Перевод сделан с учетом армянской и сирийской версий.

[11] *Иже любит другъ… душю свою за нь.* – Переложение евангельских слов. Ср. Ио.XV, 13.

[12] *Святъ еси, Господи… приношах ти, Владыко.* – В молитве Акира смешиваются понятия христианского обряда и восточных культов (с жертвоприношениями).

[13] *...обрящеть у домачадець моих дѣтя ясно...* - Эпизод с мальчиками, носимыми орлицами, в русском тексте изложен очень неясно (то фигурируют два отрока, то один). В армянской версии Акир приказывает найти двух еще не умеющих говорить мальчиков, их и обучают произносить фразу, призывающую подавать наверх строительные материалы.

[14] *Имше дохорь живъ...* - В армянской версии речь идет о ласке, в арабской и сирийской – о кошке. Имеется в виду, что в Египте кошка почиталась как священное животное.

[15] *...яко и грець в теплъ храм влѣз...* - В дошедших до нас списках общая ошибка: «и грець» (или даже – «игрець», в значении скоморох?). Имеется в виду «гричь» - «пес». В армянской версии также речь идет о собаке.

[16] *...яворово древо... на мнѣ вишни възрастут.* – На яворе (платане, клене, тополе – эти породы деревьев означались данным древнерусским словом) не растут ягоды – в русском тексте смысл искажен. В армянской версии речь идет о финиковой пальме, которая просит своего «господина» пересадить ее на другое место, чтобы плоды ее не падали в воду.

ПЕРЕВОД

Во времена Синагрипа, царя Адорской и Наливской земли, был я, Акир, у него советником. И было возвещено мне от Бога: «У тебя чада не родится». Богатства же имел я больше всех иных людей, взял жену себе и устроил дом свой, и прожил шестьдесят лет, а не было у меня чада. И воздвиг жертвенники, и возжег огонь, и вопросил: «Господи Боже мой! Если умру и не оставлю наследника, то скажут люди: “Акир праведником был и Богу честно служил. А умрет, и не окажется ни сына, который постоял бы у гроба его, ни дочери, чтобы его оплакала, никого, кто бы имущество его принял и стал бы его наследником”. И теперь прошу тебя, Господи Боже мой, даруй мне дитя мужского пола. Когда преставлюсь, пусть он посыплет прахом очи мои». И внял Господь молитве моей, и глас сошел ко мне с небес, и возвестил: «Акир! Всякую просьбу твою исполню, а о сыне не проси меня. Но вот племянник твой Анадан, его и возьми себе вместо сына». И как услышал я глас Господа, то снова возопил: «Господи Боже мой! Если бы был у меня сын, в день смерти моей посыпал бы прахом очи мои. Если бы до дня смерти своей ежедневно тратил бы он по пуду золота на нужды свои, то и тогда не истощил бы богатства моего». Но не ответил мне глас, и послушался я слов Бога, и взял племянника своего Анадана вместо сына. Был он еще дитя тогда, и приказал растить его, и вскормил его медом и вином, и одел его в шелка и в парчу, а когда подрос он, научил его всякой премудрости.

И царь мне сказал так: «О Акир, премудрый книжник, советник мой! Когда состаришься ты и умрешь, кто же станет советником моим?» И я

так отвечал: «Царь мой, живи вовеки! Есть у меня сын, мне самому подобен: умен он, и всякой премудрости и наукам обучил я его». И отвечал мне царь: «Приведи ко мне сына своего, чтобы увидел я его, и если сможет он угодить мне, тогда отпущу тебя в дом твой, и в покое проведешь дни старости своей». Взял я сына своего Анадана и привел его к царю. И увидел его царь, и сказал мне в ответ: «Благословен будет день этот Акиру, ибо представил он сына своего мне при жизни моей». И поклонился я царю: «Ты сам ведаешь, как служил я отцу твоему и тебе. А ныне подожди, пока возмужает отрок сей, и да будет милость твоя со мной во все дни старости моей». И когда услышал царь эти слова мои, пообещал мне, так говоря: «Никто иной не станет твоим наследником».

И я, Акир, не переставал учить сына своего. Когда же, словно хлебом и водой, насытил его наставлениями своими, то сказал ему так:

«О человек, слушай слова мои, господин мой Анадан! Всякий совет со вниманием выслушай во всякий день жизни своей. Если услышишь что от царя или увидишь что в дому его, то пусть истлеет это в сердце твоем и не поведаешь об этом никому из людей. Если же проговоришься, то станут эти слова твои, как угли раскаленные, и обожгут потом тебя, и тело твое изранено будет. Сын мой, что услышал ты, о том не говори никому, а что увидел, то скрой. Завязанного узла не развязывай, а распутанного не завязывай. Сын мой, не прельщайся красотой женщины и в сердце своем не возжелай ее. Если и все богатства отдашь ей, и тогда никакого блага от нее не обретешь, только еще больше согрешишь перед Богом. Чадо мое, не будь черствым, как (тверда) кость человеческая, но будь мягким, словно боб. Сын мой, склони очи свои долу, а голоса не возвышай; если бы криком строили дома, то осел бы ревом своим по два дома воздвигал бы за день. Сын мой, лучше с умным камни двигать, чем с глупым вино пить. При умном не делай глупостей, а перед дураком не раскрывай ума своего. Не будь сладок чрезмерно, не то съедят тебя, но не будь и чрезмерно горек, чтобы не отшатнулся от тебя друг твой. Сын мой, если сапог на твоей ноге, попирай терн и протаптывай путь сыновьям и дочерям своим. Сын мой, богача сын змею съел, и сказали о нем люди: “Чтобы исцелиться, съел он ее”, а сын бедняка съел змею, и сказали о нем люди: “Голоден был, вот и съел”. Сын мой, свою долю отдай, а чужого не трогай. Если муж не слушает советов, с таким не отправляйся в путь и с обманщиком не садись пировать. Чадо, если окажется в немилости тот, кто знатнее тебя, не слишком радуйся и не говори о нем ничего друзьям своим, да не припомнит он тебе слов этих, когда вновь восстанет, и не отомстит тебе. Сын мой, когда муж в честь войдет, не завидуй ему, а когда обрушатся на него невзгоды, то не радуйся. Сын мой, не приближайся к женщине глупой, и болтливой, и гордячке и не возжелай красоты женской: красота женщины в ее умных речах. Сын мой, если друг твой возненавидит тебя, и станет клясть тебя, и швырять в тебя камнями, то ты все равно его хлебом-солью встречай, и по делам вашим обоим вам

воздается в день Судный. Сын мой, глупого мужа ожидает унижение, а праведника — почет. Сын мой, не воздерживайся от наказания сына своего, ибо побои сыну, словно вода, орошающая сад. Сын ведь от побоев не умрет, а если станешь пренебрегать воспитанием его, то какое-нибудь горе навлечет на тебя. Чадо мое, сына своего с детских лет смиряй, если же не укротишь нрава его, то раньше времени он состарится. Сын мой, не покупай ни раба дерзкого, ни рабыни вороватой, чтобы они богатств твоих не раскрали. Чадо, если кто-либо станет наговаривать на друга твоего, не слушай его, а не то и о твоих грехах другим расскажет. Чадо, если кто-либо, повстречав тебя, обратится к тебе, то отвечай ему подумав, ибо человек поспешит обронить слово, а после кается. Чадо, лживый человек поначалу всеми любим, а потом над ним же смеются и укоряют его. Речь лгуна словно птичий щебет, и только глупцы его слушают. Чадо, отца своего почитай, ибо все богатство свое он тебе оставляет. Сын мой, бойся, чтобы не прокляли тебя отец и мать, а не то и ты от своих детей не узнаешь радости. Когда в гневе ты, не говори грубого слова, иначе глупцом тебя назовут. Сын мой, не ходи ночью без оружия, ибо кто знает, с кем ты встретишься. Чадо, древо, отягченное плодами, склоняется, хоть и могучий ствол у него, — в этом и есть красота его; таким и ты будь, окруженный родней и друзьями. Как лев страшен силой своей, так и мужа чтут из-за родни его. Чей род скуден, у кого мало детей и близких, тот и перед лицом врагов своих слаб, и подобен дереву, растущему у дороги, которое обламывают все, кто ни пройдет мимо. Сын мой, не говори: “Господин мой глуп, а я умен”. Послушай совета господина своего и милости его удостоишься, а на свой ум не рассчитывай. Сколько можешь терпеть — терпи, а грубого слова не изрекай. Сын мой, не будь болтлив, иначе согрешишь перед господином своим. Чадо, если тебя послом пошлют, не мешкай, а не то других пошлют за тобою следом. Сын мой, пусть не скажет тебе господин твой: “Отойди от меня и пребудь в печали”, но пусть лучше скажет тебе: “Стань рядом со мной и возрадуйся”. Сын мой, в праздничный день не проходи мимо церкви. Чадо, если в чьем-либо дому горе, то, оставив их в беде, не иди на пир к другим, но прежде посети тех, кто скорбит, а потом уже иди пировать и помни, что и тебе суждена смерть. Сын мой, не имея коня, на чужого не садись, если сбросит он тебя, то посмеются над тобой. Если ты не голоден, не наедайся, а не то прослывешь обжорой. С тем, кто сильнее тебя, не ссорься, ты же не знаешь, что замыслит он против тебя. Сын мой, если дом твой высок, пусть стены его будут пониже, и в такой входи, а умом своим воспари ввысь. Сын мой, гнев свой обуздай и за воздержанность свою удостоишься благодати от Бога. Сын мой, не бери от других с большим весом и не отдавай с малым весом и не говори — “в этом прибыль мне”, дурное это дело. Кто знает: увидит это Бог, разгневается на тебя и разорит дом твой как беззаконника. Чадо, Божьим именем не скрепляй ложной клятвы, чтобы не сократилось число дней твоих. Сын мой, если испросил что-либо у Бога, не забывай об этом, не будь к тому невнимателен, но помни и внимай и будешь благословлен. Чадо, старшего сына люби, а младшего от себя не оттолкни. Если тебе не вложено чего-либо от Бога, то как ни старайся — не получишь; и бедный богатым может стать, а богач — обеднеть, и знатный впасть в уничижение, а низкий родом — возвыситься. Чадо, приди к скорбящему

со словом утешения — это лучше, чем груда золота. Сын мой, не оклевещи кого-нибудь, позарившись на золото и серебро, против этого и Бог, и все люди. Сын мой, не пролей крови безвинного, ибо Бог отомстит за это. Сын мой, воздержи язык свой от хулы, а руки — от воровства: одинаково позорно, если кто украдет золото или одеяния. Сын мой, сторонись блудниц, а особенно — замужних женщин, чтобы не прогневил ты этим Бога. Сын мой, если кто послушает речь умного человека, то, словно изнывая от жажды, напьется студеной воды. Сын мой, если горе и печаль обрушатся на тебя, не укоряй Бога, тщетны против него твои усилия, а он услышит укоры твои и воздаст тебе должное. Сын мой, будь судьей справедливым и до старости будешь в почете. Сын мой, пусть слова твои приятны будут, и уста открывай только для доброго слова. Чадо, умному мужу что ни скажешь — примет это в сердце свое, а глупца, хоть кнутом его бей, ничему не научишь. Сын мой, умного мужа, посылая куда-либо, не обременяй советами, а если глупого послал, сам иди за ним следом, а не то осрамит он тебя. Сын мой, друга своего не искушай яствами и вином, иначе он и большего возжелает. Сын мой, если позовут тебя на пир, то по первому зову не иди, а если снова позовут тебя, тогда знай, что тебя там почитают и достойно примут. Сын мой, не бери взяток, ибо взятка ослепляет очи судей. Пробовал я и горькое, и кислое, но ничто не может сравниться с бедностью. Сын мой, легче нести соль или олово, чем отдать долг, тобой взятый. Сын мой, поднимал я и камень, и железо, и казалось мне это легче, чем мужу, знающему законы, вести тяжбу с ближним своим. Сын мой, если сидишь в кругу знакомых, не дай им узнать о бедности твоей, а не то посмеются над тобой и не прислушаются к словам твоим. Чадо, люби жену свою всей душой, ибо она — мать детей твоих и услада жизни твоей. Чадо, когда станешь воспитывать сына своего, то всего более учи его воздержанию; как будет он воспитан, так и жизнь свою проведет. Сын мой, если нет к тому повода, не начинай ссоры в дому своем, а не то осудят тебя соседи твои. Сын мой, лучше послушать пьяницу умного, чем трезвого дурака. Чадо, лучше слепой глазами, чем слепой сердцем: слепой, ходя по дороге, привыкнет и научится сам находить путь свой, а слепой сердцем собьется с пути своего и заблудится. Сын мой, для женщины лучше, чтобы ее сын умер, чем чужого кормить, ибо если она ему добро сделает, он ей злом воздаст. Сын мой, лучше верный раб, чем неверный свободный. Чадо, лучше друг, живущий рядом с тобой, чем родственник, живущий вдали. Сын мой, доброе имя и слава почетнее для человека, чем красота лица его, ибо слава вечно живет, а лицо после смерти истлеет. Сын мой, лучше человеку славная смерть, чем тяжелая жизнь. Сын мой, лучше баранья нога в твоих руках, чем лопатка (баранья) в руках чужих, лучше овца рядом, чем вол вдалеке. Лучше один воробей, да в твоих руках, чем тысяча птиц, летящих под облаками. Лучше посконные одежды, да твои, чем шелковые, но которых у тебя нет. Сын мой, когда позовешь друга своего на пир, то встречай его с веселым лицом, тогда и он веселым возвратится к себе домой. Когда пируешь с другом, не сиди с недовольным лицом, да не будет пир этот тебе на посрамление и не назовут тебя неучтивым. Сын мой, не расхваливай одного и не осуждай другого, не зная сути дела, но, лишь обо всем разузнав, говори о них. Сын мой, лучше в горячке лежать или в лихорадке, чем жить со злой женой: не увидишь и света в

доме своем, а того, что на сердце у тебя, ей не открывай. Сын мой, если хочешь кому-либо сказать слово, то не спеши, а поразмысли в сердце своем и скажи то, что нужно, лучше ведь ногой споткнуться, чем языком. Сын мой, когда будешь среди друзей, не смейся: в смехе рождается глупость, а из глупости — ссора, а из ссоры — свара и драка, а в драке — смерть, а смерть — это грех. Сын мой, если хочешь слыть мудрым, то, напившись вина, не болтай лишнего, и тогда умным тебя назовут. Сын мой, если не будешь судить справедливо, то прослывешь лицемером и дни твои сократятся. Сын мой, над глупцом не смейся, но отойди от него, и над несчастным не смейся, ибо он такой же человек. Сын мой, денег своих без свидетеля не отдавай понапрасну, а не то потеряешь их. Сын мой, если хочешь умного послушать, не подзывай глупца, без надобности он тебе. Сын мой, старого друга от себя не отгоняй, если он не провинился перед тобой, а не то и новые друзья бросят тебя. Сын мой, сидя на пиру, не замышляй зла другу своему, иначе станут горькими яства во рту твоем. Сын мой, господина своего почитай, знатных не унижай, а незнатных не возноси, но что говорит тебе господин, то и делай. Сын мой, не ходи в сад судьи и с глупой женщиной не знайся и не советуйся с ней. Сын мой, лживое слово лишь на первый взгляд тяжело, словно олово, а потом всплывает. Сын мой, испытай друга своего: доверь ему тайну свою и, когда минет немалый срок, поссорься с ним, и если он сохранит твою тайну, то возлюби его всем сердцем, ибо это настоящий друг; если же разболтает тайну твою, отвернись от него и не возвращайся к нему. Чадо, лучше, если кто-либо у тебя украдет, чем тебя назовут вором. Сын мой, если перед царем за друга своего заступишься, уподобишься тому, кто из пасти льва вырвал овцу. Сын мой, когда отправляешься в путь, не рассчитывай на чужую еду, а свое имей, а если пойдешь, своего не имея, все тебя укорят. Сын мой, если умрет друг твой, который тебя невзлюбил, не радуйся: лучше, если бы он остался жив и кару принял от Бога, а ты бы простил его и помог бы ему; и за это получил бы ты благодать от Бога. Сын мой, увидев старца, встань перед ним, а если он и не поблагодарит тебя, то Бог тебя благословит. Сын мой, если зовешь друга на пир, с другим делом не подступай к нему, а не то обманщиком тебя посчитают. Сын мой, когда вода вверх потечет или птица хвостом вперед полетит, или эфиоп или сарацин посветлеют, и желчь ли станет сладкой, как свежий мед, — тогда глупец поумнеет. Сын мой, если к соседу позовут тебя, то, войдя в дом его, не глазей по углам: это не делает тебе чести. Сын мой, если Бог пошлет кому богатство, не завидуй ему, но еще больше, насколько можешь, почитай его. Сын мой, когда входишь в дом, где случилось горе, то не говори о еде и питье, а если сидишь на веселом пиру, то не вспоминай о печальном. Сын мой, глаза человеческие — словно озера: сколько ни бросай в них злата — не насытятся, а умрет человек, и пылью сыт будет. Сын мой, если ты богат, не мори себя голодом и жаждой: умрешь ты, все иному достанется, и начнет он жить припеваючи, а ты — окажется — всуе трудился. Сын мой, если человек от бедности украдет, то прости его, ибо не он это сделал, а бедность его к тому принудила. Сын мой, придя на пир, долго не засиживайся, не то, не дождавшись, когда ты сам соберешься уйти, прогонят тебя. Сын мой, к другу своему не ходи слишком часто, не то перестанут тебя уважать. Сын мой, когда ты нарядишься в новые одежды и всем покажешься пригожим, другому нарядному не завидуй; у кого одежда хороша, у того

и слова должны быть достойны. Сын мой, имеешь ли ты что-либо или не имеешь, все равно не печалься: какая польза тебе от печали? Сын мой, если пес, бросив своего хозяина, пойдет за тобой следом, то обернись, возьми камень и швырни в него, ибо, тебя оставив, так же за другим побежит. Сын мой, если сосед тебя разлюбит, то ты еще больше его люби, чтобы, рассердившись на тебя, не сотворил бы неожиданно какой-либо пакости. Сын мой, если недруг твой захочет облагодетельствовать тебя, не спеши ему довериться, а не то, обманув тебя, всю злобу свою на тебя обрушит. Сын мой, если человек грешит из-за дурного нрава своего, то не говори, что его безвинно наказывают, а не то и сам так же согрешишь. Сын мой, пусть лучше тебя побьет умный, чем глупец умастит тебя елеем, ибо если умный ударит тебя, то чувствует себя так, словно сам себя бьет, и станет потом размышлять, как бы тебя утешить, а глупец, потратив на тебя наперсток елея, рассчитывает получить взамен груду золота.

Сын мой, за все, чему научил я тебя, воздай мне сторицею, соедини свою мудрость с моею».

И всему этому научил я, Акир, племянника своего Анадана. Я, Акир, так сказал себе в сердце своем: «Сын мой Анадан советы мои усвоит и будет вместо меня предстоять царю». Не думал я, чтоб Анадан не внял словам моим. Я старался наставить его, а он помышлял о смерти моей. И так говорил: «Отец мой стар, и уже близок к смерти, уже умом оскудел». И стал Анадан (…) бездумно расточать богатства мои, и жестоко истязать рабов моих, и рабынь, и любимцев моих на глазах у меня, и коней, и ослов моих безжалостно мучить. Когда же увидел я, что творит Анадан, вознегодовал, и опечалился, и пожалел богатства свои, и сказал: «Сын мой, не расточай сокровищ моих, поистине в Писании говорится: что не своим трудом заработано, того и не жалеют».

Пошел я и рассказал обо всем Синагрипу, царю своему, и ответил мне царь так: «Пока жив ты, Акир, никто другой не станет хозяином в доме твоем». Анадан же стал подумывать о брате своем, которого я также воспитывал в доме своем, и начал с той поры завидовать ему, говоря: «Что если Акир, отец мой, прогонит меня и тому наследство оставит?» Когда догадался я, что он задумал, то стал укорять его, говоря ему так: «Почему презрел ты все наставления мои и богатства мои расточил?» Услышав эти слова мои, сын мой Анадан пришел в ярость, отправился в царский дворец и, выбрав удобное время, написал две грамоты. Врагу нашему, царю персидскому, имя которого Алон, так написал: «Царя Синагрипа мудрец и советник, я, Акир, пишу: персидскому царю Алону радоваться! В тот день, когда придет к тебе эта грамота, изготовь войско свое. Я предам в твои руки Адорскую землю. И овладеешь ею без боя». И другую грамоту написал к египетскому царю Фараону, а в ней

говорилось: «Когда придет к тебе грамота моя, будь готов прийти на поле Египетское месяца августа в двадцать пятый день, и я введу тебя в Наливский город и овладеешь им без боя».

А в это время царь распустил воевод своих, и оставался тогда царь совсем один. И грамоты написал Анадан моим почерком, и запечатал моим перстнем, и оставил их у себя, выжидая часа, когда бы предъявить их царю. И написал еще такую грамоту: «От царя Синагрипа к Акиру, советнику моему. В тот день, когда придет к тебе эта грамота, собери воинов моих, и воевод моих, и уряди полки. И будь готов месяца августа в двадцать пятый день явиться на поле Египетское. А когда я прибуду, построй полки, словно готовишься к бою, так как находится у меня посол Фараона и хочу я, чтобы он увидел войско мое».

И отдал сын мой Анадан грамоту эту двум отрокам, и отослал ее ко мне как бы от имени царя. А сам Анадан, сын мой, предстал перед царем и отдал те две грамоты царю, которые написал к враждебным нам царям, и сказал: «Царь мой, живи вовеки! Вот грамота отца моего Акира, но я не согласился с замыслом его и принес тебе его грамоты, ибо я ем хлеб твой и не подобает мне злоумышлять против тебя. Послушай, что скажу я, господин мой царь! Ты отца моего Акира возвысил и возвеличил более всех вельмож своих, и вот посмотри, что задумал он против тебя и против царства твоего». И, сказав так, передал царю грамоты.

Как услышал все это царь, то огорчился безмерно и воскликнул: «Господи Боже! Какое же зло причинил я Акиру, если он такое злодеяние задумал против меня и царства моего?» Отвечал ему Анадан: «Царь мой! А что если он оклеветан? Но если в месяце августе придешь ты на поле Египетское, то тогда и увидишь, правда ли все это». И послушался царь сына моего. Пришел царь на поле Египетское, и сын мой Анадан был с царем. И когда увидел я, что приближается царь, то построил полки, словно готовясь к битве, как и было приказано мне в той грамоте. И не подумал я, что сын мой Анадан подо мной яму копает. Как только увидел царь меня с изготовившимися полками, охватил его страх, и решил он, что все сказанное Анаданом — правда. И сказал ему Анадан: «Господин мой, царь! Вот ты и увидел своими глазами, что сделал отец мой Акир. И поспеши уйти отсюда, а я пойду к отцу моему Акиру, и разрушу его злой замысел, и распущу войско, и его самого, улестив, приведу к тебе, и тогда осудишь его за все содеянное».

Возвратился царь, а сын мой Анадан пришел ко мне и, поцеловав меня, сказал: «Будь здоров, отец мой Акир! Вот царь мой прислал меня к тебе и велел передать так: “Будь благословен, Акир, ибо угодил мне сегодня

и показал войско мое, как я тебе повелел. И предстал я во всей славе перед послами Фараоновыми. Ты же сам ко мне приди”». И по этому повелению распустил я воинов и с сыном своим Анаданом отправился к царю.

Увидев меня, сказал царь: «Ты ли это пришел, Акир, советник мой и мудрец мой? Я тебя возвысил и прославил, а ты войско поднял против меня». И, сказав так, отдал мне те грамоты. И увидел я, что почерк похож на мой и запечатаны они моим перстнем. Когда же прочел я их, то подкосились ноги мои и отяжелел язык мой. И воззвал я к мудрости своей и не обрел ее, ибо охватил меня великий ужас. И тогда сын мой Анадан, которого я же представил царю, обратился ко мне со словами: «Старец безумный! Почему же не отвечаешь царю? Вот теперь по деяниям твоим и воздается тебе!» И так сказал мне сын мой Анадан: «Вот что приказал царь: руки твои да будут связаны, ноги твои — окованы, и потом отсекут голову твою от тела твоего и отнесут на сто локтей от тела твоего и повергнут в прах». И, услышав волю царя, упал я, и поклонился ему, и сказал: «Господин мой, царь! Вовеки будь жив! Как можешь меня погубить, не выслушав моего оправданья? Но видит Бог, что не виновен я перед царем моим. Пусть же свершится суд твой, повели лишь, чтобы казнили меня в доме моем и чтобы погребено было тело мое».

И приказал царь передать меня в руки мужа, с которым издавна связывала нас любовь, и приставил воинов своих, и отправил меня на казнь. Я же послал в дом свой, чтобы предупредили жену мою: «Выйди мне навстречу и возьми тысячу девиц из рабынь моих, не познавших мужа, и одень их в шелка и в парчу, чтобы оплакали меня, ибо осужден я царем на смерть. И прикажи, чтобы приготовили пир для домочадцев моих, и пусть соберутся они в доме моем, чтобы я, придя в дом свой, вкусил с ними яств и испил вина и потом уже принял бы смерть». И сделала все жена моя, как я ей приказал. И пришли мы, и встретили нас, и вошел я в дом свой, и расставлены были яства, и стали все пить и угощаться, и, перепившись, улеглись спать.

И тогда я, Акир, застонал из глубины сердца моего и, обратившись к другу своему, которому царь поручил меня казнить, сказал: «Взгляни на небо, побойся Бога, вспомни в этот час, что многие годы связывала нас дружба, вспомни, как царь, Синагрипов отец, велел мне тебя казнить, и был осужден ты, но я спас тебя, установив твою невиновность, и сохранил тебе жизнь до той поры, пока не вспомнил о тебе царь. А вот теперь прошу тебя, раз уж предан я в твои руки, и ныне молю: не погуби меня, но спаси, как и я тебя спас, сжалься надо мною, а царя не бойся. Есть муж в моей темнице по имени Арпар, с виду он похож на меня и обречен на смерть. Так сними с меня одежды мои, и одень его в них, и изведи его из темницы, и возвести друзьям своим, и

когда будут приближаться они, отсеки ему голову и отнеси ее на сто локтей, как приказал тебе царь».

И когда он услышал эти слова мои, запала скорбь в душу его и сказал мне: «Страшусь я суда царского, как мне ослушаться его? Но за любовь твою ко мне сделаю так, как ты сказал. Говорится в Писании: “Если любит друг друга своего, то положит душу свою за него”. И я теперь спасу тебя. А если узнает царь, то погибну с тобой». И сказав так, взял одежды мои, и одел в них Арпара, и вывел его, и объявил друзьям своим: «Видите, вот казню его». И еще до того, как подошли они, отсек тому голову и отнес ее от тела на сто локтей. И не узнал никто, что это был не я, а подумали, что моя то голова.

Разнеслась по всей земле Адорской и Наливской весть, что казнен Акир-мудрец. И тогда друг мой и жена моя приготовили мне убежище в земле: четыре локтя в длину, четыре в ширину, четыре в глубину, и принесли мне туда хлеб и воду. И пошел друг мой и возвестил Синагрипу-царю, что «казнен Акир, как ты повелел». И все люди, услышав об этом, возрыдали, и жены их горевали, и говорили все: «Акир Премудрый, мудрец земли нашей, казнен, а был он — стена городов наших, а теперь казнен, словно преступник. Отныне нам такого больше не найти».

И тогда сказал царь сыну моему Анадану: «Иди в дом, оплачь отца своего, а когда минут дни скорби, возвратишься и придешь ко мне». И пришел сын мой Анадан в дом мой, но не стал печалиться и вовсе не вспоминал о смерти моей, но, напротив, собрал музыкантов и песенников в доме моем и стал пировать с пышностью и веселием. И рабов моих истязал — стал казнить их казнями страшными и мучить лютыми муками. И этого ему было мало, но и к жене моей стал приставать, требуя, чтобы она отдалась ему. И я, Акир, лежал в тьме и могильном мраке, слышал, что творит сын мой Анадан в дому моем, и вздыхал от сердечной муки, и не мог ничего поделать. Иссохло все тело мое от бед, которые я видел. А потом друг мой пришел навестить меня. И влез он ко мне, сел подле меня и стал утешать. И сказал я другу своему: «Когда выйдешь ты отсюда, то помолись за меня Богу». И сказал я так: «Свят ты, Господи, и справедлив и истинен. И вспомни ныне о рабе своем, и изведи из темницы этой, на тебя возложил надежду свою. Когда саном я обладал, то быков упитанных и баранов жертвовал тебе, Владыка. И вот теперь, словно мертвец, в земле погребен и не вижу света твоего. Ныне, Господи Боже, вспомни обо мне, выведи меня изо рва этого, услышь молитву эту, с которой обращаюсь к тебе».

Когда же узнал египетский царь Фараон, что Акир убит, то возрадовался радостью великою. И отправил Фараон к царю Синагрипу грамоту, написав в ней так: «От египетского царя Фараона Адорскому и Наливскому царю, радоваться! Хочу построить дом между небом и землей. Так пришли же ко мне искусного строителя, пусть сделают и устроят все так, как мне угодно. И на другие мудреные вопросы мои пусть ответит. Если мне пришлешь такого искусника, который все сможет сделать, что ему ни скажу, то трехлетние дани свои пришлю тебе. Если же не найдешь такого мудрого мужа или не сможет он ответить на мои вопросы, то пришлешь мне трехлетние доходы своей земли». И когда прочли грамоту эту перед царем Синагрипом, то созвал он мудрецов своей земли и прочел перед ними грамоту, присланную Фараоном. И сказал им царь: «Кто из вас пойдет в Египетскую землю к царю Фараону и сумеет достойно ему ответить?» И отвечали ему мудрецы земли его: «Ты сам, царь, ведаешь: в дни царствования твоего и в дни отца твоего во всех трудных делах помогал премудрый Акир. А сейчас вот сын его Анадан, наученный им всей премудрости книжной, пусть он и идет». Как услышал это Анадан, возопил во весь голос: «Господин мой, царь! То, о чем Фараон просит, одни боги смогут совершить, а как же смогут люди?»

Услышав это, очень опечалился царь, и сошел с престола своего золотого, и оделся в грубые одежды, и начал стенать в горе: «О, как же погубил тебя, Акир, премудрый книжник земли моей, юнца послушав! В один час погубил тебя! А теперь не смогу найти равного тебе, кого бы послать к Фараону. Где теперь найду тебя, о Акир! И как это я, не раздумывая, погубил тебя!» Когда услышал друг мой эти слова царевы, пал ниц, поклонился царю и сказал ему: «Кто не исполнит повеления господина своего, тот повинен в смерти. Нарушил я, царь, приказ твой, и прикажи ныне, чтобы меня казнили: ибо ты повелел мне погубить Акира, а я спас его, и он жив». И воскликнул царь в ответ: «Говори же, говори, спаситель мой! Если говоришь ты правду и представишь мне Акира живым, то одарю тебя — дам сто кентинариев злата, тысячу — серебра, и пять одеяний, расшитых золотом, подарю тебе». И друг мой в ответ сказал царю: «Поклянись мне, царь, что не накажешь ничем его за ту провинность, в которой обвинен он ныне! Если же еще в чем перед тобой провинится, то тогда пусть сам и ответит за дела свои». И поклялся ему царь, и в тот же час послал за Акиром и повелел его привести.

И я, Акир, предстал пред царем, и пал ниц перед царем. И отросли волосы на голове моей ниже бедер моих, и борода моя ниспадала ниже груди. И тело мое в земле иссохло. Ногти мои уподобились когтям орла. Как увидел меня царь, восплакал плачем великим, и устыдился царь вида моего, ибо прежде очень чтил меня. И потом обратился ко мне царь со словами: «О Акир! Не я виноват, но все сын твой Анадан — это он оклеветал тебя». И я в ответ сказал царю: «Господин мой, царь! Раз уже я вижу лицо твое, то уже не помню никакого горя». И отвечал мне

царь: «Иди сейчас в дом свой, и пробудь там сорок дней, и тогда снова придешь ко мне».

И я, Акир, пошел в дом свой и пробыл там сорок дней. И изменило вид свой тело мое, и снова стал я таким, каким был прежде, и пришел к царю. И сказал мне царь: «Слышал ли ты, Акир, что писал египетский царь нам, в Адорскую и Наливскую землю, и что все люди, услышав об этом, испугались и покинули дома свои?» И сказал я в ответ: «Господин мой, царь! В дни царства твоего я так поступал: если бывал в чем-либо повинен человек, то приходил к тебе и оправдывал его. И когда услышали люди о казни моей и о том, что нет больше такого их заступника, тогда все разбежались. А ныне повели, царь, пусть возвестят людям, что Акир жив и снова предстоит царю, и, услышав обо мне, все возвратятся. А о послании, которое написал тебе Фараон, не печалься, ибо я пойду и отвечу ему, и трехлетние дани с земли его получу и принесу тебе». Как услышал все это царь, пришел в радость великую, и созвал мудрецов земли своей, и поднес мне дары богатые, и друга моего, который избавил меня от смерти, посадил выше всех вельмож своих.

Тогда я, Акир, послал к домочадцам своим и наказал им: «Найдите мне двух орлиц и вскормите их. И скажите сокольничим моим, чтобы научили их взлетать вверх. И изготовьте клетку, и отыщите среди домочадцев моих умного мальчика, и посадите его в клетку, (носимую) орлицами. И научите их взлетать (с клеткой), а мальчика научите кричать: “Несите известь и камни, уже строители готовы”. А к ногам орлиц привяжите веревку».

И сделали слуги мои все так, как я повелел. И после этого возвратились жители Адорской и Наливской земли в свои дома. Я сказал: «Теперь отправляй меня, царь, пойду я к египетскому царю Фараону». Послал меня царь, и взял я с собою воинов своих, и когда пришел в страну Фараона, то, еще не дойдя до его города, приказал принести орлиц и увидел, что все сделано так, как я и хотел. И вошел в город, и послал к Фараону, и сказал: «Возвестите царю Фараону: “Писал ты некогда к Синагрипу-царю, требуя: «Пошли ко мне мужа, который бы ответил на всякое слово мое, о чем бы я ни спросил», и вот он прислал меня”». И приказал царь указать мне место, где я могу остановиться. И приказал ввести меня к себе, и приветствовал я царя. И обратился ко мне царь и спросил: «Каково имя твое?» И не назвал ему имени своего, а сказал: «Имя мое Обекам, я один из конюхов царских». Когда услышал Фараон слова мои, то пришел в ярость и сказал так: «Разве я хуже царя твоего, что он шлет ко мне своих конюхов? Да с тобой мне и говорить-то не о чем». И отпустил меня царь в пристанище мое, и сказал мне: «Придешь завтра и тогда ответишь на вопрос мой. Если же не отгадаешь загадок моих, тогда отдам тело твое птицам небесным и зверям земным».

И наутро повелел мне царь предстать перед ним. Сам он сел на своем престоле золотом, одевшись в одеяние червленое, а вельмож своих одел в разноцветные одежды. И когда предстал я перед ним, сказал мне царь: «Обекам! Скажи мне сейчас: на кого похож я и на кого похожи вельможи мои?» И отвечал я царю: «Ты, царь, подобен солнцу, а вельмож своих уподобил лучам солнечным». Услышал слова мои царь и, помолчав, сказал мне: «Обекам! Поистине мудр царь твой, что прислал тебя, ибо отгадал ты». И другие загадки также предложил мне: то уподоблял себя луне, а вельмож своих — звездам, то уподоблялся дереву, а вельможи его — цветущей траве. И много подобных загадок предложил он мне, и я их отгадал.

И наконец сказал мне царь: «Обекам! Писал я царю твоему, чтобы построил мне дворец между небом и землей». Тогда повелел я, и принесли мне обученных орлиц. И на глазах у царя и всех приближенных его выпустил я орлиц в поднебесье и мальчика с ними. Когда же взлетели орлицы, то закричал мальчик, как его научили: «Вот строители готовы! Несите же камни и известь». И тогда сказал я царю: «Прикажи, царь, пусть принесут камни и известь, чтобы не мешкали мастера!» Но возразил мне царь: «Кто же может на такую высоту поднять?» А я ответил царю: «Я мастеров отправил, а если ты камня и извести не подашь им, то это не наша вина». И не смог мне царь ничего ответить. (А мальчик кричал:) «Вот уже строители готовы, так несите же камни, и плиты, и глину». Они же не могли поднять ни камней, ни плит, ни глины. И я, Акир, взяв палку, стал их бить, и обратилась в бегство дружина Фараонова и бояре его. И видя это, разгневался на меня Фараон и сказал мне так: «Сам чародействуешь, а людей моих избиваешь без повода. Кто же может поднять туда камни и глину?» И сказал ему так: «Я не чародействую, но ты сам поручил мне заняться таким небывалым делом. Если бы захотел царь Синагрип, то в один день два дворца построил бы, и то ему не диво: что хочет, то и сделает». И сказал мне Фараон: «Оставим дело это с постройкой дворца». И добавил: «Иди в пристанище свое и приходи рано утром».

И я пришел рано утром и вошел к Фараону, и сказал он мне: «Акир, разреши мне такую задачу: когда кони твоего повелителя ржут в Адорской и Наливской земле, то наши кобылы жеребят рожают в нашей земле». И как только услышал я эти слова, вышел от Фараона и велел отрокам своим: «Поймав живого хорька, принесите мне». И отроки, отправившись, поймали живого хорька и принесли мне. И приказал я им: «Бейте его, пока вся Египетская земля того не услышит». И начали отроки мои избивать его. Люди же, услышав об этом, сказали Фараону: «Акир буйствует на наших глазах: оскорбляет наших богов, перед нашими жертвенниками бесчинствует». Как услышал об этом Фараон, призвал меня к себе и сказал мне: «Зачем ты на наших глазах издеваешься над нашими богами?» И ответил так Фараону: «Будь жив

вечно! Но хорек этот великое зло причинил, а не малое. Царь мой Синагрип подарил мне петуха, и того ради подарил мне его, что больно он петь горазд. Когда я захочу, в тот час и поет, и просыпаюсь я, и иду пред очи своего повелителя. И за все время я ни разу не опоздал. А в эту ночь твой хорек добежал до Наливской и Адорской земли, отгрыз петуху моему голову и вернулся сюда». И сказал мне Фараон: «Вижу, что состарился ты, Акир, и умом поглупел: от Египта до Адорской земли тысяча и восемьдесят верст, так как же хорек мог дойти туда за одну ночь, отгрызть голову твоему петуху и вернуться назад в ту же ночь?» И ответил я ему так: «А я так слышал, что когда в Адорской земле кони ржут, то здесь твои кобылы жеребят рожают. Но ты же говоришь, что от Египта до Адорской земли тысяча и восемьдесят верст». Услышал Фараон слова мои и удивился.

И сказал мне Фараон так: «Отгадай такую мою загадку. Есть одно бревно дубовое, а на том бревне двенадцать сосен с тридцатью колесами, а на каждом колесе по две мыши – одна черная, а другая белая». И ответил я ему так: «То, о чем ты спрашиваешь меня, в Наливской земле и в Адорской даже конюхи знают». И так сказал ему: «То, что называешь ты бревном, это год, а далее говоришь, что двенадцать сосен на нем, так это двенадцать месяцев в году. А что ты говоришь про тридцать колес, то тридцать дней в месяце, а что называешь двумя мышами – одна белая, а другая черная – так это день и ночь».

И так мне сказал Фараон: «Акир! Свей мне две веревки из песка, длиною по пять локтей, а толщиной – в палец». И сказал я ему: «Прикажи ключникам своим, пусть вынесут мне такую же веревку из дома, тогда и я по ее образцу совью». И сказал мне Фараон: «Не слушаю я возражений твоих, и не совьешь мне такой веревки, тогда и не отнесешь дани египетской своему царю». Потом я, Акир, пораскинул умом своим, пошел в храм фараонов и провертел в стене его дырочку на солнечной стороне, так чтобы палец в нее входил. И тогда позвал я всех и сказал Фараону: «Пошли отроков своих, чтобы сложили веревку эту, а я другую тем временем совью». Как увидел это Фараон, посмеявшись, сказал мне так: «Сегодня приходи ко мне, Акир, всем ты взял перед Богом, и рад я, что увидел тебя живого, что наставил ты меня своими мудрыми словами». И потом устроил мне Фараон пир великий, и дал мне трехлетнюю дань с Египта, и почтил меня, и отпустил меня к моему царю Синагрипу.

И вернулся я к царю, и когда услышал он о моем приходе, то вышел мне навстречу, и устроил великий праздник, и посадил меня выше всех вельмож своих, и сказал мне: «Акир! Все, что хочешь, то дам тебе. Проси же у меня!» И сказал я ему так: «Царь мой, прошу я тебя, чтобы сокровища свои, которыми хочешь ты наградить меня, отдал ты

Набугинаилу, другу моему: тот сохранил мне жизнь. И дай мне сына моего Анадана, я ведь учил его мудрости своей и поведал ему знания свои, а теперь вижу, что забыл он слова мои прежние и всю мудрость».

И потом приказал царь, и привели его ко мне. И сказал мне царь: «Вот племянник твой Анадан, отдается в руки твои, да что тебе по душе, то и сделай с ним, ибо никто не посмеет отнять его из твоих рук».

И потом я, Акир, взял сына сывоего, и привел его в дом свой, и возложил на него цепь железную девяти кентинарей весом, и руки его вложил в колодки, и на шею ему привязал деревянный обруч, и нанес ему тысячу ударов по спине и тысячу по животу. И посадил его под крыльцом своим, и дал ему хлеба и воды сколько потребно, и поручил стеречь его отроку своему, по имени Анабугил. И приказал ему так: «Если я, выходя из дому или входя в него, скажу что-либо Анадану, то ты все это записывай». А потом я начал говорить Анадану, сыну своему:

«Кто не слышит ушами своими, тот шеей своею пусть слушает». И на это Анадан так мне ответил: «Так зачем же племянника взял вместо сына?» Я ответил так: «Я посадил тебя на престоле почетном, а ты меня сверг на землю с моего престола. И лишь потом спасла меня невиновность моя от задуманного тобою зла. Был ты для меня, сын, как змея, которая, увидев иглу, ужалила ее, и сказала ей игла: “Ужалила меня, а я ведь тебя острее”. Был ты для меня, сын, словно коза, которая стала есть красную траву, и сказала ей трава: “Зачем же поедаешь меня? Когда ты умрешь, чем же станут шерсть твою красить?” Отвечала траве коза: “Потому-то я и ем тебя при жизни своей, ибо когда я умру, то, выкапывая корни твои, начнут окрашивать ими мою шерсть”. Был ты для меня, сын, как тот человек, который выстрелил в небо, и стрела та до неба не долетела, и только согрешил перед Богом. Был ты для меня, сын, как тот, кто, увидев друга своего замерзающим, принес и вылил на него кувшин воды холодной. Так знай же: если и будет свиной хвост длиною в семь локтей, то и тогда не сможет сравняться с хвостом коня. Если и будет свиная щетина мягче бумаги, то все равно не смогут из нее бояре одежды сшить. Сын мой, так думал я, что ты займешь мое место, и дом мой наследуешь, и богатство мое, и имущество мое сохранишь, но Бог не захотел, чтобы свершилось твое злоумышление, и не послушал злых намерений твоих. Подобен, сын мой, ты тому хищному зверю, который встретил осла и сказал ему так: “Здоров ли ты, пришедший сюда?” И ответил ему осел: “Тому я желаю здравия, кто ноги мои не крепко спутал, чтобы мне тебя больше и не увидеть”. Сын мой, лежал как-то силок на песке, и подошел к нему заяц и сказал: “Что делаешь здесь?” И отвечал ему силок: “Кланяюсь Богу”. И сказал ему заяц: “А что держишь во рту своем?” И ответил силок ему: “Ломоть хлеба держу”. И потом приблизился заяц, хотел взять ломоть, и запуталась в силке нога его. И сказал заяц: “Если ломоть этот такой

коварный, то молитв твоих никогда не послушает Бог”. Сын мой, уподобился ты оленю, который, бодая скалу, рог свой сломал. Сын мой, был ты у меня, словно котел с прикованными золотыми кольцами, а дно его не избавится от черноты. Сын мой, ты был словно пахарь, который вспахал поле и посеял на нем двенадцать мер. И сказал пахарь полю своему: “Не добыл на тебе большего, а что посеял, то и собрал”. Был ты для меня, сын, словно пес, который зашел в теплый дом погреться, а когда согрелся, стал на хозяина своего лаять. Уподобился ты, сын мой, свинье, которая пошла с боярами мыться в баню, а как дошла до лужи, то и улеглась в ней, и сказала боярам: “Вы идите в баню мыться, а я здесь хочу помыться”. Был ты для меня, сын, как то дерево, которому сказали: “Хочу тебя срубить”. Оно же отвечало: “Если бы не было меня в руках твоих, то никогда бы ты не пришел ко мне”. Сын мой, был ты, словно птенец, который упал из гнезда на землю, и подбежал к нему хорек, и сказал ему: “Если бы не я, то худо было бы тебе”. И ответил ему птенец: “Если бы не я, то что бы ты ел?” Был ты мне, сын, словно вор, которому сказали: “Брось воровство свое”. И ответил им: “Если были бы у меня глаза из золота, а руки из серебра, то и тогда не оставил бы своего промысла”. Сын мой, видел я, как приведут овцу из стада резать, и если не настал еще срок убоя, то отпускают назад, чтобы увидела она ягняток своих. Сын, не видел я жеребенка, который бы погубил мать свою. Сын мой, всем, что есть на свете сладкого, тем я тебя кормил, а ты подстроил мне, что я и хлеб свой ел в подземелье; и я поил тебя старым вином, а ты не давал мне и воды напиться вволю; и я умащивал тебя дорогими маслами, а ты тело мое в подземелье иссушил; я тебя вырастил, словно сосну, а ты жаждал увидеть гроб с костями моими. Сын мой, я видел в тебе крепость свою и говорил сам себе: “Если враги придут, то войду в нее и там обрету свою силу”. А ты, увидев врагов, бросил меня в руки их. Был ты, сын мой, словно крот, который лег на солнце, и орел прилетел и схватил его».

И ответил мне сын мой Анадан, и сказал так: «Недостойно тебя, Акир, господин мой, далее говорить слова подобные, но пощади меня! Когда человек согрешит перед Богом, то простит его Бог. И ты также меня прости: навоз после коней твоих буду убирать, либо свиней твоих пасти буду». И ответил ему так: «Был ты, сын мой, словно дерево явор, росло оно над рекой, и ягода, что на нем вызревала, вся падала в реку. И пришел к дереву хозяин его и сказал: “Хочу тебя срубить”: И ответило дерево: “На следующий год вишни на мне вырастут”. И так сказал хозяин ему: “Своей ягоды не вырастив, можешь ли ты чужую ягоду на себе вырастить?” Сын мой, говорили волку: “Что ты ходишь следом за овечьим стадом, а пыль от него летит тебе в глаза?” Он же отвечал им так: “Пыль от стада овечьего на здоровье глазам моим”. Сын мой, волчонка отдали учиться чтению и сказали ему так: “Скажи — аз, буки”. Он же отвечал: “Ягнята, козлята”. Сын, из того, чему я тебя обучил, ты все и обратил против меня. И Бог против такого, а кто добро творит, тому и благо будет, я прав останусь, а тебя, за твои злоумышления, погубит он. Ослиную голову положили на золотое блюдо, и упала она на землю, в пыль. И сказали ей так: “Не видишь ты, где благо для тебя, если с почетного места падаешь в пыль”. Сын мой,

как говорится в притчах: “Кого родил, того сыном звать, а кого за деньги приобрел, того холопом зови”. Бог, который вернул меня к жизни, тот и будет между нами судьей».

И тогда надулся Анадан, словно кувшин, и разломился пополам.

Кто добро делает, тому и благо будет, а кто под другом своим яму копает, тот сам в нее и упадет.

ДЕВГЕНИЕВО ДЕЯНИЕ

Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова

ВСТУПЛЕНИЕ

«Девгениево деяние» — принятое в науке название древнерусской повести, являющейся переводом византийского эпического сказания (или поэмы) о Дигенисе Акрите. «Акритами» именовались воины, охранявшие границы Византийской империи; здесь прозвище «Акрит» олицетворяет доблесть и смелость героя. Оригинал перевода до нас не дошел, сохранившиеся греческие списки поэмы о Дигенисе (старший из них список Гротто-Феррарской версии XIV—XV вв.) отражают уже более поздние переработки того древнего сказания, которое стало известно на Руси.

Древнерусский читатель, вероятно, рассматривал этот памятник как повествование о реальном лице, византийском воине-герое. Но сюжет «Деяния», где тема прославления доблести и силы сочетается с романтической темой добывания невесты, был весьма нетрадиционен для древнерусской литературы старшей поры; и тематикой своей и особенно художественными приемами «Деяние», возможно, перекликалось с недошедшими до нас памятниками русского героического эпоса.

Перевод «Деяния» был осуществлен, вероятно, в XI—XII вв., однако памятник сохранился лишь в трех поздних списках. Различают две редакции «Деяния». Первая представлена списком РГБ, собр. Тихонравова, № 399, 40-х гт. XVIII в.; к этой же редакции относился и список, читавшийся в Мусин-Пушкинском сборнике вместе со «Словом о полку Игореве», о чем мы можем судить по заголовкам, сообщенным издателями «Слова», и по выпискам из памятника, сделанным Н. М. Карамзиным. Вторая редакция представлена списками: РНБ, собр. Погодина, № 1773 (рубеж XVII—XVIII вв.) и РНБ, собр. Титова, № 4369, середины XVIII в. Все дошедшие до нас списки дефектны, поэтому издается «сводный» текст памятника: первая глава издана по

Погодинскому списку второй редакции, начало третьей главы — по Титовскому списку той же редакции, а остальная часть памятника — по Тихонравовскому списку первой редакции. Все исправленные или добавленные слова выделены курсивом; исправления делаются на основе других списков памятника и лишь в исключительных случаях — по смыслу. Ошибочно повторенные слова опускаются, пропуск обозначается многоточием. Пропуск фрагментов оговаривается в примечаниях.

ОРИГИНАЛ

ДЕЯНИЕ ПРЕЖНИХЪ ВРЕМЕНЪ И ХРАБРЫХЪ ЧЕЛОВѢКЪ. О ДЕРЗОСТИ И О ХРАБРОСТИ И О БОДРОСТИ ПРЕКРАСНАГО ДЕВГЕНИЯ[1]

Бѣ нѣкая вдова царска роду и предала себя ко спасению, от церкви николиже отхождаше. И бысть у нея три сыны велелѣпны и велеозарны, молитвою же матери своея дѣюще храбрость о дѣлех своих. У той же въдовы бысть дщерь велелѣпна и велеозарна красотою лица своего. И услыша о красотѣ *дѣвицы* тоя Амир, царь Аравитские земли,[2] и собра войска своего множество много и поиде пакости творити в Греческой землѣ, для ради красоты дѣвицы тоя. И прииде в домъ вдовы тоя и восхитив прекрасную дѣвицу Амир царь мудростию своею и невидимъ бысть никимже въ Греческой землѣ, но токмо видѣ единая жена стара дому того; а мати ея в то время бысть у церкви Божии, а сынове во иной странѣ на ловле.

И прииде же вдова та от церкви Божии, и не обрѣте прекрасной своей дщери, и нача вопрошати в дому своем от раб своих и рабынь о прекрасной своей дщери, и рекоша ей вси рабы дому ея: «Не вѣдаем, госпожа, дщери твоей прекрасной». Но токмо едина жена стара дому того видѣла и сказала госпоже своей вдовѣ: «Прииде, госпожа, Аравитцкие земли Амир царь, и *исхитив* дщерь твою, а нашу госпожу, мудростию своею, и невидимъ бысть въ земли нашей».

И слышав же то вдова от рабы своея и нача терзати власы главы своея и лице, и нача плакати о прекрасной своей дщери и рече: «Увы мнѣ, окаянной вдовице, аще бы были чада моя дома, да, шедъ бы, угонили Амира царя и отняли бы сестру свою». По малѣ же времяни приидоша в домъ чада ея и видѣвше плачь матери своея, и начаша вопрошати матери своея: «Скажи намъ, мати наша, кто тя обидил, царь ли или князь града сего? Токмо нас не будетъ в животѣ, то же ты обидима будешь». Рече жь имъ мати их: «Чада моя милая, никимже не обижена града сего, развѣе имѣли есте у ся вы едину сестру, и та нынѣ исхищена руками Амира, царя Аравитцкие земли, и урва ми сердечное корение и унзе мя, яко бездушную трость. А нынѣ заклинаю вы, чада моя

возлюбленная, да не преслушати вамъ заповѣди моея: идите вы, и угоните Амира царя и отоймите сестрицу свою прекрасную. Аще сестры своея не возмете, и вы и сами тамо главы своя *положите* за сестрицу свою, и я оплачу *всех* вас, яко безчадна *есмь*». И рекоша же сынове ея: «Мати наша милая, не скорби ты о томъ, дай нам благословение свое и молитъву; вскорѣ скрыемъ путь свой».

И препоясаша на себя оружия своя и вседоша на кони своя, и поѣхаша, яко *златокрылатые* ястребы, кони же под ними яко летаху. И доѣхаша сумежья Срацынския земли и срѣтоша нѣкоего срацынина, стража бдуща, и начаша братаничи вопрошати его: «Повѣжьдь нам, *братии*, колко до жилища вашего Амира царя?» Срацыненин же изовлече мечь свой и течаше на них дерзостно, а чающе, яко беглецы суть, а не вѣдая их дерзости. Скочив же их меншей братъ и ухватив же срацынина за горло, и примча его ко братии своей, и хотяше его убити. Рече же болшый братъ: «Братия моя милая, чѣмъ намъ о срацыненина мечь свой сквернить, и мы осквернимъ о самого Амира царя, той бо есть намъ виненъ». А сего срацыненина привезаша на горѣ у древа, а сами поѣхаша путемъ тѣмъ, и срѣтоша иных многих стражей Амира царя от великия *рѣки*, рекомыя Багряницы;[3] бяше же их числомъ 3000. Видѣша же братия великую стражу Амира царя, и рече же имъ болшый братъ: «Братия моя милая! Во единомъ ли мѣсте намъ ѣхать на стражу Амира царя?» И рече середний братъ: «Братия моя милая! То есть стража великая Амира царя, и мы разделимъся натрое». Болшый братъ поѣде съ правыя руки, середний в болшый полкъ, а меншый с лѣвую руку, и поскочиша на Амировых стражей, и начаша их бити, яко добрые косцы траву косити: овиих изсекоша, а овиих связаша и приведоша их на гору высоку, и гнаша их передъ собою, яко добрый пастухъ овца, и пригнаша их на гору и побиша. Токмо тремъ мужемъ животъ даша провожения ради ко Амиру царю. И начаша ихъ вопрошати: «Повѣждьте намъ, срацыняне, во градѣ ли вашъ Амир царь пребываетъ или внѣ града?» Отвѣщав же имъ срацыняне: «Господие три братие! Амир царь нашъ внѣ града пребываетъ, за семь поприщь[4] от града, и под тѣмъ градомъ многие шатры у него стоятъ, а въ шатер во един многия тысячи вмещаются силныхъ и храбрых кметей: един на сто напустить». И рекоша же братаничи: «Братия срацыняне! Аще ли бы мы не боялися Бога, давно бы вас смерти предали, но вопрошаемъ вас: повѣждьте намъ, каков шатер Амира царя вашего?» Рекоша же им срацыня: «Амира царя шатеръ черлен, а по подолу зелен, а по шатру златомъ и сребромъ и жемчюгомъ укаченъ и драгимъ камениемъ украшенъ; а у брата его шатер синь, а по подолу зеленъ, а по шатру такоже златомъ и сребромъ украшен, а иные разные многия шатры стоятъ, а в них пребываютъ многия кмети, а емлютъ у царя прибытку на годъ по 1000 и по 2000, силнии и храбрии суть: един на сто человѣкъ наѣдетъ». *Братаничи* же отпустиша тѣхъ срацын трех ко Амиру царю своему. *И рекоша им: «Отнесите словомъ вѣсти ко Амиру царю*, да не рекъ бы он такъ Амир царь, что мы приидоша к нему татемъ». И рече срацыняномъ братаничи: «Поидите вы восвояси». Срацыняне же ради бысть отпущению ихъ, сказаша царю своему.

Слышав же то Амир царь и ужастенъ бысть, и призвав кметевъ своих и рече имъ: «Братия моя, силнии кмети! Видѣх я ночесь сон, яко ястребы три биюще мя крилы своими и едва не предложиша на тѣле моемъ ранъ; занеже братаничи сии приидутъ, а начнутъ прю творити». В то жь время приѣхаша братаничи к шатру Амира царя и начаша кликати Амира царя: «Царю, поиди вон из шатра, повѣжьдь намъ, Амиръ царь, что еси не умѣешь на пути стражей ставити; мы же к шатру твоему приѣхаша безо всякия оборони, а нынѣ повѣждь намъ (...)[5] пришед и исхитил еси сестру нашу татьбою. Аще бы мы в тѣ поры были дома, то не могъ бы ты убѣжати с сестрою нашею, но злою бы ты смертию умер, но и вся бы земля твоя от нас в работе была. А нынѣ повѣждь намъ, гдѣ сестрица наша?»

Отвѣщав же Амир царь: «Братия моя милая! Видите гору ону велику и прекрасну: тамо бо посѣчены многия жены и прекрасныя дѣвицы. Тамо же и сестра ваша посѣчена, занеже она не сотворила воли моея». И рекоша же царю братаничи: «Зло ти от нас будетъ!» И поидоша они на *тое* гору искати сестры своея, мертвого тѣла ея, и видѣша на горѣ многия жены и прекрасныя дѣвицы посѣчены. И начаша же сестры своея тѣла искати, и обрѣтше едину дѣвицу прекрасну зѣло, и начаша по ней слезы испущати, чающе, яко сестра ихъ. Рече же имъ меншый братъ: «Братие! Нѣсть сестры нашей, то есть не наша». И сѣдша братаничи на кони своя, и вопияше пѣснь анггелскую велегласно ко Господу: «Благословен Господь Богъ нашь, научая руцѣ мои на ополчение[6] и на бран». И рече они между собою: «Попомнимъ, братие, слово и приказъ матери своея: днемъ ся родили, днем ся мы и *скончаемъ* по повелѣнию матери своея и главы своя положимъ за сестрицу свою». И прискочиша к шатру Амира царя, и шатер его на копья своя подняша.

И рече же им Амир царь: «Братия моя милая! Отъѣдите вы прочь от шатра сего и измечите вы меж собою жребий, кому от вас со мною выиметца жребий битися; аще мя преодолѣете, то и сестру свою возмете; аще азъ вас преодолѣю, и мнѣ годно вас всѣх посѣщы». Братаничи же отъѣхаша от шатра его и начаша метати жребия, и вергоша жребия впервыя, и выняся жребий меншему брату на брань ѣхати. Братия жь въвергоша въ другой рядъ жребия, што не меншему ѣхать битися противъ Амира царя, понеже силен есть; и в другой рядъ выняся жребий меншему жь брату битися. Они же вергоша жребий и въ *третей* рядъ: выняся меншему жь брату на брань ѣхать битися со царемъ Амиром, занежь они съ сестрою из единыя матерни утробы въмѣсте шли и во един день рожения их.

И начаша братаничи меншово брата крутити; а гдѣ стоятъ братаничи, и на томъ мѣсте аки солнце сияетъ, а гдѣ Амира царя крутятъ, и тамъ нѣсть свѣта, аки тма темно. Братия же анггелскую пѣснь ко Богу возсылающе: «Владыко, не поддай создания своего в поругание поганымъ, да не возрадуютца погании, оскверня крестьянскую дѣвицу». И сѣдшы же они на кони своя и съѣхася они вмѣсте со Амиромъ царемъ, и начаша ся сѣщы саблями и ударишася межь собою копьями. Видѣша же то срацыняне и многия кмети дерзость меншого брата и рекоша Амиру царю своему: «Великий господине, Амире царю! Отдай имъ сестру их и приими миръ от них, се бо единъ меншый братъ их крѣпость твою побѣждает; аще совокупятца вси три во едино мѣсто, то вся земля наша от них в работѣ будетъ». Меншы их братъ заѣде созади Амира царя и удари его межь плечь и долу его с коня сверже, и ухватив же его за власы и примча его ко братии своей. И *рекоша* вси срацыняне велегласно Амиру царю: «Отдай, Амире царю, сестру их имъ, да тя не погубятъ до остатку». Рече же имъ Амир царь: «Помилуйте мя, братия милая, днесь крещуся во святое крещение, любве ради дѣвицы тоя, да буду язъ вамъ зять».

Рекоша же братаничи: «Брате Амире царю! Власть имамъ посѣщы тя и власть имамъ пустити тя. Как намъ за холопа выдать сестру свою? А нынѣ повѣждь намъ: гдѣ сестра наша?». Рече же имъ Амир царь слезно: «Братия! Видите *оно* полѣ прекрасно: тамо стоятъ многия шатры, а в них седит сестра ваша; а гдѣ сестра ваша *ходит*, и тут изослано поволоками златыми, а лице ея покрыто драгимъ магнитомъ[7], а стражие ея стрежаху далече от шатров». Слышав же то, братия радостьни быша и *поскочиша* к шатру ея и прискочиша; стражие же не рекоша имъ ничегоже, а чающе, яко приходцы суть, а не чающе, яко братия ея. И приидоша же братия к шатру, и внидоша в шатер к сестрѣ своей, и обрѣтше же сестру свою на *златѣ* стуле сѣдящу, и лице ея покровенно драгимъ магнитомъ. Начаша же братаничи вопрошати слезно: «Повѣждь намъ, сестрица, дерзость Амира царя, аще к тебѣ прикоснулся единомъ словомъ, то *отымем* же главу его и отвеземъ въ Греческую землю, да потомъ не будетъ похвалятися, оскверниивъ крестьянскую дѣву».[8] (...) Рече же дѣвица ко братии: «Никакоже, братия, не имѣйте никакова о мнѣ во умѣ своемъ. Коли я исхищена Амиромъ царемъ, и тогда было при мнѣ 12 кормилицъ, а нынѣ боюсь поношения отъ людей и от своих сродницъ, занеже бысть *полоненица*. И азъ повѣдала Амиру царю дерзость вашу, и Амир царь всегда ко мнѣ приежьжаше единою мѣсяцомъ и издалеча на меня смотряше; лице мое повелѣ сродичемъ своимъ скрывати, а въ шатеръ никто николиже вхождаше; а нынѣ, братия моя милая, хощу к вамъ глаголати, да прежь хощу вас заклинати молитвою матери нашея — да не преслушати вамъ заповѣди моея. Аще толко отвержетца Амир царь *правдою* вѣры своея, и днесь креститьца во святое крещение, и иного вамъ *зятя* таковаго не обрѣсти, занеже славою славен и силою силен и мудростию мудръ и богатествомъ богатъ». Рекоша же братия къ сестрѣ своей: «Совокупитъ васъ материя молитва со Амиромъ царемъ».[9]

В то жь время Амир царь собра триста верблюдъ и наполни на них драгаго злата аравитцкаго и дал братаничамъ в даровях, любви ради дѣвицы тоя, и *рече* Амир царь ко братаничемъ: «Помилуйте мя, братия моя, отвергусь я вѣры своея и днесь крещуся во святое крещение, любве ради дѣвицы тоя, да буду вамъ зять». И рекоша братаничи Амиру царю: «Аще хощешы быти намъ зять, и ты отвергися вѣры своея поганыя, любве ради сестры нашея; днесь крестися во святое крещение и поѣди к намъ в Греческую землю, по любимой своея дѣвицы». И рече же имъ Амиръ царь: «Братия моя милая! Не дамся *аз в сраме, да не рекутъ* греченя, яко, полонив зятя, в домъ свой ведутъ. Нарекуся аз вамъ зять съ великою честию. Хощу прежь ѣхать и изобрать велблюды со всей земли и наполнити на них богатества, и хощу изобрати силные кмети, а хто хощетъ со мною итить во святое крещение; и прииду к вамъ в Греческую землю и нарекуся вамъ зять и буду славенъ и богатъ. А вы коней своих не томите, подожьдите мя на дороге». Братия же вземше сестру свою и поѣхаша путемъ своим.

А *Амир* царь, приѣхав к матери своей и к брату своему, и нача имъ прелестию глаголати, да чтобы его не уняли. И рече матери своей: «Мати моя милая! Что ходих в Греческую землю и полоних себѣ любимую дѣвицу, и приидоша во слѣдъ ко мнѣ братия ея и начаша со мною битися. И единъ отъ них, меншы братъ, крѣпость мою побѣдилъ. Аще бы совокупилися всѣ три брата во единое мѣсто, то и вся бы земля наша от них в работѣ была». Рече же мати ко Амиру царю, сыну своему, гнѣвно и власы главы своея нача терзати и лице свое, и рече ему: «На што нарекаешься царемъ и силный кметь у себя имѣешы, *прибытку* емлютъ по 1000 и по 2; и ты иди нынѣ и совокупи войска своего, и иди въ Греческую землю и побѣди братию, и любимую дѣвицу приведи ко мнѣ». Амир же рече к матери своей прелестию: «Мати моя, азъ хощу то жь сотворить, собрати воя своя много и *идти* пакости творить в Греческую землю». И рече братъ Амиру царю: «Поидемъ, брате, вскоре, собравъ войско свое, да не допустимъ братию с любимою дѣвицею во градъ». И рече Амир царь ко брату своему: «Сяди ты, брате, на престолѣ моемъ, а язъ единъ хощу ѣхати пакости творити въ Греческой земле». В то же время Амиръ царь посади брата своего на престолѣ своемъ, и самъ собра войска много, и собра богатества и веръблюды со всей *земли* и наполни на них драгаго злата аравитцъкаго и камения драгаго многоцѣнного. Видѣв же то срацыняне, яко на рать не ходятъ тако, а не глаголаше ему ничего.

Доиде же Амир царь до сумежия Греческия земли, и рече Амир царь ко *аравитяномъ*: «Братия моя милая, силнии и храбрии аравитяне! Хто хощетъ со мною дерзость творити, той поди со мною в Греческую землю пакости творити». И рече от них един аравитянин, во устѣх имѣя у себя дванадесять замковъ, и рече велегласно ко Амиру царю: «Великий государь, Амире царю! *Приидоша* отъ Греческия земли в нашу Срацынскую землю три юноши, и един от них крѣпость твою *побѣди*; аще бы въсѣ были три совокупилися во едино мѣсто, то бы и земля

наша от них вся в работе была; а нынѣ ты хочешь итить в Греческую землю, то они нас и до остатку всѣхъ погубятъ». Амир же царь, отпустив богатество, наполненныя казны верблюды вперед в Греческую землю, и взяв немного кметей своих и поиде в Греческую землю.

Братанича же не доидоша Греческаго града за *пятдесятъ* поприщь и сташа на поле; сестра же ихъ начат имъ молитися: «Братия моя милая! Не введите мя в срамъ великий от человѣкъ и от своих сродникъ, занеже азъ исхищена была рукама Амира царя; подождите зятя своего нареченного Амира царя». По мале же времяни приидоша к нимъ Амир царь со *всѣмъ* богатествомъ и съ верблюды, наполненныя златомъ и сребромъ. И рече Амир царь: «Слава Богу, благодѣющему мнѣ, яко сподобил мя Богъ братию в очи видѣти». И рекоша братия ко Амиру царю: «Рабе Христове, буди ты намъ зять». Два же брата, болшый и середней, с сестрою своею поѣхаша во градъ нощию, народа ради, и внидоша в домъ матери своея, и видѣвъ же матерь два сына и дщерь свою и рече имъ слезно: «Сестрицу вы свою добыли, а братца изгубили есте!» И рече ей сынове ея: «Радуйся, мати, и веселися, братъ нашь меншый пребывает зъ зятемъ нашимъ нареченнымъ, со Амиромъ царемъ, а нынѣ ты, мати, доспевай бракъ великъ, занежь есми добыли зятя — славою славенъ и силою силенъ и богатеством богатъ, а нынѣ намъ ево въвести во святое крещение».

И вземше патриарха града того со всѣмъ соборомъ и приидоша на Ефрантъ реку[10] и сотвориша купѣль. И выидоша из *града* множество народа. Видѣвше же то братаничи истомна Амира царя отъ народа, братаничи же повелѣ Амира царя вскоре крестити во имя Святаго Духа, и *крести* его самъ патриархъ, а отецъ былъ крестной царь града того. И поидоша в домъ матери своея и сотвориша бракъ великъ, преславенъ зело, и сотвориша свадбу по 3 мѣсяцы. И потомъ Амир царь сотвори себѣ особый дворъ и *полаты* и жити нача с своею любимою дѣвицею.

По том же времяни услыша мати Амира царя, что он крестися и отвергъся вѣры своея, любве ради девицы тоя, и нача терзати власы главы своея, и собра войска своего *много* множество и рече имъ: «Кто имѣетъ дерзость внити в Греческую землю къ господину своему Амиру царю и извести его из Греческия земли с любимою дѣвицею его?» И рекоша жь ей три срацыняне: «Мы, госпоже, идемъ въ Греческую землю и отнесемъ какъ книги ко господину своему, царю Амиру». И она же имъ даша много златницъ и даша имъ три кони: конь, рекомый Вѣтреница, вторый — Громъ, третий — Молния.[11] «Аще *внидете* в Греческую землю и увидите господина своего Амира царя, и изведите его из Греческия земли, и сядете на Вѣтреницу, и вы невидими будете никимъже. Аще внидите в Срачинскую землю с господиномъ своимъ Амиромъ царемъ и со девицею его любимою, и сядите вы на Громъ-

конь, и тогда услышат все аравитии Срацынские земли. Аще сядете на Молнию, и невидими будете въ Греческой землѣ».

Срацыняне же взяша три коня и книги ко Амиру царю, и поѣхаша путемъ своим, и приѣхаша под градъ греческий, и сташа вне града въ сокровенномъ мѣсте, и вседоша на Молнию, и невидимъ бысть въ Греческой землѣ.

Тоя же нощы царица Амира царя, прекрасная царица дѣвица, видѣша сонъ и ужасна *бысть* и повѣдаша братиямъ своимъ: «Братия моя милая, видѣла я сон: въ нѣкое время влетѣша в полату мою златокрылатый соколъ и ятъ мя за руку и изнесе из полаты моея, и потомъ прилетѣша три враны и напустиша на сокола, и сокол мя опусти».

Братия же собравше во граде вся волхвы и книжницы и фарисѣи, и повѣдаша *сонъ* сестры своея, и волхвы же рекоша братиямъ: «Госпожу нашу, прекрасную дѣвицу, зять вашъ новокрещенный Амир царь, по повелѣнию матери своея, хощеть исхитить ис полаты и бежати въ Срацынскую землю и с любимою сестрицею вашею; а три врана — то суть три срацынянина, стоятъ за градомъ в сокровенномъ мѣсте, прислани суть ко Амиру царю от матери з грамотами».

Братия жь пришед ко Амиру царю и начаша его вопрошати и обличать. Он же кленяся имъ живымъ Богомъ, и098земъ же они Амира царя и поѣхаша с нимъ за город с книжниками и с фарисѣями, и обрѣтоша за градомъ три срацынянена, и они же изымаша их и начаша вопрошати. И они же им сказаша всю тайну, и взяв ихъ во градъ и крестиша их во святое крещение, и начаша жить у Амира царя, а кони их вземъ Амир царь и роздалъ братаничемъ, шурьямъ своимъ.

И потомъ книжницы начаша проповѣдывати о рождении Девгениевѣ, и потомъ царица Амира царя прия плодъ во утробѣ своей, мужеска полу, и родитъ сына, и нарекоша имя ему Акрит. И ъвергоша его въ божественное крещение и нарекоша имя ему «Прекрасный Девгеней», [12] а крестиша его самъ патриархъ, а мати крестная — царица града того. И бысть во градѣ томъ два царя да четыря царевича. И потомъ воспитавше Девгения царевича до 10 лѣтъ.

ЖИТИЕ ДЕВГЕНИЯ[13]

Преславный Дѣвгений *на* 12 лѣто мечемъ играше, а на 13 лѣто копиемь, а на 14 лето покушашеся вся звѣри побѣдити и начатъ прилежно нудити отца своего и стрыевъ: «Поидите со мною на ловы». И рече ему отецъ: «Еще еси, сыну мой, младъ, о ловехъ не молви, понеже жаль ми тебѣ, млада, нудити». И рече Девгений отцу своему: «Тѣм, отче, не *пуди* менѣ, понеже имамъ упование на сотворшаго Бога, яко нѣсть ми нуды в томъ, но великое утѣшение».

И то слово слышавъ отецъ юноши, яко такъ глаголетъ юноша, и совокупи вся вои и град весь и рад бысть с нимъ ехать на ловъ. И мнози идяху из града того на ловы за нимъ, зане слышаху Девгениеву дерзность. И вышедше из града на ловы, отецъ его ловитъ зайцы и лисицы, и стры его ловят, а Девгени имъ смеяшеся, и в пустыню вниде, и сниде с коня, яко соколъ млады, на Божию силу надеясь.

И два медведя по тростию хождаше, и с ними дети ихъ бысть. И *очюти* медведица юношу, противъ ему поскочи и хотяше его пожрети. Юноша же еще не ученъ, како звѣри бити, и поскочи вборзе переди ея, похвати и согну ея лактями, и все, *еже* бѣ во чреве *ея*, выде из нея, борзо мертва бысть в руку. Други медведь бежаше во глубину тростия того.

И кликну его *стрый* к нему: «Чадо, стерегись, доколе не скочитъ на тебѣ медведь». И Девгений радостенъ бысть и поверже свою рогвицу на месте, на немже стояше, яко скоры соколъ медведя наскочи. И медведь к нему возвратись, разверзь *уста* своя, хотя его пожрети. *Юноша* же борзо скочи, и ухвати его за главу, и оторва ему главу, и вборзе умре в руку его. От рыкания жъ медведя того и от гласа юноши голкъ великъ побѣже.

И Амира царь к сыну кликну: «Девгений, сыну мой, стерегись, понеже лось бѣжитъ велми великъ, *тебе же укрытися* негде». То слышавъ, Девгений поскочи, яко левъ, и догнавъ лося, похвати его за задние ноги, надвое раздра.

«О чюдо преславно Божиимъ дарованиемъ! Кто сему не дивится? Какова дерзность явись млада отрочати, кто лося догна быстрее лва? От Бога ему надо всемъ силу имѣти. Како побѣди медведи безъ оружия! О чюдо преславно! Видимъ юноши 14 летъ возрастомъ суща, но не от простыхъ людей, но от Бога есть созданъ». Но глаголаше межъ собою, и абие зверъ, лютъ зѣло, из болота выиде, из того же тростия. И узреста

юношу, и часто глядаху, дабы не вредилъ юноши. Девгений же влечаше лосову главу в правой руке и два медведя убитие, на левой руке — раздраны лось. И стрый рече ему: «Приди, чадо, сѣмо и мертвая та поверги. Зде суть ины живы звер, понеже то есть не лось раздрати надвое, то люты левъ, с великою обороною итти к нему». Отвещаша юноша: «Господине *стрыю! Надеюсь* на Творца и на его величие Божие и молитву матерню, яжь мя породи». И то слово Девгений рече ко *стрыю*, прииде и восхити мечь свой вборзе и противу звери поиде. Звер же обрелъ юношу к себѣ *идуща* и начать рыкати, и хвостомъ своя ребра бити, и челюсти своя разнемъ на юношу, и поскочи. Девгени жъ удари его мечемъ во главу и пресече его на полы.

И начатъ отецъ его ко стрыю глаголати: «Виждь, *стрыю*, величия Божия, како рассечень бысть левъ, якоже и прежни лось». И борзо поскочиста отецъ со стрыями и начаста целовати его во усто, и очи, и руце, и глаголаху к нему вси: «Видеще, господине, твоего велегласнаго *возраста* и красоты, и храбръства, кто не подивится?» Бе бо юноша возрастомъ велми лепъ паче меры, а власы имуще кудрявы и очи вели гораздны. На нь зрети — лице же его, яко снегъ, и румяно, яко червецъ,[14] брови же черны имяше, перси жъ его сажени шире. Видев же отецъ юношу велми красна, радовашесь и глагола к нему: «Чадо мое милое, преславни Девгений, зной золъ и великъ в полудни бысть. Всяки зверь сохранился бяше в пустолесие. Пойдемъ, чадо, к студеному источнику, измыеши бо лице свое от многаго пота и во *ины* порты *облечешися*, а рудныя с себѣ снимеши, понеже от зверинаго пота, и медвежи капани, и лютаго зверя крови порты на тебе орудишась. *Измыю* твои *руце* и нозѣ и самъ азъ».

Во источницѣ бо томъ свети, а вода яко свеща светится. И не смеяше бо к воде той от храбрыхъ приитъти никто, понеже бяху мнози чюдеса: в воде той змей великъ живяше.[15]

И пришедши имъ ко источнику, и седоша *около* Девгения, и начаша мыти лице его и руце. Онъ же рече: «Руце мои умываете, а еще имъ *калатися*». И того слова юноша не скончавъ, абие змей великъ прилете ко источнику, яко человѣкъ явись троеглавой, и хотяше людей пожрети. И узре Девгений, и вборзе мечь свой похвати, и противо змия поиде, и 3 главы ему отсече, и начатъ руки умывати. И вси предстоящи почюдишася такой дерзости, *юже* юноша показа на лютомъ звери, и *начаша* хвалу Богу воздавати: «О чюдо велие! О вседержителю Владыко, создавы человѣка и велику силу давъ ему надо всеми силными и дивно храбрыми, показалъ человѣки сильнее ихъ».

И начаша юношу прилежно целовати и ризы с него совлекоша. Исподни жъ быша хлада *ради*, и верхни бяху *червлены*, сухимъ златомъ тканы, [16] и предрукавие драгимъ жемчюгомъ сажены, а наколенники его бяху драгая паволока, а сапоги его вси златы, сажены драгимъ жемчюгомъ и камениемъ *магнитомъ*[17]. Острози его виты златомъ со измарагдом камениемъ.

И повеле юноша борзо ко *граду* погнати, да мати его не печалуетъ по немъ. И приидоша в домы своя вси и начаша веселитись, и радостно пребываша. Паче всехъ Девгениева мати веселяшеся, занеже породи сына славнаго и велегласнаго и краснаго.

Бысть же Девгениевъ конь бѣлъ, яко голубь, грива же у него плетена драгимъ камениемъ, и среди камения звонцы златы. И от умножения звонцовъ и от каменей драгихъ *велелюбезны* гласъ исхождаше на издивление всѣмъ. На лядвияхъ коневых драгою паволокою покрыто летняго ради праха, а узда его бысть златомъ кована со измарагдомъ и камениемъ. Кон же его бысть борзъ и гораздъ играти, а юноша храбръ бысть и хитръ на немъ сидети. И то видя, чюдишася, како фарь под нимъ скакаше, а онъ велми на немъ крепко сѣдяще и всяческимъ оружиемъ играше и храбро скакаше.

Богу нашему слава, ныне и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О СВАДЬБЕ ДЕВГЕЕВЕ И О ВСЪХЫЩЕНИИ *СТРАТИГОВНЫ*[18]

Преславны же Девгени взя молитву у отца своего и у матери своей, и *совокупи* воя немного, и взя с собою драгоценые порты и звончатые гусли, и *всяде* на конь свой борзы фарь, и поиде ко Стратигу. [19]

И доиде сумежия Стратиговы земли. И не доиде до града за пять поприщ, и устави войско свое, и повеле им около себя стражу поставити и крепко имети, а сам поеде ко граду Стратигову. И приеде во грат, во врата града Стратигова, и встрете юношу Стратигова двора, и вопроша его о Стратиге и о сынех его и самой Стратиговне.

Отвещав же ему юноша: «Нет господина Стратига нашего дома, но в ыной стране ловы деюща и с четырми сыны своими. И о Стратиговне

вопрошаеши, ино, господине, несть таковыя прекрасныя на свете сем. Мнози суть приежали, а никто в очи ея не видал, занеже Стратиг храбер и силен, и сынове и прочие войско ево, один на сто наидет, а сама Стратиговна мужескую дерзость имеет, иному некому подобна суть, разве тебе».

Слышав же Девгени радостен бысть, занеже суть указана ему и написано: прикоснется Стратиговне и жития сего 36 лет. И поеде же Девгений градом Стратиговым и приеде ко твору Стратигову, и нача взирати на твор Стратигов.

Видев же Стратиговна и приниче ко окну,[20] а сама не показася, Девгени же и вспять *возвратяся*, взирающе на дворъ. И тогда девая видевше и подивися.

Бе бо время преминуло на нощъ, а Девгени поиде во своя шатры, взя с собою юношу того, любовь велику до него имея, совлѣщи повеле с него порты худыя и облещи в драгия, и сотвори *радость* велику в ту нощь со своими милостивники. А заутра воста рано и повеле своей дружине имети у себѣ сторожу и рече имъ: «Разделитеся на многия пути и другъ друга стерегите. Аще к вамъ приидетъ Стратигъ, азъ же не приготовлюсь, и начнетъ вамъ пакости творити со многих странъ, и бѣйтеся с нимъ не ужасно, донележе азъ не приспею».

То слово изрекъ, и облечеся во многоценныя ризы, и повеле взяти гусли со златыми струнами, и повеле приняти юношу новоприятаго, и поехал самъ четвертъ ко двору Стратигову, и взя гусли, начатъ играти и пети, понеже дана ему Божия помощь, иже имеетъ всегда на *себе*. Всегда ему доспеется, *а* прекрасной дѣвице Стратиговне *исхищенной* быти от Девгения, сына Амиро царя.

И слышавши того гласа дѣва и прекраснаго играния, бысть ужасна и трепетна, к *оконъцу* приниче и узре Девгения самого *четверта* мимо дворъ едуща. *И* вселися в ню любовь. И начатъ звати кормилицу и рече ей: «Какъ юноша мимо дворъ еха и умъ ми исхити! И ныне молю ти съ всемъ сердцемъ прилежно: иди и глаголи к нему предварити». И когда *возвратися* юноша, и виде кормилица и рече к нему: «Кою дерзость имаши и что есть тѣбѣ орудие к сему дому? Но не смеетъ птица *пролетети* мимо двора сего: от моей госпожи мнози главы *своя* положиша». И отвеща Девгений: «Кто тя посла глаголати мнѣ?» И рече ему: «Мене посла госпожа моя, прекрасная Стратиговна, жалуючи юность твою, да быша тебѣ не вредили». Глагола к ней: «Молви

госпоже своей: тако рек Девгений — вборзе приклони лице свое ко оконцу и покажи образа своего *вележепного*, и тогда уведаешь, чего ради...[21] Аще ли того не сотворишь, не имаши живота имети себѣ и въси твои родители». И услышавъ, дѣвица Стратиговна ко оконцу скоро припаде и начатъ глаголати к *Девгению*: «Свете светозарны, о прекрасное солнце! Жаль ми тѣбѣ, господине, аще моей ради любьве хощеши ся *погубити*, зане ини мнози мене ради главы своя положиша, а не видевъ, ни глаголавъ со мною. А ты кто еси, показавъ *велию* дерзость? Отецъ мой велми храбръ, и братия моя силни суть, а у отца моего мужие — единъ от нихъ на 100 наедетъ. А ты имаши мало с собою вой». Глагола Девгений къ дѣвице: «Аще бы я Бога не боялся, смерти бы предал тя. Даждь ми ответъ вскоре, что имаши на уме: хощеши ли *слыти* Девгениева Акрита жена или требуеши ему быти раба полоненна?»

Слышав же то, дѣва слезно отвеща ему: «Аще имаши любовь ко мнѣ велию, то ныне мя исхыти, яко отца моего дома нет, ни силной моей братии. Или чему ти исхитити менѣ: азъ сама еду с тобою, токмо в мужескую одежду облецы мя, зане имамъ мужескую дерзость. Аще путем мя нагонятъ, то сама оборонюсь. Мнози бо предо мною не успеютъ ничтоже сотворити».

И то слышав, Девгений радостенъ бысть и рече к дѣвице: «Несть на сердце тако, якоже ты глаголеши, понеже ми есть в томъ срамъ от отца твоего и от братии твоей. Начнут глаголати: татъбою приехавъ, Девгений дѣвицу от нас исхыти. Но сице ти глаголю: повеленное мое сотвори. Когда приидетъ отецъ твой и братия твоя, скажи имъ исхищение свое». И рече ей: «Выди пред врата».

И поклонися Девгению, и приятъ Девгений единою рукою, и посади ю на гриве у коня, и начат ю любезно целовати, и ссади ю с коня своего. Дѣвица же не хотяше отлучитися от него, и рече Девгений: «Возвратися и сотвори, якоже ти рекохъ: до отца твоего пришествия ожидай и менѣ к себѣ, пристроившесь, стани внѣ храма пред сеньми».

И тако рекъ, поцелова ю и поиде от нея. И пусти во градъ юношу, егоже взятъ пред градомъ, и приказа ему с вестью быти, какъ приедетъ Стратигъ. То слово рекъ, а самъ поиде к шатру своему и сотвори радость велию з дружиною своею.

И абие Стратигъ с лову приехавъ, а юноша к Девгению с вестью приспе, и рече Девгению: «Стратигъ приеха». И повеле Девгений фара своего

борзаго седлати, а самъ облечесь во многоценыя ризы и поеха полубице инаходомъ, а фара борзого *повеле* пред собою вести. И приехавъ во градъ, вседе на фаръ свой, милостивники пусти пред градомъ, а самъ взятъ копие и ко двору Стратигову приеха.

Она жъ дѣва начатъ поведати отцу своему, еже ей *повеле* Девгений. И рече Стратиг: «Ту думу думали мнози храбри, и не збытся». И то слово изрече Стратигъ, а славны Девгений приспе. И услышавъ дѣвица громъ фара и глас златыхъ звонцовъ и скочи борзо пред сени, где ей Девгений повеле.

А Девгений ударивъ во врата копиемъ, и врата распадошась, и въехавъ на дворъ, и начатъ велегласно кликати, Стратига вонъ зовы и силныя его сыны, дабы видели сестры *своея* исхищение. Слуги же Стратига зовяху и поведа ему, какову Девгений дерзость показа, на дворе стоя без боязни, Стратига вонъ зовы.

И *слышавъ* Стратигъ Девгения, и не ятъ веры, глаголя сице: «Зде в мой дворъ *птица* не смеетъ влететь, ниже человѣку внити». И поиде вонъ из храма. Девгени же стоя три часы, ожидаяи его, и не бысть ему никаков ответъ, а ини предстоящи не смея ничтоже глаголати.

И повеле Девгений дѣвице преклонитися к себѣ, и яко орелъ исхити прекрасную Стратиговну, и посади ю на гриве у борзаго своего фара, и рече Стратигу: «Выеде и отъими дщерь свою прекрасную у Девгения, да не молвиши тако, что пришедъ татьбою украде». И то слово изрекъ, и поехавъ з двора, сладкую пѣснь пояху и Бога хваля. И ту песнь сконча, и пред градъ выеде к милостивникомъ своимъ, и посади дѣвицу на коне иноходомъ, и поиде к шатромъ своимъ.

И шедъ на гору борзе *обозревся*, ест ли по немъ погоня. И рече дѣвице: «Велика есмь срама добылъ, аще не будетъ по мнѣ погони, *хощу возвратитися* и поносъ имъ сотворити». *Девгений* милостивники нарядивъ и повеле воемъ стрещи около дѣвицы, а самъ поеде во градъ ко двору Стратигову. И поеха во дворъ Стратиговъ, и удари в сени Стратиговы копиемъ, и сени распадошася, и вси быша во ужасти во дворе. И начатъ велегласно кликать, вонъ зовы Стратига и рече: «О Стратиже преславны, кою дерзость имаши или сынове твои, иже есмь исхитилъ у тѣбѣ тщерь, и не бысть по мнѣ погони от тѣбѣ, ни от сыновъ твоихъ? И еще возвратихся и понос ти великъ сотворихъ, да не глаголеши последи, что татьбою пришедь, *исхити* у мене тщерь. Аще имееши мужескую дерзость у себѣ, и кметы твои, то отъими у мене

тщерь свою!» И то слово изрече, и поеха з двора, и возвратись вспять, и кликну велегласно: «Азъ еду из града и пожду васъ на поле, да не молвите, что пришедъ и обольстивъ, побеже от насъ».

Услыша Стратигь и зело вострепета и начат кликати сыны своя: «Где сутъ мои кметы, иже 1000 емлютъ, а ини и по две и по 5000 и по десяти тысящъ? И ныне борзо совокупите ихъ и протъчи сильни вои!»

Девгени же приде к дѣвице и ссади с коня своего и рече дѣвице: «Сяди, обыщи мя, главу мою, дондеже отець твой и братия твоя приидутъ с вои своими. Аще азъ усну, то не мози будити мя ужасно, но возбуди мя тихо». И сяде дѣвица, начатъ ему искати главу, и Дивгений усне, а дѣвица имея у себѣ стражу.

Стратиг же собра множество вой своихъ и кметы своя, и тысящники, и поиде отъимати тщерь свою у Девгения. И *выехаша* из града со многими вои своими, и узре дѣвица, и бысть ужасна, и начатъ будити Девгения тихо, со слезами рекуще такъ: «Востани! Воссия солнце и месяцъ *просветися*. Стратиг бо уже приспе на тя со многими вои своими, а ты еще не собра своихъ вой! Какъ ему даешь надежду тверду?»

Девгени жъ, восставъ рече: «Не требую азъ коловѣческия помощи, но надеюсь на силу Божию». И въскочи, и сяде на борземь своемь фаре, и *препоясася* мечемъ, и рогвицу свою вземъ, и начатъ дѣвицы вопрошати: «Хощеши ли отцу своему и братии живота, или вскоре смерти предамъ?» И начатъ дѣвица прилежно молитись: «Господине, Богомъ зданы силою, не предай отца моего смерти, да греха не имаши и поношения от людей, да не глаголютъ тѣбѣ, что тѣстя убилъ». И начатъ ея вопрошати: «Скажи ми отца своего и братию, каковы суть». И начатъ ему дѣвица глаголати: «На отце моемъ брони златы и шеломъ златъ з драгимъ камениемъ и жемчюгомъ саженъ, а конь его покрытъ паволокою зеленою; а братия мои суть в сребряных бронех, токмо шеломы на них златы, а кони их покрыты паволоками червлеными».

И то слышавъ, Девгений поцеловавъ ю, и противъ ихъ поеха, издалече стрети ихъ, и яко дюжи соколъ ударися посреди ихъ, и якоже добры косецъ траву положи: первое скочи — уби 7000, и абие возвратися — уби 20000; третии ударися — и Стратига нагна, удари его рогвицею тихо сверхъ шелома, и с коня сверже. И начатъ Стратигъ молитись Девгению: «Буди тебе радоватись с восхищеною дѣвицею, прекрасною моею дщерью! Подаждь ми животъ!» И тутъ пусти его Девгений, а

сыновъ его превяза, нагнавъ, и приведе их; а Стратига не вяза. А иных превяза, яко пастухъ овецъ пред собою погна, где дѣвица стояще. И узре дѣвица отца и рече: «Азъ, отче, преже ти глаголах, ты же мне не *ят* веры». И повеле Девгений своимъ милостивником *Стратиговы* вои гнатъ связаны, а самаго Стратига и сыновъ его съ собою поняти.

И бысть Стратигъ прискорбенъ и начатъ молитися прилежно с сыны своими, глаголюще ему сице: «Якоже еси насъ смерти не предалъ, но животъ намъ еси даровалъ, такоже насъ и с собою не вози, дай намъ свободу». И услышавъ дѣвица моление отца своего и братии, и начатъ сама молитися Девгению, глаголюще: «Азъ есми дана Богомъ в руце твои. И по мнѣ паки и над родительми моими имаши власть. Уже бо еси многи вои победил, а отцу моему и братии дай свободу, и не опечали матере моея, вскормивши тѣбѣ жену». И то изрече дѣвица, и послуша ея Девгений и рече Стратигу: «Азъ старость твою пощажу, дам ти свободу и сыном своимъ, токмо знамение свое возложу на васъ».[22] И рече Стратиг: «Такую намъ свободу даеши, аще знамение возложиши?» Дьвица же и от знамения умоли ихъ у Девгения. И бысть на Стратиге крестъ златъ прадеда его многоцененъ и у сыновъ его жуковины многоцены з драгимъ камениемъ и жемчюгомъ, и то взятъ у них за знамения протчаго ради времене.

Девгений жъ начатъ ихъ на сватьбу к себе *звати*. И рече Стратигъ: «Несть подобно нам пленикомъ ехати к тебѣ на сватьбу. Но молю ти ся прилежно и чада моя, не введи нас в срамъ и чад моихъ: будуще единой и тщери у матери, яко пленницу хощеши вести. И возвратися в дом мой, и радость ти велию сотворю и свадьбу преславную, дары приимеши, с великою честию возвратишись». Услышав же Девгений мольбы Стратиговы, возвратись в домъ Стратигов с своею обручницею, и три мѣсяца свадьбу деяша, и сотвориша радость велию. И приятъ дары многи Девгений, и все имение, еже было невестъчего, приятъ, и кормилица, и слуги, и с великою честию поеха восвоясы.

Егдаже прииде во *свою* власть, и посла милостивники своя с великою честию с вестью ко отцу своему и матери, повеле пристроить преславную свадьбу. И рече ко отцу своему: «Ты, отче, прежъде силен прослылъ еси силою и славою, и нынѣ азъ — Божиею помощию и твоимъ благословениемъ и матернею молитвою — что есмь здумалъ, то ми и збыстся. И несть мнѣ противника. Только бысть Стратиг, во всехъ храбрыхъ силенъ бысть, но, Божиею силою, при мнѣ не успе ничтоже, и восхитихъ бо у него тщерь. А ныне, отче, выеди с великою честию противо менѣ на стретение Стратиговны». И пришед, предстатели отцу его поведаша повеленая Девгениемъ.

И слышавъ, отецъ и мати его радости наполнишась, и начаша свадбу готовить, и созваша весь градъ, и поидоша противу Девгения и Стратиговны, и стретиша ихъ за 8 поприщъ от града с великою честию.

И падоша ницъ вси пред Девгениемъ, глаголюще ему тако: «О великое чюдо, сотворимое тобою, младым юношемъ, о дерзость благодатъная! Стратига победи и тщерь его исхити!» И рече имъ Девгений: «Не азъ победихъ Стратигову силу, но Божиею силою побежденъ бысть». И Амиратъ въборзе шурью свою созва, и к Стратигу посла на свадбу *звати*, глагола ему: «Не ленивъ буди, свату, к намъ потрудитися, да купно обрадуемся и видимся, и чада наши обрадуются, понеже ихъ Богъ совокупи без нашего повеления».

И слышавъ то, Стратигъ радостенъ бысть, и вборзе скопивъ весь родъ свой и многоценое имение, еже дарити зятя милово; совокупи же жену и дети своя, *посла* ко Амирату, свату своему. И слышавъ Амиратъ царь Стратига к себѣ грядуща, и с великою честию и з Девгениемъ противъ его выехаша, и совокупишася с нимъ на единомъ мѣстѣ и начаша ся дарити и по 3 мѣсяцы преславную свадбу твориша. И дастъ Стратигъ зятю своему 30 фаревь, а покрыты драгими поволоками, а седла и узды златом кованы; и дастъ ему 20 конюховъ, пардусовъ[23] и соколовъ 30 с кормилицы своими, и дастъ ему 20 *кожуховъ*, сухимъ златомъ шиты, и поволокъ великих 100; да шатеръ великъ единъ *шит* весь златомъ; вмещахусь в немъ многия тысящи вой, а ужища у шатра того шелковы, а колца сребряные; и дастъ ему икону злату святый Феодоръ; да 4 копия аравитцихъ, да мечь прадеда своего. А теща дастъ 30 драгих поволокъ зеленых, 20 кожуховъ, шиты сухимъ златомъ з драгимъ камениемъ и жемчюгомъ, иныя дары многи дастъ ему. Первы шуринъ дастъ ему 80 поясовъ златокованых, иныя шурья даша ему многия дары, имже несть числа.

Исполнишася 3 месяцъ, радующеся свадьбе, и приятъ Стратигъ велию честь, и жена его, и сынове его, и Амиратъ царь. А Девгений поеде с нимъ провожения ради, и зря на нь Стратигъ радовавшесь, и сынове его славу Богу воздаяху, иже сподоби имъ Богъ таковаго зятя.

И возратися Девгений восвояси, *проводив* Стратига, и подастъ пленикомъ свободу. А самому Филипапе стрыю возложи пятно на лице и отпусти его *восвоясы*, а Максиме[24] подастъ свободу своими предстатели. А самъ начатъ жити и ловы деяти, зане бяше охочь единъ храбровать.

О великое чюдо, братие! Кто сему не дивиться? Си есть не от простыхъ людей, ни от Амира созданъ, но посланъ есть от Господа. Всемъ храбрымъ христианомъ показась слава его, и явись во всей земли славенъ Богъ въ мире о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ, емуже слава со Отцем и Святымъ Духомъ ныне и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СКАЗАНИЕ, КАКО ПОБЕДИ ДЕВГЕНИЙ ВАСИЛИЯ ЦАРЯ

Некто бысть царь, именемъ Василий.[25] Слышавъ о дерзости и о храбрости Девгениеве, бысть яростенъ зело, и желание имея велие, како бы его добыти, зане бо Василий царь всю страну Каппадокейскую стереглъ...

Вборзе нарядивъ послы своя, посла грамоту, написавъ с ласканиемъ, прелестью сице глагола ему: «Девгений славны! Велие желание имам видетися с тобою. А ныне не ленись *проидитись* к моему царству, зане дерзость и храбрость твоя прослыла по всей вселеней. И любовь вниде в мя велия, видети хощу юность твою». И принесоша от царя *Девгению* грамоту, и прочетъ Девгений и разуме, яко прелесно бысть писание к нему.

И глагола Девгени к нему: «Азъ есмь от простых людей. Не имать царьство твое до мене николиже вины, но аще хощешь видетися со мною, поими с собою мало вой и приди на реку Ефрантъ». Цареви жь своему рцыте: «Что какъ удумалъ еси худобу мою видети, немного же поими воинъ с собою, да не разгневаеши мене, зане юность человѣческая на много безумие приводитъ. Аще азъ разгневаюсь, сокрушу вои твои, а самъ не возвратишись!»

И приеха посол, глаголаше царю вся рекомая Девгениемъ, и услыша *царь* яростенъ бысть, вборзе нарядивъ и посла к Девгению, глагола ему: «Чадо, не имамъ понять вой много с собою, толко имамъ юность твою видети, царьство мое. Иного помышления не имамъ на сердцы».

Пришедъ посолъ царевъ, глагола Девгению реченая царемъ, и отвеща Девгений: «Рцы царю своему такъ: аз не боюсь царства твоего, ни многих твоихъ вой, зане упование имеяи на Бога. Не боюсь твоего помысла, но глаголю ти: прииди на реку, глаголемую Ефрантъ, и тамъ видишись со мною. Или со *многими* вои прийдеши, да не обрадуешися

царству своему, а воинства твоя вся сокрушатся». И пришедъ посолъ к Василию царю, сказа ему вся реченая Девгениемъ.

И слышав царь вборзе повеле собрати вои своя, и совокупися, поиде на место, где Девгений рече. И приеха ко Ефранту реке и постави шатры своя далече от реки. А царевъ шатеръ велми великъ бысть, червленъ, а верхъ его шитъ сухимъ златомъ; а нутри шатра многи тысящи вмещахусь вой. А вся воинства сохранена бысть, ови в шатрехъ, а они в сокровеномъ месте. И пребысть царь на реке 6 дней и рече воеводамъ своимъ: «Нечто Девгений уведалъ и удумалъ над нами, либо хощетъ со многими вои быть». То слово изрече Василий царь ужасеся.

Посла Девгений своего предстателя цареви, глаголя: «Дивлюся, како потрудися царь твой к моей худости. Но обычей ти рекохъ: аще хощеши видетись со мною, то приити с малым вой. А се собралъ много вой, хотя меня *победить*, в томъ *есть* срамъ, ... зане идетъ слава моя по всей земли и по странамъ. А ныне какъ намыслилъ еси, такъ и сотвори».

Рече же Васили царь: «Да кою дерзость имаши, аще противу моего царству не дась ми покорения!» И нарядивъ посла своего, и посла за реку, а Девгениева приятъ. И пришедъ царевъ посолъ глагола Девгению вся повеленая царем. И отвеща Девгений: «Глаголи *царю* своему: аще ты надеешися на свою великою силу, азъ же имамъ упование на создавшаго Бога. Не иматъ уподобитися сила твоя противъ Божии силы. А уже время дни *преминуло*, а заутра рано исполчеваись и въстани со своею силою великою, да узриши худаго мужа дерзость, како пред тобою восходит, занеже ми есть срам в неисполнениихъ». И пришедъ Василиевъ посолъ, от Девгения глаголы поведа царю.

Царь же вборзе созва бояры своя, начатъ думати. И *отвещаша* ему многоимцы: «Во что вменяется царство твое, царю, аще тебѣ единаго мужа ужаснутись: не видимъ с нимъ вой ничтоже». И Девгениевъ посолъ скочивъ у нихъ за реку и поведа Девгению вся бывшая у царя.

И заутра рано исполчися царь Василий и думаше чрезъ реку ехати, хотяще, яко зайца в тяняте, яти Девгения. Увидевъ *Девгений* множество вой исполчено у царя Василия и разуме, яко *хотят* приехать чрезъ реку и *обойти* его. И Девгений ярости исполнись и рече своим предстателемъ: «Приидите по мне, мало помедливше, азъ же прежде васъ потруждаюся и послужу царю».

И то слово изрекъ, и подпреся копиемъ, и скочи чрезъ реку, яко дюжи соколъ, велегласно кликнувъ: «Где есть Василий царь, иже имея желание видетись со мною?» И то слово изрекъ, и воины к нему ударишась, и онъ копие вотъкнувъ, и вынявъ мечь противо вои. И поскочи, яко добры жнецъ траву сечетъ: перво скочи — 1000 ихъ победи, и возвратись вспять, и поскочи — 1000 победи.

Царь же Василий, видевъ дерзость Девгениеву, вскоре поемъ с собою мало вой и побеже. И протчих вой Девгений поби, а иныя связа, и кликну за реку предъстателемъ своимъ: «Приведите ми борзы мой фарь, рекомы Ветръ». Они же примчаша ему фарь, и вседъ на нь, борзо погна Василия, нагна блиско града его, а что было с нимъ вой, всехъ победи, а царя самого четверта взятъ.

И единаго посла от нихъ во градъ с вестью. Глаголи гражьданомъ: «Выдите противъ Девгения, днесь подай ми Богъ царьствовати в вашей области». Они же, слышавъ его, вси совокупишась, изыдоша пред градъ битися, чающе, яко с простымъ человѣкомъ битись. Он же посла, глаголя: «Пожалуйте оружия и не разгневайте мене». Они же отвещавъ ему: «Не имаши противенъ быти всему граду ты единъ». И слышавъ то Девгений, разгневась и поскочи на нихъ: овыхъ изби, а иныхъ превяза и дастъ предстателемъ своимъ, и вниде во градъ и начатъ царствовати. А пленыхъ свободи по мале времени, по писанию, яко «несть рабъ боле господина своего, ни сынъ больше отца своего».

«А еще ми пребысть 12 летъ в животѣ, а ныне хощу *опочинути*, многи победы и брани во юности своей сотворихъ», — та вся изглаголавъ отцу своему, посадивъ на престоле царскомъ, и призва пленныя своя, давъ имъ свободу. А на Канама со Иаакимомъ[26] возложи имъ знамение на лице ихъ и отпусти ихъ в родъ свой. И родъ свой призва и сотвори радость велию, и по многи дни пребысть.

Богу нашему слава ныне и присно и во веки вѣковъ. Аминь.

---

[1] *Деяние прежнихъ временъ… прекраснаго Девгения.* – Вся эта глава приводится по Погодинскому списку. Она читалась и в Мусин-Пушкинском списке «Девгениева деяния».

[2] *Амир, царь Аравитские земли…* - В греческих версиях речь идет об эмире Сирии; «эмир» - титул полководца, а с VII в. – правителя.

[3] *…от великия рѣки, рекомыя Багряницы…* - Полагают, что это перевод названия реки Ксанф (на южном побережье Малой Азии).

[4] *…семь поприщь…* - Поприще – древнерусская мера длины, приблизительно равная версте (1066 м).

[5] *…а нынѣ повѣждь намъ…* - Это место испорчено в обоих спичках второй редакции.

[6] *«Благословен Господь Богъ… на ополчение…»* - Пс. 143, 1.

[7] *…драгимъ магнитомъ…* - В древнерусском переводе одним и тем же словом «магнит» переведены два различных греческих слова, одно из которых значит «платок, косынка», другое – «драгоценный камень».

[8] *…осквернивъ крестьянскую дѣву*. – Далее в списке ошибочно читается фрагмент: «В то жь время Амиръ царь… да буду вамъ зять», который мы по смыслу текста переносим ниже и вставляем после слов: «со Амиромъ царемъ»; затем читается фрагмент, повторяющий с некоторыми изменениями тот же вопрос братьев к сестре; этот фрагмент мы опускаем.

[9] *… со Амиромъ царемъ…* - Далее вставляем фрагмент, перенесенный из предыдущего текста.

[10] *…приидоша на Ефрантъ реку…* - В греческой версии о месте крещения эмира не говорится, но Дигенис живет на берегах Евфрата; упоминание этой реки может служить указанием на время сложения сказания о Дигенисе: восточная граница Византии проходила по реке Евфрату в X-XI вв.

[11] *…конь, рекомый Вѣтреница… третий — Молния*. – В греческих версиях арабы также приводят трех коней, различных по масти, но о чудесных свойствах их не упоминается.

[12] *…и нарекоша имя ему «Прекрасный Девгеней»…* - Имя героя, возможно, выбрано не случайно: «дигенис» по-гречески «двоерожденный», а герой рожден от араба и гречанки.

[13] *Житие Девгения* – Эта глава публикуется по Тихонравовскому списку.

[14] *…и румяно, яко червецъ…* - Перевод вольный; «червец» - красная краска, добываемая из моллюска.

[15] *…в воде той змей великъ живяше.* – Последующий рассказ об омовении у источника читается в этом же месте и в греческой версии, однако битва с драконом – хранителем источника – описывается в

другой главе, где повествуется о странствиях Девгения с молодой женой.

[16] *…сухимъ златомъ тканы…* - вытканы золотыми нитями.

[17] *…камениемъ магнитомъ…* - В древнерусском переводе одним и тем же словом «магнит» переведены два различных греческих слова, одно из которых значит «платок, косынка», другое – «драгоценный камень».

[18] *О свадьбе Девгееве и о всъхыщении Стратиговны.* – Заголовок приводится по описанию Мусин-Пушкинского сборника. Начало главы до слов «видев же Стратиговна» включительно публикуется по списку собр. Титова, № 4369. В Мусин-Пушкинской рукописи перед данной главой находилась глава «Сказание о Филипапе и о Максимо и о храбрости их». Судя по спискам второй редакции, где эта глава также читается, в ней рассказывалось о победе Девгения над храбрым и могучим Филипапой и над девой-воительницей Максимианой. Именно Филипапа рассказывает Девгению о Стратиговне; при этом юноше предсказано, что, женившись на Максимиане, он проживет шестнадцать лет, а если женится на Стратиговне, то тридцать шесть. Этим и предопределяются поиски Девгением Стратиговны. В греческих версиях Филопап – предводитель разбойников (апелатов), а Максимо – его родственница, амазонка.

[19] *…и поиде ко Стратигу.* – Стратиг по-гречески «военачальник». В «Девгениевом деянии» этот титул превратился в имя собственное, а дочь стратига, носящая в греческих версиях имя Евдокия, здесь названа Стратиговной.

[20] *…и приниче ко окну…* - Отсюда и до конца воспроизводится текст Тихонравовского списка.

[21] *…уведаешь, чего ради…* – Текст испорчен.

[22] *…знамение свое возложу на васъ.* – Видимо, речь идет о клеймении.

[23] *…пардусовъ…* - Пардусов (гепардов) в средневековье держали при дворах феодалов, используя их для охоты.

[24] *…Филипапе…Максиме…* - См. коммент. в сноске 18. Почему Филипапа именуется «стрыем», то есть дядей Девгения, - неясно.

[25] …*именемъ Василий.* – Возможно, что имеется в виду византийский император Василий Македонянин, но его столкновение с Девгением, разумеется, вымышленный эпический сюжет.

[26] *…на Канама со Иаакимомъ…* - В греческих версиях Киниам и Иоаниакис – сподвижники Филопапы; здесь оба эти персонажа упомянуты впервые.

ПЕРЕВОД

О ПОДВИГАХ ХРАБРЫХ ЛЮДЕЙ МИНУВШИХ ЛЕТ, О ДЕРЗКОЙ ХРАБРОСТИ И О ДОБЛЕСТИ ПРЕКРАСНОГО ДЕВГЕНИЯ

Жила некая вдова царского рода, предалась она спасению души своей и никогда не покидала церкви. И были у нее три сына очень красивы и блистательны, по молитвам матери своей отличавшиеся храбростью во всех деяниях своих. И была у той вдовы дочь, прекрасная и блистающая красотой лица своего. Услышал о красоте той девицы Амир, царь земли Аравийской, и собрал великое множество войска, и пришел разорять Греческую землю, а все из-за красоты той девицы. И, придя в дом той вдовы, похитил царь Амир прекрасную девицу так хитро, что никто его не увидел в Греческой земле, но видела лишь одна старая женщина из дома того; мать же сама в то время была в церкви Божьей, а сыновья — в дальней стране на охоте.

И вернулась вдова та из Божьей церкви, и не нашла прекрасной своей дочери, и стала расспрашивать в доме своем рабов и рабынь о прекрасной своей дочери, и отвечали ей все рабы дома ее: «Не знаем, госпожа, где твоя прекрасная дочь». Но только одна старая женщина из дома того все видела и сказала госпоже своей вдове: «Пришел, госпожа, Амир, царь Аравийской земли, и хитростью своей похитил дочь твою, а нашу госпожу, и не видел никто его в земле нашей».

Услышав об этом от рабыни своей, стала вдова рвать на себе волосы, и царапать лицо, и оплакивать прекрасную свою дочь, приговаривая: «Увы мне, несчастной вдовице, если бы были сыновья мои дома, пустились бы вслед царю Амиру, и нагнали бы его, и отняли бы сестру свою». В скором времени вернулись домой сыновья ее и, увидев, что плачет мать их, стали вопрошать мать свою: «Скажи нам, мать наша, кто тебя обидел: уж не царь ли или властитель города нашего? Только не быть нам живым, если кто посмеет тебя обидеть». Отвечала им мать их: «Дети мои милые, никто из горожан меня не обидел, но вот имели вы одну сестру, и та теперь оказалась в руках Амира, царя Аравийской земли, и оборвалось сердце мое, и сломало меня, словно бездушный тростник. А теперь заклинаю вас, дети мои возлюбленные, да не нарушите вы заповеди моей: отправляйтесь, и догоните Амира-царя, и отнимите у него свою красавицу сестрицу. Если же сестры своей не добудете и сами там головы сложите за сестрицу свою, то я оплачу всех вас, ибо останусь бездетной». И отвечали ей сыновья ее: «Мать наша милая, не печалься ты об этом, благослови нас и помолись за нас, и тотчас же пустимся в путь».

И препоясались оружием своим, и сели на коней своих, и помчались, как златокрылые ястребы, а кони под ними словно летели. И достигли

рубежа Сарацинской земли, и встретили некоего сарацина, несшего стражу, и начали братья его расспрашивать: «Поведай нам, братьям, далеко ли до стана вашего царя Амира?» Сарацин же обнажил меч свой и смело поскакал на них, думая, что они трусливы, и не ведая о их смелости. Поскакал навстречу ему младший брат, и схватил сарацина за горло, и привез его к братьям своим, и хотел его убить. Но сказал старший из братьев: «Братья моя милая, зачем нам о сарацина меч свой осквернять, мы оскверним его о самого Амира-царя — ведь тот перед нами виноват». А того сарацина привязали к дереву на горе, а сами поехали той же дорогой и повстречали множество других стражей царя Амира у большой реки, называемой Багряница; было же их всего числом три тысячи. Увидели братья многочисленную стражу Амира-царя, и сказал им старший брат: «Братья моя милая! Всем ли вместе ехать нам против стражей Амира-царя?» И отвечал средний брат: «Братья моя милая! Это многочисленная стража Амира-царя, и мы разделимся натрое». Старший брат поехал с правого края, средний — на большой полк, а меньший заехал слева, и поскакали на Амировых стражей, и начали их избивать, словно добрые косцы траву косить: каких изрубили, а каких связали, и привели их на высокую гору, и погнали перед собой, как хороший пастух овец, и пригнали их на гору, и перебили. Только трем мужам оставили жизнь, с тем чтобы они проводили их к Амиру-царю. И стали их расспрашивать: «Скажите нам, сарацины, в городе ли пребывает ваш царь Амир или вне его?» Отвечали им сарацины: «Господа наши, трое братьев! Амир, царь наш, вне города стоит, в семи поприщах от него, и там возле города стоит у него множество шатров, а в каждом из шатров вмещается по нескольку тысяч сильных и храбрых витязей: любой из них против ста выезжает». И сказали им братья: «Братья сарацины! Если бы мы не боялись Бога, давно бы вас смерти предали; но спрашиваем вас: скажите, каков шатер Амира, царя вашего?» Отвечали же сарацины: «У Амира-царя шатер червленый, а по низу кайма зеленая, а весь шатер расшит золотом и серебром, и жемчугом, и драгоценными камнями украшен, а у брата его шатер синий, а по низу кайма зеленая, и также шатер золотом и серебром украшен, и многие другие шатры стоят, а в них находятся многие витязи, у царя в год получают они жалования по тысяче и по две тысячи, сильны и храбры: один против ста врагов выезжает». Братья отпустили тех трех сарацин к Амиру, царю их. И сказали им: «Передайте весть о нас Амиру-царю, чтобы не сказал потом царь Амир, что мы пришли на него тайно». И сказали братья сарацинам: «Отправляйтесь вы восвояси». Сарацины же обрадовались своему освобождению и рассказали обо всем царю своему.

Услышав же это, царь Амир ужаснулся и, призвав витязей своих, сказал им: «Братья мои, могучие витязи! Видел я ночью сон, будто бы три ястреба бьют меня крыльями своими и едва не изранили мое тело; это значит, что те братья придут и начнут с нами воевать». В это время приехали братья к шатру Амира-царя и начали звать царя Амира: «Царь, выйди вон из шатра, расскажи нам, Амир-царь, почему же ты не умеешь по дорогам заставы расставлять, мы ведь приехали к шатру твоему беспрепятственно; а теперь поведай нам, как пришел и похитил

сестру нашу тайно? Если бы мы в ту пору были дома, то не смог бы ты ускакать с сестрой нашей, а умер бы смертию злою, да и вся земля твоя была бы нами покорена. А теперь отвечай нам, где сестрица наша?»

Отвечал же царь Амир: «Братья мои милые! Видите эту высокую и красивую гору: вот там зарублено множество женщин и прекрасных девиц. Там же и сестра ваша зарублена, так как не исполнила она моей воли». И отвечали царю братья: «Зло тебе от нас будет!» И пошли они на ту гору искать сестру свою, мертвое тело ее, и видели на горе множество женщин и прекрасных девиц посеченных. И начали искать тело сестры своей, и увидели одну девицу необычайной красоты, и начали проливать над ней слезы, думая, что это сестра их. Но сказал им младший брат: «Братья! Нет здесь сестры нашей, не она это». И сели братья на своих коней и громко запели песнь ангельскую Господу: «Благословен Господь Бог наш, дающий крепость рукам нашим на битву и на брань». И решили они между собой: «Вспомним, братья, слово и приказ матери своей: в один день родились мы, в один день же и погибнем по велению матери своей, и головы свои сложим за сестрицу свою». И подскакали к шатру Амира-царя и подняли шатер его на копьях.

И сказал им Амир-царь: «Братия моя милая! Отъедьте немного от шатра моего и бросьте меж собой жребий, кому из вас выпадет со мной биться; если меня одолеете, то и сестру свою возьмете; если же я вас одолею, то угодно будет мне всех вас изрубить». Отъехали братья от шатра и начали метать жребий, и когда бросили жребий в первый раз, то выпало младшему брату идти на бой. Братья же бросили жребий во второй раз, чтобы не младшему брату ехать биться с царем Амиром, так как могуч тот был; но и в другой раз выпал жребий биться младшему из братьев. Бросили они жребий и в третий раз; снова младшему брату выпал жребий идти на бой с царем Амиром, ибо брат тот с сестрой из одной материнской утробы родились в один и тот же день.

И начали братья снаряжать младшего брата; а где стоят братья, на том месте словно солнце сияет, а где снаряжают Амира-царя, там нет света, темным темно. Братья же воспели к Богу ангельскую песнь: «Владыка, не выдай создания своего на поругание язычникам, да не возрадуются язычники, осквернив христианскую девицу». И сели братья на своих коней, и съехались они с Амиром царем и начали рубиться саблями и ударились с ним копьями. Увидели сарацины и многие витязи удаль младшего брата и сказали Амиру, царю своему: «Великий господин, царь Амир! Отдай им сестру их и помирись с ними, ибо и младший из братьев крепость твою побеждает; если же соберутся все три вместе, то вся земля наша окажется у них в рабстве». А младший из братьев, заехав Амиру-царю со спины, ударил его промеж плеч, свалил с коня на землю, схватил за волосы и приволок к своим братьям. И закричали все

сарацины царю Амиру: «Отдай им, царь Амир, сестру их, не то они тебя совсем погубят». И сказал братьям Амир-царь: «Пощадите меня, братья милые, ныне же крещусь я святым крещением, во имя любви к этой девице, и стану вам зятем».

Сказали же братья: «Брат наш, царь Амир! В нашей воле зарубить тебя и в нашей воле — отпустить. Но как нам за раба отдать сестру нашу? А сейчас скажи нам: где наша сестра?» И отвечал им царь Амир со слезами: «Братья мои! Видите это поле прекрасное, а там стоит множество шатров, в них и пребывает сестра ваша, а где сестра ваша ходит, там разостланы дорогие шелка, расшитые золотом, и лицо ее прикрыто драгоценным покрывалом, а стражи охраняют ее, не приближаясь к шатрам». Услышав об этом, обрадовались братья и устремились к ее шатру и подскакали к нему, а стража им ничего не сказала, думая, что это иноземцы, а не догадываясь, что это ее братья. И приблизились братья к шатру, и вошли в шатер к сестре своей, и застали ее сидящей на золоченом стуле, а лицо ее покрыто драгоценным покрывалом. И начали братья расспрашивать ее со слезами: «Расскажи нам, сестрица, о дерзости Амира-царя, если он тебя оскорбил хотя бы единым словом, то отрубим ему голову и отвезем в Греческую землю, чтобы не стал потом похваляться, что осквернил христианскую девицу». Отвечала же девица братьям: «Ничего подобного, братья мои, не подумайте обо мне. Когда была я похищена царем Амиром, то было приставлено ко мне двенадцать кормилиц, а теперь боюсь лишь поношения от людей и своих родственниц, знающих, что я была пленницей. Это я и рассказала Амиру-царю о храбрости вашей, и царь Амир всегда приезжал ко мне один раз в месяц и только издали мной любовался, лицо же мое приказал и близким его не открывать, а в шатер мой никто никогда не входил; ныне же, братья мои милые, хочу вас просить, но прежде заклинаю вас молитвою матери нашей, чтобы выслушали вы просьбу мою. Если только царь Амир действительно отречется от своей веры и тотчас же крестится святым крещением, то другого такого зятя вам и не найти, так как славой он славен, и силой силен, и мудростью мудр, и богатством богат». Отвечали же братья сестре своей: «Да соединит вас молитва материнская с царем Амиром!»

А тем временем царь Амир собрал триста верблюдов и нагрузил их дорогим золотом аравийским и прислал братьям в дар, в знак любви своей к той девице, и сказал царь Амир братьям: «Пощадите меня, братья мои, отрекусь я от веры своей, и тотчас же крещусь святым крещением во имя любви к этой девице, и буду вам зятем». И ответили братья царю Амиру: «Если хочешь стать нашим зятем, то отрекись ты от своей языческой веры ради любви к сестре нашей; крестись скорее святым крещением и приезжай к нам в Греческую землю вслед за любимой своей девицей». И сказал им Амир-царь: «Братья мои милые! Не хочу сдаться вам на свой позор, чтобы не сказали обо мне греки, что, полонив зятя, в дом свой ведут. А назовусь я зятем вашим с

великой славой. Хочу прежде всего поехать и собрать верблюдов со всей земли и нагрузить на них богатые дары, хочу собрать с собой сильных витязей, кто захочет перейти со мной вместе в христианскую веру; и приду к вам в Греческую землю, и нарекусь вашим зятем, и буду славен и богат. А вы не томите своих коней — подождите меня по дороге». Братья же, взяв сестру свою, отправились в путь.

А Амир-царь, приехав к матери своей и к брату своему, повел с ними хитрую речь, чтобы они его не удерживали. И сказал он матери своей: «Милая моя мать! Вот ходил я в Греческую землю и пленил там милую девицу, и пришли вслед за ней братья ее, и стали со мной биться. И один из них — младший брат — силу мою превозмог. Если же собрались бы все три брата вместе, то и вся земля наша оказалась бы у них в рабстве». Отвечала мать Амиру-царю, сыну своему, в гневе, и при этом рвала она на себе волосы, и царапала свое лицо, и кричала: «Зачем же ты именуешься царем, и сильных витязей у себя держишь, и платишь им по тысяче и по две? — так иди же, и немедленно собери войско свое, и отправляйся в Греческую землю, и победи братьев, а любимую свою девицу приведи ко мне». Амир же, лукавя, отвечал своей матери: «Мать моя, я это и хочу сделать, собрать побольше воинов своих и пойти разорять Греческую землю». И сказал брат Амиру-царю: «Пойдем, брат, скорее, собрав войско свое, и не пустим братьев с любимой твоей девицей войти в город». И отвечал Амир-царь брату своему: «Садись ты, брат, на моем престоле, а я один хочу поехать и разорить Греческую землю». И тогда посадил царь Амир брата своего на престоле своем, а сам собрал огромное войско, и собрал богатства и верблюдов со всей земли, и нагрузил на них бесценное золото аравийское и драгоценные камни. Видели сарацины, что так в поход не ходят, но не сказали ему ничего.

Дошел же царь Амир до рубежа Греческой земли и обратился царь Амир к аравитянам: «Братья мои милые, сильные и храбрые аравитяне! Кто хочет со мной показать свою доблесть, тот пусть пойдет со мной разорять Греческую землю». И ответил один из них — аравитянин, на губах у которого было двенадцать замков, и возгласил царю Амиру: «Великий государь, царь Амир! Пришли из земли Греческой в нашу землю Сарацинскую трое юношей, и один из них силу твою превозмог, а если бы все три собрались вместе, то и земля наша оказалась бы вся у них в рабстве; а ты теперь хочешь идти на Греческую землю: так они нас всех до единого погубят!» Царь же Амир, отправив в Греческую землю верблюдов, нагруженных богатыми дарами, и взяв с собой немного витязей своих, также отправился следом в Греческую землю.

Братья же, не дойдя до Греческого города пятьдесят поприщ, остановились в поле; и стала их умолять сестра: «Братья мои милые! Избавьте меня от великого позора перед людьми и моими родичами,

что была похищена Амиром-царем; подождите зятя своего нареченного — царя Амира». В скором времени пришел к ним царь Амир со всем богатством и с верблюдами, нагруженными золотом и серебром. И сказал царь Амир: «Слава Богу, благоволящему мне, за то что сподобил меня лицезреть братьев моих». И сказали братья Амиру-царю: «Раб Христов, будь же нам зятем». Два брата — старший и средний — с сестрой своей поехали в город ночью, чтобы не увидел их народ, и пришли в дом матери своей; увидев же двух сыновей и дочь свою, воскликнула мать со слезами: «Сестрицу свою вы выручили, а братца своего погубили!» И сказали ей сыновья ее: «Радуйся, мать наша, и веселись, так как брат наш младший находится сейчас с зятем нашим нареченным, с царем Амиром, а сейчас ты, мать, готовь пышный брачный пир, ибо добыли мы зятя — славой он славен, и силой силен, и богатством богат, а теперь нам надо привести его к святому крещению».

И взяли они патриарха города того со всем причтом, и пришли на реку Евфрат, и приготовили там купель. И вышло из города множество народа. Братья же, увидев, что смущен царь Амир множеством народа, попросили скорее крестить Амира-царя во имя Святого Духа, и крестил его сам патриарх, а отцом крестным стал ему царь города того. И отправились они в дом матери своей, и начался пышный свадебный пир во славу их, а продолжались те торжества три месяца. И потом царь Амир построил для себя особые палаты и поселился там со своей любимой девицей.

Через некоторое время услышала мать Амира-царя, что он крестился и отвергся от веры своей из-за любви к той девушке, и начала рвать на себе волосы, и собрала великое множество воинов, и обратилась к ним: «У кого хватит храбрости отправиться в Греческую землю к господину своему Амиру-царю и вывести его из Греческой земли вместе с любимой его девицею?» И отвечали ей три сарацина: «Мы, госпожа, пойдем в Греческую землю и отнесем послание твое к господину своему, царю Амиру». Она же дала им много золотых монет и дала им трех коней: один конь по кличке Ветер, второй — Гром и третий — Молния. «Когда прибудете, — сказала, — в Греческую землю, и увидите господина своего, Амира-царя, и увезете его из Греческой земли, сядьте на коня по имени Ветер, и никто вас не увидит. А когда войдете в Сарацинскую землю с господином своим Амиром-царем и с девицею его любимою, то сядьте вы на Гром-коня, и тогда услышат вас все аравитяне в Сарацинской земле. А если сядете на коня Молнию, то невидимы будете в Греческой земле».

Сарацины же взяли трех коней и послание к Амиру-царю, и отправились своей дорогой, и, приехав к граду греческому,

остановились подле города в сокровенном месте, и сели на коня Молнию, и стали невидимы в Греческой земле.

В ту же ночь царица Амира-царя, прекрасная царица-девица увидела сон; и охватил ее страх, и поведала она братьям своим: «Братья мои милые, видела я сон: неожиданно влетел в покои мои златокрылый сокол, и схватил меня за руку, и унес меня из покоев моих, и потом прилетели три ворона, и набросились на сокола, и сокол меня отпустил».

Братья же собрали всех волхвов, и книжников, и мудрецов и поведали им сон сестры своей, и волхвы ответили братьям: «Госпожу нашу, прекрасную девицу, зять ваш новокрещенный, Амир-царь, по повелению матери своей, хочет похитить из палаты и бежать с ней в Сарацинскую землю, с любимой сестрицей вашей; а три ворона — это три сарацина, стоят под городом в потаенном месте, присланы они с письмом от матери к царю Амиру».

Братья же пошли к царю Амиру и стали его расспрашивать и укорять. Он же поклялся им именем Бога живого, и тогда они, взяв царя Амира, поехали с ним за город с книжниками и мудрецами, и разыскали под городом трех сарацин, и захватили их, и начали допрашивать. Те же открыли им весь свой тайный замысел, и, взяв их в город, крестили их святым крещением, и начали они жить у Амира-царя, а коней их Амир-царь раздал братаничам, шуринам своим.

И потом мудрецы начали предвещать рождение Девгения, и затем жена Амира-царя приняла плод в утробе, мужеского пола, и родила сына, и нарекли его Акритом. А крестив его божественным крещением, нарекли ему имя «Прекрасный Девгений», а крестил его сам патриарх, а крестной матерью была царица того города. И было в городе том два царя и четыре царевича. И потом растили Девгения-царевича до десяти лет.

ЖИЗНЬ ДЕВГЕНИЕВА

Преславный Девгений двенадцати лет отроду стал мечом играть, а в тринадцать — копьем, а в четырнадцать лет захотел всех зверей одолеть и начал изо дня в день упрашивать отца своего и дядей: «Пойдите со мной на охоту». И сказал ему отец: «Еще молод ты, сын мой, не говори

об охоте, ибо боюсь тебя, юного, утомить». И отвечал Девгений отцу своему: «Этим, отец, не пугай меня, так как надеюсь я на Бога-творца, что будет мне охота не труд, а великая утеха».

Услышал отец юноши эти слова, и собрал всех воинов и весь город, и рад был поехать с ним на охоту. И многие из того города собрались поохотиться, так как слышали об удали Девгения. И, выехав из города на охоту, отец Девгения ловит зайцев и лисиц, с ним и дядья Девгения охотятся, а он посмеялся над ними, и заехал в места нехоженные, и соскочил с коня, точно молодой сокол, надеясь на Божью силу.

И бродили в камыше два медведя и медвежата с ними. И почуяла медведица юношу, выскочила ему навстречу и хотела его сожрать. А юноша, не научен еще, как зверей бить, бросился быстро ей навстречу, обхватил ее и так сдавил локтями, что все потроха ее вышли наружу, и она тут же издохла в его руках. А другой медведь убежал в камышовые заросли.

Тут окликнул Девгения дядя его: «Берегись, чадо, как бы не бросился на тебя медведь!» Обрадовался Девгений и, оставив палицу свою там, где стоял, словно быстрый сокол, налетел на медведя. Повернул медведь ему навстречу, оскалил пасть свою, норовя его сожрать. Но юноша стремглав подскочил, схватил его за голову и оторвал голову, и тотчас издох медведь в его руках. А от рева медвежьего и от крика юноши гул по лесу раскатился.

И Амир-царь крикнул сыну: «Девгений, сын мой, берегись: бежит на тебя огромный лось, а тебе негде укрыться». Услышав это, Девгений, бросился, точно лев, догнал лося и, схватив за задние ноги, разорвал надвое.

«О чудо преславное, ниспосланное Богом! Кто этому не дивится? Какую удаль проявил молодой отрок, догнав лося быстрее, чем лев! От Бога дана ему сила над всеми. А как победил медведя без оружия! О чудо преславное! Видим юношу четырнадцати лет, но не из обычных людей он, а самим Богом создан». Так говорили между собой, и внезапно свирепый зверь выскочил из болота, из того же камыша. И увидели они юношу, и стали следить, как бы не напал на него зверь. А Девгений в правой руке нес голову лося и двух убитых медведей, а в левой — разодранного лося. И крикнул ему дядя: «Иди, чадо, сюда и брось этих мертвых. Здесь иной зверь, живой, это не то что лося разорвать надвое: это свирепый лев, с великой осторожностью подходи к нему». Отвечал

ему юноша: «Господин мой, дядя! Надеюсь на Творца, и на могущество Божье, и на молитву родившей меня матери». И, ответив такими словами дяде, подбежал Девгений, быстро выхватил свой меч и пошел навстречу зверю. Зверь же, увидев идущего к нему юношу, зарычал, и стал бить себя хвостом по бокам, и, разинув пасть свою, прыгнул. Но Девгений ударил его мечом по голове и рассек на две половины.

И начал отец его говорить дяде: «Видишь, каково могущество Божье: рассечен и лев, как перед этим лось». И быстро подбежали к Девгению отец и дядья, и начали целовать его в губы и в глаза, и целовать ему руки, и говорили ему все: «Кто не подивится, господин, видя стать твою, красоту твою и храбрость!» Был же юноша, как никто другой, статен, волосы у него кудрявые, глаза большие. Любо на него посмотреть: лицо у него, как снег, и румяно, как маков цвет, брови же у него черные, а в плечах — косая сажень. Видя же прекрасного юношу, радовался отец и говорил ему: «Чадо мое милое, славный Девгений, нестерпим зной полуденный. Всякий зверь прячется в чаще. Пойдем же, чадо, к студеному ручью, омоешь лицо свое потное и оденешь на себя другие одежды, а окровавленные с себя снимешь, ибо от звериного пота, и медвежьих потрохов, и крови лютого зверя обагрилось платье твое. А я сам омою руки твои и ноги».

А в ручье том сияние было и светилась вода, как свеча. И не смел никто из храбрецов подойти к той воде, ибо было там много чудесного: в той воде жил огромный змей.

Придя к ручью, сели все вокруг Девгения и начали омывать лицо его и руки. Он же сказал: «Моете руки мои, а им еще быть грязными». И не успел юноша договорить, как к ручью прилетел огромный змей, точно человек трехглавый, и хотел пожрать людей. Увидев его, Девгений быстро схватил свой меч, и вышел навстречу змею, и отсек три головы его, и стал мыть руки. И все спутники удивились той удали, что проявил юноша в борьбе с лютым зверем, и начали возносить хвалу Богу: «О чудо великое! О Владыка-вседержитель, создавший человека и даровавший ему силу великую над всеми сильными и безмерно храбрыми, показал человека, что сильнее их».

И начали юношу наперебой целовать, и сняли с него одежды. Нижние же одежды одеты были для тепла, а верхние были багряные и расшитые сухим золотом, и наплечники украшены драгоценным жемчугом, а наколенники его из дорогих паволок, а сапоги его золотые и украшены дорогим жемчугом и камнем магнитом. Шпоры его были из витого золота и украшены изумрудами.

И велел юноша тотчас скакать к городу, чтобы не тревожилась о нем мать. И вернулись все по домам своим, и стали веселиться, и пребывали в радости великой. И больше всех радовалась мать Девгения, что родила сына такого славного, звонкоголосого и красивого.

А конь у Девгения был бел, словно голубь, а в гриву вплетены были драгоценные камни, и среди камней — золотые бубенцы. И от множества бубенцов и камней драгоценных раздавались всем на удивление чудесные звуки. Круп коня от летучей пыли покрыт дорогим шелком, а уздечка окована золотом с камнем изумрудом и иными самоцветами. Конь же его быстроногий и гарцует под ним славно, а юноша сидит на нем ловко и смело. И, видя то, удивлялись все, как скачет под ним конь, а он крепко сидит на нем, и разным оружием играет, и скачет без страха.

Богу нашему слава ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

О СВАДЬБЕ ДЕВГЕНИЯ И О ПОХИЩЕНИИ СТРАТИГОВНЫ

Преславный Девгений, получив благословение у отца своего и у матери своей, собрал небольшое войско и, взяв с собой дорогие одежды и звонкие гусли, сел на своего быстрого коня и поехал к Стратигу.

И достиг рубежа владений Стратига. И, не доехав до города его пяти поприщ, остановил он войско свое и велел вокруг расставить стражу крепкую, а сам поехал в город Стратига. И приехал в город, въехал в ворота городские, и повстречал юношу, слугу Стратига, и стал расспрашивать его о Стратиге, и о сыновьях его, и о дочери, Стратиговне.

Отвечал ему юноша: «Нет господина нашего Стратига дома, охотится он в дальней стране с четырьмя сыновьями своими. А о Стратиговне спрашиваешь, — так нет, господин, подобной красавицы во всем свете. Многие приезжали, но никто не видел ее, потому что Стратиг храбр и могуч, и сыновья его, и все его воины: один против сотни выходит, а сама Стратиговна отважна, как мужчина, и никто, кроме тебя, не может с ней сравниться».

Услышав это, обрадовался Девгений, потому что было ему предсказано и записано: если женится на Стратиговне, то проживет тридцать шесть лет. И поехал Девгений по городу Стратига, и приехал ко двору Стратига, и стал смотреть на двор его.

Увидев его, Стратиговна прильнула к окну, но сама не показалась, Девгений же вновь возвратился, заглядывая во двор. Смотрела на него девица и дивилась.

Но время шло к ночи, и вернулся Девгений в свои шатры, взяв с собою полюбившегося ему юношу, и велел снять с него простые одежды и одеть его во все дорогое, и пировал всю ночь со своими любимыми слугами. А наутро, встав рано, велел своей дружине выставить дозоры и сказал: «Разойдитесь по разным дорогам, но друг друга из вида не теряйте. Если нападет на вас Стратиг и начнет досаждать вам со всех сторон, а я еще не готов буду к бою, то бейтесь с ним в полсилы, пока я не подоспею».

И, сказав так, оделся в дорогие одежды, и велел захватить с собою златострунные гусли, и велел взять юношу, нового слугу своего, поехал сам-четверт ко двору Стратигову и, взяв гусли, стал играть и петь, ибо дана ему была Божья помощь, которая всегда была с ним. Всегда все удается ему, а прекрасной девице Стратиговне суждено быть похищенной Девгением, сыном Амира-царя.

И, услышав голос его и звуки прекрасные, испугалась девица, затрепетала и, прильнув к оконцу, увидела, как Девгений сам-четверт проезжает мимо двора. И вселилась в сердце ее любовь. И, позвав кормилицу, сказала она ей: «Как это юноша мимо двора проехал, а разум мой смутил! И прошу тебя от всего сердца: иди и задержи его своей беседой». И когда снова проезжал юноша мимо двора, увидела его кормилица и обратилась к нему: «Откуда столько дерзости в тебе и что нужно тебе в доме этом? Мимо двора нашего птица пролететь не смеет: из-за моей госпожи многие головы свои сложили». И спросил Девгений: «Кто послал тебя говорить со мною?» Отвечала она ему: «Послала меня моя госпожа, прекрасная Стратиговна, жалея юность твою, как бы не причинили тебе зла». Он же сказал ей: «Молви госпоже своей, вот что сказал Девгений — выгляни скорее в окно, покажи лицо свое прекрасное и тогда узнаешь, зачем… Если же этого не сделаешь, то не быть живой ни тебе, ни всему твоему роду». Услышав это, прильнула девица Стратиговна к оконцу и начала говорить Девгению: «Свет светлый, солнце прекрасное! Жаль мне тебя, господин, что

хочешь погубить себя из-за любви ко мне, ибо многие за меня свои головы сложили, даже не видя меня и словом со мной не перемолвясь. А ты кто таков, решившийся на такую неслыханную дерзость? Ведь отец мой безмерно храбр и братья мои могучи, а воины у отца моего — каждый из них может с сотней сражаться. А у тебя с собой мало воинов». Отвечал Девгений девице: «Если бы я Бога не боялся, то предал бы тебя смерти. Но ответь мне скорее, что в мыслях у тебя: хочешь стать женой Девгения Акрита или хочешь быть его полонянкой — рабыней?»

Услышав это, отвечала ему девушка со слезами: «Если любишь меня так сильно, то похищай немедля, пока нет дома ни отца моего, ни могучих моих братьев. Да и зачем тебе меня похищать? — я и сама с тобой поеду, только дай мне мужскую одежду, ибо удали я молодецкой. Если нагонят меня по пути, то не дам я себя в обиду. И многие меня не смогут одолеть».

Услышав эти слова, обрадовался Девгений и сказал девице: «Не лежит у меня сердце к тому, что ты предлагаешь, ибо покрою я себя позором перед отцом твоим и братьями твоими. Станут говорить: Девгений, точно вор, похитил у нас девицу. Но вот что скажу тебе: сделай так, как я повелю. Когда вернется отец твой и братья твои, расскажи им, что тебя похищают». И позвал ее: «Выйди за ворота».

И поклонилась она Девгению, и, подхватив одной рукой, посадил Девгений ее на холку своего коня и начал ее нежно целовать, а потом снял с коня своего. Девица же не хотела отходить от него, но Девгений сказал: «Возвращайся и сделай так, как я тебе повелел: как вернется отец твой, так жди и меня к себе, и будь готова — стань у дома перед сенями».

И, сказав так, поцеловал ее и ускакал. И отпустил в город юношу, которого встретил перед воротами, и приказал ему сообщить, когда вернется Стратиг. И, сказав это, направился к шатру своему, и стал пировать весело со своей дружиной.

Только возвратился Стратиг с охоты, а юноша уже поспешил с вестями к Девгению и сказал ему: «Стратиг приехал». И велел Девгений оседлать своего борзого коня, а сам оделся в одежды дорогие и поехал на коне-иноходце, а борзого коня повелел вести перед собою. И, въехав в город, сел на коня своего, а любимых слуг своих оставил у городских стен, сам же взял копье и поехал ко двору Стратига.

Девица же сказала все отцу своему, как повелел ей Девгений. И ответил Стратиг: «Об этом помышляли многие богатыри, да не вышло». И только сказал те слова Стратиг, как подоспел славный Девгений. И, услышав топот коня и звон золотых бубенцов, быстро выскочила девица и стала перед сенями, как Девгений ей повелел.

А Девгений ударил в ворота копьем, и рассыпались ворота, и въехал во двор, и начал взывать громогласно, чтобы вышли к нему Стратиг и могучие его сыновья и увидели бы похищение сестры своей. Слуги стали Стратига звать и поведали ему, какую дерзость высказал Девгений: на дворе стоит без страха и Стратига к себе вызывает.

И услышал Стратиг голос Девгения, но не поверил, говоря: «Сюда, в мой двор, птица не смеет влететь, не то что человек войти». И вышел из дома своего. А Девгений три часа стоял, ожидая его, и не дождался ответа, а слуги и сказать ничего не посмели.

И приказал Девгений девице подойти к нему, и, как орел, подхватил прекрасную Стратиговну, посадил ее на холку своего борзого коня и крикнул Стратигу: «Выйди, отними дочь свою прекрасную у Девгения, чтобы не говорил, будто я, словно вор, украл ее». И с этими словами поехал со двора, распевая звонкую песню и славя Бога. И окончил песню, и выехал за город к любимым слугам своим, и, посадив девицу на коня-иноходца, поехал к шатрам своим.

И, взойдя на гору, тотчас обернулся посмотреть: нет ли за ним погони? И сказал девице: «Покрою я себя великим позором, если не будет за мной погони; хочу вернуться и им самим бесчестье нанести». И отрядил Девгений своих верных слуг, и повелел воинам стражу нести вокруг девицы, а сам вернулся в город ко двору Стратига. И въехал на двор Стратигов, и ударил копьем в сени дома его, и рассыпались сени, и ужас охватил всех, кто был во дворе. И кликнул Девгений громогласно, вызывая к себе Стратига, и сказал: «О Стратиг преславный, где же отвага твоя и сыновей твоих, если я похитил твою дочь, но не помчались за мной в погоню ни ты сам, ни сыновья твои? И опять я вернулся, и великое бесчестье тебе нанес, чтобы не стал ты потом говорить, что я, словно вор, пришел и дочь твою похитил. Если же есть мужская отвага в тебе и в воинах твоих, то отними же у меня дочь свою!» И, сказав так, выехал со двора, и опять возвратился, и снова воскликнул громогласно: «Я выеду из города и буду ждать вас в поле, чтобы не сказали потом, что пришел, обманул и бежал от вас».

Услышав эти слова, Стратиг затрясся в гневе и начал звать сыновей своих: «Где же воины мои отборные, из которых каждый тысячу полонит, а иные и по две тысячи, и по пяти, и по десяти тысяч? Так немедля же соберите их и других могучих воинов!»

А Девгений, приехав к девице и сойдя с коня своего, сказал ей: «Сядь и поищи у меня в голове, пока не придут отец твой и братья твои со своим войском. Если же я усну, то не буди меня, пугая, а буди осторожно». И села девица, и стала искать у него в голове, и уснул Девгений, а девица сон его стерегла.

Стратиг же собрал множество воинов своих и богатырей своих, и воевод, и отправился отнимать дочь свою у Девгения. И выехал из города с бесчисленными своими воинами, и увидела их девица, и пришла в ужас, и стала осторожно будить Девгения, со слезами говоря ему: «Вставай! Солнце засияло, и месяц засветил. То Стратиг уже пришел на тебя с бесчисленным войском своим, а ты еще своих воинов не собрал! Зачем же вселяешь в него надежду?»

Отвечал Девгений, вставая: «Не прошу я помощи от людей, но надеюсь на силу Божию». И вскочил, и сел на своего борзого коня, и препоясался мечом, и палицу свою взял, и стал спрашивать у девицы: «Хочешь ли ты, чтобы остались живы отец твой и братья, или я их тотчас смерти предам?» И начала девица его умолять: «Господин, получивший силу от Бога, не предай отца моего смерти, не соверши греха, не покрой себя позором в глазах людей, пусть никто не скажет тебе, что ты тестя убил». И начал расспрашивать Девгений: «Скажи мне, каковы отец твой и братья?» И стала ему девица объяснять: «На отце моем золотые доспехи и шлем золотой, драгоценными камнями и жемчугом осыпан, а конь его под зеленой паволокой; а братья мои в серебряных доспехах, только шлемы у них золотые, а кони под паволоками красными».

Выслушав все это, поцеловал ее Девгений, и выехал против них, и встретил их далеко в поле, и как сильный сокол ударил в середину войска, и как хороший косец траву косит: раз проскакал — убил семь тысяч, назад возвратился — убил двадцать тысяч, третий раз поскакал — Стратига нагнал, ударил его слегка палицей по верху шлема и сбросил с коня. И начал Стратиг молить Девгения: «Будь ты счастлив с похищенною девицею, прекрасной моей дочерью! Оставь мне жизнь!» И отпустил его Девгений, а сыновей его, догнав, связал и повел с собой; а Стратига не связывал. А воинов, связав, как пастух стадо овечье, погнал

перед собою туда, где стояла девица. И увидела девица отца, и сказала: «Вот говорила же я тебе, отец, а ты мне не поверил». И велел Девгений своим слугам подгонять связанных воинов Стратига, а самого Стратига и сыновей его с собой вести.

И тогда опечалился Стратиг и стал вместе с сыновьями своими умолять Девгения, говоря ему так: «Ты же смерти нас не предал и жизнь нам даровал, так не вози же нас с собою, возврати нам свободу». И услышала девица мольбы отца своего и братьев, и сама начала просить Девгения: «Я Богом отдана в руки твои. И ты властелин не только надо мной, но и над близкими моими. Уже многих воинов ты победил, но отцу моему и братьям моим возврати свободу, не причини горя матери моей, вскормившей тебе жену». И как молвила это девица, послушал ее Девгений и сказал Стратигу: «Я старость твою пощажу и дам свободу тебе и сыновьям твоим, только наложу на вас клеймо свое». И взмолился Стратиг: «Какую же свободу нам даруешь, если хочешь клеймом нас запятнать?» Девица же и от клейма отмолила их у Девгения. Был на Стратиге золотой крест прадеда его, бесценный, а у сыновей его перстни бесценные с жемчугом и драгоценными камнями — все это взял у них на будущее Девгений за клеймо...

И стал Девгений приглашать их на свадьбу. И отвечал Стратиг: «Не пристало нам, пленникам, ехать к тебе на свадьбу. Но прошу тебя я и дети мои, не покрывай меня и детей позором: единственную дочь у матери, словно пленницу, хочешь увезти. Но возвратись в дом мой, и устрою пир веселый, и сыграю свадьбу преславную, и, дары получив, с великой честью возвратишься». И услышал Девгений мольбы Стратига, и возвратился в дом Стратига со своей невестой, и три месяца свадьбу играли и в великой радости пребывали. И получил Девгений дары бесчисленные и все, что было приданого у невесты, и кормилицу ее, и слуг ее, и в великой чести поехал восвояси.

Когда же вернулся в свою землю, то послал верных слуг своих с великой пышностью к своему отцу и матери с вестью и велел им, чтобы готовили преславную свадьбу. И сказал так отцу своему: «Ты, отец, прежде прославился силой своей и славою, а теперь я — с Божьей помощью и твоим благословением и молитвами матери моей — что задумал, то и сбылось. И нет мне противника. Один Стратиг был сильнее всех богатырей, но, с Божьей помощью, и он против меня не устоял, ибо похитил я у него дочь. А теперь, отец, выезжай с великими почестями навстречу мне и Стратиговне». И пришли посланцы его, и поведали отцу все, что велел им сказать Девгений.

И, услышав их, обрадовались отец и мать, и начали готовиться к свадьбе, и созвали весь город, и вышли, чтобы встретить Девгения и Стратиговну, и встретили их за восемь поприщ от города с великими почестями.

И пали все ниц перед Девгением, восклицая: «О великое чудо, совершенное тобой, молодым юношей, о смелость твоя благодатная! Стратига победил и дочь его похитил!» Отвечал им Девгений: «Не я победил силу Стратигову, но Божьей силой он побежден». И тотчас созвал Амир шуринов своих, и к Стратигу послал, приглашая его на свадьбу, и так ему говорил: «Не ленись, сват, потрудись приехать, повидаемся мы и порадуемся вместе, и дети наши порадуются, ибо соединил их Бог без нашего повеления».

Слышав это, обрадовался Стратиг, и в тот же час собрал всю свою семью, и богатства свои взял, чтобы было чем одарить зятя милого; взял с собой жену и детей своих и поехал к свату своему Амиру. Царь Амир, узнав о приближении Стратига, выехал с Девгением, чтобы встретить его с великими почестями, и, собравшись все в одном месте, начали друг друга одаривать, и три месяца праздновали славную свадьбу. И подарил Стратиг своему зятю тридцать коней, а покрыты они дорогими паволоками, а седла и уздечки золотом окованы; и подарил ему двадцать конюхов, и пардусов, и тридцать соколов с сокольничими, и двадцать шуб, сухим золотом шитых, и сто больших паволок; и шатер огромный, весь шитый золотом, а вмещались в тот шатер многие тысячи воинов, а тяжи у шатра тоже шелковые, а кольца серебряные; и подарил ему икону святого Феодора, в золотом окладе, да четыре копья арабских, да меч прадеда своего. А теща подарила ему тридцать дорогих зеленых паволок, двадцать шуб, сухим золотом шитых с драгоценными камнями и жемчугом, и много других даров. Первый шурин подарил ему восемьдесят поясов, окованных золотом, и другие шурины принесли ему множество даров, которым и числа нет.

Три месяца веселились на свадьбе и воздали великие почести и Стратигу, и жене его, и сыновьям, и царю Амиру. А Девгений поехал проводить Стратига, и, глядя на него, радовался Стратиг, а сыновья его Богу хвалу возносили, что послал им Бог такого зятя.

И возвратился Девгений домой, проводив Стратига, и всех пленников освободил. А самому Филипапе, дяде своему, возложил клеймо на лице и отпустил его восвояси, а Максиме свободу объявил через слуг своих. А сам начал жить-поживать и охотиться, ибо любил он богатырские забавы.

О великое чудо, братья! Кто этому не дивится? Не обычный он человек и не от Амира он таков, а послан от Бога. Все храбрые христиане узнали о славе его, и на весь мир прославился он с помощью Господа нашего Иисуса Христа, ему и слава с Отцом, и Святым Духом, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

СКАЗАНИЕ О ТОМ, КАК ПОБЕДИЛ ДЕВГЕНИЙ ЦАРЯ ВАСИЛИЯ

Был некий царь, по имени Василий. И пришел он в безмерную ярость, услышав о дерзости и храбрости Девгения, и загорелся желанием пленить его, ибо сторожил царь Василий всю страну Каппадокийскую.

И тотчас снарядил он послов своих, и отправил Девгению грамоту, а в ней с притворным радушием написал так: «Славный Девгений! Очень хочу повидать тебя. Не поленись же теперь посетить мое царство, ведь удаль и храбрость твоя прогремели по всей земле. И я полюбил тебя всей душой, хочу посмотреть на юность твою». Принесли царскую грамоту Девгению, прочел ее Девгений и понял, что лживо послание к нему.

И ответил Девгений царю: «Я простой человек. Нет твоему царскому величеству никакой нужды во мне, но если хочешь повидать меня, то, взяв с собой немного воинов, приходи на реку Евфрат». А послам велел сказать царю их: «Если ты хочешь меня, недостойного, видеть, то возьми с собою воинов немного, чтобы не разгневать меня, ибо долго ли в юные годы до безрассудных поступков. А если разгневаюсь я, то и войско твое разобью, и сам живым не вернешься!»

И, приехав, передал посол царю все сказанное Девгением, и, услышав это, пришел в ярость царь, и тотчас же вернул посла к Девгению со словами: «Чадо, не хочу я брать с собой много воинов, только хочу я, царь, на юность твою полюбоваться. Ничего другого нет у меня на сердце».

Пришел царский посол и передал Девгению сказанное царем, и ответил ему Девгений: «Скажи царю своему так: не боюсь я ни тебя, царь, ни твоих бесчисленных воинов, ибо надеюсь на Бога. Не боюсь я твоего злого умысла, но говорю тебе: приходи на реку, называемую Евфрат, и

там увидишься со мной. Если же придешь со многими воинами, то не обрадуешься тому, что царствуешь, а войско твое все разбито будет». И посол, придя к царю Василию, передал ему слова Девгения.

Услышав это, царь тотчас же повелел созвать своих воинов и, собрав их, двинулся с войском на место, указанное Девгением. И, приехав к реке Евфрат, расставил шатры вдалеке от реки. А царский шатер был огромен, цветом красный, а верх у него был расшит сухим золотом; а внутри шатра размещалось несколько тысяч воинов. И все войско царя было скрыто: одни по шатрам, другие в местах укромных. И стоял царь на реке шесть дней, и сказал воеводам своим: «Узнал что-то Девгений и задумал что-то против нас, либо сам хочет прийти со многими воинами». И, сказав это, затрепетал от страха царь Василий.

А Девгений прислал слугу своего к царю со словами: «Дивлюсь я, что так потрудился ты, царь, ради меня, ничтожного. Но сказал уже о своем обычае: если хочешь увидеть меня, то приходи с небольшим войском. А ты вот собрал много воинов, задумав меня победить, но позорно это, ... так как слава моя разнеслась по всей земле и по всем странам. А сейчас уже делай так, как задумал».

Отвечал на это царь Василий: «Как же дерзок ты, если не хочешь мне, царю, покориться!» И, отрядив посла своего, отправил его за реку, а Девгениева посла принял. И пришел царский посол передать Девгению царские слова. И ответил Девгений: «Скажи царю своему: если ты надеешься на свою силу великую, то я уповаю на Бога-создателя. И не может сравниться сила твоя с могуществом Божьим. День уже на исходе, а завтра с утра изготовься к бою, и выступай со своими силами несметными, и увидишь, какова удаль ничтожного мужа, который явится перед тобой, а иначе мне стыдно будет за неисполненное». И пришел посол царя Василия от Девгения, и передал его слова царю.

Царь же спешно созвал бояр своих и стал с ними думу думать. И отвечали ему вельможи: «Чего же стоит власть твоя, царь, если ты одного воина испугался, ведь не видно с ним войск». А Девгениев посол поспешил из-за реки и рассказал Девгению обо всем, что происходило у царя.

И на другой день с рассветом построил царь Василий войска и собрался переправляться через реку, чтобы изловить Девгения, словно зайца в силки. Увидел Девгений, что изготовил царь Василий бесчисленные войска, и догадался, что хочет он, перейдя реку, его окружить. И,

охваченный яростью, сказал Девгений слугам своим: «Подоспеете ко мне немного погодя, а прежде я сам потружусь и услужу царю».

И, сказав эти слова, подперся копьем, и перескочил через реку, словно сильный сокол, и крикнул громогласно: «Где тут царь Василий, что хотел видеться со мною?» Только крикнул он, как бросились на него воины, он же, вонзив копье в землю, с обнаженным мечом бросился на воинов. И поскакал, чи как хороший косарь траву косит: в первый раз проскакал — тысячу победил, возвратился назад, еще раз проскакал — еще тысячу победил.

Царь Василий, видя отвагу Девгения, с горсткой воинов обратился в бегство. Девгений же оставшихся воинов перебил, а иных связал и крикнул за реку слугам своим: «Приведите ко мне коня моего борзого по кличке Ветер». Они же пригнали к нему коня, и, вскочив на него, помчался Девгений, и скоро нагнал царя Василия у стен его города, и всех воинов, что были с ним, перебил, а царя и трех спутников его в плен взял.

И послал одного из них в город с вестью. И сказал горожанам: «Выходите навстречу Девгению, с этого дня даровал ему Бог царствовать в стране вашей». Они же, услышав это, собрались и вышли сразиться с ним перед городом, думая, что бьются с простым человеком. А он послал к ним сказать: «Сложите ваше оружие и не гневите меня». Они же отвечали: «Не можешь же ты один против целого города стать». Услышав их ответ, разгневался Девгений и бросился на них: одних перебил, других связал и передал слугам своим, и в город вошел, и стал там царствовать. А пленных вскоре освободил, как говорится в Писании: «Не может быть раб больше господина своего, а сын больше отца своего».

«А еще мне осталось жить двенадцать лет, и хочу теперь отдохнуть, много уже повидал войн и побед за юность свою», — так сказал Девгений отцу своему и посадил его на царском престоле, а пленных своих призвал и даровал им свободу. А Канаму и Иоакиму клеймо на лицо поставил и отпустил их на родину. И призвал к себе всех родичей своих, и пребывали все в радости великой, и продолжалось так много дней.

Богу нашему слава ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

О СОТВОРЕНИИ АДАМА

Подготовка текста, перевод и комментарии М. Д. Каган-Тарковской

ВСТУПЛЕНИЕ

Апокриф, рассказывающий о создании первого человека, появился в русской литературе в XII в. в составе апокрифической «Книги Еноха» и позже в апокрифической «Беседе трех святителей». В XV в. он попадает в Палеи, но читается и как самостоятельное произведение, например в сборниках монаха Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина. В XV—XVII в. этот текст встречается в древнерусских рукописях в разных вариантах. Иногда он начинается с цитаты из Изборника 1073 . из статьи «Феодорита от того еже о Святей Троицы» (гл. 108. Л. 245 об.), в которой говорится, что человек создан был из четырех элементов — огня, воздуха, земли и воды.

Библейская легенда, вкратце сообщающая, что «создал Господь Бог человека из праха земного и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою» (Быт. 2, 7), в апокрифе разрастается до подробного перечисления восьми исходных начал, послуживших материалом для творения; тело человека соотносится с частями космоса.

Заключается апокриф рассказом об изобретении имени первого человека. Если в еврейской этимологии происхождение имени связано со словом *adam* — *земля* и с историей о том, как ангелы по приказу Бога приносили по горсти земли с разных мест для изготовления тела Адама, то в греческой книжности имя его стали складывать из первых букв греческих названий частей света — *Ανατολή* — *восток*, *Δύσις* — *запад*, *Αρκτος* — *север*, *Μεσημβρία* — *юг*. В древнерусских списках названия частей света превратились в названия звезд — *Анатоли*, *Дисис*, *Артос*, *Месевриа*, из первых букв которых образовалось имя Адам. В списках уже в XV в. эти названия искажались и перепутывались настолько, что имени из них не получалось (например, в списке Ефросина: *Нафола, Машим, Брион, Адор*; в списке РНБ, собр. Погодина, № 1615, 1632 г.: *Анафула, Анадана, Амафула, Брион*). В других случаях переписчик или редактор уходил от этой проблемы, не приводя названия ни звезд, ни частей света.

Апокриф о сотворении Адама привлек внимание исследователей. Разные его версии были изданы А. Н. Пыпиным (Памятники старинной русской литературы. СПб., Вып. 3. 1862. С. 12—14), Н. С. Тихонравовым (Памятники отечественной русской литературы. М., Т. 2. 1863. С. 443—444, 448—449). В научной литературе памятнику посвящены заметки разных авторов: *Порфирьев И.* Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1873. С. 37—38, 97—98;

Мочульский В. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887. С. 54—56, 59—61, 74—91; *Барац Г. М.* Следы иудейских воззрений в древнерусской письменности // Летопись историко-филологического общества при имп. Новороссийском университете. Византийское отделение. Хроника. Одесса, 1894. С. 16—18; *Соколов М. И.* Славянская книга Еноха Праведного: Текст, латинский перевод и исследование // ЧОИДР. 1910. Кн. 4, отд. 2. С. 151; *Иванов Й.* Богомилски книги и легенди. София, 1925 (фототипическое переиздание: София, 1970). С. 177, 260, 291, 297; *Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В.* Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 105, 185; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2. Л—Я. С. 153—155.

Самые ранние древнерусские списки произведения дошли до нас в сборниках Ефросина, переписавшего в XV в. две несколько отличаюшиеся друг от друга версии. Текст публикуется по списку Ефросина РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 11/1088. Л. 279 об.—280 об. Порядок перечисления звезд в публикации изменен.

ОРИГИНАЛ

ОТ КОЛИКА ЧАСТИ СОТВОРИ БОГЪ АДАМА[1]

О тѣлѣ

Тѣло же убо человѣче от четырех съставъ, рече, создано. Имат от огня теплоту, а от воздуха студеньство, а от земли сухоту, а от воды мокроту.

И индѣ пишет, яко Адамъ от 8 части сътворенъ бысть. 1-е от земля тѣло, 2-е от Чермнаго моря кровь, 3-е от солнца очи, 4-е от вѣтра дыхание души его, 5-е от облака мысли его, добрыя же и злыя, 6-е от камения кости, 7-е от Духа Святого, иже есть положилъ въ человѣцѣ правдѣ и часть от свѣта вѣка, иже нарицается Христос. 8-я часть от самого Христа дохновения — душа.[2]

Егда сътвори Богъ Адама и не бѣ имени ему. И възва Богъ 4-ре аггелы и рече имъ: «Ищите имени ему». Аггелъ Михаилъ иде на всток и видѣ ту звѣзду, ейже имя Анафола, и взят оттуду Азъ. Гаврилъ иде на полудне и видѣ ту звѣзду, ейже имя Адоръ, и взят оттуду Добро. Урилъ иде на полунощье и видѣ звѣзду, ейже имя Машимъ, и взят оттуду Мыслѣте. Рафаилъ[3] иде на запад и видѣ звѣзду, ейже имя Брионъ, и взят оттуду Еръ.

И приидоша пред Бога и рече: «Коа дори[4] отлучити, и чте по числу, и исправися имя то АДАМЪ». Рече Господь всемогий: «Тако взывается имя его». И рѣша вси аггели: «Ты же, Господи, помилуй нас».

---

[1] *От колика части сотвори Богъ Адама.* — Заглавие не принадлежит списку Ефросина; оно взято из «Беседы трех святителей» (см.: Измарагд XVI в., собр. Троице-Сергиевой лавры, № 794; опубликован Н. С. Тихонравовым в Памятниках отреченной русской литературы. С. 488).

[2] *...от самого Христа дохновения — душа.* — В других вариантах апокрифа после этих слов сделаны дополнения: В сборнике Ефросина РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 22/1099: «От земли хужши всѣхъ чясти, от моря доброта, от солнца красота, от облак легота и умы мятежны, а от вѣтра зависть, а от свѣта мира сего то есть кротость». В сербской рукописи XV в. из собрания В. И. Григоровича: «От того собра Богь и сътвори въ едину честь. И рече: “Аще есть семѣ от человѣка того от мора, то лаком; аще есть от солнца семѣ, то будеть мудр, умень; аще ли есть от облака сѣме, то прѣлстиво; аще от вѣтра семѣ, то срьдито; аще ли от камѣние семѣ, то будет милостиво; аще ли от Духа Света семѣ, то смѣрено и доброволно кь въсем”» (*Тихонравов*. С. 443—444). В Измарагде XVI в. из собр. Троице-Сергиевой лавры, № 794: «Вопрос: На колико части раздели Богъ доброту Адамову? 1 часть даде Аврааму гостолюбство, 2 силу его даде Самсону, 3 богатство его даде Иеву, 4 лѣпоту его даде Иосифу, 5 дадѣ кровь его Давиду, 6 даде мудрость его Соломану, сыну Давидову» (*Тихонравов*. С. 448—449).

[3] *...Михаилъ... Гаврилъ... Урилъ... Рафаилъ...* — имена четырех архангелов.

[4] *...дори...* — Дора (δωρεά – греч.)— просфора, разделенная на части, из которой во время литургии вынимается агнец. Это место апокрифа, по-видимому, не всегда было понятно редакторам. Так, уже в рукописи XV в. из собрания Григоровича оно упрощено: «...и принесе прѣд Господа. И рече Господь: “Чьти, Уриле”. И рече Уриль: “АДАМ”».

ПЕРЕВОД

ИЗ СКОЛЬКИХ ЧАСТЕЙ СОТВОРИЛ БОГ АДАМА

О теле

Тело человека, говорят, из четырех частей создано. Берет оно от огня тепло, а от воздуха холод, а от земли сухость, а от воды влагу.

А в другом месте написано, что Адам из 8 частей сотворен был. Во-первых, от земли тело, во-вторых, от Красного моря кровь, в-третьих, от солнца очи, в-четвертых, от ветра дыхание жизни его, в-пятых, от облака мысли его, добрые и злые, в-шестых, от камней кости, в-седьмых, от Духа Святого, который вложил в человека праведность и частицу вечного света, что и зовется Христос. 8-я часть от самого дыхания Христа — душа.

Когда сотворил Бог Адама, не было имени у него. И призвал Бог четырех ангелов и сказал им: «Найдите имя ему». Ангел Михаил пошел на восток и увидел там звезду, имя которой Анафола, и взял от нее Аз. Гавриил пошел на юг и увидел там звезду по имени Адор, и взял от нее Добро. Уриил пошел на север и увидел звезду по имени Машим, и взял от нее Мыслете. Рафаил пошел на запад и увидел звезду, называемую Брион, и взял от нее Ер.

И предстали они пред Богом и сказали: «Вот части, которые мы получили, и читай, складывая их, и составится имя то АДАМЪ». Сказал Господь всемогущий: «Да будет так зваться он по имени». И сказали все ангелы: «Ты же, Господи, помилуй нас».

СКАЗАНИЕ, КАК СОТВОРИЛ БОГ АДАМА

Подготовка текста, перевод и комментарии М. В. Рождественской

ВСТУПЛЕНИЕ

«Сказание, как сотворил Бог Адама» — один из древнейших апокрифов, который многими исследователями связывается с болгарской ересью богомилов, названной так по имени болгарского попа Иеремии Богомила и отразившейся в духовной жизни Древней Руси.

«Сказание» дошло до нас в нескольких редакциях; южнославянские списки этого памятника известны с XIV в., русский текст сохранился в списках преимущественно поздних, XVII—XVIII вв.

«Сказание» входит составной частью в апокрифический цикл сочинений об Адаме, об Адаме и Еве, о Тивериадском море и др.

В апокрифе выражен подчеркнуто дуалистический взгляд на мир и на происхождение человека. В его создании, согласно богомильским представлениям, участвовали две равные силы — Бог и Дьявол. Таким образом человек несет в себе духовное и материальное начала. Подобный взгляд на происхождение человека встречаем в «Повести временных лет» под 1071 годом — в рассказе о восстании волхвов, в котором исследователи видят следы не дошедшего до нас апокрифического сказания: «Богъ мывься въ мовници и вспотивъся, отерся вѣхтемъ и верже с небесе на землю. И распрѣся Сотона с Богомь, кому в немь створити человѣка. И створи Дьяволъ человѣка, а Богъ душю во нь вложи...»

Рассказ о создании первого человека в «Сказании» отличается от рассказа об этом событии в Библии, где Бог создает человека по своему образу и подобию. В «Сказании» Бог «строит» человека с помощью окружающей его природы — солнца, моря, ветра, камня, огня. Дополняет это действие Дьявол, наделяющий Адама семьюдесятью недугами и выступающий, таким образом, как противоположная Богу и разрушающая сила.

Текст «Сказания, как сотворил Бог Адама» издается по списку начала XVII в., опубликованному А. Н. Пыпиным в «Памятниках старинной русской литературы». Вып. 3. СПб., 1862. С. 12—14.

ОРИГИНАЛ

СКАЗАНИЕ, КАКО СОТВОРИ БОГЪ АДАМА

(...) Создати въ земли Мадиамстей человѣка, вземъ земли горсть ото осьми частей: 1) отъ земли — тѣло, 2) отъ камени — кости, 3) отъ моря — кровъ, 4) отъ солнца — очи, 3) отъ облака — мысли, 6) отъ свѣта — свѣтъ, 7) отъ вѣтра — дыхание, 8) отъ огня — оттепла. И поиде Господь Богъ очи имати отъ солнца, и остави Адама единаго лежаща на земли; прииде же окаянный Сотона ко Адаму и измаза его каломъ и тиною и возгрями. И прииде Господь ко Адаму и восхотѣ очи вложити во Адама, и видѣ его мужа измазанна; и разгнѣвася Господь на диявола и нача глаголати: «Окаянне дияволе, проклятый, не достоить ли твоя погибель? Что ради человѣку сему сотворилъ еси пакость, измаза его? и проклять ты буди», — и дияволъ исчезе, аки молния, сквозь землю отъ лица Господня. Господь же, снемъ съ него пакости сотонины, и въ томъ сотвори Господь собаку, и смѣсивъ со Адамовыми слезами, и теслою очисти его аки зерцало отъ всѣхъ сквернъ, и постави собаку и повелѣ стрещи Адама, а самъ Господь отъиде въ горний Иерусалимъ по дыхание Адамлево. И прииде вторые Сотона и восхотѣ на Адама напустити злую скверну, и видѣ собаку при ногахъ Адамлевыхъ лежаща, и убоя си вельми Сотона. Собака начала зло лаяти на диавола, окаянный же Сотона, вземъ древо, и истыка всего человѣка Адама, и сотвори ему въ немъ 70 недугов. И прииде Исусъ изъ горнево Иерусалима, и видѣ Адама древомъ исколота, и милосердова о немъ и рече Сотонѣ: «Проклятый дияволе, что сотворилъ человѣку сему, почто вложилъ недуги сия?» Тогда отвѣща дияволъ, окаянный Сотона, Господу, глаголя: «Аще приидетъ кая болѣзнь человѣку сему, да не

постигнетъ, до скончания всего тобя не помянетъ; аще ль поболитъ, кой недугъ въ немъ постраждетъ, тогда всегда тебя имать на помощь призывати въ недузехъ сихъ». И отгна Господь диявола и исчезе дияволъ, прогнанъ аки тма свѣтомъ, и обороти вся недуги въ него.

И посла Господь ангела своего, повелѣ взяти «азъ» на востоцѣ, «добро» на западѣ, «мыслете» на сѣверѣ и на юзѣ. И бысть человѣкъ въ душу живу, нарече имя ему Адамъ. А костей сотвори Богъ во Адамѣ 345, и бысть Адамъ царь всѣмъ землямъ и птицамъ небеснымъ и звѣремъ земнымъ и рыбамъ морскимъ, и самовласть дасть ему Богъ. И рече Господь Адаму, глаголя: «Тебѣ работаетъ солнце и луна и звѣзды, и птицы небесныя и рыбы морския, и птицы и скоты и гади». И насади Господь Богъ Рай на востоцѣ, и велѣ Адаму пребыти, а жена Адаму еще не сотворена бысть. И вложи Господь Богъ сонъ во Адама, и успе Адамъ, и взятъ его ребро лѣвое, и въ томъ ребрѣ протяже руцѣ и нозѣ и главу, и созда ему жену въ шестый день, и показа ему Господь свою смерть и распятие, и воскресение, и провидѣ вознесение за полшесты тысящь лѣть. И видѣ Адамъ Господа распята, а Петра въ Римѣ ходяща, а Павла въ Дамасцѣ учаща народъ и проповѣдующе Твое воскресение, и вознесеся Господь...

И воста Адамъ отъ сна своего и трепетень бысть во ужасѣ велицѣ о провидѣнии. И вожда Господь Адама въ рай ходящя и рече ему: «Адаме, Адаме, повѣждь ми». Адамъ же убояся велми, не смѣя Богу повѣдати того видѣния. И рече ему Господь Богъ: «Адаме, Адаме!» — Адамъ же рече ему: «Господи владыко, Тебе видѣхъ на крестѣ распята во Иерусалимѣ, а ученики Твоя видѣхъ ходяща — Петра въ Римѣ, а Павла въ Дамасцѣ, проповѣдующе Твое распятие и воскресение». И рече ему Господь: «Подобаетъ ми тебе ради снити на землю и распяту быти и въ третий день воскреснути; а ты же не повѣдай никомуже видѣния сего, дондеже увидиши мя въ Раю сѣдяща одесную Отца, и ты о томъ поскорби, Адаме».

И бысть Адамъ въ Раи 7 дний, прообразуя Господь Богъ житие человѣческое: десять лѣтъ исполнится рожение, 20 лѣтъ — юноша, 30 лѣтъ — свершение, 40 лѣтъ — средовѣчие, 50 лѣтъ — сѣдина, 60 лѣтъ — старость, 70 лѣтъ — скончание.

И сотвори Господь Богъ всю тварь, море и рѣки, и скоти своею хитростию, а та 7 дней противъ седми тысящь лѣтъ. И постави Господь Богъ двѣ свѣтилѣ велицѣ на тверди небеснѣй освѣтити землю, и разлучи между днемъ и нощию да будетъ во знамении дне и лѣта, а будетъ просвѣщение на тверди небеснѣй: свѣтила великая въ начатокъ дни, второе свѣтило — въ начатокъ нощи. И звѣзды постави Господь Богъ на тверди небеснѣй, яко свѣтити по земле и обладати днемъ и нощию, и разлучити между днемъ и нощию и свѣтомъ.

И бысть вечеръ и бысть утро — день четвертый.

Постави Господь Богъ планиты и облацы зарьныя и дуги на облацѣхъ, еже пущати дожди, и громи, и молния человѣкомъ всея земли

просвѣщати древа плодовитая. И рече Господь Богъ: «Изведу воды живыхъ во вѣки, птицъ перящеся по заводемъ, на тверди небеснѣй».

И бысть, яко сотвори Господь Богъ четыре киты великия, изведе отъ нихъ всяку птицу и всякъ гадъ на земли; и иныя благослови ясти, и глаголя: «раститеся и умножитеся и наполните *землю* и обладайте ею».

А в семъ бо дней обходитъ кругъ, а 7 лѣтъ за всю 7000 лѣтъ, и осмой тысящи нѣсть конца, еще есть безконечный.

Въ недѣлю, день рекомый недѣля, въ той же день воскресе Христосъ от мертвых, и в той же день Господь на облацѣхъ судити всему миру, иже не имать конца свѣта, и воздастъ комуждо по дѣломъ его.

ПЕРЕВОД

СКАЗАНИЕ, КАК СОТВОРИЛ БОГ АДАМА

(...) Создать в Мадиамской земле человека, взяв земли горсть от восьми частей: 1) от земли — тело, 2) от камня — кости, 3) от моря — кровь, 4) от солнца — глаза, 5) от облака — мысли, 6) от света — свет, 7) от ветра — дыхание, 8) от огня — теплоту. И стал Господь Бог глаза ему доставать от солнца, оставив Адама лежать одного на земле; и пришел окаянный Сатана к Адаму и вымазал его калом, тиной и соплями. Вернулся к Адаму Господь и хотел вложить в Адама глаза, но увидел его всего вымазанного (в нечистотах); и разгневался Господь на дьявола, и стал говорить ему: «Окаянный дьявол, проклятый, разве ты не заслужил гибели? Зачем напакостил ты этому человеку, вымазав его? будь ты проклят», — и дьявол исчез сквозь землю, как молния, от лица Господнего. Господь же, сняв с Адама всю грязь Сатанинскую и смешав со Адамовыми слезами, сотворил собаку, и теслом очистил Адама, как зеркало, от всех скверн. И, поставив собаку, повелел ей стеречь Адама, а сам Господь пошел в горний Иерусалим за дыханием для Адама. И во второй раз явился Сатана, и хотел напустить на Адама злую скверну, но увидел собаку, лежащую у ног Адама, и очень испугался. Собака стала зло лаять на дьявола, а окаянный Сатана взял палку и истыкал всего человека Адама и впустил в него семьдесят недугов. Когда Иисус возвратился из горнего Иерусалима, он увидел Адама, истыканного палкой, и стало ему его жалко, и сказал он Сатане: «Проклятый дьявол, что ты сделал с человеком, зачем эти недуги впустил в него?» Тогда ответил дьявол, окаянный Сатана, Господу: «Если какая-нибудь болезнь подступит к этому человеку, но минует его, то он до конца тебя не вспомнит; а если заболеет, перестрадает каким-нибудь недугом, тогда всегда будет он в страданиях призывать тебя на помощь». И прогнал Господь дьявола, и дьявол исчез, как тьму прогоняет свет, а все недуги обернулись в него (самого).

И послал Господь своего ангела, повелев ему взять «аз» на востоке, «добро» на западе, «мыслете» на севере и на юге. И оживил душу в человеке, и дал ему имя Адам. А костей Бог создал в Адаме триста сорок пять, и стал Адам царем над всеми землями, и птицами небесными, и зверями земными, и рыбами морскими, и дал ему Бог

власть надо всем. И сказал Бог Адаму: «Тебе служат солнце, луна и звезды, и птицы небесные, и рыбы морские, и птицы, и животные, и гады». Господь Бог на востоке насадил Рай и велел Адаму там жить, а жена Адаму еще не была создана. И наслал Бог на Адама сон, и Адам уснул, и Бог взял его левое ребро, а из ребра выпростал руки, и ноги, и голову, и создал жену в шестой день; и предсказал Господь Адаму свою смерть, и распятие, и воскресение, и предвидел Он вознесение за пять тысяч пятьсот лет. И увидел Адам Господа распятого, Петра в Риме, а Павла в Дамаске, обучающих народ и проповедующих его воскресение, и как вознесся Господь...

Проснулся Адам в сильном волнении и страхе великом из-за вещего сна. И водил Господь Адама в Раю и сказал ему: «Адам, Адам, расскажи мне». Но Адам сильно испугался, не смея рассказать Богу свой сон. И сказал ему Господь Бог: «Адам, Адам!» Адам же ответил ему: «Господи владыко, я видел, что Тебя распяли на кресте в Иерусалиме и что ученики Твои — Петр в Риме и Павел в Дамаске — ходят и проповедуют Твое распятие и воскресение». И сказал ему Господь: «Мне следует ради тебя, Адам, сойти на землю, и быть распятым, и воскреснуть в третий день; а ты никому не рассказывай этот сон, покуда не увидишь меня, сидящего в Раю справа от Отца, — и ты о том поскорби, Адам».

И был Адам в Раю семь дней, чем предсказывал Господь Бог человеческую жизнь: десять лет — это ребенок, двадцать лет — юноша, тридцать лет — зрелость, сорок лет — средовечие, пятьдесят лет — седина, шестьдесят лет — старость, семьдесят лет — смерть.

И создал Господь Бог своим умением всю тварь, море, и реки, и зверей, а те семь дней сообразны семи тысячам лет, и поставил Господь Бог два светильника больших на тверди небесной, чтобы освещали землю, и разделил день от ночи, в ознаменование дней и лет, и чтобы было просветление на тверди небесной — большой светильник, обозначающий начало дня, а другой — начало ночи. И звезды поместил Господь Бог на тверди небесной, чтобы им светить над землей, владеть днем и ночью, и разделять день от ночи и света.

И был вечер, и было утро — день четвертый.

Устроил Господь Бог планеты, и зоревые облака, и радуги на облаках, которые пускают дожди, и громы, и молнии, чтобы людям всей земли озарить плодовитые деревья. И сказал Господь Бог: «Сотворю вовеки животворные воды, птиц, обитающих по заводям и в небесных пределах».

И как создал Господь Бог четырех громадных китов, пустил от них всяких птиц и гадов по земле, а некоторых благословил съедать, и сказал: «Растите, размножайтесь, наполняйте землю и владейте ею».

А в семь дней совершается круг, а семь лет за все семь тысяч лет, и восьмой тысяче нет конца, так как свет бесконечен.

В воскресенье, в день, называемый неделя, в тот день воскрес Христос из мертвых, и в тот же день будет Господь на небесах судить весь мир, который не имеет конца, и воздаст каждому по делам его.

ОБ АДАМЕ И ЕВЕ

Подготовка текста, перевод и комментарии М. Д. Каган-Тарковской

ВСТУПЛЕНИЕ

Апокриф об Адаме и Еве встречается в древнерусских рукописях под разными названиями: «О исповедании Евгине и о воспросе внучят еа, и о болезни Адамове», «Слово о Адаме и о Евзе от зачала и совершения», «Слово о Адаме от начала и до конъца и како изгнан из рая» и просто «О Адаме». Апокриф дополняет народными легендами краткий рассказ Библии о создании первого человека, согрешении, изгнании его из рая и о некоторых событиях его жизни на земле. Характеризуя апокрифы, А. Н. Пыпин писал: «Там, где библейский и евангельский рассказ был краток и где невольно возникал вопрос, апокриф являлся, чтобы досказать то, чего не было в священной книге, и в представлениях читателя то и другое сливалось в одну цельную картину» (*Пыпин А. Н.* История русской литературы. СПб., 1898. С. 424).

Различные версии апокрифа об Адаме и Еве встречаются у разных народов — в арабских, эфиопских, сирийских, греческих, латинских, армянских и болгарских рукописях; отразился он и в украинских народных сказаниях и песнях. В русскую литературу апокриф пришел из Болгарии, где был переведен с греческого. Но в Болгарии больше был в ходу первый вид текста (первая редакция), а на Руси — второй (вторая редакция), по мнению И. В. Ягича, здесь и составленный не ранее XV в. Этот текст представляет собой рассказ Евы у ложа умирающего Адама и завершается историей путешествия Сифа, сына Адама, с Евой к вратам рая за лекарством для Адама и известием о смерти Адама и Евы. В науке этот вид текста назван «Исповедание Евы».

Греческий оригинал был значительно переработан на славянской почве, в него был добавлен ряд эпизодов, в частности рассказ о том, как дьявол взял с Адама «рукописание», крепостную запись на него и его детей, под тем предлогом, что дьяволу принадлежит вся земля и только заложившись за дьявола Адам сможет пахать на ней. Аналогичный рассказ о «рукописании» Адама известен в болгарских народных сказаниях, читается в апокрифе о Тивериадском море. Этот сюжет интересовал русских читателей как намек на социальную борьбу низов против закабаления. Именно так трактовал его в первой половине XVI в. Иван Пересветов в Большой челобитной, приводя слова Петра, волосского воеводы: «Коли Адама Господь Бог изгнал из раю, а он заповедь Божию преступил и тогда дьявол его искусил и запись на него взял. И Адам был навеки погибл, и Господь Бог милосердие свое учинил, волною страстию своею святою Адама извел изо ада и запись изодрал. И един Бог над всею вселенною, и то есть, которыя

записывают людей в работу ввеки, прельщают, дьяволу угождают, и которыя прельщаются для светлыя ризы да ввеки записываются в работу, те оба погибают навеки». (Сочинения Ивана Семеновича Пересветова см. в т. 9 наст. изд., и ПЛДР, т. 6).

Отдельные мотивы апокрифа об Адаме связывают его с другими славянскими и русскими апокрифами. Конец рассказа об Адаме, упоминающий, что из венца, в котором его похоронили, выросло дерево, из которого был сделан крест для распятия Христа, послужил началом апокрифа о Крестном древе. О путешествии Сифа к раю рассказано в Никодимовом евангелии. Известия о болезнях, которыми Бог наказал Адама, перекликаются с апокрифом о создании Адама, в котором дьявол дал Адаму 70 недугов, истыкав его во время сотворения. Некоторые мотивы апокрифа об Адаме и Еве фигурируют в вопросах и ответах «Беседы трех святителей».

Тексты апокрифа были изданы в XIX в. по разным рукописям (*Пыпин А. Н.* Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862. Вып. 3. С. 1—7; *Тихонравов Н. С.* Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. Т. 1. С. 1—6, 6—15, 298—304; *Порфирьев И.* Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. Казань, 1977. С. 34—46, 90—96, 208—216; *Франко Ів.* Апокріфи і легенди з українських рукописів. Львів, 1896. Т. 1. С. 19—23). Памятнику посвящено большое количество научных работ (См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1. А—К. С. 47—51).

Вторая редакция текста апокрифа об Адаме и Еве публикуется по списку РНБ, собр. Погодина, № 1615, 1632 г. Исправления и дополнения сделаны по спискам: РГБ, собр. Румянцева, № 358, кон. XV—нач. XVI в.; собр. Румянцева, № 380, XVII в. (оба списка опубликованы: Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862. Вып. 3. С. 1—7); БАН, 13.2.25 (Яц. 26), перв. пол. XVI в.; РНБ, собр. Погодина, № 1018, нач. XVII в.; РНБ, Соловецкое собр., № 925 (1035), кон. XVII в.; Соловецкое собр., № 868/978, XVII в. (оба списка опубликованы: *Порфирьев.* Апокрифические сказания... по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1877. С. 90—96, 208—216).

ОРИГИНАЛ

О АДАМЕ

Адам[1] же в Раю преж преступления[2] вся имяше в воли своей, вся в воли его ходяху. И егда изгна его *Господь* из Рая и сѣде во Едеме[3] пред дверьми райскими и видѣ сонъ, како хощет родити Каина[4] и Авеля,[5] и в кое лѣто хощет убити Каинъ Авеля. И запрети ему аггелъ не повѣдати Евзе.[6] И ту пребысть 70 и 9 лѣт[7] и в болѣзнь впаде чревную, и не вѣдяху, что есть болѣзнь его. И собрашася от мала и до велика и вси чюжахуся и глаголаху Евзе: «О мати наша, ты вѣси

сокровенная его вся, *яви нам, что* се толико отецъ нашь болит?» И всѣх бяше людей над Адамомъ 6000 мужей.

Евга то рече: «От преди возвѣщу вам, чада моя. Егда сотвори Богъ Рай на востоце и всю вселенную, и сотвори отца вашего и меня, и предастъ нам Рай и вся скоти, и гади, и вся птица пернатая. Адам же блюдяше восточную страну и сѣверную, аз блюдох западную страну и южную. И паки предасть нам Господь заповедь и паки рече: “Вам вся снѣсте, иже в Раю, а от единого древа не ясте”, и показа нам древа. И взыде на небеса Господь нашь. И мы оба иже обладахове в Раю, и без повелѣния Адамова и моего вси звѣрие и скоти, и гади и не смѣяху ни ходити, ни лячити, ясти что, дондеже повелим имъ.

И тогда прииде к нам Дьявол, свѣтелъ, яко аггелъ, и рече намъ: “Что вы рече Богъ ясти или не ясти в Раю?” Адам рече: “Вся намъ повелѣ ясти, толико единого древа заповѣда нам не ясти и повелѣ намъ блюсти ся от него”. Дьяволъ же рече: “Много жалую о васъ, понеже не разумѣете, аще бысте от него снѣли, и вы бы есте бози были”. И той рекъ и отиде от нас. И обрете змию и научи ю.[8] Змия же мнящи, яко аггелъ есть, и прииде ко мнѣ, и показа ми плод, иже от древа. И видѣх аз, яко змия есть любима Богу развѣе всѣх звѣрей,[9] и взях от нея и снедох. И сердце мое возмутися во мнѣ напрасно и в мою *страну* древеса повергоша листвие свое.

Аз же внидох под древо то, от негоже снедох, и возвах Адама и рѣх: “Прииди здѣ, Адам, да видиши великое чюдо”. Аз же уста отверзох, и языкъ мой глаголаше во мнѣ сам, яко да сн*ѣсть* Адамъ. Такоже прият Адам, от негоже древеса снѣде. И отверзостася очи наю, и видѣхове очету[10] свою, и сердца наша восхотѣ на похоть. И бысть тако. И вся древеса листвия своя повергоша, и едина смокви листвия своего не *поверже*. Адам же восплакався велми и рече мнѣ: “О жено, что мы сотворихом!” Такоже сердце мое не отделися от Адама, и внидохом под древо то, иже не поверже листвия, и съшихом листвие смоковное, и сътворихом одеяние себѣ.[11]

И тогда слышахом глас съ небесе глаголющь, архаггелъ призываетъ аггелы: “Приидѣте вси, глаголеть Господь, да снидета в Рай, понеже согрешилъ есть Адам”. И паки снидет Господь со всѣми аггелы своими. И ста престолъ посредѣ Раю, и возва Господь гласом великим: “Адаме, Адаме, гдѣ еси?” — отвеща гласъ много. Адам же скрыся. И пояша нас

аггелы, и свирѣпо биюще насъ, и изгнаша нас из Рая. Адам же плакашеся и молящеся глаголя: “Послабите намъ, егда когда умилосердится Господь о нас!” И не помилова насъ Господь. Архаггелъ Михаилъ[12] непрестанно моляшеся о насъ ко престолу. И тако изгнаша нас из Рая и отпустиша нас.[13]

Мы же седохом Едема оттужени. Адам же паде на лицы своем и плакашеся. И сотворихом дней 15, и изнеможе душа моя во мнѣ гладом, и рѣх ко Адаму: “Господи, востани, да поищеве себѣ храмины, уже бо сердце мое одолѣ во мнѣ гладом и душа моя омале”. Адам же воскликнувъ рече: “О Евга, находит на сердце мое разорити икону твою, но *не* имамъ с кѣм быти и боюся Бога. А сердце мое не удаляется от тебе”. И воставше и обидохом всю землю, и не обретохом ничтоже снѣдно, но токмо волчецъ[14] и траву селную. И паки приидохове во Едем и плакахомся[15] со вздыханьем. И рече Адамъ: “Господи, припосли ми воню, да тя поминаю”. Тогда посла к нему Господь фимиян, и ливанъ, и ладан.[16] И взятъ Адам и сотвори молбу ко Господу. И тогда умилосердився Господь, и архаггелъ Ивоилъ[17] отлучи 7-ю часть Рая и подасть нам. И преже *наядохомся* от плода тернова[18] за 17 дний и потом взяхом пшеницу и мед, и масла[19] и ядохом и насытихомся. И изгна вся скоты и звѣрие из Рая и предасть Адаму. Адам же отлучи я́ и сотвори *дивие* и *питомое*, и нарече всѣмъ имъ имена, и всѣм вещем питающим ся. И рече Господь: “Терние и волчецъ в дѣланиих твоих да прозябнет”.[20]

И поясть Адам волы и взора землю. И прииде Дьявол и ста пред волы, иже не дадяше Адаму землю орати. “Понеже, — рече Дьявол, — моя есть земля, а Божия небеса и Рай. Да аще хощеши мой быти, то землю тяжи. Аще ли хощеши Божий быти, то иди в Рай”. И рече Адам: “Божия суть небеса и земля, и вселенная”. Дьявол же не дадяше ему орати и глаголаше: “Запиши ми рукописание свое, да еси мой, и ты землю работай”. Адамъ же рече: “Чия есть земля, того и аз и чада моя”. Вѣдаше бо Адам, яко снити хощет Господь на землю и родитися от девы. Дьявол же обрадовашеся велми и рече: “Запишися мнѣ”. И взят Адам *плача*[21] и записа рукописание, и рече: “Чия есть земля, того и аз и чада моя”. Дьявол же взят рукописание Адамова и держа у себя.[22]

Аз рѣхъ ко Адаму: “Господи, покаемся, нежели избавит ны Господь от Дьявола”. Адам же рече: “Постимся 40 дней”. *Азъ рѣх: “Ты, господине мой, постися 40 дней, а я да пощуся 40 и 4 дни”*. И рече ко мнѣ: “Вниди ты в Тигръ[23] реку и положи камень на главѣ своей, а другий под ноги своя и *стой* до выя в водѣ, а не слышай никогоже, да не паки *прѣльщена* будеши”. И сотвори ми знамя сокровенно и рече ми: “Не изыди, дондеже аз прииду”. И воставъ Адам и поиде во Иерданъ[24] каятися, и

ту снидошася вси звѣрие и птицы, и множество аггелъ и плакахуся Адама. Адам же погрузися весь во Иердани рецѣ и пребысть 40 дней.

Дьявол же прииде къ Евзе, аки аггелъ свѣтел, слезы роняша по земли, и глагола ми: “Евга, услыша Господь молитву твою и насъ, аггелъ своих, молящих за тебе, посла *мене* Богъ, да изведеши из реки Адама”. Аз же не вѣровах, и паки въ 3 день прииде и сотворився во Адамовъ образ и много блазни меня. Аз же не изыдох, дондеже вижу знамя, иже ми рекъ Адам. И егда же соверши Адам 40 дний, грядяше от Иердана и обрете Дьявол слѣд приходящъ ко мнѣ, и убояся велми, и егда како прелщена буду. И егда видѣ мя въ водѣ и возрадовася велми. И егда прииде ко мнѣ, и аз не вѣровах, что есть господинъ мой. И показа ми знамя. Тогда вѣровах и изыдох из реки. Тогда свободи насъ Господь от Дьявола.

И седохом в Мадияме[25] и ту родихом Каина и Авиля. И всегда оба скоты пасяху.[26] Во единъ же день воставъ Адам от ложа своего и рече ко мнѣ: “О жено, совершишася лѣта 14, отряжена есть кровь Авеля убиением Каиновым. Дай же ми осля, шед обрящу его”. Яко же слышах аз и распалися сердце мое. И всѣд Адам на осля изѣде и обрете Авеля убьена, и не изрече ничтоже, якоже рече Адаму аггелъ. И принесе Авеля на мѣсто рекома Реон[27] и погребе его ту. И егда аз родих Сифа[28] и рекох ко Адаму: “Господине, не злосерди сердце *свое*, иже паки родих *сына* вмѣсто Авеля и нарекоша имя ему Сиф”».

И тогда Адам кликну на Евгу: «О Евга, умолчи от рѣчей своих, уже бо духъ мой омале во мнѣ». А Сиф рече: «Господи мой, отче, иду в Рай и принесу что из Рая, видиши и упокоеши себя». Адам же рече: «Сыну, како ты внидеши в Рай? И паки поиди противу Раю плачася, егда како припустит тя Господь от древа маслична[29] взяти, да и увидиши, егда како упокоит ми ся болѣзнь сия». Сиф рече: «Отче, что есть болѣзнь?» Адам рече: «О сыну, велику имам болѣзнь. Егда согреших аз и мати твоя, тогда рече Господь, якоже: “Умножу стенание твое, всегда в печали пребываеши. И дам тебѣ 72 язи — 1-е язя чревом, 2-я очима, потом послѣдую по единой”. А матери вашей рече: “Всегда муж твой обладает тобою, егда же ражаеши, смертью растаешися”».[30]

И видѣх Сиф поиде к Раю с материю своею, и видѣ Евга лютого звѣря, рекомаго кордила,[31] гоняща сына ея Сифа. И ставъ рече к нему: «О звѣрю, не помниши ли, како тя сохраних рукама своима? Како смѣеши отверсти уста своя на образ Божий, како смѣешь зубы своими объяти сына!» И тогда звѣрь отвещав Евзе и рече ей: «О Евга, от тебе зачалося ятъ. А ты како смѣла отверсти уста своя на снѣдь, еже рече Господь тебѣ *не* ясти? *Того ради азъ хощу чада твоя поясти*». И тогда Евга восплакася и плачь ея слышахом от востока до запада и рече: «О горе

мнѣ, Боже мой, отныне и до вѣка кляти мя хощет весь языкъ». Тогда Сиф рече: «Заклинаю тя, звѣрю, в ложе своем пребываеши до *суда*,[32] егда како дерзаеши на надежу человѣчю». Тако да пребывает в вѣкъ.

Сиф же рече, и иде с материю своею, и плакася противу Раю и посыпа перстию главу свою. И явися им архаггелъ и рече к ним: «Что вопиета?» И речь Сифь: «Господи, отецъ мой болит и желает благая райская, хощет видети от древа масличнаго, егда како упокоится болѣзнь его». И тогда рече аггелъ Сифу: «Не имать Адам лечбы, понеже приближишася дни его *ко смерти и скончашася дние его*». И уломи ему от древа, от негоже изгнанъ бысть Адам из Рая и дастъ Сифу *три пруты*.[33] И Сиф принесе, идѣже лежаше Адам, отецъ его.

И видѣ тогда Адам и позна é, и прият é, и воздохнувъ велми, и извитъ венецъ и возложи на главу свою, и видѣ руку Господню, приемлющу душу его. И видѣ Евга кадилницу с ладаном кадящи тѣло Адамова, и три аггелы свеща держаща горяща. И возрѣвъ Сиф на небо и видѣ душу Адамову, отца своего, далеча Господа стоящу, и множество аггелъ, молящеся за Адама. Егда *въста* архаггелъ Михаилъ и тогда вси аггели умолкнуша. И тогда умилосердися Господь, простер руку свою и прият душу Адамову. И посла Господь аггела, да спрятаетъ тѣло его. И научи Сифа, и взяша тѣло, и несоша на места, рекомое Горусий блятъ.[34] И егда ископаша гробъ, архаггелъ знаменаше гробъ,[35] и бысть глас с небесе глаголя: «Адаме, Адаме!» Он же рече: «Се аз, Господи». И Господь рече: «Се рѣх тебѣ, яко земля и в землю поидеши».[36] И *земли* рече Господь: «Твоя от твоих к тебѣ приносяще от всѣх».[37] И тако погребоша Адама с венцом, иже бѣ на главѣ его. Евга же умилно гласом молящеся глаголяще: «Господи, владыко, приими дух мой». И тако по Адаме в 6 день преклонь главу и предасть духъ свой Богу. И ту погребоша Евгу, сына ея Авеля. И ту возрасте древо из венца из главы Адамовы.

---

[1] *Адам* — первый человек, созданный Богом, согласно библейскому сказанию, по образу и подобию своему (Быт. 1, 26, 27), из праха земного, в который Бог вдохнул жизнь (Быт. 2, 7). В апокрифах о создании первого человека рассказано иначе — Бог создал его из элементов природы (тело от земли, кости от камня, очи от моря или от солнца, кровь от росы или от моря и пр.).

[2] *...преж преступления* — до грехопадения, до того как Адам вкусил плод от древа познания добра и зла, что было ему запрещено Богом (Быт. 2, 15—17).

[3] *Едем* — Эдем, рай, сад, в Ветхом завете место, где Бог поселил первых людей («И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке и поместил там человека, которого создал» — Быт. 2, 8). Адам и Ева после изгнания из рая остаются в Едеме, что соответствует другой библейской версии (Быт. 3, 22—24), по которой, как полагают некоторые библеисты, Бог поставил архангела с мечом не у врат рая, а у другого запретного древа — древа жизни, чтобы Адам не смог стать бессмертным, съев его плод.

[4] *Каин* — первый сын Адама и Евы, убивший своего брата Авеля. По библейской легенде Каин земледелец, а Авель скотовод. Жертва Авеля была принята Богом, а Каина отвергнута, что послужило мотивом убийства (Быт. 4, 1—8). После убийства брата Каин поселился в земле Нод, где построил город Енох и основал свой род. В ефиопской версии апокрифа о потомках Каина сказано, что они живут вдали от рая во власти дьявола и называются детьми человеческими в отличие от праведных потомков Сифа, названных детьми Божиими (*Порфирьев*. Апокрифические сказания. Казань, 1873. С. 194). В апокрифе о Ламехе говорится, что Каин был убит слепым охотником Ламехом, принявшим его за зверя. По другому преданию Каин умер только во время потопа (см.: Мифологический словарь. С. 269—270).

[5] *...Авель...* — второй сын Адама и Евы, убитый своим братом Каином (Быт. 4, 2—9).

[6] *Евга* — Ева, жена Адама, созданная Богом из его ребра (Быт. 2, 21—24). Имя свое она получила от Адама только после изгнания из рая (Быт. 3, 20). Ева — мать всех живущих. По еврейской этимологии ее имя означает жизнь.

[7] *И ту пребысть 70 и 9 лѣт...* — Эта хронология непонятна, так как в Библии сказано, что Адам жил 930 лет (Быт. 5, 5).

[8] *И тогда прииде к нам Дьявол, свѣтел, яко аггелъ... И обрете змию и научи ю.* — В Библии дьявол соблазняет Еву в образе змеи; в апокрифе он является Адаму и Еве в облике светлого ангела, обманывает и Еву, и змею.

[9] *И видѣх аз, яко змия есть любима Богу развѣе всѣх звѣрей...* — В Библии сказано, что змей был хитрее всех зверей, созданных Богом, но после грехопадения Адама Бог его проклял (Быт. 3, 1, 14, 15). В ефиопской версии апокрифа приведены дополнительные подробности: змей был прекраснее всех животных в раю, все толпились возле него и почитали его, но после того, как он стал орудием дьявола, он превратился в отвратительное существо, которого все боятся и от которого бегают (*Порфирьев*. Апокрифические сказания. С. 183).

[10] *...очета...* — Сербск. очит, прилаг. — открытый, явный. В Библии и в других списках сказано, что Адам и Ева увидели свою наготу; по-видимому, в списке Погодина, № 1615 сохранился сербизм с тем же значением.

[11] *...и съшихом листвие смоковное, и сътворихом одеяние себѣ.* — В Библии (Быт. 3, 7) таких подробностей нет.

[12] *И тогда слышахом глас съ небесе глаголющь... И тако изгнаша нас из рая и отпустиша нас.* — В Библии эта сцена изложена по-другому: Бог не спускается с небес, а гуляет по раю; о том, что Адам съел плод запретного дерева, Бог узнает от самого Адама, устыдившегося своей наготы; при разговоре Бога с Адамом не присутствуют ни ангелы, ни архангелы; нет представленного в апокрифе судилища над Адамом (Быт. 3, 8—13, 23, 24).

[13] *Архаггелъ Михаилъ* — один из главных ангелов, предстоящих перед престолом Божиим, борец с дьяволом и олицетворяющим его змеем или драконом. Выступает как заступник людей перед Богом. Во врачевальных молитвах к нему обращались за исцелением. В других списках апокрифа сказано, что Михаил научил Адама ремеслам и земледелию, дал ему пшеницу и мед (список Румянцева, № 358).

[14] *Волчецъ* — название различных сорных, как правило, колючих растений.

[15] *...плакахомся...* — В списке Румянцева, № 358 после этого слова приведен плач Адама о рае: «Раю мой раю, пресветлый раю, красота неизреченная, мене ради сотворен есть, Евги ради затворен есть, милостиве, помилуй мя падшего» (Памятники старинной русской литературы. Вып. 3. С. 2). Это покаянный стих, включенный в XV в. монахом Кирилло-Белозерского монастыря Ефросином в один из написанных им сборников (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086, л. 317; см.: ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 136; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2. Л—Я. С. 421).

[16] *...фимиян, и ливанъ, и ладан.* — Фимиам — сочетание ароматических веществ, применяемых при церковной службе для воскурения; в фимиам входит ливан — душистая древесная смола, получаемая при надрезах коры небольших деревьев или кустарников, растущих в восточной Африке, юго-восточной Аравии и Средиземноморье, а также в Крыму и на Кавказе. Название ливан получил по названию страны. На Руси ливан стали называть ладаном.

[17] *...архаггелъ Ивоилъ...* — Иоиль, но среди архангелов нет обладателя такого имени; в других списках апокрифа он назван ангелом. Порфирьев полагает, что это имя возникло по ошибке у славянского автора, который воспринял Ἰαὴλ греческого оригинала, что означает по-еврейски Иаг Эл, Иегова Бог, как собственное имя (*Порфирьев.* Апокрифические сказания... по рукописям Соловецкой библиотеки. С. 40).

[18] *...от плода тернова...* — Терн, терновник, кустарник с колючими ветками; его ягоды употребляют в пищу.

[19] *...масла...* — В других списках вместо масла названо млѣко.

[20] *«Терние и волчецъ в дѣланиих твоих да прозябнет».* — Слова Бога, проклинающего Адама после грехопадения (Быт. 3, 18).

[21] *...плача...* — В списке Погодина, № 1615 читается «моча», в Румянцева, № 358 и Погодина, № 1018 — «плеча», в Библиотеке РАН, 13. 2. 25 (Яц. 26) — «плоча», Румянцева, № 380 — «плача». Порфирьев считает, что это испорченное греческое слово πλακά от πλαζ, πλακος — доска (*Порфирьев*. Апокрифические сказания... по рукописям Соловецкой библиотеки. С. 212, примеч. 1). Стоит уточнить, что это греческое слово означает не деревянную доску, а каменную плиту, скрижаль, его применяют, говоря о скрижалях завета, данных Богом пророку Моисею. В современном болгарском «плоча» — каменная доска. Поэтому можно предположить, что в апокрифе речь идет о надписи на камне, хотя сюжета о «рукописании» Адама в греческом оригинале нет.

[22] *...и держа у себя.* — После этих слов в списке Румянцева, № 358 изложена другая версия причины, почему Адам дал на себя «рукописание»: «А инде писано во святемъ писаньи. Адам бяше в раю, славя Бога со архангелы и ангелы во свѣте немерчающим; изгониму же ему бывшю из рая за преступление его, и не вѣдаше того Адам, еже нощь и день преж его Богом сотворена бысть, и сѣде прямо раю и плакашеся по райском житьи. И приде нощь и бысть тма, и въскрича Адам, глаголя: “Горе мне, преступившему Божию заповѣдь, изгнану из свѣтлаго райскаго житьа, пресвѣтлаго немерчающаго свѣта”. “О свѣт мой пресвѣтлый, — плачася и рыдая глаголаше, — уже не узрю сияниа твоего и немерчющаго свѣта, ни красоты райскиа вижю. Господи, помилуй мя падшегося”. Прииде же к нему диавол и глагола ему: “Что ся стоивши и рыдаеши?” Адам же рече: “Свѣта ради пресвѣтлаго, сокрывшагося мене ради”. Диавол рече ему: “Азъ ти дамъ свѣтъ, запишися ми рукописанием и родъ свой и чяд”. Адамъ же свѣта ради дасть ему рукописание, и написа тако: “Чий есть свѣт, того и азъ и чяда мои”. И прииде день и свѣт восия по всей вселенней. Дьявол же веземъ рукописание Адамле, сокры и́ въ Иордан под каменем, где Христос крестился» (Памятники старинной русской литературы. Вып. 3. С. 2).

[23] *...Тигръ...* — река, стекающая с гор Тавра в Армении к Персидскому заливу. В апокрифических легендах Тигр — одна из четырех рек, вытекающих из рая (Фисон, Гион-Нил, Тигр, Евфрат).

[24] *...Иерданъ...* — Вероятно, в апокрифе не случайно Иордан — место покаяния Адама, ибо в Иордане крестился Христос от Иоанна Предтечи. В греческом оригинале этого фрагмента о «рукописании» Адама и покаянии Адама и Евы нет (*Порфирьев.* Апокрифические сказания... по рукописям Соловецкой библиотеки. С. 211, примеч. 2).

[25] *...в Мадияме...* — Мадиамская земля упоминается в Библии (напр., Быт. 37, 25—28, 36; Исх. 2, 15). Считается, что находилась она в Аравии (см.: *Солярский*. Опыт библейского словаря. СПб., 1881. Т. 2. С. 520—522).

[26] *И всегда оба скоты пасяху.* — Это противоречит Библии, где пастухом назван только Авель, а Каин земледельцем, отчего они принесли Богу разные жертвы (Быт. 4, 2—8). В апокрифе убийство Авеля не мотивировано; оно предсказано Адаму, увидевшему во сне грядущие события.

[27] *...Реон...* — В списке Румянцева, № 380 — Ереонъ. Это название не удалось отождествить с каким-либо географическим местом; оно не встречается в Библии. Порфирьев отметил, что в греческом оригинале известия о погребении Авеля вскоре после его смерти нет. Он был погребен только после смерти родителей вместе с ними.

[28] *Сиф* — третий сын Адама и Евы, рожденный ими после смерти Авеля, призванный заменить его (Быт. 4, 25). Дал начало племени патриархов от Еноса до Ноя. Его праведные потомки названы в апокрифах детьми Божиими. Сиф прожил 912 лет (Быт. 5, 8). В легендах ему приписано изобретение еврейской азбуки, а его потомки изобрели астрологию (легенда приведена Иосифом Флавием в «Иудейских древностях» — см.: Мифологический словарь. С. 503—504).

[29] *...от древа масличньа...* — В библейской символике маслина (оливковое дерево) играет заметную роль — масличный лист принес голубь Ною как знак окончания потопа и обновления природы (Быт. 8, 11). Адам послал Сифа к раю за лекарством — елеем.

[30] *...всегда муж твой обладает тобою, егда же ражаеши, смертью растаешися.* — В Библии проклятие Бога после грехопадения: «Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь раждать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою» (Быт. 3, 15).

[31] *...кордила...* — Написание списка Погодина, № 1615, вероятно, ошибочное; в Румянцева, № 358, 380, БАН, 13.2.25 (Яц. 26) зверь назван Горгонием; в Соловецком, № 925 (1035) — крокодил, в Соловецком, № 968/978 — коркодил. В греческом оригинале зверь по имени не назван (*Порфирьев.* Апокрифические сказания... по рукописям Соловецкой библиотеки. С. 214, примеч. 2).

[32] *...до Суда...* — до второго пришествия Христа и Страшного суда.

[33] *...три пруты.* — В других вариантах апокрифа сказано, что архангел дал Сифу три ветви — певги (сосны), кедра и кипариса.

[34] *...Горусий блятъ.* — В греческом оригинале сказано об Ахеронтском озере, в котором один из серафимов омыл тело Адама. В некоторых греческих рукописях вместо ̓αχέρουσαν ошибочно было написано γερουσίαν, попавшее в славянский перевод (*Порфирьев.* Апокрифические сказания... по рукописям Соловецкой библиотеки. С. 43, 215, примеч. 5). Ахеронтское,или Ахерусийское озеро, вероятно, происходит от Ахеронта — так в греческой мифологии называется река, через которую Харон перевозит души умерших (см.: Мифологический словарь. С. 75).

[35] *...архаггелъ знаменаше гробъ...* — Это действие архангела, возможно, является отголоском греческого оригинала, в котором сказано, что Бог запечатал гроб Адама треугольной печатью (*Порфирьев*. Апокрифические сказания... по рукописям Соловецкой библиотеки. С. 44).

[36] *«Се рѣх тебѣ, яко земля и в землю поидеши».* — В Библии слова Бога, обращенные к Адаму после грехопадения: «Ибо прах ты, и в прах возвратишься» (Быт. 3, 19). «Адам» в древнееврейском — «земля».

[37] *«Твоя от твоих к тебѣ приносяще от всѣх».* — Слова, которые произносит священник, во время литургии. В апокрифе эти слова обращены к земле, которая должна принять тело Адама.

ПЕРЕВОД

О АДАМЕ

Адам в Раю до грехопадения все имел во власти своей, все под властью его жили. И когда изгнал его Господь из Рая и сидел он в Эдеме пред дверьми райскими, то видел сон, что родятся Каин и Авель, и в какое время убьет Каин Авеля. И запретил ему ангел рассказывать это Еве. И прожил так он 70 и 9 лет и заболел нутром, и не ведал, что за болезнь у него. И собрались все от мала и до велика и удивлялись, и говорили Еве: «О мать наша, ты знаешь все тайны его, объяви нам, чем так отец наш болен?» И было всех людей возле Адама 6000 мужей.

(Исповедание Евы)

Ева тогда сказала: «От начала поведаю вам, дети мои. Когда создал Бог Рай на востоке и всю вселенную, и создал отца вашего и меня, и препоручил нам Рай и всех зверей, и гадов, и всех птиц пернатых. Адам хранил восточную часть и северную, я хранила западную часть и южную. И потом дал нам Господь заповедь, сказав: “Вам можно всем питаться, что есть в Раю, только плод одного дерева не ешьте”, и показал нам дерево. И поднялся на небеса Господь наш. И мы оба владели всем в Раю, и без повеления Адама и моего все звери и скоты, и гады не смели ни ходить, ни лакать, ни есть что-нибудь, покуда не разрешим им.

И тогда пришел к нам Дьявол, светел, словно ангел, и сказал нам: “Что вам позволил Бог есть и чего не велел есть в Раю?” Адам сказал: “Все нам разрешил есть, только плод одного дерева запретил нам есть и повелел нам остерегаться его”. Дьявол же сказал: “Очень жалко мне

вас, ибо не знаете, что если бы плод от него съели, то вы были бы богами”. Так сказал он и покинул нас. И нашел змею и подучил ее. Змея же, думая, что он ангел, пришла ко мне и показала мне плод от того дерева. И видела я, что змею любит Бог больше всех зверей, и взяла от нее плод и съела. И сердце мое смутилось во мне вдруг, и в моей части Рая деревья сбросили листву свою.

Я же скрылась под дерево то, плод которого съела, и позвала Адама и сказала: “Приди сюда, Адам, и увидишь великое чудо”. Только открыла я уста, и язык мой говорил сам собой, чтобы съел и Адам. Адам также взял плод от этого дерева, что я съела. И открылись глаза наши, и увидели мы наготу свою, и сердца наши воспылали похотью. И свершилось. И все деревья листву свою сбросили, одна только смоковница листья свои не сбросила. Адам же разрыдался и сказал мне: “О жена, что мы с тобой наделали!” Но сердце мое не отвратилось от Адама, и скрылись мы под тем деревом, которое не сбросило листву, и сшили листья смоковные, и сделали одежду себе.

И тогда услышали глас, раздающийся с небес, архангел призывал ангелов: “Придите все, — велит Господь, и сойдите в Рай, ибо согрешил Адам”. И потом сошел Господь со всеми ангелами своими. И поставлен был престол посреди Рая, и воззвал Господь громким гласом: “Адам, Адам, где ты?” — вещал сильный голос. Адам же скрылся. И схватили нас ангелы, и яростно били нас, и изгнали нас из Рая. Адам же плакал и молился, говоря: “Пощадите нас, может, смилуется Господь над нами!” Но не помиловал нас Господь. Архангел Михаил непрестанно молил о нас перед престолом. И так изгнали нас из Рая и отвергли нас.

Мы же сидели, лишенные Эдема. Адам упал ничком и рыдал. И прошло так дней 15, и изнемогла я от голода, и сказала Адаму: “Господин, встань и поищем себе убежище, уже сердце мое побеждено голодом и силы мои умалились”. Адам же, воскликнув, сказал: “О Ева, возникает в сердце моем желание отвернуться от лица твоего, но не с кем мне остаться и боюсь Бога. Да и сердце мое не отвергает тебя”. И встали мы, и обошли всю землю, и не нашли ничего съедобного, только волчец и траву полевую. И снова пришли к Раю и плакали, скорбя. И сказал Адам: “Господи, пошли мне благовония, чтобы тебе кадить”. Тогда послал ему Господь фимиам, и ливан, и ладан. И взял Адам и сотворил молитву Господу. И тогда умилосердился Господь, и архангел Иоиль отделил 7-ю часть Рая и отдал нам. И сначала питались плодами терновными 17 дней, а потом взяли пшеницу, и мед, и масло и ели и насытились. И изгнал Бог всех скотов и зверей из Рая и отдал Адаму. Адам же разделил их и сделал дикими и домашними, и дал всем им имена и всему, питающему их. И сказал Господь: “Терние и волчец от трудов твоих произрастет”.

И взял Адам волов и вспахал землю. И пришел Дьявол и встал перед волами, чтобы не давать Адаму землю пахать. “Потому что, — сказал Дьявол, — моя земля, а Божии небеса и Рай. И если хочешь моим быть, то землю паши. Если же хочешь Божиим быть, то иди в Рай”. И сказал Адам: “Божии небеса и земля со всем, что ее населяет”. Дьявол же не давал ему пахать и сказал: “Напиши мне своей рукой, что ты мой, и ты на земле будешь работать”. Адам же сказал: “Чья земля, того и я, и дети мои”. Но знал Адам, что должен сойти Господь на землю и родиться от девы. Дьявол же очень обрадовался и сказал: “Заложись за меня”. И взял Адам доску каменную и написал рукописание, и сказал: “Чья земля, того и я, и дети мои”. Дьявол же взял рукописание и скрыл у себя.

Я сказала Адаму: “Господин, покаемся, авось избавит нас Господь от Дьявола”. Адам же сказал: “Постимся сорок дней”. Я сказала: “Ты, господин мой, постись сорок дней, а я буду поститься сорок и четыре дня”. И сказал он мне: “Войди ты в Тигр реку и положи камень на голову свою, а другой под ноги свои, и стой по шею в воде, но не слушайся никого, чтобы не прельстили тебя снова”. И показал мне тайный знак, и сказал мне: “Не выходи из реки, пока я не приду”. И поднялся Адам, и пошел в Иордан каяться, и сошлись туда все звери и птицы, и множество ангелов и оплакивали Адама. Адам же погрузился весь в Иордан реку и провел так 40 дней.

Дьявол же пришел к Еве, как ангел светел, слезы роняя по земле, и сказал мне: “Ева, услышал Господь молитву твою и нашу, ангелов своих, молящих за тебя, послал меня Бог, чтобы ты вывела из реки Адама”. Я же не поверила ему, и снова через 3 дня пришел, приняв образ Адама, и долго искушал меня. Я же не соглашалась выйти, пока не увижу знак, который показал мне Адам. И когда закончил Адам 40-дневное покаяние, пришел от Иордана и нашел след Дьявола, приходившего ко мне, и очень испугался, не была ли я прельщена снова. И когда увидел меня в воде, обрадовался очень. Но когда пришел он ко мне, то я не поверила, что это господин мой. И показал мне знак. Тогда поверила я и вышла из реки. Так освободил нас Господь от Дьявола.

И поселились мы в Мадиаме и здесь родили Каина и Авеля. И все дни оба они пасли скот. Однажды встал Адам с ложа своего и сказал мне: “О жена, прошло четырнадцать лет, должна пролиться кровь Авеля, убитого Каином. Дай же мне осла, пойду и найду его”. Когда услышала я, растревожилось сердце мое. И сел Адам на осла, поехал и нашел Авеля убитого и не сказал ничего, ибо так велел ему ангел. И принес Авеля на место, называемое Реон, и похоронил его там. И когда я

родила Сифа, то сказала Адаму: “Господин, не надрывай сердце свое, ибо снова родила сына вместо Авеля и дала имя ему Сиф”».

И тут Адам прервал Еву, воскликнув: «О Ева, замолчи, уже ослабел я духом». А Сиф сказал: «Господин мой отец, пойду я в Рай и принесу что-нибудь из Рая, и ты увидишь, и утешишься». Адам же сказал: «Сын, как войти тебе в Рай? Но ты все же приблизься к Раю с плачем, может позволит тебе Господь взять ветвь от древа масличного и, кто знает, может отпустит меня болезнь эта». Сиф спросил: «Отец, откуда твоя болезнь?» Адам сказал: «О сын, тяжка болезнь моя. Когда согрешил я и мать твоя, тогда сказал Господь так: “Умножу скорбь твою, всегда будешь в печали. И дам тебе 72 болезни: первая болезнь утробе, вторая — очам, потом буду прибавлять по одной”. А матери вашей сказал: “Всегда муж твой будет господствовать над тобою, когда же будешь рожать, смерть будет грозить тебе”».

Выслушал это Сиф и отправился к Раю с матерью своею, и увидела Ева лютого зверя по имени крокодил, погнавшегося за сыном ее Сифом. И остановившись, сказала ему: «О зверь, не помнишь ли, как тебя лелеяла я руками своими? Как смеешь разевать пасть свою на образ Божий, как смеешь зубами своими хватать сына!» И тогда зверь, отвечая Еве, сказал: «О Ева, от тебя пошло зло. А ты как смела покуситься на снедь, которую не разрешил тебе Господь есть? Потому и я хочу дитя твое пожрать». И тогда Ева разрыдалась, и плачь ее слышен был от востока до запада, и сказала: «О горе мне, Боже мой, отныне и до века проклинать меня станет весь народ». Тогда Сиф сказал: «Заклинаю тебя, зверь, в логове своем пребудешь до Судного дня, раз посягаешь на надежду человеческую». Так он и пребывает вовеки.

Сказал Сиф и пошел с матерью своею, и плакал пред Раем, и посыпал прахом главу свою. И предстал перед ними архангел и спросил их: «Что взываете?» И сказал Сиф: «Господи, отец мой разболелся и желает райского блага, хочет увидеть ветвь от древа масличного, может тогда утихнет болезнь его». И тогда сказал ангел Сифу: «Нет для Адама лекарства, ибо приблизились дни его к смерти и кончается жизнь его». И отломил ему от древа, из-за которого изгнан был Адам из Рая, и дал Сифу три ветви. И Сиф принес их туда, где лежал Адам, отец его.

И увидел тогда Адам и узнал их, и взял их, и, вздохнув тяжело, свил венец и возложил на главу свою, и увидел руку Господню, принявшую душу его. И увидела Ева кадильницу с ладаном, окуривающую тело Адама, и трех ангелов, держащих горящие свечи. И взглянул Сиф на небо и увидел душу Адама, отца своего, далеко от Господа стоящую, и множество ангелов, молящихся за Адама. Когда встал архангел

Михаил, тогда все ангелы умолкли. И тогда смилостивился Господь, простер руку свою и принял душу Адама. И послал Господь ангела, чтобы похоронил тело его. И научил Сифа, и взяли тело и отнесли в место, называемое Геруси болото. И когда ископали могилу, архангел запечатал гроб, и раздался глас с небес, воззвавший: «Адам, Адам!» Он же ответил: «Здесь я, Господи». И Господь сказал: «Я предрек тебе, что ты — земля и в землю отойдешь». И земле сказал Господь: «Твоя от твоих тебе приносят все». И так погребли Адама с венцом, что был на главе его. Ева же, скорбным голосом молясь, просила: «Господи владыко, прими душу мою». И так после Адама через 6 дней, преклонив главу, предала душу свою Богу. И здесь же погребли Еву и сына ее Авеля. И на том месте выросло дерево из венца, что был на главе Адама.

О ПОТОПЕ

Подготовка текста, перевод и комментарии М. Д. Каган-Тарковской

ВСТУПЛЕНИЕ

Апокрифическая легенда о потопе соединяет библейский текст, посвященный этому событию (Быт. 6—8, 9. 1), со сказкой о дьяволе, пытавшемся помешать Ною спастись, сначала разрушив строившийся ковчег, затем обманом проникнув в него. Сказка о дьяволе в Ноевом ковчеге относится к сюжетам, распространенным в мировой литературе, и встречается у разных народов (*Dähnhardt O.* Natursagen: Eine Sammlung naturdeutender Sagen, Märchen, Fabeln und Legenden. Bd I: Sagen zum alten Testament. Kap. 13: Sündflutsagen. Leipzig und Berlin, 1907. S. 257—266; *Utley. F. L.* The Devil in the Ark. Chillicothe, 1959 (Ohio Valley folk publications. New ser. N 32); Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979. № 825. С. 209).

Подчас народная сказка значительно отличается от апокрифа, читающегося в древнерусских рукописях. Например, сказка, сообщенная И. Ф. Буслаевым, названа сказкой про Ноя и Евгу. Бог велел Ною не говорить никому о постройке ковчега, потому что хотел потопить дьявола со всеми людьми, иначе он снова соблазнит весь мир («Лукавый и думает: был бы я цел, грешники будут»). Дьявол спрятался у Евги под подолом, а она могла войти в ковчег только после слов Ноя: «Да иди же ты, проклятая!», после чего дьявол, воспринимая эти слова как призыв к нему, входит вместе с Евгой в ковчег. До этого жена Ноя медлила под предлогом, что надо горшки захватить, ложки да плошки забрать. Сказка кончается тем, что дьявол уцелел в ковчеге («потопа прошла, а грех остался») (Предисловие к русским народным песням, собранным П. И. Якушкиным // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым. М., 1859. Т. 1. Отд. 2. С. 99, 102—104). Сказка Буслаева по смыслу противоположна апокрифу, в котором дьявола, превратившегося в мышь, удавили кот и кошка.

Русского читателя апокрифическая легенда привлекала не только своей занимательностью, но и нравоучительными мотивами, популярными в древнерусской литературе, — о злых женах и о происхождении хмеля: в апокрифе именно жена по наущению дьявола изготовляет хмельное питье и, напоив Ноя, выведывает его тайну; она же помогает дьяволу пробраться в ковчег.

В древнерусской рукописной традиции библейский рассказ о потопе вместе со сказкой о дьяволе встречается в обширных компиляциях — Палеях: в Барсовской Палее (ГИМ, собр. Барсова № 619, начала XV в.); в сборнике монаха Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина, составившего свою компилятивную Палею (РНБ, собр. Кирилло-Белозерское, № 11/1068, XV в.; в Сокращенной Палее русской редакции РНБ, собр. Софийское, № 1448, XVI в.; опубликована А. Поповым — Книга бытия небеси и земли (Палея историческая с приложением Сокращенной Палеи русской редакции). М., 1881. Приложение. С. 9—13). Рассказ о дьяволе встречается и в Сказании Мефодия Патарского, но только в оригинальной русской редакции XV в. (публикацию текста см.: *Тихонравов Н.* Летописи русской литературы и древности. М., 1859. Т. 1. С. 158—160; *Пыпин А. Н.* Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 3. С. 17—18). В других Палеях, известных в древнерусской книжности, — Толковой (Коломенская Палея 1406 г.) и Хронографической (называемой Толковая Палея 1477 г.), легенды о дьяволе в Ноевом ковчеге нет.

Положение этой легенды в Палеях и Сказании Мефодия Патарского позволяет предположить, что до XV в. она могла существовать как самостоятельное произведение, устное или письменное. Сходство текста легенды о дьяволе в разных компиляциях указывает на общий протограф этого текста.

В настоящем издании рассказ о потопе и о дьяволе в Ноевом ковчеге публикуется по списку Сокращенной Палеи русской редакции (РНБ, собр. Софийское, № 1448, XVI в.), опубликованной А. Поповым. В этой компиляции фрагмент о потопе имеет более четкий и законченный вид, чем в Палеях XV в. В Барсовской Палее он разбит повторами и толкованиями, в Ефросиновской Палее сильно сокращен (см. публикацию текста Ефросина: *Каган-Тарковская М. Д.* Легенда о дьяволе в Ноевом ковчеге по древнерусским рукописным сборникам // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 106—110). Однако и текст Сокращенной Палеи не безупречен, с многочисленными случаями неправильного употребления форм глагола и причастия.

ОРИГИНАЛ

Бысть егда начаша человѣци мнози бывати на земли и дщеря родишася имъ. Видѣвше же человѣци дщеря их добры, пояша себѣ жены от всѣх, яже избраша.[1] И рече Господь Богъ: «Не имать пребывати духъ мой в человѣцех сих в вѣкы, занеже плоть суть. Будуть же дние их 120 лѣт, сполини».[2] Видѣв же Господь Бог, яко умножишася злобы человѣком

на земли и рече Бог: «Да потреблю человѣка от земля, егоже сотворих; от человѣка до скота и от гад и до птиць небесных».

Ной[3] же обрете благодать пред Господомъ Богомъ. Ной праведенъ в роде своем, угоди Богу. Видѣ Бог земля осквернена от человѣкъ, и оскверни всяка плоть путь свой на земли. И рече Господь Бог к Ною: «Время всякого человѣка погубити на земли, исполнися неправда их пред мною. Створи себѣ ковчег на Аравитских горах»,[4] и показа ему древо четвероуголных[5] повелѣ дѣлати ковчегъ в долготу 300 лактей, в ширину 50 лактей, в высоту 30 лактей,[6] — «И полатци сотвориши в нем разлѣчны». Тогда быша людие велици, волотове суть; тѣх 300 лактей, а наших 3000, тѣх 50, а наших пол 2000, тѣх 30 лакот, а наших 900. Егюптяне бо сажень лактем зоуть. «И оконца сотвори в ковчезе и посмолиши его внеуду и внутрьуду асфалтом,[7] двери же ковчегу сверху створиши, с стран же подница двоекраты и трикраты створиши». Ной же по глаголу анггелову начаша дѣлати ковчег и сходяще з горы пища ради в три месяци в домъ свой.

Диавол же, искони ненавидяй рода человѣчя, прикоснуся к женѣ Ноевѣ и рече ей: «Испытай, гдѣ ходит муж твой». Она же рече: «Крѣпок муж мой, и не могу испытать его». И рече Диавол к ней: «Есть трава над рекою, вьется около древа. Ты же возми цвѣт травы тоя и укваси с мукою, и напои мужа своего, и исповѣсть ти все». Она же сотвори тако по Диаволю научению.

Ной же сшед з горы пища ради и рече: «Жено, дай ми пити, вжадахся от дѣла своего». Она же дасть ему чашу. Ной же испив рече: «Се есть хмель рванець, умному на веселье, на свадьбу, на кумовство и на братство, и на все доброе, а безумному на бой, на брань и на все злое дѣло». И испив Ной 3 чаши, веселяся с женою Ной. Она же начя дияволим научением ласкатися около мужа своего и рече: «Повѣж ми, господине, гдѣ ходиши?» Он же рече ей: «Посла Господь анггела своего ко мнѣ и рече ми: “Хощу потопити всю землю”, и повелѣ ми сотворити ковчег и внитти в него мнѣ и тебѣ, и сыном нашим, и женам их».

И сказа жена Диаволу, гдѣ ходит Ной. Диавол же шед разби дѣло Ноево. И утре Ной вшед на гору, видѣв ковчег разбиен аки прах. И плакася Ной 40 дни, и явися ему анггелъ Господенъ, указа ему древо негнеючее, рекомое кѣдръ, и рече: «В сем древе созиждь ковчег». И созда Ной ковчег в 30 лѣт.

Бысть в 600-е лѣто живота Ноева, втораго месяца априля[8] 27 день. Прииде потоп на землю, откры Господь Бог 12 оконца морскиа, и развергошася хлябиа небесная,[9] и бысть дождь 40 дни и 40 нощи. Ной же удари в било, и вниде к Ною в ковчег сынове его Симъ, Хамъ и Афетъ и жены сынов его. Слышав глас той, вниде к Ною в ковчегъ двое двое от скот и от зверей чистых и от зверей нечистых, двое двое от птиць чистых и от птиць нечистых, и от гад внидоша в ковчег препитася с Ноемъ в ковчезѣ.

Диавол же не хотя добра роду человѣческому, но хотя погубити его, прикоснуся к женѣ Ноевѣ и рече ей: «Не ходи в ковчег без моево

слова». И тогда жена Ноева диаволим научением не поиде в ковчегъ. Уже вся собрашася к Ною в ковчег, жена же Ноева не иде в ковчег. Ной же начя звати в ковчег: «Поиди, акаяннице, в ковчег, поиди, прелестнице!» Она же стояше, тужаше о родѣ своем и ждаше слова Диаволя. И рече ей Ной: «Поиде, диаволе, в ковчег!» Она же поиде в ковчег, и Дияволъ с неюже вниде в ковчег.

Тогда акаянный Диаволъ, хотя погубити весь род человический, превратися в мышь и начя грысти дно ковчегу. Ной же помолися Богу, и пришед в ковчег лютый звѣрь[10] и прыснув, из ноздри же его выскочиста котъ и кошка и удависта мышь ту. Повелѣнием Божиим не збысться злохитрьство дияволе, и оттоле начя быти коты.

И повелѣ Господь водѣ вести ковчег на горы Аравитьскыа, идѣже созданъ бысть. Ковчег же ношашеся на водах над горами высокими 15 лакотъ. И потопе всяка плоть. И плаваше ковчег 150 дней, и седе Ной в ковчезе 7 месяць 27 дни на горах Аравитьских. Вода же уходящи до 10-го месяца. В 11 месяць в 1 день изсяче вода от лица земли. И откры Ной покровъ ковчегу и оконець отверзе, и посла врана, отступила ли вода от лица земли. И шед, вран паде на плоть мертвых и не возвратися к Ною в ковчег.

Ной же посла голубя видѣти, уступило ли воды. Голубь же не обрете покоя ногама своима, леташе и возвратися к Ною в ковчег, яко вода по всему лицу земли. Ной же простеръ руку свою, прият голубя и внесе его в ковчег. И еще пожда 7 дни, второе посла голубя. Голубь же леташе, возвратися на вечеръ к Ною в ковчег и принесе во устѣх своих сучець масличинъ. И разумѣ Ной, отступила вода от лица земли. И пожда еще 7 дни, посла голубя, и не приложи голубь возвратитися к Ною в ковчегъ, зане изсяче вода от лица земли. Ной же благослови птицу голубя, буди чиста и мудрѣйши во всѣх птицах. Врана же птицу Ной проклят, с нечистыми птицами сочетал.

Бысть Ной 601-го лѣта живота его, перваго месяца 1 день, оскудѣ вода от лица земли. И открый Ной покров ковчегу, иссяче вода от лица земли. Бысть потопъ на земли 20 месяць, во вторый же месяць, рекше октябрь,[11] изше земля. И рече Господь Бог Ною: «Изыди ты ис ковчега и жена твоя, и сыны твои, и жены сынов твоих с тобою, и весь род твой, и вси звѣри и скоти, и птици, и вси гади пресмыкающися по земли. Да плодитеся и растите, и умножитеся по земли, и наполните землю».

---

[1] *Бысть егда начаша человѣци мнози бывати на земли... пояша себъ жены от всѣх, яже избраша.* — Ср. в Библии: «Когда люди начали умножаться на земле, и родились у них дочери. Тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал» (Быт. 6, 1—2). В апокрифах потомки Каина названы детьми человеческими, а потомки Сифа — детьми Божиими

(см.: *Порфирьев И.* Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1873. С. 194).

[2] *...сполини...* — Дочери человеческие рожали сынам Божиим исполинов (Быт. 6, 4). В Еллинском летописце со ссылкой на Хронограф Иоанна Малалы сказано: «...и начаша мнози быти на земли, и дщери Каиновы, рекше человѣческыя, добры бяхут, и вхождаху сынове Божии, рекше Сифовы, к дщеремъ Каиновымъ, и от тѣхъ рождахуся волотови» (см.: *Попов А.* Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. Вып. 1. С. 7). В апокрифической книге Еноха появление исполинов объясняется иначе: они рождены смертными женщинами от падших ангелов. Постепенно исполины исчезли с лица земли или погибли во время потопа. К их потомкам причислены персонажи Ветхого Завета — великан Голиаф и охотник богатырь Нимврод (см.: Мифологический словарь. Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Изд. «Большая российская энциклопедия» «Лада-Маком», 1992. С. 468).

[3] *Ной* — см. коммент. к апокрифу о Мелхиседеке.

[4] *Створи себѣ ковчег на Аравитских горах...* — В Библии и Барсовской Палее горы названы Араратскими. Над этими же горами остановился ковчег в конце потопа. И в Библии, и в апокрифе сказано, что ковчег оказался на том же месте, где Ной его строил.

[5] *...древо четвероуголных...* — Дерево, из которого строился ковчег, в разных памятниках названо по-разному: гофер (Быт. 6, 14), треклин (в Барсовской и Ефросиновской Палеях), кедр (в Сокращенной Палее и Сказании Мефодия Патарского), немоклид (РНБ, собр. Погодина, № 1936, XVII в.). В Коломенской Палее «четверогранным» назван уже построенный ковчег: «Собрашася к нему зверье и скоти, и птица, и гады, и прочий род от четырехь конець вселенна, мужеск пол и женеск, тех убо Господь повелел препитати на плоды земныя, введе же Ной в ковчег четверограньный» (Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. М., 1892. Стб. 207).

[6] *...в долготу 300 лактей, в ширину 50 лактей, в высоту 30 лактей...* — Таковы размеры ковчега и в Библии (Быт. 6, 15). Локоть — мера длины, равная расстоянию от локтевого сгиба до вытянутого среднего пальца; применялась в античности, средневековье и Древней Руси. Длина локтя значительно колебалась в разные времена и в разных местностях. По расчету Л. В. Черепнина локоть в Древней Руси равнялся примерно 46 см (*Черепнин Л. В.* Русская метрология. М., 1944. С. 22). Н. В. Устюгов определял локоть от 42.5 до 47.5 см (*Устюгов Н. В.* Очерк древнерусской метрологии // Исторические записки. 1946. № 19. С. 301).

[7] *...асфалт* — ̓άσφαλτος — по-гречески горная смола.

[8] *...втораго месяца априля...* — Летоисчисление дано по мартовскому году. В Библии начало потопа также приурочено ко второму месяцу, но без названия.

[9] *...развергошася хлябиа небесная...* — Слово «хлябь» имеет разные значения. И. М. Срезневский переводит его на современный русский язык как водопад, стремнина, поток (Материалы для словаря... СПб., 1903. Т. 3. Стб. 1376). В. Даль дает более широкий круг значений — «простор, пустота, глубь, глубина; пропасть, бездна с понятием о подвижности жидкой среды, в коей она заключена» (Толковый словарь. М., 1955. С. 554). В Словаре церковно-славянского и русского языка, составленном вторым отделением имп. Академии наук (СПб., изд. II, 1867. Т. 3. Стб. 850) слово хлябь переведено как отверстие.

[10] *...лютый звѣрь...* — В Древней Руси лютым зверем назывался любой хищный зверь. Лютый зверь упоминается в «Поучении Владимира Мономаха» и в «Слове о полку Игореве». В апокрифе, скорее всего, имеется в виду животное из породы кошачьих, миниатюрным вариантом которого явились кот и кошка; возможно тигр, но скорее всего, лев (см.: *Лихачева О. П.* Лев — лютый зверь // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 129—137).

[11] *...во вторый же месяць, рекше октябрь...* — То, что окончание потопа в апокрифе датировано вторым месяцем октябрем, является явной ошибкой. Октябрь может быть назван вторым месяцем только при начале года в сентябре, что противоречит предыдущему отсчету апокрифа, начинающему год в марте (второй месяц — апрель). По расчетам Библии, не приводящей названия месяцев, потоп начался в 600-е лето жизни Ноя, во второй месяц; Ной плавал в ковчеге 7 месяцев; вода убывала до десятого месяца, после чего показались верхи гор; в это же время Ной выпускал птиц; в первый месяц 601-го года жизни Ноя иссякла вода на земле, а во второй месяц земля высохла (Быт. 7, 11; 8, 4, 5, 13, 14). Пребывание Ноя в ковчеге длилось год. Если потоп начался в апреле, то Ной не мог выйти из ковчега в октябре.

ПЕРЕВОД

Настало время, когда начали люди размножаться на земле и дочери родились у них. Увидели мужи дочерей их красивых и взяли себе в жены тех, которых избрали. И сказал Господь Бог: «Не будет пребывать дух мой в людях этих вовеки, потому что греховны они. Путь проживут они 120 лет, исполины». Увидел же Господь Бог, что умножилось зло от людей на земле, и сказал Бог: «Да истреблю человека на земле, его же я создал; от человека до скота и от гадов и до птиц небесных».

Ной же обрел благодать у Господа Бога. Ной, праведный в роде своем, угодил Богу. Увидел Бог, что земля осквернена людьми и осквернили все живущие путь свой на земле. И сказал Господь Бог Ною: «Настало время каждого человека погубить на земле, преисполнилась неправда их предо мною. Сооруди себе ковчег на Аравитских горах, — и, показав ему древо четвероугольное, повелел делать ковчег в длину 300 локтей, в ширину 50 локтей, в высоту 30 локтей. — И полаты сотворишь в нем отдельные». Тогда были люди могучие, великаны: их 300 локтей, а наших 3000, их 50, а наших 1000, их 30 локтей, а наших 900. Египтяне сажень локтем называют. «И оконца сделай в ковчеге и просмоли его снаружи и внутри горною смолою, двери же в ковчеге сверху сделай, а

по бокам жилье в два и в три яруса сооруди». Ной же по приказанию ангела начал строить ковчег и спускался с горы за пищей раз в три месяца в дом свой.

Дьявол же, испокон века ненавидящий род человеческий, приблизился к жене Ноя и сказал ей: «Узнай, куда ходит муж твой». Она же отказалась: «Упрям муж мой, и не смогу выпытать у него». И сказал Дьявол ей: «Есть трава над рекою, вьется около дерева. Ты же возьми цвет травы той и заквась с мукою, и напои мужа своего, и расскажет тебе все». Она же сделала так по наущению Дьявола.

Ной же сошел с горы пищи ради и приказал: «Жена, дай мне пить, возжаждал я от работы своей». Она же дала ему чашу. Ной же, выпив, сказал: «Это хмель рванец, умному на веселье, на свадьбу, на кумовство и на братство, и на все добрые дела, а глупому на драку, на вражду и на всякое злое дело». И, испив три чаши, веселился с женою Ной. Она же начала по наущению Дьявола ласкаться к мужу своему и спросила: «Поведай мне, господин, куда ходишь?» Он же ответил ей: «Послал Господь ангела своего ко мне и сказал мне: “Хочу потопить всю землю”, и повелел мне построить ковчег и войти в него мне и тебе, и сыновьям нашим, и женам их».

И сказала жена Дьяволу, куда ходит Ной. Дьявол же, придя, разломал постройку Ноя. И утром Ной, взойдя на гору, увидел ковчег, разбитый в прах. И плакал Ной 40 дней, и явился ему ангел Господень и указал ему дерево негниющее, по имени кедр, и сказал: «Из этого дерева строй ковчег». И построил Ной ковчег за 30 лет.

Случилось это в 600-е лето жизни Ноя, во второй месяц года, в апреле, в 27 день. Пришел потоп на землю, открыл Господь Бог 12 окон морских и разверзлись хляби небесные, и шел дождь 40 дней и 40 ночей. Ной же ударил в било, и вошли к Ною в ковчег сыновья его Сим, Хам и Афет и жены сыновей его. Услышав зов тот, вошли к Ною в ковчег по паре от скотов и от зверей чистых и от зверей нечистых, по паре от птиц чистых и от птиц нечистых, и от гадов вошли в ковчег, чтобы прокормиться с Ноем в ковчеге.

Дьявол же, не хотя добра роду человеческому, но замыслив погубить его, приблизился к жене Ноя и сказал ей: «Не входи в ковчег без моего слова». И тогда жена Ноя по наущению Дьявола не пошла в ковчег. Уже все собрались к Ною в ковчег, жена же Ноя не шла в ковчег. Ной же начал звать в ковчег: «Иди, окаянная, в ковчег, иди, обманщица!» Она же стояла, горюя о родных своих и ожидая слова Дьявола. И сказал ей Ной: «Иди, дьявол, в ковчег!» Она же пошла в ковчег, и Дьявол с нею же вошел в ковчег.

Тогда окаянный Дьявол, желая погубить весь род человеческий, превратился в мышь и начал грызть дно ковчега. Ной же помолился Богу, и пришел в ковчег лютый зверь и чихнул, и из ноздрей его выскочили кот и кошка и удавили мышь ту. Повелением Божиим не сбылись козни Дьявола, и с тех пор начали водиться коты.

И повелел Господь воде нести ковчег на горы Аравитские, на то место, где создан был. Ковчег же носился на водах выше гор высоких на 15 локтей. И утонули все живущие. И плавал ковчег 150 дней, и сидел Ной в ковчеге 7 месяцев 27 дней на горах Аравитских. Вода же убывала до 10-го месяца. В 11 месяц, в 1 день иссякла вода с лица земли. И открыл Ной кровлю ковчега, и оконце отворил, и послал ворона, чтобы узнать, отступила ли вода от лица земли. И, полетав, ворон набросился на тела мертвых и не возвратился к Ною в ковчег.

Ной же послал голубя посмотреть, убавилась ли вода. Голубь же, не найдя опоры ногам своим, полетал и возвратился к Ною в ковчег, ибо стояла вода по всему лицу земли. Ной же простер руку свою и принял голубя, и внес его в ковчег. И еще, подождав 7 дней, второй раз послал голубя. Голубь же, полетав, возвратился вечером к Ною в ковчег и принес в клюве своем ветвь масличную. И понял Ной, что отступила вода от лица земли. И, подождав еще 7 дней, послал голубя, и не возвратился голубь к Ною в ковчег, потому что сошла вода с лица земли. Ной же благословил птицу голубя, да будет чист и мудрейший среди всех птиц. Птицу ворона же проклял, причислил к нечистым птицам.

Было Ною 601-е лето жизни его, первого месяца в 1 день ушла вода от лица земли. И открыл Ной крышу ковчега, когда сошла вода с лица земли. Продолжался потоп на земле 20 месяцев, во второй же месяц, называемый октябрь, обсохла земля. И сказал Господь Бог Ною: «Выйди ты из ковчега и жена твоя, и сыновья твои, и жены сыновей твоих с тобою, и весь род твой, и все звери и скоты, и птицы, и все гады, пресмыкающиеся по земле. Да плодитесь и размножайтесь, и умножайтесь на земле, и наполните землю».

СКАЗАНИЕ О МЕЛХИСЕДЕКЕ

Подготовка текста М. Д. Каган-Тарковской, перевод и комментарии Р. Б. Тарковского

ВСТУПЛЕНИЕ

Рассказа о Мелхиседеке, сыне Нира, в Библии нет. Мелхиседек — персонаж Ветхого Завета, о котором в Послании апостола Павла к евреям (Евр. 7, 1—3) сказано мало и очень таинственно: «Мелхиседек, царь Салима, священник Бога Всевышнего, тот, который встретил Авраама и благословил его, возвращающегося после поражения царей, которому и десятину отделил Авраам от всего, во-первых, по знамению имени царь правды, а потом и царь Салима, то есть царь мира (ср. Быт. 14, 18). Без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь сыну Божию, пребывает священником навсегда». В других местах Священного Писания имя Мелхиседека вспоминается тогда, когда речь идет о священниках-иереях «по чину Мелхиседекову» (Пс. 109, 4; Евр. 5, 10; 7, 11, 15, 17, 21). Эта таинственность, по мнению И. Я. Порфирьева, давала простор для создания различных апокрифических сказаний о Мелхиседеке.

Ефрем Сирин и другие древние авторы отождествляли его с сыном Ноя Симом или видели в нем ангела. Секта еретиков-мелхиседекиян ставила его выше Христа (*Порфирьев И.* Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1872. С. 115—120). Апокрифы, приводящие более подробные и мотивированные рассказы о Мелхиседеке, тем не менее ориентировались на библейские представления о нем и включали их непременным элементом в свои повествования (*Яцимирский А. И.* Библиографический обзор апокрифов в южнославянской и русской письменности. Пг., 1921. С. 100—111).

Наиболее часто в древнерусских рукописях встречается рассказ о Мелхиседеке, приписанный Афанасию Александрийскому. В Прологе XV—XVI вв. он читается под 22 мая. В этом сказании Мелхиседек — сын эллинского царя Мелхила. Отец хотел принести его в жертву богам, разгневавшись на то, что Мелхиседек уверовал в Высшего Творца. По молитве Мелхиседека земля разверзлась и поглотила язычников, приносяших человеческие жертвы. Поскольку на земле не осталось никого из рода Мелхиседека, то, по слову Бога, он назван безродным. Семь лет скрывался Мелхиседек на горе Фавор, питаясь листьями и росой. Там его нашел Авраам, принес ему одежду, остриг ему волосы и ногти и получил от него благословение (Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 3. С. 22—23). Это сказание в XII в. слышал в Иерусалиме русский паломник игумен Даниил, которому показывали на горе Фавор пещеру Мелхиседека («Хождение» игумена Даниила // БЛДР, 4. С. 100—103, 598). По другому сказанию Мелхиседек происходил от колена Хама, сына Ноя, и так угодил Богу, что тот перенес его в страну Иорданскую и сделал священником. Встретив Авраама, Мелхиседек благословил его хлебом и квасом (Обзор апокрифов о Мелхиседеке см.: *Творогов О. В.* Апокрифы о Мельхиседеке // Словарь книжников, 1. С. 62—63).

Публикуемый нами рассказ о жене Нира Софониме, матери Мелхиседека, встречается в древнерусских рукописях редко. Вся история приурочена ко времени накануне всемирного потопа; Нир назван братом Ноя, а Мелхиседек пока еще младенец, будущая роль которого известна из предсказаний Бога и архангела Гавриила. Если Ной — хорошо известный библейский персонаж, то ни брата его Нира, ни жены Нира Софонимы Библия не упоминает. С библейским Мелхиседеком младенец апокрифа связан только своей будущей миссией — быть главой иереям.

Текст апокрифа известен в нескольких списках. Древнейший — в Барсовской Палее начала XV в. (ГИМ, собр. Барсова, № 619, л. 2). Но в Барсовской Палее сохранилась только заключительная часть апокрифа, начиная со слов: «...глава ерѣомъ людья единовластие служаща ти, Господи. И бысть егда сконча отрокъ 40 дний в кровѣ Нировѣ...» Затем по времени идут списки — Библиотека РАН, 45.13.4, XVI в., л. 365—366 об.; РНБ, собр. Кирилло-Белозерское, № 27/1104, XVII в., л. 232 об.—238 об. (К—Б); РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 793 (1639), XVI в., лл. 401—402 (ТСЛ). В рукописях ГИМ, Библиотеки РАН и РНБ представлена Пространная редакция памятника, в рукописи РГБ — Краткая. Текст списков РНБ и РГБ (К—Б и ТСЛ) опубликован:

Тихонравов Н. С. Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863. Т. 1. С. 26—31. В настоящем издании текст публикуется по списку Библиотека РАН, 45.13.4.

ОРИГИНАЛ

О НИРОВѢ ЖЕНѢ

И жена Нирова Софонима неплоды сущи и не роди Нирови.

И бысть Софонима во время старости и в день смерти, и приа во чревѣ своем, а Ниръ, ерѣй, не спа с нею от дни, имже постави Господь в лице людей. Устыдѣся Софонима и потаися вся дни, и никтоже не увѣда от люди.

И бысть въ день рожества и помяну жену свою Ниръ и възва ю к собѣ во храмину, да побѣседуетъ с нею. И иде Софонима к мужу ея, се таи во чревѣ имущи во время рожества. И видѣвъ ю Ниръ, и постыдѣся ею зѣло, и рече к ней: «Что се сотворила еси, жено, и посрамила мя еси пред лицемъ всих людей? И нынѣ отиди от мене, — иди, идѣже еси зачала срамоту чрева твоего, да не осквръню руку моею о тебѣ и согрѣшу в лице Господне».

И отвѣща Софонима к мужу своему, глаголющи: «Се, господине мой, во время старости моеа, и не бысть во мнѣ унотьства, — ни вѣмъ, како зачатся безлобье чрѣва моего». Не вѣрова ей Ниръ, и глагола ей Ниръ второе: «Отиди от мене, егда како уражю тя и согрѣшу в лицѣ Господне».

И бысть егда Ниръ к жене своей глаголаше, и паде Софонима у ногу Нирову и умре. И оскорбѣ Ниръ зѣло, и рече в сердци своемъ: «Егда от Господа моего и бысть ей, — и нынѣ милостивъ и вѣченъ Господь, зане не бысть рука моя на ней». И явися Нирови архаггелъ Гаврилъ[1] и рече ему: «Не мни, яко жена твоя Софонима вины ради умре: сей же от нея родивыйся младенецъ — плод праведенъ есть, и егоже восприемлю на Рай,[2] да не будеши дару Божью отець».

И ускори Ниръ, и отвори двери храма своего, и иде ко брату своему Ною,[3] и повѣда ему все, елико бысть женѣ его. И ускори Ной ко клети брата своего и виде женѣ брата своего въ смерти, и утроба еа въ время рожества. И глагола Ной к Ниру: «Не буди печално тебѣ, Нире, брате мой, что покры Господь днесь срамоту нашу, имже не вѣсть никтоже от людей. И нынѣ подщимся погребемъ ю, и покрыетъ Господь бестудье наше». И положиша Софониму на одрѣ, облекоша в ризы чръны и затвориша двери. И изрыша гроб втайнѣ.

Егда изыдоша ко *гробу* еа, и изыде отрокъ из мертвеный Софонимы и сѣдяше на одрѣ. И вниде Ной и Ниръ погребсти Софониму и увѣдиша отрокъ седящь у мрътвены, сущая одѣание на немъ. И ужасеся Ной и Ниръ, зѣло бяше бо отрокъ свѣршенъ тѣломъ, глаголаше усты своими и благословяше Господа.

Смотряше его Ной и Ниръ зѣло, глаголаше: «Се от Господа есть, брате мой. И се печать святителства на пръсѣх его, и славенъ взоромъ». И рече Ной к Нирови: «Брате, се обновляет Господь кровь священиа по нас». И ускори Ниръ и Ной, и омысте отроча, и облекосте в ризы святительства, и дасть ему хлѣб благословеный ясть. И нарекосте имя ему: Мелхиседек.[4]

И прия Ной и Ниръ тѣло Софонимы, и совлекосте с нея ризы чръныя, омысте тѣло ея, и облекосте в ризы свѣтлыи и изрядны, и создаша ей гробъ. И иде Ной и Ниръ и Мелхиседекъ и погребоша ю честно явѣ.

И глагола Ной къ брату своему: «Поблюди отрока до времени втайнѣ, зане про ны рѣша людие по всей земли и нѣкако уздрѣша, умертвятъ его». И иде Ной на мѣсто свое.

И се вся безакониа по всей земли во дни Нировы. И тужаше Ниръ зѣло, паче отрочати, глаголя: «Что сотворю ему?» Простеръ Ниръ руцѣ свои на небо и призва Господа, глаголя: «Увы мнѣ, Господи вѣчный! Вся безакониа умножишася на земли во дни моя, и разумѣю аз, яко близъ есть скончание наше. И нынѣ, Господи, что есть видѣние отрока сего? И что есть суд его, или что сътворю ему, да не предрългнется с нами в погибели сей?»

Услыша Господь Нира, явися ему въ видѣнии нощнѣмъ и глагола ему: «Се уже, Нире, велико гибение бысть на земли, к тому не тръплю ни

поносу, се аз мышлю вскорѣ низъпустѣти погубление велико на землю. [5] А о отрочати не печалуй, Нирѣ, зане аз помалѣ пошлю архаггела своего Гаврила, и прииметъ отрока и посадитъ его в Раи едемъстѣм, и не погибнетъ с погыбущими. А азъ показах и́; и будет ми ерѣй ерѣемъ в вѣкы Мелхиседекъ и сущи. И преставлю и́ в люди великы, сущаа мя».

И вставъ Ниръ от сна своего и благослови Господа, явльшагося ему, глаголя: «Благословенъ Господь, богъ отець наших, иже не дасть похулениа святительству моему во святителствѣ отець моих, яко глаголъ твой созда иерѣа велика в ложеснѣх Софонимлих, жены моея, зане не бысть мнѣ племени. И буди отрокъ сый во племени моего мѣсто и станет сынъ мой. И причтеши с рабы своими, с Сифомъ,[6] и Енофомъ,[7] и Русиемъ, и Миламом, и Рерухом, и Арусамом, и Наилем,[8] и Енохом,[9] и Мефусаиломъ,[10] и робомъ твоим Нyромъ. И Мелхиседекъ будетъ глава иерѣемъ в род инъ, видѣ бо, яко род сей в мятеже скончает ся и погибнут яко вси. И Ной, брат мой, схранится в род инъ всаждений, и от племени его востанут люди мнози.[11] И Мелхиседек станет глава иерѣемъ людия, единовластиа служащаа ти, Господи».

И бысть, егда сконца 40 дни въ кровѣ Нировѣ, и глагола Господь архаггелу Гаврилу: «Сниди на землю к Ниру жерцу, и возми отрока Мелхиседека сущаго и положи в Рай едемли въ хранитву, уже бо приближися время, и аз пущу вся воды на землю, и погибнут вся сущаа на земли. И воставлю в род ин, и Мелхиседекъ будетъ глава ерѣемъ в родѣ том».

И ускори Гаврилъ и слѣте нощию, и Ниръ бяше спя на одрѣ своемъ нощию. И явися ему Гаврил, глагола к нему: «Сице глаголеть Господь к Нирови: пусти отрока ко мнѣ, иже ти поручих». И не позна Ниръ глаголющаго къ нему, и мятешеся сердце его: «Егда, рече, увѣдающи людие отроча, возмуть и́ и убиют его, зане лукаво бысть сердце людско пред лицем Господнимъ». И отвѣща Гаврилу и рече: «Нѣсть у мене отрока, и не позна я глаголющаго ко мнѣ». И отвѣщав к нему Гаврилъ: «Не бойся, Нире, аз есми архаггелъ Гаврил, посла мя Господь. И се поимаю отрока твоего днесь, и иду с нимъ, и положу и́ в Раи едемьстем». И помяну Ниръ сонъ пръвый, вѣровавъ и отвѣщавъ Гаврилу: «Благословенъ Господь, пославый тя днесь ко мнѣ. И нынѣ благослови раба твоего Нира, и поими отрока, и сотвори ему, елико же глаголано к тобѣ». И взя Гаврил отрока Мелхиседека в нощь ту на крилѣ свои и положи в Раи едемъстѣм.

И вста Ниръ заутра, и иде в кровъ, и не обрѣте отрока. И бысть радость и скорбь Нирови зѣло, зане имяше отрока в сына мѣсто.

Богу нашему слава всегда — и нынѣ, и присно и в вѣкы вѣкомъ. Аминь.

---

[1] *Архаггелъ Гаврилъ* — архангел Гавриил (евр. муж Божий), один из высших ангелов. В Ветхом и Новом Завете приносит вести и толкует видения. Так, он предсказывает священнику Захарии рождение у него сына Иоанна Крестителя, а деве Марии — Иисуса (Лк. 1, 13, 31); пророку Даниилу объясняет его видения (Дан. 8, 16; 9, 21). В подобной же роли выступает архангел Гавриил и в апокрифе о Мелхиседеке; в Барсовской Палее, К—Б и ТСЛ вместо него фигурирует архангел Михаил.

[2] *...Рай...* далее: *Рай едемъстѣм*; *Рай едемли* — речь идет о ветхозаветном Эдеме, райском саде, насаженном Богом на Востоке (Быт. 2, 8).

[3] *Ной* — библейский персонаж, сын Ламеха, внук Мафусаила, отец Сима, Хама и Иафета. Праведный Ной и его семья спаслись от потопа в ковчеге, который Ной построил по приказу Бога. Потомки его населили землю (Быт. 5, 29—32; 6—10).

[4] *Мелхиседек* — евр. праведный царь.

[5] *И се безакониа по всей земли во дни Нировы... се аз мышлю вскорѣ низъпустѣти погубление велико на землю.* — Описана ситуация, приуроченная в Библии ко времени Ноя, когда Бог решил истребить на земле род человеческий за грехи (Быт. 6, 5, 13).

[6] *Сиф* — младший сын Адама и Евы, родившийся после гибели Авеля (Быт. 5, 3, 6, 7).

[7] *Еноф* — возможно, имеется в виду Енос, сын Сифа (Быт. 5, 6, 7, 9—11; 1 Пар. 1, 1).

[8] *Русий, Милам, Рерух, Арусам, Наиль* — в Библии этих имен нет.

[9] *Енох* — потомок Сифа, сын Иареда, отец Мафусаила, прадед Ноя. За благочестие взят Богом живым на небо (Быт. 5, 18, 21, 22, 24).

[10] *Мефусаил* — Мафусаил (Мафусал), дед Ноя. Долговечнейший из людей, по библейскому преданию, жил 969 лет (Быт. 5, 21—27).

[11] *И Мелхиседекъ будет глава иерѣемъ в род инъ... И Ной, брат мой, схранится в род инъ всаждений, и от племени его востанут люди мнози.*

— В Библии рассказ о населении земли потомками Ноя и упоминание Мелхиседека как первого иерея никак не связаны.

ПЕРЕВОД

О ЖЕНЕ НИРА

Была бесплодна жена Нира Софонима и не родила Ниру наследника.

И вот состарилась Софонима, и близился день ее смерти, когда почувствовала она дитя в чреве своем, — а Нир не входил к ней со дня, как поставил его Господь иереем перед людьми. Испугалась Софонима и таилась все дни, и никто из людей и не узнал этого.

И сталось же в день родов — вспомнил о жене своей Нир и призвал ее к себе в покои побеседовать с нею. И пошла Софонима к мужу, тая дитя в чреве, и тогда наступило время родин. И увидел ее Нир, и устыдился безмерно такого позора, и сказал ей: «Что же ты это сотворила, жена, и осрамила меня перед людьми? И теперь иди от меня, — иди туда, где зачала позор чрева твоего, да не оскверню рук моих о тебя и не согрешу перед Господом».

И ответила Софонима мужу своему, говоря: «Я, господин мой, уже стара, и нет во мне молодой силы, — не знаю, как зачалось в смиренном чреве моем». Не поверил ей Нир, и сказал ей Нир снова: «Уйди от меня, а то не ровен час убью тебя и согрешу перед Господом».

И когда так говорил Нир жене своей, упала Софонима к ногам Нира и умерла. И опечалился Нир глубоко, но решил в сердце своем: «Коль от Господа моего уж так суждено ей, то и ныне милостив и вечен Господь, ибо не поднял руки моей на нее». И тогда явился Ниру архангел Гавриил и сказал ему: «Не мысли, что жена твоя Софонима в наказание умерла: младенец, что ею выношен, — плод праведный, и я приму его в Рай, да не быть тебе отцом Божьему дару».

И не стал медлить Нир, и, отворив двери покоев своих, поспешил к брату своему Ною и рассказал ему все, как было с женой его Софонимой. И поспешил Ной в дом брата своего и увидел жену брата своего мертвой, но чрево ее пыталось еще разрешиться от бремени. И сказал Ной Ниру: «Не печалься, Нир, брат мой, ибо сокрыл Господь

сегодня позор наш, и не знает о нем никто из людей. А теперь постараемся похоронить ее, и Господь укроет бесчестье наше». И положили Софониму на ложе, покрыли черным покровом и затворили двери. И вырыли тайно могилу.

Но когда готовили ей могилу, у мертвой Софонимы родился ребенок и оставался на одре покойной. И возвратились Ной и Нир похоронить Софониму и увидели младенца, сидящего около мертвой, прикрытого ее одеждой. И поразились Ной и Нир, ибо столь был прекрасен младенец и уже говорил и устами своими восхвалял Господа.

С изумлением смотрел на него Ной, с Ниром, и говорил: «Это от Господа, брат мой. Вот и знак святительства на груди его, и славен вид его». И сказал Ной Ниру: «Брат, это обновляет Господь кровь священнослужителей после нас». И больше не медлили Нир и Ной, и омыли младенца, и одели в ризы святительские, и дали ему откушать благословенного хлеба. И нарекли имя ему: Мелхиседек.

И взяли Ной и Нир тело Софонимы, и совлекли с нее покров черный, омыли тело ее, и обрядили в покровы светлые и достойные, и приготовили ей гробницу. И пошли Ной и Нир с Мелхиседеком и погребли ее с почетом и принародно.

И сказал Ной брату своему: «Побереги младенца до поры втайне, потому что про нас уже ведут пересуды люди по всей земле и, как-либо высмотрев, умертвят его». И возвратился Ной в дом свой.

И вот поднялись во времена Нира все бесчинства по всей земле. И горько печалился Нир, но еще больше — о младенце, говоря: «Что же мне делать с ним?» Простер Нир руки свои к небу и призвал Господа, восклицая: «Увы мне, Господи вечный! Все беззакония умножились на земле во дни мои, и вижу я, как близок конец наш. Что же означает, Господи, появление ныне младенца этого? И что суждено ему, или что сделать мне для него, дабы не содрогаться ему с нами от ужаса в погибели этой?»

Услышал Господь Нира, явился ему в видении ночном и сказал ему: «Это, Нир, уже великая гибель пришла на землю: не потерплю я впредь ни поругания, и вот мыслю ниспослать скоро погибель великую на землю. А о младенце не тревожься, Нир, ибо прежде пошлю я

архангела своего Гавриила, и возьмет он младенца и укроет его в саду Эдемском, и не погибнет тот с обреченными погибнуть. А теперь я указал его; и будет он у меня иерей иереям во веки и воистину — Мелхиседек. И поставлю его человеком великим в народе моем».

И встал Нир от сна своего и восславил Господа, явившегося ему, говоря: «Благословен Господь, бог отцов наших, который не допустил поругания святительству моему во святительстве отцов моих, ибо слово твое создало иерея великого в ложеснах Софонимы, жены моей, потому что не было мне потомства. Пусть же будет отрок этот в потомстве преемником мне и станет сыном моим. И причислишь его к рабам своим — с Сифом, и Енофом, и Русием, и Миламом, и Рерухом, и Арусамом, и Наилем, и Енохом, и Мафусаилом, и рабом твоим Ниром. Но будет Мелхиседек глава иереям уже другого народа, потому что этот народ истребит себя в распрях и смутах и погибнут все до единого. Спасется лишь Ной, брат мой, и даст корень иному роду, и от потомства его вновь умножатся на земле люди. И Мелхиседек будет глава иереям у народов, послушных единовластию твоему и тебе, Господи».

И было так: когда минуло отроку 40 дней под кровом Нира, то сказал Господь архангелу Гавриилу: «Сойди на землю к жрецу Ниру и возьми отрока Мелхиседека и укрой безопасности ради в саду Эдема, ибо уже приблизилось время, и я обрушу все воды на землю, и погибнет все сущее на земле. И поставлю новый народ, и Мелхиседек будет глава иереям в народе том».

И поспешил Гавриил, и слетел ночью к Ниру, спящему на ложе своем. И явился ему Гавриил, и сказал ему: «Так говорит Господь Ниру: отпусти отрока ко мне, которого тебе я доверил». Но не узнал Нир говорящего ему, и пришло в смятение сердце его: «Если прознают люди об отроке, возьмут его и убьют его, ибо лукаво сердце людское перед лицом Господним». И, отвечая Гавриилу, сказал: «Нет у меня отрока, и не знаю я обращающегося ко мне». И ответил ему Гавриил: «Не бойся, Нир: это я, архангел Гавриил, и прислал меня Господь. И вот теперь беру я отрока твоего и ухожу с ним — и укрою его в саду Эдемском». И вспомнил Нир сон свой прежний, поверил и отвечал Гавриилу: «Благословен Господь, пославший тебя сегодня ко мне. Благослови же ныне раба твоего Нира, и прими отрока, и поступи с ним, как сказано тебе». И принял Гавриил отрока Мелхиседека в ту ночь на крылья свои и перенес его в сад Эдемский.

И пробудился Нир утром, и пошел в потаенный покой, и не нашел отрока. И радовался, и печалился глубоко Нир, потому что был ему отрок вместо сына.

Богу нашему слава всегда — и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь!

ЖИТИЕ ПРОРОКА МОИСЕЯ

Подготовка текста, перевод и комментарии М. В. Рождественской

ВСТУПЛЕНИЕ

Моисей — пророк, вождь и законодатель еврейского народа, создатель и герой знаменитого «Пятикнижия», или Закона (книги «Бытие», «Исход», «Левит», «Числа», «Второзаконие»). Главный подвиг Моисея — спасение из египетского рабства еврейского народа, переведенного им «посуху» через Чермное (Красное) море и Аравийскую пустыню к земле Обетованной. Эти события изложены в книге «Исход». На ее тексте и на древнееврейских преданиях основывается ряд апокрифических сказаний о Моисее, среди которых и известное в древнерусской литературе «Житие, или Сказание от Бытия Моисея». Иногда в рукописях этот сюжет имеет название «Исход Моисея». По мнению А. И. Соболевского, Н. А. Мещерского и А. А. Алексеева, «Житие» было переведено на славянский язык на территории Киевской Руси в домонгольский период. Вопрос о языке источника перевода дискутируется: М. Н. Сперанский полагал, что перевод был сделан с греческого языка, Н. А. Мещерский, а вслед за ним А. А. Алексеев считают, что перевод мог быть сделан непосредственно с древнееврейского.

Древнерусский перевод «Жития Моисея» входил в Толковую Палею (отчасти и в Историческую,и Хронографическую) — книгу, из которой древнерусский читатель узнавал о многих событиях ветхозаветной истории и в которую активно включались апокрифические сюжеты: о царе Соломоне, об Аврааме, Ное, Адаме и Еве и др. «Житие Моисея» переписывалось и как самостоятельное произведение, а в XVI в. было включено в Великие Минеи Четьи митрополита Макария под 4 сентября.

Исследователи (В. М. Истрин, Н. С. Тихонравов) писали о существовании двух типов Палеи в Древней Руси: так называемом первичном и вторичном. Не так давно А. А. Турилов ввел в научный оборот Толковую Палею из собрания ГИМ, Барсова, № 619, датируемую нач. XV в. На основании ее изучения А. А. Алексеев пришел к выводу, что оба типа Палеи существовали уже в XIV в. и восходили к «общему предку». Таким образом, по его мнению, отпадают предположения о более позднем происхождении древнерусского текста «Жития Моисея» и о связи его с новгородской ересью «жидовствующих» конца XV в.

В последовательности изложения «Житие» следует за библейской книгой «Исход», но его текст, в отличие от канонического,

распространен подробностями и деталями, каковых в Библии нет. Кроме того, Толковая Палея включала обычно споры (прения) христианина с иудеем, и излагаемый материал о событиях Ветхого Завета служил иллюстрацией доводов повествователя-христианина в этом споре. Внеканонические подробности мы находим в рассказе «Жития» о толковании волхвом Валаомом сна египетского фараона, о том, как, будучи ребенком, Моисей скинул царский венец с головы фараона и об испытании Моисея фараоном и его вельможами; в рассказе о том, как Моисей и его брат Аарон усмирили божественным жезлом двух свирепых львов, стерегущих дворец фараона, и о том, как Моисея, протомившегося десять лет в темнице, кормила все эти годы дочь мадиамского правителя Рагуила; как архангел Михаил спорил с дьяволом о теле умершего Моисея. Часть этих сюжетов рассказана в Ветхом Завете, но с гораздо меньшей детализацией.

В настоящем издании текст «Жития» приводится по списку ГИМ, собр. Барсова, № 619. Он содержит обширные «антииудейские» интерполяции (вставки) и главы из канонических библейских книг («Исход», «Числа», «Второзаконие»). Поскольку прямое или косвенное цитирование прослеживается по всему тексту «Жития», то каждый случай такого цитирования не оговариваем. При комментировании использованы наблюдения, высказанные в статье *А. А. Алексеева* «Русско-еврейские литературные связи до XV в.» // Jews and Slavs. Vol. 1. Jerusalem-St. Petersburg, 1993. Pp. 44-75; и *М. Таубе* «The Slavic Life Moses and Its Hebrew Sources // Там же. Pp. 84—119.

ОРИГИНАЛ

ЖИТИЕ СВЯТАГО ПРОРОКА МОИСИЯ. СКАЗАНИЕ БЫТЬЯ ЕГО

Господи, благослови, отче.

Яковъ убо бывь лѣтъ 80 и 7, роди Левгия, Левгии бывъ лѣть 40 и 9, роди Армия, Гаидадъ, Хевронъ и Каята. Каять же бывъ лѣт 60, роди Амбрава. Амбравъ бывъ лѣт 100, роди Арона, и Мариамь, и Моисия в лѣт 101[1] къ пришествию Израильску въ Египтѣ. Моисий же бы 7-й от Аврамля колѣна, мати же ему бысть Агавефь, дщи Левгина.

Въ единъ убо от дний цьсарь Фараонъ видѣ сонъ: сѣдящю ему на столѣ царства своего въ Египтѣ и въздвигь очи свои, видѣ старца стояща противу ему, а в руку его скалвы. И въкладе въ едину скалву вся старца египетьския и вся велможа его, а въ другую скалву въкладе вси агньци. И убудивъся и урани заутра, и созва вся рабы своя и повѣда имъ сонъ. И ужасошася людие страхомъ великымъ и рче волхвъ Валаомъ:[2] «Се въстанеть зло въ Египтѣ в послѣдняя дни». И рече цьсарь: «Что будеть, скажи намъ». И рче Валаомъ к цьсарю: «Отроча родится во Израили и

растворить все царство Египетьско, вѣдая буди цьсарю, да напиши въ законѣхъ египетьских, да истопять всяко отроча, иже родится в жидехъ, да убивають и».

И призва бабы жидовьския и повелѣ имъ убивати младенца, и другыя метати в рѣку. Бабы же убояшася Бога, не створиша тако, якоже повелѣ имъ цьсарь египетьский Фараон. (...)

Жены же жидовьския изхошаху въ поле и ражаху. Ангели же Божии искупаху дѣти и повиваху, и вложаху въ обѣ руцѣ имъ два камени, да изъ единого ссаху масло, а из другаго медъ. И выихожахуть египтяне на поле искатъ ихъ, и повеленьемъ Божиимъ отворяцися земля, приимашеть я. Они же идяху по плугы и по рала своя и не можаху обрѣсти, яко Богъ храняше тая. И възрастьше на поли, прихожахуть тмами в домы своя. И умножишася людие жидовьстии и расилнѣша въ Египтѣ. Цьсрь же египетьский Фараонъ не любляшеть, яко множится Издраиль.

Мужь же бяше во Издраили именемъ Амбрамъ. И поя жену собѣ Агавефь, родыню свою. И роди дщерь и нарече имя ей Маримьянии. Во дни бо ты почаша сынове Хамови[3] озлобляти животь сыновъ Издраилевъ. Амбрамъ же зача и роди сынъ и нарче имя ему Аронъ. Во дни бо ты нача Фараонъ проливати кровь на землю отрочать, а другыхъ метати в рѣку. Тогда отлучишася мнози от женъ своихъ, и отлучи же ся и Амбрамъ от жены своея. И бысть в годину ту на конець 3 лѣтъ, бысть духъ Божий на Мариамии и, пророчьствовавъ, рече: «Се сынъ родиться у отца моего в годину сию, и ть спасеть Издраиля от руку Египетьску».

Слышав же се Амбрамъ у Мариамии, възврати жену свою въспять к собѣ и поя ю въ 6 месяць и, заченши, роди сынъ и нарче имя ему Немелхия. И наполнися храмъ свѣтлости, и видѣ жена дѣтя, яко добро есть, и схрани е 3 месяци въ скровѣ.

Въ дни же ты заповѣдаша египтянѣ носити дѣти своя младыя по хоромомъ жидовьскимъ, негли бы ся отмолвило дѣтя жидовьское к дѣтяти египетьскому. Жена же та убоявшися того, створи ситянъ яскъ и умаза и́ глиною из дна, а из вону смолою, и вложи тамо дѣтя, и пусти е межю ситьникы надъ рѣкою. Сестра же его ста издалеца, его зрящи.

И посла Богъ зной на землю египетьскую, и взопрѣша чѣловеци. И сниде дщи Фараонова Ферьмуфь искупаться на рѣку съ дѣвицами и со многими женами. И узрѣ ситянъ яскъ плавающь на рѣцѣ и пославъши рабыня взятъ и́. И откры, и видѣ в немъ отроча плачющеся, и помилова его, и рче: «От дѣтий се еврѣйскъ есть». И нарече имя ему Моисий, глаголющи, яко от воды взяхъ его.[4] И приведоша жены египтяныни доить его, и не хотѣ съсати, от Бога бо бяше, яко возвратити къ сесьцю матерьню. И рече Мариамь: «Хощеши ли, да ти приведу жену доилицю от жидовъ, и въздоить ти дѣтище се». И иде, и приведе матерь его, и рече ей дщи Фараоня: «Въздои ми дѣтище се, и вдамъ ти по двѣ сребреници на день». И взя у нея и въздои его.

И бысть на конець дву лѣту и принесе и ко дщери Фараоновѣ, и бысть ей въ сынъ. И бысть въ третьее лѣто къ рождеству Моисиову, Фараонъ сѣдяше за столомъ, цьсарица же одесную его, Фермуфия же сѣдяше ошююю его. Дѣтя же сѣдяше в пазусѣ ея, и вельможа сѣдяху окрестъ его.

Дѣтя же, сягь, сня вѣнець съ главы цьсаревы и възложи на главу свою. И ужасеся цьсарь и велможа его. И отвѣщавъ Валаомъ волхвъ и рече: «Помяни, господине цьсарю, сонъ, еже еси видѣлъ и како протолкова рабъ твой к тобѣ. Се есть дѣтя еврѣйско яко духъ Божий есть в немъ, и премудростью створилъ есть се, и хощеть прияти цьсарьство Египетьское собѣ. Тако бо створи Аврамъ, дѣдъ его, иже цьсарь перея славу ихъ: Авимелеха цьсаря агарьскаго прогна, а самъ приходить въ Египеть, и нарче жену свою сестрою, якоже бы погубилъ цьсаря ихъ.[5] Тако же створи Исак иноплеменьникомъ и расилнѣ от иноплеменьникъ, цьсаря же ихъ хотѣ погубити, обрѣтъ, такоже жену свою сестрою потвори.[6] Ияковъ такоже во льсти взя брата своего первенецьство и благословение. Иде в Понорамъ[7] къ Лавану, уеви своему, и поя лестью дщерь его, и скоты его, и весь домъ его. И бѣжа в землю Хананѣйску, възвративъся. И продаша сынове его Иосифа, и бѣ в темници доньдеже видѣ сонъ цьсарь, отець твой. Пусти и́ ис темници и възвелица и́ надо всѣми велможами египетьскими, понеже протолкова сонъ. И бѣ егда пусти Богъ гладъ на землю, пославъ приведе отца своего и братью свою въ Египетъ. И корми и́ безъ искупленья. Насъ же искупи собѣ рабы. Да аще хощеши, цьсарю, да убьемъ отроча се, да не възрастеть, ни возметь цьсарьства твоего от тебе, и да не погибнеть надежа египетьская».

И посла Богъ архангела своего Гаврила, и уподобися къ единому велможь цьсаревъ, и рче: «Аще хощеши, цьсарю, да принесуть камен драгый свѣтелъ и угли огнены и положать предъ нимъ. Да аще простреть руку къ камени, вѣдаите, яко мудростью се створи, и убьемъ его. Аще ли ко огню простреть руку, вѣдаемъ, яко не мудростью се створи да охабимъся его». И годѣ бысть се цьсарю и велможамъ его.

И принесоша предъ нь камень драгыи и угли огнены. И уклони ангелъ Господень руку его къ огню. И веземъ, притце конечь языка, и от того бысть свибливъ. И не убиша его.

И бысть Моисий в дому Фараони 15 лѣть и растяше с дѣтми цьсаревыми, в ризахъ единѣхъ. И бысть на конець 15 лѣт и въсхотѣ къ отцю и к матери, и поиде к нима. И приде къ братьи своей, и видѣ мужа египтянина бьюща еврѣянина от братья его. И озрѣвся Моисий сѣмо и овамо и не видѣ никогоже, и уби египтянина и схрани и́ в пѣсъцѣ. И бысть в день вторый и вниде Моисий къ братьи его и види два мужа сварящася и рече: «О злодѣю, чему обидиши друга своего?» И рче ему: «Кто тя постави судью надъ нами, чи ли убити мя хощеши, яко же вчера уби египтянина?» И убояся Моисий и рече: «Воистину вѣдома есть рѣць си».

Вниде же слово се во уши Фараону. И заповѣда Фараонъ убити Моисия.

И посла Богъ архангела своего Михаила, и уподобися во обличье стольника Фараоня и исхити мечь из рукы его и стя голову его. И ятъ ангелъ Моисия за руку десную его и изведе и́ вонъ изъ земля Египетьския. И посади и́ кромѣ межю египетьскыи 40 версть въдале. И остася толико Аронъ и начатъ пророчьствовати въ Египтѣ сынамъ Издраилевомъ. И рче: «Мужа болванъ поверзѣте и́ въ скверньствѣ египетьстѣмъ и не оскверняйтеся». И не послушаша его.

И рече Богъ загубить я, нъ помяну завѣть, еже завѣща со Аврамомъ и Исакомъ и Ияковом, и поиде рука Фараонова больши и жесточайши надъ сынами издраилевыми, дондеже посла Богъ слово свое и помяну я́.

Въ дни же ты бысть сѣца межю синьци и межю сынъми первыми и межи армены.[8] И изиде Киканосъ, цьсарь срачиньский, воеваться со армены и съ сынъми первыми. И побѣди Киканосъ цьсарь армены съ сынъми первыми и плени я́. И Валаомъ бяше прибѣглъ исъ Египта къ Киканосу занеже не састася рѣць его. И бысть ту у Киканоса и два сына его; Аносъ и Акрисъ, и острѣщи град и люди хужьшая с ними. И сдума Валаомъ с людми земьскими отврѣщися цьсаря Киканоса, и не даша ему внити въ град. И послушаша его людье и присягоша к нему и поставиша и́ цьсаремъ надъ всѣми. Сына же его поставиша воеводу, и възвысиша забралу вельми граду тому съ двою страну, и съ третьей странѣ ископаша рвы и омуты великы бе-щисла, а съ четвертые страны

созваше Валаомъ змия и скарпия многы велми шептаньемъ своимъ и потворы. И затвориша градъ и не даша внити, ни приступити. И бѣ егда възвратися цьсарь Киканосъ съ воины и, възведше очи свои, видѣша забрала градная высока зѣло, и удивишася и рѣша: «Людье наши, яко быхомъ долго на войнѣ, и потвердиша града своего, глаголюще: “Егда придеть на ны рать”». Да якоже приступиша къ граду, и видѣша врата градная замчена и рѣша вратникомъ: «Отверзите врата, да внидемъ въ градъ». И не хотѣша отворити по заповѣди Валаома волхва. И не даша внити полкы же предъ враты. И паде от воинъ Киканосовъ въ единъ день 100 и 30 мужь, и въ другыи день бишася на брезѣ рѣкы. И въбреде коньникъ 30 въ воду, хотѣша пребрести на ону страну, и не възмогоша. И истопоша во рвѣхъ. И заповѣда цьсарь сѣщи древо и дѣлати плоты, да быша прешли на ня. И створиша тако, и придоша на плотѣхъ во рвы ты. И възвертѣ ими омуть, и утопе в тъ день 200 мужь на десяти плотовъ.

И въ третий день придоша с той странѣ, на нейже змѣевѣ, и не възмогоша успѣти ничтоже. И изъѣдоша змиеве людей 100 и 7. И охабишася ихъ, и стояша около града 9 лѣть, и не даша приступити, ни внити во нь. И бысть егда стояху на срачинѣхъ, выбѣже Моисий изъ Египта и приде къ Киканосу, цьсарю срачиньску. Моисиови же бысть лѣть 18, коли выбѣже от Фараона.

И приде къ Киканасу въ остою, и прия и́ цьсарь и вся велможа его и вси вои его, яко великъ и драгь бысть въ очию ихъ. И высочьство бо его яко тисово, лице же его, яко солнце сияюще, храбрьство же его яко силно. И бысть Моисий думьца у цьсаря.

И бысть на конець 9-го лѣта разболѣся Киканосъ, цьсарь срачиньский, и умре Киканосъ въ день 7-й. И умазаша раби его и погребоша и́ предъ враты градъными. И створиша надъ нимъ полату красну и высоку велми, и написаша на камени вся его войны и все его храборьство.

И бысть егда доспѣша полату и рѣша другъ ко другу: «Что створимъ? Да аще сѣчемься с градомъ симъ, то погибнемъ, дѣемъ ли си, да сѣдѣмъ сдѣ, да увѣдять въси цьсари арменьстии и сынове первии, оже умерлъ цьсарь нашь, и придуть на ны внезапу и не оставять насъ избытка, а нынѣ поидемъ поставимъ собѣ цьсаря. Сядем же у града, дондеже приимемъ и́». И уборздиша поимаша порты своя съ себе и сметаша въ громаду и створиша гору велику.[9] И посадиша Моисия и рѣша: «Въ вѣкы живи, цьсарю!» И сягоша к нему вся вельмоша и вси людие. И поя Моисий жену Киканосову съ вѣстью ея и съ веленьемъ ея.

Моисии же бяше 20 и 7 лѣт, егда ста цьсаремъ надъ срачины. Бысть же во вторый день цьсарства его, собрашася вси людье и рѣша ему: «Цьсарю, промысли намъ, что створимъ: 9 лѣт мину, да не видѣхомъ женъ своихъ и дѣтии». И рече цьсарь къ людемъ своимъ: «Да аще слушающе послушаете гласа моего, вѣдаите, яко преданъ будеть градъ сь в руцѣ наши. Сѣчемъ ли ся с ними, якоже почενше, то погибнеть насъ много, якоже и первое. Аще ли поидемъ на плотѣхъ во омуты, то потонеть насъ много, якоже и первѣе. И нынѣ же, въставше, идѣте в лѣсъ и принесете сыны стерковы, кыйждо свой. Храните же я, дондеже възрастуть. Научите же я перелѣтывати ястрябьскы». И идоша и принесоша сыны стерковы, якоже повелѣ имъ Моисий.

И бысть якоже възрастоша стеркове, и заповѣда цьсарь заморити я гладомъ за 7 дний. И створиша людье тако. Бысть же день тритий, и рче к нимъ цьсарь: «Облачитеся во оружья своя и всядите на коня своя и возмете кыйждо стеркъ свой на руку, и поидемъ да приступимъ къ граду на то мѣсто, идеже змиеве суть».

И рече цьсарь: «Пущайте стеркы». И пустиша, и летѣша стеркове на змия, и поѣдоша я, и испразниша мѣсто то. И бысть, яко узрѣ цьсарь и людье, яко погыбоша змиеве и испразнися мѣсто, и въструбиша людие трубою и оступиша градъ, и взяша и́. И придоша когождо в домъ свой. И убиша гражанъ во тъ день 1000 и 100 мужь, а внѣшнихъ не убиша ни единого мужа. И узрѣ Валаомъ волхвъ, яко взятъ бысть градъ, всѣдъ на конь с двѣма сынома своима и бѣжа в землю Мадиамьску къ цьсарю Валаку. То ти суть волсви и чародѣи, иже суть писании въ Пармии,[10] иже научаху загубити племя Иаковле от лица земли. (...)

Моисий же сѣде на столѣ въ срачинѣхъ, жена же Киканосова бяше за ним. И възбояся Моисий Бога, не приходи к ней, помянувъ, яко закля Аврам Елеазара, раба своего: «Не поимай жены сыну моему от дчери хананѣискъ».[11] Исакъ же заповѣда Иякову, сыну своему, не сватитися съ сыны Хамовы, яко продани суть в работу сынамъ Симовымъ и сынамъ Афетовымъ.[12] И убояся Моисий Бога своего, и не прикоснуся к женѣ Киканосовѣ, и та бо есть отъ сыновъ Хамовъ.

Расилнѣ цьсарь Моисий и воевася съ едемляны и примучи я, и одолѣ на войнахъ своихъ Ияковъ, дѣдъ его, с нимъ.

Въ лѣто 40-е цьсарства его и Моисий сѣдяше на престолѣ 40 лет, цьсарица же сѣдяше по сторонѣ его. И рче царица к людемъ и к велможамъ: «Се днесь лѣт 40 цьсарствующю Моисиови надъ вами, и ко

мнѣ не прикоснуся, богомъ же нашимъ не поклонися. И нынѣ послушайте мене, сынове срачиньстии! От сего дни не буди се цьсарь надъ вами. Сей вы есть Мукарисъ, сынъ мой, и ть да цьсарствуеть надъ вами. Лѣпле есть вамъ слушати сына господина своего, нели мужа страньска». И быша людие вси сварящеся оли и до вечера, и не хотяху отпустити Моисия. И преможе цьсарица. И ураниша заутра и поставиша Мукариса цьсаремъ надъ всими. И убояшася людие простреa рукы на Моисия, яко бояхуся, присягше к нему. И вдаша ему дары великы и отпустиша и́ съ честью.

И изиде Моиси оттуду путемъ своимъ. Моисий же бысть 60 и 7 лѣть, егда изиде от срачинъ. От Бога бо бяше створенье то. Пришла бо бяше година, яко уготована от дний первыхъ, извести сыны издраилевы от Егупта. И иде Моисий в Мадиамъ, бояше бо ся въспятитися въ Егупеть.

И сѣде на студенци, и выиде 7 дщерий от Рагуила Мадиамьскаго паствить овець отца своего. И придоша ко источнику тому и почерпоша воды напоити овца. И приступиша пастуси мадиамьстии и прогнаша и́. И въставъ Моисий, спасе я́, и напои овца ихъ. И възвратишася ко отцю и повѣдаша, что створи имъ Моисий, и како спасе я́ и напои овца ихъ.

И посла Рагуилъ и поя и́ в домъ свой. И ѣде съ нимъ хлѣба, и повѣда ему Моисий, како избѣша изъ Египта и како цьсарствова въ срачинѣхъ и како отяша у него цьсрство и пустиша и́. И бысть, яко услыша Рагуилъ рѣць его, и рече в сердци своемъ: «Всажю азъ сего в темницю и примилуюся имъ къ срачиномъ. Се бо есть бѣглець». Имше же его и въсадиша в темницю, бѣ же в темници 10 лѣт.

Тамо же помилова его Чифора,[13] дщи Рагуилова, и корми его хлѣбомъ и водою. И бысть на конець 10 лѣт, и рече Чифора ко отцю своему: «Мужь еврѣянинъ, егоже всади в темницю, се десятое лѣто и нѣсть взиская его, ни възмолвяшаго о немъ. Да аще тако годно предъ очима твоима, отче мой, да быхомъ послали и видили, живъ ли есть мужь ть или мртвъ». Отець же ея не вѣдаше, оже бяше кормила его. И рече Рагуилъ: «Не видахъ николиже на свѣтѣ, дабы человѣку, лежащю в темницѣ за десять лѣть безъ хлѣба и безъ воды, живу быти». И рече Чифора отцю своему: «Да не слышалъ ли *еси*, отче мой, яко Богъ великъ есть еврѣйскъ и грозѣнъ и удивляеть чюдеса на всякъ час? Не онъ ли избавилъ Аврама от пещи халдѣистѣй,[14] Исака от меча,[15] Иякова от рукы ангела, колиже боряшеся с нимъ на перевозѣ?[16] Яко Богъ пакы мужю сему много створивъ чюдесъ: избавилъ и́ от руку егупетьску и от меча Фараонова, и пакы и́ можеть избавити». И бысть люба рѣць си во очию Рагуилову. И створи ему, якоже рече дщи его, и посла к темници, что есть створилося о немъ. И узрѣша и́, молящася Богу отець своихъ. И

изведоша и́ ис темьници, и остригоша и́, измѣниша ему порты темьничныя, и ѣдъ хлѣбъ съ Рагуиломъ.

И приде Моисий въ оградъ Рагуиловъ, иже бяшеть за дворомъ его, и моляшется Богу своему, иже ему створиль чюдеса и избавилъ и́ изъ темници той. Моля же ся, возрѣ очима своима и видѣ, и се палица потчена средѣ ограда. И приступи к палицѣ, и бѣ написано на ней имя Господа Бога Саваофа. И приступивъ, исторже ю, и очютися палица в руку его трестата,[17] еюже суть чинена чюдеса Божия, егда створи небо и землю и вся дѣла ихъ, море и рѣкы и всю рыбу ихъ. Коли изгна Адама изъ ограда райскаго, взя палицю ту с собою в руку. И доиде палица та от Адама до Ноя, Ной же ю дасть Симови и родомъ его, дондеже доиде в руцѣ Авраамовѣ. Авраамъ же ю дасть Исакови, Исакъ же ю дасть Иякову. Ияковъ же егда бѣжа на поле арменьское, палицю же ту взя съ собою. Онъ же ю дасть Иосифови, часть едину излиха братия. И бысть по смерти Иосифовѣ разграбиша егуптянѣ домъ Иосифовъ, и попаде Рагуилъ палицю ту и посади ю въ оградѣ средѣ. И окушахуся вси храбрии, хотяще пояти дщерь его, и не могоша до пришествия Моисѣева, емуже сужена, тьже ю выторъже. И бысть якоже узрѣ ю Рагуилъ в руку Моисиеву и удивися. И вда ему Чифору дщерь свою женѣ.

Моисѣй же жил лѣт 70 и 6, коли вышелъ исъ темници, и поя Чифору мадианыню женѣ собѣ. И поиде Чифора в путь женъ дому Иаковля и не менши бысть нчимже от правды Саррины, и Ревецины, и Рахилины, и Лиины.[18]

И заченши роди сынъ и нарече имя ему Герсанъ, глаголя, яко пусть быхъ в земли чюжей. Но не обрѣза плоти его по повелѣнью Рагуилову, тьстя своего. И бысть оть конець 3-яго лѣта зача и роди сынъ и нарче имя ему Елезаръ, глаголя, яко «Богь отца моего помощникъ ми бысть, избави мя от меча Фараонова». (...)

Въ дни же ты бысть Моисий ходя по пустыни со овцами тестя своего, палица же Божия в руку его. И приде до горы Хоривьскы и видѣ Моисий, якоже грьзнъ купины стоящь, и пламенемъ огня горящи, но не изгараше от пламени купина. Рече же Моисий в собѣ: «Что убо вижю видѣнье се, да минувъ, усмотрю, что убо яко не изгараеть купина огнемъ горящи, почто ли неопалима пребысть?» Дивяся Моисий глаголаше: «Огню естьства вся попалити и снѣдати вься, почто убо купина неопалима пребысть? Огня естьство смотрю, купину же посредѣ огня злачну вижю». Начать же убо Моисий приступати, глаголя: «О чудо изрядно, огнь полящь вижю, купины же сея ни листа уторгьшася вижю! О чюдо се изрядьно, дива достойно». *По* сем же возва и́ Господь

ис купины, глагола: «О Моисий, Моисий!» Съ же рече: «Что есть, Господи?» Рече Господь: «Не приступай сѣмо, но изуий онущю ногу твоею, мѣсто бо, на немже стоиши, земля свята есть».

Слыши, яко говѣйнѣша его ствареть Владыка, и съ боязнью повелѣваеть ему послушати глаголемыхъ. Изутья бо онущи житийскихъ печалий отрѣванье являеть, но иже то глаголеть, яко освящение земли будеть, егда сам Владыка, въ плоть оболкъся человѣчьскаго естьства, самъ ногама начнеть ходити на земли.[19]

И рече ему Господь: «Азъ есмь Богъ отца твоего, Богъ Аврамовъ, Богъ Исаковъ, Богъ Ияковль». Моисий же отвращаше лице свое и бояше бо ся зрѣти предъ Богъ.

Смотри же и сего, оканьный жидовине, какоти купина, приимши огнь, не опалися чресъ естьство! Купина же образъ бѣ Девици: якоже бо онъ неугасимый огнь Божиею силою былья не сожже, тако и Божие слово неистлѣньно схрани ю по рожьствѣ девиицею. Разумѣй же, яко Богу вся възможна суть исполнити, елико хощеть. Тако убо и пречистая наша Госпожа Богородица, приимши во утробѣ Бога, неопалима пребысть, и по рожествѣ же паки пречистаа, девою пребысть. «Идеже бо хощеть Богъ, побѣжается естьства чинъ».[20] Рожий бо ся от нея Господь Богъ вѣру утверди и сверипыя языки укроти и всего мира умири яко человѣческь!

И паки рече Господь к Моисиови: «Видихъ бѣду людий моихъ въ Египтѣ, но шедъ, изведи люди моя, яко измроша вси ищющеи душа твоея. Оставшии же по нихъ, не имуть силы что створити тобѣ». Рече же Моисий Господеви: «Что есмь азъ, Господи, яко мною изводиши люди своя? Но молю ти ся, Господи, избери иного могуща, или даси ми знаменье, да имуть ми вѣру людье твои, яко видѣх тя». И рече Господь к Моисиови: «Поверзи жезлъ твой на землю, иже имаши в руцѣ своей». Моисий же поверже жезлъ, и абие бысть змий великъ ползая. Егоже увидѣвъ, Моисий отскочи. Рече же ему Господь: «Не бойся Моисий, но ими и́ за опашь». Моисий же преклонивъся, ять и́ за опашь, и бысть опять жезлъ.

Смотри же и сего, жидовине, како ли бывъ змий и в жезлъ претворися! Не вся ли есть възможна Богу створити, тако убо бысть и в Законѣ нашемъ. Въ лѣта цьсаря Костянтина чюдотворець Спиридонъ и епископ купрьский бысть. Въ единъ убо от дний и види нѣкоего заимодавца, влачаща нѣкоего нища. Сь же старець Спиридонъ видѣвъ змию

ползающю, именемъ Христовымъ преложи ю въ гривну злату и вдасть ю заимодавцю. И по сем же паки искупивъся нищий, принесе залогь къ старцю. Спиридонъ же тъ блаженый претворивъ ю змиею, на землю и́ спусти.

Рече Моисий къ Господу Богу: «Молю ти ся, Господи, худоглаголивъ есмь азъ, рабъ твой, отнелѣже начахъ глаголати!» Рече же Богъ к Моисиови, глаголя: «Кто дасть уста человѣку? Кто ли створилъ есть глуха или нѣма, или слѣпа видяща? Се азъ, Господь Богъ. Хощю тобою худоглаголивымъ срамити премудрыя егупетьския».

Смотри же, жидовине, словьсе его, что рече Господь Богъ Моисиови! То аще створи Господь нѣма и глуха и слѣпа и видяща, то уже вся възможна Богу створити, еже и бысть.

Моисий же възвратися в Мадиамъ и глагола во уши тестю своему вся си. Тесть же его Рагуилъ рече ему: «Иди с миромъ».

Въста же Моисий, поиде с женою своею и дѣтми. И быша на стану, и сниде Ангелъ Божий и хотѣ убити Моисия, понеже бяше не обрѣзалъ плоти сынома своима и преступилъ законъ, иже заповѣда Богъ Авраму. И ускори Чифора и взя скрижаль каменьну, и обрѣза сыны своя и избави мужа своего от рукы Ангела.

И явися Господь Арону и Левгию въ Егуптѣ, ходящю по брегу рѣкы, и рече ему: «Иди противу Моисѣева в пустыню». И иде Аронъ и стрѣте и в пустыни в горѣ Божии и цѣлова и. И въздвиже очи свои, и види жену его и дѣти и рече: «Кто суть си?» И рече Моисий: «Се жена моя и дѣти мои, яже ми есть далъ Богъ въ Мадиамѣ». И бѣ зло въ очию Аронови, и рече: «Пусти жену и дѣтие въ домъ отца ея». И створи Моисий тако. И отиде Семфора и два сына ея в домъ отца ея до годинъ, якоже помяну Богъ люди своя и изведе я изъ Егупта от руку Фараона.

И сказа Моисий вся Арону, еже глагола к нему Господь. И придоста въ Егупетъ, и явистася къ сбору сыновъ издраилевъ, и повѣдаста имъ вся рѣци Божия, и възрадовашася людие о словесѣ ихъ.

И ураниша заутра и идоша в домъ Фараоновъ, и палицю Божию взяста с собою. И бысть егда придоста ко вратомъ дому цьсарева, и 2 лва стояща, привязана ужи желѣзными, и не можаше ни единъ человѣкъ ни прити, ни изити, развѣ и емуже цьсарь велить прити, и шедше кормилъци утолять львы и приведуть и. Моисий же и Аронъ придоста и въздвигоста палицю на львы и разъдрѣшистася лви. Приде же Моисий и Аронъ в домъ цьсаревъ, и лва внидоста с ними, радующася. Да якоже узьрѣ Фараонъ, удивися велми и ужасеся, бяше бо взоръ ихъ, яко сыновъ Божиихъ.

И рече к нима цьсарь: «Что хощета?» И ркоста ему: «Пусти ны в пустыню, да положимъ требу Господеви Богу нашему и послужимъ ему». И убояся Фараонъ велми и рече к нима: «Идета днесь в домъ свой, а утро придета ко мнѣ». И створиста якоже рече има цьсарь. И бысть, якоже отидоста, и посла цьсарь и призва Валаома волхва и сыны его Еноса и Акриса и вся чародѣя егупетьския. И придоша къ цьсарю и повѣда имъ цьсарь, еже глагола Моисий и Аронъ. И рѣша чародѣи к нему: «Но како суть пришли, скажи намъ?» И рече цьсарь: «Толико въздвигоста на ня жезлъ и раздрѣшистася и притекоста к нима, радующася». Отвѣщавъ же Валаомъ и рече: «Се, цьсарю, чародѣеве же суть, якоже и мы, а нынѣ посли по нихъ, да придуть, да икусимъ рѣць ею». И створи цьсарь тако и посла по нихъ. Они же взяста палицю Божию в руцѣ свои и придоста къ цьсареви и глаголаста ему словеса Божия, рекуще: «Отпусти люди издраилевы, да створять требу Господеви Богу своему». И рече има цьсарь: «Но кто вѣру иметь вама, яко еста посолника Божия и по слову его еста пришла? Да что знаменье створите предъ мною, да изъвѣриться рѣць ваю?» И поспѣши Аронъ и поверже палицю свою предъ цьсаремъ и предъ велможами его. И бысть змий великъ ползая. И створиша чародѣи такоже, пометаша жезлы своя, и быша змиеве. Того ради Богъ попусти волхвомъ егупетьскимъ жезлы своя въ змия претваряти, да не ркуть к Фараону, яко волхвъ есть Моисий и волшествомь си творить, но супротивленьемъ супротивльшеся ему и потомъ изнемогоша.

Въздвиже бо змий главу свою, иже в Моисиевѣ жезлѣ и пожре вся змия ихъ. И рече Валаомъ волъхвъ: «Уже створилосе еста от дний первыхъ, якоже пожиралъ есть змий друга своего, якоже и рыба морьская пожре дружину свою, а нынѣ сътвори палицю свою опять, якоже и преже была; да аще можеши, палицѣ будуть и наши палицѣ пожертыя, и да увѣдаемъ яко Духъ Божий в тобѣ. Аще ли не можеши, то чародѣй еси, якоже и мы». И простеръ Аронъ руку свою и ять за хвостъ змиевъ, и бысть палица в руцѣ его, и онѣхъ палицѣ якоже и преже.

И заповѣда Фараонъ принести грамоты всѣхъ боговъ егупетьскихъ, и чтоша предъ нимъ, и рече: «Се не обрѣтохомъ Бога вашего въ грамотахъ сихъ, ни имени его видѣ». Отвѣщаста же и рекоста к цьсарю: «Аданай

Саваофъ есть имя Его». И рече Фараонъ: «Кдѣ есть Аданай, да быхъ видилъ его и глас его слышахъ и пустилъ быхъ издраиля? Не вѣдаю ли Аданая, не пущу издраиля!» И ркоша: «Бога еврѣйскаго имя возвася на нас от дний нашихъ, и нынѣ пусти ны, да идемъ в пустыню и пожремъ жертву Богу нашему. Отнелѣ же сниде издраиль въ Египеть, оттолѣ не приялъ ничтоже от руку нашею. Аще ли нас не пустиши, вѣдая буди, яко разгнѣвается и избьеть землю египетьскую моромъ или мечемь».

И рче Фараонъ к нимъ: «Скажита ми силу его и храборьство его». И рѣша к нему: «Онъ есть сътворилъ небеса и всю силу ихъ, и землю и все, еже на ней, и море и всю рыбу ихъ. И родилъ есть свѣть и породилъ тму, и пущаеть дъждь и напаяеть землю. И створилъ человѣка, и скоты, и звѣри лѣсныя, и птица небесныя, и рыбы морьския. Тъ же створилъ есть тебе въ ложесьнѣхъ матери твоея. Тъ же вложилъ въ тя духъ животенъ и възрасти тя, и посади тя на престолѣ цьсарства твоего. Тъ же и отиметь душю твою от тебѣ и възвратить тя в землю, от неяже взят еси».

И разгнѣвася на нь Фараонъ и рече: «Но кто есть во всѣхъ бозѣхъ людьскихъ, иже можеть створити мнѣ тако? Рука же моя яже ся самъ створихъ». И объярися на ня велми и насилье имъ створити повелѣ. И томляхуть египтянѣ издраильтянъ. Моисий же возпи ко Господу Богу, глаголя: «Почто преда люди своя, Господи?» И рече Господь к Моисиеви: «Се узриши, что створю Фараону рукою бо крѣпкою, испущю тя и мышцею высокою возведу тя от земля его. Азъ есмь Господь Богъ, явивыйся Аврааму, Исаку, Иякову и въдахъ завѣть мои к нимъ, яко дати имъ землю Хананѣйску, на нейже земли самъ хощю обитати».[21]

И въздвиже Богъ гнѣвъ свой на Фараона и на люди его. И удари язвою великою Фараона и египтяны. Възврати воды ихъ въ кровь и наведе на землю ихъ жабы, и пьюще воду и внидяху въ чрева ихъ, и тамо в нихъ крехтаху. И в горньци же, и въ дъже тѣста ихъ лѣзяху, и в постеля ихъ, и нападоша на перси ихъ вши, възвыше дву лакоть, и на плоти ихъ бяхуть, яко пясти възвыше. И посла на ня Богъ звѣри польския растерзать ихъ, и змия, и скарпия, и мышца, и овады во очи ихъ.

И влезяхуть в храмы своя и въ кровы ихъ и замъкняхуся. И тамо внидяше Нилонифъ звѣрь, иже в мори живеть, а у него рукы 10 лакоть мужьскихъ; и взидяше на храмину, и раскрываше и, сягь рукою, отломляше замкы. И Богъ попускаше звѣри злыя на ня, и тамо лазяху, и измори скоты ихъ. И зажеже Богъ плоть ихъ огнем, и быша прыщьеве на нихъ от главы и до ногу, и въсмердѣ все тѣло ихъ. И зби град вино ихъ и все древо египетьское и не остася ничтоже на нихъ.

И посше трава польская, и человѣци, и скоти, иже бяху обрѣтани в ней, измроша гладом.

И придоша на ня прузи и сънѣдоша я останкы града, и възрадовашася египтянѣ, глаголюще: «То есть намъ кормля», и насолиша ихъ множество.

И посла Богъ вѣтръ из моря силенъ, и взя пругы и въверже я в море и солоныя, и не оста ни единъ пругь во всеи земли египетьстий.

И посла на ня Господь тму за 7 дний, дондеже не видить мужь брата своего, яко ни рукы своея ко устомъ обратити.

Бяху же и еврѣи, иже не послушали Моисия и Арона ркуще: «Не идемъ в пустыню, измремъ гладомъ и моромъ». Изби Богъ в ты три дни темьныя, да быша не видили египтянѣ, ни възрадовалися, ни рикли: «Якоже есть рана Божия на насъ, такоже и на онѣхъ». И вызмета Богъ терние из винограда своего. И зя всякъ первенець изъ земля египетьския от человѣка и до скота, даже и образи первенца ихъ, написани на стѣнахъ, и ти ся разбиваху, а иже бяху древянии, или златии, или сребрени, а ти разливахуся. А иже бяху первенци недавно погребени, вывлачахуть и́ пси и полагахуть и предъ отци и предъ матерьми. И возопиша гласомь великим сынове Хамови.

Таче призва Господь Моисия и Арона и рече: «Сеи нощи убьется всякъ первенець в земли египетьстий, от человѣкъ и до скота, и во всихъ бозѣхъ египетьскихъ створю отместье, азъ Господь Богъ когождо васъ. Сеи же нощи заколите агнець чисть непороченъ и омажете прагы кровью его, и да будеть кровь въ знаменье в храмехъ вашихъ, в нихже вы будеть. И узрѣвъ, покрыю вы, и не будеть васъ погибнути ни единому». Створиша же людье жидовьстии, елико заповѣда имъ Моисий от Господа.

Вижь же, жидовине, како кровию пражнею знаменье обрѣтосте, кровь бо агнѣца непорочна образъ бысть крови Господа нашего Исуса Христа, еже речется Святая Святыхъ, почивающи на сердци святыхъ мужь и женъ, въ единици троицьствуя. Тогда же помазанье прагь, нынѣ же намъ кровь Христова; помазанье прагь же есть уста наша: тогда же и

окропленье обою подбою, нынѣ же окропленье душѣ и тѣлу святымъ крещеньемъ.

Тои нощи уби вся первенца егупетьския, понеже издраилю наречен бысть первенець и многы казни и томленья от египтянъ прияше, тѣмь и за первенца Издраиля первенци егупетьстии избьени быша, от человѣкъ и до скота.

И не бысть мѣста, идеже не возпиша, развѣ и въ сынохъ издраилевыхъ. И возпиша же народи къ царю, глаголюще: «Отпусти, царю, отпусти сыны издраилевы. Аще ли ни, да умремъ вси ихъ ради». Царь же убоявъся и посла к Моисию и Арону, глаголя: «Аще хощете положити требу Господу Богу своему, да отидете вси». Тогда же отидоша вси съ сребромъ и златомъ и с ризами, когождо испросивъ подруга своего. И тако, тщи египьтяны оставльше, отидоша, понеже убо людье издраильсти живущеи въ Египтѣ томимы, грады ихъ зижюще и храмы, а мьзды не емлюще. Того ради мьзду труда ихъ повелѣ взяти имъ Господь Богъ. И выпровадиша рабы Божия съ добыткомъ и с дары многими, яко завѣть Божий бѣ ко Авраму, дѣду ихъ.

И въставъ Моисий начать сочити, кто повѣда Иякову Иосифа жива въ Египтѣ, и о костѣхъ Иосифлѣхъ, како я изъобрѣсти. Клятвою бо заклалъ бяше Иосифъ, глаголя: «Присѣщеньемь, имже присѣтить вы Господь Богъ, да изнесете съ собою кости моя».[22] Како же суть обрѣтены въ Египтѣ за 400 лѣт *кости*[23] Иосифа? Повѣда Юда дщери Ияковли, она же возпи ко отцю и рече: «Отче, Иосифъ живъ есть!» Он же възложи руку на главу еи и рече: «Жива буди ты вѣкъ». И так была есть жива 400 лѣть. Та же повѣда Моисиови, идѣ суть кости Иосифовы. Есть рѣка въ Египтѣ, именемъ Воилдай. Ту суть погружены кости Иосифовы въ оловянѣ рацѣ. Исперва бо египтянѣ бояхуся исхода издраилева, мнящимъ имъ яко тѣмь держить сыны издраилевы, понеже оковавше раку Иосифлю оловомъ, въвергоша ю отай в рѣку, рекуще: «Аще не изнесуть костий Иосифовыхъ с собою, не изидуть сынове издраилеви изъ Египта».

Егда же рече Господь Моисиови: «Изведи люди моя изъ Египта со всимъ имѣньемъ ихъ», и створи ему Богъ 7 нощий въ едину нощь. И нача Моисий въпрашати, ходя, костии Иосифовыхъ съ свѣщами. И стрѣте и Марья и рече ему: «В рѣцѣ суть костии Иосифови, въ Воилдаи».[24] И Моисий же веземъ свѣща и поимъ съ собою 30 мужь, и вшедъ на рѣку и рече: «Возмися, Воилдаи, и кости Иосифовы». И не бысть явленья. И паки второе рече, и не бысть явленья. Третье еже написавъ хартию рече Воилдаю: «Возмися и положи на водѣ». И въступи рака Иосифова. Моисий же радъ бысть и взять раку, хартия же

не взя. Но приступи единъ ихъ жестосердъ жидовинъ и взять ю. И многы главы възяша с собою отець своихъ.

И мнози иноплеменьници поидоша с ними за 3 дни. И бысть по трехъ днехъ ркоша к Моисиови и ко Арону: «Се уже 3 дни ходили есте, а заутра възвратитеся въ Египеть, якоже есте рекли». Они же, отвѣщавше, ркоша к нимъ: «Повелѣлъ ны Господь, да не възвратимся опять въ Египеть, но идемъ в землю, яже точить млеко и мед».[25] Они же почаша ся бити с ними и избиша у нихъ много. И рану велику даша имъ. Друзии же от нихъ убѣжаша и повѣдаша Фараону, еже створи издраиль. И рече Фараонъ всимь старѣйшинамъ египетьскимъ и всему народу: «Се видите яко прельстишася сынове издраилеви, отбѣжаша от нас». И рѣша убо державы египетьския: «Что створимъ? Да отпустихомъ сыны издраилевы, нынѣ уже не работають намъ». И рече Фараонъ: «Поидемъ въслѣдъ ихъ, яко обишла есть тамо пустыни, яко узрять насъ въслѣдъ себе, и тако ужасьни возъвратятся». И погна Фараонъ въслѣдъ ихъ, поимя вся люди своя, поять же 600 колесниць избраныхъ, на нихъже бѣша воини по 3 стояще вооружени всюду. И постиже я противу Епавлии межю Магласомъ прямо в Сефомору, есть же мѣсто то в наричаемии Козматии.

И озрѣвшеся сынове издраилеви, видиша, яко женуть Египтянѣ въслѣдъ ихъ, и возпиша людье к Моисию, глаголюще: «Зане бы намъ гробъ въ Египьтѣ изведе ны на мѣсто се, в пустыню сию!»

Моисий же рече к нимъ: «Господь Богъ бореть по насъ, вы же умолчите!» И удиви Господь Богъ чюдеса своя. И простре же Моисий руку свою на море и удари жезломъ в Чермьное море, якоже рече ему Господь, и раступисе море на 12 пути, и поиде когождо с родомъ своимъ, и проидоша по суху посредѣ моря.

Тогда убо браконеискусьныя невѣсты образъ сдѣяся чюдесы. Тогда убо Моисий раздѣлитель водѣ бысть. Сдѣ же архистратигъ Гаврилъ служитель чюдеси бысть дивнаго Твоего Рождества Творца.

Тогда глубину пѣшь шествова не мокрьной Издраиль, нынѣ же Христа роди бе-сѣмене Дева. Море по пришествии издраилеви пребысть непроходно, тако и непорочная Дѣва по рождествѣ Емануиловѣ пребысть нерастьлѣньна. Сый бо и преже Сый, явлийся за человѣколюбье, и облаку сущю то и в покровъ его.[26]

Фараонъ же погна въслѣдъ ихъ, и яко бысть посредѣ моря съ вои своими на колесницахъ и на конехъ, и истопоша вси егуптянѣ. И удари Моисий жезломъ в море, и покры я вода сюду и сюду, и ни единъ от нихъ не избысть. И море имъ гробъ бысть. Фараона же избави Богъ от потопа и веде и́ ангелъ Божий и въ градъ Ниневии, и бысть тамо царемъ 9 лѣть. [27] (...)

Якоже бо и змия, егда состарѣется и ослѣпѣста очи еи и алчеть 40 дний и 40 нощий, дондеже ослабѣеть еи сила телеси, и тогда ябье совлечеть съ себе ветшаную кожю и будеть обновивъши ся, тако же и ты, жидовине, несмысленый, бессловесный, яко змий, пророчьства почитаеши, Бытью время вѣдаеши, обнови свое тѣло и прозри своима очима, сверзи ветшаную одежю, еже есть невѣрьство, и обновися святымъ крещеньемъ и притечи ко Христу и буди единогласникъ с нами. Въспомяни же и тогда сущюю Мариамь, сестру Моисиову и Арону, и како видящи чюдо, славяще Бога, собравъши ликъ женъ. Сама же взя бубенъ, а инѣмъ женамъ повелѣ двѣ мѣдянѣи плесньци взяти, инѣмъ же руками плескати, сама же, наполнивъшися Святаго Духа, начать въспѣвати сице Господа, глаголющи. (...)

Слышалъ ли еси, жидовине, преславнаго чюдеси, како ти сынове издраилеви тогда сущии проидоша посуху посредѣ моря?

Слышалъ ли еси, жидовине, жесточающа Фараона противу Богу? Вы же по всему уподобистеся Фараону, видяще вся знаменья Божественая, бываема от Христа Сына Божия, ожесточистеся сердцемь, яко и Фараонь невѣрьствомь, на конець глубини морьстии преданъ бысть.

Смотри же, жидовине оканьне, яко ничимже еси лучши Фараона, но якоже онъ за безумье погибе, тако и вы без ума погибосте. (...)

По сем же въздвигоша сынове издраилеви от моря Чермнаго в пустыню нарицаемую Сурь и идоша по пустыни 3 дни и 3 нощи, и не можаху пити воды, горка бо бѣ зѣло, и прозваша имя мѣсту тому «горесть».[28] И възропташа людье на Моисия, глаголюще: «Что пьемъ? Се уже хощемъ измрети мы и скоти наши от воды сея, въ Егуптѣ бѣахуть ны воды сладкы, а в сей пустыни пастися хотять телеса наша и изгорѣвше жажею водною. Нынѣ же покажи намъ воду, да пьемъ!» И велми зазлѣша людие Моисию.

Возпи же Моисий къ Богу о людехъ тѣхъ, и приде к нему Ангелъ Господень, 3 древа держа в руку своею: певгь,[29] кедръ, кумарисъ. И рече Ангелъ Господень к Моисиови: «Си древа сплети аки пленицю во образъ Святыя Троица и всади я в воду Мерьрьскю, да тѣмь осладиши воды Мерьския. Се древо будеть въ древо велико, се древо въ 4 краи Вселеныя разидется. Се древо Съпасение миру, симъ древомъ перваго врага лесть побѣжена будеть». И прочая хотящихъ быти сказа Ангелъ Моисию, по сем же отиде от него.

И створи Моисий тако, якоже повелѣ ему Ангелъ Господень. И сплете древо и всади ё во исходище воды при брезѣ. И рече Моисий: «Се древо жизнь будеть всему миру, се древо в велику честь приложится. По лѣтехъ посѣкуть ё. Тогда будеть изволение прити Вышнему. Но по времени, егда изволить плотью явитися всему миру и освящая женьска естьства преступленье, и на се древо руками безаконьныхъ свѣть и истиньныи вознесется. И узрите животь нашь прямо очима вашима. Безаконьнии же ти скоро в пагубѣ обрящются, и възнесному на древо весь миръ поклонится. Якоже се древо ослажаеть воду, тако и распятаго кровь освятить древо се. Якоже бо древо Меры горькия воды ослади, тако и кресть Христовъ горька языцьская невѣрьства ослади. Нынѣ же вы премолкните, ропщющи на мя, симъ древомь вода осладися, вы же убо, приступльше, почерпѣте и напаяитеся и скоты ваша». И во ть час осладишася воды в Меррѣ, и начаша пити вси людие и скоти.

Слышалъ ли еси, жидовине, Фараонова супружнице оканьный, како ти прообразовася Господь в Троици сплетеньемъ древа разнолично? Како ли ти прорече Моисий и воплощение Вышняго, и о распятьи на древѣ, и о мирьстѣмъ спасении?

Отьтолѣ же поять Моисий сыны издраилевы и приведе я въ Елимъ, и ту бѣяху 12 источника воды и 9 вѣтви фуника. Сия источьникъ прообразова Господь 12 апостола верховная, иже предътекоша, яко рѣкы въ весь миръ. Яко источници убо точать струя и аще и тмами народъ черпа*хут*, но не худѣвають, тако и апостоли Господни въ кыйждо языкъ внидоша, тѣхъ языкомъ глаголаша величья Божия. Рече бо Господь Богъ к нимъ: «Се азъ посылаю вы яко овца посредѣ волкъ, вы же не печетеся, како или что гдѣ възглаголете. Духъ бо Святый и научить вы в ть час, еже подобаеть глаголати».

9 вѣтвий фуника прообразовася 9 апостолъ ученикъ ихъ, якоже бо фуникъ ть възрастенья сладокъ вкусъ подаваеть, тако и апостоли сладкая ученья своя ино язычникомъ истачаху, яже и къ вѣрѣ бо разумнѣ и приведоша своими учении. (...)

Смерть Моисея[30]

О смерти Моисея

По семъ взиде Моисий от Фавора моавля на гору на верхъ Фазга, еже есть прямо Ерихону, и показа ему Господь всю землю Галажю до Дана, и всю землю Ефрѣмлю, и всю землю Манасиину, и всю землю Июдину до моря послѣдняго, и пустыню, и окрѣстная села Ерихона града. И рече Господь к Моисиови: «Си земля, еюже кляхъся отчемъ вашимъ Авраму и Исаку и Иякову, глаголя: “Племени вашему дамъ ю”. И показахъ ю очима твоима, а тамо же да не внидеши».

И скончася Моисий рабъ Господень в земли Моавли, близъ дому Фогорова.

Въ скончаньи же его бысть ту архистратигъ Михаилъ и началникъ силы Господня. И се и Дьяволъ бестудьный злокозньный обрѣтеся ту. И прящется о Моисиинѣ телеси, яко сътворшю ему, рече, убийство егуптянина, и ина нѣкая льстяшеть на нь, облыгая, рѣци. К немуже отвѣщавъ архистратигъ Михаилъ рече: «Запрещаеть ти Господь вселукавый Дьяволе». Не смѣ же убо архистратигъ Михаилъ силы Господня суда хульнаго навести на нь, но проповѣдая величьство Божества, рече: «Запрещаеть ти Господь, вселукавый Дьяволе»,[31] и обличая его суровое бестудьство, имже самъ за гордость сверженъ бысть, того ради именемъ Господнимъ архистратигъ запрещаеть ему проповѣдати величьство Божества.

И абье ищезнул льстець. О семъ бо послушьствова и апостолъ Июда въ I-мь посланьи.[32] Тѣмже и не вѣдаша сынове издраилеви о телеси его, даже и до сего дни.

Моисий же бысть лѣть 120, егда скончася, и плакашася его вси сынове издраилеви 30 дний въ Фаворѣ моавли, у Иордана, близь Иерихона.

[1] *...в лѣт 101...* — М. Таубе указывает на искажение в древнерусском тексте. В еврейском тексте читается «130» (число, которое в славянском переводе обозначалось как «РЛ»). По мнению комментатора, переписчик легко мог написать «РА», то есть «101».

[2] *...и рче волхвъ Валаомъ...* — Имя волхва указано только в древнерусском тексте, как и имена родителей Моисея, в еврейском его нет.

[3] *...сынове Хамови* — потомки одного из трех сыновей Ноя, проклятые Богом за то, что Хам не прикрыл наготы своего отца. Речь идет о вражде проклятого народа к богоизбранному.

[4] *...яко от воды взяхъ его.* — Еврейское «Моисей» означает «взятый из воды».

[5] *...и нарче жену свою сестрою, якоже бы погубилъ цьсаря ихъ.* — См. Быт. 12, 11—13.

[6] *...такоже жену свою сестрою потвори.* — См. Быт. 26, 6—11.

[7] *Понорамъ* — искаженное еврейское «равнина Арама», обозначающее Сирию или Месопотамию, в древнеславянских текстах «Междорѣчие».

[8] *Въ дни же ты бысть сѣца межю синьци и межю сынъми первыми и межи армены.* — «Сыны первые» (в других списках «перьскые») в еврейском тексте обозначены как «сыны Востока». Армены — арамеи.

[9] *...и створиша гору велику.* — Источник этого эпизода неясен.

[10] *...въ Пармии...* — в Паремийнике, так назывался в древнерусской книжности сборник, греческий Профетологий, включавший тексты из Ветхого Завета. Возможно, что в Паремийник входили тексты из еврейской книги Яшар.

[11] *...от дчери хананѣиск.* — См. Быт. 24, 3—4.

[12] *...яко продани суть в работу сынамъ Симовьмъ и сынамъ Афетовымъ* — См. Быт. 28, 1.

[13] *Чифора.* — В тексте Септуагинты «Семфора».

[14] *...Аврама от пещи халдѣистѣй...* — См. Быт. 15, 17—18.

[15] *...Исака от меча...* — См. Быт. 22, 9—12.

[16] *...колиже боряшеся... на перевозѣ...* — См. Быт. 32, 22—32.

[17] *...и очютися палица в руку его трестата...* — Оставлено без перевода. Греч. «τρεστάτης» означает «невысокий военоначальник на колесницах» (см. Исх. 14, 7; 15, 1). В данном случае это значение не

объясняет текст и то, почему в переводе с еврейского появилось греческое слово. Возможно, «трестата» связано со словом «треста», то есть «камыш» (прим. А. А. Алексеева).

[18] *...от правды Саррины, и Ревецины, и Рахилины, и Лиины.* — Четыре наиболее знаменитые женщины Ветхого Завета. *Сарра* (Сара) — жена Авраама. Жизнь Сарры отмечена долгим и терпеливым ожиданием наследника, сына Исаака, которого Бог даровал ей в старости. В христианской традиции имя Сарры символизировало свободу. *Ревекка* — сестра Лавана и жена Исаака, мать Исава и Иакова. В Кн. Бытие (24) говорится о ее нежной материнской любви к Исааку. *Рахиль* — младшая дочь Лавана и вторая жена патриарха Иакова, который получил ее в жены после семи лет служения Лавану. Мать Иосифа и Вениамина, символ неутешного горя о погибших детях во времена несчастий и пленения иудеев. *Лия* — старшая дочь Лавана, сестра Рахили и одна из жен Иакова. Лаван выдал замуж ее обманом, вместо обещанной Иакову Рахили (см. Быт. 24, 18—23). Бог наградил Лию плодовитостью.

[19] *Слыши... самъ ногама начнешь ходити на земли* — обращение повествователя к иудею. Текст древнерусского перевода прерывается «спором с жидовином» о преимуществах христианской веры.

[20] *«Идеже бо хощетъ Богъ, побѣжается естьства чинъ».* — Ср. Акафист Богородице.

[21] *...И рече Господь к Моисиеви... на нейже земли самъ хощю обитати.* — См. Исх. 6, 1—4.

[22] *...да изнесете съ собою кости моя.* — См. Быт. 50, 24—25.

[23] *...кости...* — Восстанавливается по смыслу. В отличие от еврейского текста рассказ о поисках Моисеем останков Иосифа в древнерусском переводе более подробный. Его источниками могли быть различные иудейские легенды.

[24] *...В рѣцѣ суть кости Иосифови, въ Воилдаи».* — В других списках встречается название «Волъ», или «Воил», обозначение Нила.

[25] *...яже точить млеко и мед».* — Ср. Исх. 3, 8.

[26] *...и облаку сущю то и в покровъ его.* — Ср. Пс. 104, 39.

[27] *...и бысть тамо царемъ 9 лѣтъ.* — В еврейском тексте «500 лет». По мнению М. Таубе, замена произошла оттого, что древнерусский переписчик смешал буквы «Ф» (500) и «Ѳ» (9).

[28] *...и прозваша имя мѣсту тому «горесть».* — См. Исх. 15, 23. «Мерра» означает «горечь», «горесть».

[29] *Певгъ* — разновидность хвойного дерева.

[30] *Смерть Моисея.* — Рассказ о споре архангела Михаила с Сатаной о теле Моисея отсутствует в еврейском тексте «Жития», но хорошо известен по другим иудейским и христианским источникам. Русские рукописи представляют две — краткую и подробную — версии этого рассказа. Более подробная читается в Исторической Палее.

[31] *К немуже ... архистратигъ Михаилъ... вселукавый Дьяволе...* — См. Иуд. 1, 9.

[32] *...апостолъ Июда в I-мь посланьи.* — В рукописи: «35-мь». Соборное послание Иуды содержит одну главу из 25 стихов. Правильно: Иуд. 1, 9.

ПЕРЕВОД

ЖИТИЕ СВЯТОГО ПРОРОКА МОИСЕЯ. СКАЗАНИЕ БЫТИЯ ЕГО

Господи, благослови, отче.

Когда Иакову было 87 лет, он родил Левия, Левию же было 49 лет, когда он родил Армия, Гаидада, Хеврона и Каяту. Каят же в 60 лет родил Амбрава. Амбрав был ста лет, когда родил Аарона, Мариам и Моисея в 101-й год пришествия израильтян в Египет. Моисей был седьмой по счету от колена Авраама, мать его была Агавефь, дочь Левия.

Однажды царь Фараон увидел сон: вот сидит он на своем царском престоле в Египте и поднял глаза свои, и увидел старца, который стоял против него, а в руках его — чаши весов. И положил он на одну чашу всех египетских старейшин и всех вельмож его, а на другую чашу положил всех агнцев. Проснувшись рано наутро, (царь) созвал всех рабов своих и рассказал им сон. И люди испугались сильным страхом, и сказал волхв Валаом: «Востанет зло в Египте вскоре». И сказал царь: «Что будет, скажи нам». И сказал Валаом царю: «У израильтян родится младенец и расточит все царство Египетское, знай это, царь, напиши в законах египетских, чтобы топили в воде каждого младенца, который родится у евреев, пусть убивают его».

И призвал Фараон повивальных бабок еврейских и приказал им убивать младенцев, а других бросать в реку. Но бабки боялись Бога и не делали так, как повелел им царь египетский Фараон. (...)

Жены же еврейские уходили в поле и рожали там. Ангелы же Божий купали новорожденных и повивали их, и вкладывали в обе руки им два камня, чтобы из одного сосали масло, а из другого — мед. И выходили египтяне на поле искать их, но повелением Божиим отверзалась земля и принимала их. Те же шли за плугами и сохами своими и не могли отыскать их, так как Бог утаил их. И когда вырастали (дети) на поле, то приходили во множестве в свои дома. И умножился народ еврейский, и становился все сильнее в Египте. Царю же египетскому Фараону не нравилось, что умножаются израильтяне.

Был среди израильтян муж по имени Амбрам. И взял он себе жену Агавефь, свою родственницу. И родила та дочь и назвали ее именем Мариам. А в те дни стали сыновья Хама творить зло сынам израилевым. Амбрам же зачал и родил сына и дал ему имя Арон. В те дни Фараон начал проливать кровь младенцев на землю, а других кидать в реку. Тогда многие расстались со своими женами, расстался и Амбрам со своей женой. И на исходе 3-его года осенил Дух Божий Мариам и, пророчествуя, она сказала: «Вот родится сын у моего отца в этот год, и тот спасет Израиль от власти Египетской».

Услышав это от Мариам, Амбрам возвратил к себе жену и познал ее в шестой месяц, и, зачав, она родила сына, и назвала его именем Мелхия. И наполнился дом света, и жена увидела, сколь прекрасно ее дитя, и держала его 3 месяца в укрытии.

В те дни египтяне приказали носить своих маленьких детей в еврейские дома, не откликнется ли дитя еврейское дитяти египетскому. А жена та, опасаясь этого, сделала камышовую корзинку, вымазав дно ее изнутри глиной, а снаружи смолою, и положила туда ребенка, и пустила корзинку меж речных камышей. Сестра же его, став издали, смотрела на него.

И послал Бог зной на землю Египетскую, и люди мучились от жары. И спустилась дочь Фараона Ферьмуфь к реке искупаться с девицами и со многими женщинами. И увидела она камышовую корзинку, плавающую по реке, и послала рабыню, чтоб взяла ее. И когда открыла, то увидела в ней плачущего младенца, и пожалела его, и сказала: «Этот из еврейских детей». И дала ему имя Моисей, объяснив, что из воды взяла его. И привели женщин египетских, чтобы вскормили его, но он не хотел сосать, так как от Бога было (предначертано) ему возвратиться к материнской груди. И сказала Мариам: «Если хочешь, приведу тебе женщину-кормилицу из евреек, и она вскормит тебе этого ребенка». И отправилась, и привела его мать, и сказала ей дочь Фараона: «Вскорми

мне это дитя, и я положу тебе по две серебряные монеты на день». И та взяла у нее (дитя) и вскормила его.

На исходе второго года принесли его к дочери Фараона, и был он ей вместо сына. И в третий год от рожденья Моисея Фараон сидел за столом, а царица справа от него. Фермуфь же сидела слева от него. Дитя же находилось у нее на руках, а вокруг него сидели вельможи.

Вдруг дитя, потянувшись, сняло венец с головы царя и возложило себе на голову. И царь, и вельможи его испугались. И воскликнул волхв Валаом и сказал: «Вспомни, господин, сон, который ты увидел, и то, как раб твой его истолковал тебе. Это еврейское дитя несет в себе Дух Божий, и оно сознательно так поступило, ибо хочет забрать себе царство Египетское. Так ведь поступил Авраам, дед его, когда царь перехватил славу их: Авимелеха, царя гарарского прогнал, а сам пришел в Египет и назвал жену свою сестрой, чтобы погубить их царя. Так и Исаак поступил с иноплеменниками и получил свою силу от иноплеменников, царя же их он хотел погубить, захватив, и также жену свою выдал за сестру. И также хитростью Иаков отнял первенство у брата своего и благословение. Отправился в Месопотамию к Лавану, дяде своему с материнской стороны, и забрал обманом его дочь, и его скот, и весь его дом. И убежал в землю Хананейскую, и возвратился. И продали сыновья его Иосифа, и был тот в темнице до тех пор, пока царь, отец твой, не увидел сон. Отпустил он его из темницы и возвысил над всеми вельможами египетскими, потому что он истолковал сон. И когда Бог наслал на землю голод, послал он за отцом своим и братьями своими в Египет, и привели их. И он кормил их без платы. Нас же купил в рабство себе. Если хочешь, царь, убьем этого младенца, чтобы, когда вырастет, не отнял царства твоего у тебя и чтобы не погибла надежда Египта».

И послал Бог архангела своего Гавриила, принявшего облик одного из царских вельмож, и тот сказал: «Если хочешь, царь, пусть принесут драгоценный сверкающий камень и горящие угли и положат перед ребенком. Если протянет он руку к камню, то знайте, что сделал он это сознательно, тогда убьем его. Если же к огню протянет руку, то узнаем, что не по разуму сделал это и оставим его». И понравилось это царю и вельможам его.

И принесли к нему драгоценный камень и горящие угли. И ангел Господень направил руку его к огню. И взяв уголь, дотронулся он им до кончика языка, и от этого стал гугнив. И не убили его.

И жил Моисей в доме Фараона 15 лет, рос вместе с царскими детьми, в одинаковых одеждах (ходил). И на исходе 15-го года он захотел к отцу и матери, и отправился к ним. И пришел к братьям своим, и увидел египтянина, который бил еврея из братьев его. И оглядевшись вокруг, туда и сюда, и никого не заметив, убил он египтянина и похоронил в песке. На другой день пошел Моисей к своим братьям и увидел двух ругающихся мужчин и спросил: «О злодей, зачем обижаешь друга своего?» А тот сказал ему: «Кто поставил тебя судьею над нами, или ты хочешь меня убить, так же как вчера убил египтянина?» Испугался Моисей и сказал: «Как видно, дело это стало известно».

Дошел этот слух до ушей Фараона. И велел Фараон убить Моисея.

И послал Бог архангела своего, Михаила, принял он облик стольника Фараонова и вырвал меч из руки его, и снял голову его. И взял ангел Моисея за правую руку и вывел его вон из земли Египетской. И поселил его вне пределов египетских на расстоянии 40 верст. И остался один Аарон, и начал он пророчествовать в Египте сынам Израилевым. И сказал: «Всякого идола повергните в египетской скверне, но не оскверняйтесь». И не послушали его.

И сказал Бог, чтобы погубили их, но он помнил завет, который положил с Авраамом, Исааком и Иаковом, и усилилась и ужесточилась власть Фараона над сынами израилевыми, пока не послал Бог слово свое и не вспомнил о них.

В то время шла война между эфиопами и сынами Востока и между арамеями. И вышел Киканос, царь сарацинский, воевать с арамеями и с сынами Востока. И победил царь Киканос арамеев с сынами Востока и взял их в плен. И Валаом прибежал из Египта к Киканосу, поскольку не сбылось пророчество его. И было у Киканоса два сына, Анос и Акрис, они сеяли смуту в городе, а с ними были и худшие люди. И задумал Валаом с местными людьми отречься от царя Киканоса, и не дали ему войти в город. И послушались люди его, присягнули ему и поставили его царем надо всеми. Сына же его назначили воеводой, и высоко возвели стены этого города с двух сторон, а с третьей стороны выкопали рвы и ямы большие без числа, а с четвертой стороны Валаом заговором и колдовством собрал много змей и скорпионов. Закрыли они город и не дали в него ни войти, ни приступить к нему. И вот, когда вернулся царь Киканос с воинами и, подняв очи свои, увидели они столь высокие городские стены, то удивились и сказали: «Наши люди, пока мы долго воевали, укрепили город свой, сказав: “Как бы не пришла на нас рать”». Но когда подошли к городу, то увидели ворота городские на замке, и сказали привратникам: «Откройте ворота, чтоб войти нам в город». Но

не хотели те открыть из-за запрета Валаома-волхва. И не дали войти войску, оставив его пред вратами. И погибло от воинов Киканоса в один день сто тридцать мужей, а на другой день бились они на берегу реки. И тридцать всадников вошло в воду, желая перебраться на другую сторону, и не смогли. И утонули во рвах. И велел царь рубить деревья и делать плоты, чтобы переплыть на них. И сделали так, и прошли на плотах в эти рвы, и завертел их омут, и потонуло в тот день двести мужчин на десяти плотах.

И в третий день подошли (воины) с той стороны, где (обитали) змеи, и не смогли ничего сделать. И поели змеи сто семь человек. И отступили от них (воины), и стояли они возле города девять лет, и не дали те им ни взять его, ни войти в него. И когда стояли противу сарацин, бежал Моисей из Египта и пришел к Киканосу, царю сарацинскому. Моисею было 18 лет, когда он бежал от Фараона.

И пришел он к Киканосу в лагерь, и принял его царь и все его вельможи и воины его, ибо знатен и богат он. был в их глазах. И ростом он был словно тис, лицо его, словно солнце, сияло, храбрость его была велика. И стал Моисей советником у царя.

И к концу девятого года разболелся царь сарацинский Киканос, и на седьмой день он умер. И умастили его рабы маслами и похоронили у городских ворот. И построили над ним красивую и очень высокую палату и написали на камне обо всех его войнах и всем его мужестве.

И вот, когда воздвигли палату, совещались друг с другом: «Что делать? Если сразимся с городом этим, то погибнем, сделаем ли что-то, чтобы остаться здесь, то узнают все цари арамейские и сыновья Востока, что царь наш умер, и внезапно нападут на нас и не оставят нас в целости, так пойдем да и поставим себе царя. Осадим город, покуда не возьмем его». Они быстро сняли с себя одежды свои и покидали их в кучу, сделав большую гору. И посадили Моисея и сказали: «Живи во веки, царь!» И присягнули ему все вельможи и весь народ. И взял себе Моисей жену Киканоса, с согласия и по воле ее.

Моисею же было 27 лет, когда он стал царем над сарацинами. Во второй день его царствования собрался весь народ и сказали ему: «Царь, подумай, что нам сделать: уже прошло 9 лет, с тех пор как мы не видели своих жен и детей». И ответил царь людям своим: «Если послушаете меня, знайте, что будет этот город отдан в руки наши. Если сразимся с ними, как вначале, то нас много погибнет, как и в первый

раз. Если же отправимся на плотах в омуты, то много нас потонет, как и в первый раз. Теперь же, встав, идите в лес и принесите птенцов аистов, каждый своего. Берегите их, пока не вырастут. Научите их летать по-ястребиному». И пошли (люди) и принесли аистят, как велел им Моисей.

И вот, когда аистята выросли, то царь повелел семь дней морить их голодом. И люди так поступили. Настал третий день, и сказал им царь: «Наденьте доспехи свои и садитесь на коней своих и возьмите каждый по своему аистенку в руку, и пойдем да приступим к городу на то место, где находятся змеи».

И сказал царь: «Отпускайте аистов». И они пустили их, и полетели аисты на змей, и поели их, и опустело то место. И увидели царь и люди, что погибли змеи и очистилось место, и вострубили люди в трубы и обступили город, и взяли его. И вернулся каждый в дом свой. И убили в тот день городских жителей 1000 и 100, а извне ни одного человека не убили. И увидел волхв Валаом, что взят город, с двумя своими сыновьями вскочил на коней и бежал в землю Мадиамскую, к царю Валаку. Ведь то были волхвы и чародеи, о которых написано в Паремии, которые научили, как стереть племя Иакова с лица земли. (...)

Моисей сидел на престоле сарацинском, а жена Киканоса была замужем за ним. Моисей же, убоявшись Бога, не приходил к ней, помня о том, как заклял Авраам Елеазара, своего раба: «Не бери жены от дочери хананеян для сына моего!» Исак же наказал Иакову, своему сыну, не вступать в родство с сыновьями Хамовыми, так как они проданы были в рабство сынам Симовым и сынам Афетовым. И убоялся Моисей Бога своего, и не прикоснулся к жене Киканоса, ведь была она родом от сынов Хамовых.

Набрался силы царь Моисей и воевал с едемлянами и превозмог их, и одолел во время войн, как Иаков, дед его.

В 40-й год царствования сидел Моисей на престоле, а царица в стороне от него. И обратилась царица к людям и вельможам: «Вот уже сейчас 40 лет, как Моисей царствует над вами, и ко мне не прикоснулся, и богам нашим не поклонился. Теперь же слушайте меня, сыновья сарацинские! С сегодняшнего дня не будет Моисей царем над вами. Вот вам Мукарис, сын мой, он и будет царствовать над вами. Лучше повиноваться вам сыну господина своего, чем чужестранцу». И все люди спорили об этом до вечера и не хотели отпустить Моисея. Но

пересилила царица. И на другой день спозаранку назначили Мукариса царем над всеми. И побоялись люди поднять руку на Моисея, ибо боялись, присягнув ему. Дали ему дары большие и отпустили его с честью.

И вышел оттуда Моисей путем своим. Было Моисею 67 лет, когда он ушел от сарацин. Все это было сотворено Богом. И наступило время, уготованное от первых дней, вывести сынов израилевых из Египта. И отправился Моисей в Мадиамскую землю, боясь возвращаться в Египет.

И сел он у колодца, и пришли семь дочерей Рагуила Мадиамского пасти овец отца своего. Они подошли к колодцу тому и набрали воды, чтобы напоить овец. Но пришли пастухи мадиамские и прогнали их. И тогда Моисей встал и защитил их, и напоил овец их. Они же возвратились к отцу и рассказали о том, что сделал Моисей, и как он спас их и напоил их овец.

И послал за ним Рагуил и позвал его в дом свой. Он разделил с ним хлеб, и рассказал ему Моисей, как бежал из Египта и как царствовал у сарацин, и как отняли у него царство и отпустили его. И когда услышал рассказ его Рагуил, то воскликнул в сердце своем: «Посажу-ка я его в темницу и тем угожу сарацинам. Ведь это беглец». И вот схватили Моисея и посадили в темницу, и находился он в темнице 10 лет.

Но сжалилась над ним Симфора, дочь Рагуила, она кормила его хлебом и водою. И когда кончались 10 лет, сказала Симфора отцу своему: «Этот еврей, которого ты посадил в темницу, уже десятый год там, и никто не ищет его и не спрашивает о нем. Если это угодно очам твоим, отец мой, следует послать посмотреть, жив ли муж тот, или умер». Отец же ее не знал, что она кормила его. И сказал Рагуил: «Не видел никогда на свете, чтобы человек, сидящий в темнице десять лет без хлеба и воды, был жив». И ответила Симфора отцу своему: «Разве ты не слышал, отец мой, что Бог еврейский велик и грозен и всегда удивляет чудесами? Не он ли избавил Авраама от печи халдейской, Исаака от меча, Иакова от руки ангела, когда боролся с ним на переправе? И ведь Бог мужу сему чудес много сотворил: освободил его от египтян, и от меча Фараона, и еще может его избавить». И были приятны эти слова Рагуилу. И сделал он так, как сказала дочь его: послал к темнице узнать, что случилось с Моисеем. И увидели, что он молится Богу своих отцов. И выпустили его из темницы, остригли его, сменили ему одежды тюремные, и ел Моисей хлеб с Рагуилом.

И пришел Моисей в сад к Рагуилу, что был позади дворца его, и молился Богу своему, который сотворил чудеса и освободил его из темницы той. Когда он молился, поднял глаза свои и увидел, что посреди сада воткнута палица. И подошел к палице, а было на ней написано имя Господа Бога Саваофа. И подойдя, выдернул ее, и оказалось, что в его руках палица трестата, которою сотворены чудеса Божий, когда Он создал небо и землю и все, что в них, море и реки, и всю рыбу их. И когда изгнал Он Адама из райского сада, взял Адам ту палицу с собой в руки. И перешла та палица от Адама к Ною, Ной же передал ее Симу и его потомству и так, пока не дошла палица до рук Авраама. Авраам же дал ее Исааку, а Исаак дал ее Иакову. Иаков же, когда бежал в пределы арамейские, палицу ту взял с собой. Он же ее дал Иосифу, наследием минуя братьев. И когда после смерти Иосифа египтяне разорили дом Иосифа, оказалась палица эта у Рагуила, и тот посадил ее посреди сада. И хотели овладеть ею все богатыри, которые стремились получить дочь его (в жены), и не могли этого до тех пор, пока не пришел Моисей: кому суждена была, тот ее и вытащил. И случилось так, что увидел Рагуил палицу в руках Моисея и удивился. И отдал он ему дочь свою Симфору в жены.

Моисей же прожил 70 и 6 лет, когда он вышел из темницы и взял Симфору мадиамлянку себе в жены. И отправилась Симфора путем женщин рода Иакова, не меньший удел выпал ей, чем Сарре, и Ревекке, и Рахили, и Лии.

Зачав, родил Моисей сына и назвал его именем Герсан, говоря, что он пуст в земле чужой. Но не совершил обряд обрезания над ним, потому что так велел тесть его Рагуил. И на исходе третьего года зачал и родил сына и назвал его именем Елеазар, сказав, что «Бог отца моего помощником мне был, избавил меня от меча Фараона». (...)

В то время Моисей ходил по пустыне, (пася) овец тестя своего, с палицей Божией в руках. И дошел он до горы Хоривской и увидел, что стоит куст купины, объятой горящим пламенем, но не сгорает от пламени купина. И сказал себе Моисей: «Что за видение вижу, приближусь и разгляжу, почему не сгорает купина в горящем огне, почему неопалимой пребывает?» Говорил Моисей в удивлении: «Огонь все живое опаляет и съедает, отчего же купина неопалимой остается? Смотрю на огонь и посреди него вижу купину цветущую». Стал Моисей подходить к ней, говоря: «О чудо необычайное, вижу пылающий огонь, а ни одного листа от этой купины не оторвалось, вижу. О чудо это необычайное, удивленья достойное». Затем воззвал к нему Господь из купины и сказал: «О Моисей, Моисей!» Тот ответил: «Что это, Господи?» Ответил Господь: «Не подходи сюда, но сними обувь с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, — это святая земля».

Слышишь, как делает его благоговейным Владыка и со страхом велит послушать сказанное. Ибо снятие обуви означает отречение от житейских печалей, но еще и то говорится, что освящение земли настанет, когда сам Владыка, облечен плотью человеческой, начнет пешком ходить по земле.

И еще сказал Моисею Господь: «Я есть Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова». И отвратил Моисей лицо свое, страшась смотреть на Бога.

Видишь, окаянный иудей, как купина, приняв огонь, не опалилась, вопреки природе! Купина ведь — образ Девы, как этот неугасимый огонь по воле Бога не сжег растения, так и Божье слово сохранило нетленным ее девство и после родов. Пойми же, что Бог все может исполнить, что только пожелает. Так ведь и пречистая наша Госпожа, Богородица, приняв в утробу Бога, неопалимой оставалась, и после рожденья его снова пречистой девой пребывала. «Где захочет Бог, там отступает закон природы». Родившийся от нее Господь Бог веру утвердил и свирепые народы укротил, и весь мир усмирил как человек!

И снова сказал Господь Моисею: «Видел я страданья людей моих в Египте, но ты, отправившись туда, выведи людей моих, ибо умерли все, кто искал твоей души. А те, кто остался после них, уже не в силах тебе навредить». Сказал же Моисей Господу: «Кто же я, Господи, что ты хочешь, чтобы я вывел твой народ? Но прошу тебя, Господи, выбери другого, могущего (это сделать), или дай мне знак, чтобы поверили мне люди твои, что я видел тебя». И сказал Господь Моисею: «Брось жезл свой, что держишь в руке своей, на землю». Моисей бросил жезл, и тотчас сделался он огромным ползучим змеем. И увидев его, Моисей отскочил. И сказал ему Господь: «Не бойся, Моисей, возьми его за хвост». Моисей, наклонившись, схватил змея за хвост, и стал он снова жезлом.

Видишь и то, иудей, как змей превратился в жезл! Не все ли подвластно Богову свершению, так ведь и в Законе нашем. Во времена царя Константина был чудотворец Спиридон, епископ кипрский. Однажды он увидел некоего ростовщика, который тащил какого-то нищего. И этот старец Спиридон, увидев ползущую змею, превратил ее именем Христовым в золотую гривну и отдал ее ростовщику. И так снова выкупился нищий, принеся залог к старцу. Спиридон же тот блаженный превратил его снова в змею и на землю отпустил.

Сказал Моисей Господу Богу: «Прошу тебя, Господи, ведь косноязычен я, раб твой, с тех пор как начал говорить!» Господь сказал Моисею: «Кто дал уста человеку? Кто сделал его глухим, или немым, или слепым? Это я, Господь Бог. Хочу тобой, косноязычным, посрамить мудрецов египетских».

Посмотри же, иудей на слова его, что сказал Господь Бог Моисею! Если даже создал Господь немого, и глухого, и слепого, и зрячего, то все возможно Богу сотворить, как и бывало.

Моисей же возвратился в Мадиамскую землю и рассказал обо всем на ухо тестю своему. Тесть же его Рагуил ответил: «Иди с миром».

Поднялся Моисей и пошел с женою и детьми. И когда остановился, сошел ангел Божий и хотел убить Моисея, потому что тот не совершал обрезания плоти сынам своим, преступил закон, который положил Бог Аврааму. И поспешила Семфора, взяла пластину каменную и обрезала сыновей своих,и избавила мужа своего от руки ангела.

Явился Господь Аарону и Левию в Египте, когда шли они по берегу реки, и сказал: «Иди навстречу Моисею в пустыню». И пошел Аарон и встретил того в пустыне, в горе Божией, и целовал его. И подняв очи свои, увидел жену его и детей и спросил: «Кто они?» И ответил Моисей: «Это жена моя и дети мои, которых дал мне Бог в Мадиаме». И сверкнуло зло в очах Аароновых, и сказал он: «Отпусти жену и детей в дом отца ее». И сделал так Моисей. И ушла Семфора и два сына ее в дом ее отца до времени, пока не вспомнил Бог о людях своих и не вывел их из Египта от руки Фараона.

И рассказал Моисей Аарону обо всем, что говорил ему Господь. И пришли они в Египет, и явились в собрание сынов израилевых, и рассказали им обо всех речах Божиих, и обрадовались люди их словам.

И назавтра рано отправились они в дом Фараона, взяв с собой палицу Божию. И когда подошли они к воротам царского дома, то стояли там два льва, привязанные железными цепями, так что ни один человек не мог ни войти, ни выйти, если только не велит ему сам царь прийти, и тогда придут кормильцы, накормят львов и проведут человека того.

Моисей же и Аарон подошли и подняли палицу на львов, и освободились львы. И пришли Моисей и Аарон в дом царя, и львы вошли вместе с ними, радуясь. И как увидел это Фараон, то очень удивился и ужаснулся, ибо вид у них был, словно у сынов Божиих.

И сказал им царь: «Чего вы хотите?» И ответили ему: «Отпусти нас в пустыню принести жертву Господу Богу нашему и послужить ему». Фараон сильно испугался и сказал им: «Сейчас идите к себе домой, а завтра придете ко мне». И сделали они так, как велел им царь. А когда они ушли, царь послал и позвал Валаома-волхва и его сыновей Еноса и Акриса и всех чародеев египетских. И пришли они к царю, и рассказал им царь о том, что говорили Моисей и Аарон. И сказали ему чародеи: «Но как же они прошли, ответь нам?» И сказал царь: «Они только подняли на львов жезл, и освободились те, и прибежали к ним, радуясь». Отвечал же Валаом, сказав: «Это такие же чародеи, царь, как и мы, а теперь пошли за ними, пусть придут, и мы испытаем слова их». И поступил царь так, послал за ними. Они же взяли палицу Божию в руки свои и пришли к царю и проговорили ему слова Божий: «Отпусти людей израилевых, пусть принесут жертву Господу Богу своему». И сказал им царь: «Но кто поверит вам, что вы — посланники Божий и пришли, повинуясь словам Его? Какое знаменье вы сотворите предо мной, чтобы можно было поверить словам вашим?» И Аарон быстро бросил палицу свою перед царем и перед его вельможами. И сделался это большой ползучий змей. И поступили чародеи точно так же, кинули жезлы свои, и стали они змеями. Потому Бог позволил волхвам египетским превращать жезлы свои в змеев, чтобы не говорили Фараону, будто Моисей — это волхв и волшебством все это совершает, но сопротивленьем противились ему, а потом обессилели.

Ибо поднял змей, который был из Моисеева жезла, голову свою и пожрал всех их змеев. И сказал волхв Валаом: «Уже бывало и в прежние дни, что поедал змей другого, как и рыба морская поедает других, а теперь сделай палицу свою, как она раньше была; если можешь, и наши съеденные палицы пусть станут прежними, тогда признаем, что Дух Божий в тебе. Если же не можешь, то чародей ты такой же, как и мы». И протянул Аарон руку свою и схватил змея за хвост, и оказалась в руке его палица, и их палицы стали такими, как и были.

И повелел Фараон принести ему писания всех Богов египетских, и прочли их перед ними, и он сказал: «Не нашел я в писаниях этих Бога вашего, и имени его не увидел». Отвечав, сказали они царю: «Аданай Саваоф имя Его». И сказал Фараон: «Где же Аданай, чтобы я увидел его и голос его услышал, и отпустил бы израильтян? Если не знаю Аданая, не отпущу израильтян». И сказали они: «Имя еврейского Бога на нас с первых дней наших, а теперь отпусти нас, чтобы пошли мы в пустыню и

сотворили жертву Богу нашему. С тех пор как пришел Израиль в Египет, не принял Он ничего из рук наших. Если не отпустишь нас, то знай, что Он разгневается и изничтожит землю египетскую мором или мечом».

И сказал им Фараон: «Расскажите мне о силе и могуществе его». И отвечали они: «Он сотворил небеса и все могущество их, и землю со всем, что на ней, и море, и всех рыб. И создал свет, и породил тьму, и пускает дождь, и напояет землю. И сотворил человека, и скот, и диких зверей, и птиц небесных, и рыб морских. Он же создал и тебя в лоне матери твоей. Он же вложил в тебя дух жизни и взрастил тебя, и посадил на престоле царства твоего. Он же и отнимет душу твою у тебя и возвратит тебя в землю, от которой ты взят».

И разгневался Фараон и сказал: «Но кто же из всех человеческих богов может сделать со мной такое? Рукой своей все я сам сделал!» И крепко разъярился он на них и повелел насилье им сотворить. И мучили египтяне израильтян. Моисей же возопил к Господу Богу, говоря: «Зачем предал народ свой, Господи?» И сказал Господь Моисею: «Вот увидишь, что я сделаю Фараону рукою крепкой, отпущу тебя и мышцею высокой уведу тебя из земли его. Я есть Господь Бог, явившийся Аврааму, Иакову, Исааку, и положил им Завет мой, чтобы дать им землю Хананейскую, на той же земле хочу сам пребывать».

И воздвиг Бог гнев свой на Фараона и на людей его. И поразил он язвой великой Фараона и египтян. Превратил воды их в кровь и навел жаб на землю их, и когда пили они воду, попадали жабы в чрево к ним, и там в них квакали. И в дома их, и в квашни, и постели их лезли, и напали на груди их вши, на высоту двух локтей, и на теле, и выше запястий. И послал на них Бог зверей диких, чтобы растерзать их, и змей, скорпионов и мышей, а в глаза им оводов.

Они забирались в дома и на крыши свои, закрывались там. И влез туда Нилониф зверь, который в море живет, а лапы его — по десять мужских локтей; и взбирался он на дом и раскрывал его, и, схватив лапой, ломал замки. И Бог напустил на них злых зверей, и они там рыскали, и изморил Бог весь скот их. И зажег Бог плоть их огнем, и появились прыщи на них от головы до ног, и засмердело все тело у них. Перебило градом виноград их и все деревья египетские, и ничего не осталось на них.

И иссохла трава полевая, и люди, и скот, который обретался на ней, умерли от голода.

И напала на них саранча, и сожрала то, что осталось от града, и возрадовались египтяне, говоря: «Это пища наша», и насолили их множество!

И напустил Бог сильный ветер с моря, он схватил саранчу и ввергнул ее в море, и соленую тоже, и ни одной не осталось во всей земле египетской.

И послал на них Господь тьму на семь дней, так что не мог видеть муж брата своего, ни руки своей ко рту поднести.

Но были и евреи, которые не послушали Моисея и Аарона, говоря: «Не пойдем в пустыню, умрем от голода и мора». И избил их Бог в те три дня темные, чтобы не видели египтяне, и не возрадовались, и не говорили: «Как на нас рана Божия, так и на них». И исторг Бог терние из винограда своего. И взял он каждого первенца земли египетской, от человека до скота, даже изображения первенцев, что написаны на стенах, и те разрушались, которые были деревянными, а золотые или серебряные, те расплавлялись. А тех первенцев, что незадолго до этого были похоронены, извлекали псы и клали их перед отцами и матерями их. И возопили голосом страшным сыновья Хамовы.

И призвал Господь Моисея и Аарона и сказал: «В эту ночь будет убит каждый первенец в земле египетской, от человека и до скота, и всем богам египетским сотворю отмщение, я Господь Бог каждого из вас. В эту ночь заколите чистого и непорочного агнца и помажьте кровью его пороги (домов), и да будет кровь знаменьем на домах ваших, в которых вы будете. И увидев, покрою вас, и не погибнет из вас ни один». Сделали люди еврейские так, как велел им Моисей (по повелению) Господа.

Гляди, иудей, как обрели вы знаменье кровью на порогах домов, ведь кровь непорочного агнца — это образ крови Господа нашего Исуса Христа, что называется Святая Святых, и что почиет в сердцах святых мужей и жен, в едином — тройственный. Тогда было помазание порогов, ныне же — кровь Христова; помазанье порогов, которые суть

уста наши; тогда же окропление обоих дверных косяков, ныне же окропленье души и тела святым крещеньем.

В ту ночь убили всех первенцев египетских, потому что Израиль назван был первенцем и много казней и мучений от египтян он принял, потому и за первенца Израиля первенцы египетские были убиты, от человека и до скота.

И не было места, где бы не возопили, — только не в сынах израиле-вых. И возопили народы к царю, говоря: «Отпусти, царь, отпусти сыновей израилевых. Если же нет, то все умрем из-за них». Царь же испугался и послал к Моисею и Аарону, говоря: «Если хотите принести жертву Господу Богу своему, уходите все». Тогда ушли все с серебром и золотом и с одеждами, каждый позвав друга своего. И так, оставив египтян ни с чем, ушли, потому что люди израильские томились в Египте, строя города их и храмы, а платы не получая. Потому и повелел им Господь — взять эту мзду как плату за труд. И выпроводили рабов Божиих с добычей и многими дарами по завету Божию, данному Аврааму, деду их.

И встав, Моисей начал узнавать, кто же рассказал Иакову, что Иосиф живет в Египте, и как найти кости Иосифа, потому что клятвою поклялся Иосиф, говоря: «По милости Божией, которой одарил вас Господь, унесите с собою кости мои». Как же найдены кости Иосифа в Египте через 400 лет? Иуда рассказал дочери Иакова, (что Иосиф жив), она же воскликнула, обратившись к отцу: «Отец, Иосиф жив!» Он же положил руку ей на голову и сказал: «Живи вовеки». И так жила она 400 лет. Она и поведала Моисею, где находятся кости Иосифа. Есть река в Египте названием Воилдай. Там и погружены кости Иосифа в оловянной раке. Потому что сначала египтяне боялись ухода израильтян, думали, что удержат сынов израилевых тем, что оковали раку Иосифа оловом и тайно погрузили в реку, так говоря: «Если не вынесут костей Иосифа с собою, не выйдут сыны израилевы из Египта».

Когда сказал Господь Моисею: «Уведи народ мой из Египта со всем их имуществом», то превратил Бог семь ночей в одну ночь. И стал Моисей спрашивать о костях Иосифа, ходя со свечами. И встретила его Мария и сказала ему: «В реке кости Иосифа, в Воилдае». И Моисей, взяв свечи и 30 мужей с собою, пришел к реке и сказал: «Вынеси (наверх), Воилдай, кости Иосифа!» Но не появились они. И снова во второй раз сказал, и не появились. В третий раз он написал на пергамене Воилдаю: «Вынеси и положи на воде». И появилась рака Иосифа. Моисей же обрадовался и взял раку, а пергамен не взял. Но подошел один жестокий иудей и взял его. И много черепов отцов своих взяли они с собою.

Много иноплеменников пошло с ними в течение трех дней. И в конце третьего дня сказали они Моисею и Аарону: «Ходили вы три дня, а завтра вернитесь в Египет, как и говорили». Те же, отвечая им, сказали: «Повелел нам Господь не возвращаться в Египет, а идти в землю, которая источает молоко и мед». Тогда иноплеменники начали сражаться, и побили многих из них. И изранили их сильно. А иные убежали от них и рассказали Фараону о том, что сделали израильтяне. И сказал Фараон всем старейшинам египетским и всему народу: «Вот видите, как обманули нас сыны израильские, убежали от нас». И сказали государи египетские: «Что делать? Отпустим ли мы сынов израилевых, теперь они уже не работают на нас». И сказал Фараон: «Пойдем вослед им, и так как перед ними лежит пустыня, то, как увидят нас, следующих за ними, в ужасе возвратятся». И погнался Фараон за ними, взяв всех своих людей и шестьсот колесниц отборных, а на них стояло по три воина в полном вооружении. И настигли их напротив Епавлии, между Магласом, прямо у Сефомары, есть место это в так называемой Козматии.

И оглянувшись, сыны израильские увидели, что гонятся вслед за ними египтяне, и возопили люди к Моисею, говоря: «Лучше бы нам гроб в Египте, чем это место в пустыне сей, на которое ты вывел нас!»

Моисей же ответил им: «Господь Бог защищает нас, а вы замолчите!» И явил Господь Бог чудеса свои. И простер Моисей руку свою на море, и ударил жезлом в Красное море, как говорил ему Господь, и расступилось море на двенадцать путей, и пошел каждый с родом своим, и прошли они по суху среди моря.

Тогда ведь чудо явило образ брака неискушенной невесты. Тогда ведь Моисей был разделитель воды. Здесь же архистратиг Гавриил был служитель чуду дивного Твоего Рождества, Творец!

Тогда глубину пешим прошел, не замочив себя, Израиль, ныне же Христа родила Дева без семени. Море после прохождения израильтян пребывало непроходимым, так и непорочная Дева после Рождества Эммануилова пребывала целомудренной. Ибо Сущий и Вечно Сущий явился во имя человеколюбия, и облако стало покровом его.

Фараон же погнался вслед за ними и как был посреди моря с воинами своими на колесницах и на конях, так и потонули все египтяне. И

ударил Моисей жезлом в море, и покрыла их вода и там, и тут, и ни один из них не спасся. И море стало их гробницей. Фараона же Бог избавил от потопления, и увел его ангел Божий в город Ниневию, и был он там царем девять лет. (...)

Как змея, когда состарится и ослепнут ее глаза и томится голодом сорок дней и сорок ночей, пока не ослабеет сила ее телесная, и тогда вдруг совлечет с себя обветшавшую кожу и обновится, — так и ты, иудей, неразумный и бессловесный, как змея, почитаешь пророчества, время Бытию знаешь — обнови свое тело и раскрой глаза свои, скинь обветшавшую одежду, которая есть неверие, обновись святым крещением, приди к Христу и будешь нам единомышленником. Вспомни же тогда Мариам, сестру Моисея и Аарона, и как, увидевши чудо, прославила она Бога, собрав хор жен. Сама же взяла бубен, а другим женщинам велела взять две медные тарелки, а третьим в ладоши хлопать. Сама же, преисполнившись Святого Духа, начала так воспевать Господа. (...)

Слышал ли ты, иудей, о замечательном чуде, как тогда сыны израилевы прошли посуху посреди моря?

Слышал ли ты, иудей, как Фараон ожесточился против Бога? Вы же во всем уподобились Фараону, видя все Божественные знаменья, которые дает Христос, Сын Божий, и ожесточились сердцем, словно Фараон — неверием, и предан он был глубине морской.

Смотри же, окаянный иудей, что ничем ты не лучше Фараона, но как он из-за безумия своего погиб, так и вы без ума погибли. (...)

После же поднялись сыны израилевы от моря Красного в пустыню, называемую Сурь, и шли по пустыне три дня и три ночи, но не могли пить воду, потому что была она очень горькой, и прозвали они это место «горечь». И рассердились люди на Моисея, говоря: «Что нам пить? И мы, и скот наш умрем от этой воды, в Египте были воды для нас сладки, а в этой пустыне падут тела наши, сгорев от жажды водной. Покажи нам сейчас воду, которую пить!» И сильно рассердились люди на Моисея.

Взмолился Моисей Богу о людях этих, и явился ему Ангел Господень, держа в руках 3 ветви древесные: певг, кедр и кипарис. И сказал Ангел

Господень Моисею: «Соедини эти ветви плетением во знаменье образа Святой Троицы и воткни их в воду Мерры, и этим сделаешь сладкими воды Меррские. Вот эта ветвь превратится в большое дерево, эта ветвь достигнет четырех сторон Вселенной. А это древо — Спасение миру. Этим древом будет побеждено коварство первого врага». И о прочем, чему предстоит быть, сказал Ангел Моисею, и затем ушел от него.

И сделал Моисей так, как велел ему Ангел Господень. Сплел он ветви древесные и воткнул их в источник у берега. И сказал Моисей: «Это древо — жизнь всего мира, это древо большую честь будет иметь. Со временем срубят его. Тогда соблаговолит прийти Всевышний. Но потом, когда захочет во плоти явиться всему миру, освящая преступленье женского естества, то на это древо руками беззаконных вознесется истинный свет. И увидите жизнь нашу своими глазами. А те беззаконники скоро окажутся в погибели, и вознесенному на древо поклонится весь мир. И как это древо ослаждает воду, так и кровь распятого освятит это древо. Ибо как древо осладило горькие воды Мерры, так и крест Христов осладил горечь языческого неверия. А теперь вы, ропщущие на меня, замолчите, этим древом вода осладилась, вы же, подойдя, черпайте и пейте, и поите скот ваш». И в тот же час осладились воды в Мерре, и начали пить ее все люди и скот.

Слышал ли ты, иудей, приспешник Фараона окаянный, как Господь в Троице прообразовался через сплетение различных древесных ветвей? Как тебе прорек Моисей о воплощении Вышнего, и о распятьи на древе, и о спасении мира?

После этого забрал Моисей сынов израилевых и привел их в Элим, и там были двенадцать источников воды и девять побегов фиников. Источниками этими прообразовал Господь двенадцать апостолов верховных, которые разошлись, как реки, по всему миру. Как источники источают струи, которые народ хоть и во множестве черпает, но они не истощаются, так и апостолы Господни к каждому народу приходили и на его языке провозглашали величье Божие. Ибо сказал им Господь Бог: «Вот я посылаю вас, как овец в волчье стадо, вы же не заботитесь, как и что и где сказать. Дух Святой научит Вас тотчас, как подобает говорить».

Девять побегов финика прообразуют девятерых апостольских учеников, потому что как финик возросший имеет сладкий вкус, так и апостолы проповедуют язычникам сладкое свое учение и к разумной вере приводят своим учением. (...)

О смерти Моисея

Потом взошел Моисей от Фавора моавитского на верх горы Фазга, которая против Иерихона, и показал ему Господь всю землю Галаадскую до Дана, и всю землю Ефремову, и всю землю Манассии, и всю землю Иудину до крайнего моря, и пустыню, и окрестные селенья города Иерихона. И сказал Господь Моисею: «Вот земля, которой поклялся отцам Вашим, Аврааму, Исааку, Иакову, говоря: “Вашему потомству дам ее”. И показал я ее глазам твоим, но ты туда не войдешь».

И скончался Моисей, раб Господень, в земле Моава, рядом с домом Фагоровым.

При кончине его был тут архистратиг Михаил, архистратиг силы Господней. И вот Дьявол бесстыдный злокозненный оказался тут. И спорил он о теле Моисея, поскольку совершил, дескать, тот убийство египтянина, и некоторые другие обвинения облыжно возводил. Ему же отвечал архистратиг Михаил, и сказал: «Запрещает тебе Господь, вселукавый Дьявол». Ибо не смел Михаил, архистратиг силы Господней, неправедно осудить Моисея, но, проповедуя величие Божества, сказал он: «Запрещает тебе Господь, вселукавый Дьявол», и, обличая его жестокое бесстыдство, за которое тот был свержен, архистратиг именем Господним запрещает ему провозглашать величие Божества.

И тотчас исчез хитрец. Об этом свидетельствовал и апостол Иуда в первом послании. Потому и не знали сыны израилевы о теле (Моисея) даже и до сего дня.

Моисею было сто двадцать лет, когда он умер, и плакали по нем все сыны израилевы тридцать дней в Фаворе моавитском, у Иордана, близ Иерихона.

СЛОВО БЛАЖЕННОГО ЗОРОВАВЕЛЯ

Подготовка текста, перевод и комментарии Л. М. Навтанович

ВСТУПЛЕНИЕ

«Слово блаженного Зоровавеля» относится к числу апокрифов ветхозаветного цикла. Оно известно в славянском переводе пока только по двум спискам XVI и XVII вв. Дошедший до нас текст «Слова...» является произведением компилятивного характера: различные его части восходят к разным источникам. Таких разных по происхождению фрагментов в составе «Слова...» можно выделить три.

Первый фрагмент, давший название всему произведению и составляющий основную часть текста, повествует о состязании в мудрости трех воинов — телохранителей мидийского царя Дария (сюжет, известный по 2 Кн. Езры, гл. 3—4). Однако данный фрагмент «Слова...» отличается от соответствующего рассказа о Зоровавеле в Библии. По композиции и содержанию этот фрагмент «Слова...» оказывается очень близок рассказу о Зоровавеле в Книге Иосиппон (средневековой хронографии, написанной на книжном древнееврейском языке в X в.). По всей вероятности, эта часть «Слова...» представляет собой непосредственный перевод с древнееврейского. Об этом свидетельствует, в частности, передача собственных имен и этнонимов (наличие в них букв Ш, Ц): Корѣшь, циряне, цидяне — подобные написания не могли возникнуть при переводе с греческого, где не было таких звуков; в славяно-византийской традиции эти слова передавались следующим образом: Кир, тирийцы (жители Тира, греч. Τύριοι), сидонцы (жители Сидона, греч. Σιδόνιοι).

Второй фрагмент «Слова...» — рассказ о разорении Иерусалима Титом в I в. н. э. — представляет собой отрывок из древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, кн. 6, гл. 9—10 (см.: *Мещерский Н. А.* «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1968, с. 430—433, и наст. изд., т. 2).

Третий фрагмент, самый небольшой по объему, повествует о храбрости защитников Иерусалима. Его источник пока не выяснен. Но интересно, что он есть в другом древнерусском тексте — в Тверской летописи под 6880 годом.

Однако текст «Слова...» не буквально совпадает с текстом своих источников, а является их переделкой, и представляет собой единое по языку, стилистически организованное произведение.

На основании языка и литературных особенностей А. А. Алексеев относит памятник к Киевской эпохе, XII в.

Более подробно о «Слове...» см.: *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси 14—17 вв. СПб., 1910, с. 400; *Алексеев А. А.* Русско-еврейские литературные связи до 15 в. — В кн.: Jews and Slavs. Vol. 1. Jerusalem—St. Petersburg, 1993, с. 62—63.

Поскольку текст, представленный в списках XVI и XVII вв., может отличаться от первоначального перевода, в комментарии приводятся значимые смысловые расхождения между древнерусским текстом (первым фрагментом «Слова...») и его оригиналом — древнееврейской Книгой Иосиппон. Текст Книги Иосиппон использовался по изданию:

Flusser D. The Josippon [Josephus Gorionides]. Jerusalem, 2 vol., 1978—80. Между вторым фрагментом «Слова...» и его источником — древнерусским текстом «Истории Иудейской войны» также есть расхождения, в тех случаях, когда они являются важными для понимания памятника (в частности, в передаче собственных имен), они приводятся для сравнения в тексте комментария.

«Слово...» издается впервые по списку XVI в. — РНБ, Софийское собр., № 1462, лл. 119—124 об.

ОРИГИНАЛ

СЛОВО БЛАЖЕННАГО ЗОРОВАВЕЛЯ

Изыде паки Зоровавель[1] из Ерусалима останка ради полона къ Дареви[2] цесарю и моли ся ему, дабы останок отпустилъ полона людий, дабы исполнил обѣты царя Кира[3] перскаго, и повелѣ ему дати.

И бысть Зоровавель у Дария цесаря воинствуя и стрегий цесаря со инѣма двема другома. И единою сопрѣша ся и рѣша другъ къ другу: «Загадывая загадками, кождо по мудрости своей; написаша же загадки своя въ грамоте и положим у цесаря въ головахъ, доньдеже убудится и узрит загадки на грамоте, и уразумѣетъ. Да будет мужь, иже будет написал лучше другу своею, той будетъ вторый под цесари; сосуди же стола его злати и сребрени, и утварь на кони его дана будет ему, часть же вторую возьмет по цесари, а вопрошение его и рѣчь дасть ему, и друг цесарю зовется». И ркоша вси: «Тако да будетъ».

И уставиша законы мидски и перски, ихже не изменити. И вергоша жребия межи собою; и паде жребий единому, и написано есть: «Ничтоже, яко цесарь, крѣпок на земли». Другий же написа: «Вино есть всего крепчие на земли». Третий же, Зоровавель, написа: «Нѣсть креплее жены на земли».

Написаша же загадки своя, положиша у цесаря в головах. Цесарь же, спав, убуди ся и уразумѣ шепот отрок сих, и простер руку и взятъ грамоту и, прочет же, положи. И егда собраша ся велможи его, цесарь же призвавъ отроки и рече имъ: «Протолкуйте гадки своя, егоже будет мудрейши, тому исполню, что есть писано въ грамоте той».

И рече первый: «Послушай, цесарю и велможи, да вы скажу! Вѣдайте, мужи цесареви храбрии, силу цесареву и крѣпость, и власть его надо

всею землею, и над морем, и над островы, и надо всѣми языки. И уморит, и оживит; да аще повелит ити на войну, поидутъ; да аще повелит цесарь разорити град, то разорят. И все, повелѣное цесаремъ, творят: и злато копают и сребро, и снасть ратную устраяют, орют же и сѣют, и винограды копают и садятъ, и часть цесареву дѣлаютъ, и сами не вкусивше обилия своего. Боятся грозы его, яко храбрие есть цесарь всехъ. И не преступятъ во всемъ словесе его. И того ради имите вѣру мнѣ, яко нѣту противу цесаря на земли». И удивиша ся ту стоящи рѣчи его.

И отвѣщав другий, рече: «Послушай, цесарю и мужи мудрии истинною, якоже вы вѣдаете крѣпость цесареву, яко всѣми обладает на земли, якоже слышасте. Вино же есть крепчее цесаря: вся бо храбрость его права суть, егдаже упьется, то изыначится и сердце, и рѣчь его. Инии воспоют, а инии скачют, а инии пляшют, а инии бьются. И уморит милыя, а нечестивыя почтит, и не зазрится отца и матере своея. Вѣдаете всѣ, яко вино крепчее есть. Аже ся его напьет, той грамоты забудетъ, а пѣсни помянет, и мужа, шепчюша злое, приимет. Скверны рѣчи открыются, а гнѣвливыя возвеселит, а инье на друга своего обнажат мечь. Мужа же смирныя посрамит, и ноги человѣком искривит, и очи его возмятет, без студа уста его измолвятъ. Трезви же всего того не помнят и запираются. Вѣдаите, яко вино есть всего крепчае. Аще бы святыи пили, то и тем смятет вино».[4] И похвалиша же вси сего рѣчь.

Возва же цесарь Зоровавеля, третьего, и рече: «Скажи и ты загадку свою, яже друзи твои сказаша». Он же рече: «Послушай, цесарю, и разумѣйте, вси велможи! Силние же есть всего цесарь, его хощет сокрушает, якоже то суть рѣчи молвленыя и крѣпости цесареве и о крѣпости винней. Жена крепчее цесаря и вина, и всякия рѣчи. Сего ради жена есть силнейша цесаря, имже родила есть цесаря и воздоила его, и возпитала его, и одевала, и скверну его омывала, казавши и владѣвши им, и гроза ея на нем. Он же боится гласа ея и далече ее, уроняет его словом своимъ. Иногда побѣгнет пред нею. И будет уношою той, тогда грозы ея не забудет и слова ея не изменит. И потом же, видѣвъ жену красну, и возлюбит красоту ея, и не изменит любости ея на всемъ добытце. Даже отца и матерь оставит любости дела женьские. Мънози же заблудиша ся про ню, мнози бо оболщени быша любости деля женьския. Мнози же убиици ею суть, мнози же во адъ снидоша про ню. Мнози же мудрии пополъзнуша ся в сѣти ея. И ратьбы бывают роду и другом тоя ради. То не разумѣете ли или не вѣдаете, аще станет жена красна на пути, то аще бы хотя неслъ в руках, но очи его зрита на ню, и вся мысль его на ню, а не на что в руках носитъ. То аще бы что отвѣщала ему, то все бы пометалъ, а молвил бы с нею.

Аще ли не имете моимъ словомъ вѣры, да повѣжте ми, кому стражете, не женам ли? Да сим же купите всяки потребы, и кузни златыя и сребреныя, и зелья добровонная. И вино, и масло кому купите, не женам ли? А инии розбивающе, а инии крадуще и рѣзящи, не женам ли несутъ?

Се же и аз видех тебе, цесарю, седяща на престоле своем, и вѣнець бяше на главе твоей. А помяни, яже дщи Лвиошева македонского,[5] меньшица твоя, седя у тебя досягши рукою своею и снят венець з главы твоея и возложи на главу свою, а ты, цесарю, смеешися, зря на ню, а тако цесарю неподобно бяше зрѣти.[6] А иногда розгнѣвала ся бяшет на тя, цесарю, ты же обымаше ю и лобзаше ю, дабы не гнѣвала ся. Слышите вси, яко жена есть силние всего. Та бо и силу Самсонову победи, и Давида обольсти, и Соломона прельсти. Паки же Адам всему миру отець Богомъ сотворен бысть, не жена ли его из рая изведе и смерти предасть, и праведнаго прельсти? Слышите, яко жена есть силние всего.

Се же вѣдая, цесарю, буди, и вельможи твои, яко безлѣпица есть цесарь, иже землями владеетъ, безлепица есть вино и жена, но кривда владеетъ всѣми трема на земли, и на мори, и в полку. Идеже будет вѣра, туто не обрящется неправда.[7] Господь бо рече: “Аще вѣру имате правую, то возможете и горами ворочати”».[8] Тогда же вси вельможи подивиша ся разуму его и рекоша: «Воистинну, уноше, истець еси слову, и все правду извѣщал еси».

Тогда рече ко Зороваделю: «Приступи ко мнѣ». Он же приступи. Обоим его цесарь и облобыза его перед всѣмъ народом, и рече: «Благословенъ Богъ Зоровавелевъ, яко дал есть ему духъ вѣрный прославити вѣру пред цесаремъ и человѣки». И повелѣ цесарь исполнити Зоровавелю, что писано въ грамоте их, яко обрѣте милость во очию цесареву пред въсѣми болѣ обою другу его. И рече цесарь: «Прости, Зоровавелю, и еще что хощет душа твоя кромѣ того писаннаго, аще и до полуцесарствия моего дано ти будет от мене». И рече Зоровавель цесареви: «Помяни, господине, обѣщание, яко обѣщася ты и Корѣшь цесарю небесному Господу Богу Саваофу сотворити дом Божий и возвратити святыя его сосуды на мѣсто святое, и плѣнъ людий испусти на мѣсто, идѣже взывается имя Божие на немъ. За то же помолятся великому Богу за цесаря и за цесарьство его, за исполнение обѣщания, еже еси обѣщал Богу небесному».

И повелѣ цесарь привести писци свои и написавъ просбу Зоровавелеву, егоже просилъ создати Иерусалимъ. И посла цесарь Дарей къ Корѣшу цесарю, дабы был на кунъ с нимъ исполнити обѣщание се же створити

дом Божий во Иерусалиме. И тогда заповѣда цесарь Корѣшь ко всему цесарству своему, река: «Хто вас боится Бога небесна, да идет дѣлати дому Божия. И аз дам из рисници своей злато и сребро, и все, что надобе». И написаша писци по слову Дария, цесаря мидскаго, и Корѣша, цесаря перьскаго, ко всѣмъ велможамъ и посадником и по всѣмъ градом арменом, циряномъ и цидяном, и самаряном, и Сафу, старосте плененому:[9] «Вѣдайте, яко возбуди Богъ, цесарь небесный, сердца ваша выпустити плѣнъ людий его, иже запленив Навходоносор, цесарь вавилонский.[10] Сынъ разори бо создание отца своего, тогда бо стоялъ Иерусалимъ пустъ лѣтъ 93. Ныне же возврати сосуды дому великаго Бога и наряди жертовник, и сотвори стѣну Иерусалиму до конца. Будите же готови наполните все, что надобе сребром и златом, и мѣдью, и камениемъ, и древом дѣлатели, еже проси Зоровавель, Исус Седекович».[11] И поидоша со всѣми во град Иерусалимъ со останком полона, и начаша здати град Иерусалимъ и церковь по слову Дареву и Корѣшеву.

Егда же осѣде Иерусалимъ Тит, цесарь халдѣйски,[12] и сѣде два лѣта. И во второе лѣто плени град[13] въ цесарство Еспасияне. Много же Тит разда[14] плѣнник в дары, изтлятся на позорищех звѣрми и желѣзы. Елико же быша преди 17 лѣтъ и испрода вся, в оньже продаяху на малѣ ценѣ з женами и з детми по десяти златник, зане умножиша ся продающия, а купци умалиша ся. А иже паче быша седми на десят лѣтъ, окованi и послани быша на Египетскую страну на дѣла. Плененых же бысть 9 сот тысущь и седмь тысущь, а убьеных сто тем и 100 тысущь, тѣмже кровь, яко езеро пловяше, не бысть нигдѣ ни иглы положити трупиемъ на голе мѣсте. Изомроша же от глада 11 тысящь. Одии же не хотяше прикасатися римския пища, зане гнушаху ся. Бѣяше же и по пещерам померло четыре тысящи. Тогда же стоял Иерусалимъ 60 лѣтъ пустъ.

Аще же хто глаголеть, яко невозможно въмѣстити ся бѣ толика тем во граде, да разумѣете от Пелестиева почитания.[15] Нерону же мнящу ничтоже языка июдейска, ни чающе что от них противления, и помоли ся жерцем, да изочтут люди, якоже могут. Наставъшу же празнику Пасхы, в оньже обычай имут жрети, имже совокупляющимся мужемъ болѣ десяти на жертву, зане неподобно ясти единаго жренаго, инѣм же по дватцати совокупляющимся на едину жертву, изочтоша же жерци 200 тысящь и 50 тысящь и 6 сот.[16] Аще же розочтем по десяти мужь на жерътву, а большая оставивше, то и считается двѣстем темъ и 9 сот тысущь, вси чисти и нескверни. А иже суть прости или чим скверни, или чим недостоини, или иноплеменници, или жены нечистии, тѣм бо всѣмъ недостоит прикасати ся жертвъ.

От перваго же создания церкви, иже Соломан создал, до нынѣшняго разорения Титова лѣтъ осмьсотъ и 80 и седмь месяць и 5 дни. А от

послѣдняго создания, иже созда Агѣй и Зоровавель во цесарство Кирово, до сего пленения лѣтъ 630 и 9 месяць 15 дни.

Плене же бысть град 6: Яасохий, египетцкий цесарь,[17] и по нем Антиох,[18] и по том Поплий,[19] и по них Сисой.[20] Сии же вземше град Иерусалимъ и сохраниша без пленения. А еже со опустѣнием, то первое Навходоносор, а второе Тит опусти на 60.

Граду же сему первое житель бысть хананѣйский цесарь, отечьским языком нареченый «Цесарь правде»,[21] и тѣмъ святи ся. Первие бо созда и нарече и град Иерусалимъ июдейский же цесарь Давидъ, отгнавъ останок Хананѣи от тое земли, и постави свой град Давидовъ. И по четырехсот лѣтех и по 70 и по 7 лѣтъ вавилоняне разориша. От Давида же до се разорения Титова лѣтъ 1000 и 100 и 70 лѣтъ и 9. От перваго же создания до послѣдняго пленения лѣтъ 2000 и 9 сот и 7 лѣтъ.[22]

Разумѣите же, братия,[23] силу Божию, разгнѣвание Божие на град сей. А который град сицев бысть твердъ или селико людей имѣя, или тако храбры? Нѣсть бо на свете толь силна града и толь крѣпка, якоже Иерусалимъ. Бѣяше убо около града сего два на десятъ стѣнъ, и сици храбри бѣяше в нем, един на сто мужь выхождашет, и без брани вхожаше во град. Единою же, егда Тит обьступил бѣяше град, се тогда седмь храбрых вышедше и на седмь улиць просѣкоша въскорѣ полкъ даждь и до самого Тита, и мало рукама не яша его, и возвратиша ся неврежни.

Разумѣите же силу, но аще бы и горами ворочали, а без Божия помощи то ничтоже возможно от человекъ, противу Божьей помощи и ничтоже успѣет. Виждьте, яко ничтоже возможно от человекъ, но идеже есть цесарь вѣрен и люди учит закону Божию правому, то нѣсть того града кому пленити, аще и мало людей в нем есть, но вѣрою крѣпок есть.

То сицев бысть конець плененю Иерусалиму.[24]

[1] *Зоровавель* — предводитель первого отряда иудеев, возвратившихся из Вавилонского плена, назначенный от Кира правителем Иудеи и создававший второй Иерусалимский храм на месте первого, разрушенного войсками Навуходоносора.

[2] *Дарий* — мидийский царь (521—486 гг. до н. э.), на шестой год его царствования было завершено строительство Иерусалимского храма.

[3] *Кир* — персидский царь (VI в. до н. э.), по взятии Вавилона приказал возвратить иудеев, томившихся в плену, в их землю и щедро снабдил их денежными средствами для возобновления храма.

[4] *Аще бы святыи пили... вино.* —Данной фразы нет в еврейском тексте, можно предположить ее более позднее добавление, например, автором компилятивного «Слова...».

[5] *...дщи Лвиошева македонского...* — Во 2 кн. Ездры. 4, 29 наложница царя Дария названа «Апамина, дочь славного Вартака»; в книге «Иосиппон» она также названа Апаминой, но дочерью Авиоша македонского.

[6] *...а тако цесарю... зрѣти.* — Нет в еврейском тексте.

[7] *Идеже будет вѣра, туто не обрящется неправда.* — Не восходит к еврейскому тексту.

[8] *Аще вѣрх имате... горами ворочати.* — Ср. 1 Кор. 13, 2, Мф. 17, 20, Мк. 11, 23, Лк. 17, 6.

[9] *...Сафу, старосте плененому...* — В книге «Иосиппон»: «Асафу, стражу (хранителю) сада Ливанского», подобное несоответствие вызвано, видимо, искажением первоначального перевода «Асафу, стражю садоу леванскомоу», такая трансформация вполне может быть объяснена палеографически.

[10] *...Навходоносор, цесарь вавилонский.* — Навуходоносор II (605—562 гг. до н. э.) пленил Иерусалим в 586 г. до н. э. С момента разрушения первого храма до освящения нового прошло 70 лет (586—516 гг.).

[11] *...Исус Седекович.* — Иисус, сын Иоседека, — первый первосвященник по возвращении иудеев из плена, он помогал Зоровавелю в постройке храма (1 Ездр. 5, 2).

[12] *...Тит, цесарь халдѣйски...* — Номинация римского полководца «цесарем халдѣйским» также свидетельствует о непосредственном переводе фрагмента с еврейского языка, ибо путаница имен ‘aram «Арамея, Сирия, Халдея» и rom «Рим» типична для средневековой еврейской письменности.

[13] *...плени град...* — Тит, сын Веспасиана, осадил Иерусалим по поручению отца в 70 г. н. э.

[14] *Много же Тит разда...* — С этих слов начинается отрывок из древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, кн. 6, гл. 9.

[15] *...от Пелестиева почитания.* — В «Истории Иудейской войны»: *от Кестѣева почитания*. Речь идет, вероятно, о Цестии Галле, римском наместнике в Сирии, который осаждал Иерусалим, но был отбит.

[16] *...200 тысящь и 50 тысящь и 6 сот.* — В «Истории Иудейской войны» число жертв составляет 255 600.

[17] *...Ясохий, египетцкий цесарь...* — Речь идет, видимо, об египетском царе Шешонке (библейский Сусаким — 3 Цар. 11, 40; 14, 25; 2 Пар. 12, 2—9), он овладел Иерусалимом примерно в 928 г. до н. э.

[18] *Антиох* — Антиох IV Епифан, царствовавший в Сирии в 175—164 гг. до н. э., осквернил храм и тем вызвал восстание иудеев под предводительством Маттафии и Маккавеев (1 Мак. 1, 10, 16, 20).

[19] *Поплий.* — В «Истории Иудейской войны» — Помпий — Помпей Великий, римский полководец, в 63 г. до н. э. подчинил Иерусалим римскому владычеству.

[20] *Сисой.* — В «Истории Иудейской войны» — Сосий — Соссий, Кай — римский полководец (времен Ирода) одержал победу над Иерусалимом в 37 г. до н. э.

[21] *«Цесарь правде».*— Имеется в виду Мелхиседек, царь Салимский (Быт. 14. 18; Пс. 109. 4; Евр. 5, 6).

[22] *...2000 и 9 сот и 7 лет.* — В «Истории Иудейской войны» — 2177.

[23] *Разумѣите же, братия...* — Начало отрывка, параллельного рассказу Тверской летописи под 6880 годом (Полн. собр. русских летописей, т. 15, вып. 1. Пг., 1922, с. 103).

[24] *То сицев... Иерусалиму.* — Последняя фраза 10 гл. 6 кн. «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия.

ПЕРЕВОД

СЛОВО БЛАЖЕННОГО ЗОРОВАВЕЛЯ

Вышел же Зоровавель из Иерусалима ради остатка пленных к царю Дарию и просил его, дабы отпустил остаток пленных людей, дабы исполнил обещания Кира, персидского царя, и повелел тот отдать ему (пленных).

И был Зоровавель воином у царя Дария и охранял царя с двумя другими слугами. И однажды завели они спор и сказали друг другу: «Давайте загадаем загадки, каждый сообразно мудрости своей; написав же свои загадки на грамоте, положим у царя в изголовье, чтобы, проснувшись, увидел загадки на грамоте и оценил их. И тот, кто напишет лучше двух других, будет вторым после царя; сосуды стола его будут золотыми и серебряными, и сбруя для коней его будет дана ему, вторую же часть будет иметь после царя, и любую просьбу его исполнят, и друг царю назовется». И сказали все: «Да будет так».

И договорились об этом согласно мидийским и персидским правилам, которые неизменяемы. И бросили между собой жребий; и выпал жребий первому, и было написано (им): «Ничто так не сильно на земле, как царь». Другой же написал: «Вино сильнее всего на земле». Третий же, Зоровавель, написал: «Нет ничего сильнее женщины на земле».

Написали они загадки свои и положили у царя в изголовье. Царь же, проснувшись, услышал шепот этих слуг, протянул руку и взял грамоту, и, прочитав, отложил. Когда же собрались вельможи его, царь призвал слуг и сказал им: «Объясните загадки свои, и чья окажется мудрейшей, для того исполню то, что написано в грамоте этой».

И сказал первый: «Послушайте, царь и вельможи, и скажу вам! Знайте, мужи царя храбрые, силу царя и крепость, и власть его над всей землей, и над морем, и над странами, и над всеми народами. И умертвит, и оживит; если велит идти на войну — пойдут; если велит царь разорить город — разорят. И всё, что прикажет царь, делают: и золото добывают и серебро, и воинское снаряжение готовят, пашут и сеют, обрабатывают землю и сажают сады, и платят дань царю, еще не вкусив от своего урожая. Боятся гнева его, ибо храбрее всех царь. И не нарушают слова его ни в чем. И потому верьте мне, что нет ничего равного царю на земле». И удивились стоящие тут речи его.

И ответил другой, говоря: «Послушайте, царь и мужи истинно мудрые, знаете вы силу царя, потому что всем владеет он на земле, как вы слышали. Вино же сильнее царя: храбрость его несомненна, но когда станет пьян, то изменится и сердце, и речь его. Иные станут петь, а иные — скакать, а иные — плясать, а иные — драться. (Пьяный) погубит достойных жалости, а нечестивых почтит, и не будет иметь стыда перед отцом и матерью своими. Знайте все, что вино сильнее. Кто его напьется, тот грамоту забудет, а песни вспомнит, и человека, шепчущего злое, приблизит. Дурные речи начнутся, а гневливых вино возбудит, иные и на друга своего обнажат меч. Стыдливого же человека (вино) предаст сраму, и ноги людей сделает кривыми, и глаза его

замутит, и уста его будут говорить без стыда. Трезвые же всего этого не помнят и отпираются. Знайте, что вино есть сильнее всего. Если бы святые пили, то и тех вино привело бы в беспорядок». И похвалили все его речь.

Призвал же царь Зоровавеля, третьего, и сказал: «Скажи и ты загадку свою, как и друзья твои сказали». Зоровавель же отвечал: «Послушай, царь, и узнайте, все вельможи! Сильнее всего царь, что хочет, сокрушает, о чем были речи, сказанные о силе царя и силе вина. Женщина сильнее царя и вина, и всего. Потому женщина сильнее царя, что родила царя, вскормила его, воспитала, одевала его и скверну его омывала, наставляла его и владела им, и держала его в строгости. Он боится голоса ее и вдалеке от нее, может сокрушить его словом своим. Иногда же обратится в бегство (от страха) перед нею. И когда он станет юношей, и тогда страха кары ее не забудет и не нарушит слова ее. И потом, увидев красивую женщину, полюбит красоту ее, и не изменит любви к ней ни за какое богатство. Даже отца и мать оставит ради любви к женщине. Многие совершили ошибки из-за нее, многие были обмануты из-за любви к женщине. Многие убийцами стали из-за нее, многие в ад сошли из-за нее. Многие мудрые попались в сети ее. И вражда бывает между родными и друзьями из-за нее. Разве не понимаете или не знаете, что, если станет красивая женщина на пути, то, если бы (мужчина) и нес что-то в руках, но глаза его смотрят на нее, и вся мысль его — о ней, а не о том, что в руках несет. И если бы она что-нибудь отвечала ему, то все бы бросил и говорил с нею.

Если не верите моим словам, то скажите мне, для кого вы трудитесь, не для женщин ли? Ведь им вы покупаете всякие вещи, и изделия золотые и серебряные, и благовония. И вино, и масло кому покупаете, не женщинам ли? Иные грабят, иные крадут и убивают, — не женщинам ли приносят?

Так и я видел тебя, царь, сидящего на престоле своем, и венец был на голове твоей. А вспомни, как дочь Авиоша македонского, наложница твоя, сидевшая около тебя, дотянулась рукой своей и сняла венец с головы твоей, и возложила на главу свою, а ты, царь, смеешься, глядя на нее, а так царю не следовало бы смотреть. А когда она разгневалась на тебя, царь, ты обнимал и целовал ее, дабы не гневалась. Услышьте все, что женщина сильнее всего. Она и силу Самсонову победила, и Давида обольстила, и Соломона прельстила. Так и Адам: Богом был сотворен отцом всему миру, и не женщина ли его из Рая извела и смерти предала, и обманула праведного? Услышьте же, что женщина — сильнее всего.

Но знай, царь и вельможи твои, что тщета есть царь, который землями владеет, тщета есть вино и женщина, ибо кривда владеет всеми тремя на земле, и на море, и в народе. Но где будет вера, там не обретется неправда. Ибо Господь сказал: “Если веру имеете правую, то сможете и горы переставлять”». Тогда все вельможи удивились разуму его и сказали: «Воистину, юноша, истинно слово твое, и все правду сказал ты».

Тогда сказал (царь) Зоровавелю: «Подойди ко мне». И тот подошел. Обнял его царь и поцеловал перед всем народом, и сказал: «Благословен Бог Зоровавелев, так как дал ему дух верный прославить веру перед царем и людьми». И повелел царь сделать для Зоровавеля все так, как было написано в грамоте их, ибо обрел он в глазах царя перед всеми милость большую, чем оба друга его. И сказал царь: «Проси, Зоровавель, что еще хочет душа твоя, кроме написанного в грамоте, и до половины царства моего дано тебе будет от меня». И сказал Зоровавель царю: «Вспомни, господин, обещание, ибо обещали ты и Кир царю небесному Господу Богу Саваофу создать дом Божий и возвратить святые его сосуды на место святое, и отпустить пленных на то место, на котором взывается имя Божие. И за то помолятся великому Богу за царя и за царство его, за исполнение обещания, которое ты дал Богу небесному».

И приказал царь привести своих писцов и записал просьбу Зоровавеля, просившего создать Иерусалим. И послал царь Дарий к царю Киру, чтобы вместе с ним исполнил обещание построить дом Божий в Иерусалиме. И тогда предписал царь Кир всему царству своему, говоря: «Кто из вас боится Бога небесного, пусть идет строить дом Божий. И я дам из своей казны золото и серебро, и все, что необходимо». И написали писцы по слову Дария, царя мидийского, и Кира, царя персидского, ко всем вельможам и правителям городов, и по всем городам Арамеи, Тира и Сидона, и Самарии, и Асафу, старосте плененному: «Знайте, что возбудил Бог, царь небесный, сердца ваши выпустить пленных людей его, которых взял в плен Навуходоносор, царь вавилонский. Сын разорил создание отца своего, и тогда стоял Иерусалим пуст девяносто три года. Ныне же возвратил сосуды в дом великого Бога и устроил жертвенник, и возвел стену Иерусалима. Будьте готовы дать все необходимое — серебро, золото, медь, камение, дерево — строителям, как просил Зоровавель и Иисус Иоседекович». И пошли (Зоровавель и Иисус Иоседекович) со всеми оставшимися (в живых) пленными в Иерусалим, и начали строить город Иерусалим и храм, по слову Дария и Кира.

А когда осадил Иерусалим Тит, царь халдейский, то осаждал он его два года. И на второй год в царствование Веспасиана пленил город. Многих пленников Тит раздал в дар, и погибли они в театрах от хищных зверей

и от меча. Тех же, кому не было семнадцати лет, всех продал с женщинами и детьми, и по малой цене — за десять златников, так как умножилось число продающих, а покупателей — уменьшилось. А те, кому было больше семнадцати лет, были закованы и посланы в Египет на работы. Пленных было девятьсот семь тысяч, убитых — миллион сто тысяч, и натекли озера крови, нигде не было свободного места, чтобы и иглу положить из-за трупов. От голода же умерло одиннадцать тысяч. Они не хотели притрагиваться к римской пище, так как гнушались (ее). В пещерах же умерло четыре тысячи. Тогда стоял Иерусалим пуст шестьдесят лет.

А если кто говорит, что невозможно было поместиться стольким людям в городе, то узнайте из переписи Цестия. Так как Нерон считал иудейский народ незначительным и не ждал от него какого-либо сопротивления, то (Цестий) попросил священников, чтобы, насколько могут, сосчитали бы они людей. Когда настал праздник Пасхи, в который они имеют обычай приносить жертвы, и при этом соединяются более десяти человек для (одной) жертвы, — поскольку не подобает одному есть (эту) жертву, а некоторые и по двадцать человек собираются для одной жертвы, то насчитали священники двести пятьдесят тысяч шестьсот (жертв). Если сосчитаем по десяти человек на жертву, не больше, то получится два миллиона девятьсот тысяч, только чистых и неоскверненных. А те, кто чем-то больны, или чем-то недостойны, или иноплеменники, или женщины нечистые, все те не должны касаться жертв.

От первого же создания храма, который построил Соломон, до нынешнего разорения Иерусалима Титом прошло восемьсот восемьдесят лет и семь месяцев и пять дней. А от последнего создания, когда строили Аггей и Зоровавель в царствование Кира, до этого пленения — шестьсот тридцать лет и девять месяцев и пятнадцать дней.

Завоеван был город шесть (раз): Сусакимом, египетским царем, после него Антиохом, потом Помпеем, потом Соссием. Но все они, взяв Иерусалим, оставили его без пленения (жителей). А с опустошением — так первый раз Навуходоносор, а второй раз Тит опустошил его на шестьдесят лет.

Первым жителем города этого был хананейский царь, на местном языке называемый «Царь правды», от него освятился (город). Первым же создал город и назвал его Иерусалим иудейский царь Давид, изгнавший оставшихся хананеев с той земли и поставивший свой град Давидов. И спустя четыреста семьдесят семь лет вавилоняне его разорили. От Давида до сего разорения Титом — тысяча сто семьдесят девять лет. А

от первого создания и до последнего пленения — две тысячи девятьсот семь лет.

Знайте же, братья, силу Божию и гнев Божий на этот город. А какой город был настолько крепок, или столько людей имел, и настолько храбрых? Нет на свете сильнее и крепче города, нежели Иерусалим. Было вокруг города двенадцать стен, и такие храбрецы были в нем — один на сто человек выходил, и без боя входили в город. Однажды, когда Тит осадил город, семь храбрых вышли и на семь рядов прорезали войско до самого Тита, и едва не захватили его, и вернулись невредимы.

Знайте же силу, но, если бы и горы переставляли, без Божьей помощи ничто невозможно для людей, и ничего не сделают без Божьей помощи. Видите, что ничего не могут люди, но где есть царь верный, который учит людей закону Божию правому, то не сможет никто покорить тот город, если и мало в нем людей есть, но верою крепок есть.

И таков был конец пленению Иерусалима.

СКАЗАНИЯ О ЦАРЕ ДАВИДЕ

Подготовка текста, перевод и комментарии М. Д. Каган-Тарковской и Р. Б. Тарковского

ВСТУПЛЕНИЕ

Апокрифы о Давиде — это ряд легенд о ветхозаветном пастухе и певце, ставшем царем и пророком, авторе Псалтыри. Источник их — книги Библии, и на Руси эти легенды не воспринимались как апокрифические: не вносились в «Списки отреченных книг» и даже выступали как «Предисловие, еже от Псалтыри, в начало Псалмом» в списках Псалтыри.

Но в Библии цельного рассказа о Давиде нет, эпизоды его жизни разбросаны по разным главам Первой и Второй книги Царств и с той или иной полнотой изложены в Палее Толковой, Палее Исторической и Палее Хронографической. Библейскому преданию соответствует посещение дома Иссея, отца Давида, пророком Господним, отметившим Давида елейным помазанием; служба Давида у израильско-иудейского царя Саула; врачевание Саула музыкой (1 Цар. 16); единоборство с великаном Голиафом (17); женитьба Давида на дочери Саула и помыслы Саула против Давида (18 и 19); история с Вирсавией (2 Цар. 11), восстание сына Давида Авессалома (15 и 17—19). Но все эпизоды

апокрифа так или иначе не отвечают каноническому преданию: в Библии нет истории рождения Давида, нет никакого богатыря Вастралы, а Голиаф отнюдь не отложившийся сын Саула, и единоборство Давида с ним ведется не так и не тем оружием; Саул же погибает не от пращи Давида, а бросившись на свой меч после поражения от филистимлян. Младший же сын Давида Соломон не причастен ни к этим событиям, ни к гибели Авессалома, своего старшего брата, и многое другое.

Апокриф «Слово о Псалтыри» состоит из легенд, Библии неизвестных: первая — как ангел диктовал Давиду стихи Псалтыри; вторая — как Давид хотел наказать жаб, кваканием мешавших ему писать Псалтырь; третья — как Давид запечатал Псалтырь в ларец и бросил его в море, а через 80 лет ларец захватили рыболовные сети Соломона, и как впоследствии «наполнился мир песен псалтырных». Заканчивается эта, особенно распространенная в древнерусских рукописях, легенда параллелями с Новым Заветом: так и Христовы апостолы ловили рыб и насыщали мир истинной верой, ибо рыбы — это Новый Завет и крещение.

Легенда о Давиде и Вирсавии, рассказанная в Библии, излагается в Палеях, входит в апокрифическое «Житие Давида», но встречается и как самостоятельное произведение. На Руси известна с XIII—XIV вв.: в пергаменном списке Гадательной Псалтыри ею завершается цикл апокрифов о Давиде (РНБ, Софийское собр., № 60).

По сравнению с Библией легенда в древнерусских списках несколько сокращена — в ней нет притчи пророка Нафана об овечке (притча перенесена в «Житие Давида»), и рассказ не носил бы апокрифического характера, не будь иным в нем божье возмездие Давиду за похищение Вирсавии и убийство ее мужа. В Библии царь Давид наказан только смертью сына, рожденного ему Вирсавией (2 Цар. 12, 14—18), — в апокрифе царю дано самому выбирать, какого суда он заслуживает. Правда, такой же выбор поставлен перед Давидом и в библейской истории, но в другой час и в другой ситуации: Господь карает Давида за перепись народа Израиля (2 Цар. 24, 1—16), ибо, по представлениям древних, пересчитывать людей — это навлечь на них беды и смерть (см.: *Фрезер Д.* Фольклор в Ветхом завете. М., 1989. С. 362—368).

Тексты апокрифов «Жития Давида», как и «Слова о Псалтыри», вероятнее всего восходят к греческим оригиналам, а до Руси дошли в южнославянских, сербских и болгарских, рукописях, самая ранняя из которых — XIV в. В научный обиход они введены в последней четверти XIX в.: «Слово о Псалтыри» впервые опубликовал И. Я. Порфирьев (Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1873. С. 93—94; Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1877. С. 242—243), а «Житие Давида» (вместе со «Словом о Псалтыри») — Н. А. Начов (Тиквешки рукопись // Сборник за народни умотворения, наука, книжнина. София, 1892. Кн. 8. С. 395—398) и А. И. Яцимирский (Из истории славянской письменности Молдавии и Валахии XV—XVII вв. // ПДПИ. 1906. № 162. С. 110—114).

Легенду о Давиде и Вирсавии публиковали И. Куприянов (Описание замечательной Псалтири // ЖМНП. 1855. Ч. 88, декабрь, отд. 2. С. 167) и В. Н. Перетц (Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Москву 1—12 февраля 1912 года. Киев, 1912. С. 25—26).

Этим памятникам посвящены работы: *Порфирьев И. Я.* Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1873. С. 68—69; *Начов Н. А.* Тиквешки рукопись // Сборник за народни умотворения, наука, книжнина. Изд. Министерствата на народното просвещение. София, 1894. Кн. 10. С. 106—112; Отчет командированного за границу приват-доцента Московского университета Василия Истрина за вторую половину 1894 г. // ЖМНП. 1896. Кн. 6. С. 68—71; *Истрин В.* Редакции Толковой Палеи. I—V. СПб., 1907. С. 97; *Яцимирский А. И.* Библиографический обзор апокрифов южнославянской и русской письменности (Списки памятников). Пг., 1921. Вып. 1. Апокрифы ветхозаветные. С. 173—174, 180—185, 192—193.

В настоящем издании «Житие Давида» публикуется по той же рукописи, что и в издании Яцимирского — Библиотека РАН, 13.2.25, л. 13 об.—19, XVI в. «Слово о Псалтыри» публикуется по рукописи РНБ, Софийское собр., № 1485, л. 19 об.—20 об., XVI в. Легенда о Давиде и Вирсавии публикуется по Псалтыри XVI в., принадлежавшей митрополиту Филиппу (Колычеву), РНБ, Соловецкое собр., № 711/819, л. 1—1 об. с небольшими добавлениями из пергаменной рукописи XIV в. РНБ, Софийское собр., № 60.

ОРИГИНАЛ

СЛОВО О ДАВИДѢ, ЦАРИ И ПРОРОЦѢ ГОСПОДНИ, КАКО РОДИСЯ И КАКО ВЪЦАРИСЯ

Бѣше Иесей[1] мужъ силенъ и крѣпокъ зѣло, въ сердци своемъ Бога дръжаше и Богу служааше зѣло. И съ женоя своея Езавелю[2] имѣху 8 сыновъ[3] своих. И съвѣтоваста между собою, еже отрещися и не смѣситися похотия плътскоя. И Езавела възятъ отрока, егоже имѣше Иесей въ милости, имя ему Андрей, и глагола ему: «Аще съхраниши господина своего добрѣ, дамъ тебѣ имѣниа многа, и аще възтрѣбуетъ жену, възвѣсти мнѣ, никакоже не съкрый от мене». Андрей рече съ обѣщанием: «Буди по глаголу твоему».

И тако съблюдоста ся Иесей и Завела 12 лѣт. Въ един же день рече Иесей къ рабу своему Андреу: «Обрящи жену, хощетъ бо сердце мое жену». Рече Андрей: «Господине, знаю жену добру далече»; не бѣ бо въ дому своем Иесей, ну на селѣ далече от дома своего. И рече ему: «Шед, приведи ми ю». И дасть ему злато. Он же иде къ Езавелѣ, госпожи своей, и повѣда ей. Она же прииде нощия, и примѣсися Иесей къ ней, и не позна то есть жена его.

И ту зачят отрочя, и роди, и нарече имя ему Давидъ, еврейскы — украденъ.[4] И не увѣдѣ Иесей о томъ, и въ тайнѣ въсхрани его. Егда бысть въ шестое лѣто, проводи его къ овцам и прѣдасть его пастыремъ овчиимъ. О немъ не вѣдѣше никто. И възрасте кротокъ и смѣренъ и от ума своего изьучи въсѣку свирня, и тюмбаны, и органы, и въся пъсни. И егда хотѣше свирити, овця и волове, и въси скоти играаху.[5]

И посла Господь пророка своего, да възлиаетъ елей на главу его, яко въцарится сѣмя Авраамле.[6] Пророкъ Дафанъ[7] прииде в дом Иесеовь и рече ему: «Приведи сыны своя, да имъ дамъ сврагиду». Иесей приведе 8 сыновъ своих. Пророкъ Дафанъ рече: «Нѣсть зде сынъ твой, егоже трѣбуетъ Господь». Иесей рече: «Господи, не имамъ иных чяд, тъкмо толико». Пророк велико глаголааше, Иесей скръбѣше зѣло. Жена же его Езевела пришед, повѣда мужу своему Иесею и рече: «Тъй есть сынъ наш, ну не смѣх повѣдати ти, да не приложиши рѣчи лукавныя». И посла Иесей привести Давида. Егда видѣ пророкъ Давида, възрадовася зѣло. И възлиа елей на главу его, и дасть ему сврагиду. И рече ему: «Благословит тя Господь и благословено будет имя твое, и не погыбнеши въ вѣкы. От плода твоего прѣстолъ херувимом сътворится и дщи твоа честнѣйшиа херувимъ будетъ».[8] Иесей же чюждаашеся слышущи и глаголааше: «Где того добро обрящет? Онъ пастырству училъ ся есть». И тако отиде пророкъ.

Саул[9] же царь царствовааше въ сея землея и обладааше въся тварь. И въниде духъ нечистый въ Саулѣ, и пакости творѣше ему, и не дававаше ему спати, ниже имѣше покоа въсегда. И нѣкый человѣкъ повѣда Саулу и рече: «Есть человѣкъ в Мадиамской земли[10] именемъ Иесей и имат въ овцах пастъвника, и великы свирня, и пищали прѣчюдны творитъ, и скоты и въся вещи играят, егда начнет свирити. Егда како и тебѣ что на ползу будет». Тогда Саулъ посла и призва Давида. Егда удари въ свирня, дух нечистый утихну в Саули за три днии. Егда отидѣше Давидъ, пакы диавол творѣше пакости ему. И съвѣща Саулъ, да дасть дъщерь свою Давиду жену,[11] яко да въсегда свирить и покоить Саула от духа нечистаго.

И тогда отвръжеся Голиафъ[12] от отца своего Саула царѣ и възятъ халдеяны[13] и прѣят въся земля Саулову, понеже бѣ мати Голиафова халдеанка. И прииде на отца своего Саула въ Иерусалимъ.[14] И рече Саулъ Давиду: «Почто не ръпщетъ сердце твое о семъ? Видиши ли како отвръжеся сынъ мой от мене тебе ради, и прѣят въся земля моя, и нинѣ хощет Иерусалимъ прѣяти. Ты, Давиде, что не спѣеши?»

Наутрѣе прииде Голиафъ прѣд Иерусалимъ. Давидъ облѣче трое оружие на себе и подпрься двѣма копиама, и скочи 30 лакти.[15] И видѣвше людие дивишася. И изыде же на Голиафова. Саулови же не любѣщу Голиафа и повѣдашя ему Давида, яко да погубит его. Егда видѣ Давыда Голиафъ, напусти конь свой сверѣпо. Давидъ же молитву творѣше сице: «Боже праведный, и свѣтлый, и хвалный». Голиафу конь прѣвръжеся и оружие его въниде въ сердце его. Давидъ же извлѣче мечь его и отсѣче ему главу. И възвратися къ Саулу царю.

И тако отиде духъ нечистый от Саулѣ, и умысли погубити Давида, и приведе единого вельмужа от земля халдейскуя, имя ему Вастрала,[16] яко да погубит Давида, и да дадят ему жену Давидову. И прииде Вастрала прѣукрашенъ наутриа, хотѣху усѣкнути его и жену его дати Вастралѣ.

И на ложи жена его скръбѣше. Давидъ рече: «Почто тако скръбна еси, яко никогдаже?» Она же рече: «О, аще бы вѣдѣлъ, каковъ зльй съвѣтъ о тебѣ есть!» Давидъ рече: «Почто не извѣсти мнѣ?» Она же повѣда ему. И рече къ ней: «Может ли быти вѣра твоа права къ мнѣ?» Она рече: «Тако ми сътворшаго небо и земля, не познаю иного мужа».[17]

Давидъ възя едино отрочя и украдеся, и въниде въ пещеру, нарицаемуя Мухли.[18] И прѣбысть ту 7 месяцъ и ту глаголаше: «Помѣни, Господи, Давида и въся кротость его».[19] Царь же Саулъ ищѣше усѣкнути его и пусти по въсей земли искати его. И обыскаху горы и вртепы, и ломие, и не обрѣтошя. И приходѣху прѣд пещеру, идеже лежаше Давидъ, и видѣху пещеру с паучину зарослу, и отвращахуся. Жена его облѣчеся въ власѣны руты и къ земли приникши плачаше.

И явися аггелъ Господень Давиду и рече ему: «Изыди и стани на мѣстѣ рекомѣмъ Сухий, и ту есть Господь с тобою». Изыде Давидъ съ страхом велицѣм и ста на мѣстѣ, идеже рече ему Господь, и молитву творѣше: «Боже, святый владыко, небесный царю, призри нынѣ съ высоты безмѣрныя своя». И видѣху въси людие Давида, единогласно въпиаху. Саулъ же слыша и сверѣпующи въсѣде на конь и погна на Давида. Онъ възя камень и положи въ пращу, и възрѣвъ на небо помолися, и връже, и удари Саула въ око.[20] И паде царь. Давидъ извлѣкъ мечь его и усѣкну и. И въниде въ славу.

И бысть царь на прѣстолѣ Сауловѣ. И роди съ женою своею Авесалома Красноглава.[21] И прѣстависа жена его. И потомъ бысть кръвавъ и немилостив, и блудникъ, душегубецъ. Бѣше же нѣкто муж праведен и

великъ, имя ему Уриа. Имѣше жену велелѣпну. И блазнѣшеся Давидъ о ней. Она же не хотѣше, бѣше бо вѣрна Богу и мужу своему. Давидъ посла Уриа на рать, яко да погубят его. И убишу и́.

И прогнѣвася о том Богъ, и посла аггела и пророка Дафана, яко да обличит его пророкъ, и аще не покается, да убиетъ его аггелъ немилостивно. И прииде пророкъ прѣд Давида глаголя: «Суди мнѣ, господи, судъ». Царь рече: «Глаголи, еже имаши». Рече пророкъ: «Нѣкый человѣкъ имѣше 209 овецъ, аз же имѣх едину. Он уби мене и съмерти прѣдаст, и овцу мою възятъ, бѣ бо и Соломона от нея родилъ». Давидъ рече: «Въ истину тъй человѣкъ повиненъ есть лютой съмръти». Пророк рече: «То еси ты». Давидъ паде ницъ и озрѣвся видѣ аггела, яко ратника мечь дръжяща, и възъпи рече: «Помилуй мя, Боже, по велицѣй милости твоей».[22] И Соломона[23] показуя рече: «Грѣхъ мой прѣд мною есть выну».[24] И тако отъятъ аггелъ мечь от него.

Сынъ же его пръвѣнецъ Авесалом възрасте и отвръжеся его и въси болѣре и прѣятъ въся хоры и градовы. И въшед Давидъ затворися за 3 лѣта, и велика зла тръпѣше от сына своего Авесалома, сухы кости гризѣше и усмы варяще. Авесаломъ просѣше Соломона глаголя: «Даждь ми копела, а ты сѣди на столѣ и буди царь въселенѣй».[25] Давидъ не имѣ, что сътворити. И въпроси его Соломон глаголя: «Повѣждь ми, отче, кое оружие изъучилъ еси изъмлада?» Давидъ рече: «О сыну, никое оружие не знаю, тъкмо пращу ручнуя». Соломон рече: «Отче, отче, то оружие твое, съ ним побѣдилъ еси Голиафа и Саула, страшнаго царѣ. Тѣм оружием ты вниде въ царство. И пакы нынѣ помоли Бога, егоже еси призвалъ прѣжде, егда како избавит тя и нынѣ».

Давидъ же възят 3 камикы и въложи въ пращу и рече: «Въ имя Отца и Сына и Святаго Духа» и връже въ войско, и трѣщи Господь войску и порази невидимо. И разбися войско. Тогда погнашу два тъму, единъ тысящу. Бѣжущу Авесалому, въздвиже вѣтръ косу его и заятся за черѣшу, и повисну. Пришед Соломонъ и отсѣче ему главу, и принесе Давиду. Давидъ же видѣвъ въсплакася. Соломонъ рече: «Отче, что плачеши, не вѣси ли, колико зла сътвори тебѣ?» Давидъ рече: «О сыну плачя рождение мое, понеже бѣ рождение добры жены».[26]

Богу нашему слава въ вѣкы. Аминь.

СЛОВО О ПСАЛТЬРИ, КАКО НАПИСАСЯ ДАВИДОМЪ ЦАРЕМЪ

Яко клятся Давидъ Господеви обѣщася Богу Ияковлю,[27] да егда въцарися Давидъ и взыска обрѣсти мѣсто Господеви.[28] И сѣде писати Псалтырь. И не вѣдаше, откуду есть разумъ, яко от аггела бысть и что пишетъ.

Единъ велможа именем Виоръ хотяше втайнѣ царю глаголати, царь же рече ему: «Прииди в нощь сию и исповѣждь ми, еже ти глаголати». Виор же прииде по глаголу цареву в нощь и видѣ юношю въ ухо шепчюще ко царю. И не явися Виоръ царю и изыде вонъ ис полаты царевы. И заутра прииде, и рече ему царь: «Почто не прииде тай исповедати ми? Но прииди паки в вечеръ и исповѣждь ми». И пакы прииде Виоръ в вечеръ и видѣ юношу велми свѣтла паче солнца въ ухо ему глаголюща. И паки възвратися. И на утрие прииде ко царю. Царь же з гнѣвомъ рече ему: «Почто не прииде, яко же азъ рѣх тебѣ?» И Виоръ рече: «Господи мой царю, 3-ж приидох, и не едною обрѣтох тя въ единствѣ». И пакы еще царь искушаше глаголъ его и рече ему: «Прииди в вечер».

И егда прииде Виоръ в вечеръ къ царю, и вопроси его царь: «Есть ли человѣкъ, якоже еси его видѣлъ всегда?» И рече ему Виоръ: «Господи царю, зракъ лица его, яко огнянъ». И поразумѣ царь, яко аггелъ Господень кажеть ему смыслъ и разумъ писати псалтырное сложение.

Есть близ двора царева блато при тайници царевы. И жабы кричяху гласы, егда писаше. Повелѣ отроком своим и забавиша жабам и съждами и сламами,[29] яко да не кричят. И абие видѣ Давидъ во едину нощь жабу велику распалающися на писанию его. Онъ же отверже ю. И паки видѣ второе. И поразуми ему писание, и почюдися Давидъ великому вражью навождению. И паки третие обрѣте ю на писании. И рече Давидъ: «Упражняю тя, дияволе, и что пакости дѣеши ми». Тогда рече жаба: «Или не дам аз тебѣ Бога славити, якоже ни ты мнѣ даваеши».

Тогда повеле царь Давидъ отъяти отроки от блата того, яко да пакости не творят жабам тѣмъ. И абие вси проглаголаша жабы. Тогда Давидъ рече: «Всяко дыхание да хвалить Господа».[30]

Списа же псалмовъ Давыд въ Псалтыри всѣх 300 и 60 и 5. И пакы царь Давыд устрои ковчежець малъ и Псалтырь запечатав и вложи в ковчежець и, заливъ оловом, и вверже в море по своей мудрости, и рече: «Аще есть слово се право мое составление псалтырное пред Богомъ, да изыдет из моря сий ковчежец и писанное в нем».

И бысть Псалтырь в море 80 лѣт. И по смерти Давыдовѣ ввержет Соломон мрежу въ морѣ и обрѣте мрежах ковчежец оловянъ. И распечята Соломонъ и обрѣте Псалтыри Давида, отца своего, списание псалмов токмо 100 и 50 и 3.[31] И тѣхъ проповѣда мирови и положиша и́ в соборнѣ церкви, иже ю славит вышняго Бога.

И по лѣтех мнозѣх частаго ради распленения Иерусалимскаго[32] истеряша псалмы и пѣсни Давида списания. И пакы Ездра[33] пророкъ изыска и собра псалмов 150 и положи их не по ряду, не яко при Давидѣ были списаны. И наполнися миръ пѣсней псалтырних.

Тако и Господь нашь Исусъ Христосъ в послѣдняа лѣта преж сих времен в томъ же мѣсте в морѣ повеле вврещи мрежю своим учеником и ятъ рыбъ 100 и 50 и 3.[34] Якоже Давидъ и Соломонъ наполниша весь миръ псалтырным учением, тако и апостоли исполниша миръ божества и правыя вѣры. Рыбы бяху Новы завѣтъ и крещение Господне о Христе Исусе, Господѣ нашемъ, емуже слава всегда и нынѣ.

Давидъ, царь великый, от естества родом бяше незлобивъ и простъ, и кротокъ, милуя и почиташе Сауловы дѣти.[35]

И когда стоаше на полатах, внегда узрѣ жену Уриину, мыющуся въ виноградѣ своем, и повелѣ ю привести к себѣ, и сотвори с нею прелюбодѣйство. А мужа ея, Урию, посла противу ратных и повелѣ в полку убити его.[36]

Нафанъ[37] же пророкъ рече, егда хотяше Давидъ прелюбодѣйство и убийство творити, пророкъ бяше, глаголя, яко хощет умрети рожденный отрокъ.[38] Тому же умершу, родися Соломонъ от Вирсавии, жены Урии́ны.

И за то преступление посла Богъ Нафана пророка къ Давиду,[39] глаголя: «Тако глаголеть Господь, избери себѣ от троего едино: любо 3 лѣта гладъ створю в земли твоей, или 3 месяца бѣгати пред врагы твоими, или 3 дни смерть створю в земли твоей». Тогда Давидъ въздохнувъ из глубины душа своеа и рече: «Лучши ми есть впасти в руцѣ Бога жива, яко *многы щедроты его*, нежели впасти в руцѣ человеческыа». Избра же Давидъ смерть.

И день исплънися жатвеный. Сътвори Господь смерть въ Израили, от утра до обѣда умре людий 70 000. И простре аггелъ Божий руку на Иерусалимъ, да погубит сущаа в нем. И рече Давидъ къ Господу Богу, егда видѣ аггела погубляюща народъ, и рече: «Се, Господи, аз съгрѣших, азъ, пастырь, зло створих, *а си, овца, что зло створиша*? Да будет, Господи, на мнѣ рука твоа, на рабѣ твоем в дому отца моего». И умилосердивъся Спасъ, рече къ аггелу: «Устави руку твою».[40]

Давидъ покаявся о грѣсѣ своем и созда жрътвеникъ Господеви. И добрѣ поживъ, угодн Богу и, помолився, успе блаженым сном, преиде въ вѣчный животъ, поживе въ старости добрѣ.

---

[1] *Иесей.* — Отец Давида жил в Вифлееме (1 Цар. 16, 1—3). В христианском искусстве корень Иессея изображается в виде лежащего на земле Иессея, из груди которого растет высокое древо. На его ветвях сидят цари из рода Иессея, а на вершине — Богородица с младенцем Иисусом («И произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его. И почиет на нем дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия» Ис. 11, 1—2).

[2] *Езавель.* — В библейском рассказе мать Давида по имени не названа.

[3] *...8 сыновъ...* — Согласно Библии, Иессей имел восемь сыновей, включая и Давида и двух дочерей (1 Цар. 16, 10, 11).

[4] *...и нарече имя ему Давидъ, еврейскы — украденъ.* — Давид (1055—1015 гг. до н. э.), царь Израиля, преемник царя Саула, объединивший еврейские племена и образовавший в Палестине единое государство. Успешно воевал с филистимлянами; уделял много внимания строительству и торговле. По мнению востоковедов, его имя означает

«вождь», «царь» (*Струве В. В.* История древнего Востока. [Л.,] 1941. С. 286—287). По мнению других, имя Давид переводится как «любимый» (*Чудинов А. И.* Словарь иностранных слов. СПб., 1902. С. 230).

[5] *И егда хотѣше свирити, овця и волове, и въси скоти играаху.* — В другом варианте «Жития Давида» эта сцена представлена еще более яркими деталями: когда Давид играл на гуслях, овцы переставали есть, слушая его; если в это время на стадо нападал лев или медведь, Давид убивал их голыми руками (Описание рукописей Соловецкого монастыря. Казань, 1881. Ч. 1. С. 135).

[6] *...яко въцарится сѣмя Авраамле.* — Авраам, герой целого ряда библейских легенд, патриарх, родоначальник еврейского народа, фигурирующий в Пятикнижии. Бог, являясь Аврааму, заключил с ним договор, обещая за его покорность умножить его потомство, «как песок морской и как звезды на небе».

[7] *Дафанъ.* — Пророк, современник Давида, обличавший его в грехе прелюбодеяния с Вирсавией притчей об овечке, отнятой богачом у бедняка (2 Цар. 12, 1—7). В Библии и других списках апокрифа его имя читается Нафан. Возможно, в издаваемом списке это имя спутано с другим библейским персонажем, связанным с Моисеем и Аароном.

[8] *...и дщи твоа честнѣйшиа херувимъ будетъ.* — Речь идет о Богородице, предком которой был Давид. В сентябрьской Минее 1096 г. о ней сказано: «Богородице пречьстъная, иже херовима и серафима бысть привышьши».

[9] *Саул* — первый израильский царь, избранный в XI в. до н. э., во время борьбы с филистимлянами, основавший первое государство в Палестине. Но неудачная война с филистимлянами привела к гибели и его, и его сына (1 Цар.).

[10] *Мадиамская земля* — упоминается в Библии (Быт. 37, 25—28, 36; Исх. 2, 15). Считается, что находилась она в Аравии (Иудифь. 2, 25, 26; 3 Цар. 11, 18 и др.) (*Солярский П.* Опыт библейского словаря собственных имен. СПб., 1881. Т. 2. С. 520—522). Не ясно, почему Иессей и Давид, жители Вифлеема, названы в этом месте обитателями Мадиамской земли.

[11] *...дъщерь свою Давиду жену...* — В Библии дочь Саула, данная Давиду в жены, звалась Мелхола (1 Цар. 18, 20, 27).

[12] *Голиафъ* — филистимлянин, богатырь, которого убил на поединке Давид, метнув камень из пращи, после чего отсек ему голову мечом (1 Цар. 17). Поединок Давида с Голиафом неоднократно изображен в памятниках — в живописи и ваянии, например знаменитая статуя Микеланджело, изображающая Давида с пращой.

[13] *Халдеаны* — халдеи, название семитской народности, жившей к югу от Вавилонии при Персидском заливе. Халдеей в древности

называли гористую часть Месопотамии, лежащую между Арменией и Ассирией к югу от озера Ван. Античный писатель Ксенофонт отождествлял халдеев с курдами, а Вавилонию называл Халдейской землей. Халдеи, по свидетельству Библии, воевали с израильтянами (4 Цар. 24, 2; *Солярский*. Опыт. СПб., 1884. Т. 4. С. 300—303).

[14] *Иерусалимъ* — центральный город Палестины, возникший как крепость во 2-м тыс. до н. э. Столицей Израильского государства он стал только при Давиде, завоевавшем город. Первые семь лет царствования Давида столицей его был Хеврон. Скорее всего, упоминание Иерусалима как главного города Саула является анахронизмом.

[15] *...лакти...* — Локоть — мера длины, соответствующая приблизительно длине локтевой кости. Применялась в античности, средневековье и Древней Руси. Длина локтя значительно колебалась в разные времена и в разных местностях.

[16] *Вастрала.* — В Библии персонажа с таким именем нет.

[17] *...и да дадят ему жену Давидову ... не познаю иного мужа».* — Этого сюжета в Библии нет, хотя жену Давида Мелхолу Саул отдал в жены другому: «Саул же отдал дочь свою Мелхолу, жену Давидову, Фалтию, сыну Лаиша, что из Галлима» (1 Цар. 25, 44).

[18] *...в пещеру ... Мухли.* — Пещера, в которой скрывался Давид от Саула, названа в Библии Одолламской (1 Цар. 22, 1).

[19] *«Помѣни, Господи, Давида и въся кротость его».* — Псалтырь: «Вспомни, Господи, Давида и все сокрушение его» (Пс. 131, 1).

[20] *Онъ възя камень и положи в пращу ... и удари Саула въ око.* — Камнем из пращи был убит Давидом филистимлянин Голиаф, Саул же погиб, бросившись на свой меч (1 Цар. 31, 1—6). В апокрифе эти обстоятельства поменялись местами.

[21] *Авесалом Красноглав* — Авессалом (евр. — отец мира), согласно Библии, не был первенцем Давида, он был третьим сыном, матерью его была Мааха, дочь Гессурского царя (2 Цар. 3, 3). Однако в древнерусских источниках он действительно назван первенцем Давида (см., например: Книга бытия небеси и земли (Палея историческая). Труд А. Попова. М., 1881. С. 163). Его прозвище Красноглав соответствует Библии, по описанию которой он был очень красив и имел густые волосы, сыгравшие роковую роль при его бегстве с поля боя (2 Цар. 14, 25, 26).

[22] *Бѣше же нѣкто муж праведен и великъ, имя ему Урия ... «Помилуй мя, Боже, по велицѣй милости твоей».* — История Давида и Вирсавии и обличение его пророком Нафаном (в апокрифе Дафаном) изложены в Библии (2 Цар. 11, 2—17 и 12, 1—7). Древнерусский читатель мог найти этот сюжет в Палеях, Толковой и Исторической (Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. М., 1896. Т. 2. С. 381—386, 405

—407; Книга бытия небеси и земли (Палея историческая), С. 160—163). Однако в апокрифе иносказательная библейская притча изложена буквально и объединена с ее толкованием (пророк говорит «уби мене», «Соломона от нея родил» — имеется в виду Вирсавия).

[23] *Соломон* — царь, младший сын Давида от Вирсавии (около 950—933 гг. до н. э.). Убив своего старшего брата, захватил власть. Объединил царства Израиля и Иудеи. Предпринимал обширные строительные работы; при нем построены храм бога Ягве и царский дворец. Развиваются торговые отношения с Египтом и Финикией; владения государства расширяются на юг. Библия называет его самым мудрым царем Палестины. Он считается автором книги Песни песней, Притчей и некоторых Псалмов, вошедших в состав Ветхого Завета.

[24] *«Грѣх мой прѣд мною есть выну».* — Псалтырь: «И грех мой всегда предо мною» (Пс. 50, 5).

[25] *Авесалом просѣше Соломона ... и буди царь въселенѣй».* — Это место не совсем понятно. Слово «копела» не зафиксировано в древнерусских памятниках и, возможно, подверглось искажению в списках («копела» — в списке Библиотека РАН, 13.2.25, сохранившем сербскую орфографию, «копила» — в списке Библиотека РАН, 13.4.10, сохранившем болгарскую орфографию). Возможно, в основе лежало сербское слово «ко̀пље» — копье, пика. В этом случае им обозначалось войско, и Авессалом, воюющий против своего отца Давида, просил Соломона отдать ему в подчинение воинские силы.

Близость слов «копела» и «копила» сербскому и болгарскому «копиле» — внебрачный ребенок, не дает ключа к переводу, т. к. не соответствует контексту апокрифа: непонятно, почему Авессалом хотел получить внебрачных детей в обмен на трон (кстати, в Библии сказано, что Авессалом не имел сына — 2 Цар. 18, 18). Видеть в этом намек на эпизод, читающийся в Библии и в древнерусских Палеях, где говорится, что Авессалом захватил в Иерусалиме гарем отца, оставленный убежавшим Давидом, было бы большой натяжкой, тем более, что автор апокрифа, может быть намеренно, исключил его из рассказа — у него Давид не бежал из Иерусалима, а сидел в городе в осаде три года.

[26] *Сынъ же его пръвѣнецъ Авесалом ... понеже бѣ рождение добры жены».* — История восстания Авессалома против своего отца Давида изложена в апокрифе по сравнению с Библией очень неточно. Давид не сидел в осаде в Иерусалиме, а вообще покинул город (2 Цар. 15, 14—16, 37). Убил Авессалома не Соломон, который не участвовал в этих событиях, а Иоав, военачальник Давида (2 Цар. 18, 1, 14). Давид действительно сожалел о своем сыне и наказывал воинам, преследовавшим Авессалома: «Сберегите мне отрока Авессалома» (2 Цар. 18, 5).

[27] *Богу Иаковлю...* — Иаков, патриарх, родоначальник израильского народа. В Библии рассказывается, что во время путешествия Иакова в Месопотамию Бог показал ему лестницу, соединявшую небо и землю, по ней поднимались и спускались ангелы; Бог обещал дать Иакову

страну во владение и свое покровительство: «Я сохраню тебя везде, куда ты не пойдешь»; Иаков положил обет: «И будет Господь моим Богом» (Быт. 28, 1—5, 10—22).

[28] *...да егда въцарися Давидъ и взыска обрѣсти мѣсто Господеви.* — Этот фрагмент восходит к тексту Псалтыри: «Как он клялся Господу, давал обет Сильному Иакова: “Не войду в шатер дома моего, не взойду на ложе мое, не дам сна очам моим и веждам моим дремания, доколе не найду места Господу, жилища Сильному Иакова”» (Пс. 131, 1—5).

[29] *...съждами и сламами...* — Эти слова в контексте апокрифа переведены в известной степени условно: «съждами» от слова «сьжешти», «сьжизати» — сжигать, «слама» — солома. По-видимому, они представляли трудность и для переписчиков XVII в. Так, в рукописи РНБ, собр. Погодина, № 1938 это место читается: «Повелѣ царь побивати жабы отроком своим скажими и сланами, да они кричат», а в рукописи РНБ, собр. Погодина, № 1968 оно переделано: «Царь же повеле отроком изгнати их из блата и не даде им кричати».

[30] *«Всяко дыхание да хвалить Господа».* — Пс. 150, 6.

[31] *...псалмов токмо 100 и 50 и 3.* — В Псалтыри всего 150 псалмов. В греческой традиции существует дополнительный псалом Давида на единоборство с Голиафом.

[32] *...частого ради расплененения Иерусалимскаго...* — На Израиль и Иудею наступала Ассирия (722 г. до н. э.), а затем Египет и Вавилония (608 г. до н. э.). В 597 г. Навуходоносор взял Иерусалим и увел часть его населения в плен в Вавилон. Следующая осада Иерусалима происходила в 586 г. до н. э., город сдался вавилонянам (*Струве В. В.* История древнего Востока. [Л.,] 1941. С. 296—297.

[33] *Ездра* — Езра, ученый и книжник сер. V в. до н. э. Под его именем помещено в Библии четыре книги (одна под названием книги Неемии), излагающих вавилонский период истории евреев и историю еврейской общины в Иудее. Эти книги с известной долей критики используются современными учеными востоковедами как исторический источник. Езра был последним редактором Пятикнижия (около 445—440 гг.).

[34] *...повеле ввреци мрежю своим ученикoм и ятъ рыбъ 100 и 50 и 3.* — О чудесном лове рыбы рассказано в Евангелии от Луки (Лк. 5, 5—6, 10) и в Евангелии от Иоанна (Иоан. 21, 6, 11). В Евангелии от Иоанна сказано, что рыб было поймано 153.

[35] *...милуя и почиташе Сауловы дѣти.* — Об отношении Давида к потомкам Саула говорится в Библии: «И сказал Давид: не остался ли еще кто-нибудь из дома Саулова? Я оказал бы ему милость ради Ионафана» (2 Цар. 9, 1, 3).

[36] *И когда стоаше на полатах ... А мужа ея, Урию, посла противу ратных и повелѣ в полку убити его.* — История Давида и Вирсавии и обличение его пророком Нафаном изложены в Библии (2 Цар. 11, 2—17

и 12, 1—7). Древнерусский читатель мог найти этот сюжет в Палеях, Толковой и Исторической.

[37] *Нафанъ* — Пророк, современник Давида, обличавший его в грехе прелюбодеяния с Вирсавией притчей об овечке, отнятой богачом у бедняка (2 Цар. 12, 1—7).

[38] *...яко хощет умрети рожденный отрокъ.* — Предсказание Нафана и смерть первого сына Давида и Вирсавии изложены в Библии подробно (2 Цар. 12, 14—24).

[39] *И за то преступление посла Богъ Нафана пророка къ Давиду...* — В Библии выбрать одно наказание из трех предлагает Давиду пророк Гад (2 Цар. 24, 11).

[40] *«Тако глаголеть Господь, избери себѣ едино...» рече къ аггелу: «Устави руку твою».* — В Библии Давид наказан за то, что устроил перепись народа (2 Цар. 24).

ПЕРЕВОД

ЖИТИЕ ДАВИДА

СЛОВО О ДАВИДЕ, ЦАРЕ И ПРОРОКЕ ГОСПОДНЕМ, КАК РОДИЛСЯ И КАК ВОЦАРИЛСЯ

Был Иесей человеком на редкость сильным и мужественным, в сердце своем предан Богу и служил Богу усердно. И с женою своей Иезавелью родил он 8 сыновей. И положили они совет между собою, чтобы отступиться им друг от друга и больше не сочетаться в плотском союзе. И Иезавель призвала слугу, которого держал Иесей в милости, по имени Андрей, и сказала ему: «Если будешь хранить господина своего усердно, дам тебе богатые подарки, а если он потребует женщину, извести меня, не скрой этого от меня ни в коем случае». Андрей обещал: «Да будет по слову твоему».

И так держали свой обет Иесей и Иезавель 12 лет. Но в один из дней сказал Иесей рабу своему Андрею: «Найди мне женщину, ибо хочет сердце мое женщину». Ответил Андрей: «Господин, знаю я красивую женщину, но она далеко отсюда»; не был Иесей в это время в доме своем, а на селе, далеко от дома. И сказал ему: «Иди, приведи мне ее». И дал ему золото. Он же пошел к Иезавели, госпоже своей, и поведал ей все. Она же пришла ночью, и совокупился с ней Иесей, не узнав жены своей.

И тогда зачала она младенца, и родила, и дала имя ему Давид, по-еврейски — украден. И не узнал Иесей об этом, и в тайне воспитала его. Когда минуло Давиду шесть лет, отвела его к овцам и передала овечьим пастухам. А кто он родом, не ведал никто. И вырос он кротким и смиренным и разумом своим постиг игру на всяких инструментах — на тимпанах, на органах, и научился всем песням. И когда принимался он играть, овцы и волы, и все животные скакали.

И послал Господь пророка своего, чтобы возлил елей на главу Давида в знак того, что воцарится род Авраама. Пророк Дафан пришел в дом Иесея и сказал ему: «Приведи сыновей своих, и я отмечу их печатью». Иесей привел 8 сыновей своих. Пророк Дафан сказал: «Нет здесь сына твоего, которого требует Господь». Иесей взмолился: «Господин, нет у меня других детей, только эти». Пророк стоял на своем, Иесей был в отчаянии. Жена же его, Иезавель, придя, открыла мужу своему Иесею правду и сказала: «Он сын наш, но не смела поведать тебе, боясь, что ты примешь слова мои за обман». И приказал Иесей привести Давида. Когда увидел пророк Давида, возликовал. И вылил елей на главу его, и дал ему печать. И сказал ему: «Благословит тебя Господь и благословенно будет имя твое, и не погибнешь во веки. Племя твое воздвигнет престол херувимам, а дочь твоя будет выше херувимов». Иесей же удивился, услышав, и сказал: «Откуда он возьмет это величие? Он научен только пасти овец». С тем и удалился пророк.

Саул же царь царствовал в этой земле и властвовал над всеми живущими. Но проник дух бесовский в Саула и мучил его, и не давал ему спать, и не было у него ни минуты покоя. И один человек поведал Саулу и рассказал: «Есть житель в Мадиамской земле по имени Иесей и имеет он овечьего пастуха — великого музыканта, дивно играющего на свирели; и скоты, и вся природа танцует, когда начнет он играть. Может и тебе это на пользу будет». Тогда Саул послал и призвал Давида. Когда заиграл Давид, дух нечистый угомонился в Сауле на три дня. Когда же ушел Давид, снова дьявол стал мучить его. И замыслил Саул дать дочь свою Давиду в жены, чтобы тот всегда играл и избавлял Саула от духа бесовского.

В то время отступился Голиаф от отца своего Саула царя и, соединившись с халдеянами, захватил всю земля Саулову, ибо мать Голиафа была халдеянкой. И пришел на отца своего Саула к Иерусалиму. И сказал Саул Давиду: «Почему не скорбит сердце твое об этом? Ты же видишь, что отвергся сын мой от меня из-за тебя, и захватил всю землю мою, а ныне хочет Иерусалим взять. Ты же, Давид, что не спешишь?»

Наутро осадил Голиаф Иерусалим. Давид облачился в три доспеха, и подперся двумя копьями, и прыгнул на 30 локтей. И люди, видевшие это, изумились. И вышел Давид против Голиафова войска. Саул же не любил Голиафа, и указали ему на Давида как на того, кто погубит его. Когда увидел Давида Голиаф, с яростью пустил на него своего коня. Давид же творил молитву: «Боже праведный и светлый, и достойный». Конь Голиафа споткнулся, и меч Голиафа вонзился в сердце его. Давид же извлек этот меч и отсек Голиафу голову. И возвратился к царю Саулу.

И тогда покинул дух нечистый Саула, и замыслил он погубить Давида, и призвал одного богатыря из земли халдейской по имени Вастрала, чтобы тот убил Давида, а за это дадут за него жену Давида. И пришел Вастрала наутро в богатых нарядах (к Саулу), готовый обезглавить Давида и получить жену Давидову.

А на ложе горевала жена Давида. Давид спросил: «Почему ты так печальна, как никогда?» Она же отвечала: «О, если бы ты ведал, какой злой заговор составлен против тебя!» Давид сказал: «Почему не предупредила меня?» И она рассказала ему все. И сказал ей: «Правда ли то, в чем ты уверяешь меня?» Она сказала: «Свидетель мне сотворивший небо и землю, не приму я иного мужа».

Давид взял одного слугу и скрылся тайком, и спрятался в пещере, называемой Мухли. И пробыл там 7 месяцев, непрестанно повторяя: «Помяни, Господи, Давида и всю кротость его». Царь же Саул жаждал обезглавить его и послал по всей земле искать его. И обыскали горы и пещеры, и болота — и не нашли. Приходили и к той пещере, где скрывался Давид, но, увидев пещеру, заросшую паутиной, удалились. Жена его облачилась во власяницу и, припав к земле, плакала.

И явился ангел Господень Давиду и сказал ему: «Выйди и стань на месте, называемом Сухий, и будет там Господь с тобою». Вышел Давид, одержимый страхом великим, и стал на месте, где велел ему Господь, и творил молитву: «Боже, святой владыко, небесный царь, взгляни ныне с высоты безмерной своей». И видели все люди Давида и единогласно приветствовали его. Саул же слышал это и, рассвирепев, вскочил на коня и погнал его на Давида. Тот взял камень и вложил в пращу, и, обратившись к небу, помолился и метнул, и попал Саулу в око. И пал царь. Давид извлек меч его и убил его. И прославился.

И сел царем на престоле Саула. И родил с женою своею Авессалома Красноглава. И умерла жена Давида. И после того стал он кровожаден и немилостив, блудник и душегубец. Был некто муж справедливый и знатный по имени Урия. Имел он красивую жену. И Давид возжелал ее. Она же не хотела, ибо была верна Богу и мужу своему. Давид послал Урию на битву, чтобы погубить его. И убили его.

И разгневался за то Бог, и послал ангела и пророка Дафана, чтобы обличил его пророк, а если он не покается, чтобы убил его ангел безжалостно. И предстал пророк пред Давидом, говоря: «Рассуди меня, господин, судом своим». Царь промолвил: «Говори, что у тебя». Сказал пророк: «Один человек имел двести девять овец, я же имел одну. Он погубил меня и смерти предал, и овцу мою взял, а потом и Соломона она ему родила». Давид сказал: «Воистину, такой человек достоин лютой смерти». Пророк сказал: «Это ты и есть». Давид пал ниц и, оглядевшись, увидел ангела в образе воина, держащего меч, и взмолился: «Помилуй меня, Боже, по великой милости твоей». И на Соломона показав, промолвил: «Грех мой всегда предо мною». И тогда отвел ангел меч от него.

Сын же его первенец Авессалом возмужал и отрекся от отца своего и все вельможи с ним, и захватил все земли и города. И, войдя, затворился Давид на три года, великое зло терпя от сына своего Авессалома, сухие кости грыз и кожи варил. Авессалом просил Соломона, говоря: «Дай мне войско, а ты сядешь на престоле и будешь царь вселенной». Давид не знал, что делать. И спросил его Соломон, говоря: «Поведай мне, отец, каким оружием владел ты с юности?» Давид сказал: «О сын, никакого оружия не знаю, только пращу ручную». Соломон воскликнул: «Отец, отец, это истинно твое оружие, с ним победил ты Голиафа и Саула, страшного царя. Этим оружием добыл ты царство. И вновь ныне умоли Бога, которого призывал прежде, да спасет тебя и теперь».

Давид взял три камня и вложил в пращу с молитвой: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», и метнул в войско, и сломал Господь войско и поразил невидимо. И сокрушилось войско. Тогда погнали двое десять тысяч, один — тысячу. Бегущему Авессалому взметнул ветер волосы его, и зацепился он за ветвь, и повис. Настигнув, Соломон отсек ему голову и принес Давиду. Давид же, увидев, разрыдался. Соломон спросил: «Отец, что плачешь, не помнишь ли, сколько зла сотворил он тебе?» Давид ответил: «О сын, оплакиваю я рожденного мной, ибо был он сыном хорошей жены».

Богу нашему слава во веки. Аминь.

СЛОВО О ПСАЛТЫРИ

СЛОВО О ПСАЛТЫРИ, КАК НАПИСАНА БЫЛА ДАВИДОМ ЦАРЕМ

Когда клялся Давид Господу, то обещал Богу Иакова, что если воцарится он, то постарается найти святилище Господу. И сел писать Псалтырь. И не ведал, откуда бралась мысль, как бы от ангела было то, что пишет.

Один вельможа по имени Виор хотел наедине говорить с царем, царь же велел ему: «Приди в ночь эту и поведай мне, что хотел сказать». Виор же пришел по слову царя ночью и увидел юношу, на ухо шепчущего царю. И не предстал Виор пред царем, и вышел вон из полаты царевой. А наутро, когда он пришел, спросил его царь: «Что не явился сказать мне свою тайну? Но приди снова вечером и расскажи мне». И вновь пришел Виор вечером и увидел юношу светлого, ярче солнца, на ухо царю говорящего. И снова удалился. И наутро пришел к царю. Царь же с гневом сказал ему: «Почему не пришел, как велел я тебе?» И Виор ответил: «Господин мой, царь, трижды приходил я и ни разу не застал тебя одного». И вновь царь расспрашивал его и приказал: «Приди вечером».

И когда пришел Виор вечером к царю, спросил его царь: «Здесь ли человек, которого видел ты раньше?» И ответил ему Виор: «Господин царь, вид лица его, как огонь». И понял царь, что ангел Господень подсказывает ему мысль и лад для сочинения псалтырных стихов.

Есть близ дворца царева болотце, недалеко от тайной полаты царевой. И жабы испускали вопли, когда он писал. Повелел Давид слугам своим разогнать жаб горящей соломой, чтобы не кричали. И вдруг увидел Давид однажды ночью огромную жабу, распластавшуюся на писании его. Он же сбросил ее. И снова увидел ее во второй раз. И задумался он над своим писанием, и почудилось Давиду, что это великое дьявольское наваждение. Но и в третий раз нашел он ее на писании. И сказал Давид: «Истребляю тебя, дьявол, за то, что зло делаешь мне». Тогда сказала жаба: «Не дам я тебе Бога славить, как и ты мне не даешь».

Тогда повелел царь Давид отозвать слуг от болотца того, чтобы зла не делали жабам тем. И тотчас заголосили все жабы. Тогда Давид изрек: «Всякое дыхание да хвалит Господа».

Написал же псалмов Давид в Псалтыри всего 300 и 60 и 5. И потом царь Давид соорудил ларчик малый и Псалтырь, запечатав, вложил в ларчик и, залив оловом, бросил в море по своему замыслу и сказал: «Если истинно слово мое, и составление Псалтыри угодно Богу, то выйдет из моря этот ларчик и писание, хранящееся в нем».

И пребывала Псалтырь в море 80 лет. И после смерти Давида забросил Соломон сеть в море и нашел в сети ларчик оловянный. И распечатал его Соломон и обрел в Псалтыри Давида, отца своего, записанными псалмов только 100 и 50 и 3. И те проповедал миру и положил их в соборной церкви, где теперь славят вышнего Бога.

Но через много лет из-за частого пленения Иерусалима растерялись псалмы и песни, Давидом сочиненные. И вновь Ездра пророк разыскал и собрал 150 псалмов, но расположил их не по порядку, не как при Давиде были написаны. И наполнился мир песнями Псалтыри.

Так и Господь наш Иисус Христос незадолго до наших лет в том же месте повелел своим ученикам забросить сеть в море и выловил рыб 100 и 50 и 3. Как Давид и Соломон наполнили мир псалтырным учением, так и апостолы насытили мир божеством и истинной верой. Рыбы — Новый завет и крещение Господне во имя Христа Иисуса Господа нашего, ему же слава всегда и ныне.

ЛЕГЕНДА О ДАВИДЕ И ВИРСАВИИ

Давид, царь великий, характером от рождения был незлобив и прост, и кроток, любил и почитал Сауловых детей.

И в то время, когда стоял он на палатах, увидел жену Урии, купающуюся в саду своем, и велел ее привести к себе, и сотворил с ней прелюбодеяние. А мужа ее, Урию, послал против неприятелей и повелел в сражении убить его.

Нафан же пророк знал, когда замыслил Давид прелюбодеяние и убийство совершить, и предсказал, что умрет рожденный младенец. И тот умер, но родился Соломон от Вирсавии, жены Урии.

И за то преступление послал Бог Нафана пророка к Давиду сказать: «Так говорит Господь, избери себе одно из трех — либо сотворю я трехлетний голод в земле твоей, либо три месяца будешь бегать от врагов своих, или три дня будет господствовать смерть в земле твоей». Тогда Давид, вздохнул, опечаленный до глубины души своей, и сказал: «Лучше мне оказаться во власти Бога живого, ибо велики щедроты его, нежели во власти людской». И избрал Давид смерть.

И настал день гибели. Наслал Господь смерть на Израиль, с утра до обеда умерло людей 70 000. И простер ангел Божий руку к Иерусалиму, чтобы погубить живущих в нем. И взмолился Давид к Господу Богу, когда увидел ангела, губящего народ, и сказал: «Это, Господи, я согрешил, я, пастырь, зло сотворил, а они, овцы, какое зло сделали? Пусть будет, Господи, на мне гнев твой, на рабе твоем в доме отца моего». И смилостивился Спаситель, приказал ангелу: «Останови руку твою».

Давид покаялся в грехе своем и воздвиг жертвенник Господу. И добродетельно пожив, угодил Богу и, помолившись, уснул блаженным сном, перешел в вечную жизнь, пожив в старости достойно.

СУДЫ СОЛОМОНА

Подготовка текста, перевод и комментарии Г. М. Прохорова

ВСТУПЛЕНИЕ

«Суды Соломона» — апокрифические рассказы о мудрости и проницательности библейского царя Соломона — имеют своим источником древнюю иудейскую литературу; но уже в древности, по крайней мере некоторые из них, были известны и в греческом переводе. Принято думать, что славянская версия восходит к греческому оригиналу, см., например: *Веселовский А. Н.* Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине // Собрание сочинений А. Н. Веселовского. Серия 3. Том I, вып. 1—2. Пг.; Л., 1921—1930. Сегодня, однако, высказывается мнение, что цикл сказаний о Соломоне переведен непосредственно с еврейского оригинала на Руси в XII—XIII вв. О еврейском оригинале свидетельствуют непереведенные гебраизмы и ошибки перевода

(некоторые из них указаны ниже в комментарии). Подробнее см.: *Алексеев А. А.* 1) Переводы с древнееврейских оригиналов в Древней Руси // Russian Linguistics. Vol. XI, 1987. С. 1—20; 2) Русско-еврейские литературные связи до 15 века // Jews and Slavs. Vol. I. Jerusalem; St. Petersburg, 1993. С. 44—75. В русской письменности они до нас дошли в составе Палеи — книги, излагающей и полемически (в противоиудейском духе) толкующей библейскую историю. Древнейшие списки Палеи, так называемой Толковой, восходят к концу XIV в.

В основу настоящего издания положен список Полной хронографической Палеи — РГБ, собр. Погодина, № 1435 (лл. 333—333 об., 341, 341 об.—342, 343 об.—346, 346—346 об.), — где, по сравнению с Толковой Палеей, иной порядок новелл, число их больше и значительно более обширны помещенные между ними иные по характеру изложения отрывки ветхозаветного текста. За исключением одного, эти отрывки в настоящем издании не воспроизводятся. Исключение делается для рассказа о том, как Соломон рассудил двух блудниц, установив, чей сын жив, а чей умер. Это рассказ точно того же типа, что и остальные новеллы из этого цикла, представляющие собой апокрифы, то есть произведения, не включенные в Священное Писание, — рассказы о помощи фараона, о Китоврасе, об оставленном Соломону Китоврасом двуглавом муже и его детях, о царице Малкатошке и ее загадках, о наследстве трех братьев и др.

Одна из новелл — о том, как Соломон, нуждавшийся при строительстве храма в мудром советчике, поймал Китовраса (сказочное существо, родственное кентавру древнегреческой мифологии), — в рукописи, которую мы здесь используем, почти вся вырезана; это объясняется тем, что эта новелла попала в число не рекомендуемых для чтения баснословных сочинений. Ее мы печатаем по рукописи: РНБ, Кир.-Белоз., № 11/1088, сборник книгописца Ефросина; лишь в одном случае — в целях сюжетной цельности рассказа — часть его текста («А си сохранишася таинѣ. И абие кликнуша, а птищь изрони кормлю на землю. И взем же ихъ боляринъ, принесе к Соломону») замещена отрывком из РНБ, Кир.-Белоз., № 68/1145, л. 387 (от слов: «Схранил бо бяше на нъкакоемъ мѣстѣ...» до слов: «...принесе ко Соломону»).

ОРИГИНАЛ

(...) И в то врѣмя створи Соломон пиръ велик отроком своим. Тогда предстаста двѣ женѣ блудницѣ пред царемь, и рече жена едина: «Въ мнѣ есть бѣда, господине мой. Аз и си подруга моа, и живевѣ в дому, понеже и породилися есвѣ в дому. И родих сынъ. И бысть по третиемь дни рожьдши ми, и роди и си жена сынъ. И бѣ токмо сами межи собою, и не бѣ никогоже с нама от инѣх в дому наю. И умре сынъ жены сея в нощь сию, якоже лежа на нем. И въставши полунощи, взят отрочя мое от руку моею, и успи е на лонѣ своем, а отроча свое умръшее положила бѣяше у мене. И въстах заутра да подою отрочяте, и обрѣтох е мертво. И се азъ проразумѣх, яко нѣсть ее сынъ мой, егоже азъ есмь родила». И

рече жена другаа: «Ни, но се есть сынъ мой живый сий, а се есть твой умръший». И прястася пред царемъ.

И рече има царь: «Ты глаголеши тако: “Се есть сынъ мой живый съй, а оноя есть мертвый”, — а си глаголеты “Ни, но живый есть сынъ мой, а твой умерший”». И рече царь слугам: «Присечете отрочя се сущее живое на полы и дадите пол сей, а пол оной. И мертвое такоже, пресѣкше, вдадите пол сей, а пол оной».

И отвѣща жена, еяже бѣ сынъ живый, понеже убо смятесся утроба еа о сыну ея, и рече: «Въ мнѣ да будеть бѣда, господине мой. То дадите ей отроча се, а не смертию уморите его». И рече другаа жена: «Да не будет ни мнѣ, ни сей! Но пресѣчете и надвое». И отвѣщавь царь рече: «Дадите дѣтищь живый женѣ, рекшей “Дадите сей, а не смертию уморите его”. Да той дадите и, то бо есть мати его».

Слышав же весь Израиль суд сей, имъже суди царь, и убояшася от лица царева, разумѣша бо, яко смыслъ Божий бѣ в немь творити суд и оправданиа.[1]

Соломонъ же бѣ поялъ дщерь фараонову, егда здааше Святаа Святых.[2] Посла посол свой к нему, глаголя: «Тести мой! Присли ми помощь». Он же избра 600 муж по остроноумии, яко умрети имъ том лѣтѣ, — хотѣ искусити Соломоню мудрость. Егда же приведени быша пред Соломона, видѣв же я издалеча, повелѣ и шити саваны всѣм имъ. Пристави же к нимь посолъ свой к фараону и рече: «Тестю мой! Аще ти нѣ в чемь своих мертвых погребати, о се ти имъ порты. У себе же я погреби».

СКАЗАНИЕ О ТОМЪ, КАКО ЯТЪ БЫСТЬ КИТОВРАСЪ СОЛОМОНОМ

Егда же здаше Соломонъ Святая Святых, тогда же бысть потреба Соломону вопросити Китовраса. Осочиша, где живеть, рекоша — в пустыни далней. Тогда мудростию своею замысли Соломонъ сковати у́же желѣзно и гривну желѣзну, написа же на ней во имя Божие заречение, и посла же болярина лучшего съ отроки, и веляше вести вино и медъ, и руна овчяя с собою взяша. Приидоша к мѣсту его, ко

трем кладязем его, а его туто нѣт. По указанию Соломоню и волияша в кладязи тѣ вино и медъ, и заткаша устия кладязем руны овчьми. Влияша же два кладяза вина, а третий меду. А сами съхранишася таино, и зряху ис таи, оже приити ему воды пити ко кладязем. И прииде абие, и приникъ к водѣ, нача пити, и рече: «Всякъ, пия вино, не умудряеть». Якоже перехотѣ воды, и рече: «Ты еси вино, веселящее сердце человѣком»,[3] — и выпи всѣ 3 кладязи. И хотѣ поспати мало, и разня его вино, и уснувъ твердо. Болярин же, пришед, искова его твердо по шии, по рукам и по ногам. И, шчютився, хотя крянутися. И рече ему бояринъ: «Господине, Соломонъ имя Господне со запрѣщением написа на веригах, нынѣ на тебѣ». Онъ видѣ на себѣ, и поиде кротокъ во Иерусалимъ ко царю.

Нрав же его бяше таковъ. Не ходяшеть путемъ кривым, но правым. И, во Иерусалимъ пришед, требляхут путь пред нимъ и полаты рушаху, не ходя бо криво. И приидоша ко вдовицѣнѣ храминѣ. И вытекши вдовица, и взопи, глаголя, молящися Китоврасу: «Господине, вдовица есмь убога. Не оскорби мя!». Он же огнуся около угла, не соступяся с пути, и изломи си ребро. И рече: «Языкъ мякокъ кость ломить».[4] Ведом же сквозѣ торгъ, и слыша мужа, рекуща: «Не ли черви на 7 лѣт?» — и рассмѣяся Китоврасъ. И видѣ другаго мужа ворожаща, и посмѣяся. И видѣ свадбу играющу, и восплакася. И видяще мужа, на пути блудяща кромѣ пути, и наведе и на путь. И приведоша его въ дворъ царевъ.

В первом же дни не ведоша его к Соломону. И рече Китоврасъ: «Чему мя не зоветь к себѣ царь?» Рѣша ему: «Перепилъ есть вечеръ». Взя же Китоврась камень и положи на камени. И повѣдаша Соломону творение Китоврасово. И рече царь: «Велит ми пити питие на питье». Во другий же день не зва его к себѣ царь. И рече: «Чему не ведете мя ко царю и почто не вижю лица его?» И рѣша: «Немогаеть царь, имже вчера много ѣлъ». Сня же Китоврасъ камень с камени.

В 3 же день рѣша: «Зовет тя царь». Он же, умѣря прутъ четырехъ локотъ, и вниде пред царя, и поклонися, и поверже прутъ пред царемъ молча. Царь же мудростию своею протолкова прутъ боляромъ своимъ и рече: «Область ти далъ есть вселенную, и не насытился еси, изымалъ еси мене». И рече ему Соломонъ: «Не на потребу свою приведох тя, но на вопрос очертаний Святая Святых. Приведох тя по повелѣнию Господню, яко не повелѣно ми есть тесати камени желѣзом».

И рече Китоврасъ: «Есть ноготь птица[5] малъ во имя Шамиръ. Хранит же кокоть *дѣтьскыи*[6] во гнѣздѣ своемь на горѣ каменнѣй в пустыни далнѣй». Соломон же посла болярина своего с отрокы своими по наказанию Китоврасову ко гнѣзду. Китоврас же вда бѣлое сткло

болярину, наказа его съхранитися от гнѣзда: «Яко вылетитъ кокотъ, замажи стьклом симъ гнѣздо». Болярин же поиде ко гнѣзду; оли в нем птенци мали, кокот же бѣ летѣлъ по кормлю. И заложи стклом устие гнѣзду. Мало же постояша, и кокотъ прилетѣ, хотѣ влѣсти в гнѣздо. Куренци пискаху сквозѣ стькло, а онъ к нимъ не умѣетъ влести. Схранил бо бяше на нѣкакоемъ мѣстѣ, и принесе и къ гнѣзду, и положи на стѣклѣ, хотя и росадити. Они же кликоша, и упусти. И, вземъ, бояринъ принесе ко Соломону.

Бысть же Соломонъ вопрашая Китовраса: «Почто ся еси расмѣялъ, мужу прашащу черви на 7 лѣт?» — «Видѣхъ на немъ, — рече Китоврасъ, — яко не будеть до 7 дни живъ». Посла же царь испытати, и бысть тако. И рече Соломонъ: «Почто еси расмиялся, мужю ворожащу?» Отвѣща Китоврас и рече: «Онъ повѣдаше людем скровная, а самъ не вѣдя крова под собою со златом». И рече Соломонъ: «Шедше, испытайте». И испыташа, и бысть тако. И рече царь: «Почто еси плакалъ, видѣвъ свадбу?» И рече: «Съжалихси, яко жених той не будет живъ до 30 дни». И испыта же царь, и бысть тако. И рече царь: «Почто мужа пиана наведе на путь?» Отвѣща Китоврас и рече: «Слышах с небесе, яко вѣренъ есть муж той, а достоить послужити ему».

Бысть же у Соломона Китоврас до свершения Святая Святых.

Бысть егда нача молвити Соломонъ Китоврасу: «Нынѣ видѣх, яко сила ваша яко человѣческа, и нѣсть вашия силы болши нашия силы, и якоя и та». И рече ему Китоврас: «Царю, аще хощеши видѣти силу мою, да соими с мене уже, дай же ми жуковину свою с руки, да видиши силу мою». Соломон же сия с него у́же желѣзное и дасть ему жуковину. Он же пожре, и простре крило свое, и заверже, и удари Соломона, и заверже и́ на конець земля обѣтованныя. Увѣдаша же мудреци его и книжници, взыскаша Соломона.

Всегда же обхожааше страх Китоврашь в нощи. Царь же сътвори одръ и повелѣ стояти 60 отроком силным с мечи около. Потому же молвится в Писаних: «Одръ Соломонь, 60 отрокъ храбрых от израилтянъ и от страны нощны».[7]

Китоврас же, поидя в люди своа, вда Соломону мужа о дву голову. Обыче же ся житиемь у Соломона мужь тъй. Въпраша же его Соломон: «Которых людий еси ты? Человѣкъ ли еси ты, или бѣсъ?» Отвѣща он человѣкъ: «Азъ есми человѣкъ, живущих под землею».[8] И въпраша его царь: «Есть ли у вас солнце и луна?». Он же рече: «От запада вашего к намь въсходить солнце, а от востока вашего заходит. Егда убо у вас день, тогда у нас нощь. А егда у вас нощь, тогда у нас день». И вда ему царь жену. И родистася у него два сына: един о дву голову, а другый о единой главѣ. И бысть у отца их имѣниа много. И умре отець имъ. Рече двоголовый брату: «Дѣливѣ имѣние на головы». И рече менший брат: «Два есвѣ. Дѣливѣ имѣние на полы». И идоста на прю къ царю. И рече единоглавый къ царю: «Два есвѣ брата. Деливѣ имѣние на полы». Он же двоглавный рече къ царю: «Двѣ главѣ имамь, два жребиа и хощю взяти». Царь же мудростию своею повелѣ взяти оцта и рече: «Аще будета двѣ главѣ си разно тѣлом; да възлѣю оцта на едину главу: аще не очютит другаа глава, и тако двѣ чясти възмеши на двѣ главѣ. Аще ли очютить другая глава възлиание оцта, главы сиа единого тѣла обѣ. И единъ жребий имаши взяти». Бысть же възлиание оцта на главу едину, другаа вшерше. И рече царь: «Понеже едино тѣло еси, и единъ жребий възми». И тако расуди а царь Соломон.

И бысть царица Южьскаа иноплеменница именемь Малкатъшка.[9] Си прииде искушати Соломона гадками. И та бѣ мудра зѣло. И принесе ему дары: 20 капий злата,[10] и зелиа многа велми, и древеса негнѣющаа. Слышав же Соломон пришедшю царицю, сѣде на полатѣ стькла бѣлаго на помостех, хотя искушати ю. Она же видѣ, яко въ водѣ сѣдить царь, въздья порты своа противу к нему. Он же видѣвъ, яко красна есть лицемь, тѣло же ей бысть власато, яко щеть. Власы же онѣми она обадаше мужа, бывающаго с нею. Рече же Соломон мудрецемь своимъ: «Створите мовь кражму съ зелиемь, и помажите тѣло ея на опадение власомь». Хитреци же и книжници молвяхуть, яко съвъкуплятся есть с нею. Заченши же от него и иде в землю свою, и роди сынъ, и се бысть Навходоносоръ.

Се же бысть загадка ея к Соломону. Съвъкупила бяшет отрокы и дѣвкы малыа и облаченыа в порты едины, и рече царица царю: «По мудрости своей разбери, кое отрокы, кое ли дѣвкы». Царь по мудрости своей повелѣ, и принесоша овощь, и просыпаша пред ними. Отроци же начаша брати в пелены, а дѣвкы в рукавы. И рече Соломон: «Се отроци, а се дѣвкы». Она о семь подивися хитрости его.

На другый же день събравши отрокы обрѣзаныа и необрѣзаныа, и рече Соломону: «Разбери, кое обрѣзаныа, кое ли необрѣзаныа». Царь же повелѣ архиерееви внести вѣнець святый, на немже бѣ написано слово Господне, имже бысть Валамь уничиженъ от волхвованиа.[11] Отрочата же обрѣзанаа сташа, а необрѣзанаа припадоша пред вѣнцемь. Она же велми сему удивися.

Мудреци же ея загонуша хитрецемь Соломонемь: «Имамь кладязъ далече града. Мудростию своею угоните, чимь можемь и привести въ град?» Хитреци же Соломони, разумѣвше рѣчь, яко не может быти, и рѣша имъ: «Исплетите у́же отрупяно, а мы привлечемь кладязь вашь въ град».

И пакы загонуша мудреци ея: «Аще възрастеть нива ножи, чимь ю пожати можете?» Отвѣщаша и рѣша имъ: «Рогомь ослиимь». И рекоша мудреци ея: «Гдѣ убо у осла рога?» Они же рѣша: «А кдѣ нива родится ножи?»

Загонуша же еще: «Аще вългнѣется соль, чимь ю можете осолити?» Они же рѣша: «Ложе мьскы вземше, тѣм же посолити». И рѣша: «Да кдѣ мьска родить?» Они же рѣша: «Гдѣ ся соль съгнивает?»

Царица же видѣвши храмы созданы и брашна многа, и сѣдание отрокъ его, и стоание слугь его, и одѣние их, и питие, и жрътву, и еже жряше в дому Божии, и рече царица: «Истиннаа рѣчь, юже слышах в земли моей, уне мудрости твоеа. И не имях вѣры рѣчемь, дондеже приидох видѣста очи мои. Оли не сказано ми бысть ни половина. Но болозѣ мужемь твоимь, слышащим мудрости твоеа».

Царь же Соломон вда царици оной имя Малкатошка и все, еже просила. И иде в землю свою съ отрокы своими.

Въ дни Соломоня бысть мужь, имѣя 3 сыны. Умираа же, муж онъ призва к собѣ сыны своа и рече имъ: «Имѣю кровъ в земли. Томь мѣстѣ, — река, — 3 спуды стояща другь на друзѣ горѣ. А по смерти моей възми старѣиший връхнее, а середний середнее, а исподнее — менший». По

умртвии же отца их открыша сынове его кровъ онъ пред людми. И бысть верхнее полно злата, а среднее полно костий, а исподнее полно персти. Бысть же бо и сваръ въ братии оной, рекуще: «Ты ли еси сынъ, оже въземши злато, а вѣ не сына?» И идоша на прю къ Соломону. И расуди а Соломон: иже что златомь — то старѣйшему, а иже что скотомь и челядью — и то середнему, — по разуму костий; а иже что винограды и нивами и житомь — то меншему. И рече имъ: «Отець вашь был муж мудр, и раздѣлилъ вы зажива».

Се пакы идоша три мужи на путь свой, имуще чересы своа съ златомь. Ставше же суботовати в пустыни, смолвиша повѣтъ: «Съхранимь златомь на скупѣ: да аще будуть разбойници, да убѣжимъ, а оно будеть съхранено». Ископавше же ровъ, въскладоша вси чересы своа на скупь. И бысть в полнощи, яко упоста два друга, единъ же, имѣя мысль злу, въставь, перехорони чересы на ино мѣсто. И яко, отсуботовавше, идоша на мѣсто взяти чересы своа, и не обрѣтше, завопиша вси одино; он же, си лукавый, завопи велми боле обою. И възвратишася вси домови. И рѣша: «Поидемь к Соломону и скажемь пагубу нашю». И приидоша к Соломону и рѣша: «Не вѣмы, царю, звѣр ли взял, птица ли, ангелъ ли. Повѣжь намъ, царю». Он же рече имъ мудростию своею: «Обрящу вы заутра. Понеже аще путници есте, упрося прошю у вас, повѣжьте ми:

Бысть отрок обручивъ дѣвку красну, и вда ей жюковину вѣрную безъ увѣдениа отня и матерня. Отрокъ же онъ иде в землю ину и оженися тамо. Отець же дѣвку дасть замуж. И яко хотѣ отрокъ съвъкупитися с нею, завопи дѣвка, ркущи: “Въ стыдѣнии своемъ не повѣдала есмь отцю: аз бо есмь обручена онсяго. А убояся Бога, поиди къ обрученику моему на упросъ повелѣний его: да буду тобѣ жена по словеси его”. Въскрутя же ся отрок съ добыткомь многымь и с дѣвкою, иде тамо. И повелѣ ему: “Буди тобѣ жена, како то еси ю понял”. Отрокъ же рече к ней: “Възвративѣся опять и створивѣ свадбу изнова”. Идущема же има путемь въспять, усрѣте и́ насилникъ единъ съ отрокы своими, и яша и с дѣвкою и с добыткомь. Хотѣ же ей насилье створити разбойникъ онъ, и възопи дѣвка, и сказа разбойнику, яко ходила есть на упросъ, и не была есть с ним в постели. Подивова же ся разбойникъ и рече мужеви ея: “Поими жену свою и иди с добыткомь своимь”».

И рече Соломон: «Сказах вамъ дѣвку сию и отрока. Повежте ми вы, трие мужи, изгубившеи чересы своя: и кто есть лѣплий — отрок ли, или дѣвка, или разбойник?» Отвѣщавъ единъ и рече: «Дѣвка добра, оже повѣдала обручение свое». Другый рече: «Отрок добръ, оже терпѣл до повѣлѣниа». Третий рече: «Разбойникъ добръ лучи обою, оже възвратил

дѣвку, а самого пустилъ. А добытка было не дать». Тогда отвѣща Соломон: «Друже, охвотивъ еси на чюжий добыток. Ты еси взял чересы всѣ». Он же рече: «Царю господине, въистину тако есть. Не потаю тебе».

По семь же Соломон премудрый, хотя испытати смыслъ женьскый, призва боярина своего, имя ему Декиръ, и рече ему: «Милъ ми еси муж велми. И еще възлюблю тя паче, аще створиши волю мою: убий жену свою, и дамъ за тя дщерь свою лучшюю». Того же молви ему нѣпоколико дний. И не хотяше сего створити Декиръ. И пакы рече: «Створю волю твою, царю». Царь же вдасть ему меч свой, глаголя: «Егда уснет жена твоя, усѣкни ей главу, да не обласкаетъ тебе языкомь своимь». Шед же онъ, обрѣте жену свою спящу, и по сторон ей двое отрочят. Он же, видѣвь жену свою и дѣти своа спяща, и рече на сердци своемь: «Тако ударю в подружие мое мечемь, и разцвѣлю дѣти моя». Царь же възва и к собѣ и въпроси и, глаголя: «Створил ли еси волю мою еже ти бѣх сказал уне жены?» Рече же: «Не могох, господи мой царю, створити».

Посла же его царь на посолъ въ инъ град и, призвавъ жену его, и рече ей: «Любима ми еси въ всѣхъ женах велми. Оже ми створиши еже ти повелю, поставлю тя царицею. Заколи мужа своего спяща на постели, а се ти меч». Отвѣщавши жена и рече: «Рада, царю, како велиши». Соломонъ же, разумѣвь мудростию своею мужа ея, яко не хощет убити жены своеа, вдасть ему мечь остръ; и разумѣвь жену его, яко хощеть убити мужа своего, вда ен мечь прудянъ, зрящи, яко остр есть, глаголя: «Мечемь симь заколи мужа своего, на постели спяща ти». Она же положи на грудех мужю своему и потре и по горлу, мнящи, яко остръ есть. Он же ся въсхопи вборзѣ, мня, яко врази нѣкотории, и видѣвь, яко жена его держить меч. «Почто, — рече, — подружие мое, подума на мя убити мя?» Отвѣщавши жена мужю своему, рече: «Языкъ человѣческъ обласка мя, яко убити тя». Он же хотѣ съзвати люди, и разумѣ, яко научение Соломоне.

Соломонъ, слышавь, вписа въ Изборникъ стих сьй и рече: «Человѣка обрѣтох в тысящах, а жены въ свѣтѣ въ всѣмь не обрѣтох».[12]

Въ дни Соломоня бысть мужь богат въ Вавилонѣ, и не имяше дѣтей. Ужившю же ему половину дний своих, постави собѣ паробка въ сына мѣсто. И въскрутивь и с добыткомь, посла из Вавилона въ куплю. Он же, пришед въ Иерусалимь, ожирися ту. И бысть ту в боярех у Соломона, въсѣдающих на обѣдѣ у царя.

В то же время у господина его родися сынъ дома. И бысть отрочя 13 лѣт, и преставися отець его. И рече ему мати его: «Сыну, слышах о холопѣ отца твоего, яко ожирился есть въ Иерусалимѣ. Иди и взищи его». И прииде въ Иерусалимъ, и въпраша о имени мужа, холопа оного. А бяше нарочитъ велми. И повѣдаша ему, яко у Соломона на обѣдѣ. И внидѣ отрочя в полату цареву, и рече: «Кто есть онсий бояринъ?» И отвѣща онъ, и рече: «Азъ есмь». Приступив же, отрочя удари и по лицю и рече: «Холопъ еси мой! Не бояри, сѣдя, но поиди работати! И вдаж ми добытокъ!» И разгнѣвася царь, и бысть ему жаль. Отвѣща отрочя к Соломону и рече: «Аще не будеть, царю, сей холопъ отца моего и мой, да за ударение руку моею вдасть ми ся мечь потяти мя». Отвѣща ударений и рече: «Азъ есмь господичичь, а се паробокь отца моего и мой. Имам послухы в Вавилонѣ». И рече царь: «Не имамъ вѣры яти послухомь, но да послю посол мой въ Вавилон, и тамо да възмет кость плесную от гроба его, и та ми повѣсть, кое будеть сынъ, кое ли паробокъ. А вы стоита сдѣ». Посла же царь посолъ свой вѣрный, и принесе кость плечную. По мудрости же своей царь повелѣ измыти кость чисто, посади же боярина своего пред собою и вси мудреци, бояре и книжници, глаголаху умѣющему кровь пущати: «Пусти кровь боярину сему». И створи ему тако. И повѣлѣ царь вложити кость в теплу кровь. Раздрѣшение рѣчи повѣдаа бояромь своимь и рече: «Аще будеть сынъ его, и прилнеть кровь его къ кости отни. Аще ли не прилнеть, то рабъ». И выняша кость из крови, и бѣ кость бѣла, якоже и первое. Повелѣ же царь кровь пустити отрочятѣ въ инъ съсуд. И, измывьше кость, вложиша въ кровь отрочате. И наяся кость крови. И рече царь бояромь своимь: «Видите своима очима, яко повѣдаетъ кость си: “Сей есть сынъ мой, а оно — рабъ”». И тако разсуди а царь.

По семь же нача молвити Соломон бояромь своимь: «Бысть Адарианъ царь, и повелѣ бояромь своимъ звати ся Богомь. И не въсхотѣвше, бояре его рѣша: “Царь нашь! Мниши ли въ сердци своемь, яко не было Бога преже тебе? Аще прозовем тя вышнимь царемь въ царихь, егдаже примеши вышний Иерусалимъ и Святая святых”. Он же, причинився с вои многыми, и, шед, прия Иерусалимъ, и възвратився вспять, рече имъ: “Якоже Богъ велить и речеть, такоже и створить, такоже и азъ створих. Нынѣ взовите мя Богомъ”. Имяше же три философы. Отвѣща ему первый, рече: “Аще хощеши възватися Богомь, да нѣсть възватися боярину въ царевѣ полатѣ царемь, а не выступить вонъ. Тако и ты, аще

хощеши възватися Богомь, да выступи изъ всея вселеныя и тамо взовися Богомь”.

И рече другый: “Не можеши ты възватися Богомь”. И рече царь: “Чему?” Он же рече: “Глаголеть Иеремѣя пророкъ: «Бози, не створше небесе и земля, да погыбнуть».[13] Аще хощеши погыбнути, царю, то взовися Богомъ”.

И рече третий: “Господине мой царю! Помози ми в часъ сий въскорѣ!” И рече царь: “Что ти есть?” И рече философ, яко: “Лодья моя за треми верстами хощеть погрязнути, а все имѣние мое в ней”. И рече царь: “Не бойся. Послю люди, и приведуть ю”. И рече философ: “Чему, царю, трудиши люди своя? Посли вѣтръ тих, да спасеть ю”. Он же, разумѣвъ, помолче нелюбиемь и иде в полату къ царици своей.

И рече царица: “Философи съблазниша тя, царю: рѣша ти, яко не можеши зватися Богомь”. Хотѣвши же ему утѣшение дати по печали той, рече: “Ты еси царь, ты еси богат, ты достоинъ чести великиа. Створи, — рече, — едино, и тогда взовися Богомь”. И рече царь: “Которую?” И рече царица: “Поклад Божий, еже имаши у себе, възврати”. Он же рече: “Который поклад?” Царица же рече: “Възврати душю твою, юже ти дал Богъ в тѣло твое, и тогда взовися Богомъ”. Он же рече: “Аще не будеть души въ мнѣ и в тѣлѣ моемь, како взовуся Богомъ?” Царица же рече ему: “Да аще душею своею не обладаеши, то ни Богомь можеши ся прозвати”».

И царь Соломон поча просити царевны за себе. И не даша за него. И рече Соломон бѣсом: «Идите и възмите царицу ту, и приведите ю къ мнѣ». Бѣси же, шедше, похытиша ю на переходѣ, идущу ис полаты от матери, и всадиша ю в сандалъ, и помчаша ю по морю.

И видѣ царица, оже мужь воду пиетъ, а из тыла ему вода опять идеть вонъ. Она же рече: «Повѣжте ми, что се есть». Они же рѣша: «Тотъ ти повѣсть, къ кому тя ведемь». И переѣхаша голомя, оже мужь, въ водѣ бродя, воды просит, а волны пошибают и. И рече царица: «Немилыи мои просатаеве, а се ми повѣжте: мужь сьй, въ водѣ бродя, воды просит?» Они же рѣша: «Тотъ ти повѣсть, къ кому тя ведемь». И переѣхаша зрѣмя, оже мужь сѣно жать течеть, а два козла, за нимь ходя, поядають

траву: он же что усѣчеть, а они поядять. И рече царица: «Повѣжте ми, немилыи мои просатаеве, повѣжте ми: жаль ли тѣма козлома ѣсти траву, в сѣно не сѣчену?» Рѣша же ей бѣси: «Тотъ ти повѣсть, къ кому тя ведемь».

И примчаша ю под град. И пришед, единъ бѣсъ повѣда Соломону царю: «Привели есме невѣсту тобѣ». И царь, всѣд на конь, выѣха на брегъ. И рече ему царевна: «Уже твоа есмь, царю. Но се ми повѣжь: оже мужь пьяша воду, а из тыла ему опять идет вонъ». Он же рече: «Но чему ты ся сему дивиши? То ти есть домъ царевъ: сюда внидет, а сюда изыдет». И рече царица: «И се ми еще повѣжь, что се есть: мужь единъ, въ воде бродя, воды просит, а волны пошибаують и?» И рече Соломонъ: «О невѣсто! Чему ся ты сему дивиши, невѣсто? То ти есть тиунъ царевъ: тяжу судить, а другой ищеть, абы ему чимь царю добро сердце створити». — «Но се ми еще повѣж: муж сѣно жати сѣчет, а что усѣчеть, и два козла, за ним ходяща, поѣдають. Жаль ми бяше тѣма козлома влѣзши же в сѣно, ѣсти траву несѣчену». И рече царь: «Невѣсто! Чему ты ся дивиши! Оже мужь поиметь другую жену съ чюжими дѣтми, то что устражеть, а они снѣдять. А собѣ ему нѣсть ничтоже. Нынѣ же поиди, невѣсто, в мою полату».

И тако бысть ему жена.

---

[1] *...яко смыслъ Божий бѣ в немь творити суд и оправданиа.* — Рассказ о двух блудницах включен также в канонический текст Библии. См. 3 Цар. 3, 16—28.

[2] *Святая Святых* — внутренняя часть Иерусалимского храма, построенного царем Соломоном; здесь речь идет о самом храме.

[3] *«Ты еси вино, веселящее сердце человѣком»...* — Ср. Пс. 103, 15.

[4] *«Языкъ мякокъ кость ломить».* — Притч. 25, 15.

[5] *Ноготь птица.* — Правильное чтение *птичь* сохранилось в большинстве других списков, еврейское слово *шамир* значит «алмаз». Выражением *алмазный коготь* (*сипорен шамир*) в Иерем. 17. 1 обозначено орудие для резьбы или изготовления надписей на камне. Именно такого рода орудие было необходимо для обтесывания камней при строительстве Храма в эпоху, когда не знали употребления железа.

[6] *Кокоть дѣтьскыи* — буквально переводит арамейское выражение *тарн'гола бар* «полевой петух». Переводчик спутал два значения слова *бар*: 1) «поле», 2) «сын».

[7] *«Одръ Соломонь, 60 отрокъ... от страны нощны».* — Ср. Песнь. 3, 7.

[8] *...живущих под землею* — т. е. на противоположной стороне земли. Из дальнейшего видно, что речь идет об антиподах и о признании шарообразности земли.

[9] *Малкатъшка* (по другим спискам точнее *малкатошва*). — Еврейское выражение *м'лекет ш'ва* значит «царица Савская». Именно о ней идет речь в данном эпизоде. Ср. 3 Цар. 10, 1—10.

[10] *...20 капий злата...* — Капь — древнерусская единица веса.

[11] *...Валамь уничиженъ от волхованиа.* — Согласно библейской Книге Чисел, волшебник Валаам был вызван в Палестину царем моавитян Валаком, чтобы предать проклятию пришедший из Египта и грозящий ему завоеванием еврейский народ; но вместо того, чтобы проклясть, Валаам по велению Бога благословил израильтян (ср. Чис. 22, 12).

[12] *...«Человѣка обрѣтох в тысящах ... не обрѣтох».* — Ек. 7, 28.

[13] *Бози, не створше ... да погыбнуть».* — Иер. 10, 11.

ПЕРЕВОД

О ДВУХ БЛУДНИЦАХ

(...) И в то время устроил Соломон большой пир своим людям. Тогда предстали пред царем две женщины-блудницы, и сказала одна женщина: «Я в беде, господин мой. Я и эта подруга моя — мы живем в одном доме, в котором обе и родились. У меня родился сын. А на третий день после того, как я родила, и эта женщина родила сына. Живем же мы только вдвоем, и никого нет с нами в нашем доме. Этой ночью сын этой женщины умер, потому что она заспала его. И вот, встав среди ночи, она взяла с моей руки моего мальчика и положила его спать на свое ложе, а своего умершего мальчика положила ко мне. Я встала утром покормить младенца и нашла его мертвым. Тут я и разобралась, что это не мой сын, которого я родила». А другая женщина сказала: «Нет, мой сын живой, а это твой умер». И спорили они перед царем.

И сказал им царь: «Значит, ты говоришь так: “Это мой сын живой, а ее мертвый”, — а она говорит: “Нет, мой сын живой, а твой умер”». И сказал царь слугам: «Разрубите этого живого мальчика пополам и отдайте половину его этой, а половину той. И мертвого тоже, разрубив, дайте половину его этой, а половину той».

И ответила женщина, сын которой был жив, ибо в смятение пришла душа ее из-за сына ее, и сказала: «Пусть я буду в беде, господин мой. Отдайте ей этого мальчика, не умерщвляйте его». А другая женщина сказала: «Пусть не будет ни мне, ни ей! Разрубите его надвое». Царь в ответ сказал: «Отдайте ребенка живым женщине, сказавшей: “Отдайте ей, а не умерщвляйте его”. Отдайте его ей, ибо она — его мать».

Услышал Израиль об этом суде, которым судил царь, и убоялись все лица царева, ибо поняли, что ему дан смысл Божий творить суд и правду.

О ПОМОЩИ ФАРАОНА

Соломон взял в жены дочь фараона, когда строил Святая Святых. И отправил он посла своего к нему со словами: «Тесть мой! Пришли мне помощь». А тот выбрал шестьсот человек, узнав чрез астрологию, что им предстоит умереть в том году, — хотел проверить мудрость Соломона. Когда же их привели к Соломону, тот увидел их издали и повелел сшить всем им саваны. Приставил он к ним посла своего и отправил к фараону, сказав: «Тесть мой! Если тебе не в чем погребать своих мертвецов, так вот тебе одеяния. У себя же их погреби».

СКАЗАНИЕ О ТОМ, КАК БЫЛ ВЗЯТ КИТОВРАС СОЛОМОНОМ

Когда Соломон строил Святая Святых, то понадобилось ему задать вопрос Китоврасу. Донесли ему, где тот живет, сказали — в пустыне дальней. Тогда мудрый Соломон задумал сковать железную цепь и железный обруч, а на нем написал заклятие именем Божиим, и послал первого из своих бояр со слугами, и велел везти вино и мед, и взяли с собой овечьи шкуры. Пришли к жилью Китовраса, к трем колодцам его, но не было его там. И по указанию Соломона влили в те колодцы вино и мед, а сверху накрыли колодцы овечьими шкурами. В два колодца налили вино, а в третий мед. Сами же, спрятавшись, смотрели из тайника, когда придет он пить воду к колодцам. И скоро пришел он, приник к воде, начал пить и сказал: «Всякий, пьющий вино, мудрее не делается». Но расхотелось ему пить воду, и он сказал: «Ты — вино, веселящее людям сердце», — и выпил все три колодца. И захотел поспать немного, и разобрало его вино, и он уснул крепко. Боярин же, подойдя, крепко сковал его по шее, по рукам и по ногам. И, проснувшись, хотел он рвануться. А боярин ему сказал: «Господин,

Соломон имя Господне с заклятием написал на веригах, которые теперь на тебе». Он же, увидев их на себе, кротко пошел в Иерусалим к царю.

Нрав же его был такой. Не ходил он путем кривым, но — только прямым. И когда пришли в Иерусалим, расчищали перед ним путь и дома рушили, ибо не ходил он в обход. И подошли к дому вдовы. И, выбежав, вдова закричала, умоляя Китовраса: «Господин, я вдова убогая. Не обижай меня!» Он же изогнулся около угла, не соступясь с пути, и сломал себе ребро. И сказал: «Мягкий язык кость ломает». Когда же вели его через торг, то, слыша, как один человек говорил: «Нет ли башмаков на семь лет?» — Китоврас рассмеялся. И, увидев другого человека, ворожащего, засмеялся. А увидев свадьбу справляемую, заплакал. Увидев же на пути человека, блуждающего без дороги, он направил его на дорогу. И привели его до двор царев.

В первый день не повели его к Соломону. И сказал Китоврас: «Почему меня не зовет к себе царь?» Сказали ему: «Перепил он вчера». Китоврас же взял камень и положил на другой камень. Соломону рассказали, как поступил Китоврас. И сказал царь: «Велит мне пить питье на питье». И на другой день не позвал его к себе царь. И Китоврас спросил: «Почему не ведете меня к царю и почему я не вижу лица его?» И сказали: «Недомогает царь, оттого что вчера много ел». Тогда снял Китоврас камень с камня.

На третий же день сказали: «Зовет тебя царь». Он же измерил прут в четыре локтя, вошел к царю, поклонился и молча бросил прут перед царем. Царь же по мудрости своей разъяснил боярам своим, что означает прут, и поведал: «Бог дал тебе во владение вселенную, а ты не насытился, поймал и меня». И сказал ему Соломон: «Не по прихоти своей привел я тебя, но чтобы спросить, как строить Святая Святых. Привел тебя по повелению Господню, так как не позволено мне тесать камни железом».

И сказал Китоврас: «Есть малый птичий ноготь по имени Шамир. Хранит его полевой петух в гнезде своем на горе каменной в пустыне дальней». Соломон же послал боярина своего со слугами своими, по указанию Китовраса, ко гнезду. А Китоврас дал боярину прозрачное стекло и наказал ему спрятаться у гнезда: «Когда вылетит кокот, закрой стеклом этим гнездо». Боярин пошел к гнезду; а в нем — птенцы маленькие, кокот же улетел за кормом. И он заложил стеклом устье гнезда. Немного подождали, и кокот прилетел, захотел влезть в гнездо. Птенцы пищат сквозь стекло, а он к ним не может попасть. Хранил он Шамир на некоем месте, и принес к гнезду, и положил на стекле, хотя

его рассадить. Тогда люди крикнули, и он выпустил. И, взяв, боярин принес к Соломону.

Потом спросил Соломон Китовраса: «Почему ты рассмеялся, когда человек спрашивал башмаки на семь лет?» — «Видел по нему, — ответил Китоврас, — что не проживет и семи дней». Послал царь проверить, и оказалось так. И спросил Соломон: «Почему ты рассмеялся, когда человек ворожил?» Отвечал Китоврас: «Он рассказывал людям о тайном, а сам не знал, что под ним — клад с золотом». И сказал Соломон: «Пойдите и проверьте». Проверили, и оказалось так. И спросил царь: «Почему плакал, увидев свадьбу?» Китоврас ответил: «Опечалился, потому что жених тот не проживет и тридцати дней». Проверил царь, и оказалось так. И спросил царь: «Зачем пьяного человека вывел на дорогу?» Ответил Китоврас: «Слышал я с небес, что добродетелен тот человек и следует ему послужить».

Пробыл Китоврас у Соломона до завершения Святая Святых.

Однажды сказал Соломон Китоврасу: «Теперь я видел, что ваша сила — как и человеческая, и не больше нашей силы, но такая же». И сказал ему Китоврас: «Царь, если хочешь увидеть, какая у меня сила, сними с меня цепи и дай мне свой перстень с руки, тогда увидишь мою силу». Соломон же снял с него железную цепь и дал ему перстень. А тот проглотил перстень, простер крыло свое, размахнулся и ударил Соломона, и забросил его на край земли обетованной. Узнали об этом мудрецы и книжники и разыскали Соломона.

Всегда охватывал Соломона страх к Китоврасу по ночам. И царь соорудил ложе и повелел шестидесяти сильным юношам стоять кругом с мечами. Потому и говорится в Писаниях: «Ложе Соломона, шестьдесят юношей храбрых из израильтян и из стран северных».

О ДВУГЛАВОМ МУЖЕ И ЕГО ДЕТЯХ

Китоврас же, уходя к своему народу, подарил Соломону человека с двумя головами. Прижился тот человек у Соломона. Спрашивал его Соломон: «Ты из каких людей? Ты человек или бес?» Человек отвечал: «Я — из людей, живущих под землей». И спросил его царь: «Есть ли у вас солнце и луна?» Тот сказал: «От вашего запада солнце восходит к

нам, а на вашем востоке заходит. Так что когда у вас день, тогда у нас ночь. А когда у вас ночь, тогда у нас день». И дал ему царь жену. И родились у него два сына: один с двумя головами, а другой с одной. А у их отца было много добра. И умер их отец. Двухголовый сказал брату: «Поделим имущество по головам». А меньший брат сказал: «Нас двое. Поделим имение пополам». И пошли на суд к царю. Одноголовый сказал царю: «Нас два брата. Мы должны поделить имущество пополам». А тот, двухголовый, сказал царю: «У меня две головы, и я хочу взять две доли». Царь же по мудрости своей повелел подать уксус и сказал: «Разве эти две головы от разных тел; полью-ка я уксуса на одну голову: если не ощутит другая голова, две доли возьмешь на две головы. А если ощутит другая голова льющийся уксус, значит, обе эти головы от одного тела. Тогда одну долю возьмешь». И когда полился уксус на одну голову, другая заверещала. И сказал царь: «Раз у тебя одно тело, одну долю возьмешь». Так рассудил их царь Соломон.

ЗАГАДКИ МАЛКАТОШКИ

Была Южская царица иноплеменница по имени Малкатошка. Пришла она испытать Соломона загадками. Была же она очень мудрой. И принесла ему дары: двадцать капий золота, очень много зелий и дерева негниющего. Соломон же, услышав о приходе царицы, сел в зале с полом из прозрачного стекла на помосте, желая испытать ее. А она, видя, что царь сидит в воде, подобрала свои одежды перед ним. И он увидел, что она прекрасна лицом, тело же ее волосато, как щетка. Волосами этими она привораживала мужчин, бывавших с нею. Соломон же сказал мудрецам своим: «Приготовьте баню и мазь с зелием и помажьте ее тело, чтобы выпали волосы». А мудрецы и книжники сказали ему, чтобы он сошелся с нею. Зачав от него, она пошла в свою землю и родила сына, и это был Навуходоносор.

Вот какая была загадка ее к Соломону. Она собрала мальчиков и девочек, одетых в одинаковые одежды, и сказала царю: «Разбери по своей мудрости, которые мальчики, а которые девочки». Царь по своей мудрости велел принести плоды, и высыпали их перед ними. Мальчики стали подбирать в полы одежд, а девочки в рукава. И сказал Соломон: «Это мальчики, а это — девочки». Она из-за этого подивилась его хитрости.

На другой день она собрала отроков обрезанных и необрезанных и сказала Соломону: «Разбери, которые обрезанные, а которые необрезанные». Царь же повелел архиерею внести святой венец, на котором было написано слово Господне, которым Валаам был отвращен

от волхвования. Обрезанные отроки встали, а необрезанные пали перед венцом. Она же этому очень удивилась.

Загадали мудрецы ее хитрецам Соломона: «Есть у нас колодец вдали от города. Мудростью своей угадайте, чем можно перетащить его в город?» Хитрецы же Соломоновы, поняв, что этого не может быть, сказали им: «Сплетите из отрубей веревку, а мы перетащим колодец ваш в город».

И снова загадали ее мудрецы: «Если нива порастет ножами, чем пожать ее сможете?» Им ответили: «Ослиным рогом». И сказали мудрецы ее: «Где у осла рога?» Они же ответили: «А где нива родит ножи?»

Загадали и еще: «Если загниет соль, чем сможете ее посолить?» Они же сказали: «Утробу мула взяв, ею надо посолить». И сказали: «Да где мул рожает?» Они же ответили: «Где соль гниет?»

Царица же, увидев хоромы созданные, и еды множество, и как сидят люди его, и как стоят слуги его, и одеяния их, и питие, и жертвы, которые они приносили в дом Божий, сказала: «Истинна речь, которую я слышала в земле моей о мудрости твоей. И не имела я веры речам, пока не пришла и не увидела своими глазами. Оказывается, не было сказано мне и половины. Благо мужам твоим, слышащим мудрость твою».

Царь же Соломон дал этой царице имя Малкатошка и все, что она просила. И она пошла в землю свою со своими людьми.

О НАСЛЕДСТВЕ ТРЕХ БРАТЬЕВ

В дни Соломона жил человек, имевший трех сыновей. Умирая, человек этот призвал их к себе и сказал им: «У меня есть клад в земле. В том месте, — сказал, — три сосуда стоят друг на друге. После моей смерти старший пусть возьмет верхний, средний — средний, а меньший — нижний». После смерти отца открыли сыновья его этот клад в присутствии людей. И оказалось в верхнем сосуде полно золота, в среднем полно костей, а в нижнем полно земли. Стали ссориться эти братья, говоря: «Ты — сын, раз возьмешь золото, а мы — не сыновья?» И

пошли на суд к Соломону. И рассудил их Соломон: что есть золота — то старшему, что скота и слуг — то среднему, — судя по костям; а что виноградников, нив и хлеба — то меньшему. И сказал им: «Отец ваш был умный человек и разделил вас при жизни».

О ТРЕХ ПУТНИКАХ

Шли однажды три человека своим путем, неся в поясах своих золото. Остановившись для субботнего отдыха в пустынном месте, они посовещались и решили: «Спрячем золото в тайнике: если нападут разбойники, мы убежим, а оно будет сохранено». Выкопав яму, все они положили свои пояса в тайник. Среди ночи же, когда два друга уснули, третий, питая злую мысль, встал и перепрятал пояса в другое место. И когда они, отдохнув, пришли к тайнику, чтобы взять свои пояса, то, не найдя их, закричали они все разом; злодей же тот завопил гораздо громче обоих других. И возвратились все домой. И сказали: «Пойдем к Соломону и расскажем ему о нашей беде». И пришли к Соломону, и сказали: «Не знаем, царь, зверь ли взял, птица ли или ангел. Объясни нам, царь». Он же по мудрости своей сказал им: «Найду вас завтра. Но раз вы путники, очень прошу вас, растолкуйте мне:

Некий юноша, обручившись с красивой девушкой, подарил ей обручальное кольцо без ведома ее отца и матери. Этот юноша пошел в другую землю и там женился. А отец выдал девушку замуж. И когда захотел жених совокупиться с ней, девушка закричала и сказала: “От стыда я не сказала отцу, что обручена с другим. Побойся Бога, пойди к обручнику моему, спроси у него разрешения: пусть я буду тебе женой по слову его”. Собрался юноша и, взяв много добра и девушку, пошел туда. И тот разрешил ему: “Пусть она будет тебе женой, раз уж ты ее взял”. Жених и говорит ей: “Возвратимся назад и устроим свадьбу снова”. А когда они шли домой назад, им повстречался некий насильник со своими людьми и захватил его и с девушкой, и с добром. И захотел этот разбойник насилье сотворить над девушкой, а она закричала и рассказала разбойнику, что ходила за разрешением и не была еще со своим мужем в постели. Удивился разбойник и сказал ее мужу: “Возьми жену свою и иди со своим добром”».

И сказал Соломон: «Я рассказал вам про этих девушку и юношу. Скажите теперь мне вы, люди, потерявшие свои пояса: кто лучше — юноша ли, или девушка, или разбойник?» Один в ответ сказал: «Девушка хороша, потому что рассказала о своем обручении». Другой сказал: «Юноша хорош, потому что подождал до разрешения». Третий сказал: «Разбойник лучше всех, потому что возвратил девушку и самого отпустил. А добра не надо было отдавать». Тогда сказал в ответ

Соломон: «Друг, ты охоч на чужое добро. Ты взял все пояса». Тот же сказал: «Царь-господин, воистину так и есть. Не утаюсь от тебя».

О СМЫСЛЕ ЖЕНСКОМ

А потом Соломон премудрый, желая испытать смысл женский, призвал боярина своего, по имени Декир, и сказал ему: «Ты мне очень нравишься. И еще больше полюблю тебя, если ты выполнишь мое желание: убей жену свою, и я отдам за тебя дочь свою лучшую». То же самое сказал ему через несколько дней. И не хотел сделать это Декир. И наконец сказал: «Я выполню волю твою, царь». Царь же дал ему меч свой со словами: «Отруби голову жене своей, когда она уснет, чтобы не отговорила она тебя речами своими». Тот пошел, нашел жену свою спящей, а по сторонам ее двое детей. И он, посмотрев на жену свою и на своих детей спящих, сказал в сердце своем: «Если так ударю подругу мою мечом, то огорчу детей моих». Царь же позвал его к себе и спросил его, говоря: «Выполнил ли ты волю мою относительно твоей жены?» Тот ответил: «Не смог я, господин мой царь, выполнить».

Царь же отправил его послом в другой город и, призвав жену его, сказал ей: «Ты нравишься мне гораздо больше всех женщин. Если ты сделаешь, что я тебе повелю, поставлю тебя царицею. Заколи мужа своего, спящего на постели, а это тебе — меч». В ответ жена сказала: «Я рада, царь, что ты так велишь». Соломон же, понимая мудростью своею ее мужа, — что тот не хочет убить жену свою, — давал ему меч острый; и понимая жену его, — что она хочет убить мужа своего, дал ей меч тупой, сделав вид, что он острый, говоря: «Мечом этим заколи мужа своего, спящего на постели твоей». Она же положила меч на грудь мужу своему и стала водить им по его горлу, думая, что он острый. А тот быстро вскочил, полагая, что напали какие-то враги, и увидев, что жена его держит меч, «почему, — сказал, — подруга моя, ты надумала убить меня?» В ответ мужу своему жена сказала: «Язык человеческий убедил меня, чтобы я убила тебя». Он же хотел позвать людей и тут понял, что научил ее Соломон.

Соломон, услышав об этом, вписал в Сборник этот стих, сказав: «Человека нашел одного среди тысяч, а женщины во всем свете не нашел».

О СЛУГЕ И СЫНЕ

В дни Соломона был в Вавилоне богатый человек, но не было у него детей. Прожив половину дней своих, он усыновил мальчика-слугу. И, снарядив, послал его с добром из Вавилона по торговым делам. Тот же, придя в Иерусалим, там разжился. И попал в число бояр Соломона, восседающих на обеде у царя.

А тем временем у господина его дома родился сын. И когда исполнилось отроку тринадцать лет, отец его умер. И сказала ему его мать: «Сын, я слышала о холопе отца твоего, что он разжился в Иерусалиме. Пойди и найди его». Тот пришел в Иерусалим и спросил о человеке по имени, какое было у этого слуги. А тот был очень известен. Ему сказали, что он у Соломона на обеде. И вошел отрок в царский зал, и спросил: «Кто здесь такой-то боярин?» Тот в ответ сказал: «Это я». Подойдя, отрок ударил его по лицу и сказал: «Ты — мой холоп! Не боярствуй, сидя, а иди работать! И отдай мне мое добро!» И разгневался царь, и стало ему досадно. Обратившись к Соломону, отрок сказал: «Если не будет, царь, этот холоп отца моего моим, то за то, что я ударил его своей рукой, я получу удар мечом, который меня убьет». Ударенный в свою очередь сказал: «Я — господский сын, а это — слуга отца моего и мой. У меня есть свидетели в Вавилоне». Царь сказал: «Я не поверю свидетелям, лучше отправлю посла моего в Вавилон — пусть он там возьмет плечевую кость из гроба отца, и та мне поведает, кто из вас сын, а кто слуга. А вы будьте тут». И царь послал своего доверенного посла, и тот принес плечевую кость. По мудрости своей царь повелел чисто вымыть кость, посадил боярина своего и всех мудрецов, бояр и книжников перед собой и сказал человеку, умеющему пускать кровь: «Пусти кровь этому боярину». Тот это сделал. Тогда царь велел положить кость в теплую кровь. Смысл повеления он объяснил своим боярам, сказав: «Если это его сын, то кровь его прильнет к кости отца. Если же не прильнет, то — раб». И вынули кость из крови, и была кость белой, как и прежде. Тогда повелел царь в другой сосуд пустить кровь отрока. И, вымыв кость, положили ее в кровь юноши. И напиталась кость кровью. И сказал царь своим боярам: «Видите своими глазами, что говорит эта кость: “Вот этот — мой сын, а тот — раб”». Так рассудил их царь.

О ЦАРЕ АДАРИАНЕ

После этого начал Соломон говорить боярам своим: «Был Адариан-царь, и он повелел боярам своим звать его Богом. И, не захотев, бояре его сказали: “Царь наш! Думаешь ли ты в сердце своем, что не было Бога прежде тебя? Мы будем звать тебя высшим царем среди царей, если ты возьмешь вышний Иерусалим и Святая Святых”. Он же, собравшись с воинами многими, пошел, и взял Иерусалим, и возвратился назад, и сказал им: “Подобно тому как Бог, что повелит и скажет, то и сделает, — так и я сделал. Теперь называйте меня Богом”. Было же у него три

философа. Ответил ему первый, сказав: “Если хочешь зваться Богом, учти: не может боярин называться царем, находясь в царском дворце, — пока не выйдет наружу. Так и ты, если хочешь зваться Богом, выйди из всей вселенной и там называйся Богом”.

А другой сказал: “Не можешь ты называться Богом”. Царь спросил: “Почему?” Тот ответил: “Говорит Иеремия-пророк: «Боги, не сотворившие неба и земли, да погибнут». Если хочешь погибнуть, царь, называйся Богом”.

А третий сказал: “Господин мой царь! Помоги мне скорее!” Царь спросил: “Что с тобой?” И сказал философ: “Лодка моя в трех верстах отсюда готова потонуть, а все добро мое в ней”. И царь сказал: “Не бойся. Пошлю людей, и они приведут ее”. А философ сказал: “Зачем тебе, царь, утруждать людей своих? Пошли тихий ветер, пусть он спасет ее”. Тот же, поняв, промолчал недовольно и пошел в покой к своей царице.

И сказала царица: “Философы обманули тебя, царь, сказав тебе, что не можешь зваться Богом”. Желая же утешить его в той печали, она сказала: “Ты — царь, ты богат, ты достоин великой чести. Сделай, — сказала, — одну вещь, и тогда зовись Богом”. Царь спросил: “Какую же?” И царица ответила: “Имущество Божие, которое у тебя, возврати”. Он спросил: “Какое имущество?” Царица же сказала: “Возврати душу твою, которую вложил Бог в тело твое, и тогда зовись Богом”. Он возразил: “Если не будет души во мне, в теле моем, как назовусь я Богом?” Царица же сказала ему: “Если ты душой своей не владеешь, то и Богом не можешь прозываться”».

О ПОХИЩЕННОЙ ЦАРЕВНЕ

Царь Соломон просил царевну за себя. И не отдали ее за него. Тогда Соломон сказал бесам: «Идите, и возьмите царевну ту, и приведите ее ко мне». И бесы, пойдя, похитили ее на переходе, когда она шла из покоев матери, посадили ее в судно и помчали по морю.

И вот увидела царевна, что человек воду пьет, а сзади у него вода выходит вон. Она попросила: «Объясните мне, что это такое». А бесы сказали: «Тот тебе объяснит, к кому тебя везем». Едут дальше и видят — человек, в воде бродя, воды просит, а волны его сбивают. И сказала

царевна: «Немилые мои сваты, а это мне объясните: почему тот человек, в воде бродя, воды просит?» А они сказали: «Тот тебе объяснит, к кому тебя везем». И еще проехали, и видят — человек жнет сено, идет, а два козла, за ним идя, траву поедают: что он срежет, то они съедают. И сказала царевна: «Объясните мне, немилые мои сваты, объясните мне: почему бы тем козлам не есть траву несрезанную?» А бесы ей сказали: «Тот тебе объяснит, к кому тебя везем».

И примчали ее к городу. Один бес пошел и поведал Соломону-царю: «Привели невесту тебе». Царь же, сев на коня, выехал на берег. И сказала ему царевна: «Нынче я твоя, царь. Но вот что мне объясни: человек пил воду, а сзади у него она выходила вон». Царь сказал: «Почему ты этому удивляешься? Ведь это дом царский: сюда входит, отсюда выходит». И спросила царевна: «И вот еще объясни мне, что это такое: один человек, в воде бродя, воды просит, а волны сбивают его?» Соломон ответил: «О невеста! Почему ты этому удивляешься, невеста? Это ведь слуга царев: он одну тяжбу судит, а другой тяжбы ищет, чтобы царево сердце сделать добрым». — «И вот что мне еще объясни: человек траву срезает, а что срежет, то два козла, за ним идя, поедают. Почему бы тем козлам, влезшим в сено, не есть траву несрезанную?» И сказал царь: «Невеста! Чему ты удивляешься! Если человек возьмет другую жену с чужими детьми, то что он наработает, то они съедят. А для себя у него ничего нет. А теперь иди, невеста, в мой покой».

Так она и стала его женой.

ВИДЕНИЕ ПРОРОКА ИСАЙИ

Подготовка текста, перевод и комментарии М. В. Рождественской

ВСТУПЛЕНИЕ

Это апокрифическое сочинение связывают с кругом памятников письменности Кумрана, найденных на берегу Мертвого моря в 1947 г. Полный греческий текст его не сохранился, известны лишь фрагменты V—VI вв. и переработка, сделанная в XII в. (греческая легенда). Кроме того, «Видение Исайи» известно в коптском фрагменте IV в. и в латинских фрагментах V—VI вв. Славянский текст «Видения» является переводом с греческого, он был известен древнерусским книжникам уже по Индексу отреченных книг, вошедшему в «Изборник 1073 г.». Как предполагают исследователи, в основе «Видения Исайи» лежит более обширное апокрифическое сочинение «Вознесение Исайи», содержащее 11 глав, в котором главы с 6-й по 11-ю составляют

собственно «Видение». Впрочем, существует мнение, что «Видение» возникло в раннехристианскую эпоху как вполне самостоятельный рассказ, позднее соединенный с другим апокрифическим текстом о пророке Исайе, и эта компиляция называлась «Вознесение Исайи» (Д. Петканова). Полный текст этого обширного «Вознесения» сохранился лишь в эфиопской версии в списках XV—XVII вв., она осталась неизвестна древнерусской литературе.

Самый ранний древнерусский список «Видения пророка Исайи» содержится в Успенском сборнике XII—XIII вв., по тексту которого и издается в настоящем томе. (В 1997 г. вышла книга «Апокрифы Древней Руси. Тексты и исследования». (Отв. ред. и составитель В. В. Мильков). Серия «Общественная мысль: исследования и публикации». В этом издании опубликованы апокрифы в переводе на современный русский язык, но без их древнерусского оригинала, лишь с указанием на списки, которые положены в основу перевода. Перевод «Видения Исайи» осуществлен, как и наш, по списку Успенского сборника В. М. Хачатурян, комментарии и примечания с точки зрения истории философских взглядов в Древней Руси принадлежат В. М. Хачатурян и В. В. Милькову. Наш перевод «Видения Исайи, сына Амосова» был сделан ранее и независимо от этого издания). Следует указать также сербский список XIV в. из собрания Хлудова и список Кирилло-Белозерского монастыря XV в. Известный книгописец и переписчик из этого монастыря Ефросин упоминает «Видение Исайи» в приписке в одном из своих сборников, обнаруживая интерес и хорошее знакомство с апокрифической литературой: «Исайя пророк и Андрей юродивы видели венци на небеси и обители и ризы святымь зде добре живущим...» Пророк Исайя — один из великих ветхозаветных пророков, живший во дни царствования иудейских царей Озии, Иоафама, Ахаза, Езекии. Начало его пророческого служения связано с тем, что однажды он увидел Господа, сидящего на высоком престоле в храме, и концы его одежд заполняли собой весь храм. Вокруг престола летали шестикрылые серафимы. Исайя громко воскорбел о том, что уста его нечисты, грешны. Тогда один из серафимов взял с жертвенника клещами горящий уголь и коснулся им уст пророка, очистив их для пророчества (Ис. 6). Этот сюжет Ветхого Завета был использован Пушкиным в стихотворении «Пророк».

«Видение пророка Исайи» принадлежит к ряду апокрифических эсхатологических видений. Оно связано, по-видимому, с палестинской апокалиптической традицией, становление которой ученые относят ко второй половине III в. до н. э. (См.: *Тантлевский И. Р.* История и идеология Кумранской общины. СПб., 1994), и, может быть, создано в ессейско-кумранской среде. В древнерусской литературе известен ряд подобных по содержанию текстов: «Видение апостола Павла», «Хождение Богородицы по мукам», «Книга Еноха праведного», с которой в описании восхождения пророка Исайи на семь небес исследователи усматривают параллели (М. И. Соколов, 1910). Тематически связанное с ветхозаветной Книгой пророка Исайи, «Видение» содержит подробный и последовательный рассказ о восхождении на небеса Исайи, которого в каноническом тексте Библии нет.

Подобно тому как в «Хождении Богородицы по мукам» Богородицу ведет по разным концам ада архангел Михаил, показывая мучения грешников, так и Исайя имеет своего проводника по всем семи небесам — ангела «в славе». Исайя получает Откровение и познает тайну мира; в «Хождении» Богородица, потрясенная увиденным, заступается за грешников перед Господом. Оба текста строятся на диалоге: вопросах «ведомого» и ответах и пояснениях «ведущего», раскрывающих смысл увиденного.

По-видимому, это основной сюжетный принцип таких сочинений. Он позволял в процессе переписывания и редактирования текстов расширять или сокращать их. Текстологическая работа над древнерусским «Видением Исайи» (сохранилось более десяти списков) не проведена. Недавнее издание полного текста обширного «Вознесения Исайи», связанного с «Видением» (в серии Corpus christianorum, seriae Apokryphorum. Vol. 7, 8, Leuven 1994, где представлены наряду со славянской греческая, коптская, латинская, эфиопская версии) поможет более четко представить характер взаимосвязи этих памятников.

ОРИГИНАЛ

МЕСЯЦА МАЙЯ ВЪ 8 ДЕНЬ. ВИДѢНИЕ, ЕЖЕ ВИДѢ СВЯТЫЙ ИСАИЯ ПРОРОКЪ СЫНЪ АМОСОВЪ

Въ дъводесятьное лѣто цьсарьствующю Езекию,[1] цьсарю Иудѣю, приде Исайя сынъ Амосовъ и Иасусъ сынъ Саавовъ къ Езекии въ Иерусалимъ. И въшьдъ, сѣде на одрѣ цьсаревѣ, и вьси князи иерусалимьстии, съвѣтьници цесареви и каженици стояху прѣдъ нимь. И придоша же и възвѣся и́, от селъ и съ горы пророци и сынове пророчьстии, слышавъше, Исайя яко приде от Галгалъ[2] къ Езекии и цѣлова его, вькупь же и благовѣститъ ему о хотящихъ быти. Вънегда възглагола словеса вься истиньная, Духъ Святый наиде на нь, и вьси видѣша, слышаху же вѣщания Святаго Духа. Призъва бо и цьсарь и пророци вьси; и въниду еликоже ихъ обрѣтеся ту вькупѣ: бѣ же Михѣя, и Анания старьць, Иоиль,[3] и елико сѣдяше одесную и ошуюю его.

И егда услышаша глас Святаго Духа, прѣклониша колѣна и въспѣша Богу вышьнему, почивающому въ святыихъ и таку силу въ словеси въ мирѣ даровавъше. Глаголющю же ему Святыимь Духъмь въ услышание вьсѣмъ, вънезапу умълче и къ тому не видяше стоящихъ прѣдъ нимь: очи же его бѣашете отвьрьстѣ, уста же затворена, обаче въдуновение Духа бѣаше съ нимь. И непьщеваху вьси, яко въсприятъ бысть Исайя. Пророци же разумѣша, яко в явлении бѣ; видѣние же, еже видѣ, не бѣ аще от вѣка сего, нъ от потаенаго от вьсякоя плъти.

И егда прѣста от видѣния и възвратися въ ся, и повѣда Езекиеви и сыну его Насону и Михею и прочимъ пророкомъ, глаголя: «Вънегда прорицахъ въ слуха, егоже слышасте, видѣхъ ангела славьна не по славѣ ангелъ, яже вьсьгда видѣхъ, нъ етеру славу велию свято имуща, еяже не могохъ съповѣдати. И емъ мя за руку, възведе мя на высоту. Азъ же рѣхъ: “Къто еси ты, како ти е имя и камо мя възносиши?” (Сила

бо ми дана бысть глаголати съ нимъ.) Тогда, отвѣщавъ, рече: “Егда възведу тя въ въсходъ и покажю ти видѣние, егоже радьма послан есмь, тогда разумѣеши, къто есмь азъ, а имени моего не сувѣси, зане хощеши паки възратитися въ тѣло свое. И егда възнесу тя, узьриши”.

И радъ быхъ, яко кротъко отвѣща ми. И рече ми: “Възрадова ли ся, зане кротъко отвѣщахъ ти? И вящьшаго мене узьриши, кротѣйша и съмотрьливѣйша, хотяща бесѣдовати съ тобою, и больша большаго свѣтлѣйша и мирьнѣйша, на се бо посланъ есмь, да просвѣщю тебѣ си вься”.

И възидохъ же и азъ и онъ на твьрьдь и видѣхъ ту брань велию: Сотону и силы его, и противяща ся Благочьстию и едино единого завидящи: якоже есть на земли, тако есть и на твьрди. Образи бо твьрдьнымъ — сьде суть на земли. И рѣхъ ангелови: “Чьто есть рать си и завида и опълчение?” И отъвѣща ми и рече: “Си брань есть дьяволя и не имать почити, дондеже придеть, егоже хощещи видѣти, и убиеть Духъмь силы своея”.

Потомь възведе мя на сущая выше твьрьди, еже есть пьрвое небо. И видѣхъ ту прѣстолъ посрѣдѣ и на немъ сѣдяща ангелъ въ велицѣ чьсти, и одесную его сѣдяща и ошююю ангелы, инаку же славу имеяху иже одесную, и пояху единѣмь гласъмь. А иже ошуюю въ слѣдъ ихъ пояху, пѣснь же ихъ не бѣаше яко и десныихъ. Въпросихъ же ангела, водящаго мя: “Кому пѣснь си въсылаема есть?” И отвѣщавъ глагола ми: “Велицѣй славѣ Божии, сущии на седмѣмь небеси, и Сыну его любимому, отнюду же посланъ есмь къ тебѣ”.

И пакы възведе мя на въторое небо. Высота же небесе бѣаше, яко от пьрьваго небесе до земля. Видѣхъ же ту, яко и на пьрвѣмь небеси, десныя и шуяя ангелы и песнь вящьши паче пьрвыхъ.

И падъ на лици своемь поклонихъ ся имъ. И не остави мене ангелъ наставляяй мя: “Не покланяй ся ни прѣстолу, ни ангелу от небесъ — сего бо ради посъланъ есмь наставить тебе, — емуже ти азъ реку тъкъмо, надъ вьсѣми прѣстолы и одежа и вѣньць, егоже узьриши отселѣ уже”. И въздрадовахъ ся радостию велиею зѣло, яко така есть коньчина вѣдущимъ Вышьняго и Вѣчьнаго, възлюбленаго ему Сына, и яко от ангела Святаго Духа, — си тамо исходять.

И възведе мя на третиее небо. И тамо такоже видѣхъ малъ прѣстолъ и десныя и шуяя ангелы. Обаче память вѣка сего тамо не именоваше ся, измѣноваше же ся слава Духа моего. Яко въсхождахъ на небо, и рѣхъ: “Ничтоже от оного мира сьде не именуеть ся”. И отвѣща ми ангелъ и рече ми: “Ничьтоже не мѣниться за немощь его, ничьтоже сьде утаиться тамо дѣемыихъ”. Пѣснь же, еже пояху, и славословие сѣдящаго, и ангелъ вяще бѣаше въторaго.

И пакы възведе мя на четвьртое небо, многъмь больша бѣаше. И ту пакы видѣхъ прѣстолъ, и десныя и шуяя ангелы. И си пакы пояху, и слава и пѣние ангелъ болыли бѣаше шуихъ, и слава сѣдящаго больши

бѣаше ангелъ, сущихъ одесную. Слава же ихъ такоже прѣспѣвающи нижьнихъ.

И възидоховѣ на пятое небо, и ту пакы видѣхъ легеоны бещислььны, и слава ихъ и пѣснь славьнѣиши четвьртааго небесе. Азъ же въздивихъся толику многу множьству, узьрѣвъ ангелы различьными добротами украшены, когождо славу свою имуща, и славляаху живущаго на высотахъ, егоже имя не явися вьсякой плъти, яко таку славу дасть ангеломъ, на коемьждо небеси? И отвѣщавъ ангелъ глагола ми: “Чьто подивися о семь, неси едини лици, нѣси бо видилъ непроходимыихъ силъ тьмы ангельскы?”

Пакы же възведе мя на въздухъ шестаго небесе, и видѣхъ славу велию на немь, якоя же не видѣхъ на пятѣмь небеси. Видѣхъ бо ангелы въ славѣ мнозѣ, чины силь притраныихъ и мимо текуща, пѣснь же ихъ свята и чюдьна бѣаше. И рѣхъ ангелови, водящему мя: “Чьто есть еже вижю, Господи мой?” И глагола ми: “Нѣсмь азъ тебѣ Господь, нъ съвѣтникъ”. И пакы рече: “От шестаго небесе ни прѣстола ни шуихъ ангелъ, нъ от силы седмаго небесе строима суть, идеже есть именимый тъи иночадыи Сынъ Его, и вься небеса и ангели его послушаюіть. Азъ же посланъ есмь възвесть тебе сѣмо, яко да видиши славу сию и Господа вьсѣхъ небесъ, и ангелъ, и силъ. Глаголю ти, Исайе, никътоже въ плъти мира онаго хотя взъвратитися человекъ, видѣние, еже ты видиши, ни видѣти възможетъ, еже ты хощеши видѣти. Зане ти есть въ жребий Господень прити сѣмо”. Възвеличихъ же Господа моего, поя, яко въ жрѣбий его отхожю.

И глагола ми: “Егда ис плъти сѣмо възвратишися хотѣниемь Отчьмь, тъгда въсприимеши одежю свою и тъгда ты будешь равьнъ ангеломъ, сущимъ въ семѣмо небеси”. И възведе мя на шестое небо. И прѣстола ту уже не бѣаше, ни десныхъ ни шуихъ ангелъ, нъ вьси имѣаху единъ възоръ и пѣснь ихъ равьна. И дасть ми ся да и азъ пояхъ съ ними, и ангелъ, иже съ мною быховѣ, яко слава ихъ бѣаше едина. И славляаху Отца вьсѣхъ и възлюбленаго Сына и Святаго Духа, вьси единѣми усты пояху, нъ не тацѣмь яку имѣяху на пятѣмь небеси, нъ инацѣмь гласом, и свѣтъ многъ мьняхъ велий бѣаше. И егда бѣхъ на шестѣмь небеси, свѣтъ, иже на пятѣмь небеси, тьму сущь. И въздрадовахъ ся зѣло и въспѣхъ дарующему таковая приемлющиимъ милость его. И помолихъ ся ангелу, наставляющему мя, да къ тому не възвращуся въ миръ сь плътьныи. Глаголю же вамъ, яко многа тьма есть сьде. Ангелъ же наставляяй мя глагола ми: “Чьто яко въздрадовася о свѣтѣ семь, кольми паче въздрадуешися и възвеселишися, егда узьриши свѣта праваго небесе, идеже сѣдить небесьный Отець и единочадый его Сынъ, идеже опълъчения и прѣстоли и вѣньци лежать правьдьныимъ! А о томь, еже не възвратитися тебѣ въ плъть свою, не у врѣмя коньчати ся прити сѣмо”. Си слышавъ, оскьрьбѣхъ зѣло. И глагола ми: “Не скърби, ниже буди дряхлъ”.

И възнесе мя на аеръ седьмаго небесе, и слышахъ глас, глаголющь ми: “Доколѣ въ плъти хотяй жити въсходить?” И убояхъ ся зѣло и трепетьнъ быхъ. И пакы инъ глас слышахъ глаголющь: “Не дѣейте, да възидеть достойникъ Божий, сьде бо есть одежа”. И въпросихъ ангела, сущаго съ

мною: “Къто есть възбраняяй ми, къто есть пакы повелѣваяй ми възити?” И рече ми: “Възбраний убо иже надъ поющими из небесъ ангелъ, и повелѣвый ти сь есть Сынъ Божий, а имене ему не можеши слышати, доъдеже ис плъти своея изидеши”. И яко възидоховѣ на семое небо, и видѣхъ ту свѣтъ дивьнъ и неисповѣдимый, и ангелы бе-щисльны и правьдьникы. Видѣхъ етеры ишьдъше от одежь плътьныихъ и сущая въ одежахъ вышьнихъ, и бѣаху въ славѣ велицѣ стояще, обаче на прѣстолѣхъ своихъ не сѣдяху, вѣньци же славы их бѣаху на нихъ.

И въпросихъ ангела и рѣхъ: “Почьто одежа прияша и прѣстолъ славы и вѣнець не приемлють?” И глагола ми: “Не приемлють ихъ нынѣ, дондеже сънидеть Сынъ Божий сы испьрва, обаче вѣдять, чии суть прѣстоли ихъ и кое вѣньци. Егда сънидеть и будеть не въ зрацѣ вашемь, и князь мира того, Сына его радьма простьреть руцѣ свои на нь, и обѣсять и́ на дрѣвѣ, и убиеть и́, не вѣдый къто есть. И сънидеть въ адъ, и наго и пусто поставить се призрачие, иметь же и князя съмьрьть плѣньника, и сътьреть вьсю силу его, и въстанеть 3 день, имѣя етеры првьдьникы по вьсей вьселенѣй, и възидеть пакы на небеса. Тогда приимуть си прѣстолы своя и вѣньца”.

И по словесьхъ сихъ рѣхъ ему: “На неже тя въпросихъ на пьрьвѣмь небеси, съкажи ми, сьде бо обѣщася мнѣ съказати, како въ ономь мирѣ бываемая, сьде вѣдома суть”.

Еще ми глаголющю съ нимь, се етеръ ангелъ стоящихъ, славьнѣй вельми възведъшаго мя и вьсѣхъ ангелъ, и показа ми книгы, и, разгънувъ, дасть ми. И видѣхъ писмена бяху не яко вѣка сего. И почтохъ я, и се дѣяния иерусалимля бяху ту написана. И етеръ человекъ видѣхъ дѣла, ихъже азъ не вѣдахъ. Увѣдахъ убо въ истину, яко ничьтоже не утаить ся на седмѣмь небеси въ мирѣ бываемыихъ. И въпросихъ ангела: “Къто убо есть сь прѣспѣваяй ангелы въ славе своей?” И отвѣщавъ рече ми: “Прѣспѣваяй аньгелы: сь есть великый архангелъ Михаилъ, моля въину за человечьство”. Видѣхъ же одежа многы, и прѣстолы, и вѣньця многы лежаща; ангелов сия одежа, и прѣстоли, и вѣнци, тѣмь блюдоми суть. И глагола ми: “Сихъ одежь мнози лишають ся от оного мира, вѣровавъше словеси оному, о немьже глагола ся тебѣ”.

И обращься видѣхъ Господа въ славѣ велицѣ и ужастынъ бѣхъ зѣло. И приступиша къ нему вьси, яже видѣхъ, правьдникы и поклнишася ему, поюще единѣмь гласомь. И ть бѣаше подобьнъ имъ, и бысть славихъ яко и онѣхъ. И тъгда приступи Михаилъ и поклонися, и съ нимь вьси ангелы поклониша ся и вспѣша и́. И прѣобрази ся пакы и бысть яко ангелъ. Тъгда рече ми ангелъ, водяй мя: “Сему поклонися и въспои”. И поклонихъ ся и въспѣхъ ему. И глагола ми ангелъ: “Се есть Господь вьсея славы, юже видѣ”. И еще ему глаголющу, видѣхъ иного прѣславьна подобьна ему по вьсему, и правьдьници приступиша и поклониша ся и въспѣша и сему, и тъ въспѣ съ ними и не прѣобрази же ся по видомыихъ, и съ ними придоша ангели и поклониша ся ему. И рече ми ангелъ: “Поклони ся и въспой ему”. И поклонихъ ся и въспѣхъ ему. И пакы другаго въ славѣ велицѣ видѣхъ ишьдъша и въпросихъ ангела: “Къто сь есть?” И глагола ми: “Поклони ся ему, се бо есть

ангельскаго Духа глаголющаго въ тебѣ и въ вьсѣхъ правьдьницѣхъ”. И по сихъ ина етера неизглаголема являшеся слава, еяже азъ отвьрстама очима духа моего не възмогъ видѣти, ни възведе мя, ни вьси ангели, яже видѣхъ покланяюща ся Господеви, развѣ тъкъмо правьдьникы видѣхъ въ силѣ велицѣ зряща къ славѣ его. И приступи къ нимъ пьрьвѣе Господь мой и ангела духовьна, и поклониста ся и въспѣста, и дъва тъкъмо. И тъгда вьси правьдьници поклонишася ся и въспѣша. Потомь слышахъ глас ту и пѣсни же слышахъ по небеси въсходяща на 6 небесъ, и вьси славляху того, егоже не можахъ азъ славы видѣти.

Вься же 6 небесъ пѣснь не тъкъмо слышима, нъ и видима бѣаше. И глагола ми ангелъ: “Сь есть единъ вѣчьнъ въ вышьнимь вѣцѣ живый, и въ святыихъ почивая, егоже ни имене можемъ търпѣти, иже поемъ есть святыимь Духъмь въ устѣхъ правьдьныихъ”.

И по семь слышахъ глас вѣчьнаго, глаголюща: “Господи, сыну, изиди и сълѣзи съ вьсѣхъ небесъ и буди въ мирѣ, и даже и до ангела, сущаго въ адѣ, прѣобразивъ ся по образомъ ихъ, и не познають тебе ни ангели ни князи вѣка того, и судиши князю и ангеломъ его и миру, обладомому имь, зане отвьрьгоша ся мене и рѣша: «Мы есмъ и развѣ нас никъто же есть инъ». И егда же от земля възнесеши ся, къ тому не прѣобразиши ся по небеси, нъ въ славѣ велицѣ възидеши и сядеши одесную мене. И тъгда поклонять ся тебѣ князи, и силы, и ангели, и вьсе начало небесьныихъ и земьныихъ и прѣисподьнихъ”. Сию слышахъ великую славу, заповѣдающю Господеви моему.

И тъгда възиде Господь от семаго небесе и съниде на шестое небо. И ангелъ, наставляяй мя, рече: “Разумѣй, Исайе, и вижь будущее прѣображение и сънитие его, яко видѣша ангели, въспѣша и исхвалиша, и не прѣобрази бо ся по видомыихъ”. И азъ же въспѣхъ съ ними. И яко съниде на пятое небо, и прѣобрази ся по образу ангелъ тѣхъ, и не въспѣша его ни поклониша ся, бѣ бо его образъ яко и онѣхъ. Съниде же на четвьртое небо и явися имъ по възору ихъ, и не въспѣша его, бѣаше бо яко по възору ихъ. Приде же на третиее небо, и на въторое, и на пьрьвое, прѣобразуя ся на когожьдо ихъ, тѣмь же ни пояху, ни покланяху ся ему, являше бо ся подобьнъ имъ. Показоваше же знамения на коемьждо небеси стрѣщиимъ врата. Съниде же на твьрдь, идеже князь вѣка сего сѣдить, и ту дасть знамение, и образъ бѣаше его яко и тѣхъ. И не прославиша, ни пѣша его. Сниде же и къ ангеломъ въздуха сего и бѣаше акы единъ от нихъ и не дасть знамения имъ, ни въпросиша бо его. И по сихъ глагола ми ангелъ: “Разумѣи, Исайе, сыне Амосовъ, на се бо посъланъ есмь от Господа вься тебѣ указати, ни прѣже бо къто видѣ, ни по тебѣ видѣти възможеть, якоже ты видиши и слышалъ еси”. И се видѣхъ подобьна, яко Сына человеча, и съ человекы поживъ въ мирѣ, и не познаша его, и видѣхъ въсходящь на твьрьдь и уже не бяше по зраку ихъ прѣбразуя ся. Видѣвъше же и вьси ангели ужаснуша ся и покланяюще ся глаголаху: “Како утаи ся нас Господь посрѣдѣ? И не познахомъ Цьсаря Славы?” И от пьрьваго небесе въсхожаше славьнѣй и не прѣобразоваше ся, нъ вьси ангели и деснии и шюии и на срѣдьнимь прѣстолѣ сѣдяи и поклониша ся ему и въпѣша, глаголюще: “Како прѣиде мимо ны, Господи, и не увѣдѣхомъ, ни поклонихомъ ся ему?” И тако възиде на въторое, и на третиее, и на

четвьрътое, и на пятое, и на шестое небо, обаче на вьсѣхъ небесьхъ слава его прилагаше ся. И яко възиде на семое небо, въспѣша и́ *вьси правьдници*, и вьси ангели и вься силы. И тогда видѣхъ и́, яко сѣде одесную великыя славы, еяже не могъ видѣти, и аньгела духовьнаго видѣхъ сѣдяща ошуюю и глагола ми: “Довъльно ти, Исайе; увѣдѣ плътьскъ сынъ, ни око видѣ, ни ухо слыша, ни на сердце человѣку не възиде, елико уготова Богъ любящимъ и”».

И рече ми: “Възврати ся въ одежю свою, донъдеже врѣмя дьний твоихъ испълънить ся, и тогда придеши ми сѣмо”».

«Си видѣхъ», — Исайя рече стоящимъ окрьстъ его. И слышавъше си прѣдивьная, прославиша и въспѣша Бога, давъшаго таку благодать человѣкомъ. Рече же Езекиеви цьсарю: «Кончина вѣка сего и вьсе видѣние се събудеть ся въ послѣдьнимь родѣ». И заклятъ *я́* не възвѣстити сыномъ израилевомъ, ни словесъ сихъ дати написание вьсякому человѣку, «нъ елико аще разумѣете от цьсаря, реченая въ пророцѣхъ, таковая разумѣйте вьси. Вы же бъдите о святѣмь Дусѣ, да приимете одежю вашю, и прѣстолы, и вѣньця славы, на небесьхъ лежащая». И прѣста глаголя и изиде от Езекия цьсаря.

Тому же Богу нашему слава и ныня и присно и въ вѣкы вѣкома. Аминь.

---

[1] *Езекия* — царь иудейский, сын царя Ахаза, живший примерно в VII в. до н. э. Борец против идолопоклонства. Отказался платить дань Ассирии, в результате чего ее войско вторглось в Иудею (4 Цар. 18; Исх. 34, 1—22), но было чудесным образом истреблено Ангелом Господним. Пророк Исайя исцелил царя Езекию от тяжелого недуга и неоднократно пророчествовал ему. В Библии Езекия характеризуется как благочестивый и удачливый правитель.

[2] *Галгал* — название селения в Иерихонской равнине, на восток от г. Иерихона и на северо-восток от Иерусалима.

[3] *...бѣ же Михѣя, и Anания старьць, Иоиль...* — Михей Морасфитин — пророк, живший во времена царствования иудейских царей Иоафама, Ахаза, Езекии; Анания — пророк из Гаваона, сын Азура. Пророк Иеремия обличал его в лжепророчестве (Иер. 28); Жил при правлении царя иудейского Седекии. Иоиль — пророк, сын Вафуила, один из двенадцати так называемых «малых» пророков.

ПЕРЕВОД

МЕСЯЦА МАЯ В 8 ДЕНЬ. ВИДЕНИЕ, КОТОРОЕ ВИДЕЛ СВЯТОЙ ПРОРОК ИСАЙЯ СЫН АМОСОВ

В двадцатый год царствования Езекии, царя Иудеи, пришел Исайя сын Амосов и Иисус сын Саавов к Езекии в Иерусалим. И войдя, воссел он на одре царском, и все князья иерусалимские, советники царские и евнухи стояли перед ним. И пришли и из селений и с гор пророки и

сыновья пророков, услышав, что Исайя пришел из Галгал к Езекии и приветствовал его и также благовестит ему о том, что будет. Когда возгласил (Исайя) все истинные слова, Дух Святой сошел на него, и все увидели и услышали вещания Святого Духа. Ведь царь призвал всех пророков; и входят они, сколько их собралось там вместе: был же Михей, и Анания старец, Иоиль, и те, кто сидели справа и слева от него.

И когда услышали они глас Святого Духа, преклонили колена и воспели Бога всевышнего, почивающего в святых и таковую силу слова даровавшего миру. И когда во всеуслышание он произнес сказанное ему Святым Духом, то внезапно умолк и более не видел стоящих перед ним: очи его были отверсты, уста же затворены, ибо вдохновение Святого Духа было в нем. И поняли все, что Исайя был вознесен. Пророки же уразумели, что было ему явление; видение же, которое он видел, было не от мира сего, но от мира, тайного для всякой живой плоти.

И когда очнулся Исайя от видения и пришел в себя, поведал он Езекии и сыновьям его Насону и Михею и прочим пророкам, говоря (так): «Когда я пророчествовал вслух о том, что вы слышали, увидел я ангела в славе, но не в (той) славе ангела, в какой всегда видел, но в какой-то великой святой славе, о которой не мог бы рассказать. И взял он меня за руку и возвел на высоту. Я же спросил: “Кто ты, как имя твое и куда меня возносишь?” (Ибо дана была мне сила разговаривать с ним.) Тогда, отвечая, он сказал: “Когда возведу я тебя наверх и покажу тебе видение, ради которого я послан, тогда поймешь, кто я такой, а имени моего не узнаешь, потому что снова возвратишься в тело свое. Вот когда вознесу тебя, (все) увидишь”.

И рад был я тому, что он кротко отвечал мне. И сказал он мне: “Рад ли ты, что я кротко отвечал тебе? Еще более величественного, чем я, увидишь, кротчайшего и снисходительнейшего, самого светлого и смиреннейшего, желающего беседовать с тобой, для того ведь и послан я, чтобы просветить тебя во всем этом”.

И взошли и он, и я на твердь небесную и увидели там великую битву: Сатану и воинство его, противоборствующих Благочестию и возбуждающих зависть один у другого: как это водится на земле — так и на тверди небесной. Ведь примеры того, что здесь пребывает на тверди небесной, на земле находятся. И сказал я ангелу: “Что это за война и зависть, и воинство?” И в ответ он сказал мне: “Это битва дьявольская, и не окончится она, пока не придет тот, кого ты увидишь, и не убьет (его) Духом силы своей”.

Потом возвел он меня выше тверди небесной, где первое небо. И увидел я там посередине престол и сидящего на нем ангела в великой славе, а справа от него и слева сидящих ангелов, и те, кто был справа, иную славу имели и пели в один голос. Те же, кто сидел слева, пели вслед за ними, песнь же их была не такая, как у правых (ангелов). И спросил я ангела, ведущего меня: “Кому воссылается песнь эта?” И в ответ он сказал мне: “Великой славе Божией, которая на седьмом небе, и Сыну его любимому, откуда я послан к тебе”.

И снова возвел он меня — на второе небо. Высота же неба была, как от первого неба до земли. Увидел я там, как и на первом небе, ангелов справа и слева, и (услышал) песнь, еще прекраснее первых.

И пал я ниц и поклонился им. И не позволил мне (этого) ангел, наставляющий меня: “Не поклоняйся ни престолу, ни ангелу небесному, для того я послан научить тебя, но только тому, на кого я тебе укажу, кто для всех престолов — и одеяние, и венец, кого ты теперь уже увидишь”. И обрадовался я радостью великой, что такая кончина (ждет) тех, кто познал Вышнего и Вечного, возлюбленного его Сына, и будто от ангела (исходящего) Святого Духа они там нисходят.

И возвел он меня на третье небо. И там увидел я также престол невеликий и справа и слева (от него) ангелов. Но память о (земном нашем) мире не признавалась там, признавалась слава Духа моего. Когда восходил я на небо, то сказал: “Ничто из мира сего здесь не признается”. И отвечал мне ангел и сказал мне: “Ничто не прейдет здесь из-за немощи мира, ничто здесь не утаится из того, что там делается”. Песнь же, что пели ангелы, и славословие сидящего ангела были еще прекраснее, чем на втором (небе).

И снова возвел меня (ангел) — на четвертое небо, значительно большее. И здесь снова увидел я престол, и справа и слева ангелов. И те снова пели, и слава и пение ангелов были сильнее тех, которые слева, а слава сидящего ангела была прекраснее, чем у ангелов, бывших справа. Слава же их также превосходила (славу) нижних.

И взошли мы на пятое небо, и тут снова увидел я бесчисленные легионы, и слава и песнь их были сильнее, чем на четвертом небе. Я же подивился столь великому множеству, увидев ангелов, украшенных различными красотами, каждого в своей славе, и прославляли они живущего в вышине, чье имя не явлено всякой плоти, как же он такую славу дает ангелам, на каждом из небес? И, отвечая, ангел сказал мне: “Что ты дивишься этому, разве не видел ты единый сонм, разве не видел ты тьмы непроходимых сил небесных?”

Затем возвел меня (ангел) на воздух шестого неба, и увидел я славу великую на нем, каковой не видел на пятом небе. Ибо увидел я ангелов в большой славе, чины сил страшных и мимо проходивших, песнь же их была святой и чудной. И спросил я ангела, водящего меня: “Что это я вижу, Господи мой?” И сказал он мне: “Не Господь я тебе, но наставник”. И еще сказал: “На шестом небе нет ни престола, ни ангелов слева, он строится небесными силами седьмого неба, где находится названный единочадный Сын Его, и все небеса и ангелы слушают его. Я же послан сюда возвестить тебе, что увидишь ты славу сию и Господа всех небес, и ангелов, и сил. Говорю тебя, Исайя, никакой человек от плоти мира сего, хотящий возвратиться (отсюда), не может увидеть видение, какое ты увидишь. Потому что уготован тебе жребий Господень прийти сюда”. И возвеличил я Господа моего, воспев, что иду по жребию его.

И сказал мне (ангел): “Когда возвратишься сюда из плоти, по желанию Отчему, тогда получишь одежду свою и тогда станешь равен ангелам, пребывающим на седьмом небе”. И возвел меня на шестое небо. И там уже не было ни престола, ни ангелов справа и слева, но все имели единый облик, и песнь их была одинакова. И мне дано было петь с ними и с ангелом, бывшим со мной, ибо слава их была единой. И прославляли они Отца всех и возлюбленного Сына и Святого Духа, воспевали все едиными устами, но пением иным, чем на пятом небе, другим голосом, и казалось мне, что и свет был ярче. Когда я был на шестом небе, то свет пятого неба, (казалось мне), был как тьма. И сильно возрадовался я и восславил того, кто дарует такое приемлющим милость его. И помолился я ангелу, наставляющему меня, чтобы больше не возвращаться мне в сей плотский мир. Говорю же вам, что здесь (на земле) — тьма великая. Ангел же, наставляющий меня, сказал мне: “Коли ты так обрадовался этому свету, то сколь сильнее ты обрадуешься и возвеселишься, когда увидишь свет праведный истинного неба, где сидит небесный Отец и единочадный Сын его, где воинство (ангельское) и престолы, и венцы лежат для праведных! Что же до того, чтобы не возвращаться тебе в плоть свою, то еще не исполнилось время прийти тебе сюда”. Услышав такое, я огорчился сильно. И сказал он мне: “Не скорби, не падай духом”.

И вознес он меня на воздух седьмого неба, и услышал я голос, говорящий мне: “Куда восходит живущий во плоти?” И сильно испугался я и вострепетал. И вновь другой голос услышал, говорящий: “Не препятствуйте, путь войдет достойный Бога, ибо одежда (его) здесь”. И спросил я ангела, бывшего со мной: “Кто таков возбраняющий мне и кто такой повелевающий мне взойти (туда)?” И ответил он мне: “Возбраняющий — тот, кто (стоит) над поющими с небес ангелами, а повелевающий тебе — это Сын Божий, имя же его ты не сможешь услышать, пока не изыдешь из плоти своей”. И как вошли мы на седьмое небо, увидел я там свет дивный и неисповедимый, и ангелов, и праведников без числа. Увидел я и таких, кто вышел из плотских своих одежд и пребывал в одеждах вышних, и стояли они в славе великой, но на престолах своих не сидели, венцы же славы их были на них.

И спросил я ангела: “Почему одежды они надели, а престола славы и венца не приемлют?” И ответил он мне: “Не приемлют их теперь, пока не сойдет Сын Божий изначальный, однако ведают они, чьи это престолы и чьи венцы. Когда же сойдет он и будет невидим для вас, а князь мира того из-за Сына его простреt руки свои на него, и повесит его на древе и убьет, не ведая, кто он. И он сойдет в ад, обнажит и опустошит этот призрак, пополнит князя смерти и уничтожит всю силу его, и востанет в третий день и, взяв всех праведников со всех концов вселенной, снова взойдет на небеса. Тогда и примут они престолы свои и венцы”.

После слов этих сказал я (ангелу): “О чем спрашивал я тебя на первом небе, скажи мне (теперь), ибо ты обещал сказать мне здесь, откуда здесь известно то, что в земном мире происходит”.

И пока я еще говорил с ним, вот некий ангел из стоящих, много славнее возведшего меня и всех других ангелов, показал мне книги и, раскрыв, дал их мне. И увидел я письмена, словно не от мира сего. И прочитал я их, и вот были там записаны деяния иерусалимские. И словно другой человек видел дела их, о которых я не ведал. И узнал я воистину, что ничто из того, что происходит в мире, не утаится на седьмом небе. И спросил я ангела: “Кто же тот, кто превосходит ангелов в славе своей?” И в ответ он сказал мне: “Превосходящий славою ангелов — это великий архангел Михаил, молящийся непрестанно за человечество”. И увидел я одежды многие, и престолы, и венцы лежащие; эти одежды, и престолы, и венцы (принадлежали) ангелам, они им хранимы. И сказал мне ангел: “Этих одежд многие лишаются из того мира, лишаются, поверив слову тому, о котором говорилось тебе”.

И, обернувшись, увидел я Господа в славе великой и ужаснулся. И приблизились к нему все праведники, которых я видел, и поклонились ему, и пели одним голосом. И был он подобен им, и был славнее их, как и других. Тогда подступил (к нему) Михаил и поклонился (ему), и все ангелы поклонились вместе с ним и воспели его. И преобразился он снова и стал как ангел. Тогда сказал мне ангел, ведущий меня: “Этому поклонись и воспой”. И поклонился я и воспел ему. И сказал мне ангел: “Это Господь всей славы, какую ты видел”. И пока он это говорил, я увидел иного преславного и во всем подобного тому, и праведники подступили к нему и поклонились, и воспели ему, и он воспел (славу) с ними, но не преобразился по их подобию, и пришли с ними ангелы и поклонились ему. И сказал мне ангел: “Поклонись и воспой ему”. И я поклонился и воспел ему. И затем увидел я другого, идущего в великой славе, и спросил ангела: “Кто это?” И ответил мне: “Поклонись ему, ведь это Дух ангельский, говорящий в тебе и во всех праведниках”. И потом являлась некая другая неизреченная слава, которую я открытыми очами духа моего не мог видеть, но не ввел меня (туда ангел) и никто из ангелов, которых я видел поклоняющимися Господу, но только праведников видел я, в силе великой смотрящих на славу его. И первыми приблизились к ним Господь мой и ангельский Дух, и только они двое поклонились и воспели ему. И тогда все праведники поклонились и воспели. Потом услышал я там и голос, и песни, возносящиеся по шести небесам, и все прославляли того, чьей славы я не мог видеть.

Песнь же всех шести небес не только слышима была, но и видима. И сказал мне ангел: “Сей — один вечный, живущий в вышнем мире и почивающий в святых, имени его мы не можем вытерпеть, его воспевает Святой Дух устами праведников”.

И услышал я затем голос предвечного, говорящего: “Господь, сын мой, выйди и снизойди до всех небес и будь в мире, сойди даже до ангела, что пребывает в аду, преобразись по их образу, и не узнают тебя ни ангелы, ни князья мира того, и будешь судить князя и ангелов его и мир, подвластный ему, ибо отреклись от меня и сказали: «Есть мы и кроме нас нет никого другого». И когда вознесешься над землей, не преобразишься больше на небесах, но взойдешь (туда) в славе великой и сядешь одесную меня. И тогда поклонятся тебе князья, и силы, и

ангелы, и все начала небесного, земного и преисподнего”. Слышал я великую славу, обещаемую Господу моему.

И тогда поднялся Господь от седьмого неба и спустился на шестое небо. И ангел, наставляющий меня, сказал: “Смотри, Исайя, и разумей будущее преображение и нисхождение его, как видели (это) ангелы, воспели ему и воздали хвалу, что не преобразился он по их виду”. И я тоже воспел с ними. И когда спустился на пятое небо, преобразился он по образу ангелов тех, и не воспели они ему, не поклонились, ибо был он обликом, как и они. Спустился же он на четвертое небо и явился им в их образе, и не воспели ему они, ибо был он в их образе. Пришел же он на третье небо, и на втор705е, и на первое, преобразуясь на каждом из них, ангелы же не пели и не поклонялись ему, потому что являлся он им в их облике. На каждом же небе показывал он знамения стражам врат. Сойдя же на твердь, где сидит князь мира сего, и тут дал он знамение, и образ его был таким же, как и у тех. И не прославили, не воспели его. Сошел же он и к ангелам воздуха сего и был как один из них и не дал знамения им, ибо они не спросили его. И после этого сказал мне ангел: “Разумей, Исайя сын Амосов, для того я послан Господом, чтобы показать тебе все то, что ни до тебя, ни после тебя никто не сможет увидеть и что видел и слышал ты”. И видел я (Господа) как Сына человеческого, средь людей жил он на земле, и не узнали его, и видел я его восходящим на твердь небесную и уже (больше) не преобразующегося в облик их. Увидев его, все ангелы ужаснулись и поклонились, говоря: “Как утаился среди нас Господь? И не познали мы Царя Славы?” И от первого неба восходил он со славой и не преобразовался, но все ангелы и справа, и слева, и на среднем престоле сидящий поклонились ему и воспели, говоря: “Как прошел ты мимо нас, Господи, и не узнали мы, не поклонились ему?” И так взошел он на второе, и на третье, и на четвертое, и на пятое, и на шестое небо, и на всех небесах прибавлялась слава его. И когда взошел он на седьмое небо, воспели его все праведники, и все ангелы, и все силы. И тогда увидел я его, как сел он справа от великой славы, которую я не мог видеть, и ангела Духа видел я, сидящего слева, и сказал он мне: “Довольно тебе, Исайя; узнало чадо человеческое (то, что) ни оком увидеть, ни ухом услышать, ни сердцем вместить человеку — сколько уготовил Бог любящим его”.

И сказал мне: “Возвратись в одежду свою (плотскую), покуда срок дней твоих не исполнится, и тогда придешь ко мне сюда”».

«Я это видел», — сказал Исайя стоящим вокруг него. И они, услышав обо всем этом предивном, прославили и воспели Бога, даровавшего такую благодать людям. И сказал (Исайя) царю Езекии: «Кончина мира сего и все виденное сбудется в последнем (людском) роде». И заклинал их не рассказывать (это) сынам израилевым, и не давать никому запись этого рассказа, «но что уразумеете от царя из сказанного пророками, то уразумевайте все. Вы же заботьтесь о Святом Духе, чтобы получить одежду вашу, и престолы, и венцы славы, лежащие на небесах». Исайя перестал говорить и вышел от Езекии царя.

Тому же Богу нашему слава и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Книга Еноха

Подготовка текста, перевод и комментарии Л. М. Навтанович

ВСТУПЛЕНИЕ

Книга Еноха относится к числу апокрифов ветхозаветного цикла. Из Библии о Енохе, седьмом от Адама, прадеде Ноя, известно, что он прожил 365 лет и «не стало его, потому что Бог взял его» (Быт. 5, 24), Енох «угодил Богу» и «не видел смерти» (Евр. 11, 5), и «не было на земле никого из сотворенных, подобного Еноху, ибо он был восхищен от земли» (Сирах. 49, 16) и «взят на небо» (Сирах. 44, 15).

Славянская Книга Еноха, или «Книга о вознесении праведного Еноха», известна в списках русского, сербского, молдавского и болгарского происхождения конца XV—начала XVIII в. Выделяют две редакции славянского текста апокрифа — краткую и пространную. Краткая является первичной (возможно, она возникла еще в X—XI вв.), пространная была создана не ранее XIV в. (возможно, в конце XV в.) в результате внесения дополнений и некоторых переделок в текст краткой редакции. Славянский текст Книги Еноха был известен на Руси, о чем свидетельствуют, в частности, наличие значительных фрагментов из нее в составе Мерила Праведного (XIV в.), упоминание о Енохе в Повести временных лет и в Послании архиепископа Новгородского Геннадия (XV в.).

Славянская Книга Еноха — переводный текст. Но в отношении происхождения перевода не существует единой точки зрения: А. Ваян полагал, что перевод был совершен с греческого языка на старославянский (в Македонии или Паннонии), Н. А. Мещерский высказывал предположение, что перевод был сделан непосредственно с древнееврейского на древнерусский (в Киевской Руси).

Помимо славянского текста апокриф о Енохе дошел до наших дней полностью или во фрагментах на ряде других языков.

Поскольку сохранившиеся на разных языках тексты апокрифа существенно отличаются по композиции, содержанию и характеру изложения, их принято делить на три группы, представляющие собой три разные версии апокрифа о Енохе, которые в научной литературе называют Енох 1, Енох 2 и Енох 3. Под Енохом 1 понимают версию, представленную в полном виде на эфиопском языке, а также сохранившуюся частично на греческом (около одной трети полного текста) и во фрагментах на арамейском и древнееврейском (не более 5% всего текста). Под Енохом 2 подразумевают славянскую версию апокрифа (то есть тексты, дошедшие в славянских списках). Енохом 3 называют средневековую еврейскую версию апокрифа.

И хотя известные в настоящий момент 3 версии Книги Еноха значительно отличаются друг от друга, тем не менее, исследователи не сомневаются, что они восходят в далеком прошлом к одному источнику.

Древнее происхождение апокрифа подтверждается найденными в Кумране фрагментами Книги Еноха (на древнееврейском и арамейском языках), датируемые II—I вв. до н. э.

В первые века нашей эры Книга Еноха была не только известна, но и пользовалась авторитетом, о чем свидетельствует упоминание о ней в Послании апостола Иуды (1, 14—15). В своих сочинениях на Книгу Еноха ссылались Ириней Лионский, Тертуллиан, Климент Александрийский, Ориген.

Современные исследователи Книги Еноха видят в ней одно из первых произведений апокалиптического жанра, предтечу всей раннехристианской апокалиптической литературы.

Более подробно о Книге Еноха см.: *Соколов М. И.* Славянская Книга Еноха Праведнаго. М., 1910; *Мещерский Н. А.* К истории текста славянской Книги Еноха // Византийский временник. Т. XXIV. М., 1964. С. 91—108; *Valiant A.* Le livre des secrets d'Henoch. Paris, 1952; *Black M.* The Book of Enoch or 1 Enoch. Leiden, 1985; *Milik J.* The Book of Enoch. Oxford, 1976; *Odeberg H.* 3 Enoch or the Hebrew Book of Enoch. New Jork, 1973.

Текст издается по впервые публикуемому списку конца XVI в. (списку краткой редакции): Библиотека РАН, 45.13.4, лл. 357—366 об. Исправления в текст вносились по другим спискам краткой редакции (список конца XV в. — ГИМ, собр. Уварова 3 (18), лл. 626—638 об. список XVII в. — ГИМ, собр. Барсова 2729, лл. 9—34 об.), а также по смыслу.

Поскольку Книга Еноха имеет весьма древнее происхождение, и возможно, создавалась примерно в одно время или ранее некоторых текстов Священного Писания, то приводимые в комментарии отсылки к тексту Библии не являются указанием того, что тот или иной фрагмент Книги Еноха представляет собой цитату из Священного Писания. Указанные в комментарии параллели между Книгой Еноха и текстами Библии призваны просто показать соотношение между ними и, быть может, позволят лучше понять славянский текст Книги Еноха.

ОРИГИНАЛ

ОТ ПОТАЕННЫХ КЬНИГЪ О ВСХИЩЕНИИ ЕНОХОВѢ ПРАВЕДНАГО

О Господи, благослови, Владыко!

Мужа мудраго, книжника великаго, егоже приа Господь видите любите вышняго житиа, и прѣмудраго и великаго непремѣннаго и Вседрържителева цесарства Божиа, — превеликаго, многоочитаго и неподвижимаго прѣстола Господня, пресвѣтлаго стоаниа слуго

Господень и степень дръжавенъ, огнь роденъ, вои небесными нескажема сложениа, многа множества стихий и различна видѣниа, и неповѣдаемаа пѣниа херувимских вой, свѣта безмѣрна видѣцъ быти.

И во время оно рече Енохъ: «Егда наполни ми ся 365, въ мѣсяць пръвыи, в нарочитыи день мѣсяца 1-го,[1] бѣх в дому моемъ единъ, плача ся и скорбя ся очима моима. Егда по*чи*вах на одрѣ моемъ, спах, явиста ми ся два мужа велика зѣло, якоже их не видѣх николиже на земли: лице *их яко солнце светя ся, очи их* яко свѣщи горяста, изо устъ *ею* яко огнь исходя, и одѣаниа ею пѣнию раздаанию,[2] и руцѣ ею яко крилѣ златѣ,[3] — у главы одра моего и възваста именемъ моимъ.

Аз же ускорих и встах, и прклоних ся има, и блеща ся привидѣниемъ лице мое от страха.[4] И ркоста ко мнѣ мужа: "Дръзай, Еноше, не бой ся,[5] Господь вѣчный посла ны к тобѣ, и се ты днесь въсходиши с нами на небо. И ты глаголи сыномъ своим все, елико створят на земли и о дому твоемъ, да никтоже тебе да не ищетъ, дондеже възвратит тя Господь к нимъ".

И послушавъ их, и идох, и позвах сыны своа Мефусалома и Ригима,[6] и повѣдах има, елико ркоста ми мужа: "И се вѣмъ, чадѣ, не вѣдѣ камо гряду или что срящет мя. И нынѣ, чада мои, не отступайте от Бога, и пред лицемъ Господнимъ ходите,[7] и судьбы его схраните,[8] и не отвратите жрътвы спасениа вашего — и не отвратитъ Господь труда рукъ ваших; не лишайте даровъ Господа — не лишит Господь снискании своих и во хранилницах ваших.[9] Благословите Господа пръвенци стадными нуты вашими — и будете благословени Господеви въ вѣки. Не отступайте от Господа, ни поклоните ся богомъ пустошным, иже не сотвориша ни небеси, ни земли.[10] Увѣри Господь сердца ваша въ страх свои![11] И нынѣ, чада моя, никтоже мене не взыскай, донележе мя Господь обратитъ к вамъ".

И быхъ, егда глаголах сыномъ своимъ, възваста мя мужа и взяста мя на крилѣ свои.

1 небо

И вознесоста мя на небо 1-е, и постависта мя тамо. И приведоста пред лице мое старѣйшину владыки звѣздных чиновъ, и показаша ми шествие их и прехожениа их от года до года. И показаша ми *двѣсти*

аггелъ, иже владѣютъ звѣздами, сложении небомъ. И показаша ми ту море превелико паче моря земнаго. И аггелы летяху крилы своими. И показаша ми сокровища снѣжнаа и *голотнаа*[12] аггелы грозны, храняща сокровища. (...) И показаша ми ту хранилница облакъ, отнюдуже входятъ и исходятъ. И показаша ми съкровища росы, яко масть масличную, аггели, храняща сокровища их, и видѣни ихъ — яко всѣ цвѣтии земнии.

2 небо

И поястa мя на второе небо мужа тыи, и постависта мя на вторемъ небеси, и показаста ми ужники, блюдома судома безмѣрныи. И ту видѣх аггелы осуждена, плачющи,[13] и глаголах мужема, иже со мною: "Что ради мучена суть?" Отвѣщаста ко мнѣ мужа: "Злоступницы Господни суть, не послушающа гласа Господня, но своею волею *съ*вѣщавше". И пожалих си о них. Поклониша ми ся аггели, рѣша: "Мужю Божьи, да ся помолил о нас ко Господу". И отвѣщах к нимъ, и ркох: "Кто есмь азъ — человѣкъ мертвен, да ся помолю о аггелѣх; кто же вѣсть, камо поиду или кто усрящет мя, или кто помолит ся о мнѣ?"

3 небо

И поястa мя оттуда мужа, възведоста на третье небо, и постависта мя посреди породы.[14] И мѣсто то невидимо добротою видѣниа:[15] все древо благоцвѣтно, весь плод зрѣлъ, все брашно присно кипя, все дыхание благовонно. И четыре реки мимо текущи тихимъ шествиемъ.[16] Всяк град добръ ражающи на пищю.[17] И древо жизненое на мѣстѣ томъ,[18] на немже почиваетъ Господь, егда ходитъ Господь в рай, и древо то нескажемо добротою благовоньства. И другое древо въскрай — маслинно, тучя масло выину. И все древо благо плода, нѣсть ту древа бесплодна. И все мѣсто благовонно. И аггели, хранящи породу, свѣтлѣ зѣло, непрестаннымъ гласомъ благымъ пѣниемъ служат Богу по вся дни. И ркох: "Коль благо мѣсто се зѣло!" Отвѣщаста ко мнѣ мужа: "Мѣсто се праведникомъ, Еноху, уготовано есть, иже претръпя напасть в житии семъ, и озлобятъ душа их, и отвратят очи свои от неправды и сотворятъ суд праведенъ: дати хлѣб алчющимъ и нагиа покрыти ризою, а въздвигнути падшаго и помощи обидимымъ;[19] иже пред лицем Господнимъ ходитъ и тому единому служитъ, — тѣмъ есть уготовано се в наслѣдие вѣчно".

И взяста мя оттуду мужа, и вознесоста мя на севѣръ небесѣ, и показаста ми ту мѣсто страшно зѣло: всяка мука и мучениа на мѣстѣ

томъ, и тми, и мгла, и нѣсть ту свѣта, но огнь мрачен възгарая ся выину на мѣстѣ томъ, и рѣка огненнаа находящи на вся мѣста та; студеный лед и узилница, и аггели лютеи и напраснѣ, носящеи оружие и мучаще без милости. И ркох: “Коль страшно мѣсто се зело!” И отвѣщаста ко мнѣ мужа: “Се мѣсто, Еноше, уготовано есть нечестивым, творящимъ безбожнаа по земли, иже дѣлаютъ чародѣании и обажениа,[20] и хвалят ся дѣлы своими, крадутъ душа отаи, иже рѣшатъ иго вязеще,[21] иже обогатѣя изо обиды о имѣнии чюжаго, и умориша алчющаго гладомъ, не могоша насытити, и не могуща одѣти, съвлекоша нагия. Иже не познаша Творца своего, но поклониша ся богомъ суетным, зижюще образы, поклоняют ся ручному творению. И сим всѣмъ уготовано есть мѣсто се в достоание вѣчное”.

4 небо

И воздвигоста мя на 4-е небо, и показаста ми се ту вся шествиа и вся луча солнца и мѣсяца. И размѣрихъ шествие ею, сложих свѣтъ ею, и видѣх седмогубный свѣт имат солнце, паче *мѣсяца*.[22] Круг еа и колесница, на немже ездитъ кождо ею, яко и вѣтръ ходя, и нѣсть има покоя: день и нощь ходящема и възвращающима ся има. И четыре звѣзды великыи высящихъ одесную колесница солнца, 4 ощуюю солнцемъ выину. И аггели ходяща пред колесницею солнечною, дусѣ летяще, 12 крилъ комуждо аггелу, иже мчатъ колесницу солнцу, носяще росу и зной, егда повелит Господь снити на землю с лучами солнечнями.

И несоста мя мужа ко востоку небесѣ и показаста ми врата, имиже выходитъ солнце по уставнымъ временемъ и по обхожениемъ мѣсяца лѣт всего, и по малению, прихождению дни. 6 вратъ единъ отвръстый о стадий 1 тридесятого испытана,[23] великоту же их измѣрих и не могох разумѣти великоты их. Тѣми иже ими входитъ солнце, идетъ на запад: пръвыми враты исходит дни 42, вторыми дни 35, третими дни 35, четвертыми дни 35, пятыми дни 35, шестыми дни 42 и паки възвращаа ся шестыми враты. По объшествию временному и входитъ пятыми враты дни 35, четвертыми враты дни 35, третими враты дни 35, вторыми дни 35, и скончаютъ ся дньи лѣта по возвратомъ временным.[24]

И възведоста мя мужа на запад небесѣ, и показаста ми ту врата шестера велика отвръста, по обходу небесных восточных противу имиже заходит солнце; по входу восточных вратъ и по числу деньному — тако заходитъ западными враты. И егда изыдет от западных вратъ, и возмут и четыре аггели вѣнецъ его, и възнесутъ Господеви, а солнце обратит колесницу свою и иде без свѣта, и възложат на нь тамо вѣнецъ.

Се ращение показаша ми солнца и враты, имиже входитъ и исходитъ, си бо врата сотворитъ Господь. Часоборие лѣтовное солнце сказаетъ.

А лунное другое ращение. Показасте ми вся шествиа еа и вся обхожение ея, показаста ми мужа врата, и указасте ми 12 врата[25] къ встоку, показаста ми вѣнца, имиже входитъ и исходитъ луна по обычным временемъ: пръвыми враты къ востоку дни 31 извѣстно, а вторыми 35 день извѣстнѣ, а третимъ днемъ 31 изящен, а четврътыми день 30 извѣсто, а пятыми день 31 изряденъ, а шестыми день 31 извѣстенъ, 7 день 30 извѣстно, осмыми день 31 изрядно и 9-ми день 31 испытно, а десятыми день 30 извѣстно, 11-ми день 31 изященъ, 12 враты входитъ и двадцать вторыи день извѣстнѣ. Ти тако и западными враты по обходу и по числу восточных вратъ. Тако входитъ и западными враты, и свръшаетъ лѣто деньми 365.[26] (...) Егда кончает ся западнаа врата и възвращаетъ, идетъ на восточныа со свѣтом своим. Тако ходитъ день и нощъ кругомъ, коло его подобно небесѣ. И колесница, на нюже възлазитъ, вѣтръ ходя влекуще. Колесница еа дусѣ же еа летяще, шесты крил коемуждо аггелу. Се есть разщинение лунное.

Постредѣ же небеси видѣх вооружены воа, служаще Богови в тимпанѣх и органѣх непрестанным гласомъ, *и насладих ся послушая их*.

5 небо

И взяста мя оттуду мужа, и вознесоста мя на пятое небо. И видѣх ту многа *воя* игригорьи,[27] видѣхь *200*. Яко видѣниа человѣческо, величество же ихъ вяще чюдовъ великых, и лица их дряхла, и молчание устъ ихъ, и не бѣ служениа. И глаголахъ мужема, сущима со мною: “Что дѣлма суть дряхло зѣло и уныла лица их, и уста их молчаща, и нѣсть службы на небесѣ им?” И отвѣщаста ко мнѣ мужа: “Си суть григории, иже отторгу от *Господа*. (...) И снидоша на землю, и преторгу обѣщание на рамѣ горѣ Ермонониа,[28] осквръняти ся женами человѣческами, и осквръниша ся. И осуди а Господь, и сѣ рыдают о братьи своей, и окаризни бывшим”. Аз же глаголахъ григоромъ: “Аз видѣх братию вашу, и творениа их разумѣх, и молениа ихъ се видя, и молих ся о них. И се осудил есть Господь под землю, дондеже скончают ся небеса и земля. Да воскую ждете братиа своеа, а нѣсте служаще в лице Господне? Поставите службы бывшия, служите во имя Господне! Егда како разгнѣваете Господа Бога вашего, свръжет вы с мѣста сего”.

Стоащу мнѣ въструбиша въ 4 трубы вкупѣ и вослужиша григорѣ, яко единѣмъ гласомъ взиде глас их в лице Господне.

6 небо

И възведоста мя оттуду мужа, и вознесоста мя на 6-е небо. И видѣх ту 7 аггелъ, сочтанъ, свѣтелъ и славен зѣло: и *лица* их, яко луча слъночна блещаща ся, нѣсть различия лицу, или обдержаниа, или соприодръжаниа одръжа. Си строятъ, изучаютъ мирское благочинение: звѣздное хожение, солнечное и лунное, и тѣ вожа аггелы, и гласы небесныа. И все житие смиряетъ небесное. Строят же и заповѣди, и поучениа, и сладогласное пѣниа, всяку хвалу и славу. И аггели же суть над времены и лѣты, и аггели же и на рѣках, и на морѣх, аггели над плоды и травою, и кипящимъ всѣмъ;[29] и аггели людий всѣх, и все житие тѣ строятъ и пишутъ пред лицемъ Господнимъ. И пострѣди ихъ — 7 фуникъ, и 7 херувимъ, 7 шестокрилецъ,[30] единоглаголюще к собѣ и поюще к собѣ, нѣсть повѣсти пѣниа их. Радует ся Господь подножиемъ своимъ.

7 небо

И въздвигоста мя оттуду мужа и вознесоста мя на седмое небо. И видѣх свѣт великъ и вся огненыа воя бесплотных, архаггели, аггели, и свѣтлое стоание офанимское.[31] И убоях ся, и встрепетахъ, и пояста мя мужа въ стреду ихъ, и глаголаша ко мнѣ: „Дръзай, Еноше, не бой ся!"

Показаша ми издалеча Господа, сѣдяща на прѣстолѣ своемъ,[32] и вси вои небеснѣи, съчтании на степень, наступающи покланяху ся Господеви, и пакы отхожаху, и идяху на мѣста своя в радости и во веселии, во свѣтѣ безмѣрнѣ. А славнии служаще ему, нощию не отступающе днесь; стояще пред лицемъ Господнимъ, творяще волю его. И вси вои херувимстеи окрестъ прѣстола его, не отступающе, и шестокрилецъ покрывающе прѣстолъ его, поюще пред лицемъ Господнимъ.

И внегда видѣх се все, и отидоста от мене мужа, и к тому не видѣх ею. Поставиша мя на конецъ неба единаго, и възбоях ся, падох на лици моемъ. И посла Господь единаго от славных своих ко мнѣ — Гаврила, [33] и рче ми: “Дръзай, Еноше, не бой ся! Въстани и пойди со мною, и стани пред лицемъ Господнимъ во вѣки”. И отвѣщах к нему, и рекох: “*Увы* мнѣ, господи, отступи душа моя из мене от страха. И взови ко мнѣ мужа, приведоша мя до сего мѣста, зане тѣма повѣдах, и с тѣма иду пред лице Господне”.

И восхити мя Гаврил, якоже восхи*ща*еть листъ вѣтром, и мча мя, и постави мя пред лицемъ Господнимъ.

О видѣнии Господа

Видѣхъ Господа, лице его силно, и преславно, и страшно. Кто есть исповѣдати, обьяти сущее лице Господне, силное и престрашное, или многоочное его и многогласное, и безрукотвореный превеликый прѣстолъ Господень, или стояние еже есть о немъ херувимстѣй и серафимстѣй вои, или непремѣнное, или неисповѣдаемое, немолчное и славное его служение.

И падох ницъ, и поклоних ся Господеви. И Господь усты своими възва мя: “Дръзай, Еноше, не бой ся! Востани и стани пред лицемъ моим въ вѣкы”. И въздвиже мя Михаилъ, архаггелъ великый Господень,[34] и приведе мя пред лице Господне. И искуси Господь слуги своя, глагола к ним: “Да вступит Енох стояти пред лицем моем въ вѣки”. И поклониша ся славнии, и рѣша: “Да вступит”.

Глагола Господь Михайлови: “Поими Еноха, и совлечи со земных риз, и помажи елеемъ благымъ, и облечи в ризи славны[35]”. И совлече мя Михаил с риз моих, и помаза мя масломъ благимъ. И видѣние масла паче свѣта великаго, масть его — яко роса блага, и воня его, яко измурно, и луча его яко солнечныи. И зглядах вся самъ: и бых, яко единъ от славных, и не бяше различиа взорнаго.[36]

И воззва Господь Веревеила, единаго архаггела своего,[37] иже бяше мудръ, написая вся дѣла Господня. И глагола Господь Веревеилови: «Возьми книгы от хранилницъ, и вдай же трость Енохови, и поглаголи ему книги». И ускори Веревеилъ, и принесе мнѣ книги, изощрени змурениемъ.[38] И вдасть ми трость из руки своея, и бѣ глаголя ми вся дѣла Господня: и земля, и море, и всѣх стухий шествия и житиа, и премѣне лѣт и дний шествиа, и земныа заповѣди и поученна, и сладкогласное пѣние, и входы облакъ, и исходы вѣтръ, и языкъ еврѣйский, и всякъ языкъ, пѣснь новую оруженных вой — и все, елико подобаетъ поучати ся, и исповѣда ми Веревеилъ. 30 дний и 30 нощий и не премолкоша уста его глаголющи. И яз не почих 30 дний и 30 нощи, пиша вся знамениа. И яко конча, глагола ко мнѣ Веревеилъ: “Сяди, напиши, елико ти исповѣдах”. И сѣдох сугубъ 30 дний и 30 нощий, и написахъ извѣсто, и исповѣдах 300 и 60 книгъ.

И възва мя Господь, и постави мя ошуюю себе ближе Гаврила, и поклоних ся Господеви. И глагола ко мнѣ Господь: “Елико же видѣ, Еноше, стоаща и ходяща, и свръшена мною, аз же възвѣшу тебѣ”.

О создании твари

— Преже, даже все не бысть испръва, еликоже сотворих от небытиа в бытие,[39] и от невидимих въ видѣнии, и аггелом моимъ не възвестих тайны моеа, ни повѣдах имъ съставлениа их, ниже бесконечныа моа и неразумныа разумѣша твари, — и тебѣ възвѣщаю днесь. Преже, да иже не быша вся видимая, отвръзе ся свѣт, аз же срѣдѣ свѣта яко единъ прояждях в невидимых, якоже солнце яздитъ от востока до запада, от запада на востокы, солнце же обрящет покой, аз же не обрѣтохъ покоа, зане все *бе*-створя.[40]

Умышле же поставити основание, створити тварь видиму. Повелѣх въ преисподних, да взыдетъ едино невидимых видимо. Изыде Адоилъ, превелики зѣло,[41] и смотрих его, и се то имый въ чревѣ вѣка великаго.[42] И рѣх аз к нему: «Раздруши ся, Адоилъ, и буди видимое разрѣшаемое ис тобе». И разрѣши ся, и изыде из него великый вѣкъ, а тако носяща всю тварь, юже азъ хотѣх сотворити. И видѣх, яко благо.[43] И поставих себѣ прѣстолъ, и сѣдох на немъ, свѣтови же глаголахъ: «Взыди ты выше и утвръди ся,[44] буди основание вышнимъ». И нѣсть превыше свѣта ино ничтоже.

И *у*зрѣх, восклоних ся от прѣстола моего, и возвах во преисподних второе *их* — изыдете от невидимыхъ твердь и видимо.[45] Изыде Арухазъ[46] с твердию, тяжекъ и чрънъ зѣло. И видѣх, яко лѣпо. И рѣх к нему: «Сниде ты долу, и утвръди ся, и буди основание долнимъ». И сниде, и утвръди ся, и бысть основание долнимъ. И нѣсть подо тмою иного ничтоже.

Обив же ефера свѣтомъ, утолстих, прострохъ връху тмы ея. А от вод утвръдих камение велико. Мглам же бezднымъ повелѣх исхнути, наркох же «упадь до бездны». Море събравъ на едино мѣсто, связах е игомъ, дахъ море предѣлъ вѣченъ, не перетергнет ся от вод.[47] Твръду въдружих и основахъ връху вод.[48]

Ко всим же воимъ образовахъ небесѣмъ солнце от свѣта великого, и поставих е на небеси, да свѣтит по земли.[49] От камениа усѣкох огнь великый и огня створих вся воа бесплотных и вся воя звѣздныа. И херувимы, и серафимы, и офанимъ — и се все от огня иссѣкохъ.

Земли же велѣх возрастити древа всяка, и гору всяку, и всяку траву животну, и всяко сѣмя живо, сѣай сѣмя,[50] — преже, да иже не сотворих душь живъ, пищу имъ уготовах.[51]

Морю же повелѣл: породитн своя рыбы и всяк гад, плазащи по земли, и всяку птицу парящую.[52]

Егда скончах все, повелѣх моей прѣмудрости створити человѣка.[53]

Нынѣ же ти елика сказахъ, и елико видѣ на небесѣх, и елико видѣ на земли, и елико написа въ книгахъ — прѣмудростию моею и хитроствовах се, сътворихъ от нижнаго основаниа и до горняго.[54] И до конца ея нѣсть свѣтника, ни слѣдника. Азь самъ вѣченъ, нерукотворенъ.[55] Беспремѣнна мысль моя — съвѣтник есть, и слово мое дѣло есть, и очи мои съгладаета все: аще ли отвращу лице мое, то всеа потребят ся, аще ли призираю, то стоятъ.[56]

Положи умъ свой, Еноше, и познай глаголющаго ти, и возми книги, яже написа. И даю ти Сѣмеила и Расуила, възведшая тя ко мнѣ, и сниди на землю и скажи сыномъ своимъ, елико глаголахъ к тобѣ, елико видѣхъ от нижняго небесѣ и до прѣстола моего, — вся воинества аз сотворихъ, нѣсть противя ся мнѣ или не покоряа ся, и вси покаряют ся моему единовластию и работаютъ моей единой власти. И вдай же имъ книги рукотворениа твоего, и почтутъ и познаютъ Творца ихъ, и разумѣют и тѣ, яко нѣсть творца иного развѣе мене.[57] И раздай книги рукописаниа твоего чадомъ и чаду чадомъ, и поучи ужикы и род в род. Яко дам ти ходатаа, Еноше, архистратига моего Михаила, зане рукописание твое и рукописание отець твоих и Адама и Сифа не потребят ся до вѣка послѣдняго,[58] яко аз заповѣдах аггеломъ Ариоху и Мариоху, яже поставих на земли хранити ю и повелевати временным, да снабдятъ рукописание отець твоих, да не погибнетъ в будущий потопъ, иже азъ творю в родѣ твоемъ. Аз свѣдѣ злобу человѣческу: яко не понесут ярма, иже въздвигнух имъ, ниже сѣютъ сѣмя, яже дах имъ, но отвръгу яремъ мой, и яремъ инъ въсприимут, и всѣютъ сѣмена пустошнаа, и поклонят ся богомъ суетным, и отринутъ единовластье мое, и вся земля съгрѣшит неправдами, и обидами, и прелюбодѣйствы, идолослужении. Тогда потопъ наведу на землю, и земля сама съкрушит

ся в тимѣние велико. И оставлю мужа правдива от племени твоего,[59] со всѣм домом его, иже сътвори по воли моей. И от сѣмени их востанетъ род послѣдний, многъ и несытъ зѣло. Тогда во изводѣ рода того явят ся книгы рукописаниа твоего и отецъ твоихъ, имже стражие земстеи покажуть я мужемъ вѣрнымъ, и скажут ся роду тому и прославят ся в послѣдокъ паче, неже в пѣрвое.

Нынѣ же, Еноше, даю ти *рок прѣждания* 30 дний, сътворити в дому твоемъ и глаголати сыномъ своимъ от мене и домъчадцѣмъ своимъ. И всякъ, иж*е* есть храняй сердце свое, и да прочтутъ и разумѣютъ, яко нѣсть развѣе мене. И по три десяти днехъ аз пошлю аггелъ по тя, и возмут тя ко мнѣ от земля, и от сыновъ твоих; возмут тя ко мнѣ, яко мѣсто уготовано ти есть, и ты будеши пред лицемъ моимъ отселѣ и до вѣка. И будеши видя тайны моя, и будеши книжникъ рабом моимъ, зане будеши написая вся дѣла земная и сущих на земли и на небесѣх, и будеши ми въ свидѣтелство Суда Великаго Вѣка”. Все глагола Господь ко мнѣ, якоже глагола мужь къ искренему своему».

И нынѣ, чада моя, слышите глас отца своего, еликоже аз заповѣдаю вамъ днесь: да ходите пред лицемъ Господним, и елико ти сътворити есть по воли Господни. Аз бо есмь пущенъ от устъ Господень к вамъ глаголать к вамъ, елико есть и елико будетъ до Дни Суднаго. И нынѣ, чада моя, не от устъ моих вѣщаю вамъ днесь, но от устъ Господень, пущешаго мя к вамъ.

Вы бо слышите глаголы моя из устъ моих, точно здана вамъ человѣка, аз же слышах от устъ Господень, огненъ, яко уста Господня пещь огнена, и глаголы его пламы огненый исходя. Вы же, чада моя, видите лице мое, подобно вама здана человѣка, аз же видѣх лице Господне, яко желѣзо от огня раждеженно, искры отпущающи.[60] Вы бо зрите очию точна вамъ здана человѣка, аз же зрѣх очию Господню, яко луча солнца свѣтяще ся, ужасающи очи человѣку. Вы же, чада, видите десницу мою, помавающи вамъ — равна творена вамъ человѣка, аз же видѣх десницу Господню, помавающи ми — исполняющи небо. Вы же видите обьятие тѣла моего, подобна вашему, аз же видѣх обьятие Господне, безмѣрно, бесприкладно, емуже нѣсть конца. Вы бо слышите словеса устъ моих, аз же слышах глаголы Господня, яко грома велика, непрестанным облаком мятение. Нынѣ, чада моя, слышите бесѣдующа о цесари земнемъ — боязнено и бѣдно стати же пред лицемъ цесари земнѣмѣ, страшно, зане воля цесаря — смерть, и воля цесаря — жизнь. Стати же пред лицемъ Цесаря, — кто постоитъ бесконечную боязнь или зноя велика? Но возва Господь от аггелъ своих старѣйших, грозна, постави у

мене, и видѣние аггела того снѣгъ, а руцѣ его — лед, и устуди лице мое, зане не тръпяхъ страха, зноа огненаго. Ти тако глагола Господь вся глаголы своя ко мнѣ.

Нынѣ убо, чада моа, аз всяческаа свѣмъ: ово от устъ Господень, ово очи мои видѣсте; от зачала до конца, и от конца до възвращениа[61] аз все свѣм. И написахъ книги до конца небесѣ и полности их, аз измѣрих хожениа их, и воинесътва ихъ аз сведѣ, исполних звѣзды много множество бесчислене. Который смыслитъ человѣкъ превратныа их обходы или шествиа их, или възвраты их, или водителя их, или водимыя? Ни аггели свѣдятъ ни чисмени ихъ, — аз же имена ихъ написах. И солнечный кругъ аз измѣрих, и л*у*ча ихъ изчтох, и входы его и исходы его, и вся шествиа его, имена их написах. И лунный круг аз измѣрих, и хожениа ихъ по вся дни изщтох, свѣта еа на всякъ день и час, и въ книгах имена ея же исписах. Облачная жилища и уста*в* ихъ, и крила их, и дождя их, и капля ихъ аз ислѣдовах. И написах тутенъ громный и дивъ молниный, и указаша ми ключехранителя их, въсходы их; доже ходятъ в мѣру: узою въносят ся, узою спущают ся, да не тяжкою яростию сдергнутъ облакы, и погубят еже на земли. Яз написах сокровища снѣжнаа и хранилница голотнаа,[62] и въздухы студеныя, аз соглядахъ, на время како ключядръжца их наполняют облаки, и не истощат ся съкровища. Аз написах вѣтреняа ложнища, аз смотрих и видѣх, како ключарѣ их носятъ привесы *и мѣры, первое же влагаютъ въ перевесы*, второе же в мѣру, и мѣрою же испущает на всю землю, да не тяшкым въздыханиемъ землю въсколеблетъ.

Адъ. Оттудѣ сведенъ бых, и приидохъ на мѣсто судное, и видѣх ад отвръстъ, и видѣх ту нѣкоторые боле, яко ужницу, — суд без мѣры. И снидох, и написах вся суды судимиих, и вся впросы их увидѣх, и въздохнух, и плаках ся о погибели нечестивых. И ркох в сердцы моемъ: «Блаженъ, иже не родил ся, или рожешаа ся, не съгрѣшитъ пред лицемъ Господнимъ, да бы не пришелъ на мѣсто се, не бы понеслъ ярма мѣста сего». И видѣх ключныя стража адовы, стоаща у превеликых вратъ, яко аспиды великыи, и ли*ца* их, яко свѣща потухла, *яко пламя помраченное* очеса их, и зубѣ ихъ обнаженна до пръси их. И глаголах в лице их: «И отшел бы бых и не видил вас, иже во нь ради дѣаний вашихъ. И ни племени моего кто придет к вамъ».

Рай. И оттуду възидох в рай и праведных, и видѣх ту мѣсто благословенно, и вся тварь благословенна есть, вси живущи в радости и въ веселии, и въ свѣтѣ безмѣрнѣ, и в жизни вѣчныа.

Тогда глаголахъ: Чада моя, — глаголю вамъ — блаженъ, иже боит ся имени Господни, пред лицѣм его послужитъ выину, и учинит дары,

приносы[63], (...) и жизнию поживетъ, и умретъ. Блаженъ, иже сотворитъ суд праведный: нагаго одежетъ ризою и алчну дасть хлѣб.[64] Блаженъ, иже судитъ суд праведный: сиротѣ, и вдовицѣ, всему обидиму поможетъ.[65] Блаженъ, иже възразитъ ся от пути примѣнна и ходит путми праведными.[66] Блаженъ, сѣяй сѣмена праведнаа, яко и пожнет я седмерицею.[67] Блаженъ, в немже есть истинна, да глаголетъ истинну искренему.[68] Блаженъ есть, емуже въ устнах его милость истинна и кротость.[69] Блаженъ, иже вразумляетъ дѣла Господня, дѣл его ради познаютъ Художника.

И се, чад*а* моя, аз и краи по земли помѣтаа, написах аз; лѣта все складох, и от лѣт сложих мѣсяць, от мѣсяца разщтох днье, и от дни разочтох часы, аз часы измѣрихъ. Исписах и всяко сѣмя на земли, и разнествовахъ всяку мѣру, и всяку привесу праведну аз измѣрих, и исписахъ.

Якоже по лѣтѣх разнествие лѣта честь есть, тако человѣкъ человѣка честнѣе есть: овъ имѣниа ради многа, овъ же мудрости ради сердечныа, ов же разума ради хитрости и молчаниа устеннаго. Нѣсть же никтоже боле боящаго ся Господа, боящи бо ся Господа славнии будутъ в вѣк.[70] Господь рукама своима созда человѣка и в подобии лица своего, мала и велика створи Господь. Укаряа лице человѣче — укаряетъ лице Господне, гнушает ся лица человѣча — гнушает ся лица Господня, презря лица человѣча — презрить лице Господне; гнѣвъ и Суд Великъ, иже плюютъ на лице человѣку.

Блаженъ, иже исправитъ свое на всякого человѣка: яко помощи судиму, и яко подъяти скрушима, и яко подати требующу, зане Суда Великаго все дѣло человѣческое писаниемъ обновит ся. Блаженъ, емуже будетъ мѣра праведна, и ставило праведно, превесы праведныи, зане в день Суда Великаго всяка мѣра, и всяко ставило, и всяка привеса, яко на купле преляжетъ, — и познаютъ кождо мѣру свою и в ту приимутъ мзду.[71] Иже творитъ присно пред лицемъ Господнимъ, управитъ Господь снисканиа его. Иже умножитъ свѣтилникъ пред лицемъ Господнимъ, умножитъ Господь хранилница его. Егда требуетъ Господь хлѣба или свѣща, или борова, или говяда, но тѣмъ искушаетъ Господь сердце человѣку. Яко тогда Господь послетъ свѣтъ свой великый и въ тму, будетъ Суд, да кто ту утаит ся?

Нынѣ, чада моя, положите мысль на сердцех ваших и внушите глаголы отца вашего, елико же вѣщаю к вамъ — от устъ Господень. Възмите книги сиа — книгы рукописаниа отца вашего, и почитайте их, и в них познаите дѣла Господня, яко нѣсть развѣе Господа единаго, иже поставилъ основаниа на безвѣстных, протяглъ небеса на невидимых,

землю поставил, на водах основал ю на непостойных, иже бесщисленую тварь створи единъ[72] (кто ищелъ пръсть земную или пѣсокъ морскый, или капля облачныи?[73]), иже землю и море спряглъ неразрѣшенами узами, иже неразумную лѣпоту от огня исѣкохъ и украсилъ небо, иже от невидимых въ видении всяческых створи, самъ невидимъ сый. И раздайте книги сия чадомъ своимъ и чада чадомъ. И вся ужики ваша, и вси роды вашы, иже смыслятъ и боят ся Господа, и приимутъ я, и годѣ будетъ имъ паче всякого брашна блага, и прочтутъ, и преложат ся к ним! А несмыслении, не разумѣющеи Господа, не приимутъ, но отвръгут ся, отягчит бо иго ихъ. Блаженъ, иже понесетъ иго их, притягнетъ е, яко обрящетъ е въ день Суда Великаго. Аз бо кленю ся вамъ, чада моа, яко преже, даже не бысть человѣкъ, мѣсто Судное уготова ся ему, и мѣрило, и ставило, в немьже искушенъ будетъ человѣкъ, тамо преже уготовано есть. И аз же дѣло всякаго человѣка в писании положю, никтоже не может украсти ся.

Нынѣ убо, чада моя, в тръпѣнии, во кротости пребудите чисмя дний ваших,[74] — да бесконечный вѣк наслѣдуете будущий. И всяка рана, и всяка язва, и зной, и всяко слово зло, аще наидетъ, Господа ради претръпите. А могущии въздания въздати, не воздайте искренему, зане Господь въздалъ есть, вам же будетъ местникъ в День Суда Великаго.[75] Злато и сребро погубите брата ради,[76] да приимите сокровище плотно въ День Судный. И сиротѣ, и вдовицѣ прострете руки ваша, и противу силѣ помозите бѣдному,[77] — и обрящут ся въ кров время тружениа всякого. Скорбь и тяжко, аще наидетъ на вы, и Господа ради отрѣшите,[78] — ти тако обрящете мъзду вашу въ День Судный.

Заутра, и полудни, и вечеръ (...) добро есть ходити въ храмъ Господень славити Творителя всѣх.[79] Блаженъ, иже отверзетъ сердце свое на хвалы и похваляа Господа. Проклятъ, иже отвръзаай сердце свое укорение и оклеветаниа искренему.[80] Блаженъ, иже отвръзаетъ уста своя, благословя и славя Господа. Проклятъ, отвръзая уста своя на клятву и на хульство в лице Господне. Блаженъ, славя вся дѣла Господня. Проклятъ, укаряа тварь Господню. Блаженъ, складая труды рукою своею въздвигнутиа. Проклятъ, глядаа потребити труды чюжаа. Блаженъ, храня основаниа отець идѣжеконечных. Проклятъ, раскажает уставы и предѣлы отецъ своих. Благословенъ, садя миръ. Проклятъ, разаряа мирнующаа. Благословенъ, глаголя «мир», *имѣя мир въ сердце своем. Проклятъ, глаголя,* и нѣсть мира въ сердци его.[81] Все се въ мерилѣ, въ книгахъ изообличает ся въ День Суда Гордаго.

Нынѣ убо, чада моя, храните сердца ваша от всякиа неправды,[82] на ставило свѣта наслѣдуйте въ вѣкы. Не речете, чада моя, «отецъ съ Господомъ есть и умолит ны от грѣха». Видите, яко вся дѣла всякого человѣка аз написаю, и никтоже моего рукописаниа расказити, зане Господь все видитъ.[83] И нынѣ убо, чада моя, внушите вся глаголы

отца вашего, елико же аз глаголю вамъ, — да будутъ вамъ в достояние покоя. И книги, яже дах вамъ, не помѣтайте ихъ, всимъ бо хотящимъ скажите я, нѣколи увѣдайте дѣла Господня.

Се бо, чада моя, приближи ся день рока, и время нудитъ нарочное, и аггели, идутъ со мною, стоятъ пред лицем моимъ. И аз утре взиду на небо вышнее — вѣчное мое достояние, сего ради заповѣдаю вамъ, чада моя, да сотворите все благословение на лици Господни.

Отвѣща Мефусаломъ отцеви своему Енохови: «Что есть годѣ очима твоима, отче? Да сотворимъ брашна пред лицемъ твоимъ. Да благословиши храмы наша и сыны своя, и вся домочадца твоя, прославиши люди своя, да тако по томъ отидеши». И отвѣща Енох сынови своему, и рече: «Слыши, чадо, от дни, иже помаза мя Господь елѣемъ славы своея, и страшно бысть мнѣ, ни сладит ми брашно, ни ми ся хощетъ о земномъ брашнѣ. Но взови братию свою и вся домочадца наша, и старци людстѣи, да поглаголю к ним и отиду». И ускори Мефусаль, и възва братию свою Регима, и Ариима, и Ахазухана, и Харимиона, и старци вси людстѣи, и приведе я пред лице отца своего Еноха. И поклониша ся ему, и прия Енох, и благослови а, и отвѣща к нимъ, глаголя:

«Послушайте, чада! Во дни отца вашего Адама сниде Господь на землю, и присѣтити ея и всея твари своея, юже самъ створи. Призва Господь вся скоты земныя и весь гад земный, и вся птица пернатыя, и приведе я пред лице отца вашего Адама, да наречетъ имена всимъ на земли.[84] И остави я у него Господь, и покори ему все, въ менъшество второе, и оглушь е все поминование, и на послушание человѣку.[85]

Господь бо сотвори человѣка всему стяжанию своему, о семъ не будетъ Суда всякой души живѣ, но человѣку единому. Всим душамъ скотиамъ въ Вѣцѣ Велицѣмъ едино мѣсто есть, и ограда едина, и паствина едина. Не затворит бо ся душа животна, юже сотвори Господь, до Суда, вся же душа оклеветаютъ до Суда. Иже злѣ пасетъ душю свою, безаконитъ свою душу.

А приводяй требу от чистых скот, ицеление есть, — ицѣляетъ душю свою. Умръ*щ*авляяй скотъ всяк безо узы, злозаконие есть, — беззаконитъ свою душю. Дѣя пакость скоту в тай*н*ѣ, злозаконие есть, — беззаконитъ свою душу.

Дѣяй пакость человѣци души, пакоститъ душю свою, и нѣсть ему исцелениа в вѣки, Врѣай человѣка в сѣть, самъ увязнетъ в ней,[86] нѣсть ему исцѣления в вѣки. А врѣяй человѣка в суд, не оскудѣетъ суд его в вѣк.

Нынѣ убо, чада моя, храните сердце ваше от всякия неправды, иже възненавидитъ Господь,[87] паче же от всякия души живы, елико сотвори Господь. Якоже проситъ человѣкъ души своей от Господа, тако сътворитъ всякой души живѣй. Зане въ Вецѣ Велицемъ многа хранилища уготована суть человѣку: храмины добрыи зѣло, храмины злы бес числа. Блаженъ, иже отидетъ въ благословеныя домы, и во злых бо нѣсть обращениа.

И человѣкъ егда положитъ глаголъ на сердци принести даръ пред лице Господне, и руцѣ ему не сотворятъ того, тогда отвратитъ Господь труд рукъ его, и не обрѣтениа. Егда сотвористе руце его, ти поропщетъ сердце его, ни престаетъ болѣзнь сердца его, пороптание спѣшно. Блаженъ человѣкъ, в терпѣнии своемъ принесетъ даръ пред лице Господне, яко обрящетъ отдание, и человѣкъ егда дасть время нарока от устъ своих принести даръ пред лице Господне, ти сотворить е — то обрящетъ отдание; аще ли минетъ время нарочетное, въвратит глаголъ свой, покаание есть не благословит ся. Зане все преждание съблазнъ творитъ.

И человѣкъ, егда прикрыетъ нага, алчну дасть хлѣбъ, обрящетъ отдание. Аще ли поропщетъ сердце его, то погубление творитъ, и не будетъ обрѣтения.[88] И нищий, егда насытнт ся сердце его, и презорствит, тогда погубитъ все благодѣание свое и не обрящет, зане мръзуетъ Господь всякого мужа презорива».

И бысть, егда глагола Енохъ сыномъ своимъ и князем людскымъ, слышите вси людие его и вся ближникы его, яко зоветъ Господь Еноха, и съвѣщаша ся, глаголюще: «Идемъ и цѣлуимъ Еноха». И сниде ся до двою тысящь муж, и приидоша до мѣста Азуханъ,[89] идѣже бяше Енох и сынови его, и старци людстѣи, и целоваше Еноха, глаголюще: «Благословенъ есть Господеви, Царю Вѣчному, нынѣ благослови люди своя и прослави на лици Господни, яко тя избра Господь повѣдателя, отяти грѣх нашихъ».

Отвѣща Енохъ к людемъ своим, глаголя: «Слышите, чада моя. Преже, да иже вся не бышя, преже, да иже не оста вся тварь, постави Господь вѣка тварнаго,[90] и по томъ сътвори всю тварь свою, видимую и

невидимую, и по том же всѣм созда человѣка по образу своему, и вложи ему очи видѣти, и уши слышати, и сердце помышляти, и умъ съвѣтовати.[91] Тогда разрѣши Господь вѣк человѣка ради, и раздѣли на времена и на часы, да размышляетъ человѣкъ временъ прѣмѣны, и конца зачала лѣтъ, и конци мѣсяць, и дний, час, и дасть свою жизнь и смерть. Егда скончает ся вся тварь, юже сотвори Господь, и всякъ человѣкъ идетъ на Суд Господень Великый, тогда времена погибнут, и лѣтъ к тому не будетъ, ни мѣсяци, ни дни, и часа к тому не почтут ся, но станетъ вѣкъ единъ. И вси праведници, иже убѣгнутъ суда великаго Господня, прикупят ся Вѣцѣ Велицѣмъ, купно прикупят ся праведницѣх, и будутъ вѣчнѣи. К тому не будетъ в них труда, ни болѣзни, ни скорби, ни чааниа нужна, ни усилиа, ни нощи, ни тмы, но свѣтъ великъ будет имъ выину. И стѣна неразорима, и рай великъ будетъ имъ кровъ жилища вѣчна. Блажени праведници, иже избѣжать Суда Великаго Господня, зане просвѣтят ся лица яко солнце.

Нынѣ убо, чада моя, съхраните душа ваша от всякоа неправды, елико возненавидѣ Господь;[92] пред лицемъ Господним ходите и тому единому служите, и всяко приношение приносите пред лице Господне.[93] Аще бо возритъ — то ту Господь, яко сотвори Господь небеса; аще призрит на землю и на море и помыслить подъземнаа, — то и ту Господь, зане Господь сотвори всячьскаа, и не укрыет ся всяко дѣло от лица Господня.[94] В долготръпѣние, въ кротости и в озлоблении, и въ скорби ваших изидете болѣзнаго вѣка сего».[95]

О восхищении Енохове

Внегда бѣсѣдовааше Енох людемъ своим, и пусти Господь мрак на землю, и бысть тма, и покры тма стоащаа мужа съ Енохом. И ускориша аггели, и поаша аггели Еноха, и възведоша на небо вышнее. И прия Господь, и постави пред лицемъ своимъ въ вѣкы. И отступи тма от земля, и бысть свѣт. И видѣша людие, и уразумѣша, како взятъ бысть Енохъ, и прославиша Бога, идоша въ храмы своя.

И ускори Мефусаломъ и братиа его, сынове Еноховѣ, и создаша жертвеникъ на мѣстѣ Азухани, отнюдуже взят бысть Енох, и пояша бравы и говяда, и пожроша в лице Господне. И созваша вси людие, пришедшая с ними на веселие. И принесоша людие дары сыномъ Еноховым. И сотвориша веселие и радость 3 дни.

И въ 3 день время вечера глаголаша старци людстѣи к Мефусалому, глаголющи: «Гряди и стани пред лицемъ Господнмъ и лицем людий

своих, *и въ лице требника Господня, и прославиши ся въ людехъ своихъ». И отвѣща Мефусаломъ къ людемъ своимъ*: «Господь Богъ отца моего Еноха то самъ себе въздвигнетъ ерея над людми своими». И преждаша людие нощь ту всю на мѣстѣ Азухани. И пребысть Мефусаломъ близ олтаря, и помоли ся Господеви, и рече: «*Господь вѣка* всего, сына избравый от отца нашего Еноха? И ты, Господи, яви ерѣя людемъ своимъ, и в неразумие сердца бояти ся славы твоея и сотвори по воли твоей все!» И успы Мефусаломъ, и яви ся ему Господь въ видѣнии нощнѣм, глагола ему: «Слыши, Мефусаломъ. Аз есми Господь Богъ отца твоего Еноха, слышай глас людей своихъ. И стани в лице их и в лице олтаря моего, и прославлю тя в лице людий моих сихъ и по вся дни живота твоего». И въстав Мефусаломъ от сна своего, и благослови явльшаго ся ему.

И утреневаша старци людстѣи к Мефусалому, и направи Господь Богъ сердце Мефусалому слышати гласа людска, и глагола к ним: «Господь Богъ наш благое оч*има* его да сотворит на люди своих сихъ». И ускори Сарсанъ, и Хармис, и Зазас, и старци людстѣи, и облекоша в ризу изрядну Мефусалома, и възложиша вѣнец свѣтелъ на главу его. И ускориша людие, и приведоша людие бравы и говяда, и от птицъ все извѣстовано, пожрети Мефусалиму в лице Господне и в лице людско.

И взиде Мефусалимъ на жрътвище Господне, яко денница въсходящи, и вси людие грядущи въ слѣд. И ста Мефусалом у олтаря, и вси людие окрестъ олтаря. И поимше, старци людстѣи связаша бравы и говяда по 4 ноги и положиша на главѣ олтаря. И глаголаша людие к Мефусалиму: «Возми си ножь и заколи извѣстовано си в лице Господне». И простръ Мефусаломъ руце свои на небо, и призва Господа, глаголя: «Увы мнѣ, Господи, кто есмь аз стати на главѣ жрътвеника твоего, на главѣ всих людий твоих, и на вся испытаниа? И даждь благодать рабу твоему в лице людий сих, да разумѣют, яко ты еси! Повели ерѣя людем своим!»

И бысть, внегда молящу ся Мефусалому, — стрясе ся олтарь, и воста ножь от олтаря, и вскочи ножь Мефусалому в руцѣ пред лицѣ всих людей. И въстрепеташа вси людие, и прославиша Господа. И честен бысть Мефусалом в лице Господне и в лице всих людей от дни того. И прия Мефусаломъ, и искла все пришедше из людий. И възрадоваша ся людие, и веселиша ся пред лицемъ Господнимъ и в лице Мефусалома въ день тый, и по том отидоша в домы своя.

А Мефусалом ста на главѣ олтаря и на главѣ всих людей от дни того 492. Наслѣдова всю землю и изиска вся, вѣровавшая Господеви, и пременъшая ся наказа и обрати, и не обрѣте ся человѣкъ, премѣняя ся от лица Господня, вся дни, иже поживе Мефусаломъ. И благослови

Мефусалома Господь о жрътвах, и о дарѣх его, и о всей службѣ, еюже послужи в лицѣ Господне.

И по скончании дний Мефусаломли и яви ся ему Господь въ видѣнии нощнѣм, и глагола ему: «Слыши, Мефусаломе, азъ есми Богъ отца твоего Еноха. Видите волю, яко кончаша ся денье живота твоего, и приближи ся день почиваниа твоего. Взови Нира, сына сыну твоему Ламеху,[96] втораго, и облеци в ризы своя священыя, и поставиша у олътаря моего, и глаголеши ему все, елико ему будетъ во дни его. Зане приближают ся времена погибелныя всей земли и всего человѣка, и всего движущаго ся по земли, яко во дни его будетъ нестроение велико по земли. Зане взненавидит человѣкъ искренему своему, и людие на люди съгрѣзят ся, и языкъ на языкъ възмутитъ рать, наполнит ся вся земли крови и нестроениа зла.[97] К тому же оставят Творца своего, поклонят ся утвръженым на небеси, и хожение по земли, и волнам морским. И възвеличит ся противникъ, и порадует ся о дѣлѣх ихъ. В ражделение мое, вся земля приемлет премѣны устроение свое, и весь плод, и вся трава премѣняет времена своя, почают бо времени погибелнаго. И вси языци измѣнят ся на земли, в съжалѣние мое. И тогда азъ повелю безднѣ изринет ся на землю, и сокровища вод небесных изринет ся на землю.[98] (...) И погыбнет все составление земляное, и сотрясет ся земля вся, и лишит ся крѣпкаго своего и от дни того. Тогда аз преблюду Ноа,[99] сына сыну твоему Ламеху, пръвенца, и воставлю от сѣмени его мира иного, и сѣмя его пребудет в вѣкы».

И въспрянувъ Мефусалом от сна своего, и оскорбѣ о снѣ зѣло; призва вся старца людскыа, и повѣда все, елико глагола Господь к нему, и видѣние, к нему явльшаго ся от Господа. И оскоръбѣша людие о видѣнии его, отвѣща к нему: «Господь владѣеть творити по волѣ своей. Нынѣ сотвори все, якоже глагола Господь к тобѣ».

Возва Мефусаломъ Нира, сына Ламефова втораго, и облече в ризы святительства пред лицѣмъ всих людей, и постави у главы олтарныа, и научи всему, елико сътвори в людех.

О преставлении Мефусалъ

И глагола Мефусалом к людемъ: «Се Нир, се будетъ в лице ваше от днешняго дни княземъ вожь». И отвѣщаша людие къ Мефусалому: «Да будет нам глаголъ Господень, якоже глагола к тебѣ».

И егда глаголаше Мефусаломъ к людемъ, смущаше ся духъ его, и преклони колѣни, и прострѣ руцѣ свои на небо, моли Господа, и молящу ся ему изиде духъ его. И ускори Ниръ и вси лидие, и создаша гробъ Мефусалиму, и положиша ему ливанъ, и трость, и освящениа многа. И иде Нир и людие, въздвигоша тѣло Мефусалимле и положиша и во гробѣ, иже создаша ему. И положиша, и рѣша людие: «Благословенъ бысть Мефусалом в лице Господне и в лице всихъ людей». И снидоша ся оттуду, и глагола Нир к людемъ: «Ускорите днесь, приведете бравы, и унец, и горлицу, и голубь, да пожремъ в лице Господне, и порадует ся днесь, ти по том идѣте в домы своя». И послушаша людие Нира, ерѣа, ускориша и приведоша, и связаша я у главы олтарныя. И взя ножь Ниръ жреческий и пожръ в лице Господне. И ускориша людие, и сотвориша. И веселиша ся в лице Господне весь день, прославиша Господа Бога, Спаса Нирова и в лице людий.

И от дни того и бысть миръ и устроение по всей земли во дни Нировы — лѣт 202. И по томъ премѣниша ся людне от Господа, и начаша ревновати друг къ другу, и людие на люди възмущаху ся, и языкъ на языкъ въста бранью, и бысть мятежь великъ. И слыша Ниръ, ерей, и оскорбѣ зѣло, и рече во сердцы своемъ: «Приближило ся бяше время и глаголы, яже глагола Господь к Мефусалому, отцу отца моего».

О Нировѣ женѣ

И жена Нирова Софонима неплоды суши и не роди Нирови. И бысть Софонима во время старости, и в день смерти и приа во чревѣ своем. А Ниръ, ерѣй, не спа с нею от дни, имже, постави Господь в лице людей. Устыдѣ ся Софонима и потаи ся вся дни, и никтоже не увѣда от людей. И бысть въ день рожества, — и помяну жену свою Ниръ и възва ю к собѣ во храмину, да побѣседуетъ с нею. И иде Софонима к мужу ея, се тай во чревѣ имущи, во время рожества. И видѣвъ ю Ниръ, и постыдѣ ся ею зѣло, и рече к ней: «Что се сотворила еси, жено! И посрамила мя еси пред лицемъ всих людей. И нынѣ отиди от мене, иди, идѣже еси зачала срамоту чрева твоего, да не осквръню руку моею о тебѣ и согрѣшу в лице Господне». И отвѣща Софонима к мужу своему, глаголющи: «Се, господине мой, во время старости моеа, и не бысть во мнѣ унотства — ни вѣмъ, како зачат ся безлобье чрѣва моего». Не вѣрова ей Ниръ, и глагола ей Ниръ второе: «Отиди от мене, егда како уражю тя и согрѣшу в лицѣ Господне».

И бысть, егда Ниръ к женѣ своей глаголаше, и паде Софонима у ногу Нирову и умре. И оскорбѣ Ниръ зѣло, и рече в сердци своемъ: «Егда от Господа моего и бысть ей? И нынѣ милостивъ и Вѣченъ Господь, зане не бысть рука моя на ней». И яви ся Нирови архаггелъ Гаврнлъ, и рече

ему: «Не мни, яко жена твоя Софонима вины ради умре. Се иже от нея родивый ся младенецъ — плод праведенъ есть, и егоже восприемлю на рай, да не будеши дару Божью отець».

И ускори Ниръ, и отвори двери храма своего, и иде ко брату своему Ною, и повѣда ему все, елико бысть женѣ его. И ускори Ной ко клети брата своего, и видѣ женѣ брата своего въ смерти; и утроба еа въ время рожества. И глагола Ной к Ниру: «Не буди печално тебѣ, Нире, брате мой, яко покры Господь днесь срамоту нашу, имже не вѣсть никтоже от людей. И нынѣ подшим ся, погребемъ ю, и покрыетъ Господь бестудие наше». И положиша Софониму на одрѣ, облекоша в ризы чръны, и затвориша двери, и изрыша гроб в тайнѣ. Егда изыдоша ко одру еа, и изыде отрокъ из мертвеныи Софонимы, и сѣдяше на одрѣ. И вниде Ной и Ниръ погребсти Софониму, и увѣдиша отрокъ седящъ у мрътвены сущая, одѣание на немъ. И ужасе ся Ной и Ниръ зѣло, бяше бо отрокъ свѣршенъ тѣломъ, глаголаше усты своими и благословяше Господа. Смотряше его Ной и Ниръ зѣло, глаголаше: «Се от Господа есть, брате мой. И се печать святительства на пръсѣх его, и славенъ взоромъ». И рече Ной к Нирови: «Брате, се обновляет Господь кровъ священиа по нас». И ускори Ниръ и Ной, и омысте отроча, и облекосте в ризы святительства, и дасть ему хлѣб благословеный, ясть. И нарекосте имя ему Мелхиседек.[100] И прия Ной и Ниръ тѣло Софонимы, и совлекосте с нея ризы чръныя, омысте тѣло ея и облекосте в ризы свѣтлыи и изрядны, и создаша ей гробъ. И иде Ной, и Ниръ, и Мелхиседекъ, и погребоша ю честно, явѣ.

И глагола Ной къ брату своему: «Поблюди отрока до времени в тайнѣ, зане пронырѣша людие по всей земли. И нѣкако узрѣша умертвять его». И иде Ной на мѣсто свое.

И се — вся безакониа по всей земли во дни Нировы. И тужаше Ниръ зѣло, паче о отрочати, глаголя: «Что сотворю ему?» Простеръ Ниръ руцѣ свои на небо и призва Господа, глаголя: «Увы мнѣ, Господи Вѣчный! Вся безакониа умножиша ся на земли во дни моя, и разумѣю аз, яко близъ есть скончание наше. И нынѣ, Господи, что есть видѣние отрока сего, и что есть суд его? Или что сътворю ему, да не предрългнет ся с нами в погибели сей?» Услыша Господь Нира, яви ся ему въ видѣнии нощнѣмъ и глагола ему: «Се уже, Нире, велико гибение бысть на земли, к тому не тръплю ни поносу. Се аз мышлю вскорѣ низъпустити погубление велико на землю. А о отрочати не печалуй, Ниръ, зане аз по малѣ пошлю архаггела своего Гаврила, и прииметъ отрока, и посадитъ его в раи Едемъстѣм, не погибнетъ с погыбущими. И азъ показах и, и будет ми ерѣй ерѣемъ в вѣкы Мелхиседекъ. И свящу и, и преставлю и в люди великы священаа мя.

И вставъ Ниръ от сна своего, и благослови Господа, явльшаго ся ему, глаголя: «Благословенъ Господь Богъ отець наших, иже не дасть похулениа святительству моему во святительствѣ отець моих, яко глаголъ твой созда иерѣа велика в ложеснѣх Софонимлих, жены моеа, зане не бысть мнѣ племени. И буди строкъ сый во племени моего мѣсто, и станет сынъмь, и причтеши с рабы своими: со Сонфим, и Онохом, и Русиемъ, и Миламом, и Серухом, и Арусалом, Наилем, и Енохом, и Мефусаиломъ, и рабомъ твоим Ниром. И Мелхиседекъ будетъ глава иерѣемъ в род инъ. Видѣ бо, яко род сей в мятеже скончает ся, и погибнутъ яко вси. И Ной, брат мой, схранит ся в род инъ в саждении, и от племени его востанут люди мнози, и Мелхиседек станет глава иерѣемъ людия, единовластиа служащаа ти, Господи».

И бысть, егда сконца отрок 40 дни въ кровѣ Нировѣ, и глагола Господь архаггелу Гаврилу: «Сниди на землю к Ниру, жерцу, и возми отрока Мелхиседека сущаго, и положи в раи Едемли въ хранитву. Уже бо приближи ся время, и аз пущу вся воды на землю, и погибнут вся сущаа на земли. И воставлю в род ин, и Мелхиседекъ будетъ глава ерѣемъ в родѣ том». И ускори Гаврилъ, и слѣте нощию, и Ниръ бяше спя на одрѣ своемъ нощию, и яви ся ему Гаврил, глагола к нему: «Сице глаголеть Господь к Нирови: пусти отрока ко мнѣ, иже ти поручих». И не позна Ниръ глаголющаго къ нему, и мятяше ся сердце его, егда рече: «Увѣдающи людие отроча, возмуть й и убиют его, зане лукаво бысть сердце людско пред лицем Господнимъ». И отвѣща Гаврилу, и рече: «Нѣсть у мене отрока, и не позная глаголющаго ко мнѣ». И отвѣщав к нему Гаврилъ: «Не бой ся, Нире, аз есми архаггелъ Гаврил. Посла мя Господь, и се поимаю отрока твоего днесь, и иду с нимъ, и положу и в раи Едемьстем».

И помяну Ниръ сонъ пръвый, вѣровавъ и отвѣщавъ Гаврилу: «Благословенъ Господь, пославый тя днесь, ко мнѣ! И нынѣ благослови раба твоего Нира, и поими отрока, и сотвори ему, еликоже глаголано к тобѣ». И взя Гаврил отрока Мелхиседека в нощъ ту на крилѣ свои, и положи в раи Едемъстѣм. И вста Ниръ заутра, иде в кровъ, и не обрѣте отрока. И бысть радость и скорбь Нирови зѣло, зане имяше отрока в сына мѣсто.

Богу нашему слава всегда, нинѣ и присно и в вѣкы вѣкомъ. Аминь.

---

[1] *...в нарочитый день мѣсяца 1-го...* — Первый месяц еврейского календаря — нисан (март—апрель); нарочитый день, возможно, либо первый день пасхи (15 нисана), либо седьмой день пасхи, в который надлежало воздерживаться от всех дел.

[2] *...одѣаниа ею пѣнию раздаанию...* — Не вполне ясное место; все списки дают разные чтения. В ряде списков «раздаанию» заменено на «раздная», один список дает «пѣрие» вместо «пѣние» (таким образом, варианты перевода: «одежды их — пена различная» или «одежды их — перия разные»).

[3] *...лице их яко солнце светя ся, очи их, яко свѣщи горяста ... руцѣ ею, яко крилѣ златѣ...* — Ср. Дан. 10, 6.

[4] *...блеща ся привидѣниемъ лице мое от страха.* — Ср. Дан. 10, 8.

[5] *Дръзай, Еноше, не бой ся...* — Ср. Мф. 14, 27.

[6] *...сыны своа Мефусалома и Ригима...* — В славянском тексте апокрифа старший сын Еноха именуется «Мефусалом», что соответствует еврейскому написанию имени, тогда как в славяно-византийской библейской традиции оно передается как «Мафусал» (Быт. 5, 21); другие дети Еноха не названы в Библии по именам.

[7] *...не отступайте от Бога, и пред лицемъ Господнимъ ходите...* — Ср. 1 Цар. 12, 20; Вт. 10, 12; Быт. 5, 22; 6, 9.

[8] *...и судьбы его схраните...* — Ср. Лев. 18, 5; Вт. 10, 13; Иез. 36, 27.

[9] *...не отвратите жрътвы спасений вашего ... не лишит Господь снискании своих и во хранилницах ваших.* — Ср. Сирах. 35, 1, 4—6, 10.

[10] *Не отступайте от Господа, ни поклоните ся богомъ пустотным, иже не сотвориша ни небеси, ни земли.* — Ср. Вт. 8, 19; Иер. 10, 11.

[11] *Увѣри Господь сердца ваша въ страх свои!* — Ср. Притч. 23, 17.

[12] *И показаша ми сокровища снѣжнаа и голотнаа...* — Ср. Иов. 38, 22.

[13] *И ту видѣх аггелы осуждена, плачющи...* — Ср. Иов. 4, 18; 2 Петр. 2, 4; Иуд. 1, 6.

[14] *...възведоста на третье небо, и постависта мя посреди породы.* — О том, что рай находится на третьем небе есть указание в Библии (см. 2 Кор. 12, 2—4).

[15] *И мѣсто то невидимо добротою видѣниа...* — Ср. Быт. 2, 9.

[16] *И четыре реки мимо текущи тихимъ шествиемъ.* — Ср. Быт. 2, 10—14.

[17] *Всяк град добръ ражающи на пищю.* — Ср. Быт. 2, 9.

[18] *И древо жизненое на мѣстѣ томъ...* — Ср. Быт. 2, 9; Апок. 2, 7.

[19] *...и сотворятъ суд праведенъ: дати хлѣб алчющимъ и нагиа покрыти ризою, а въздвигнути падшаго и помощи обидимымъ...* — Ср. Ис. 58, 7; Иер. 22, 3; Иез. 18, 5, 7—9.

[20] *Се мѣсто, Еноше, уготовано есть нечестивым, творящимъ безбожнаа по земли, иже дѣлаютъ чародѣании и обажениа...* — Ср. Апок. 21, 8.

[21] *...иже рѣшатъ иго вязеще...* — Не вполне ясное место; помимо предложенного в переводе возможно и буквальное понимание:

«которые освобождают узы заключенных», но это вступает в противоречие и с библейским текстом (ср. Ис. 58, 6) и с другими фрагментами самой Книги Еноха, где освобождение заключенных — показатель праведности.

[22] *...и видѣх седмогубный свѣт имат солнце, паче мѣсяца.* — Ср. Ис. 30, 26.

[23] *...о стадии 1 тридесятого испытана...* — Возможен перевод «на расстоянии 31 стадии».

[24] *...и скончають ся дньи лѣта по возвратомъ временным.* — Подобный солнечный календарь, насчитывающий 364 дня в году, встречается в ветхозаветном апокрифе Книги Юбилеев и в эфиопской версии Книги Еноха. Именно этот солнечный календарь засвидетельствован памятниками Кумрана. (Вероятно, применение подобного календаря было связано с попыткой сохранить закрепление праздников года за определенными днями недели, для чего в каждом «месяце» число дней оказывалось кратным семи.)

[25] *...указасте ми 12 врата...* — Согласно эфиопскому тексту Книги Еноха, на небе — 12 ворот, из которых выходят солнце, луна и ветры, но каждый из них проходит через эти ворота своим порядком.

[26] *...и свръшаетъ лѣто деньми 365.* — Видимо, это место в славянском тексте исправлено (первоначально, как говорилось выше, в тексте Книги Еноха описывался год в 364 дня).

[27] *И видѣх ту многа воя игригорьи...* — Игригорьи (Григоры) восходит к греческому ἐγρήγοροι — «бдящие» (ср. Дан. 4, 10). В эфиопском и греческом текстах апокрифа о них содержится подробный рассказ: это ангелы, которые со своим князем спустились на землю и выбрали себе жен из земных женщин («осквернились женами человеческими»), и от них родились исполины, и началось великое нестроение на земле, за это Господь послал на землю потоп. Именно Григоры, согласно данной версии апокрифа, научили мужчин изготовлять оружие, а женщин — пользоваться косметикой и заниматься колдовством (ср. Быт. 6, 1—4).

[28] *...на рамѣ горѣ Ермонониа...* — Ермон («священная гора») — гора на северной границе Палестины, южная часть Антиливана (Вт. 3, 8—9; Нав. 11, 3, 17; 12. 15; 1 Пар. 5, 23; Пс. 89, 13; 133, 3).

[29] *И аггели же суть над времены и лѣты ... и кипящимъ всѣмъ...* — Упоминание ангелов стихий есть в Библии (ср. Апок. 7, 1; 16, 5).

[30] *...7 шестокрилець...* — семь серафимов (ср. Ис. 6, 2).

[31] *...и свѣтлое стоание офанимское.* — В трактате Псевдо-Дионисия Ареопагита (V в.) о девяти ангельских чинах нет такого ангельского

чина. «Офаним» в переводе с древнееврейского буквально означает «колеса» (см. Иез. 1, 15—21).

[32] *Показаша ми издалеча Господа, сѣдяща на прѣстолѣ своемъ...* — Ср. Ис. 6, 1—3.

[33] *И посла Господь единаго от славных своих ко мнѣ — Гаврила...* — архангел Гавриил (см. Дан. 8, 15—26; 9, 20—27; Лк. 1; 11—20, 26).

[34] *И въздвиже мя Михаилъ, архаггелъ великый Господень...* — См. Дан. 10, 13, 21; 12, 1; Иуд. 1, 9; Апок. 12, 7.

[35] *...совлечи со земных риз... и облечи в ризи славны.* — Ср. Зах. 3, 4.

[36] *...и бых, яко единъ от славных, и не бяше различиа взорнаго.* — Ср. Зах. 3, 5.

[37] *И воззва Господь Веревеила, единаго архаггела своего...* — Веревеил — имя встречающееся только в славянском тексте Книги Еноха. Предполагают его происхождение либо из незасвидетельствованного еврейского Бребоэль (соотносимого с новозаветным текстом «им создано все» — Кол. 1, 16), либо считают Веревеил порчей имени Уриил (имени архангела, известного в иудейской и христианской традиции). И то и другое довольно спорно.

[38] *...и принесе мнѣ книги, изощрена, змурениемъ.* — Не вполне ясное место, вероятно, имеется в виду «смирна» (мирра) — благовонная смола, которую использовали не только для умащения живых и бальзамирования мертвых, но и как краситель.

[39] *Преже, даже все не бысть испръва, еликоже сотворих от небытиа в бытие...* — Рассказ о создании творения в Книге Еноха значительно отличается от библейского (см. 1 и 2 гл. Книги Бытия).

[40] *...аз же не обрѣтохъ покоа, зоне все бе-створя.* — Ср. Быт. 1, 2.

[41] *Изыде Адоилъ, превелики зѣло...* — Адоил, неизвестное в других источниках имя, возможно, восходит к названию одного из гностических эонов (вероятно его древнееврейское происхождение: «адо» — означает «вечность его», «ил» — Бог).

[42] *...то имый въ чревѣ вѣка великого.* — Век великий соответствует греческому αἰών («эон») и еврейскому («олам»), что означает и «век», и «мир»; в библейском понимании «олам» — это бесконечный поток времени, вмещающий все существующее; подобное представление об эоне было в раннем христианстве и гностицизме.

[43] *И видѣх, яко благо.* — Ср. Быт. 1, 4.

[44] *...свѣтови же глаголахъ: «Взыди ты выше и утвръди ся...»* — Ср. Быт. 1, 3.

[45] *...изыдете от невидимыхъ твердь и видимо.* — Ср. Быт. 1, 6.

[46] *Арухаз.* — В других списках Архас либо Арухас; возможно, происходит от названия гностического эона (ср. Абрасакс — верховный глава небес и эонов, как бы совмещающий в своем лице их полноту). Возможно и понимание имени Арухаз как «основание, фундамент», от еврейского 'aruch «устраивать, приводить в порядок» и 'az — «твердый». (Ср. «дух тверди» — 3 Езд. 6, 41).

[47] *Море събравъ на едино мѣсто, связах в игомъ, дахъ море предѣлъ вѣченъ, не перетергнет ся от вод.* — Ср. Пс. 103, 9; Иер. 5, 22.

[48] *Твръду въдружих и основахъ връху вод.* — Ср. Быт. 1, 6—10.

[49] *Ко всим же воимъ образовахъ небесѣмъ солнце от свѣта великого, и поставих е на небеси, да свѣтит по земли.* — Ср. Быт. 1, 14—19.

[50] *Земли же велѣх возрастити древа всяка... и всяко сѣмя живо, сѣай сѣмя...* — Ср. Быт. 1, 11 — 12.

[51] *...преже, да иже не сотворих душь живъ, пищу имъ уготовах.* — Ср. Быт. 1, 29; Пс. 103, 14.

[52] *Морю же повелѣх породити своя рыбы... и всяку птицу парящую.* — Ср. Быт. 1, 20.

[53] *Егда скончах все, повелѣх моей прѣмудрости створити человѣка.* — Ср. Быт. 1, 26—27.

[54] *...и елико видѣ на небесѣх ... прѣмудростию моею... сътворихъ от нижнаго основания и до горняго.* — Ср. Пс. 32, 6—9; Притч. 8, 22—31; Ис. 44, 24; 45, 12.

[55] *И до конца ея нѣсть свѣтника, ни слѣдника. Азъ самъ вѣченъ, нерукотворенъ.* — Ср. Ис. 40, 13—14; Сирах. 42, 21—22.

[56] *...аще ли отвращу лице мое, то всеа потребят ся, аще ли призираю, то стоятъ.* — Ср. Пс. 103, 29—30.

[57] *...и разумѣют и тѣ, яко нѣсть творца иного развѣе мене.* — Ср. Ис. 44, 6; 45, 5, 18, 21—22; 46, 9.

[58] *...зане рукописание твое и рукописание отець твоих и Адама и Сифа не потребят ся до вѣка послѣдняго...* — Согласно иудейским источникам, Адаму были вручены ангелом две книги, которые им были переданы Сифу, а затем Сифом вверены Еноху.

[59] *...и вся земля съгрѣшит неправдами... Тогда потопъ наведу на землю ...И оставлю мужа правдива от племени твоего...* — Ср. Быт. 6, 5—8.

[60] *...аз же видѣх лице Господне, яко желѣзо от огня раждеженно, искры отпущающи.* — Ср. Иез. 1, 26—28.

[61] *...аз всяческаа свѣмъ ... от зачала до конца, и от конца до възвращениа...* — Ср. Прем. 7, 17—21.

[62] *Яз написах сокровища снѣжнаа и хранилница голотнаа...* — Ср. Иов. 38, 22.

[63] *...блаженъ, иже баит ся имени Господни, пред лицѣм его послужитъ выину, и учинит дары, приносы...* — Ср. Вт. 10, 12; Сирах. 35, 1.

[64] *Блажен, иже сотворитъ суд праведный: нагаго одежетъ ризою и алчну дасть хлѣб.* — Ср. Ис. 58, 7.

[65] *Блаженъ, иже судитъ суд праведный: сиротѣ, и вдовицѣ, всему обидиму поможетъ.* — Ср. Ис. 1, 17; 58, 6.

[66] *Блаженъ, иже възразитъ ся от пути примѣнна и ходит путми праведными.* — Ср. Притч. 4, 11; 16, 17; 4, 14, 27.

[67] *Блаженъ, сѣяй сѣмена праведнаа, яко и пожнет я седмерицею.* — Ср. Сирах. 7, 3.

[68] *Блаженъ, в немже есть истинна, да глаголетъ истинну искренему.* — Ср. Зах. 8, 16.

[69] *Блаженъ есть, емуже въ устнах его милость истинна и кротость.* — Ср. Мф. 5, 5, 7.

[70] *...тако человѣкъ человѣка честнѣе есть... Нѣсть же никтоже боле боящаго ся Господа, боящи бо ся Господа славнии будутъ в вѣк.* — Ср. Сирах. 10, 24—27.

[71] *Блаженъ, емуже будетъ мѣра праведна, и ставило праведно, превесы праведныи ... познаютъ кождо мѣру свою и в ту приимутъ мзду.* — Ср. Вт. 25, 14—15; Лев. 19, 36; Притч. 16, 11; Иез. 45, 10; Иов 31, 6.

[72] *...иже поставилъ основаниа на безвѣстных, протяглъ небеса на невидимых, землю поставил ...иже бесщисленую тварь створи единъ...* — Ср. Пс. 103, 2—6; 135, 5—9; Ис. 40, 22; 42, 5; Зах. 12, 1; Кол. 1, 16.

[73] *...кто ищелъ пръсть земную или пѣсокъ морскый, или капля облачныи?* — Ср. Ис. 40, 12; Сирах. 1, 2.

[74] *... в тръпѣнии, во кротости пребудите чисмя дний ваших...* — Ср. Сирах 2,4; Л к. 21, 19.

[75] *А могущии въздания въздати, не воздайте искренему, зане Господь въздалъ есть, вам же будетъ местникъ в День Суда Великаго.* — Ср. Вт. 32, 35; Лев. 19, 18; Сирах. 28, 1—2.

[76] *Злато и сребро погубите брата ради...* — Ср. Сирах. 29, 13.

[77] *И сиротѣ, и вдовицѣ прострете руки ваша, и противу силѣ помозите бѣдному...* — Ср. Притч. 19, 17; Ис. 1, 17; Сирах 14, 13.

[78] *Скорбь и тяжко, аще наидетъ на вы, и Господа ради отрѣшите...* — Ср. 1 Петр. 2, 19.

[79] *Заутра, и полудни, и вечеръ (...) добро есть ... славити Творителя всѣх.* — Ср. Пс. 54, 18.

[80] *Проклятъ, иже отвръзаай сердце свое укорение и оклеветаниа искренему.* — Ср. Пс. 100, 5.

[81] *Проклятъ, глаголя, и нѣсть мира въ сердци его.* — Ср. Пс. 27, 3.

[82] *...храните сердца ваша от всякиа неправды...* — Ср. Иез. 18, 8.

[83] *...зане Господь все видитъ.* — Ср. Иер. 16, 17; Сирах. 39, 25.

[84] *Призва Господь вся скоты земныя... и приведе я пред лице отца вашего Адама, да наречетъ имена всимъ на земли.* — Ср. Быт. 2, 19.

[85] *...и покори ему все, въ менъшество второе... на послушание человѣку.* — Ср. Сирах. 17, 4.

[86] *Врѣай человѣка в сѣть, самъ увязнетъ в ней...* — Ср. Пс. 34, 8; Сирах. 27, 29; Притч. 26, 27; Ек. 10, 8.

[87] *...храните сердце ваше от всякия неправды, иже възненавидитъ Господь...* — Притч. 6, 16—19; Вт. 25, 16; Иудифь. 5, 17; Сирах. 15, 13.

[88] *Аще ли поропщетъ сердце его, то погубление творитъ, и не будетъ обрѣтения.* — Ср. Вт. 15, 10; 2 Кор. 9, 7.

[89] *...до мѣста Азуханъ...* — В других списках: Азухань или Ахузань (высказывалось предположение, что первично Ахузань — от еврейского 'aḥuz «схваченный», ибо с этого места Енох был взят и вознесен на небо).

[90] *...постави Господь вѣка тварного...* — Слово «век» в значении «мир» употребляется и в библейском тексте (ср. Евр. 11,3).

[91] *...созда человѣка по образу своему, и вложи ему очи видѣти, и уши слышати, и сердце помышляти, и умъ съвѣтовати.* — Ср. Быт. 1, 26—27; Сирах. 17, 3; 17, 5—6.

[92] *...съхраните душа ваша от всякоа неправды, елико возненавидѣ Господь...* — Ср. Иудифь. 5, 17.

[93] *...пред лицемъ Господним ходите и тому единому служите, и всяко приношение приносите пред лице Господне.* — Ср. Вт. 10, 12—13; Сирах. 35, 1.

[94] *Аще бо возритъ — то ту Господь... зане Господь сотвори всячьскаа, и не укрыет ся всяко дѣло от лица Господня.* — Ср. Пс. 138, 8—10; Иер. 16, 17.

[95] *В долготръпѣние, въ кротости ... изидете болѣзнаго вѣка сего.* — Ср. Сирах. 2, 4; Лк. 21, 19.

[96] *Взови Нира, сына сыну твоему Ламеху...* — Ламех, сын Мафусала, внук Еноха, отец Ноя (Быт. 5, 25; 28—31); имя Нир встречается в Библии, но не применительно к сыну Ламеха (см. 2 Цар. 2, 8).

[97] *...приближают ся времена погибелныя всей земли ... наполнит ся вся земли крови и нестроениа зла.* — Ср. Быт. 6, 5, 6, 13.

[98] *И тогда азъ повелю безднѣ изринет ся на землю, и сокровища вод небесных изринет ся на землю.* — Ср. Быт. 6, 17.

[99] *Тогда аз преблюду Ноа...* — См. Быт. 5, 29; 6, 18.

[100] *И нарекосте имя ему Мелхиседек.* — Мелхиседек («мой царь — праведность»), см. Быт. 14, 18—20; Пс. 109, 4; Евр. 5, 6, 10; 6, 20; 7, 1, 10—11, 15, 17.

ПЕРЕВОД

ИЗ СОКРОВЕННЫХ КНИГ О ВОЗНЕСЕНИИ ПРАВЕДНОГО ЕНОХА

Господи, благослови, Владыка!

Мужа мудрого, великого книжника, которого взял Господь, дабы он увидел и возлюбил высшее житие, непреходящее царство премудрого и великого Бога Вседержителя, дабы стал (он) свидетелем превеликого, многоочитого и неколебимого престола Господнего, пресветлого предстояния слуг Господа и степеней их господства, геенны огненной, неисчислимого состава войска небесного, многого множества стихий и различных видений, несказанного пения херувимского воинства, и света безграничного.

И во время оно сказал Енох: «Когда исполнилось мне 365 (лет), в первый месяц, в известный день первого месяца, я был в доме своем один, скорбя и плача очами своими. И когда лежал на ложе своем и спал, явились мне два мужа столь великих, каких не видел никогда на

земле: лица их сияли подобно солнцу, а очи их были словно свечи горящие, из уст их словно огонь исходил, и одеяния их были как струящаяся пена, и руки их — словно крылья золотые, — (явились) у изголовья моего и позвали меня по имени.

Я встал спешно и поклонился им, и вспыхнуло лицо мое от страха перед увиденным. И сказали мне мужи: „Ободрись, Енох, не бойся, Господь вечный послал нас к тебе, в день сей восходишь ты с нами на небо. Скажи же сынам своим все, что нужно им сделать на земле для дома твоего, и пусть никто не ищет тебя до тех пор, пока не возвратит тебя к ним Господь".

И послушался я их, и пошел позвал сыновей своих Мефусалома и Ригима, и поведал им то, что сказали мне мужи: „И вот я понимаю, чада, что я не знаю, куда иду и что ждет меня. Вы же, дети мои, не отступайте от Бога, и пред лицом Господним ходите, и соблюдайте заповеди его, не прекращайте жертв ради спасения вашего — и не отвергнет Господь труд рук ваших; не лишайте даров Господа — и не лишит (вас) Господь благодеяний своих в хранилищах ваших! Благословляйте Господа первенцами от стад скота вашего — и будете благословенны перед Господом во веки. Не отступайте от Господа и не поклоняйтесь богам суетным, не сотворившим ни небес, ни земли. Да утвердит Господь сердца ваши в страхе своем! Теперь же, чада мои, пусть никто не ищет меня до тех пор, пока Господь не возвратит меня к вам".

И когда говорил это сыновьям своим, позвали меня мужи и взяли на крылья свои.

Первое небо

И вознесли меня на первое небо, и поставили меня там. И привели перед лицо мое старейшину владык звездных чинов, и показали мне путь (звезд) и движение их от года до года. И показали мне двести ангелов, которые управляют звездами и {всем) составляющим небеса. И показали мне там море огромное, много больше моря земного. И ангелы летают на крыльях своих. И показали мне хранилища снега и льда и грозных ангелов, охраняющих кладовые. (...) И показали мне там и хранилища облаков, откуда они выходят и куда входят. И показали мне сокровищницу влаги, подобной оливковому маслу, и ангелов, хранящих сокровища эти, и вид их — что весь цвет земной.

Второе небо

И взяли меня на второе небо мужи те, и поставили меня на втором небе, и показали мне узников, подвергаемых безмерному наказанию. И там увидел я ангелов осужденных, плачущих, и спросил я у мужей, которые были со мною: „За что они мучимы?" И отвечали мне мужи: „Это отступники от Господа, не послушавшиеся повеления Господня и своею волею решавшие". И опечалился я о них. Ангелы же поклонились мне и сказали: „Муж Божий, да помолился бы о нас Господу". Я же отвечал им, говоря: „Кто я есть — человек смертный, чтобы молиться об ангелах; кто знает, куда иду или кто встретит меня, или кто помолится обо мне".

Третье небо

И взяли меня оттуда мужи, и подняли на третье небо, и поставили меня посреди рая. Место то несказанно прекрасно видом: всякое дерево благоцветно, и всякий плод зрел, и всевозможные яства изобилуют, всякое дуновение благовонно. И четыре реки протекают там покойным течением. И все, что рождается в пищу, прекрасно. И древо жизни на месте том, и на нем почивает Господь, когда приходит в рай, и древо это невыразимо прекрасно благоуханием. И рядом другое дерево — масличное, источающее постоянно масло. И всякое дерево благоплодно, и нет там дерева бесплодного. И все место благовонно. Ангелы, охраняющие рай, прекрасные весьма, благим пением своим служат Богу непрестанно все дни. И сказал я: „Сколь чудесно это место!" Отвечали мне мужи: „Место это, Енох, уготовано праведникам, которые претерпят напасти в этой жизни, и душам которых причинят зло, и которые отвратят очи свои от неправды и сотворят суд праведный: дать хлеб алчущим, покрыть нагого одеждой, поднять падшего, помочь обиженным; которые пред лицом Господа ходят и ему одному служат, — тем уготовано это (место) в наследие вечное".

И взяли меня оттуда мужи, и вознесли меня на север неба, и показали мне там место страшное весьма: всякая мука и мучение на месте том, и тьма, и мгла, и нет там света, но огонь мрачный разгорается всегда на месте том, и река огня растекается повсюду; и лед холодный, и темницы, и ангелы лютые и неистовые, имеющие оружие и мучающие без милости. И сказал я: „Как страшно место это!" Отвечали же мне мужи: „Это место, Енох, уготовано нечестивым, творящим безбожное на земле, тем, которые занимаются колдовством, клевещут, похваляются делами своими, и тайно крадут души (человеческие), и вершат дела по

своей воле, и тем, которые богатеют в ущерб имуществу чужому, и тем, кто уморил голодом алчущего, не сумев насытить его, и совлекли (последнее) с нагих, а не одели их. Они не познали Творца своего, но поклонялись богам суетным, создавая идолов и поклоняясь рукотворному. И всем тем уготовано это место в достояние вечное".

Четвертое небо

И подняли меня (мужи) на четвертое небо, и показали мне там все движение солнца и месяца и все лучи (их). И измерил я путь их, и рассчитал свет их, и увидел я, что в семь раз больший свет имеет солнце, нежели месяц. (Видел же) круг их и колесницы, на которых ездит каждый из них, подобно тому, как ходит ветер, и нет им покоя: и днем, и ночью уходят они и возвращаются. И четыре звезды великих высятся справа от колесницы солнца, и четыре слева от солнца — всегда. И ангелы движутся перед колесницей солнечной, и духи летают, двенадцать крыльев у каждого ангела, что мчат колесницу солнца, неся влагу и зной, когда повелит (им) Господь сойти на землю с лучами солнечными.

И отнесли меня мужи на восток неба, и показали мне ворота, из которых выходит солнце в положенное время на протяжении месяцев года, и при уменьшении, и при прибавлении дня. (И видел) шесть ворот одинаковых, раскрытых, (величиной) в тридцать одну стадию ровно, измерил я величину их и не мог постичь огромности их. Из тех ворот восходит солнце и идет на запад: первыми воротами выходит 42 дня, вторыми — 35 дней, третьими — 35 дней, четвертыми — 35 дней, пятыми — 35 дней, шестыми — 42 дня, и снова возвращается шестыми воротами. И по совершению кругового пути вновь входит пятыми воротами 35 дней, четвертыми воротами — 35 дней, третьими воротами — 35 дней, вторыми — 35 дней, и заканчиваются дни года по круговороту времен.

И подняли меня мужи на запад неба, и показали мне там шесть великих ворот раскрытых, в которые заходит солнце по совершении кругового движения по небу из восточных ворот; сообразно тому, из каких восточных ворот восходит, и числу дней — так же заходит в западные ворота. И когда проходит (солнце) через западные ворота, берут четыре ангела венец его и возносят ко Господу, а солнце поворачивает колесницу свою и идет без света, и возлагают на него венец (у восточных ворот). И показали мне такой порядок (движения) солнца и ворота, которыми оно восходит и заходит, — эти ворота сотворил Господь. И солнце смену времен в году указывает.

А лунный порядок другой. Показали мне весь путь луны и все круговое движение ее, и показали мне мужи врата, и указали двенадцать ворот на востоке, и показали мне окружности (движения луны), по которым восходит и заходит луна по установленному времени: первыми воротами на востоке (проходит) точно 31 день, вторыми — точно 35 дней, третьими — ровно 31 день, четвертыми — точно 30 дней, пятыми — несомненно 31 день, шестыми — точно 31 день, седьмыми — точно 30 дней, восьмыми — несомненно 31 день, девятыми — определенно 31 день, десятыми — точно 30 дней, одиннадцатыми — ровно 31 день, двенадцатыми воротами входит точно 22 дня. Также (ходит луна) западными воротами, сообразно круговому движению и числу восточных ворот. Таким же образом входит и западными воротами и совершает год в 365 дней. (...) Когда заканчиваются западные ворота, возвращается и идет к восточным со светом своим. И так ходит кругом днем и ночью, и круг (движения) ее подобен (кругу) небесному. И колесницу, на которую восходит (луна), влечет ветер. У колесницы (луны) духи летают, по шесть крыльев у каждого ангела. Таков порядок лунный.

Посреди же неба я видел воинов вооруженных, служащих Богу непрестанным звучанием тимпанов и органов, и насладился, послушав их.

Пятое небо

И взяли меня оттуда мужи, и вознесли меня на пятое небо. И видел там большое воинство григоров, увидел я двести. Видом своим, как люди, величиной же больше чудес великих, лица их печальны, уста их молчат, и не было службы (на небе том). И спросил я у мужей, бывших со мною: „Почему столь печальны и унылы их лица, и уста их молчат, и нет службы на небе этом?" Отвечали же мне мужи: „Это григоры, которые отказались от Господа. (...) Они сошли на землю и нарушили обет на хребте горы Ермон, чтобы оскверниться женами человеческими, и осквернились. И осудил их Господь, и вот рыдают о братии своей, и наказаны были". (Тогда) сказал я григорам: „Я видел братию вашу и содеянное ими узнал, и мольбу их слышал, и молился о них. Осудил их Господь (пребывать) под землей до скончания небес и земли. Зачем же ждете (судьбы) братии своей, а не служите Господу? Установите прежнюю службу, служите во имя Господне! Ведь если разгневаете Господа Бога вашего, свергнет вас с места этого"

И пока я был там, вострубили одновременно в четыре трубы и начали григоры службу, и поднялся голос их к Господу единым гласом.

Шестое небо

И подняли меня оттуда мужи, и вознесли меня на шестое небо. И увидел я там семь ангелов, сопряженных, пресветлых и преславных: лица их, как лучи солнечные блистают, и нет различия ни в лицах, ни в облике, ни в одеждах (их). Они устанавливают благой порядок мироздания: (управляют) движением звезд, солнца и луны, и ангелов, возящих их, и небесными гласами и обучают (всему этому). И водворяют мир во всем житии небесном. (Они же) создают заповеди и поучения, и сладкогласное пение, и всякую хвалу и славу. И есть ангелы над временами и годами, и ангелы над реками и морями, и ангелы над плодами и травою, и над всем растущим; и (есть) ангелы людей всех, те всею жизнью управляют и пишут (все) перед лицом Господа. И среди них — семь фениксов, семь херувимов и семь шестикрылых, согласующих голоса свои и поющих совместно, и несказанно пение их. И радуется Господь подножию своему.

Седьмое небо

И подняли меня оттуда мужи и вознесли меня на седьмое небо. И увидел я свет великий и все огненное войско бесплотных (сил), архангелов, ангелов, и пресветлое стояние офанимское. И убоялся я, и вострепетал, взяли же меня мужи (и поставили) среди них, говоря мне: „Ободрись, Енох, не бойся!"

И показали мне издалека Господа, сидящего на престоле своем, и все воинства небесные, соединенные по чину, подходили и кланялись Господу, и затем отходили, и шли на места свои в радости и веселии, и в свете безмерном. Славные служат ему, не отступая ни ночью, ни днем; стоят перед лицом Господа, творя волю его. И все воинство херувимов (стоит) вокруг престола его, не отступая, и шестикрылые покрывают престол его, и поют перед лицом Господа.

И когда увидел все это, отошли от меня мужи, и больше я не видел их. Поставили же меня одного на краю неба, и испугался я, и пал на лицо свое. И послал Господь одного из славных своих ко мне — Гавриила, (он же) сказал мне: „Дерзай, Енох, не бойся! Встань и пойди со мной, и

стань перед лицом Господним во веки". Я же отвечал ему, говоря: „Увы мне, господин, отступила душа моя из меня от страха. Позови ко мне мужей, приведших меня на это место, ибо тех знаю и с теми пойду перед лицо Господне".

И вознес меня Гавриил, как возносится лист ветром, помчал меня, и поставил перед лицом Господним.

О созерцании Господа

И увидел я Господа, лицо его могущественное, преславное и внушающее страх. Но кто может поведать (это), объять подлинное лицо Господа, могущественное и внушающее страх, или (лик) его многоочитый и многогласный, превеликий нерукотворный престол Господень, или предстояние пред ним воинства херувимов и серафимов, или неизменное, неисповедимое, несмолкающее славное служение ему?

И пал я ниц, и поклонился Господу. И Господь устами своими воззвал ко мне: „Дерзай, Енох, не бойся! Встань и стань перед лицом моим во веки". И поднял меня Михаил, великий архангел Господень, и привел меня пред лицо Господа. И испытал Господь слуг своих, сказав им: „Да вступит Енох, чтобы стоять перед лицом моим во веки". Славные же поклонились (Господу) и сказали: „Да вступит".

И сказал Господь Михаилу: „Возьми Еноха, и сними с него земные одежды, и умасти елеем благим, и облачи в ризы славы". И снял Михаил одежды мои с меня, и умастил меня елеем благим. И вид (этого) елея ярче света великого, и умащение им — словно росой благой, и благоухание его подобно мирре, и лучи, от него (исходящие), — как (лучи) солнечные. Оглядел же всего себя: стал я, как один из славных, и не было различия по виду.

И воззвал Господь Веревеила, одного из архангелов своих, который был мудр и записывал все дела Господни. И сказал Господь Веревеилу: „Возьми книги из хранилищ, дай Еноху перо и прочти ему книги". Поспешил Веревеил и принес мне книги, изукрашенные смирной. И дал мне перо из руки своей, и рассказал мне все дела Господни: о земле, о море, о движении всех планет и жизни (их), о смене лет и движении дней, о земных заповедях и наставлениях, о сладкогласном пении, о

входах облаков и исходах ветра, о еврейском народе и о всяком народе, и о новой песне вооруженного воинства (небесного) — все, что следует узнать, поведал мне Веревеил. Тридцать дней и тридцать ночей говорили уста его, не умолкая. И я не спал тридцать дней и тридцать ночей, записывая все свидетельства (скорописью). Когда же закончил (читать), сказал мне Веревеил: „Сядь, напиши то, что поведал тебе". Я же, просидев еще тридцать дней и тридцать ночей, подробно записал (все) и исписал 360 книг.

И призвал меня Господь, и поставил меня слева от себя рядом с Гавриилом, я же поклонился Господу. И сказал мне Господь: „Все, что ты видел, Енох, неподвижное и движущееся, сотворено мной, и я (о том) возвещу тебе.

О создании творения

— Прежде, когда не было всего в начале, что я сотворил из небытия в бытие, и из невидимого в видимое, и ангелам моим не возвестил я тайны моей, и не поведал им о создании (всего), и не постигли (они) бесконечного моего и непостижимого творения, — тебе же возвещаю ныне. Прежде, когда не было всего видимого, явился свет, я же среди света один проезжал в невидимом, подобно тому, как ездит солнце с востока на запад и с запада на восток, но солнце находит покой, я же не обрел покоя, поскольку все было несотворенным.

И помыслил я поставить основание, сотворить тварь видимую. И повелел я в преисподнях, да взойдет одно из невидимых в видимое. И вышел Адоил, огромный весьма, и увидел я, что во чреве (своем) содержит (он) век великий. И сказал я ему: «Разрешись, Адоил, и да будет видимое рождено из тебя». И разрешился (Адоил), и вышел из него век великий, несущий всю тварь, которую я хотел создать. И увидел я, что (это) хорошо. И поставил я себе престол, и сел на нем, свету же сказал: «Взойди ты выше, и утвердись, и будь основанием для высшего». И нет превыше света ничего иного.

И увидев (это), поднялся я с престола моего, и воззвал из преисподних второго из них — да выйдет твердь из невидимого в видимое. И вышел Арухаз с твердью, тяжел и черен весьма. И увидел я, что (так) должно. И сказал ему: «Сойди ты вниз, и утвердись, и будь основанием для нижнего». И сошел он и утвердился, и стал основанием для нижнего. И нет под тьмою ничего иного.

И обернул я эфир светом, уплотнил (его) и простер его над тьмою. А из вод утвердил камни великие. Водам же бездны повелел высохнуть, назвал (это место) «пропасть в бездну». Море же собрал в одно место, и связал его узами, и дал морю границу вечную, и не вырвется (оно) из вод (своих). Твердь (же таковую) водрузил и основал поверх вод.

И помимо всех воинств (звездных) создал я на небесах солнце от света великого, и поставил его на небе, дабы светило на землю. Из камня высек огонь великий и из огня сотворил все воинства бесплотные и все воинства звезд. И херувимов, и серафимов, и офанимов — и это все из огня высек.

Земле же я повелел взрастить всякое дерево, и гору всякую, и всякую траву живую, и всякий плод живой, сеющий семя, — прежде, чем сотворить души живые, пищу им приготовил.

Морю же повелел породить в себе рыб и всяких гадов, ползающих по земле, и всякую птицу парящую.

И когда закончил все (это), повелел я премудрости своей сотворить человека.

И вот, то, что я рассказал тебе ныне, и то, что ты видел на небесах, и то, что видел на земле, и то, что ты написал в книгах, — (все) это я создал премудростью своей, и сотворил от нижнего основания до высшего. И до скончания их нет (мне) советника, ни помощника. Сам я — вечен, нерукотворен. Неизменная мысль моя — советник (мой), и слово мое дело есть, и очи мои следят за всем: если отверну лицо мое — все погибнут, если же смотрю — все живут.

Охвати, Енох, (сказанное) умом своим, и осознай, кто говорил с тобой, и возьми книги, которые ты написал. Даю тебе Семеила и Расуила, поднявших тебя ко мне, сойди на землю и скажи сынам своим то, что я сказал тебе, и то, что видел ты от нижнего неба и до престола моего, — все воинства (небесные) я сотворил, и нет противящегося мне или не покоряющегося, все покоряются моему единовластию и служат одной моей власти. И дай им книги, написанные тобой, да прочтут и познают Творца своего, и да уразумеют и они, что нет (у них) иного творца,

кроме меня. И передай книги, написанные тобой, детям и детям детей, и дай наставления близким, и (пусть передаются книги) из рода в род. И дам тебе ходатая, Енох, архистратига моего Михаила, чтобы написанное тобой и написанное праотцами твоими Адамом и Сифом не погибло до века последнего, как заповедал я ангелам (моим) Ариоху и Мариоху, которых поставил над землею, дабы хранили ее и повелевали временным, дабы сохранили (они) рукописание отцов твоих, и не погибло (оно) в грядущий потоп, который я сотворю в роде твоем. Ибо знаю пагубность человеческую: не вынесут бремени, которое я возложил на них, и не будут сеять семя, которое я дал им, но отвергнут бремя, (возложенное) мной, и иное бремя примут, и посеют семена пустошные, и поклонятся богам суетным, и отринут единовластие мое, и вся земля согрешит неправдами, оскорблениями, прелюбодеянием и идолослуже-нием. Тогда потоп наведу на землю, и земля сама сокрушится в грязь великую. И оставлю мужа праведного из племени твоего, со всем домом его, который делал (все) по воле моей. И от семени их поднимется род последний, многочисленный и не пресыщенный. И когда взойдет род тот, явятся книги, написанные тобой и твоими отцами, поскольку стражи земные покажут их мужам верным, и будут (те книги) рассказаны роду тому и будут почитаемы впоследствии более, чем в первый раз.

Ныне же, Енох, даю тебе срок ожидания тридцать дней, чтобы побывал ты в доме твоем и поведал (обо всем) сыновьям твоим и домочадцам твоим от (лица) моего. Всякий, кто блюдет сердце свое, да прочтет (книги твои) и уразумеет, что нет никого кроме меня. И спустя тридцать дней я пошлю ангелов за тобой, и возьмут тебя ко мне с земли, от сыновей твоих; возьмут тебя ко мне, ибо уготовано тебе место, и ты будешь перед лицом моим отныне и вечно. И будешь видеть тайны мои, и будешь книжником над рабами моими, ибо будешь записывать все дела земные и об обитающих на земле и на небесах, и будешь свидетелем моим (во время) Суда Великого Века". Все (это) говорил мне Господь, как говорит муж ближнему своему».

Поучение Еноха своим сыновьям

Теперь же, чада мои, услышьте голос отца вашего и то, что заповедаю вам ныне: ходите перед лицом Господним, (ибо) все, что должно произойти — по воле Господа. Я же послан от уст Господа к вам, дабы сказать вам, что есть и что будет до Дня Судного. И ныне, чада мои, не от уст моих вещаю вам сейчас, но от уст Господа, пославшего меня к вам.

Вы слышите слова мои из уст моих, созданного, подобно вам, человека, я же слышал (слова) из уст Господа, огненных, ибо уста Господа, как печь огненная, и слова его, (как) пламя огненное исходят. Вы, чада мои, видите лицо мое подобно вам созданного человека, я же видел лицо Господа, подобное раскаленному огнем железу, испускающему искры. Вы видите глаза подобно вам, созданного человека, я же видел очи Господа, светящиеся, как лучи солнца, приводящие глаза человеческие в трепет. Вы, дети, видите руку мою, подающую вам знаки — (руку) равного вам сотворенного человека, я же видел руку Господа, подающую знак мне — заполняющую небо. Вы видите охват тела моего, подобного вашему, я же видел пространственность Господа, безграничную и несравнимую, которой нет конца. Вы слышите слова из уст моих, я же слышал глаголы Господа, как гром великий, (приводящие) в непрестанное движение облака. Теперь же, чада мои, услышьте говорящего о царе земном — страшно и претрудно стоять перед лицом царя земного, пугающе, ибо воля царя — смерть, и воля царя — жизнь. (Каково же) стать перед лицом Царя (Небесного), — кто выдержит этот безмерный страх и жар великий? Но призвал Господь одного из ангелов своих верховных, грозного, и поставил рядом со мной, был же ангел бел видом, как снег, а руки его — лед, и остудил лицо мое, поскольку не стерпел бы я страха и жара огненного. И (тогда) сказал мне Господь все слова свои.

Ныне, чада мои, я знаю все: одно из уст Господа (услышал), другое — глаза мои видели; от начала и до конца, и от окончания до нового обращения все я узнал. И записал в книгах обо всем наполняющем небеса до краев (их), и измерил путь их, и воинство их узнал, и записал звезд многое множество бесчисленное. Кто из людей знает о круговом движении их и пути их, и обращении их, или о тех, кто ведет их и (каким образом) ведомы? И ангелы не знают числа их, — я же имена их записал. И солнечный круг я измерил, и лучи сосчитал, и весь путь его, с входами и выходами его, и названия их написал. И лунный круг я измерил, и движение (луны) во все дни исчислил, и свет ее на всякий день и час, и в книгах имена ее записал. И жилища облаков, и порядок (движения) их, и крылья их, и дождь их, и капли (дождя) их я исследовал. И описал грохот грома и блеск молнии, и показали мне хранителей их, и восходы их; ходят же в (нужной) мере: на привязи поднимаются и на привязи опускаются, дабы тяжелым напором не обрушили облака, и (те) не погубили то, что (есть) на земле. И написал я о сокровищницах снега, и хранилищах льда и воздуха холодного, и наблюдал я, как время от времени хранители их наполняют (ими) облака, но не истощаются сокровищницы. И написал я об опочивальне ветров, смотрел я и увидел, как хранители их, носящие весы с собой и меры, на одну (чашу) весов кладут (сокровища), во вторую же — меру, и сообразно мере отпускают (их) на землю, дабы чрезмерным ветром не всколыхнуть землю.

Ад. Оттуда сведен я был вниз, и пришел на место судное, и увидел ад отверстый, и узрел там тех, кому хуже, чем узникам, — наказание безмерно. И спустился я, и написал о всяком наказании осужденных, и все вопрошения их узнал, и вздохнул, и плакал о погибели нечестивых. И сказал я в сердце своем: «Блажен, кто еще не родился, или родившийся, но не согрешивший перед лицом Господа, дабы не попал на место это и дабы не понес бремени места этого». И видел я стражей ада, стоящих у великих ворот и подобных аспидам огромным, лица их, как свечи потухшие, глаза их, как пламя померкшее, и зубы их обнажены до персей их. И сказал я в присутствии их (осужденным): «(Лучше) бы я ушел и не видел вас, ибо (попали) сюда за деяния ваши. И да не придет никто из племени моего к вам».

Рай. И оттуда взошел я в рай праведных, и видел там место благословенное, и вся тварь благословенна, и все живут в радости и веселии, и в свете безмерном, и в жизни вечной.

Тогда сказал (Енох): Чада мои, — говорю вам, — блажен, кто боится имени Господа, и перед лицом его будет служить всегда, и совершать дары и приношения (Господу), (...) проживет жизнь (праведно), и умрет. Блажен, кто будет творить суд праведный: нагого облачит в одежды и голодному даст хлеб. Блажен, кто судит суд праведный: сироте, и вдовице, и всякому обиженному поможет. Блажен, кто сойдет с пути временного и ходит путями праведными. Блажен, кто сеет семена праведные, ибо и пожнет их всемеро. Блажен, в ком есть истина, и да глаголет истину ближнему (своему). Блажен, у кого в устах — милость истинная и кротость. Блажен, кто разумеет дела Господа, ибо благодаря делам его познается Создатель.

И вот, дети мои, я обозрел землю до краев ее, и (все) записал; все года сложил, и из лет разделил месяцы, и в месяце рассчитал дни, дни разделил на часы, часы же измерил. И описал всякое семя на земле, и определил каждую меру, и каждые весы правильные я измерил, и (все это) записал.

И как в различии между годами (каждый) год (своим) примечателен, так и (каждый) человек (в чем-то) достойнее другого: кто благодаря большому богатству, кто благодаря сердечной мудрости, кто благодаря остроте ума или молчанию уст. Но нет никого достойнее боящегося Господа, ибо боящиеся Господа славны будут во век. Господь руками своими создал человека в подобие лица своего, малого и великого сотворил Господь. И кто оскорбляет лицо человеческое — оскорбляет лицо Господа, кто гнушается лица человеческого — гнушается лица

Господа, презирающий лицо человека — презирает лицо Господа; гнев (Господа) и Суд Великий (ждет) тех, кто плюет в лицо человеку.

Блажен, кто осуществит должное по отношению к каждому человеку: поможет осуждаемому, поднимет упавшего и подаст нуждающемуся, ибо (в день) Суда Великого всякое дело человека возобновится благодаря написанному. Блажен, у кого будет мера праведная, и весы праведные, и гири праведные, так как в день Суда Великого мера каждого, и весы (его), и гири словно при покупке приложатся, — и узнает каждый меру свою и соответственно ей примет мзду. (Тому), кто всегда творит перед лицом Господа, Господь добавит приобретений. (Тому), кто умножает светильники перед лицом Господа, Господь умножит то, что в хранилищах его. Разве нужны Господу хлеб или свечи, или боров, или бык, этим испытывает Господь сердце человека. Ибо когда Господь пошлет свой свет великий во тьму и будет Суд, кто тогда (сможет) утаиться?

Ныне же, чада мои, запечатлейте в душах своих и внемлите словам отца вашего, (ибо) то, что говорю вам — от уст Господних. Возьмите книги эти — книги, написанные рукой отца вашего, и прочтите их, и из них узнаете дела Господа, и что нет никого, кроме Господа единого, который поставил основания на неведомом, и простер небеса над невидимым, землю поставил, на водах ее основав непостоянных, который бесчисленную тварь сотворил один (а кто {может) сосчитать пыль земную или песок морской, или капли в облаках?), который землю и море соединил нерушимыми узами, который немыслимую красоту из огня высек и украсил небо, который из невидимого в видимое все сотворил, сам будучи невидимым. Раздайте эти книги чадам своим и чадам чад. И все близкие ваши, и все родные ваши, которые знают и боятся Господа, да примут их, и да будут они им нужнее всякой пищи благой, и да прочтут и будут верны им! А неразумные, не знающие Господа, (которые) не примут их, но отвергнут, тем отягчат бремя свое. Блажен, кто понесет бремя (книг этих), примет его, ибо обретет тот в день Суда Великого. Клянусь вам, чада мои, что еще до рождения человека место Судное уготовано ему, и мера, и весы, которыми будет испытан человек, там уже уготованы. Я же дело всякого человека на письме изложу, и никто не сможет укрыться.

Ныне же, чада мои, да пребудете в терпении и кротости число дней ваших, — да наследуете жизнь вечную в будущем. И всякое бедствие, и всякое страдание, и зной, и всякое слово злое, если сойдет (на вас), стерпите Господа ради. И хотя можете отплатить расплатой, не воздавайте ближнему, ибо один Господь воздает, и будет отмщающим за вас в День Суда Великого. Золотом и серебром пожертвуйте ради брата, дабы принять сокровище плотское в День Судный. Сироте и вдове протяните руки ваши, и по возможности (своей) помогите

бедному, — и обретете покровительство во время всяких трудов. От скорби и печали, если найдет на вас, Господа ради отрешитесь, — и обретете воздаяние в День Судный.

Утром, и в полдень, и вечером (...) благо есть ходить в храм Господень славить Творца всех. Блажен, кто раскрывает сердце свое для хвалы и хвалит Господа. Проклят раскрывающий сердце свое для хулы и клеветы на ближнего. Блажен, кто раскрывает уста свои, благословляя и славя Господа. Проклят раскрывающий уста свои для проклятия и хулы перед лицом Господа. Блажен прославляющий все дела Господни. Проклят оскорбляющий творение Господа. Блажен создающий трудом рук своих. Проклят стремящийся уничтожить труды других. Блажен хранящий устои предков. Проклят нарушающий установление и законы предков своих. Благословен творящий мир. Проклят уничтожающий мирное. Благословен говорящий «мир (вам)» и имеющий мир в сердце своем. Проклят говорящий то, но не имеющий мира в сердце своем. Все это на весах и в книгах проявится в День Суда Высшего.

Ныне, чада мои, блюдите сердца ваши от всякой неправды, да унаследуете свет во веки. Не говорите, дети мои, «отец (наш) с Господом и избавит нас от греха». Знайте, что все дела всякого человека я записываю, и никто не может уничтожить написанного мной, потому что Господь все видит. И теперь, чада мои, усвойте все слова отца вашего, которые я говорю вам, — да будут (они) вам в достояние покоя. И книги, которые я дал вам, не отбросьте и всем хотящим растолкуйте их, дабы узнали дела Господа.

И вот, чада мои, приближается день назначенный, и время подходит установленное, и ангелы, (которые) идут со мной, (уже) стоят перед лицом моим. Утром я поднимусь на небо высшее — вечное мое достояние, и потому заповедаю вам, дети мои, делайте все то, что благословенно Господом.

Отвечал же Мефусалом отцу своему Еноху: «Что угодно глазам твоим, отец? Да приготовим еду (из того) для тебя. И да благословишь дома наши и сыновей своих, и всех домочадцев своих, и прославишь людей своих, и после этого уйдешь». Енох же ответил сыну своему, говоря: «Знай, чадо, что с тех пор, как умастил меня Господь елеем славы своей, и вострепетал я, не услаждает меня пища, и не хочется мне (ничего) из земных блюд. Но позови братьев своих и всех домочадцев наших, и старейшин народа, дабы говорил с ними, и (после) отойду». И поспешил Мефусалом, и позвал братьев своих Регима, Ариима, Ахазухана и Харимиона, и всех старейшин народа, и привел их пред

лицо отца своего Еноха. И поклонились ему, и принял (их) Енох, и благословил, и обратился к ним, говоря:

«Послушайте, чада! Во дни отца вашего Адама сошел Господь на землю, чтобы посетить ее и все сотворенное им, которое сам создал. И призвал Господь всех зверей земных и всех гадов земных, и всех птиц пернатых, и привел их пред лицо праотца вашего Адама, чтобы дал он имена всем на земле. И оставил их Господь у него, и подчинил ему всех, сделав вторыми (после человека), и лишил всех их разума, дабы повиновались человеку.

Господь сотворил человека (господином) всему владению своему, и потому не будет Суда никакой душе живой, но только человеку. Всем душам животных (уготовано) одно место, и предел один, и пастбище одно в Веке Великом. И не укроется душа живая, которую сотворил Господь, во время Суда (Великого), и все души, которых оклевещут, (сохранятся) до Суда. И тот, кто плохо заботится о душе своей, предает свою душу беззаконию.

Приносящий жертву от чистых животных, (что) есть исцеление, — исцеляет душу свою. Умерщвляющий же скот всякий, не связав его, (что) есть преступление, — предает душу свою беззаконию. И творящий злое животным в тайне, (что) есть преступление, — предает душу свою беззаконию.

Творящий злое душе человеческой, творит злое душе своей, и нет ему исцеления во веки. Толкающий человека в сеть, сам в ней увязнет, и нет ему исцеления во веки. Вершащий суд над человеком будет осужден во веки.

И ныне, чада мои, храните сердца ваши от всякой неправды, которую возненавидит Господь, более всего по отношению ко всякой душе живой, которую создал Господь. И что просит человек для своей души от Господа, пусть то же сотворит всякой душе живой. Поскольку в Веке Великом многие обители уготованы человеку: обители благие весьма и обители злые бесчисленные. Блажен, кто отойдет в благословенные обители, ибо из злых нет возвращения.

Когда решит человек в сердце своем принести дар Господу, а руки его того не сотворят, тогда отвергнет Господь труд рук его, и не обретет

ничего. И если сотворят руки его, но сердце его будет роптать, то не прекратится боль сердца его, (ибо) роптание его поспешно. Блажен человек, (который) в терпении принесет дары Господу, ибо обретет воздаяние. И если человек назначит устами своими срок принесения дара Господу и совершит это — обретет воздаяние; если же пройдет назначенное время, и откажется (человек) от слова своего, то (даже если) раскается, не будет (ему) благословения. Поскольку всякое промедление порождает искушение.

Человек, который прикроет нагого и алчущему даст хлеб, обретет воздаяние. Если же начнет роптать сердце его, то погубит (себя) и не обретет (воздаяния). И (если) нищий, когда насытится сердце его, возгордится, то погубит все благодеяние свое и не обретет (воздаяния), ибо мерзок Господу всякий муж возгордившийся».

И было: когда говорил Енох сыновьям своим и князьям народа, услышали все люди его и все близкие его, что призывает Еноха Господь, и, посовещавшись, сказали: «Идем и приветствуем Еноха». И собралось до двух тысяч мужей, и пришли на место Азухан, где был Енох и сыновья его, и старейшины народа, и приветствовали Еноха, говоря: «Благословен ты у Господа, Царя Вечного, ныне же благословил ты людей своих и прославил (их) перед Господом, ибо тебя избрал Господь, чтобы поведал (о творении его) и отнял грехи наши».

Отвечал же Енох людям своим, говоря: «Слушайте, чада мои. Сначала, когда всего не было, прежде, чем появилось все творение, создал Господь мир сотворенный, и после этого создал все творение свое, видимое и невидимое, и после всего этого создал человека по образу своему, и дал ему глаза видеть, и уши слышать, и сердце желать, и ум решать. Тогда освободил Господь мир ради человека, и разделил (век) на времена и часы, да размышляет человек о смене времен, и конце и начале лет, и окончании месяцев, и дней, и часов, да знает (о конце) своей жизни — смерти. Когда же перестанет существовать все, что сотворил Господь, и всякий человек придет на Суд Господа Великий, тогда исчезнут времена, и лет больше не будет, и ни месяцы, ни дни, ни часы более не будут сосчитываться, но настанет век единый. И все праведники, которые избегнут наказания Господнего великого, соединятся в Веке Великом, вместе соединятся праведники, и будут пребывать (там) вечно. И более не будет им ни труда, ни болезни, ни скорби, ни ожидания невзгод, ни тягот, ни ночи, ни тьмы; свет великий будет для них всегда. И стена неразрушимая в раю великом будет защитой их жилища вечного. Блаженны праведники, которые избегнут Суда Великого Господнего, ибо озарятся лица их подобно солнцу.

Ныне же, чада мои, оберегайте души ваши от всякой неправды, которую возненавидел Господь; перед лицом Господа ходите и ему одному служите, и всякое приношение приносите перед лицо Господа. Если посмотрит (человек) ввысь — то там Господь, ибо Господь сотворил небеса; если посмотрит на землю и на море и подумает о том, что под землей, — то и там Господь, поскольку Господь сотворил все, и не скроется ни одно дело от лица Господа. (Вы же) с долготерпением и кротостью сквозь страдания и мучения ваши пройдите болезненный век сей».

О вознесении Еноха

И когда говорил (это) Енох людям своим, послал Господь мрак на землю, и была тьма, и покрыла тьма стоящих с Енохом мужей. Поспешили ангелы, и взяли ангелы Еноха, и вознесли (его) на небо высшее. И принял (его) Господь, и поставил перед лицом своим во веки. И отступила тьма от земли, и был свет. И увидели люди, и поняли, что взят был Енох, и, прославив Бога, пошли в дома свои.

И поспешил Мефусалом и братья его, сыновья Еноха, и сделали жертвенник на месте Азухань, откуда взят был Енох, и, взяв боровов и быков, принесли их в жертву Господу. И созвали всех людей, дабы пришли к ним на пир. И принесли люди дары сыновьям Еноха. Радовались и веселились три дня.

И в третий день во время вечернее сказали старцы людские Мефусалому, говоря: «Иди и встань пред лицом Господа и лицом людей своих перед алтарем Господним и будешь славен в людях твоих». Отвечал же Мефусалом людям своим: «Господь Бог отца моего Еноха сам изберет иерея над людьми своими». И ждали люди всю ту ночь на месте Азухань. И пребывал Мефусалом у алтаря, и молился Господу, говоря: «Господь всего века, (этого) ли сына отца нашего Еноха избрал ты? Господи, яви иерея людям своим, да в неразумии сердца (их) боятся славы твоей и творят все по воле твоей!» И уснул Мефусалом, и явился ему Господь в видении ночном, и сказал ему: «Услышь, Мефусалом. Я Господь Бог отца твоего Еноха, услышал я глас людей своих. Встань же перед ними и перед алтарем моим, и прославлю тебя перед этими людьми моими на все дни жизни твоей». И востал Мефусалом от сна своего, и благословил явившегося ему.

Утром пришли старцы людские к Мефусалому, и направил Господь Бог сердце Мефусалома послушаться гласа людского, и сказал им

{Мефусалом): «Да сотворит Господь Бог наш благое в глазах его для этих людей своих». Поторопились же Сарсан, Хармис и Зазас, старейшины народа, и облекли Мефусалома в одежду необычайную, и возложили венец светлый на голову его. И спешно привели люди боровов и быков, и из птиц все, что положено, чтобы принес Мефусалом жертву перед лицом Господа и перед лицом людей.

И поднялся Мефусалом к жертвеннику Господнему, подобно заре встающей, и все люди шли за ним. И встал Мефусалом у алтаря, и все люди — вокруг алтаря. Старейшины народа, взяв боровов и быков, связали их по четыре ноги и положили на главе алтаря. И сказали люди Мефусалому: «Возьми нож и заколи назначенное перед лицом Господа». Мефусалом же простер руки свои к небу и призвал Господа, говоря: «Увы мне, Господи, кто есть я, чтобы стать во главе жертвенника твоего и во главе всех людей твоих на все испытания? Яви благодать рабу твоему перед лицом людей сих, да знают, что это ты! Назначь иерея людям своим!»

И было, когда молился Мефусалом, — сотрясся алтарь, и поднялся нож с алтаря, и вскочил нож в руки Мефусалому перед лицом всех людей. И объял всех людей трепет, и прославили Господа. И был почитаем Мефусалом в глазах Господа и в глазах всех людей с того дня. И взял Мефусалом (нож), и совершил заклание всех (жертв), принесенных людьми. И возрадовались люди, и возвеселились перед лицом Господа и перед лицом Мефусалома в тот день, и после этого разошлись по домам своим.

И стоял Мефусалом во главе алтаря и во главе всех людей с того дня 492 (года). Наследовав всю землю, разыскал он всех, веровавших в Господа, а отвратившихся (от Господа) наказал и обратил (вновь), и не было человека, отвращающегося от Господа, во все дни, которые прожил Мефусалом. И благословил Господь Мефусалома и в жертвах, и в дарах его, и во всей службе, которую совершал он перед Господом.

И когда приближались к концу дни Мефусалома, явился ему Господь в видении ночном и сказал ему: «Услышь, Мефусалом, я Бог отца твоего Еноха. Знай же волю (мою), ибо кончились дни жизни твоей, и приблизился день отдохновения твоего. Призови Нира, второго сына Ламеха, сына твоего, и облеки (его) в одежды свои священные, и поставь у алтаря моего, и скажи ему все, что будет с ним во дни его. Ибо приближаются погибельные времена для всей земли, и всякого человека, и всего движущегося по земле, ибо в дни его будет беспорядок огромный на земле. Поскольку возненавидит человек ближнего своего, и люди на людей нападут, и народ против народа

поднимет войско, и наполнится земля кровью и пагубным беспорядком. И тогда оставят Творца своего, и будут поклоняться утвержденным на небе (светилам), и ходящим по земле, и волнам морским. И возвеличится противник, и порадуется делам их. И к негодованию моему, вся земля воспримет перемену устройства своего, и всякий плод, и всякая трава изменят пору свою, ибо начнут предчувствовать время погибельное. И все народы изменятся на земле, к огорчению моему. Тогда я повелю бездне низринуться на землю, и запасы вод небесных устремятся на землю. (...) И погибнет все составляющее землю, и сотрясется вся земля, и лишится крепости своей с того дня. Тогда я сохраню Ноя, первенца сына твоего Ламеха, и воссоздам от семени его иной мир, и семя его пребудет во веки».

И пробудился Мефусалом от сна своего, и опечалился о сне весьма; призвал всех старейшин народа и поведал (им) все, что сказал ему Господь, и о видении, явившемся ему от Господа. И опечалились люди из-за видения его, и ответили ему: «Господь властен творить по воле своей. Теперь же сделай все, как говорил тебе Господь».

Призвал Мефусалом Нира, второго сына Ламеха, и одел его в одежды священные перед лицом всех людей, и поставил (его) у главы алтаря, и научил всему, что совершал среди людей.

О преставлении Мефусалома

И сказал Мефусалом людям: «Вот Нир, он будет перед лицом вашим с этого дня князем и главою». И ответили люди Мефусалому: «Да будет нам по слову Господа, которое он сказал тебе».

И когда говорил Мефусалом людям, взволновался дух его, и преклонил (Мефусалом) колени, и простер руки свои к небу, и молился Господу, и во время молитвы отошел дух его. И поспешили Нир и все люди, и создали гробницу Мефусалому, и положили ему ладан, и жезл, и многое священное. Пошел Нир и люди, подняли тело Мефусалома и положили его в гробницу, которую сделали ему. Положили и сказали люди: «Благословен был Мефусалом перед лицом Господа и перед лицом всех людей». И (когда) спустились оттуда, сказал Нир людям: «Поторопитесь сейчас и приведите боровов, и быков, и горлиц, и голубей, да принесем жертву перед лицом Господа, да порадуется (Господь) ныне, а после пойдете в дома свои». Послушали люди Нира, иерея, поспешили и привели (животных), и связали их у главы алтаря. Взял Нир нож для жертвоприношений и принес жертву перед лицом Господа. Поспешили

же люди и совершили. И радовались перед лицом Господа весь день, и прославляли Господа Бога, Спасителя Нира перед лицом всех людей.

И с того дня был мир и порядок по всей земле во дни Нировы — двести два года. А потом отвратились люди от Господа и начали завидовать друг другу, и люди на людей подниматься, и народ на народ пошел войной, и была смута великая. И услышал Нир, иерей, и опечалился весьма, и сказал в сердце своем: «Приблизилось время, и (исполнились) слова, которые сказал Господь Мефусалому, отцу отца моего».

О жене Нира

Жена Нира Софонима была бесплодна и не родила Ниру. Во времена же старости (своей) и в дни смерти (своей) зачала Софонима в чреве своем. А Нир, иерей, не спал с нею с того дня, как поставил (его) Господь (служить) перед лицом людей. Устыдилась Софонима и скрывалась все дни, и никто из людей (это) не узнал. И было, в (тот) день, когда должна была родить, — вспомнил Нир о жене своей и позвал ее к себе в покои, чтобы побеседовать с ней. И пошла Софонима к мужу своему, имея тайное в чреве своем, когда приблизилось ей время родить. И увидел ее Нир, и испытал стыд из-за нее, и сказал ей: «Что ты натворила, жена! Ты посрамила меня перед лицом всех людей. Отойди от меня ныне и иди (туда), где зачала ты позор чрева своего, да не оскверню рук моих тобою и да не согрешу перед лицом Господним». И ответила Софонима мужу своему, говоря: «Господин мой, это (случилось) во время старости моей, и не было во мне (уже) молодости — не знаю, как зачала невинность чрева моего». Не поверил ей Нир и сказал ей снова: «Уйди от меня, чтобы не ударил тебя и не согрешил (тем) перед Господом».

И было, когда говорил Нир жене своей, упала Софонима у ног Нира и умерла. И опечалился Нир весьма, и сказал в сердце своем: «Не от Господа ли моего это случилось с ней? И ныне милостив Вечный Господь, ибо не было руки моей на ней». И явился Ниру архангел Гавриил, и сказал ему: «Не думай, что жена твоя Софонима из-за вины (своей) умерла. Рожденный ею младенец — плод праведный, который вознесу в рай, и да не будешь отцом дару Божьему».

И поторопился Нир, отворил двери дома своего и пошел к брату своему Ною, и поведал ему все, что было с женой его. И поспешил Ной к дому брата своего, и увидел жену брата своего мертвой; утробе же ее было время родить. И сказал Ной Ниру: «Не печалься, Нир, брат мой, ведь покрыл Господь ныне позор наш, так что не узнает (об этом) никто из

людей. А теперь позаботимся о том, чтобы похоронить ее, и покроет Господь бесчестие наше». И положили Софониму на одре, и облекли ее в черные одежды, затворили дверь и выкопали могилу в тайне. И когда пошли к одру ее, родился отрок от мертвой Софонимы и сидел на одре. И вошли Ной и Нир, чтобы похоронить Софониму, и увидели отрока, сидящего около мертвой, и одежды (были) на нем. И ужаснулись Ной и Нир весьма, ибо был отрок совершен телом, говорил устами своими и благословлял Господа. И смотрели на него Ной и Нир внимательно, и сказал (Нир): «Это от Господа, брат мой. И вот печать священства на груди его, и славен видом». И сказал Ной Ниру: «Вот брат, обновляет Господь кров священный на смену нам». Поспешили же Нир и Ной, и омыли отрока, и облекли в одежды священства, и дали ему хлеб благословенный, и ел. Нарекли имя ему Мелхиседек. И взяли Ной и Нир тело Софонимы, и сняли с него черные одежды, омыли тело ее и одели в одежды светлые и праздничные, и сделали ей гробницу. И пошли Ной, Нир и Мелхиседек, и похоронили ее с почетом, открыто.

И сказал Ной брату своему: «Храни отрока до времени в тайне, ибо стали вероломными люди по всей земле. И вдруг увидев, убьют его». И ушел Ной на место свое.

И вот — всяческие беззакония по всей земле в дни Нировы. И переживал Нир весьма, более же (всего) об отроке, и говорил: «Что могу сделать для него?» И простер Нир руки свои к небу, и призвал Господа, говоря: «Увы мне, Господи Вечный! Всякие беззакония умножились на земле в дни мои, и знаю я, что близок конец наш. И ныне, Господи, что {значит) явление отрока этого, и какова судьба его? И что мне сделать для него, чтобы не подвергся с нами погибели этой?» Услышал Господь Нира, и явился ему в видении ночном, и сказал ему: «Вот уже, Нир, великие беззакония были на земле, и больше не потерплю поношения. И намерен я вскоре послать погибель великую на землю. А об отроке не печалься, Нир, поскольку я скоро пошлю архангела моего Гавриила, и возьмет отрока, и поместит его в рае Эдемском, и не погибнет с гибнущими. И я явил его, и будет иерей иереев моих Мелхиседек во веки. И благословлю его, и поставлю в (число) людей великих святых моих».

И встал Нир от сна своего, и благословил Господа, явившегося ему, говоря: «Благословен Господь Бог отцов наших, не допустивший поношения священства моего и священства отцов моих, ибо слово твое создало иерея великого во чреве Софонимы, жены моей, поскольку не было у меня потомства. Да будет отрок сей мне вместо потомства, и станет сыном (моим), и причтешь (его) к рабам твоим: Соифиму, Оноху, Русию, Миламу, Серуху, Арусану, Наилю, Еноху, Мефусалому, и рабу твоему Ниру. И будет Мелхиседек глава иереям в роде другом. Ибо знаю, что род этот окончится в смуте, и что погибнут все. А Ной, брат

мой, будет сохранен для создания рода иного, и от племени его пойдет многочисленный народ, и Мелхиседек станет главой иереев людских, единой твоей власти служащих, Господи».

И было, когда пребывал отрок сорок дней в доме Нира, сказал Господь архангелу Гавриилу: «Сойди на землю к Ниру-иерею, и возьми отрока Мелхиседека, и помести (его) в рай Эдемский для сохранения. Ибо уже приблизилось время, (когда) пущу (все) воды на землю, и погибнет все сущее на земле. И создам род иной, и Мелхиседек будет глава иереев в роде том». И поспешил Гавриил, спустился ночью, а Нир спал на ложе своем ночью, и явился ему Гавриил, и сказал ему: «Так говорит Господь Ниру: отпусти ко мне отрока, которого я поручил тебе». И не узнал Нир говорящего ему, и смутилось сердце его, тогда сказал (себе): «Узнали люди об отроке, возьмут его и убьют его, потому что вероломно стало сердце людское перед лицом Господа». И отвечал Гавриилу, и сказал: «Нет у меня отрока и не знаю, кто говорит со мной». Ответил же ему Гавриил: «Не бойся, Нир, я архангел Гавриил. Послал меня Господь, и вот беру отрока твоего сегодня, и иду с ним, и помещу его в рае Эдемском».

И вспомнил Нир сон прежний, поверил и ответил Гавриилу: «Благословен Господь, пославший тебя сегодня ко мне! И ныне благослови раба твоего Нира, и возьми отрока, и сотвори ему, как было сказано тебе». И взял Гавриил отрока Мелхиседека в ночь ту на крылья свои, и поместил в раю Эдемском. И встал утром Нир, и пошел в дом, и не нашел отрока. И была радость и скорбь у Нира великая, ибо отрок был ему вместо сына.

Богу нашему слава всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

СКАЗАНИЕ О ДВЕНАДЦАТИ ПЯТНИЦАХ

Подготовка текста, перевод и комментарии М. В. Рождественской

ВСТУПЛЕНИЕ

«Сказание о двенадцати пятницах» — апокриф, возникший, по-видимому, в начале христианской эпохи, когда споры «о правой вере» с иудеями были еще животрепещущими. На русскую почву текст попал в переводе с греческого языка, скорее всего, через южнославянское посредство. Одним из наиболее ранних славянских списков (если не

самым ранним) считается сербский по происхождению список, опубликованный по рукописи Белградской библиотеки № 200 в 1872 г. Ст. Новаковичем (Starine, кн. IV, Загреб), который датировал его началом XIV в. Известны также списки XV—XIX вв. под разными названиями: «Слово о сказании...», «Обретение...».

Специального текстологического исследования этого апокрифа не проводилось (история изучения его в XIX в. изложена С. Шевченко в «Записках Университета св. Владимира в Киеве», кн. 2, Киев, 1908), однако можно говорить по крайней мере о двух разных редакциях «Сказания о двенадцати пятницах» в славяно-русской рукописной традиции, что было отмечено еще А. Н. Веселовским в его «Опытах по истории развития христианской легенды. IV. Сказание о 12 пятницах» // ЖМНП, № 6, 1876. Ученый выделил так называемую «Элевтериеву» редакцию (по имени христианского богослова, который вступает в конфессиональный спор с иудейским философом Тарасием) и «Климентову» редакцию (по упоминанию в тексте и приписыванию его Клименту, папе Римскому), которая, в свою очередь, распадается на варианты А и Б. «Элевтериева» редакция известна лишь в славяно-русских списках, тогда как «Климентова» — в славянских и западноевропейских.

Текст «Сказания о двенадцати пятницах» пережил сложную литературную историю, о чем свидетельствует наличие смысловых лакун, неясных фраз, «темных» мест как в публикуемом списке, так и в других. Эта «затемненность» текста осложняет его перевод и комментирование. Ряд древнерусских списков «Сказания» относится к XV—XVI вв., и они представляют, в основном, «Элевтериеву» редакцию с разной полнотой. Так, в некоторых из них подробно излагается спор между иудейским и христианским философами в форме вопросов-загадок и ответов-разгадок, которые являются христианскими толкованиями ветхозаветных событий. В других списках этот спор пересказан кратко. Различаются списки и композицией отдельных фрагментов текста, и последовательностью рассказа о двенадцати пятницах. Этот рассказ, переданный христианину Ельферию сыном иудея Малхом, таким образом нарушившим древнюю клятву и убитым за это собственным отцом, представляет собой отдельный сюжет внутри всего повествования, хотя и связанный с ним по смыслу. Рассказ о двенадцати пятничных днях часто переписывался как самостоятельное произведение, особенно в XVII—XIX вв. На его основе, по-видимому, возник духовный стих о 12 пятницах, известный в разных вариантах.

Известно, что пятница как день крестных мучений Иисуса Христа почиталась с первых веков христианства. Об этом в «Житии Константина Великого» упоминал Евсевий Кесарийский, христианский церковный историк середины IV в. Позднее такими почитаемыми днями для православных христиан стали среда и понедельник. В византийском «Слове о видении отца Пахомия о среде и пятке», известном и в славяно-русском переводе, среда и пятница в образе двух ангелов провожают в рай человека, строго соблюдавшего пост в эти дни. Один из списков этого «Слова» помещен вслед за текстом «Сказания о двенадцати пятницах» в сборнике XV в. Это свидетельствует о том, что

переписчик воспринимал оба сочинения как некое тематическое целое, что вопросы, затронутые в раннехристианском апокрифе, оставались на Руси актуальными.

Народно-христианская традиция почитала пятничные дни не только как дни строгого поста, но как связанные с культом святой мученицы Параскевы (это имя по-гречески и означает «Пятница»). По свидетельству этнографических материалов, святая Параскева-Пятница покровительствовала в основном женщинам: в замужестве, чадородии, домашнем хозяйстве, особенно в прядильном и ткацком деле, которыми нельзя было заниматься в пятницу. «Соблюдать» пятницу предписывалось некоторыми народными обычаями. Этим, по-видимому, объясняется популярность рассказа об особо почитаемых двенадцати пятницах, выделенных из апокрифического «Сказания» в отдельный сюжет. В нем (как можно судить по ряду поздних списков) соблюдение поста в пятничные дни имеет не только душеполезное значение, но и оберегает человека от разных бед: от внезапного зла, от напрасной смерти, от неприятеля, от утопления, от лихорадки и т. д. В «Сказании о двенадцати пятницах» отразились представления народного христианства.

«Сказание» публикуется по списку РНБ, собр. Софийское, № 1264, XV в. (Этот список был издан Н. С. Тихонравовым в «Памятниках отреченной русской литературы», т. 2, М., 1863. С. 323—327). Для исправления явных ошибок писца и следов порчи текста привлекались другие списки «Сказания»: сербский, изд. Ст. Новаковичем, нач. XIV в.; ГИМ, собр. Синод. № 830, XVI в., изданный Н. С. Тихонравовым в «Памятниках...»; сербский список Григоровича, XV в., изданный там же; список Стокгольмской Королевской библиотеки А 797, XVI в., не опубликован, любезно предоставлен проф. Элизабет Лёфстрэнд.

ОРИГИНАЛ

СКАЗАНИЕ ЕЛЬУФЕРЬЕВО 12 ПЯТНИЦЬ

В западнѣй странѣ есть земля Лаура, в нейже град великъ, Шептаилъ зовемый,[1] и в нем живяше множество жидовья. Имѣ брань со крестьяны овогда в торгу, овогда во улицах, овогда же во вратах градных. И побишася при Карианѣ цьсари.[2] Събраша же ся жидовѣ и рѣша ко христианомъ: «Доколѣ намъ се спиратися и дѣтемъ нашим? Изберите вы себѣ мужа хитра философа, а мы у себе другаго философа въ словеса от Бога, а мы ею послушаемъ. Аще преприт вашь философъ, то мы вси крестимся. Аще же кто от нас не восхощет креститися, то от вас въ велице бѣде будет. Или нашь философ вашего преприт, то вы в нашу вѣру идете». И се же глаголаху, надѣющеся на мудра философа своего. И любо бысть христианомъ слово ихъ.

Избраша себѣ мужа богобоязнива, именемъ Ельуферья, жидовѣ же — философа своего, именемъ Тарасья. Нача спиратися, сходящися въ единъ храмъ, спирающися имъ по многы часы, никогдаже снидостася без народа. Жидовинъ же понялъ с собою сына своего. Тогда внидоста въ глубокою повѣсть.[3] О Владыко, всевидце, помози Ельферьеве, да

преприти жидовина! Разгнѣвавъ же ся жидовинъ, исполнився ярости и гнѣва, и рече къ християнину гнѣвливым сердцем, ярым оком: «Знаю, уже прѣприх и мя еси, истинна есть вѣра ваше, а наша не истина. Такоже на горѣ Синайстѣй Моисѣю стѣнь явися,[4] а вамъ показася истинно о девицѣ Марие *егоже и пророци наши проповѣдаша и апостоли перстомъ показаша, иже с ними (пребы) образъ рабий приим*.[5]

То рекшю жидовину, и рече къ крестиянину: «Вижю тя мудра мужа. Не вѣси ли о двунадесят пятниць, еже есть на пользу душамъ вашимъ?» И се рекши ему, изиде вонъ, не могы стояти от горести. Но остася сынъ его, емуже имя Малхъ. И рече ему крестьянинъ: «Ты веси ли о двунадесят пятниць и еже глагола отець твой?» Он же рече: «Вѣдаю, идѣже бѣху яли дѣдѣ наши христианина нѣкоего, от апостолъ ваших, у негоже выняша свитокъ, на немъже бяше написано о двунадесят пятниць. А самого же злою смертию умертвиша. А свитокъ, прочетше, огневи предаша. И есть клятва межи нами и до сего дни, да невѣдомо о семь христианомъ. Азъ вѣдаю, яко добра вѣра ваша, и жадаеть ея душа моя». И начавъ исповѣда ему от перваго и до послѣдняго вся.

Внидит жидовинъ къ христианину и рече ему: «Смущен ли еси о двунадесят пятниць?» Он же отверзъ ему уста своя, исповѣда ему все. И рече ему жидовинъ: «Како ми ся дана сила,[6] яко нѣсть се въ христианех вѣдомо; есть ти сказалъ сынъ мой». Извлек ножь и закла сына своего, и сам ся зарѣзал.

Азъ же, братье, увѣдив се от жидовина, не потаих в себѣ, но написах всѣм христианом.

Первая пятница марта въ 6 день, в нюже Адам преступи заповѣд Божию, изгнанъ бысть из рая. 2 пятница перед Благовещением,[7] в нюже Каинъ убилъ Авеля, брата своего, зависти ради, се бысть первый мертвець на земли. Третяя пятница Страстная, в нюже распятся Христос, Богъ нашь, в 9 час дни по обѣтованию взыскати заблюжьших.[8] Четвертая пятница пред Вознесением Господнимъ,[9] в нюже потопленъ бысть Содомъ и Гоморъ и иннии три града въ 1 дни. Пятая пятница пред Сшествием Святаго Духа,[10] в нюже агаряны многы страны плениша и изгна их в Кратков остров и ядяху велблуда мясо, козью кровь пияху, и ту ся расплодишася въ островѣ.[11] Шестая пятница преже мясопуста, в нюже плененъ бысть Ерусалимъ от халдѣи,[12] в то же врѣмя Ерѣмея пророка въ 2 час, се же есть великое пленение; тогда стоялъ Ерусалим лѣтъ 70 и 3. Тогда сѣдоша на рѣцѣ вавилонстий и плакавшеся, обѣсившеся органы своя.[13] Тогда въспросиша их пленивши: «Воспойте намъ от пѣсний сионских и от сыновъ израилевъ». Они же ркоша: «Ни буди нам пѣти от пѣсний и пакы пѣти, дондеже сядемъ на земли своей». И сего ради латыняне поют «алилуйя»,[14] а не «слава Отцю и Сыну» недѣлею преже нашего мясопуста, *и до Великыя суботы, и есть тѣх дний 70 и 3*.[15] Си же бывает пятница въ 2 июль, тоже временная. Семая пятница пред Петровым днемъ,[16] в нюже посла Господь десять казний на землю егупетскую рукою Моисѣю и Аронею, преврати рѣки их въ кровъ въ 5 час дни.[17] Осмая пятница пред Успениемъ святыя Богородица,[18] в

нюже взяшася измаилтяни крилати по морю и плѣниша множество люди и странь, и до великаго Рима владѣша и до западной странѣ лѣт 70 и 3, изидоша на лице всея земли повелѣниемъ Божиим. Девятая пятница пред Усѣкновением главы Иоанна Крестителя,[19] в нюже уби Ирод Предтечю въ 10 час дни. Десятая пятница по Въздвижении честнаго креста,[20] в нюже раздѣли Моисѣй море жезлом, проведе израиля, врагы его покрыв море въ 1 час дни, тоже временная. Первая на десят пятница пред Андрѣевым днемъ апостола,[21] в нюже знамена кивот Еремѣя пророка,[22] из врат взятъ ангелом и поставленъ бысть межю двѣма столпома горома въ 9 час дни, егоже покрыет облакъ огнен и до втораго пришествия. Вторая на десят пятница по Рожествѣ Христовѣ, в нюже Ирод цьсарь изби младенци, тоже временная.

Сии же 12 пятници сице подобает блюсти постом и молитвою и пѣнием, единою днемъ вкушати хлѣба и воды. Аще бо мощно, и милостыни творят, плотскых похотей воздержатися. Зачнется, роженое нездраво будет: любо слѣпо, любо хромо, или которою вещью иною. В чистотѣ храните, и Господь васъ соблюдет въ цьсарствии своем. Аще бо мощно есть, братие, то не точию грѣхов прощени будем, но и цьсарство небесное получим о Христѣ Исусѣ.

---

[1] *В западнѣй странѣ ... град великъ Шептаилъ зовемый...* — В ряде других списков «Сказания»: «Випитан», «Воспитал»; название города связать с каким-либо конкретным географическим местом не удается. Возможно, это «отзвук» часто переиначиваемого в древнерусских рукописях названия Месопотамии, той ее части, что составляла «внутреннюю Сирию»: из «Септаим, Септаил». Не исключено, что имеется в виду г. Сепарваимъ (Сифора), ассирийский город на восточном берегу реки Евфрат. Название земли Лаура (Лавра) встречается в других списках «Сказания».

[2] *...при Карианѣ цьсари.* — По-видимому, имеется в виду римский правитель Сирии в 759—764 гг. Кириний (Кирений, Квириний), при котором была проведена перепись всего населения.

[3] *Тогда внидоста въ глубокою повѣсть.* — Место испорчено. В других списках читается: «въ споръ том внидоша въ глубокие книгы». Эту фразу следует понимать так, что оба спорщика обратились для доказательства своей правоты к авторитету неких мудрых, «глубоких» по смыслу текстов. Ср. образ «Глубинной», или «Голубиной» книги русских духовных стихов.

[4] *...на горѣ Синайстѣй Моисѣю стѣнь явися...* — В Ветхом Завете (Кн. Исход) подробно рассказывается о том, как пророку Моисею, ведшему еврейский народ из египетского плена в Землю Обетованную, на горе Синай явился Бог в громе и пламени, в сверкании молний. Он возвестил Моисею десять заповедей Закона, основных правил иудейской веры.

[5] *...егоже и пророци наши... образъ рабий приим.* — Место испорчено. Фраза исправляется по списку ГИМ, Синод. собр. № 830.

[6] *«Како ми ся дана сила...»* — Текст не совсем ясен, переводится по смыслу. В издании Н. С. Тихонравова здесь заменены слова «дана сила» на имя «Аданаила».

[7] *...перед Благовещением...* — Праздник в память явления архангела Гавриила Деве Марии, принесшего ей благую весть о рождении от нее Иисуса Христа, отмечается в церковном календаре 25 марта (7 апреля).

[8] *...по обѣтованию взыскати заблюжьших.* — Образ «овец заблудших», то есть людей, не верящих в Христа или колеблющихся в вере, — евангельский. См. 1 Петр. 2, 25; Иоан. 10, 1—17.

[9] *...пред Вознесением Господнимъ...* — Праздник Вознесения Господня связан с евангельским рассказом (Лк. 24, 50—53; Деян. 1, 9—12) о том, как Христос после воскресения еще сорок дней пребывал на земле, а затем явился своим ученикам на Елеонской (Масличной) горе, благословил их и вознесся на небо. Память этого события отмечается христианами с рубежа IV—V вв. Праздник Вознесения — один из так наз. двунадесятых праздников православной церкви, он имеет подвижный характер, так как связан с Пасхой и отмечается на сороковой день после нее.

[10] *...пред Сшествием Святого Духа...* — Праздник Сошествия св. Духа на апостолов, отмечается на 50-й день после Пасхи.

[11] *...и изгна их в Кратков остров... и ту ся расплодишася въ островѣ.* — Название острова здесь, по-видимому, неправильно передает название острова Крит в Средиземном море. В других списках в этом месте читаются разные формы слова «акриды» (сушеная саранча), что затемняет общий смысл фразы. То, что это слово появилось в результате неточного перевода греческого «на Крит», подкрепляется чтением данного места в древнейшем сербском списке, опубликованном Новаковичем: «...вь ньже плѣнише агарѣне многие страны, изьгнаше акрид(и) вь 5 часъ ноши, си же ядѣху вельблужда меса и крьвь козьлю пияху и ту расплодише се вь островѣхъ».

[12] *...от халдѣи* — от вавилонян.

[13] *Тогда сѣдоша... органы своя.* — Ср. Пс. 136, 1—4.

[14] *И сего ради латыня не поют «алилуйя»...* — Смысл фразы не вполне ясен. Речь идет, по-видимому, об упреке православными «латинянам» в том, что те не соблюдают поста.

[15] *...и есть тѣх дний 70 и 3.* — Испр. по рукоп. ГИМ, Синод. № 830.

[16] *...пред Петровым днемъ...* — День памяти св. апостолов Петра и Павла отмечается 29 июня (12 июля).

[17] *...преврати рѣки их въ кровъ въ 5 час дни.* — См. Исх. 7, 19—22. Первая из десяти казней, которые Бог наслал на египетскую землю, чтобы фараон отпустил евреев из плена. По повелению Божьему ударом жезла Моисей и его брат Аарон превратили реки в кровь.

[18] *...пред Успениемъ святыя Богородица...* — то есть перед 15(28) августа.

[19] *...пред Усекновением главы Иоанна Крестителя...* — то есть перед 29 августа (11 сентября).

[20] *...по Въздвижении честного креста...* — то есть после 14(27) сентября.

[21] *...пред Андреевым днемъ апостола...* — то есть перед 30 ноября (13 декабря).

[22] *...кивот Еремѣя пророка...* — Ср. 2 Макк. 2.

ПЕРЕВОД

СКАЗАНИЕ ЕЛЬФЕРИЯ О ДВЕНАДЦАТИ ПЯТНИЦАХ

В западной стороне есть земля Лавра, а в ней — большой город, называемый Шептаил, и в нем жило множество иудеев. И была у них распря с христианами, иногда на рынке, иногда на улицах, иногда же в городских воротах. И побивали они друг друга при Корионе царе. И вот собрались иудеи и сказали христианам: «До каких пор спорить нам и детям нашим? Выберите своего мужа, мудрого философа, а мы своего другого философа, (разбирающегося) в словах Божиих, а мы их послушаем. Если переспорит ваш философ, то мы все крестимся. А если кто из нас не захочет креститься, то будет ему от вас большая беда. Если же наш философ вашего переспорит, то вы обратитесь в нашу веру». И говорили они это, надеясь на своего мудрого философа. И понравилась христианам их речь.

Выбрали они себе мужа богобоязненного, по имени Ельферий, иудеи же своего философа, по имени Тарасий. Начали они спорить, сходясь в одном храме, и, при том что спорили по многу часов, никогда не оставались без народа. Иудей же взял с собой своего сына. Тогда вступили они в серьезную беседу. О Владыко, всевидец, помоги Ельферию переспорить иудея! Иудей же рассердился, преисполнился яростью и гневом и с гневным сердцем, с ярым оком сказал христианину: «Знаю, ты меня уже переспорил, ваша вера правильная, а наша неправильная. Также и на горе Синайской Моисею явилось видение, а вам истина открылась (через) Деву Марию о Том, о Ком пророки наши пророчествовали и апостолы (ваши) перстом указывали, Кто пребывал с ними, приняв образ раба».

И когда сказал это иудей, спросил он христианина: «Вижу, что ты мудрый муж. Не знаешь ли о двенадцати пятницах, что на пользу вашим душам?» И спросив это, вышел вон, от горести не в силах стоять.

Но остался сын его, имя которому Малх. И спросил его христианин: «Знаешь ли ты о двенадцати пятницах, и что говорил твой отец?» Тот сказал: «Знаю, что деды наши схватили некоего христианина, из (числа) ваших апостолов, у него отняли свиток, на котором было написано о двенадцати пятницах. А самого его умертвили злою смертью. А свиток, прочитав, предали огню. И до сих пор между нами существует клятва, чтобы было это неизвестно христианам. Я знаю, что хороша ваша вера, и жаждет ее моя душа». И начал излагать ему Малх все от начала и до конца.

Входит иудей к христианину, и сказал ему: «Смущен ли ты (вопросом) о двенадцати пятницах?» Тот же открыл перед ним уста свои и поведал ему все. И сказал ему иудей: «Как же мне ведомо, (что) неизвестно это христианам; рассказал тебе (об этом) сын мой». Вынул нож и заколол сына своего, и сам зарезал себя.

Я же, братья, узнав о том от иудея, не утаил в себе, но написал для всех христиан.

Первая пятница — в 6-й день марта, в которую Адам нарушил заповедь Божью и был изгнан из рая. Вторая пятница — перед праздником Благовещения, в которую Каин из зависти убил Авеля, брата своего, это был первый покойник на земле. Третья пятница — Страстная, в которую в 9 час дня предал себя на распятие Христос, Бог наш, по обетованию, чтобы спасти заблудших. Четвертая пятница — перед праздником Вознесения Господня, в которую затоплены были в 1 день Содом и Гоморра и другие три города. Пятая пятница — перед днем Сошествия Святого Духа, в которую агаряне захватили в плен многие земли и изгнали (жителей) их на остров Крит, и ели они верблюжье мясо, пили козью кровь, и там на острове расплодились. Шестая пятница перед мясопустом, в которую был захвачен во 2-й час Иерусалим халдеями во времена Иеремии пророка, и великое пленение; тогда стоял Иерусалим (пуст) 73 года. Тогда иерусалимляне сидели на реке вавилонской и плакали, развесив свои органы. Тогда попросили пленившие их: «Спойте нам сионские песни сынов израилевых». Они же сказали: «Не будем мы песни петь (сейчас) и потом, пока не поселимся на земле своей». И поэтому латиняне поют «аллилуйя», а не «Слава Отцу и Сыну» за воскресенье до нашего мясопуста, и до Великой Субботы, и тех дней 70 и 3. Еще же бывает пятница во 2-ю (неделю) июля, тоже переменная. Седьмая пятница — перед Петровым днем, в которую Господь руками Моисея и Аарона послал на землю египтян десять казней, превратил их реки в кровь в 5-й час дня. Восьмая пятница — перед праздником Успения святой Богородицы, в которую появились над морем крылатые измаильтяне и захватили в плен множество народов и стран, владели (ими) до (границ) Великого Рима и западной страны 70 и 3 года, рассеялись они по лицу всей земли по повелению Божию. Девятая пятница — перед днем Усекновения главы Иоанна Предтечи, в которую убил Ирод Предтечу в 10-й час дня. Десятая пятница — после праздника Воздвиженья честного креста, в которую Моисей разделил жезлом море и провел (по нему) израильтян, а врагов его море покрыло в 1 час дня, тоже переменная (пятница). Одиннадцатая пятница — перед днем апостола Андрея, которая

ознаменована киотом пророка Иеремии, взятым ангелом из врат и поставленным между двумя столпами горными в 9 час дня, и его покрывает огненное облако до второго пришествия. Двенадцатая пятница — после Рождества Христова, в которую царь Ирод избил младенцев, тоже переменная.

Эти же двенадцать пятниц вот так подобает соблюдать: постом, и молитвой, и пением, единожды в день вкушать хлеб и воду. Сколько возможно, творить милостыню, воздерживаться от плотской похоти. Зачатое (дитя) будет нездорово: или слепым, или хромым, или как-либо еще. Сохраняйте себя в чистоте, и Господь сохранит вас в царствии своем. Сколь возможно, братья, не только грехи наши будут прощены, но получим и царство небесное от Христа Иисуса.

СКАЗАНИЕ АФРОДИТИАНА

Подготовка текста, перевод и комментарии А. Г. Боброва

ВСТУПЛЕНИЕ

Сказание Афродитиана — это переводной новозаветный апокриф, повествующий о знамениях в Персидской земле, сопровождавших рождение Христа, и о поклонении волхвов. В греческих рукописях встречается, как правило, в составе «Повести о событиях в Персиде», известной также под названием «Религиозный спор при дворе Сасанидов» — памятнике византийской литературы V в. В этой повести излагается прение о вере, происходившее при дворе персидского царя Аррената между христианами, язычниками и иудеями под председательством верховного жреца Афродитиана, одна из речей которого и была переведена на славянский язык. Сказание Афродитиана встречается в греческих рукописях, начиная с X в., причем даже когда оно переписано как отдельное произведение, текст его все равно восходит к «Повести о событиях в Персиде».(См.: *Bratke E.* Das sogenannte Religionsgesprach am Hof der Sasaniden. Leipzig, 1899).

Когда и при каких обстоятельствах Сказание было переведено славянами с греческого, мы можем только предполагать, но косвенные улики — текстологические данные — свидетельствуют в пользу южнославянского (вероятно, древнеболгарского) происхождения первоначального перевода. В своем архетипном виде этот перевод до нас не дошел, и даже древнейший южнославянский список второй половины XIII в. представляет собой текст особой сокращенной Сербской редакции.

Нами было установлено, что славянские списки Сказания (в первоначальном переводе) по текстологическим признакам могут быть разделены на две группы, причем в первой из них полнее и точнее отразились чтения архетипа перевода. Сербская редакция возникла на основе одного из списков первой группы, на Руси же списки такого рода стали известны лишь с конца XIV в., а древнейший из них был

переписан иноком Саввой в Лисицком монастыре под Новгородом (РНБ, F.I.202, л. 204—206 об.; далее — Сав.). Сопоставляя текст Сказания в списке Сав. (и близких ему более поздних списках) с другими рукописями, мы обнаружили, что в нем имеется ряд чтений, которых нет ни в Сербской редакции, ни в списках второй группы. Все эти чтения имеют соответствие в греческом оригинале, но их перевод отличается удивительной неточностью. Текстологический анализ привел к определенному выводу, что текст Сказания был сверен и «вычитан» по греческой рукописи, при этом были заново переведены и вставлены пропущенные при первоначальном переводе фрагменты. Изучение деятельности книгописной мастерской Лисицкого монастыря показало, что в конце XIV — первой половине XV в. работавшие здесь книжники поддерживали тесную связь с Афоном и особо интересовались переводной литературой. Возможно, текст Сказания был сверен с греческим оригиналом не в самом Лисицком монастыре, а на Афоне, но и в этом случае новгородские книжники могли быть заказчиками и инициаторами такой работы. Эту «правленную» версию текста Сказания мы назвали поэтому Новгородской редакцией.

Текст Сказания Афродитиана был известен на Руси еще до того, как, благодаря деятельности лисицких иноков, появилась версия с правкой по греческому оригиналу, но это был текст второй группы списков со своими характерными чтениями. По дате древнейшего списка (РНБ, F.п.I.39, л. 56 об.—62) можно утверждать, что апокриф попал на Русь по крайней мере не позже второй половины XIII в. Известен еще и второй перевод Сказания, созданный сербским книжником не позднее третьей четверти XIV в. (в древнерусских рукописях встречается, начиная со второй половины XV в.). Максим Грек посвятил апокрифическому сказанию специальное обличительное слово (20-е гг. XVI в.), в котором, в частности, указал на расхождения Сказания со Священным Писанием. Сюжет апокрифа основан на рассказе Евангелия от Матфея о поклонении волхвов (Мф. 2, 1—12), но только в Сказании говорится, что Христу в то время шел уже второй год, он сидел на земле и смеялся, когда волхвы похваляли его (ср. распространенное в средние века представление о том, что Христос никогда не смеялся). Вопреки церковной традиции, считающей Луку первым иконописцем, автор утверждает, что волхвы принесли с собой в Персию сделанное ими изображение Марии и младенца. Противоречит евангельскому тексту и рассказ о благовещении Богородицы и т. д. (см.: *Бобров А. Г.* Апокрифическое «Сказание Афродитиана» в литературе и книжности Древней Руси: Исследование и тексты. СПб., 1994).

Текст Сказания Афродитиана издается по старшему списку Новгородской редакции — Сав. с учетом чтений списка ГИМ, собр. Уварова, № 159—4°, л. 221—225, конец XIV — начало XV в. (Ув.).

ОРИГИНАЛ

СКАЗАНИЕ АФРОДИТИАНА О БЫВШИМЬ ЧЮДЕСИ В ПЕРЬСЬТѢИ ЗЕМЛИ

Господи, благослови, отче.

От персъ увѣдѣнъ бысть Христосъ исперва, не утаяеть бо ся ничсоже сущихъ в нихъ книгчии, о всемь любезнѣ тружающимся имъ, якоже есть въ златахъ дъскахъ ваяно и лежить въ святилѣхъ царьскых. Се же глаголю убо нѣчьто, еже слышахъ от сущихъ в нихъ жерцихъ, кумирьница есть мѣнимыя Иры,[1] си же есть об ону страну царьскых домовъ, юже Кюръ[2] царь, свѣдитель всего богочестья бѣ створилъ и поставилъ в неи богы своя образы златы и сребрены, утворивъ я камениемь многоцѣнномь.

Но да не сповѣдая утвари продолжю слово. В ты дни написаныя дъскы сказають, влѣзшю царю в кумирьницю ту раздрѣшение съномъ прияти, рече жрець Прупи: «Порадуюся с тобою, владыко, яко Ира зачала есть в утробѣ!» Царь же, осклабивъся, рече ему: «Умеръшия ли в утробѣ имать?» Он же рече ему: «Еи, и умершия ожила есть, и жизнь ражаеть». Царь же рече: «Что се есть, скажи ми!» Жрець рече: «Истиною, владыко, годъ приспѣлъ есть. Сде въсю бо нощь пребыша образи ликъточаще, и мужескъ образъ, и женескъ, глаголюще сами к себѣ: “Ходите, да ся радуемъ съ Ирою!” И рекоша ми: “Пророче, иди, радуися с Ирою, яко възлюблена бысть!” Аз же отрекохъ: “Кто имать възлюбити не сущюю?” Они же глаголаху: “Ожила есть и потомъ не наречется Ира, но Урания,[3] великое бо Солнце възлюбило ю есть”».

Женьстии же образи к мужьскым глаголаху, акы похваляюще дѣание, яко Источникъ[4] есть възлюбленъ: «Несть бо Ира за древодѣлю[5] обѣщалася».[6] И глаголаху мужьстии, яко: «Источник въправду нареченъ бысть приемьлемъ, но имя еи Мария[7] есть, яже в ложеснѣх, акы в мори многа добра полнъ корабль носить. Аще ли Источникъ та есть, да ся сице разумѣваеть: источникъ бо воды источникъ духа присно истачаеть, едину рыбу имущи, божиею удою емлему, имьже весь миръ, яко в мори живущь, своею плотью кормить. Добрѣ рече, яко древодѣлю имать та инъ, не от мужа егоже ражаеть древодѣлю. Тъ бо ражаяися древодѣля, старѣишины древодѣльска отрокъ, трегубьнѣ съставленъ, небесныи кровъ сдѣла премудрыми хитростьми на трое вселеныя всея,[8] стропъ словесемь съставивъ».

Премудиша же образи пьрящеся о Ирѣ, ти о Источницѣ, единогласнѣ же рекоша: «Скончавающюся дни, вси вся увѣмъ». И рече жрецъ: «Нынѣ убо, владыко, пребуди прочее днесь. Будеть бо конечныи разумъ дѣянию, явивъшееся нѣсть простое тако». Пребывшю же и царю ту и видящю образы кумирьныя, и начаша будущее[9] густи в гусли и пѣснивиця[10] пѣти, и елико же бяше внутрь четвероножныхъ и птицъ сребренъ и златъ, кыиждо свершаше свои глъсъ. Царю же грозну

бывъшю и всему наполнившюся страха, и хотящу отъити, не терпяше бо самозрачнаго мятежа. Рече ему жрець: «Проповѣжь, царю, приспѣло бо есть конечное явление, еже бо Богъ изволилъ есть явити намъ».

Сему же тако събесѣдовану, открыся стропъ и вниде звѣзда свѣтла, и ста надъ кумиромь Источника, и глас бысть такъ слышати: «Источниче, Господи, Великое Солнце пустило мя есть к тебѣ повѣдати ти, купно и служити. Бескверненое писание, служу ть, мати старѣишаго всѣхъ чиновъ, бывающи невѣста триименному и едино божество суще. Прозывает же ся невъписаныи младенець Зачало и Конець, зачало спасению, конець же пагубѣ».

Сему бо гласу въздану, вси кумири падоша ници, единому Источнику стоящю, на немже обрѣтеся потъченъ царскыи вѣнець, имы на себѣ отъ камыка наричемаго анфраксъ, ти от змарагда и къ каменема сима прилѣплену звѣзду.[11] Верху же Источьника стояше звѣзда.

Повелѣ же царь събрати вся премудрыя, раздрѣшающая знамения, еликоже ихъ бяше подъ царствомь его, звателемь же трубами потщавающемъ. Придоша в кумирницю вси, и яко узърѣша звѣзду надъ Источникомь и вѣнець звѣздьныи с камениемъ, и кумиры на тляхъ лежаща, рекоша царю: «Корень Божескыи и царскыи въсклонилъся есть, небеснаго и земнаго царя образ принося. Источник бо Кариинъ — вифлеомьскы земля есть дщи, вѣнець же — образ царескъ, звѣзда же — небесное есть проповѣдание на земли чюду творниму. Изъ Июды бо въстало есть царство, еже жидовьску память отвержеть. А еже падоша бози на тляхъ — скончание чьсти ихъ приспѣло есть. Пришедыи бо постарѣиши чьсти достоинъ сы; како оставить нову, сущая в неи не отвергъ? Ныня убо, о царю, пусти в Иерусалимъ и обрящеши сына Вседержителя тѣломь, держима телеснама рукама женьскама».

Пребысть же звѣзда та надъ Источникомь, наричемымь Небесныи, дондеже поидоша волсви ти, тогда с тѣми поиде.

Вечеръ же зѣло поздѣ явися имъ в тои же кумирници Дионисъ[12] съ хоруговию,[13] глаголя кумиромъ: «Источникъ уже не единъ по семь от васъ, нъ над вами есть, иже понавляеть человечску вещь божия случения суща. Жрече Прупе, что сѣдиши сде дѣя? Дѣяние въ писание доспѣло есть на ны, и есть намъ от сановита лица обличеномъ быти, еже лжюще мечтахомъ — мечтахомъ и еже владохомъ — владохомъ. К сему не даемъ пророчества, отята есть от насъ честь, безъ славы и безъ чести быхомъ, единъ точью взялъ есть свою честь».

Рече же: «Не плищюи! Уже к сему не испросять персе дани земныя, ни въздушъныя! Уставивыи бо то пришелъ есть, даныя дани пустившему и принося, первыи образъ потваряя и новыи понавляя,[14] приспѣлъ есть духомь. Небо съ землею радуется, земля же хвалиться, небесную славу приемлющи. Егоже нѣсть горѣ — бысть долѣ. Егоже благоумныи чинъ не видѣ — злоумныи видить. Онѣмъ бо пламы въспрѣщаеть, а симъ роса приде. Кариину благослучныи Источникъ родися въ Вифлеомѣ.[15] Кая есть Источника благодать любезнѣ небесному быти и благодать въ благодати мѣсто прияти! Жидовьска земля процвете, иже разумѣваеть: страннымъ и иноплеменникомъ Спасъ приде. Тружающимся покои изобилуеть; подобнѣ жены ликъточать, глаголюща: "Господи, Источниче, питие принося, бывшия мати свѣтила небеснаго, облакъ от зноя, обращая и весь миръ, поминаи своя рабы, любезная Госпоже!"»

Царь же, ни мала помедливъ, пусти сущая вълхвы подъ царствомь его с дары, звѣздѣ я наставлеши. И яко ся възвратиша, повѣдаша о томь вся ему случивъшаяся имъ, и тоже вписа на злату дъску сице:

«Пришедшемъ намъ в Иерусалимъ, подвиже вся знамение пришествия нашего, глаголящемъ иерусалимляномъ: "Что се есть, яко премудръмъ персьскомъ прити съ явлениемь звѣздьнымъ?" Въпрашаху же насъ старѣишины жидовьскы о будущемь и егоже дѣля есте пришли, и отвѣщахомъ, яко "егоже вы наричете Месию,[16] — родилъся есть". Они же плищеваху, но не дерзняху противитися.

Ти же рекоша намъ: "Тако вы небеснаго суда повѣдите ны, что есте разумѣли?" Мы же отвѣщахомъ имъ глаголюще: "Вы невѣрованиемь болите и не имете вѣры ни съ клятвою, ни бес клятвы, но въслѣдуете безъсвѣтному своему разуму. Христосъ бо сынъ Вышняго родилъся есть, рассыпая законъ вашъ и сборъ. И того дѣля волхованиемь крѣпкомь стрѣляеми, не крѣпѣ послушаете имене сего, еже внезаапъ приде на вы". Они же, сами въ себѣ съвѣщавъшеся, молиша ны, да вземъше дары потаимъ. Тако бо творяху странамъ, да не будеть зазора в нихъ. Мы же отвѣщахомъ имъ: "Мы дары на честь ему принесли есмы, якоже проповѣдати вышнее чюдо в нашеи странѣ и величьство, внегдаже ражашеся. Ти глаголете, вземъше дары, явленое намъ небеснымъ Богомъ потаити и преступити своего царя заповѣди. Или нѣсте почюли, колико искушение приимше асурииско?" Они же убоявшеся и зѣло много молившеся пустиша ны. Царю же жидовьску приведшю ны къ себѣ и глаголавшю к намъ и впрашавшю насъ, отвѣщахомъ ему о немьже, и възмутися зѣло, и отидохомъ от него, не послушавше его ни акы рядьника.

Придохом же яможе пущени и видѣхомъ рожшюю и роженаго, звѣздѣ указающи владыческъ младенець. Рекохомъ же къ матери его: “Како ся прозываеши, преславная мати?” Она же отрече: “Мария”.* Мы же рекохом: “Откуду еси чада?” Она же рече: “От сея Вифлеомьскы земля”. Мы же пакы к неи: “Не имѣ ли убо николиже мужа?” Она же рече: “Тъчью обѣщана бѣхъ. Преже брачнымь знамениемь, размышляющи же ми о сихъ, суботѣ осветъши, и солнцю възшедшю, приде ангелъ, благовѣстуя ми предивно рожество нѣкое. И въсплищевавъши възпихъ: “Никакоже да будеть се мнѣ, Господи, мужа бо не имамъ”. И извѣща ми, яко изволениемь Божиимь се рожение имѣти”.[17]

Мы же рекохомъ: “Мати матеремъ, вси бози персьстии блажиша тя! Хвала твоя велика, превъзнесла бо ся еси паче всѣхъ славныхъ!” Отроча же сѣдяше на земли, второе лѣто имыи, якоже самъ глаголаше, малъ прикладъ имыи образъ родившая и. Сама же бяше высока тѣломъ, смяглъ блескъ имущи, кругловатомь лицемъ и власы имущи увясты. Има же обличье мы въ страну свою занесохомъ, и бысть положено нашими руками, еже бѣ проречено. Писано сице въ Диопетовѣ кумирници:[18] “Солнце Богу великому царю персьска держава въписа”. И взяхомъ отрочя и къждо нас подержа и на руку, и поклонившеся, дахомъ ему злато и зьмюрну и ливанъ, рекуще ему: “Тебѣ творимъ любезнѣ честь, небесныи Исусе. Инако не быша устроена была неустроеная, аще бы ты не пришелъ. Инако не смѣшахуся вышняя с нижними, аще бы ты не слѣзлъ. Не толма бо ся спѣеть служба, аше кто пустить раба, елмаже аще кто самъ придеть. Лѣпо се есть твоеи премудрѣи хытрости супостаты тако прехытрити”. Отроча же смияшеся и плескаше хвалениемь противу словесемъ нашимъ. И поклонившеся матери его, и та ны почьствовавши, и мы ю славивше.

Придохомъ на мѣсто, идеже бѣхомъ обитали, бывшю убо вечеру, приде к намъ страшенъ и ужастенъ ангелъ, глаголя намъ: “Скоро изѣдѣте, да не подъимете сего съвѣта на ся”. Мы же съ ужастию рекохомъ: “Кто есть творяи съвѣтъ на великии сълъ Божии?” Он же рече: “Иродъ.[19] И въставше абие, идѣте с миромь спасаеми”. Мы же, ускоривше и всѣдъше на силны коня, отидохомъ оттуду съ всѣмь потщаниемь. Исповѣдахомъ все, еже видѣхомъ въ Иерусалимѣ.

Се убо толико о Христѣ съповѣдахомъ вамъ. Вѣм же убо Христа Спасъ намъ бывшь и всѣмъ вѣрующимь въ онь. Тому слава и держава въ вѣкы вѣкомъ. Аминь».

[1] *Ира* — В греческом тексте —᾿´Ηρα, то есть богиня Гера, старшая дочь Крона и Реи, сестра и супруга Зевса.

[2] *Кир* — имя нескольких персидских царей VI—V вв. до н. э.; этот анахронизм в тексте был отмечен уже Максимом Греком.

[3] *Урания.* — В греческом тексте — Ουρανία, то есть «Небесная».

[4] *Источник* — имеется в виду статуя (кумир) Источника (Πηγή).

[5] *Древоделя.* — Очевидно, имеется в виду Иосиф, муж Марии, бывший плотником (см. Мф. 13, 55).

[6] *...яко Источник есть ... за древодѣлю обѣщалася.* — Из соответствующего греческого текста («Πηγή᾿εστιν ἡ φιληθεῖσα Μη ὺαρ᾿ ´Ηρα; τέκτονα᾿εμνηστεύσατο»), как и из дальнейшего изложения, ясно, что «за плотника помолвлена» не Гера, как понимал Максим Грек, а вслед за ним и многие исследователи, но Источник. Правильное объяснение текста дано Г. М. Прохоровым, которого я и благодарю за устную консультацию.

[7] *Мария.* — Это ошибочное чтение создателя первоначального перевода памятника, так как в греческих рукописях находим «Μυρία» — бесконечная, нескончаемая.

[8] *...на трое вселеныя всея...* — Греч. «τρικάτοικος», по мнению Е. Братке, означает жизнь трех стихий — воды, воздуха и суши.

[9] *...будущее...* — Это вторичное чтение первой группы списков, восходящее к архетипному «гудущий», которым переводчик передал греческое «κινυρίστριαι».

[10] *Пѣснивиця* — так переводчик передал греческое «Μοῦσαι» — Музы.

[11] *Дионис* — древнегреческий бог, сын Зевса и Семелы.

[12] *...съ хоруговию...* — В греческих списках — «οὐ μετὰ τῶν Σατύρων» (вместе с Сатирами).

[13] *...и новый понавляя...* — Эта вставка Новгородской редакции имеет настолько отдаленное соответствие в греческих списках, что остается лишь отметить факт ее появления на месте фразы, пропущенной при первоначальном переводе.

[14] *Вифлеем* — город в Иудее, в котором, согласно Евангелиям, родился Иисус (Мф. 2, 1; Лк. 2, 4—7).

[15] *Мессия.* — Согласно иудейским и христианским представлениям, Мессия — это посланец Бога, помазанник, пришедший спасти

человечество. В отличие от христиан, иудеи не признают Иисуса Мессией.

[16] *Мария* — Богородица, мать Иисуса Христа (в греческих списках — «Μαριάμ»). Только здесь, согласно греческому тексту, открывается истина — впервые называется настоящее имя Родившей; до этого высказывались многочисленные предположения о ее имени: Ηρα (Гера), Οὐρανΐα (Небесная), Πηγή (Источник), Μυρία (бесконечная), κυρία (госпожа), καρία (названная). Череда этих версий показывает нам постепенное приближение к отгадке — не только смысловое (эти имена, кроме Геры, — постоянные эпитеты Богородицы в христианских текстах), но даже и фонетическое (Μυρία—κυρία—καρία).

[17] *Тъчью обѣщана... рожение имѣти.* — Ср. Лк. 1, 28—38.

[18] *Диопетова кумирница.* — В греческом тексте: «Εν τῷ διοπετεϊ ἱερῷ». Ср.: διοπετής — низринутый Зевсом, то есть упавший с неба.

[19] *Ирод* — царь Иудеи (37—4 гг. до н. э.). К его царствованию Евангелия (напр., Мф. 2, 1) относят рождение Иисуса Христа.

ПЕРЕВОД

СКАЗАНИЕ АФРОДИТИАНА О ЧУДЕ, БЫВШЕМ В ПЕРСИДСКОЙ ЗЕМЛЕ

Господи, благослови, отче.

От персов впервые узнали о Христе: ничто не остается скрытым от тамошних книжников, которые прилежно занимаются всем, что вырезано на золотых досках и лежит в царских святилищах. Здесь же скажу нечто, слышанное от тамошних жрецов: есть кумирница, посвященная Ире, она находится за царскими домами. Царь Кир, знаток всякого благочестия, устроил ее и поставил в ней золотые и серебряные статуи своих богов, украсив их драгоценными камнями.

Но, чтобы не говорить об утвари, продолжу свою речь. В те дни, как значится в записях на досках, когда царь вошел в кумирницу, чтобы узнать разгадку сна, жрец Пруп сказал: «Порадуюсь вместе с тобою, владыка: Ира зачала во чреве». Царь же, улыбнувшись, сказал ему: «Умершая ли имеет во чреве?» Он же ответил ему: «Да, и умершая ожила, и жизнь рождает». Царь же сказал: «Что это значит, скажи мне!» Жрец сказал: «Поистине, владыка, настало время. Здесь всю ночь пребывали в ликовании статуи мужей и жен, говоря друг другу: “Идите, порадуемся вместе с Ирой!” И сказали мне: “Пророк, иди, радуйся вместе с Ирою тому, что она возлюблена”. Я же ответил: “Кто может

возлюбить ту, которая не существует?” Они же сказали: “Ожила она и теперь называется не Ира, а Урания, ибо великое Солнце возлюбило ее”».

Статуи же жен говорили мужам, словно одобряя сделанное, что возлюбенная — Источник: «Ира ведь не помолвлена за плотника». И сказали мужские статуи: «Действительно, Источником назвали ее верно, но имя ей Мария, которая в своем чреве, как корабль в море, несет много добра. А если она и есть Источник, пусть это так понимается: источник воды вечно рождает источник духа, в нем одна рыба, уловляемая божественною удою, весь мир, раз он в море живет, своей плотью кормит. Верно сказано, что плотника имеет она иного: не от мужа рождает того плотника. Этот рождаемый ею плотник, сын старейшины плотников, трикратно составленный, создал премудрым искусством небесный покров на три части всей вселенной, стропило укрепив словом».

Пребывали же статуи в споре об Ире и Источнике, и единогласно сказали: «Когда кончится день, все всё узнаем». И сказал жрец: «Теперь, владыка, пробудь здесь остаток дня. Будет окончательное разъяснение совершившегося, не просто так случилось явленное». Царь же остался здесь и увидел, что статуи богов стали предсказывать будущее игрой на гуслях, а певцы стали петь, и все, сколько их там было внутри, четвероногие и птицы, серебряные и золотые, начали петь каждый на свой лад. Царь же был объят ужасом и исполнился страха, и хотел уйти, ибо не мог вынести происходившего у него на глазах беспорядка. Жрец же ему сказал: «Возвести, царь, приспело уже конечное откровение, которое Бог соблаговолил нам явить».

Пока они так беседовали, раскрылась крыша, и сошла вниз светлая звезда, и стала над статуей Источника, и был слышан такой голос: «Источник, Господи, Великое Солнце послало меня к тебе возвестить и вместе с тем служить тебе. Непорочное писание, служу тебе, о мать первого из всех чинов, являющаяся невестой триименному и единому божеству. Зовется же неописуемый младенец Начало и Конец, начало спасения, конец же погибели».

Лишь только раздался этот голос, все статуи пали ниц, только Источник остался стоять, на нем же оказался водружен царский венец, с камнями, называемыми рубин и изумруд, и этими камнями украшенная звезда. Над Источником стояла звезда.

Царь же приказал привести всех, сколько их было в царской земле, мудрецов, занимающихся разгадыванием знамений, глашатаи же созвали их трубами. Пришли все в кумирницу, и когда увидели звезду над Источником и звездный венец с драгоценными камнями, и статуи, лежащие на полу, то сказали царю: «Род божеский и царский склонился, являя образ небесного и земного царя. Карийский же источник — есть дочь земли Вифлеемской, венец — знак царя, звезда — небесное знамение чуда, совершающегося на земле. В Иудее возникло то царство, которое отвергает память об иудеях. А то, что боги повержены ниц, означает, что пришел конец их почитания. Явившийся достоин больших почестей; как прийти новому, не отвергнув существующего? Итак, теперь, царь, отправь послов в Иерусалим и найдешь воплотившегося сына Вседержителя, которого держат телесные женские руки».

Звезда же та оставалась над Источником, нареченным Небесный, до тех пор, пока не пошли волхвы, тогда отправилась вместе с ними.

Когда наступил вечер, в эту же кумирницу явился Дионис со своим войском и сказал кумирам: «Источник уже не один из вас, но над вами стоит, поновляя человеческую сущность божественным зачатием. Жрец Пруп, что ты делаешь сидя здесь? Достигло нас описанное деяние, и мы будем от лица, облеченного властью, уличены в том, что лживо мечтали — мечтали и владели — владели. Поэтому и не даем предсказаний, от нас отнята честь, бесславными и лишенными почести стали мы; один только есть, взявший свою почесть».

Они же сказали: «Не ропщи! Не потребуют больше персы дани ни от земли, ни от воздуха! Ведь учредивший дани пришел, принося дань пославшему его, преобразуя старый образ и возрождая новый, подоспел уже своим духом. Небо с землею радуется, земля же хвалится, принимая небесное прославление. То, чего не случилось вверху, произошло внизу. Кого блаженный чин не видел — неразумный видит. Тем пламя грозит, а на этих роса падает. Кариин благословенный Источник родился в Вифлееме. Какова благодать Источника быть возлюбленной Небесного и какова благодать обрести место в благодати! Расцвела Иудея, что значит: к чужим и к чужестранцам пришел Спас. Несчастным успокоение увеличивается; женщины, достойно ликуя, говорят: “Госпожа, Источник, приносящая питье, ставшая матерью небесного светила, облако, защищающее от зноя, весь мир обращая, вспомни о своих рабах, дорогая Госпожа!”»

Царь же, ни мало не промедлив, отправил с дарами находившихся в его царстве волхвов, звезда же их вела. Когда они вернулись, то рассказали

обо всем, что с ними случилось, и тогда записал он на золотую доску так:

«Когда мы прибыли в Иерусалим, то знамение, сопровождавшее нас, всех смутило, и иерусалимляне говорили: “Что означает приход персидских мудрецов вместе с появлением звезды?” И спрашивали нас старейшины иудейские о будущем и о том, ради чего мы пришли, и мы отвечали, что “родился тот, кого вы называете Мессией”. Они же смутились, но не смели нам воспротивиться.

Те же сказали нам: “Так о небесном суде расскажите, что вы узнали?” Мы же им отвечали: “Неверием вы больны и не имеете веры ни с клятвою, ни без клятвы, а следуете своему безрассудному разуму. Ведь родился Христос, сын Вышнего, разрушая закон ваш и собрание. Поэтому, пораженные укоренившимся колдовством, вы не склонны слышать об этом имени, которое внезапно явилось вам”. Они же, посоветовавшись между собой, просили нас забрать дары и молчать об этом. Так они делали из-за чужих, чтобы не было самим стыдно. А мы отвечали им: “Мы принесли ему почетные дары, ибо возвестили о божественном чуде в нашей стране и о величестве, когда он рождался. А вы говорите, чтобы мы, взяв дары, скрыли явленное нам небесным Божеством и преступили повеление нашего царя. Или вы забыли, сколько страданий вы приняли от ассирийцев?” Они же, испугавшись и много молившись, отпустили нас. А когда царь иудейский привел нас к себе, говорил с нами и спрашивал нас, мы отвечали ему о том же, и он очень смутился, и мы пошли от него, не придав значения его словам, словно он и не царь.

Пришли мы туда, куда были посланы, и увидели родившую и родившегося, а звезда указывала нам на господнее дитя. Сказали мы матери его: “Как зовешься, преславная мать?” Она же ответила: “Мария”. И сказали мы: “Откуда ты родом?” Она же сказала: “Из здешней Вифлеемской земли”. И мы снова к ней: “Не имела ли ты когда-нибудь мужа?” Она же говорит: “Только была помолвлена. Перед брачными обрядами, когда меня стало тревожить раздумье и когда наступила суббота и взошло солнце, явился ангел, благовествовавший мне некое удивительное рождение. Смутившись, я вскричала: “Никоим образом да не будет мне этого, Господин, ибо мужа не имею”. И он известил меня, что по воле Божией быть этому рождению”.

Мы же сказали: “О мать матерям, все боги персидские прославили тебя! Велико твое прославление, ибо ты стала выше всех славных!” Младенец же сидел на земле, и шел ему второй год, как он сам сказал, и имел мало сходства с лицом родившей его. Сама же она была высока

ростом, со смугловатой кожей, круглолица, а волосы на голове были повязаны. Их же изображения мы отнесли в свою страну, и они были положены нашими руками, что было предсказано. Писано так в Диопетовой кумирнице: “Солнцу-Богу великому царю персидская держава написала”. И взяв младенца, и подержав его каждый на руках, и поклонившись, мы дали ему золото и смирну, и ладан, сказав ему: “Тебе с любовью воздаем честь, небесный Исус. Никак иначе не было бы упорядочено беспорядочное, если бы ты не пришел. Никак иначе не соединились бы вышние с нижними, если бы ты не сошел. Не тогда будет исполнена служба, когда кто раба пошлет, а только тогда, когда сам придет. Достойно есть твоей премудрой хитрости так обмануть противников”. Младенец же смеялся и одобрительно хлопал в ладоши в ответ на наши слова. И мы поклонились матери его, и она нас почтила, и мы отдали ей почести.

Потом мы пришли в то место, где остановились, и когда был вечер, явился нам страшный и ужасный ангел и сказал: “Быстрее уходите, чтобы не пало на вас некое умышление”. Мы же, ужаснувшись, сказали: “Кто же умышляет против великого посла Божия?” Он же отвечал: “Ирод. И встав тотчас, отправляйтесь с миром, спасаемые”. Мы же поспешили и, сев на сильных коней, поехали оттуда со всем усердием. Возвестили все, что видели в Иерусалиме.

Вот только о Христе рассказали Вам. Знаем же Христа, спасением бывшего нам и всем верующим в него. Ему слава и держава во веки веков. Аминь».

СЛОВО НА ВОСКРЕСЕНИЕ ЛАЗАРЯ

Подготовка текста, перевод и комментарии М. В. Рождественской

ВСТУПЛЕНИЕ

«Слово на воскресение Лазаря» — древнерусское апокрифическое сочинение, тесно связанное с текстами на тему Воскресения и Сошествия в Ад, создано, по-видимому, в конце XII или нач. XIII в. Самые ранние списки датируются нач. XV в. «Слово» включалось древнерусскими книжниками в сборники богослужебных и литургических текстов (Златоуст Постный, Измарагд, Торжественник) на 6-ю, так наз. «Лазареву субботу» Великого Поста, вместе с сочинениями византийских и южнославянских авторов о Воскресении Лазаря (см. сочинения Иоанна Златоуста, Андрея Критского, Климента Охридского и др.).

«Слово» дошло до нас в двух редакциях — Краткой и Пространной, которые восходят к общему протографу и выделились из первоначального текста на очень раннем этапе его истории. Редакции отличаются не только по объему, по названию («Слово на воскресение Лазаря» и «Слово Адама во аде к Лазарю»), но и по содержанию. В основу «Слова» положен плач-мольба Адама в аду, с которой он обращается к Лазарю, узнав о его скором воскресении (евангельский рассказ о воскресении Христом Лазаря см. Иоан. 11). Адам просит Христа скорее сойти в Ад и освободить пленников, среди которых находятся ветхозаветные пророки и праотцы. Он упрекает Бога за слишком суровое наказание пленников и сомневается в справедливости Божьего суда. Отчасти в этом и усматривали древнерусские книжники его «апокрифичность». Плач-мольба Адама составляет главное содержание Краткой редакции «Слова». Пространная же редакция дополнена рассказом о евангельском чуде и о том, как Христос исполнил просьбу Адама. Подробностей о событиях в аду после распятия и смерти Иисуса и до его воскресения в канонических евангелиях нет, и поэтому вторая часть «Слова» в качестве источников опирается на известные в древнеславянском переводе византийские апокрифы: «Слово о сошествии во ад Иоанна Предтечи» Евсевия Александрийского и «Слово в великую субботу на погребение… Иисуса Христа» Епифания Кипрского. Эти тексты использовал как источник в своих торжественных проповедях и Кирилл Туровский, поэтому между ними, «словами» Кирилла и «Словом на воскресение Лазаря», находим много общего при описании событий в Аду. Автор «Слова» по-своему переработал греческие источники, а также текст Псалтыри. Кроме них, автор использовал и «слова» Иоанна Златоуста о воскресении Лазаря, и похвалы о Лазаре Климента Охридского, болгарского писателя X в. Исследователи находят в «Слове на воскресение Лазаря» параллели с «Молением Даниила Заточника» и «Словом о полку Игореве». Круг названных текстов не оставляет сомнения в древности публикуемого памятника.

Начальные фразы «Слова о полку Игореве» о «вещих перстах» песнетворца Бояна неоднократно сопоставлялись исследователями (И. Я. Франко, И. Я. Порфирьев, В. Н. Перетц, В. П. Адрианова-Перетц, И. П. Еремин, М. В. Рождественская и др.) с «многоочитыми перстами» царя Давида, призывом, «песней» которого открывается «Слово на воскресение Лазаря». Однако сходство двух этих памятников — более глубокое и связано не только с образами двух певцов (Бояна и царя Давида), но и с самой идеей Воскресения, с темой ада—смерти, с сюжетным построением текстов. И. П. Еремин не сомневался в русском происхождении «Слова на воскресение Лазаря», сотканного, по его выражению, «из апокрифических мотивов, комбинация которых оригинальна и принадлежит автору». В настоящее время известно более 30 списков «Слова». Названия их в рукописях различны. Большинство списков Пространной редакции, представленной здесь, включает в свое название слова «о воскресении Лазаря», или «на воскресение Лазаря». Мы выбираем наиболее традиционное для рукописной традиции этой редакции название памятника.

Для настоящего издания выбран список из собр. ИРЛИ, Древлехранилища им. В. И. Малышева, Пинежское, № 280, 1533 г. В этом сборнике (Златоуст Постный) представлено два списка «Слова», оба Пространной редакции, обозначенные нами как П1 и П2. Если список П1 представляет собой вполне традиционный текст Пространной редакции, какой читается в большинстве списков его группы, то список П2 отличается некоторым художественным своеобразием. По сравнению с другими списками он сокращен, и поэтому окончание текста издается по списку П1. Но главное — в его строгом следовании диалогическому построению первоначального текста, своеобразной «фольклоризации» ряда эпизодов, дополнительной, как показали наши наблюдения, обработке апокрифических греческих источников. В художественном плане список П2 представляет, по мнению издателя, больший интерес для современного читателя, чем другие списки этой редакции. Поэтому он положен в основу настоящего издания.

ОРИГИНАЛ

О выведении из ада

Слыши, небо, внуши, земля,[1] яко Господь глаголет: «Сыны породихъ *и вознесох*, ти менѣ отвѣргостѣся. Людие мои менѣ не познаша, а волъ позна лежащего мя, а осѣлъ — ясли господина своего. Но иному азъ милости своея не дам, но пущю слово свое на зѣмлю, спасу люди ото льсти Сотонины».

[2]Тогда рече вѣликий царь пророкъ Давидъ, сѣдя в прѣисподнем адѣ, накладая многоочитая[3] перъсты на златыя и живыя струны. И рече: «Споем собѣ, братия, пѣсни весѣлы тихи, и утѣшимся со Христомъ царемъ Славы». Уже бо услыша врѣмя благоприятно, слыша *топот волхвов перьских конь*, яко нѣсут ему дары, небесному цьсарю, родившемуся на земли, егоже мати, чистая девица, припадает к нѣму любовью, повивает его пеленами, глаголеть к нѣму: «О вышный, страшный Цьсарю небесный, почто еси восхотѣл к нам нищим на землю *снити*? Пещеры ли сѣ еси восхотѣл, или во яслех скотьяхъ восхотѣл еси лежати? А ты сам, Господи, небеса облаки повиваеши. *Тебе, Господи, небо престол, а земля подножие»**[4]** Егоже Ирод безумный скрежьташа зубы своими, Господи, хотя тя убити*. Но приидете, пророци, приидете, праведници... Исаия, Иеремия, ругающеся Аду, отвещаста глаголющи: «О немощный Дьяволѣ»...

И рече Адъ ко Дияволу: «Дияволѣ, слыши, а ты, Давид, глаголи». И рече Давидъ: «Не мочно Давиду глаголати — о, твердо Давидъ заключен: се бо есть врата железна, верия медяны, столпъ камененъ,[5] в нѣмъже Давидъ заключен».

И рекут 70 пророкъ: «Давиде, глаголи нам, кто от нас изнесѣт вѣсть на живый свѣт къ Владыцѣ?» *Тогда рече Давидъ яснымъ гласом: «Исаия, Иеремея, Аввакум, Арон, Изекель, Соломон, Адам, Аврааме, Исаче, Иякове, Самоиле, Данилъ и вся 70 пророкъ, послушайте моего гласа во*

аду семъ. Се хощет изити от нас на жывый свѣтъ ко Владыцѣ Лазарь, друг Господень».

И тогда Адам, первозданный человѣкъ, въскочи, ако от сна, и зби ся руками своими о лицѣ свое. И рече Адам: «Лазарь, друг Господень, изнесѣ о мнѣ весть на живый свѣт ко Владыцѣ и рци ему: “На се ли мя еси, Господи, создалъ? Сего ли дѣля, Господи, азъ землю человѣки наплодихъ? Но себѣ ми, Господи, жаль и не жаль, что я в лѣтѣх своих пред тобою согрѣшил, но того ми, Господи, единого жаль, что твоею тварью Адъ поругаеться. Аще ти, Господи, азъ, Адам согрѣших, что твои изволници, а мои правнуци, Авраам-патриархъ съ сыном Исаком и съ внукомъ Яковом — те, тебѣ, Господи, что сотвориша? Тѣх ради, Господи, и нас изведи изъ ада.

Аще ти, Господи, и тѣ что согрѣшиша, а се ти, Господи, Моисѣи пророк сын Амбриев, провѣдый Израиля сквозѣ Чермное морѣ и глаголавый ти с тобою лицем к лицю на Синайстѣй горѣ в купинѣ, а тот, Господи, с нами же въ прѣисподнемъ адѣ. Того ради, Господи, и нас извѣди из ада.

Аще ти, Господи, что согрѣшил Моисей пророкъ, а се ти, Господи, Исусъ сынъ Навгин, сестричич Моисѣов, приступи ко граду Ерихону,[6] в нѣмже бяше 7 царевъ царствующе. Град же бяше каменен, а заборолы желѣзны, тесом побиты сребряным, да узлачен. Цари же положиша руцѣ на заборолы и рѣша: “Нѣ наш ли сей град, нѣ наша ли его рука создала?” А Бога не призваша. Исусъ же помолися Вышнѣму, и Господь повѣлѣ архангелу Михаилу въ трубу под-трубити. Заборола желѣзныя до основания земли распадошася, Исусъ же наехав внутри град и изби 300 и 7000 рати. Тот, Господи, с нами же сѣдит во прѣисподнѣм адѣ. Того дѣля, Господи, и нас извѣди изъ ада.

Аще ти, Господи, и съ согрѣшил, а сѣ ти, Господи, Гедѣонъ-пророкъ, сынъ Асасов. Искусиша руном Бога, положи руно на гумнѣ: “А та тобѣ загоню загадку”. И рече: “Аще будет на руне суша, а по всѣи земли роса, то будѣтъ у нас Богъ на земли”. И бысть тако. И он положи второе руно на гумнѣ: “А та тобѣ *загону загадку*: аще будеть на рунѣ роса, а по всѣи земли суша, то у нас будет в нас Богъ на земли”. И бысть тако. И зожме руно, и вынмѣ 12 пудов воды.[7] Тот, Господи, с нами же въ прѣисподнѣмъ адѣ. Того дѣля и нас, Господи, извѣди из ада.

Аще ти, Господи, Гедѣон согрѣши, а се ти, Господи, царь Соломон, сынъ великого царя Давида, создавый тобѣ хвалу, церковь Святая Святыхъ хрустальна въ градѣ Иерусалимѣ, и сковавы тобѣ два орла златы, подобна херувиму и серафими. И загонув загадку, и рече: “Аще будѣт у нас Бог на земли, то внидет в них Духъ Святый”. И начастася орли носити по церкви и вознѣсостася на небеса. Той, Господи, с нами же въ преисподнѣм адѣ. Того дѣля и нас извѣди из ада».

Во оно врѣмя во едину от субот слыша Господь ропот пророческий, въпиют семьдесят пророкъ: «Изведи, Господи, нас из ада преисподняго». Внидѣ *Исус* в Вифанию къ сестрѣ Лазаревѣ Марфѣ и Марьи. И слышав Марфа и Марья тѣкоста скоро, и падоста на ногу Исусу и рече: «Аще бы ты был здѣ, не умерлъ брат наш». И рече

Христос: «*Воскрѣснеть брат вашь Лазарь*!»[8] И тогда воскрѣсе Лазарь и рече Лазарь: «Вопиет ти, Господи, Адам первозданный человѣкъ: изведи, Господи, из ада. Вопиет ти, Господи, Авраамъ патриархъ съ сыном Исаком и со внуком Ияковом, извѣди, Господи, из ада. Вопиет ти, Господи, царь Давидъ о сыну своем Соломонѣ, извѣди, Господи, изъ ада».

И рече Господь к Лазарю: «Аще бы не раба моего дѣля возлюбленаго, Давида, царя Соломона бы во адѣ искоренил за его лишнюю премудрость и за его безаконье».

И тогда придѣ Христос духомъ на ада, а с нимъ вся небесныя силы: Самсаил, Маиамил, Славиил,[9] Михаил, Гаврил предтѣкоша пред Господомъ и рѣша: «Во сѣ идѣть *цьсарь Славы*[10], Христосъ, глаголя ужником: “Сущии во тмѣ, просвѣтитеся”».

И рече Адъ изонутрь уды адских:[11] «Кто есть царь Славы?» И силы реша: «Господь силѣн и страшен во бранѣх, той есть царь Славы». Тако Ад рече: «Есть силен н страшен, о чем остави 7 небесъ, а к нам нищим под землю идет?» И силы рѣша: «Противника гоня Сотону и хощет его связав, прѣдати тобѣ, а угодники своя из ада извести». Адъ же озрѣвся и рече Сотонѣ: «О Вѣлзаулѣ окаяннѣ, добру запретитель, злу началниче, не рек ли есмь тобѣ: аще силѣнъ есть, прѣприся с ним тамо: коли ми ести реклъ, “Утверди ми мѣсто, гдѣ ми Исуса, связав, посадити”, и аз тебѣ реклъ: “Препри, шед, его з дѣтми своими и з жиды и со Июдою на оном свѣтѣ, то с ними царствуешь. Аще ли придет семо, тебѣ связавъ, мнѣ прѣдасть, а угодники своя — извѣдет”». Сотона же рече ему: «О худодушне, одно тебѣ зло створил, Лазаря извѣл, и тут убоишися его. А мнѣ нѣколко зла створил, и ту непрѣстанно боряся с ним». Ад же рече: «Аз добрѣ тело изъгноих Лазарево, и жилы и составы распадоша». Исусъ рече ему словом: «Лазарь, гряди вон!» Лазарь же встав ничем не врѣжен, яко лев[12] на лов, паря по воздуху, а гласъ его нынѣче у менѣ из ушию вышел, и вся внутренняя моя от гласа его двиглася. Тогда же ти есть ми реклъ: «Прискорбна ми есть душа отпустити Лазаря страшным и славным имянѣм твоим»[13].

Тогда царь великый Давидъ глагола, коли бех живъ: «Да скрушатся врата меденая и верея железная да сломяться». И тогда сокруши Господь врата медѣная и верѣя желѣзная сломи. Глагола Господь Адаму: «Си тя десница создала от века, си же тя изведе ис тля». И тогда въскрѣс Господь и глагола апостоломъ: «Шедше проповедайте по всей земли, крѣстяще въ имя Отца и Сына и Святого Духа учаще блюсти ся».[14] А сам вознесеся на небеса и седѣ одесную Отца, и по всей земли Слава его,[15] и яко тому подобаеть Слава и нынѣ, и присно».

---

[1] *Слыши, небо, внуши, земля...* — Ср. Ис. 1, 2—3.

[2] *Тогда рече ... ко Владыцѣ...* — Пропуск в рукописи, восстанавливается по списку П1.

[3] *многоочитая* — букв. многоглазые, здесь — вещие. В других списках «Слова»: многоочитая, многоценная, считая.

[4] *Тебе, Господи, ... подножие.* — Ср. Ис. 66, 1.

[5] *...врата железна, верия медяны, столпъ камененъ...* — Ср. Пс. 106, 16.

[6] *...приступи ко граду Ерихону...* — См. Нав. 6, 1—4.

[7] *...и вынмѣ 12 пудов воды.* — См. Суд. 6, 36—40. Выражение «яко дождь на руно и яко капля каплюща на землю»: Пс. 71, 6.

[8] *Внидѣ Исус... брат вашь Лазарь!»* — См. Иоан. 11, 1—24.

[9] *...Самсаил, Маиамил, Славиил...* — Видимо, испорченное чтение. В списке П1 Семиелъ, Расуилъ, Измаилъ, Тартаръ.

[10] *...Во сѣ идѣть цесарь Славы...* — Ср. Пс. 23, 8—10.

[11] *И рече Адъ изонутрь уды адскихъ...* — Вся дальнейшая сцена спора Ада с Дьяволом и описание их страха перед Христом являются заимствованием (а в ряде других списков Пространной редакции «Слова» почти дословной цитатой) из «слов» о сошествии во ад Иоанна Предтечи Евсевия Александрийского и на погребение Господне Епифания Кипрского. Ср. также соответствующие фрагменты в «Слове о снятии тела Христова с креста в неделю 3-ю по Пасхе» и в «Слове на воскресение Христово и о выведении всероднаго Адама из ада» Кирилла Туровского.

[12] *...яко лев...* — Неверное чтение. По другим спискам Пространной редакции следует читать «яко орел».

[13] *...славным имянѣм твоим».* — На этом текст списка П2 кончается. Далее приводится текст по списку П1.

[14] *...Шедше проповедайте по всей земли... учаще блюсти ся.* — Мф. 28, 19—20.

[15] *...по всей земли Слава его...* — Ср. Пс. 86, 12.

ПЕРЕВОД

О выведении из ада

Услышь, небо, внемли, земля, что говорит Господь: «Я породил и возвысил сыновей, а они от меня отвернулись. Народ мой не узнал меня, а вол узнал меня, лежащего, а осел — ясли господина своего. Но

другому я милости своей не дам, но пошлю слово свое на землю, спасу людей от лжи сатанинской».

Тогда воскликнул великий царь, пророк Давид, сидя в преисподней аду, накладывая многоочитые персты на золотые и живые струны. И сказал: «Споем мы, братья, песни веселые тихие, и утешимся с Христом, царем Славы». Ибо уже услышал он, что время благоприятное, услышал топот коней персидских волхвов, которые несут ему дары, небесному царю, родившемуся на земле, мать которого, пречистая девица, припадает к нему с любовью, повивает его пеленами, говорит ему: «О всевышний, страшный Царь небесный, зачем ты захотел сойти к нам, бедным, на землю? Захотел ли ты пещеры этой, или захотел в яслях для скота полежать? А ты сам, Господи, небеса повиваешь облаками. Тебе, Господи, небо — престол, а земля — подножие». На него Ирод безумный скрежетал зубами своими, Господи, желая тебя убить. Но придите, пророки, придите, праведники... Исайя, Иеремия, насмехаясь над адом, говорили ему в ответ: «О немощный Дьявол»...

И сказал Ад Дьяволу: «Дьявол, слушай, а ты, Давид, говори». И сказал Давид: «Невозможно Давиду говорить — о, крепко Давид заключен: ворота железные, столбы медные, столп каменный, в котором Давид заключен».

И говорят 70 пророков: «Давид, скажи нам, кто из нас отнесет весть на живой свет к Владыке?» Тогда Давид сказал ясным голосом: «Исайя, Иеремия, Аввакум, Аарон, Иезекииль, Соломон, Адам, Авраам, Исаак, Иаков, Самуил, Даниил и все 70 пророков, послушайте голос мой в аду этом! Вот хочет выйти от нас на живой свет к Владыке Лазарь, друг Господень».

И тогда Адам, первозданный человек, вскочил, словно ото сна, и ударил себя руками по лицу. И сказал Адам: «Лазарь, друг Господень, отнеси обо мне весть на живой свет к Владыке и скажи ему: “Для того ли ты меня, Господи, создал? Для того ли, Господи, расплодил я людей на земле? Не себя мне, Господи, жаль, и не жаль, что я в свое время пред тобой согрешил, но того одного мне, Господи, жаль, что над твоим созданием Ад надругается. Но если, Господи, пред тобою я, Адам, согрешил, то что твои любимцы, а мои правнуки, Авраам-патриарх с сыном Исааком и с внуком Иаковом — те-то тебе, Господи, что сотворили? Ради них, Господи, и нас выведи из ада.

Если, Господи, и те пред тобой в чем согрешили, то вот, Господи, Моисей-пророк, сын Амбрия, проведший израильтян через Красное море, говоривший с тобой лицом к лицу на Синайской горе в купине, — а ведь он, Господи, с нами же, в преисподней аду. Ради него, Господи, и нас выведи из ада.

Если пред тобой, Господи, в чем согрешил Моисей-пророк, то вот тебе, Господи, Иисус сын Навина, племянник Моисея, подошел к городу Иерихону, в котором было 7 царей царствующих. Город же был каменный, стены его — железные, обиты серебряным тесом и позолочены. Цари же возложили руки на стены и сказали: “Не наш ли

это город, не наши ли руки его создали?” А Бога не призвали. Иисус же помолился Вышнему, и Господь повелел архангелу Михаилу затрубить в трубу. Стены железные распались до основания земли, Иисус же въехал внутрь города и перебил 300 и 7000 войска. Тот, Господи, с нами же сидит в преисподней аду. Ради него, Господи, и нас выведи из ада.

Если, Господи, и этот пред тобою согрешил, то вот тебе, Господи, Гедеон-пророк, сын Иоаса. Испытал он руном Бога, положил руно на гумне: “А вот загадаю тебе загадку!” И сказал: “Если будет на руне сухо, а на всей земле роса, то будет с нами Бог на земле”. И было так. И во второй раз положил он руно на гумне: “А вот загадаю тебе загадку: если будет на руне роса, а на всей земле сухо, то будет с нами и в нас Бог на земле”. И было так. И выжал руно, и вылилось 12 пудов воды. Тот, Господи, с нами же, в преисподней аду. Того ради и нас, Господи, выведи из ада.

Если пред тобою, Господи, Гедеон в чем согрешил, то вот тебе, Господи, царь Соломон, сын великого царя Давида, создавший в хвалу тебе храм Святая Святых хрустальный, в городе Иерусалиме, и выковавший тебе двух золотых орлов, подобных херувиму и серафимам. И загадал загадку, и сказал: “Если будет у нас Бог на земле, то войдет в них Святой Дух”. И начали орлы летать по храму и вознеслись к небесам. Тот, Господи, с нами же, в преисподней аду. Того ради и нас выведи из ада».

В то время, в одну из суббот, услышал Господь ропот пророческий, вопиют семьдесят пророков: «Выведи, Господи, нас из ада преисподнего». Пришел Иисус в Вифанию к сестрам Лазаря Марфе и Марии. И услышали Марфа и Мария, и поспешили быстро, и упали к ногам Иисуса и сказали: «Если бы ты был здесь, то не умер бы брат наш». И ответил Христос: «Воскреснет брат ваш Лазарь!» И тогда воскрес Лазарь, и сказал Лазарь: «Взывает к тебе, Господи, Адам, первозданный человек: выведи, Господи, из ада. Взывает к тебе, Господи, патриарх Авраам с сыном Исааком и с внуком Иаковом, выведи, Господи, из ада. Взывает к тебе, Господи, царь Давид о сыне своем Соломоне, выведи Господи, из ада».

И сказал Господь Лазарю: «Если бы не раба моего любимого, Давида, ради, погубил бы я Соломона в аду за его излишнюю премудрость и за беззаконие».

И тогда приступил Христос духом к Аду, а с ним все небесные силы: Самсаил, Маиамил, Славиил, Михаил, Гавриил шли впереди Господа и говорили: «Вот идет царь Славы, Христос, и говорит узникам: “Сущие во тьме, просветитесь”».

И сказал Ад изнутри адских уз: «Кто это царь Славы?» И силы отвечали: «Господь силен и страшен в броне, он и есть царь Славы». Так Ад сказал: «Он силен и страшен, но зачем оставил 7 небес и идет к нам, бедным, под землю?» И силы отвечали: «Идет, гоня врага Сатану, и хочет, связав его, передать тебе, а любезных себе вывести из ада». Ад же оглянулся и сказал Сатане: «О Вельзевул окаянный, запретитель

добра, владыка зла, не говорил ли я тебе: если Господь силен, поборись с ним там: когда сказал ты мне: “Укрепи мне место, где бы мне Иисуса, связав, посадить”, то я тебе ответил: “Побори его, пойдя с детьми своими, с евреями и с Иудой на том свете, тогда с ними царствуешь. А если он придет сюда, то, связав тебя, мне отдаст, а любезных себе — уведет”». Сатана же сказал ему: «О малодушный, тебе он одно зло сотворил: Лазаря вывел, а ты пугаешься его. А мне он немало зла сотворил, и я здесь непрестанно боролся с ним». Ад же сказал: «Я совсем сгноил тело Лазаря, так что жилы и суставы его распались». Иисус повелел ему словом: «Лазарь, выйди вон!» И Лазарь встал, ничем не поврежден, словно лев на охоту, паря по воздуху, а голос Иисусов ныне от ушей моих отлетел, и вся утроба моя от его голоса содрогнулась. Тогда же ты мне сказал: «Прискорбно душе моей отпустить Лазаря страшным и славным именем твоим».

Тогда великий царь Давид сказал, когда был жив: «Пусть разрушатся медные врата и столбы железные сломаются». И тогда разрушил Господь медные врата и железные столбы сломал. Сказал Господь Адаму: «Вот эта десница создала тебя от начала века, она же вывела тебя из тления». И тогда воскрес Господь и сказал апостолам: «Разойдясь, проповедуйте по всей земле, крестя во имя Отца и Сына и Святого Духа, научая людей соблюдать себя». А сам вознесся на небеса и сел по правую руку от Отца, и по всей земле (разошлась) Слава его, как и подобает ему Слава и ныне, и всегда».

СЛОВО О СОШЕСТВИИ ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ ВО АД

Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова

ВСТУПЛЕНИЕ

«Слово» Евсевия — славянский компилятивный перевод, восходящий к византийским сочинениям Евсевия Емесского и Евсевия Александрийского. Композиция «Слова» своеобразна: о самом Иоанне Предтече, имя которого вынесено в заглавие памятника, говорится очень мало, так же как и о центральном событии — сошествии Христа в ад и освобождении томящихся там праведников. Большая же часть «Слова» — рассказ дьявола о безуспешной борьбе с Христом в годы его земного бытия: Христос разрушает все дьявольские козни — отвращает от греховных дел, исцеляет недужных, воскрешает друга своего Лазаря. И дьявол, и его помощник — Иуда, предательство которого вызывает страстные, гневные обличения автора «Слова», оказываются посрамленными.

Хотя большинство сюжетных мотивов «Слова» восходит к Евангелиям, отсутствующий в Священном Писании рассказ о сошествии Христа в ад дал основание исследователям рассматривать «Слово» среди апокрифических сочинений наряду с Евангелием Никодима, «Словом в великую субботу» Епифания Кипрского и др.

Текст издается по старшему из известных нам списков, входящему в состав Успенского сборника XII—XIII вв. (лл. 216—222 об.). Поправки в текст внесены на основе списков Библиотеки РАН, 21.3.3 и РНБ, Софийского собр. № 1448.

ОРИГИНАЛ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ЕВЬСЕВИЯ, ЕПИСКОПА АЛЕКСАНДРЬСКАГО, СЛОВО О ВЪШЬСТВИИ ИОАННА ПРЕДТЕЧА[1] ВЪ АДЪ

Господи,благослови, отче!

Възлюблении, добро есть рещи, каково есть благовѣщение Предтеча въ адъ, и како въпросиша и́ сущии въ адѣ, бѣ бо пущалъ къ Господу ученикы своя, глаголя: «Ты ли еси грядый, или иного чаемъ?»[2] Не не вѣдый его, пусти, како бо его не вѣдяаше, а пьрьстъмь кажа и глаголаше: «Се агньць Божий, въземляи грѣхы вьсего мира»,[3] и пакы: «Азъ крьщаю вы водою, посрѣдѣ же васъ стоить, егоже вы не вѣсте, тъ вы крьстить Духъмь Святыимь и огньмь».[4] Не тъгда бо увѣдѣ его, да не будеть. Нъ слыши страшьнѣйшу тайну, понеже сьде Предътеча бѣ Господень. Тѣмьже хотяаше въ адъ прѣдътечи ему, ибо и въ адѣ сущии хотяахуть и́ въпросити о Господи, яко идеть ли известъ насъ или ни. И не вѣдый, чьто хотяше отвѣщати имъ, сего ради пусти ученикы своя къ Господу испытатъ, яко «ты ли еси грядый»,[5] и, шьдъше, отвѣтъ принесоша ему.

И тъгда Иродъ, пущь въ тьмьницу, усѣкну Иоана.[6] Съконьча же течение Предтеча Господень и съниде въ адъ. И познаша и́ сущии въ адѣ. Ту бо бѣша Аврамъ, и Исакъ, и Яковъ, Исайя и Давидъ[7] и прочее множьство святыихъ пророкъ. И въпрашаху Иоана о Господи, глаголюще убо: «Идеть ли свободитъ насъ от скърбий сихъ или ни? И съконьчаеть пророчьствованая о немь?» Они же глаголаху: «Еда како не хощеть съмьрти прияти насъ ради?» Пророци же укрѣпляхуся, глаголюще, яко «Съмьрьть ему есть прияти, разумѣхомъ бо мы хотящая ему быти и тако прорицяхомъ вьсему миру». Отъвѣща Иоанъ и рече: «Придѣте, молю вы, повѣдите ми, чьто прорицясте, да и слышавъше и подъвижьни будемъ». Отвѣща же пьрьвый пророкъ и великый Давидъ и рече: «Азъ разумѣхъ, яко безмълъвый тихо съходить съ небесе, и рѣхъ: “Сънидеть, яко дъждь на руно”».[8] Исайя рече: «Азъ разумѣхъ, яко от дѣвы хотяше ся родити, и рѣхъ: “Се дѣва въ чрѣвѣ прииметъ и родить сынъ и нарекуть имя ему Еммануилъ”».[9] И другый, отвѣщавъ, рече: «Азъ разумѣхъ, яко въ дъвою на десяте мѣсто патриарху 12 ученика хотяста служити ему,[10] и рѣхъ: “Въ отець твоихъ мѣсто быша сынове твои”».[11] И другый отвѣща: «Азъ дѣла и чюдеса, яже хотяше творити, разумѣхъ и рѣхъ: “Отвьрьзуться очеса слѣпыихъ и ушеса глухыихъ услышать”».[12] И другый, отвѣщавъ, рече: «Азъ разумѣхъ, яко ученикъ хотяшеть и́ прѣдати, и рѣхъ: “Ѣдый хлѣбъ мой, възвеличилъ есть на мя клевету”».[13] И другый рече: «Азъ разумѣхъ, яко на трьхъдесятьхъ сребрьницѣхъ хотяашеть и́ прѣдати, и рѣхъ: “Поставиша цѣну мою 30 сребрьникъ”».[14] Исайя же пакы рече: «Азъ разумѣхъ, яко на судище хощеть *веденъ быти*, и рѣхъ: “Самъ Господь *на суд приидеть съ старьци*

людьскыми”». Отвѣща Иеремия, глаголя: «Азъ разумѣхъ, яко на дрѣвѣ хотяхуть и́ распяти и рѣхъ: “Придѣте, въложимъ дрѣво въ хлѣбъ его и гонозимъ живота его”».[15] И другый отвѣща и рече: «Азъ разумѣхъ, яко въ гробѣ хотяхуть и́ положити, и рѣхъ: „Положиша мя въ ровѣ прѣисподьнимь въ тьмьныихъ и въ сѣни съмьртьнѣй”».[16]

Си же пророкомъ глаголющемъ и веселящемъся о благовѣщении Предтечевѣ. Слышавъ же Адъ глаголы ихъ, рече къ дияволу: «О комь си глаголють, высокомысльний? Къто же ли есть радость творя имъ? О комь же ли благовѣствують имъ, не вѣдѣ, тъкъмо въ нихъ вижю велию радость». Отвѣща дияволъ и глагола ему: «Ничьсоже не ужасайся, вьсьма не бойся глаголъ ихъ: *не брези* веселитися *имъ, се бо нынѣ* пришьдый и *радость* сътвори имъ Иоанъ Креститель и великоглагольникъ есть. Ибо егда бѣ на земли, велия съвѣдѣтельствова о человѣцѣ томь и глагола вьсему миру, яко сь есть хотя избавити вьселеную. И вънидохъ азъ въ Иродиаду, съвѣтьницю мою и сънаслѣдьницю, и тою прогнѣвахъ цесаря, и сего на обѣдѣ усѣкну и главу дахъ отроковици, и яко яблъкъмь поигра. И его же сь глаголаше, яко сь есть хотя избавити вьселеную, нъ ни себе самого избави». Отвѣща Адъ къ дияволу: «Блюди, брате, обьходи испытьно, еда обльщена будевѣ. Блюди, откуду есть и чий сынъ есть. Сии бо вельми радуються, слышавъше о немь. Блюди испытьно, да не, егда хотѣховѣ единого приобрѣсти, вьсего мира лишена будевѣ, и еже не толико ми буди лишение, нъ и смѣху и поругана будевѣ». Си слышавъ дияволъ, иде къ июдѣомъ и въоружи я́ на Господа; прѣбываше же и *не отхожаше* от нихъ, нъ наущаше я́ на распятие Господне. И не вѣдяше оканьный дияволъ, яко Господня съмьрть *вьсему* миру въскрѣшение будеть. Абие же на пути несытьства обрѣтъши сотона Иуду,[17] нача тѣмь готовити прѣдание, и начатъ и́ творити любителя срѣбру. Тѣмъ же и къ июдѣомъ глаголаше: «Чьто хощете ми дати, и азъ вамъ прѣдамь *его*».[18]

И къто не просльзиться о глаголѣ семь, възлюблении! Трепещють ми състави удовъ, ужасаеть ми ся помыслъ о глаголѣ семь! И пакы: «Чьто хощете ми дати, и азъ прѣдамь и́ вамъ». Како *не искрѣпѣ* языкъ его, како не довъльны быша устьны его? Како не съвязашася *уста* его? Како не усъхоша *челюсти его и не съкрушишася*? Како не увяде вьсь съставъ тѣлесе его? *Како не прилпе язык гортани его*, таковы глаголы извѣщавъшю: «Чьто хощете ми дати?» Ты чьто хощи възяти? Они достойна ничьсоже на имуть дати. Нъ приди, въпрошю тя, Иудо: «Чьсо ради продаеши? Еда чьсо лиши тя другыихъ ученикъ? Еда чьто лише онѣмъ подасть? Не той же ли благодати обьщьника тя сътвори? *То почто предаеши творца небу и земли*? И пакы: егда прѣпоясася леоньтиемь и умы нозѣ ученикомъ,[19] такоже и твои, яко и онѣхъ. Не лиши тебе ни единоя благодати. И ты на прѣдание въоружися! Тольми же не въсхотѣ тебе отлучити ученикъ, а вѣдый льсть твою прѣдательную, вечеряти тя сътвори съ собою. Еда мьниши, яко не вѣдяше твоего съблажнения? Тѣмьже и *на той же* тряпезѣ рече: “Омочивый съ мъною руку въ солило, тъ мя прѣдасть”.[20] И не рече ти: “Въстани от тряпезы моея, прѣдателю, яко нѣси достоинъ ясти съ мъною”. На тряпезѣ бѣ, и рука твоя хлѣбѣ причащашеся, и ядяше, а душа твоя цѣну съвѣщаваше.

О, горе тебѣ, Июдо, чьто се сътвори — срѣбро прия, а Господа прѣда, срѣбра ради съвѣтъ сътвори. Тѣмьже епископьство твое прѣиметь инъ,[21] и въ кровѣхъ твоихъ не будеть живущааго: тѣхъ ради сребрьникъ многа блага лишися и многа зъла достоинъ бысть. Тѣхъ ради сребрьникъ грѣхъ отець твоихъ не отиметься и безаконие матери твоея не оставиться.[22] Тѣхъ ради сребрьникъ тьмы тьмами ангелъ и тысящю тысящи архангелъ бысть врагъ, и единому дияволу любъ. Тѣхъ ради срѣбрьникъ лика апостольска отлучися и бѣсѣхъ причьтеся, прѣстола цесарьска отступи и славы ся съвлѣче, и уже удавлению *на ся* наложи. “Чьто хощете ми дати, и азъ прѣдамь и́ вамь”. И поставиша ему 30 сребрьникъ. О горе тебѣ, Июдо! Чьто се сътвори? На 30-тѣхъ ли продаеши сребрьниць *небу* и земли творьця, рабъ владыку убо продаеши. То понѣ блюди: кого продаеши! Аще бо бы раба имѣлъ хытра, не бы его убо продалъ хытрости ради на 30 сребрьникъ. Продаеши, оканьне, вьсю тварь, юже видиши, тъ есть сътворилъ. И ты рече: “Чьто ми хощете дати, и азъ вамъ прѣдамь и́”. И поставиша ему 30 сребрьникъ».

По отшьствии же его и отлучении апостольска лика, начатъ Исусъ скърьбѣти и тужити: «Прискърбьна есть душа моя до съмьрти».[23] О милосердие владычьне! О прѣдатели скърьбяше, съмьрьти же не бояшеся, бесъмьрьтьный. Слышавъ же дияволъ Господа, рекъша: «Прискърьбна есть душа моя до съмьрти», мьняше, яко съмьрти ся боить, и начатъ подвижьнѣй бывати, и текъ Адови, рече: «Готовъ буди и уготови мѣсто твьрьдо, да затворивѣ Иисуса: се бо устроихъ на нь съмьрть и уготовихъ гвоздия, наострихъ копие и налияхъ оцьта.[24] Июдѣя поострихъ на нь, яко оружие, и се по дъвою днию прѣдъставлю ти и́, брате мой Аде! Многу ми пакость сътвори на земли и много прогнѣва мя. Мъногы ми съсуды истъщи невидимо: яже азъ завистию творяхъ, тъ же онъ словъмь исцѣляше, и ихъ же азъ раздрушахъ *уды*, то ты онъ укрѣпляя: одры на раму носити повелѣваше.[25] И другаго ослѣпихъ и затворихъ очи его и веселяхъся о немь, егда о стѣну *ударяшеся*, ли въ воду въпадаше, онъ же, пришьдъ, не вѣдѣ откуду, и противьная ми творя, словъмь дасть ему прозьрѣти. И *другуму*, сущю въ чрѣвѣ матерьни, ослѣпихъ очи, яко не знати *ему видѣти свѣта*, онъ же обрѣтъ и́ и сътвори бърьние и помаза очи его, и повелѣ въ купѣли Силуамли умытися ему, и прозьрѣ.[26] Азъ же не обрѣтъ, камо ити, пояхъ съ собою шесть бесъ и вьсе службьныя духы и отидохъ далече от него, и обрѣтохъ уношю добра, и въшьдъ въ нь, живяхъ въ немь. И како разумѣ, не вѣдѣ, и пришьдъ тамо, запрѣти ми и повелѣ ми изити из него. И ишьдъ азъ, не обрѣтохъ мѣста, камо иду: молихъ и́, да понѣ на свинияхъ прииму власть.[27] Еще же пакы жена от мене въ недугъ въпадъши до дъвою-на-десяте лѣту, и течения кръвьная от плъти ея истѣкаху. И не вѣдѣ, откуду приде тамо, и видѣвъши и́, текъши, прикоснуся, емь въскриль ризѣ его, и абие ста течение кръве ея.[28] И гнѣваяся на нь, не съмяхъ побѣдитися съ нимъ, и пакы отидохъ оттуду и придохъ въ прѣдѣлы сурьскы и прѣдѣлы хананѣйскы и обрѣтохъ ту отроковицю добру и, въшьдъ въ ню, живяхъ въ ней и творяхъ зъло ей: ово ли въ огнь ю въмѣтахъ, другоици же съ стрьмины ю съмѣтахъ и веселяхъся ею. Паче же мати ея начьняше, тужащи, битися ея ради. И не вѣмь, откуду приде тамо и живяше ту. И абие слышавъши мати отроковиця, текъши, повѣдѣ, яже о дъщери своей, глаголющи:

“Помилуй мя Иисусе, Сыне Божий, яко дъщи моя зълѣ бѣситься”. И абие же поманувъ женѣ, рече: “О жено, велия ти вѣра. Буди ти якоже хощеши!” Тоже не и самъ приде изгънатъ мене, нъ женѣ въда область изгънати мя.[29]

Другоици же, въѣхавъшу ему въ море и усънувъшю, вънезапу подвигохъ вѣтры многы и възмутихъ море, и съражахуся вълны, и велику бурю въздвигнухъ, хотя погрузити корабль, въ немьже бяше съ ученикы своими. И се хотящю кораблю съкрушитися, абие ученици его възбудиша и́, и, въставъ, запрѣти морю, и послуша его море и вьси вѣтри, и бысть тишина велия.[30] Видѣвъ же азъ, яко и ту прѣбываеть, идохъ въ Вифанию, и, хотя оскърьбити и́, въсхватихъ друга его Лазоря и приведохъ ти и́, брате мой Аде. И бес печали быхъ, мьня, яко уже къ тому не можеть ис тебе исхытити его. И по четырьхъ дньхъ пришьдъ, не вѣдѣ отъкуда, не вѣдѣ, съпящю ли *тебѣ* или ины хранящю, исхыти и́ отъ тебе».

И, отвѣщавъ, Адъ глагола дияволу: «Тъ же ли есть и нынѣ, иже и тъгда Лазоря изведе? Аще тъ есть, помилуй мя и не води его сѣмо. Того бо тъкъмо глас ужаси мя и раздруши ми силу: гласа его не могу сътърпѣти. Того ли ми възвѣщаеши затворити? Онъ, аще придеть сѣмо, и яже имамъ сьде, извѣсти имать. Азъ же тъгда съгнонхъ тѣло Лазорево зѣло, якоже начатъ воняти, и нача раступатися съставъ тѣлесе его, и егда же възгласи его: “Лазоре, лѣзи вонъ!”, и абие въскочи вънъ из гроба, яко львъ из вьрьтьпа на ловъ иды, яко орьлъ летяаше, вьсю немощь отложь въ мьгновении оку.[31] Азъ того сьде затворити не възмогу». Отвѣщавъ же дияволъ, глагола ему: «Сила твоя и моя, ненасытьная утроба твоя, да приимѣвѣ и́, а не бляди многа». Отвѣща Адъ и рече: «Клятъ мя силами, кыими силами? Ибо, аще бы имѣлъ силу, побѣдилъ ся бы съ нимъ, нъ мною ли и июдеи хощеши оправьданъ быти?» Глагола ему дияволъ: «Страшиве немужю и худодушьне! Мнѣ толика зъла сътвори, и не прѣстахъ побѣдяся съ нимь. И ты едино зъло приимъ от него, толику боязнь прия. Азъ же, егда видѣхъ, яко и вънѣшняя болѣзни тѣлесьныя исцѣляше, начахъ душа человѣчьскы невидимо мучити. Егда бо видѣхъ, яко и ту прѣбываше, пакы обрѣтох ту уношю добра, именьмь Матфею, и възложихъ на сердце ему помыслъ имѣнию и поставихъ и́ на мытьници. И тольми послуша мене уноша, якоже бияше вься, и радовахъся о немь. Онъ же отъкуду приде — не вѣдѣ, и мимоида рече уноши: “Иди по мнѣ”. И абие от словеси того Матфей, оставль мытницю, и послѣдова ему и бысть оному ученикъ, а мънѣ врагъ.[32] Азъ же оскьрьбѣхъ зѣло и мьнѣхъ, яко въздрастъ уношѣ възлюбль, въхыти и́ от мене. Идохъ азъ въ страны Ерихоньскы и обрѣтохъ ту человѣка мала въздрастъмь, именьмь Закьхей, и вънидохъ въ нь и поставихъ и́ на мытьници. Сь утѣши мя о печали, яже о Матьфеи, и мьнѣхъ, яко понѣ сего въздраста не имать възлюбити. И пришьдъ онъ, не вѣмь откуду, мимоидый съ народъмь. Закхей же не могый видѣти, къто есть мимоходяй, и възлѣзъ на *ягодичину*, и, възьрѣвъ, Иисусъ видѣ и́ и глагола ему: “Закъхее! Потъщавъся сълѣзи: дьнесь бо въ дому твоемь подобаеть ми быти”. Абие же приять и́, радуяся, в домь свой и, шед, възврати седмирицею, иже бѣ лихо imalъ, *и* отъ своего имѣния подасть маломощьмъ.[33] И иде въ слѣдь его и

бысть оному ученикъ, а мнѣ врагъ. Егда же не обрѣтох мѣста, камо ити, идохъ къ братии моей — июдѣомъ и *въоружихъ* я на нь».

Отвѣщавъ же Адъ, глагола къ дияволу: «Останися его, ничьтоже имаши съ нимь». И глагола ему дияволъ: «Азъ вѣдѣ, яко человѣкъ есть бояся съмьрти. Се бо разумѣхъ, яко прѣдаеться и, скърьбя, глаголеть: “Прискърьбьна есть душа моя до съмьрти”». Глагола ему Адъ: «Иди, якоже хощеши — твори, понѣ искуси брань на нь. И аще побѣдиши, и затворивѣ и́ сьде, и цесарьствуеши тъ съ июдеи. Аще ли ти одолѣеть и, пришьдъ сѣмо, изведеть, яже имамъ затвореныя сьде, и съвяжеть тя и слугы твоя и июдѣя, и прѣдасть я мнѣ, о горе вамъ будеть, оканьнии». Си слышавъ, дияволъ иде къ июдѣомъ и въоружи я на Господа. И събьравъшеся, съвѣтъ сътвориша на Господа, да и́ погубять.

И се събьраномъ имъ, приде Июда, глаголя: «*Егоже* азъ лобъжю, того имѣте». И, приступль лобъза и глаголя: «Радуйся, учителю!» Господь же рече къ нему: «Уноше! На не же приде, дьрьзай!»[34] О лобъзание, испълнь безакония! О цѣлование, погыбѣльно души! *О ходатайство родству* огньнууму!» Блудьниця, лобъзавъши нозѣ владычьни, душю свою очисти от скврьрьнъ.[35] Сь же, лобъзавъ, душю свою погуби. Она, лобъзавъши, рукописание зълъ своихъ раздьра, сь же, лобьзавъ, отъ книгъ животьныихъ исписанъ бысть. О жены прѣмудрость! О ученичe неразумьство! Оной, лобъзавъши нозѣ владычьни, ангели радовахуся и вѣньць ей готовляху, сему же, лобъзавъшю, бѣси радовахуся и уже удавлению плетяху. «Радуйся, учителю!» Онъ радуеться, а ты въсплачи, яко от радости уклонися. «Радуйся, учителю!», и облобыза и́. И приступльше безаконьници июдѣи, яша и́, съдьрьжащааго дланию вьсю землю, и приведоша и́ прѣдъ Пилата. Пилатъ же сѣдяше, судяй, хотяй судити живыимъ и мьрътвыимъ прѣстояще и търьпяше; бьрьние на прѣстолѣ сѣдяше, и творьць небу и земли прѣстояше. Судиму же Господу Пилатомь за спасение вьсему миру. И судиму ему, жена Пилатова посъла къ мужю своему, глаголющи: «Ничьтоже тебе, ни правьдьнику тому, много бо ночьсь пострадахъ его ради».[36] О, безаконьство июдѣйско: жена, не чьтущи закона, ни пророкъ, правьдьника и нарече, рекъши: «Ничьтоже тебе, ни правьдьнику тому», а июдѣи, чьтуще законъ и пророкы, зълодѣя и́ нарекоша, глаголющи: «Аще не бы сь зълодѣй былъ, не быхомъ ти прѣдали его». Тъгда Пилатъ, бивъ его и прѣдасть и́ на распятие.

Оканьный же дияволъ, видѣвъ знамения, яже на крьстѣ быша: солнце помрачаемо и землю трясущюся, и запону церьковьную раздираему, и камение распадающеся,[37] и самого поругана — тече къ Аду и глагола ему: «О, горе мнѣ, оканьнуму, яко поруганъ быхъ! Помози оканьству моему, затвори врата, да не вънидеть сѣмо, утвьрьди заклепы и *гвоздии*, и вьсею силою своею противися не прияти его». Тече же Адъ и затвори двьри и заклепы желѣзныими утвьрьди. И се Господь *приидe* на Ада, гоня диявола, и Силы[38] предътечааху. И се врата адова утвьрьжена бяху. И възгласиша Силы, глаголюща: «Възьмѣте врата, кънязи ваши, и да възьмуться врата вѣчьная, и вънидеть цесарь славы».[39] И акы не вѣдый Адъ изутрьуду отвѣща, глаголя: «Къто сь есть цесарь славы? Повѣдите ми». Силы же святыя рекоша: «Господь крѣпъкъ и сильнъ, Господь сильнъ въ брани». Отвѣщавъ же Адъ, глагола: «То аще такъ

есть, то чьсо ищеть сьде? Почьто остави небеса и сьниде сѣмо?» Святыя Силы рѣша: «Понеже цесарь славѣ есть, противьника гоня, сьниде съвязати и́ и дати и́ тобѣ, и *своя* воины *от тебя* истьрьгнути». И отвѣщавъ Адъ дияволу, рече: «Трьглавьче Вельзавуле, развратьниче ангельскъ, посмишьниче святыимъ, болѣзньмъ поспѣшьниче! Не глаголахъ ли ти: не побѣдися съ нимь? И се, еже рѣхъ, прѣстоять ти, и чьто сътвориши, окаяне? Почьто мене ослушася? Изиди, аще сильнъ еси и усърящи и́, азъ бо тебѣ помощи не възмогу». Окаяный же дияволъ, плачася, отвѣща, глаголя; «Помилуй мя, понѣ не отвьрьзай, донъдеже възвратиться, понѣ потрудися мене ради, аще и поруганъ быхъ. Къто бо не поруганъ будеть от тацѣхъ глаголъ? *Овогда* яко бояся съмьрьти и скьрьбя глаголаше: “Прискьрьбьна есть душа моя до съмьрти”. Другоици же Отцю молитвы въздая, глаголаше: “Отче, аще есть възможьно, да преидеть от мене чаша си”.[40] И си глаголи прѣльстиша мя».

И се има глаголющема, Силы прѣбываху, глаголюще: «Възьмѣте врата, князи ваши!» И пророци глаголаху: «Отвьрьзѣте врата, да вънидеть цесарь славѣ!» И Адъ трепеташе страхы.

Отвѣщавъ пророкъ Давидъ рече: «Не дѣйте его, да събудеться пророчьство мое. Егда бо бѣхъ на земли, разумѣхъ и рѣхъ: “Врата мѣдяная съкруши и верѣя желѣзныя съломи”».[41] И съконьчася писание: «Къде ти съмьрьти жало? Къде ти, Аде, побѣда?»[42] И сърѣтоша и́ пророци, радующеся и поюще: «Благословенъ, грядый въ имя Господне!» Тъгда имъ Господь диявола, съвяза и́ узами нераздрѣшьнами, пророкы же изведе от ада, глаголя: «Идѣте въ рай!» И тако искочиша отъ ада.

От нихъ же пьрьвый пророкъ великый Давидъ, бряцяя въ гусли, глаголя: «Придѣте, въздрадуимъся Господеви, въскликнѣмъ Богу Спасу нашему, яко цесарь нашь, по насъ побѣжься, одолѣ». И вьси отвѣщаваху: «Алѣлуия». И пакы тъ же: «Вьси языци въсплещѣте руками въкупѣ, въскликнѣте Богу гласомь радости, яко цесарь нашь, побѣжься, одолѣ». [43] И другый отвѣща: «Радуйся зѣло, дъщи Сионова!»[44] И по томь: «Въстани, Иерусалиме, облѣцися въ славу твою, яко цесарь твой побѣжься, по насъ одолѣ». И тако веселящеся въ рай течаху, славяще избавителя нашего Господа Иисуса Христа, емуже подобаеть вьсяка слава, честь и покланяние съ безначальныимь Отцьмь и съ прѣсвятыимь и благыимь и животворящимь Духъмъ твоимь, нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ. Аминь.

---

[1] *Иоанн Предтеча* — пророк, предсказавший явление Христа (Мф. 3, 11—12) и крестивший его в водах Иордана (Мф. 3, 13—17).

[2] *Ты ли еси грядый ... чаемъ?* — Мф. 11, 3.

[3] *Се агньць Божий ... мира...* — Ио. 1, 29.

[4] *Азъ крыцаю вы ... и огньмь.* — Ио. 1, 26 и Мф. 3, 11.

[5] *...пусти ученикы своя ... грядый...* — Ср. Мф. 11, 2—3.

[6] *И тъгда Иродъ ... усѣкну Иоана.* — Иоанн осуждал поступок наместника Галилеи Ирода Антипы, вступившего в брак с женой своего брата, Ирода Филиппа, Иродиадой. Та оклеветала Иоанна, и пророк был заключен в темницу. На пиру дочь Иродиады Саломия восхитила наместника своей пляской, и он пообещал выполнить любое ее желание. По наущению матери девушка попросила принести ей отрубленную голову Иоанна (Мф. 14, 3—11). Имя Саломии в Евангелиях не названо, оно упоминается в других, апокрифических источниках.

[7] *...Аврамъ ... и Давидъ...* — Перечислены библейские праотцы: Авраам, его сын Исаак и внук Иаков, пророк Исайя и царь Давид.

[8] *Сънидеть, яко дъждъ на руно.* — Ср. Пс. 71, 6.

[9] *Се дѣва въ чрѣвѣ ... Еммануилъ.* — Ис. 7, 14.

[10] *...12 ученика хотяста служити ему...* — Проводится параллель между двенадцатью сыновьями Иакова и двенадцатью апостолами.

[11] *Въ отець твоихъ ... сынове твои.* — Пс. 44, 17.

[12] *Отвьрьзуться очеса ... услышать.* — Ис. 35, 5.

[13] *Ѣдый хлѣбъ мой ... клевету.* — Ср. Пс. 40, 10.

[14] *Поставиша цѣну мою 30 сребрьникъ.* — Ср. Зах. 11, 12.

[15] *Придѣте, въложимъ дрѣво ... живота его.* — Иер. 11, 19.

[16] *Положиша мя ... въ сѣни съмьртьнѣй.* — Пс. 87, 7.

[17] *Иуда* — один из апостолов, предавший Христа за 30 серебреников.

[18] *Чьто хощете ... прѣдамь его.* — Мф. 26, 23.

[19] *...умы нозѣ ученикомъ...* — Ср. Ио. 13, 4—14.

[20] *Омочивый съ мъною ... прѣдасть.* — Мф. 26, 23.

[21] *...епископьство твое прѣиметь инъ...* — На место Иуды в число апостолов (чтобы сохранить сакральное число 12) был избран по жребию Матфей (Деян. 1, 16—26).

[22] *...и безаконие матери твоея не оставиться.* — Возможно, здесь отзвук апокрифического предания о матери Иуды. Получив предзнаменование, что сын ее станет вместилищем пороков, она положила младенца в просмоленную корзину и предала ее морским волнам. Иуду нашла и воспитала царица острова Скариот (так

объясняет предание его прозвище «Искариот». Другие толкования имени см.: Мифы народов мира. М., 1991. С. 580). Согласно тому же преданию, Иуда становится любимцем Пилата и, выполняя его поручение, убивает Рувина—Симона. Затем Иуда женится на вдове убитого, не зная, что она — его собственная мать.

[23] *Прискърбьна есть душа моя до съмьрти.* — Ср. Мф. 26, 38. Синодальный перевод: «Душа моя скорбит смертельно».

[24] *...и уготовихъ гвоздия, наострихъ копие и налияхъ оцьта.* — Упоминаются обстоятельства распятия Христа: воин ранил его копьем, вместо воды поднесли к губам губку, пропитанную уксусом.

[25] *...одры на раму носити повелѣваше.* — Ср. Мф. 9, 17. Здесь и далее упоминаются эпизоды евангелий, на которые и дается ссылка.

[26] *...въ купѣли Силуамли ... прозьрѣ.* — Ср. Лк. 9, 1—7.

[27] *...на свинияхъ прииму власть.* — Ср. Лк. 8, 27—32.

[28] *...и абие ста течение кръве ея.* — Ср. Мф. 9, 20—22.

[29] *...нъ женѣ въда область изгънати мя.* — Ср. Мф. 15, 22—28.

[30] *...и послуша его море ... тишина велия.* — Ср. Мф. 8, 24—27.

[31] *...вьсю немощь отложь въ мьгновении оку.* — Рассказ о смерти Лазаря и его воскрешении см. Ио. 11, 1—44.

[32] *...оставль мытницю ... а мънѣ врагъ.* — О призвании мытаря Матфея см. Мф. 9, 9.

[33] *...обрѣтохъ ту человѣка ... подасть маломощьмъ.* — В евангельском рассказе о мытаре Закхее (Лк. 19, 1—10) говорится, что он обещает отдать половину имущества нищим, а обманутым им возвратить в четырехкратном размере.

[34] *На не же приде, дьрьзай!* — Мт. 26, 48—50.

[35] *Блудъница, лобъзавъши нозѣ ... от сквьрьнъ.* — Имеется в виду эпизод на пиру у фарисея. См. Лк. 7, 35—50.

[36] *...И судиму ему ... пострадахъ его ради.* — О согласии Пилата, после колебаний и сомнений, утвердить приговор синедриона (иудейского суда) говорится в евангелиях. Но эпизод о жене Пилата, сочувствовавшей Христу, чисто апокрифический.

[37] *...солнце помрачаемо ... камение распадающеся...* — Ср. Мф. 27, 51—53.

[38] *Силы* — один из ангельских чинов.

[39] *Възьмѣте врата ... цесарь славы.* — Пс. 23, 7 и 9.

[40] *Отче ... преидеть от мене чаша си.* — Мф. 26, 39 и 42.

[41] *Врата мѣдяная ... съломи.* — Пс. 106, 16.

[42] *Къде ти съмьрьти жало? ... побѣда?* — Осия, 13, 14.

[43] *Вьси языци въсплещѣте ... одолѣ.* — Ср. Пс. 46, 2—4.

[44] *Радуйся зѣло, дъщи Сионова!* — Дочь Сиона — образное именование Иерусалима. Сион — гора в пределах Иерусалима, на которой был воздвигнут дворец царя Соломона.

ПЕРЕВОД

СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ЕВСЕВИЯ, ЕПИСКОПА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО, СЛОВО О ПРИХОДЕ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ В АД

Господи,благослови, отче!

Возлюбленные, следует поведать вам, каково было благовещение Предтечи в аду и как вопрошали его находившиеся в аду, ибо посылал он к Господу учеников своих, говоря: «Ты ли это пришел, или иного нам ожидать?» Не не ведая его, посылал, как бы о нем не зная, но перстом указывал на него и возвещал: «Вот агнец Божий, взявший (на себя) грехи всего мира», и еще: «Я крещу вас водой, а среди вас стоит, которого вы не ведаете, тот будет крестить вас Духом Святым и огнем». И не будет так, что лишь тогда ты узнаешь о нем. Так услышь же страшнейшую тайну, ибо здесь Предтеча был Господень. Потому и должен он был в ад прежде Христа вступить, так как находившиеся в аду хотели его вопросить о Господе: придет ли он вывести нас отсюда или нет. И не зная, что следовало бы ответить им, он и отправил учеников своих к Господу узнать: «Ты ли это пришедший?», и, пойдя, они ответ ему принесли.

И тогда Ирод, послав в темницу, обезглавил Иоанна. Окончил свой путь Предтеча Господень и сошел в ад. И узнали его находящиеся в аду. Были тут Авраам, и Исаак, и Иаков, Исайя и Давид и еще множество других святых пророков. И спросили Иоанна о Господе, так говоря: «Придет ли освободить нас от мук наших или нет? И совершится ли пророчествованное о нем?» Другие же говорили: «А что если не захочет смерть принять ради нас?» Пророки же крепились духом, говоря: «Суждено ему смерть принять; мы же ведали о том, что будет с ним, и пророчествовали о том всему миру». Отвечая, сказал Иоанн: «Придите, прошу вас, поведайте мне о том, о чем прорицали, и мы, услышав это, воспрянем духом». Отвечая, сказал первый и великий пророк Давид: «Я предвидел, что, никому не возвестив, тихо сойдет он с неба, и сказал: “Сойдет, как дождь, орошающий руно”». Исайя сказал: «Я предвидел, что от девы он будет рожден, и сказал: “Вот дева примет в чреве и родит сына, и нарекут имя ему Еммануил”». И другой, отвечая, сказал: «Я предвидел, что вместо двенадцати патриархов 12 учеников будут

служить ему, и возвестил: “На место отцов твоих стали сыновья твои”». И иной отвечал: «Я предвидел деяния и чудеса, которые будет он творить, и возвестил: “Откроются глаза у слепых, и уши глухих услышат”». И другой в свою очередь сказал: «Я предвидел, что ученик захочет его предать, и возвестил: “Кто ест хлеб мой, возвел на меня клевету”». И другой сказал: «Я предвидел, что за тридцать Серебреников захочет его предать, и возвестил: “Оценили меня в 30 серебреников”». И еще Исайя сказал: «Я предвидел, что будет приведен он на судилище, и возвестил: “Сам Господь на суд предстанет перед старейшинами земли”». Отвечая, Иеремия сказал: «Я предвидел, что захотят распять его на древе, и возвестил: “Приходите, вложим древо в хлеб его и лишим его жизни”». И другой, отвечая, сказал: «Я предвидел, что в гроб его положат, и возвестил: “Положили меня в глубокой могиле, во тьме и в обители смерти”».

Так говорили пророки и радовались, получив весть благую от Предтечи. Услышал же Ад речи их и обратился к дьяволу: «О ком так говорят они, о высокомысленный? Кто это такой, принесший им радость? О ком им благую весть принесли, я не знаю, но вижу их в немалой радости». Отвечая, дьявол сказал ему: «Ничего не бойся и совсем не страшись слов их, не мешай им веселиться: этот — ныне пришедший и радость им принесший — Иоанн Креститель многоглаголивый. Когда был он еще на земле, то много возвещал о том человеке и говорил всему миру, что тот избавит вселенную. И вошел я в Иродиаду, единомысленницу мою и последовательницу, и с ее помощью разгневал цесаря, и того (Иоанна) во время пира казнили, и дали голову его отроковице, а она с ней как с яблоком поиграла. И тот, про кого он говорил, что придет он спасти вселенную, сам себя не спас». Отвечал Ад дьяволу: «Берегись, брат мой, ходи, оглядываясь, как бы мы с тобой не были обмануты. Разузнай, откуда он и чей он сын. Эти (пророки) очень уж радуются, слыша о нем. Остерегайся и выпытывай, а не то, пока одного собираемся уловить, всего мира лишимся, и это мне будет не только потеря, но осмеяны мы будем и поруганы». Услышав это, дьявол отправился к иудеям и настроил их против Господа; находился он среди них и не оставлял их, подговаривал распять Господа. И не знал окаянный дьявол, что Господня смерть станет воскрешением всего мира. И вскоре на путях, избранных ненасытными, встретил сатана Иуду и начал готовить с ним предательство и вскармливать в нем сребролюбца. Потому-то тот и сказал иудеям: «Что мне дадите, и я вам предам его?»

И кто не возрыдает, услышав слова эти, о возлюбленные! Дрожат у меня руки и ноги, сам разум мутится от слов этих! Повторю снова: «Что хотите мне дать, и я вам предам его». Как не окостенел язык его, как не распухли губы его? как не замкнулись уста его? Как не иссохли челюсти его и не рассыпались? Как не обмякло все тело его? Как не прилип язык его к гортани, когда он произнес такие слова: «Что хотите мне дать?» Что ты хочешь взять? Они же ничего стоящего не могут дать. Но приди, и спрошу тебя, Иуда: «За что предаешь? Или он тебя обделил чем среди других учеников? Или чего-либо больше другим даровал? Не он ли сделал тебя сопричастным своей благодати? Так за что же предаешь творца неба и земли? И повторю: когда опоясался он леонтием и омыл ноги своим ученикам, то и твои ноги так же, как и

других. Не обошел тебя ни единой благодатью. И ты решился на предательство! Он же не захотел тебя отринуть из среды учеников, а, зная об обмане твоем и предательстве, пригласил на вечерю с собой. Уж не думаешь ли ты, что не знал он о том, что соблазнили тебя? Потому-то он на той трапезе и сказал: “Обмакнувший вместе со мной пальцы в блюдо и предаст меня”. И не сказал тебе: “Уйди с трапезы моей, предатель, ибо не достоин ты вкушать со мною”. За трапезой сидишь, и рука твоя к хлебу прикасается, и ешь, а душа твоя о цене раздумывает.

О, горе тебе, Иуда, совершившему такое: серебро взял, а Господа предал, ради серебра сговорился. Потому и сан твой апостольский получит другой, и дом твой останется заброшенным: из-за тех серебреников многих благ ты лишился и навлек на себя многие беды. Из-за этих серебреников не простится грех отцов твоих и не простится беззаконие матери твоей. Из-за тех серебреников мириады ангелов и тысячи тысяч архангелов стали тебе врагами, и мил ты одному лишь дьяволу. Из-за тех серебреников исторгнут ты из сонма апостолов и пристал к бесам, от престола царского отступил и славу с себя совлек и петлю удавленника на себя наложил. “Что хотите мне дать, и я вам предам его?” И выставили ему 30 серебреников. О горе тебе, Иуда! Что ты совершил? За эти 30 серебреников продаешь творца неба и земли; будучи рабом продаешь своего владыку. Задумайся: кого ты продаешь! Если бы имел раба искусного, ты и его, ценя мастерство его, не продал бы за 30 серебреников. А ты продаешь, окаянный, того, кто сотворил все, что ты видишь вокруг. И ты говоришь: “Что мне хотите дать, и я вам предам его?” И выставили ему 30 серебреников».

После ухода Иуды и исторжения его из среды апостолов стал Иисус скорбеть и тужить: «Скорбит душа моя перед смертью». О милосердие владыки! О предателе скорбил, смерти же не боялся, бессмертный. Услышав же дьявол, что сказал Господь: «Скорбит душа моя перед смертью», решил, что он смерти страшится, и начал усердствовать, и поспешил к Аду и сказал: «Готов будь и отыщи место надежное, и мы затворим там Иисуса: вот я подстроил, что он умрет, и приготовил гвозди, заострил копье и налил уксус. Иудеев наострил на него, точно оружие, и через два дня представлю его тебе, брат мой Ад! Много мне препон чинил на земле и много раз прогневал меня. Многие сосуды мои незаметно опустошил: что я по зависти своей творил, то он словом исправлял, если я кому-либо разрушал суставы, то он их укреплял: повелевал нести одр на плечах. Другого я ослепил и затворил глаза ему и радовался, когда он на стену натыкался или в воду падал, он же, придя неведомо откуда, вопреки мне творил словом своим дал ему прозреть. А другому, когда он был еще в чреве матери, ослепил я глаза, чтобы не узнал он и самого вида света; он же, встретив его, замесил глину, помазал ею глаза ему и велел омыться ему в купели Силуамской, и тот прозрел. Я же, не зная, куда идти, взял с собой шестерых бесов и всех служащих мне духов и ушел подальше от него, и встретил юношу красивого, и вошел в него, и жил в нем. И не знаю, как он проведал про это, и пришел туда же, заклял меня и повелел мне выйти из юноши. И вышел я, и не находил места, куда идти, и просил я его, чтобы хотя бы над свиньями иметь мне власть. И в другой раз по воле моей женщина

занедужила на двенадцать лет: кровь истекала из тела ее. И не знаю, откуда он пришел на то место, и увидела его женщина и поспешила к нему, и прикоснулась к полам хитона его, и тут же прекратилось у нее кровотечение. И гневался я на него, не смея сразиться с ним, и снова ушел оттуда и пришел в края сирийские и края хананейские, и встретил тут прекрасную отроковицу, и вошел в нее, и жил в ней, и зло причинял ей: то в огонь ее толкал, то со стремнины сбрасывал и веселился этим. Мать же ее начала биться в печали из-за нее. И не знаю, откуда он пришел туда же и поселился там. И когда услышала об этом мать отроковицы, поспешила к нему и поведала о дочери своей, говоря: “Помилуй меня, Иисус, Сын Божий, ибо дочь моя совсем бесноватая”. Он же тогда, подозвав женщину, сказал ей: “О женщина, велика твоя вера. Так будет же, как ты хочешь!” На этот раз не сам пришел изгнать меня, но даровал женщине силу прогнать меня.

В другой раз, когда плыл он через море и уснул, я неожиданно поднял ветры сильные и взволновал море, и стали биться волны, и поднял я сильную бурю, собираясь утопить корабль, в котором был он с учениками своими. И когда корабль уже готов был развалиться, ученики разбудили его, он же, встав, заклял море, и послушало его море и все ветры, и настала полная тишина. Увидел я, что и здесь он находится, отправился в Вифанию и, полагая, что огорчу его, похитил друга его Лазаря и привел того к тебе, брат мой Ад. И был беспечален, думая, что уже теперь не сможет его у тебя похитить. Но четыре дня спустя пришел он, не знаю откуда, когда ты — не ведаю я — то ли спал, то ли других стерег, и вывел от тебя Лазаря».

И Ад в ответ сказал дьяволу: «Так это тот самый, который тогда Лазаря вывел? Если это он и есть, то пощади меня и не приводи его сюда. Один только голос его привел меня в ужас и сокрушил мою силу: не могу я вынести голоса его. Этого ли ты призываешь меня заключить? Да он, если придет сюда, и тех, кого я держу здесь, выведет. Я тогда крепко сгноил тело Лазаря, так что оно смердеть начало и стали распадаться суставы его, но когда воззвал он: “Лазарь, выйди вон!”, тот тотчас выскочил из гроба, как лев из логова идущий на охоту, как летящий орел; всю немощь преодолел во мгновение ока. Я того здесь заточить не смогу». Дьявол же сказал, отвечая ему: «Сила твоя и моя, ненасытная утроба твоя — сможем принять его, не пустословь лишнее!». Ад же сказал в ответ: «Заклинаешь меня силами, но какими силами? Если бы ты обладал силой, то сразился бы с ним, но, видно, хочешь оправдаться мною и иудеями?» Сказал ему дьявол: «Трус ты немужественный и слабодушный! Мне он столько зла причинил, а я, не переставая, боролся с ним. А ты единожды был им одолен и в такой страх пришел. Я же, когда увидел, что он наружные недуги телесные исцеляет, начал невидимо души человеческие мучить. Когда узнал я, что он и здесь пребывает, нашел я достойного юношу по имени Матфей и внушил ему жажду богатства и поставил его собирать налоги. И послушался меня юноша настолько, что даже стал других избивать, и радовался я (глядя на него). Он же, не знаю откуда, пришел и сказал, проходя, юноше: “Иди за мной!” И тотчас же по слову его оставил Матфей сбор налогов, и последовал за ним, и стал его учеником, а мне — врагом. Я же, немало опечаленный, подумал, что молодость юноши его привлекла, и

он увел его от меня. Тогда пошел я в область Иерихонскую и нашел здесь человека, малого ростом, по имени Закхей, и вошел в него, и поставил его собирать налоги. И утешил он меня от печали по Матфею, и надеялся я, что этого низкорослого не сможет он полюбить. И пришел он, не ведаю откуда, проходя мимо с народом. Закхей же не мог видеть, кто это мимо идет, и влез на смоковницу, и, подняв взор, Иисус увидел его и сказал ему: “Закхей! Поскорее слезай: нужно сегодня побывать мне в доме твоем”. И принял его с радостью в своем доме и потом пошел и возвратил в семикратном размере все, что взимал не по закону, и от своих богатств одарил нищих. И последовал за ним и стал его учеником, а моим врагом. Когда же я не нашел места, куда идти, отправился я к братьям своим — иудеям и напустил их на него».

Ад же в ответ сказал дьяволу: «Оставь его, ничего не сделаешь с ним». И сказал ему дьявол: «Я знаю, боится человек смерти. Об этом проведал я, увидев, как предается он скорби и говорит: “Скорбит душа моя перед смертью”». Сказал ему Ад: «Иди и поступай, как хочешь, ибо ты уже опытен в борьбе с ним. И если победишь и мы заключим его здесь, то будешь царствовать с иудеями. Если же он тебя одолеет и, придя сюда, изведет тех, кто у меня заточен здесь, и свяжет тебя и слуг твоих и иудеев и предаст их мне, то горе вам будет, окаянные!» Услышал это дьявол и пошел к иудеям, и поднял их против Господа. И собравшись, посовещались они, как его погубить.

И когда так собрались они, пришел к ним Иуда, говоря: «Кого я поцелую, того схватите». И подойдя (к Иисусу), поцеловал его со словами: «Радуйся, учитель!» Господь же сказал ему: «Юноша! Дерзай же свершить то, что задумал!» О поцелуй, полный беззакония! О поцелуй, гибельный для души! О уступка геенне огненной! Блудница, целовавшая ноги Владыки, душу свою очистила от скверны. Этот же, поцеловав, душу свою погубил. Она, целуя, список грехов своих разорвала, этот же, целуя, вычеркнул себя из книг жизни. О премудрость женщины! О неразумье ученика! Когда она целовала ноги Владыки, ангелы радовались и венец ей готовили, когда этот целовал — бесы радовались и сплетали веревку для повешения. «Радуйся, учитель!» Он радуется, а ты — рыдай, ибо радости лишился. «Радуйся, учитель!», и поцеловал его. И подступили беззаконники иудеи, схватили его, в длани своей держащего всю землю, и привели к Пилату. Пилат же сидел, творя суд, а тот, кто будет судить живых и мертвых, предстоял ему и терпел; прах земной восседал на престоле, а творец неба и земли ему предстоял. Был судим Господь Пилатом за спасение всего мира. И когда судили его, жена Пилатова послала к мужу своему: «Ничего не делай ты праведнику этому, много в эту ночь я страдала из-за него». О беззаконие иудейское: женщина, не знающая закона и пророков, нарекла Христа праведником и сказала: «Ничего не делай ты праведнику тому», а иудеи, чтущие закон и пророков, назвали его злодеем, говоря: «Если бы он не был злодеем, то не предали бы его». Тогда Пилат приказал бить его и отдал его на распятие.

Окаянный же дьявол, увидев знамения, которые были во время распятия: солнце померкшее, землю содрогающуюся, запону церковную разодравшуюся, камни храма распадавшиеся и самого себя

поруганного — побежал к Аду и сказал ему: «О, горе мне, окаянному, опозорен я! Помоги окаянству моему, затвори врата, чтобы не вошел он сюда, укрепи запорами и гвоздями, и всей силой твоей воспротивься приходу его». Поспешил Ад и затворил врата и укрепил их запорами железными. И вот Господь пришел к Аду, преследуя дьявола, и Силы ему предшествовали. Врата же адские укреплены были. И возгласили Силы, воззвав: «Поднимите врата, своды ваши, и будут сокрушены врата вечные, и войдет царь славы». Словно не понимая, Ад изнутри вопрошал: «Кто это — царь славы? Скажите мне». Силы же святые отвечали: «Господь крепкий и сильный, Господь, могучий в бранях». В ответ же Ад сказал так: «Если все так и есть, то что он ищет здесь? Зачем оставил небеса и сюда пришел?» Святые Силы отвечали: «Раз он царь славы, то, врага своего преследуя, сошел связать его и передать его тебе, а своих воинов вывести отсюда». И сказал Ад дьяволу в ответ: «Трехглавый Вельзевул, отвратившийся от ангелов, посмешище святым, болезням пособник! Не говорил ли я тебе: не борись с ним? И вот, как я говорил, стоят все перед тобой, и что сделаешь теперь, окаянный? Почему меня ослушался? Выходи, если ты силен, и встречай его, я же тебе помочь не смогу». Окаянный же дьявол, плача, говорил в ответ: «Пожалей меня, не открывай, пока он не уйдет назад, постарайся меня ради, хотя я и посрамлен. Кого бы не ввели в заблуждение такие слова? Ведь это он, словно бы смерти страшась, говорил: “Скорбит душа моя перед смертью”. В другой раз он молитву возносил к Отцу, говоря: “Отче, если возможно, то пусть минет меня чаша сия”. И слова эти обманули меня».

И пока они говорили так, Силы, здесь пребывавшие, возгласили: «Поднимите врата, своды ваши». И пророки взывали: «Отворите врата, пусть войдет царь славы». И Ад трепетал от страха.

И отвечал пророк Давид, так говоря: «Не трогайте его, пусть сбудется пророчество мое. Когда был я еще на земле, то предвидел и возвестил: “Врата медные сокрушил и запоры железные сломал”». И сбылось написанное: «Где жало смертельное? Где твоя победа, Ад?» И встретили Иисуса пророки, радуясь и возглашая: «Благословен будь, грядущий во имя Господа». И тогда схватил Господь дьявола, связал его узами нерасторжимыми, пророков же вывел из ада, сказав им: «Идите в рай!» И так вышли они из ада.

Первый из них пророк — великий Давид возгласил, бряцая на гуслях: «Приходите, возрадуемся Господу, воскликнем Богу и Спасителю нашему, что царь наш, за нас сразившийся, одолел». И все отвечали: «Аллилуя». И снова все тот же Давид возгласил: «Все народы рукоплещите вместе, воскликнем в честь Господа гласом радости, что царь наш, победив, одолел». И другой пророк ему вторил: «Возликуй, дочь Сиона!» И затем: «Востань, Иерусалим, возроди славу свою, ибо царь твой, ратовавший за нас, одолел». И так в веселье все спешили в рай, славя избавителя нашего Господа Иисуса Христа, которому подобает всяческая слава, почести и поклонение с безначальным Отцом и с пресвятым и животворящим Духом твоим, ныне, и вечно и во веки веков. Аминь.

Легенда о царе Авгаре

Подготовка текста, перевод и комментарии Е. Н. Мещерской

Цикл легенд об эдесском царе Авгаре принадлежит к числу апокрифических сказаний, которые получили широкое распространение у всех христианских народов. Первоначальная письменная фиксация легенды о переписке Авгара с Христом восходит ко времени правления Авгара VIII Великого (177—212 гг.) — царя небольшого эллинистического государства Осроэна, располагавшегося в северо-западной Месопотамии. Эта запись по своей форме может быть отнесена к документам «царского архива» и ее литературное оформление связано с утверждением в сирийской Осроэне христианства в конце II—начале III в. н. э. В качестве идеологического обоснования процесса христианизации легенда положила начало серии аналогичных сказаний, наличествующих в различных христианских литературах и посвященных теме обращения монарха и подвластного ему народа в новую веру.

Славянские версии легенды об Авгаре разнообразны и существуют во многих редакциях. Мы публикуем здесь версию легенды, дошедшую в рукописи XIII века, и представляющую собой своеобразный перевод-переделку греческого оригинального текста, который был составлен в связи с историческими событиями 944 г. (см. сн. 12 к тексту Легенды). Уже в 30-е годы X в. благодаря успешным действиям византийского полководца Иоанна Куркуаса, Византии удалось отвоевать у арабов города Мелитину и Самосата. Создалась непосредственная угроза арабской Сирии. Все это заставило эмира г. Эдессы заключить с византийцами «вечный» мир и передать им пользовавшуюся громкой известностью на Востоке святыню — нерукотворенный образ Иисуса Христа. Отвоевание реликвии должно было символизировать успехи Византии в борьбе с арабским миром, возвещать грядущие новые победы. Поэтому перенесение образа и встреча его в Константинополе были обставлены весьма торжественно. Это событие описали арабские и византийские историки: Яхья Антиохийский, Продолжатель Феофана и Продолжатель Георгия Амартола. В честь доставки иконы в Константинополь греческая церковь установила специальный праздник, отмечаемый 16 августа (так называемый «третий Спас»). Греческая рукописная традиция сохранила несколько литературных произведений, посвященных столь знаменательному событию: «Повесть» псевдо-Константина и два текста минейно-синаксарной традиции, которые являются сокращенным изложением «Повести». Однако изучение славяно-русских рукописных материалов, связанных с легендой об Авгаре, позволяет предположить существование на греческом языке еще одной синаксарной версии сказания о

перенесении образа Христа в Константинополь. Сам греческий оригинал, видимо, до нас не дошел, но его славяно-русские переводы известны по нескольким спискам.

В основу публикуемой нами древнерусской версии легенды об Авгаре положен славянский перевод греческого текста, близкого известным нам минейно-проложным и составленного, вероятно, так же как и они, на основе «Повести» псевдо-Константина. Однако наш текст XIII в. несет на себе следы интенсивной идейно-стилистической обработки, предпринятой редактором данной древнерусской версии. Свобода обращения с материалом, активная роль редактора версии проявляется прежде всего в том, что он вводит в повествование новое действующее лицо — «скорописца» Луку. Последний заменяет посла Авгара — Ананию в той части рассказа, где говорится об истории возникновения нерукотворенного образа. Появление Луки в качестве главного действующего лица нашей версии находится в непосредственной зависимости от другого славянского сочинения — «Слова» Иеремии, компиляции апокрифов болгарского пресвитера. Древнерусский книжник высоко оценил, а потому и заимствовал из болгарского «Слова» самое идею, согласно которой нерукотворенный образ возник при участии апостола Луки.

Творческая работа редактора версии проявляется в свободной интерпретации некоторых эпизодов. Такова в древнерусской версии история хромца, исцеленного образом на пути в Эдессу. Автор драматизирует повествование, введя диалог жителей города, обсуждающих чудесное выздоровление калеки, в тексте появляется рассказ-монолог хромца о своем исцелении. В традиционном для русских летописей стиле даны картины отступления персов от Эдессы и встречи нерукотворенного образа в Константинополе. Вольное обращение с текстом проявляется также в том, что редактор распространяет назидательную надпись, помещенную Авгаром над городскими воротами, внося в нее цитату из Псалтири — «упование всѣмь концемь земля» (Пс. 64, 6). В тексте версии отразились гиперболизированные, ставшие эпическими представления русских людей о численности византийского духовенства, параллель к которым можно найти в «Хождении» Добрыни Ядрейковича, новгородца, совершившего в 1200 г. путешествие в Царьград (*Х. М. Лопарев*. Книга Паломникь. Сказание мест святых во Цареграде Антония архиепископа Новгородского в 1200 году. СПб., 1899 (Православный Палестинский сборник. Т. 17, вып. 3). С. 39).

Исходя из анализа языка и стиля версии легенды об Авгаре по рукописи XIII в., можно прийти к выводу, что она представляет собой своеобразный перевод-переделку несохранившегося греческого оригинала и благодаря своим особенностям может быть отнесена к числу произведений древнерусской книжности домонгольского, Киевского, периода.

Текст публикуется по пергаментному сборнику XIII в. — РНБ, F.п.I.39, лл. 62 об.—68.

ОРИГИНАЛ

МЕСЯЦА АВГУСТА, ВЪ 16 ДЕНЬ. ПРЕНЕСЕНИЕ НЕРУКОТВОРЕНАГО ОБРАЗА ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА ОТ ЕДЕСА ВЪ ЦАРЬГРАДЪ

Господи, благослови, отче!

Подобаеть о семь мало побесѣдовати о самой благодати Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Многа ему чюдеса благолѣплѣ сдѣвающю, и въ всѣхъ языцѣхъ провозвѣщено бысть о Иисусѣ, слышавъ о семь Авгарь, князь едесьскый,[1] иже от синяя проказы и расслабления неприязнина томимъ бѣ.[2] И желаше своима очима самого Сдѣтеля видѣти и не мога, посла Авгарь къ Иисусу послание молебно, глаголя сице:

«Слышано ми есть о тебѣ, Господи, и о твоихъ цѣльбахъ, бывающихъ токмо бо словомъ. Даеши ицѣление болящимъ: слѣпымъ — прозрѣние, хромымъ — ходити, слышати глухымъ. Прокаженыя очищаеши и долгомучимыя недугы ицѣляеши.[3] И жену кровоточиву, прикоснувъшюся ризахъ твоихъ, ицѣлилъ еси[4] и мртвыя вьскрѣшаеши. И слышахъ и разумѣхь на сердци моемъ, яко ты еси единъ от двою, сшедый съ небесе, и еси Сынъ Божий. Слышю же и се, Господи, яко июдѣи ропщють на тя и хотять убити. Есть же градъ мой малъ и людие в немъ добри. А тъ довлѣеть обѣма нама».

Глагола Иисусъ Онаньи,[5] посланому Авгаремь къ Иисусу: «Вѣдыи буди, зане не видѣвъ мя, вѣрова,[6] сдравие тобѣ уготовися. Посланъ есмь исполнити всю правду, и потом внити ми отнуду же снидохъ. И се послю к тобѣ единого от ученикъ моихъ — Фадѣя,[7] да ти недугъ, иже имаши, ицѣлитъ».

Слышавъ же Авгарь словеса си, посла скорописца, горазда иконамъ, въ Иерусалимъ, да напишеть образ Иисусовъ отай на плащаници. И приде Лука[8] въ Иерусалимъ и вниде въ зборъ, идѣже учаше Иисусъ, и, ставъ на отлученѣ мѣстѣ, нача писати образъ лица Иисусова вещными вапы, и недоумѣ, како бо можаше непостижимаго божественнаго Слова постигнути. Обаче тайнамъ разумѣтель отай бывающее яви. И абие Иисусъ възва и глаголя: «Лука, Лука, Авгаревъ посолниче, даже ми плащаницю, юже носиши от Авгаря». И вшедъ Лука въ зборъ и дасть Иисусови плащаницю. И абие воду испроси Иисусь и умы пречистое и божественое свое лицо водою, и плащаницею отре. Оле, чюдо, и выше

ума, преходяй разумъ! Простая та вода на вапное преложение устроися и, сбежа, и съставы имуща на плащаници, и бысть образъ Иисусовъ на плащаници, яко ужаснутися и вь стрѣсѣ всѣмъ быти. И дасть ю Иисусь Фадѣю апостолу и посла и́ въ Едесьскый градь, идеже лежаше Авгарь боляй на одрѣ шесть лѣтъ. Отидоста де Лука скоросолникъ с Фадѣемь, носяща образъ нерукотвореный. И придоста на мѣсто, нарицаемое Иераполисъ, и легоста внѣ града в гостиньници. И убоястася, и скрыста образъ Господень межю двѣма керимидома. И показася столпъ огненъ съ небесе и ста верху, идъже бѣ скровенъ образъ Господень. Видѣвше же стражье чюдо таково, възпиша гласомь велиемь. И слышавше вси людье градьстии, възмятошася, и бысть мятежь великъ по граду. Фадѣй же и Лука вземша скоро образъ Господень и изидоста в путь свой. Изидоша же народи градьстии на мѣсто, идеже стояше стълпъ огнень, и ужасошася и падоша ници, и, възрѣвше, и видѣша, яко въобразился бяше тот образъ Господень въ единъ от камень. Они же вземъше то въображение людье града того, несоша въ градъ свой. И яко быша входяще въ врата граду, и се, начаша срѣтати слѣпии, хромии, бѣснии, прокажении, въпиюще и глаголюще: «Иисусе, Спасе Бога вышняго, помилуй ны!» И прикасахуся к подобью образа Господня, ицѣление приимаху. Видѣвше же людье града того преславное се чюдо, прослависта всемилостиваго Бога и вѣроваша въ святую Троицю, Отця, и Сына, и Святаго Духа.

Фадѣеви же съ скоросолникомъ пришедьшема близъ града Едесьскаго, и яко за версту едину, обрѣтеся нѣкто хромець, ползая, и, видѣвъ апостолу Господню, възпи, глаголя: «Помилуй на мя!» И прикоснуся апостолъ Господень, носяй образъ Господень, к нему, и абие томь часѣ въскочи хромый и тече скоро въ градъ преже апостолу. И видъвше и́, вси гражане начаша чюдитися, глаголюще: «Не се ли есть сынь оноя вдовица, полозя на колѣну?» Инии глаголаху: «То есть», а друзии, яко: «Подобень ему есть». И скоро повѣдаша о немь князю Авгарю. И призва и́ к собѣ и въпроси и́: «Кто тя ицѣли?» Отвѣщавъ уноша, рече: «За верстою бѣхъ града прося от мимоходящихъ милостыня, нѣкто, идый бѣ путемь съ другомь. Азъ начахъ просити у нею милостыня. И единъ от нею коснуся мнѣ, и, въскочихъ, сдравъ весь, якоже мя видиши». Авгарь же помысли, яко Христосъ есть, и посла множество слугъ въ срѣтение. И шедше, срѣтоша апостолу, несущема образъ Спасовъ нерукотвореный. И пришедъша в полату къ Авгарю, идѣже лежаше на одрѣ раслабленъ лѣтъ шесть, Авгарь же, яко видѣ убрусъ и на немь образъ Иисусъ Христосъ, и абие хотѣ от радости яко въсхопитися от одра, на немже лежаше. И ту въскочивъ с одра и бысть съдравъ въ единъ часъ всѣмъ тѣломь, яко не имый болѣзни никогдаже. И неисцелимыхъ страстий свободися, и падъ предъ пречистымь образомь, любезно кланяшеся. И потомь рече Авгарь къ апостолу Фадѣю: «Что ми подобаеть творити?» И рече ему апостоль: «Крестися!» И крестися въ градѣ Едесѣ съ женою и съ чадома, вся елико в дому его, крести и апостолъ. И весь градъ его крестися въ имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Пречистую же ту и чюдную плащаницю, на неиже образъ Христовъ, Авгарь князь повелѣ надъ враты градьными, створше честно и гораздо мѣсто, ту повелѣ устроити ю́. Заповѣдавъ тако повелѣниемь,

всякому человеку, или входящю въ градъ, или исходящю, первѣе святому и честному образу поклонитися, тоже внити въ градъ или изити, написавъ сице надъ нимъ: «Владыко многомилосердый, Христе Боже нашь, упование всѣмъ концемъ земля,[9] помилуй ны, в Тя бо вѣруемъ. Всякъ, надѣяся на Тя, не погрѣшить упования».

Потомь же по лѣтѣхъ мнозѣхъ, нѣкто идолослужитель прия область града того, божественную бо икону Христову разрушити въсхотѣвъ, бѣсовьское же тѣло мерзъкыхъ идолъ в него мѣсто поставити на томь мѣстѣ. Се разумѣвъ, епископъ града того чаемое положи промышление. Понеже кругло бѣ мѣсто то, яко комарою в камени тако створено, идѣже бѣ образъ Спасовъ, епископъ же нощью не вѣдущю никомуже, свѣтилникъ предъ божественымъ образомъ вжегъ и керемидою заложи. Плитами и извистью извону видѣние иконы загради и на равное видѣние стѣну створи. И зане невидимѣй быти, остася начинания нечестивыи. «Что се, — рече, — невидимо бысть таковое скровище?»

Потомь же за многа лѣта, перси придоша, Едесьскый градъ взяти хотяще бранью. Гражане же възпиша къ Богу съ слезами, милости и помощи от него просяще. И ту абие разрѣшение скоро обрѣтоша. Въ едину нощь Евладью, епископу того града Едесьскаго, явися въ видѣнии жена свѣтоносива, глаголющи ему: «Верху вратъ градьныхъ скровенъ есть образъ нерукотвореный Спаса Христа. Егоже приимъ, скоро от бѣдъ избавиши градъ сий и людие его». И показа ему и мѣсто. Епископъ же съ радостию великою, рано свитающю дне, отятъ загражёное то заздание и обрѣте пречистыи образъ Христовъ нерукотвореный и свѣтилникъ горящь. На схранение же положеная керемида, другое подобье, неизмѣньно перваго въображения, въображьшася. Оле чюдо! За колико лѣтъ свѣтилнику тому не угасъшю, и тому скровищю неявлену бывшю. Епископъ же, земъ пречистую икону и ставъ надъ враты града и въздѣвь руцѣ горѣ, имый в руку си честный и нерукотвореный образъ Христовъ и, яко от лица огня прогоними быша перси. И тако пострадавше, перси посрамлени отидоша от града Едесьскаго. А инии измроша, а друзии избьени быша.

Бѣ же убо Божие хотѣние святому сему образу Господню быти въ славнѣмь и богохранимѣмь градѣ Костянтинѣ. Обладая же тогда Романъ благочестивый цесарь[10] гречьскою властью, посла двѣ тысящи литръ[11] злата и тму сребра, и двѣстѣ срачинъ, мужь нарочитыхъ, къ владущему Едесьскымъ градомь, да бы посталъ к нему пречистую ту икону, образъ Господень, а миръ многъ дасть ему, получивъ се хотѣние. Цесарь посла въ Едесьскый градъ по страшное то и чюдное и достохвалное скровище сто епискупъ, а поповъ двѣ тысящи и шестьсотъ, а дьяконъ сорокъ тысящь, а игуменъ и черноризець и постникъ, кто можеть рещи число. И пришедъше въ Едесьскыи градъ и взяша пречистыи тът образъ нерукотвореныи Господень, сь слезами

молящеся съ псалмы и пѣснми зовуще: «О, владыко Господи, помилуй!» И яко приближишася къ гречьстѣй земли, вѣсть бысть ко цесарю и патриарху, и яко близъ уже идуть съ образомъ нерукотворнымь. Изиде цесарь сь всѣмь болярьствомь, и патриархъ съ всѣмь клиросомь, и весь народъ бещисльное множество много мужь и женъ. Покрыша море корабли съ свѣщами и с темьяны. И яко усрѣтающе, въпияху: «Слава Тобѣ, многомилостивый владыко, изволивый прити к намъ, недостойнымъ рабомъ своимъ! Слава Тобѣ, прещедрый Господи, намь грѣшнымъ сподобивый поклонитися пречистому образу Твоему! Слава, Христосъ, Твоему изволению, яко строиши все на ползу и на спасение роду человечю!» И яко внидоша вси въ граду, носяше верху главы патриархъ ковчегъ златъ, в немже бѣ скровище дражѣе всего мира. Народи же идуще въслѣдъ въпияху: «Господи, помилуй!» А друзии пояху пѣсни разноличныя: «Христосъ приходяй, явествено Богъ нашь!» Инии велегласно въпияху: «Радуйся, граде Костянтинъ! Се цесарь твой приде избавитель. Не на жребяти, якоже преже къ Иерусалиму, ныня же на пречистѣй иконѣ, спасти ны хотя от прелести злыхь кумирь». Мнози же недужнии бещисла ицѣление прияша: слѣпии прозрѣша, глусии слышаша, хромии быстрѣе серны рискаху, нѣмии проглаголаша, и вси, иже въ недузѣ сущии бѣсни, ицѣление прияша. Вси же въпияху велиемь гласомь: «Приими, — глаголюще, — граде Костянтинь, славу и радость. И ты, Романе, цесарю Багрянородне, царство свое утверди!» И внидоша въ церковь Премудрости Божия въ 16 день августа,[12] се скровище честное прияхомъ. Емуже цесарь, и святитель, и просто все множество съ радостью поклоньшеся, и цѣловавше, положиша в рацѣ златоскованѣ. И оттолѣ торжество свѣтло пришествия божественому въображению богомужнаго зрака Христа, истиньнаго Бога нашего, творяше, праздьнуимъ, славу ему всылающе съ Отцемъ и Святым *Духом*.

[1] *...Авгарь, князь едесьскый...* — Согласно сирийской версии легенды, главным действующим лицом является Авгар Уккама (Черный) — Авгар У бар Ману, один из 28 царей династии, правившей в Осроэне в период с 132 г. до н. э. по 242 г. н. э. Само имя значит «хромой» и встречается в арамейских надписях Пальмиры и Нераба.

[2] *...от синяя проказы и раслабления неприязнина томимъ бѣ.* — Все поздние греческие версии легенды об Авгаре утверждают, что царь Эдессы безуспешно пытался вылечиться от проказы. Византийский историк VI в. Прокопий Кесарийский сообщает, что Авгар страдал подагрой.

[3] *Давши ицѣление болящимъ... недугы ицѣляеши.* — См. Мф. 4, 24.

[4] *...жену кровоточиву ... ицѣлилъ еси...* — См. Мф. 9, 20—22; Мр. 5, 25—34; Лк. 8, 43—48. Евсевий Кесарийский в «Церковной истории» (VII, 18) сообщает местное панеадское предание о бронзовой групповой статуе, стоявшей еще в его время в Кесарии (Панеаде). Традиция

связывала эту скульптуру с указанным выше евангельским рассказом о кровоточивой женщине, исцеленной Иисусом. В благодарность она якобы поставила эту статую, изображающую Христа и ее самое перед ним.

[5] *...Онаньи...* — В сирийской версии — Ханнан, который титулуется как хранитель архива и доверенное лицо царя. Имя Анания восходит к греческому переводу Евсевия Кесарийского («Церковная история». I, 12), где он называется «гонец» и «письмоносец».

[6] *...зане не видѣвъ мя, вѣрова...* — Ср. Иоан. 20, 29: «Блаженны невидевшие и уверовавшие».

[7] *...Фадѣя...* — В сирийской версии — Аддай. В переводе Евсевия Кесарийского произведена замена имен, вместо Аддай — Фаддей, с целью придания большей авторитетности рассказу о крещении Авгара. Обращение эдессян в христианство было совершено апостолом Фаддеем, имя которого засвидетельствовано евангельскими текстами.

[8] *И приде Лука...* — Основой внесения в славянские версии имени апостола Луки является предание о нем как о живописце. В раннехристианской литературе Лука известен как искусный врач (Кол. 4, 14), но уже начиная с VI в. засвидетельствована легенда о том, что он был и художником. Так, историк Феодор Анагност рассказывает о том, что императрица Евдокия прислала из Иерусалима образ Богоматери, выполненный евангелистом Лукой. Согласно сообщению Никифора Каллиста («Церковная история». VI, 16), Лука признается автором еще нескольких икон.

[9] *...упование всѣмъ концемъ земля...* — Ср. Пс. 64, 6.

[10] *...Романъ благочестивый цесарь...* — Византийский император Роман I Лакапин (920—944 гг.).

[11] *Литра* — греч. λίτρα. Мера веса, римский фунт, равный двенадцати унциям. Известно, что за икону греки дали мусульманам 200 пленных и 12 000 серебряных монет (А. А. Васильев. Византия и арабы. СПб., 1902. С. 252).

[12] *И внидоша въ церковь Премудрости. Божия въ 16 день августа...* — Образ прибыл в Константинополь 15 августа 944 г. и был внесен сперва во Влахернский храм. 16 августа он торжественной процессией во главе с сыновьями Романа Лакапина Стефаном и Константином, его зятем Константином Багрянородным и патриархом Феофилактом был перенесен в Софийский собор и оттуда во дворцовый храм Богородицы Фара (А. А. Васильев. Византия и арабы. С. 255).

ПЕРЕВОД

МЕСЯЦА АВГУСТА В 16 ДЕНЬ. ПЕРЕНЕСЕНИЕ НЕРУКОТВОРЕННОГО ОБРАЗА ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА ИЗ ЭДЕССЫ В ЦАРЬГРАД

Господи, благослови, отче!

Необходимо побеседовать именно о самой благодати Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Когда он сотворил прекрасно много чудес и всем народам стало известно об Иисусе, услышал об этом Авгар, князь эдесский, который страдал от черной проказы и неприятной немощи. И пожелав своими глазами видеть самого Создателя и не будучи в состоянии, Авгар послал к Иисусу умоляющее послание, говоря (в нем) так:

«Я слышал о тебе, Господи, и о твоих исцелениях, совершаемых лишь словом. Ты даешь исцеление болящим: слепым — прозрение, хромым — (возможность) ходить, глухим — слышать. Очищаешь прокаженных и мучимых долговременными недугами исцеляешь. И кровоточивую женщину, прикоснувшуюся к одеждам твоим, ты исцелил и мертвых воскрешаешь. И я услышал, и понял сердцем своим, что ты один из двух, сошедший с небес, и что ты — Сын Божий. Слышу же и то, Господи, что иудеи ропщут на тебя и хотят убить. Город же мой невелик, а люди в нем добры. И его будет достаточно нам обоим».

Говорит Иисус Анании, посланному Авгаром к Иисусу: «Знай впредь, за то, что, не видев меня, уверовал, здоровье тебе уготовано. Я послан исполнить всю правду, а потом предстоит мне взойти туда, откуда я снизошел. И вот, пошлю я к тебе одного из учеников моих — Фаддея, дабы недуг твой он исцелил».

Когда Авгар услышал такие слова, он послал писца, искусного в писании икон, в Иерусалим, дабы он написал образ Иисусов тайно на плащанице. И пришел Лука в Иерусалим, и вошел в собрание, где Иисус учил, и, встав в удаленном месте, стал писать образ Иисусова лика природными красками, недоумевая, как ему удастся постигнуть непостижимое божественное Слово. Однако тайноведец происходящее тайно сделал явным. И тотчас Иисус воззвал, говоря: «Лука, Лука, Авгаров посол, дай мне плащаницу, что принес от Авгара». И вошел Лука в собрание, и отдал Иисусу плащаницу. И тотчас воды попросил Иисус и омыл пречистое и божественное свое лицо водою, а плащаницею отерся. О чудо, выше ума, превосходящее разум! Простая та вода преобразовалась в краски и, скатившись, закрепилась на

плащанице, и явился образ Иисусов на плащанице, так что ужаснулись и в страхе все были. И отдал его Иисус Фаддею апостолу и послал его в град Эдессу, где лежал Авгар болящий на одре шесть лет. И отправились Лука-посол с Фаддеем, неся нерукотворенный образ. И пришли они в место, называемое Иераполь, и остановились за городом в гостинице. И опасаясь, спрятали образ Господень между двух глиняных плит. И явился столп огненный с небес, и встал над тем местом, где был спрятанный образ Господень. Когда же стража увидела такое чудо, завопила громким голосом. И когда услышали все люди в городе, всполошились, и было смятение великое в городе. Фаддей же и Лука быстро взяли образ Господень и отправились в путь свой. Когда же пришли горожане на место, где стоял огненный столп, ужаснулись и пали ниц и, взглянув, увидели, что отпечатался тот образ Господень на одном из камней. Они же, горожане, взяв этот отпечаток, понесли в город. И когда они вошли в городские ворота, вот, стали собираться слепые, хромые, бесноватые и прокаженные, кричащие и взывающие: «Иисус, Спас Бога вышнего, помилуй нас!» И, прикасаясь к подобию образа Господня, получали исцеление. Когда же увидели горожане те преславное это чудо, то прославили всемилостивого Бога и уверовали в святую Троицу, Отца, и Сына, и Святого Духа.

Когда же Фаддей с послом подошли к городу Эдессе и были за версту от него, появился некий хромец ползающий и, увидев апостолов Господних, закричал, говоря: «Помилуй меня!» И прикоснулся апостол Господень, который нес образ Господень, к нему, и тотчас же вскочил хромой и побежал быстро в город впереди апостолов. И, увидев его, все горожане дивились, говоря: «Не это ли сын той вдовицы, что ползал на коленках?» Одни говорили: «Он», а другие: «Похож на него». И быстро доложили о нем князю Авгару. И он призвал его к себе и спросил его: «Кто тебя исцелил?» Ответил юноша, сказав: «Когда я был за версту от города и просил у прохожих милостыню, некий человек шел по дороге с другом. Я стал просить у них милостыню. И один из них прикоснулся ко мне, и, вскочив, я выздоровел совсем, каким ты меня и видишь». Авгар же подумал, что это — Христос, и послал множество слуг навстречу. И идя, они встретили апостолов, несущих образ Спасов нерукотворенный. И когда они пришли в палату к Авгару, где он лежал на одре немощный шесть лет, Авгар, увидев убрус, на нем образ Иисуса Христа, тотчас захотел от радости как бы привстать с одра, на котором лежал. И тут же вскочил с одра и сделался здоровым в один миг всем телом, как будто и не болел никогда. И он освободился от неисцелимых страданий, и пал пред пречистым образом, и стал с любовью класть поклоны. И потом сказал Авгар апостолу Фаддею: «Что мне следует делать?» И сказал ему апостол: «Крестись!» И он крестился в граде Эдессе с женою и с детьми, и всех, относящихся к дому его, крестил апостол. И весь город его крестился во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Пречистую же ту и чудную плащаницу, на которой образ Христов, князь Авгар повелел над вратами городскими, оборудовав почетное и хорошо сделанное место, устроить. Он отдал приказ, чтобы всякий человек, входящий в город или выходящий, сперва святому и честному образу поклонился, а потом вошел в город или вышел, написав так над ним: «Владыка

многомилосердный, Христос, Боже наш, надежда для всех стран света, помилуй нас, ибо в Тебя веруем. Всякий, надеящийся на Тебя, не ошибется в ожиданиях».

Потом же, когда прошло много лет, некий идолопоклонник стал властителем града того; он захотел божественную икону ту Христову уничтожить, поставив вместо нее бесовское изваяние мерзких идолов. Узнав об этом, епископ града того задумал замысел. Поскольку место было округлым, как бы в виде каменного свода там, где был образ Спасов, то епископ ночью, когда никто не знал, зажег светильник пред божественным образом и заложил кирпичом. Плитами и известью снаружи изображение иконы он оградил и сделал стену ровной. И поскольку невидимой стала (икона), отступил от умысла нечестивый. «Почему, — сказал он, — невидимо стало такое сокровище?»

Потом же, через много лет, пришли персы и захотели взять Эдесский град штурмом. Горожане же возопили к Богу со слезами, прося милости и помощи у него. И тотчас вскоре освобождение обрели. В одну из ночей Евлалию, епископу того града Эдесского, явилась в видении жена светоносная, говоря ему: «Над вратами градскими сокрыт образ нерукотворенный Спаса Христа. Взяв же его, быстро от бед избавишь град сей и народ его». И показала ему то место. Епископ же с радостью великой, как только стало светать, разобрал ограждение и обрел пречистый образ Христов нерукотворенный и горящий светильник. На кирпиче же, заложенном для сохранения (иконы), другое изображение, не отличимое от первого, запечатлелось. О чудо! За столько лет светильник тот не угас, а сокровище то не было обнаружено. Когда же епископ взял пречистую икону и встал над вратами града и воздел руку вверх, держа в руке тот честной и нерукотворенный образ Христов, как будто огнем стали гонимы персы. И так пострадав, посрамленные персы отступили от града Эдесского. Одни умерли, другие были побиты.

Но была Божия воля, чтобы сей святой образ Господень пребывал в славном и богохранимом граде Константинополе. Бывший тогда у власти Роман, греческий царь, послал две тысячи литр злата и десять тысяч серебра и двести сарацин, мужей знатных, к владельцу Эдесского града, чтобы он послал к нему пречистую ту икону, образ Господень, и долговременный мир он даст ему, если получит желаемое. Царь послал в Эдесский град за изумительным, и чудным, и достохвальным сокровищем сто епископов, две тысячи и шестьсот священников, а диаконов сорок тысяч, а игумнов, и черноризцев, и монахов, кто же может назвать число. И придя в Эдесский град, взяли тот пречистый образ Господень, со слезами умоляя, и псалмами, и песнями взывая: «О владыко, Господи, помилуй!» И когда они приблизились к греческой стране, стало известно царю и патриарху, что уже приблизились они с

образом нерукотворенным. Вышел царь со всеми сановниками, и патриарх со всем клиром, и весь народ — бесчисленное множество мужчин и женщин. Покрыли море корабли со свечами и воскурениями благовонными. И когда сошлись, стали возглашать они: «Слава Тебе, многомилостивый владыка, пожелавший прийти к нам, недостойным рабам Твоим! Слава Тебе, прещедрый Господи, давший возможность нам грешным поклониться пречистому образу Твоему! Слава, Христос, Твоей воле, ибо устраиваешь все на пользу и для спасения рода человеческого!» И когда вошли все в город, понес патриарх над головой ковчег златой, в котором было сокровище дороже всего мира. Народ же, идущий вослед, возглашал: «Господи, помилуй!» А другие пели песнопения различные: «Христос приходящий явственно Бог наш!» Иные громогласно возглашали: «Радуйся, град Константина! Вот царь, избавитель твой пришел. Не на осленке, как прежде, в Иерусалим, ныне же на пречистой иконе, желая спасти нас от заблуждения злых идолов». Многие же больные без числа исцеление обрели: слепые прозрели, глухие стали слышать, хромые быстрее серны стали бегать, немые заговорили, и все бесноватые исцеление обрели. Все же возглашали громким голосом: «Прими, — говорили, — град Константина, славу и радость. И ты, Роман — царь Багрянородный, царство свое упрочь!» И вошли в церковь Премудрости Божией в 16 день августа, и это сокровище честное приняли. Ему же царь, и святитель, и просто все множество с радостью поклонились и, поцеловав, положили в раке златокованой. И отсюда — светлое торжество пришествия божественному изображению богочеловеческого образа Христа, истинного Бога нашего, совершая, празднуем, славу ему воссылая с Отцом и Святым Духом.

СЛОВО О КРЕСТНОМ ДРЕВЕ

Подготовка текста, перевод и комментарии М. Д. Каган-Тарковской

ВСТУПЛЕНИЕ

Легенда о трех деревьях, ставших крестами на Голгофе, приписана в славянской литературе Григорию Богослову (Назианзину). Знаменитый писатель, поэт и оратор IV в. (325—390), он получил образование в философских школах Александрии и Афин. Его официальная церковная карьера была непродолжительной, хотя в 380—381 г. он занимал престол Константинопольского патриарха, а в 381 г. был председателем II Константинопольского вселенского собора. Но его борьба с арианской ересью и литературное наследие — слова, эпитафии, послания и стихи на богословские и автобиографические темы, оказали большое влияние на христианскую культуру. Сподвижник Василия Великого и современник Иоанна Златоуста, он вместе с ними назван был вселенским учителем и отцом церкви.

М. Н. Сперанский назвал Григория Богослова полуантичным писателем, являвшимся не только одним из первых столпов христианской литературы, но и одним из последних по времени представителем античной художественной мысли и формы (*Сперанский М. Н.* Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. М., 1904. С. 411—412). Проповеди Григория Богослова, творившего в эпоху, находящуюся на грани античности и христианства, познакомили русское общество с античной мифологией и философией неоплатонизма, хотя его сочинения были переведены на церковнославянский язык далеко не полностью (*Клибанов А. И.* К проблеме античного наследия в памятниках древнерусской письменности // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 160; *Иванов А. И.* Максим Грек и итальянское Возрождение // Византийский Временник. М., 1972. Т. 33. С. 155; *Буланин Д. М.* Комментарии Максима Грека к словам Григория Богослова // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 276—277).

«Слово о честнем кресте» не принадлежит Григорию Богослову. Изучавший апокриф о крестном древе И. Я. Порфирьев предположил, что поводом приписать произведение отцу церкви послужила содержащаяся в одном из слов Григория краткая параллель между падением Адама и крестной смертью Спасителя и между древом познания добра и зла и древом креста (*Порфирьев И. Я.* Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1877. С. 48). Однако, как представляется, вовсе не обязательно искать мотивировки в самом творчестве писателя. Традиция приписывать произведения почитаемым авторам характерна для средневековой литературы (известны сочинения, приписанные Иоанну Златоусту, Дионисию Ареопагиту, Мефодию Патарскому и др.). Что касается Григория Богослова, то под его именем в древнерусской письменности бытовали изречения из комедий Менандра, а в XVII в. Юрий Крижанич предлагал царю Федору Алексеевичу выпустить в свет под именем Григория Богослова переводы сочинений Аристотеля (*Клибанов.* К проблеме античного наследия... С. 176—177). Поэтому нет ничего удивительного в том, что под именем Григория Богослова хотели скрыть апокрифические легенды, уводившие читателя далеко от текстов Ветхого и Нового Заветов.

Апокриф о крестном древе можно считать произведением компилятивным. Легенды, в него входящие, читаются в составе других апокрифических памятников. В Беседе трех святителей и в Откровении Варуха есть рассказ о Сатанаиле, посадившем в раю виноградную лозу, вынесенную из рая потопом. О древе, выращенном Лотом из головней, сообщается в греческой хронике Михаила Глики (XII в.), а также в Палее исторической. О древе, выросшем из ветвей, которыми Моисей усладил воду, повествуется как в апокрифе о Моисее, так и в послании иерусалимского мниха Афанасия к Панку, известном по списку новгородской Кормчей XIII в.; этот же апокриф вошел в состав Толковой палеи и Хронографической палеи. В греческих списках Никодимова Евангелия есть эпизод встречи святого семейства на пути в Египет с разбойниками. Иоанн Златоуст и его современник Епифаний Кипрский обращались к сказанию о погребении на Голгофе Адама и о распятии на

этом же месте Христа, а предание о голове Адама было известно в Иерусалиме, где его в XII в. слышал русский паломник игумен Даниил. Кстати, рассказ о крещении Адама кровью и водой из ребер Христа, пролитыми на Голгофе, не принадлежит Священному Писанию; в Евангелии от Иоанна есть только упоминание о прободении римским воином ребер Иисуса (Иоан. 19, 34). Сюжет повести «О главе Адама» был особенно популярен в древнерусской литературе, изобразительном искусстве и народной поэзии. Русский человек находил его в синоксарных чтениях Постной триоди на святой Великий Пяток, где им завершалась история осуждения и распятия Христа. На иконах изображался череп Адама под распятием.

Легенды о крестном древе связывают события и персонажей Ветхого и Нового Заветов. Начало апокрифа о крестном древе опирается на последнюю сцену апокрифа об Адаме и Еве: из трех ветвей райского дерева угасающий Адам сплетает венок, в котором похоронили Адама. Из этого венка и вырастает древо креста. Болгарская исследовательница А. Милтенова рассматривает оба произведения вместе (*Милтенова А.* Текстологически наблюдения върху два апокрифа (Апокрифен цикъл за кръстното дърво, приписан на Григорий Богослов, и апокрифа за Адам и Ева) // Старобългарска литература. София, 1982. Кн. 11. С. 35—55).

Особое место в ряду сюжетов апокрифа занимает описание построения храма царем Соломоном. Оно как бы связывает в один узел историю всех трех деревьев и объясняет появление их в Иерусалиме. В том, что при строительстве Соломон пользовался помощью демонов, видны отголоски старинных талмудических легенд о Соломоне, в которых фигурируют демоны, или сам князь демонов Асмодей, помогающие Соломону строить храм; Соломон повелевает ими благодаря волшебному кольцу, которое, по греческой легенде, Бог послал ему с архангелом Михаилом (*Веселовский А. Н.* Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872. С. 105, 131—132, 134, 137).

Встреча святого семейства с разбойниками призвана объяснить происхождение «верного» разбойника — это дитя, которое шесть дней кормила грудью Богородица. Включение в цикл легенды об Адамовой главе объясняет появление в Иерусалиме места, на котором распят был Христос. Таким образом, все легенды, каждая со своим независимым сюжетом, подводят апокриф к финалу — к теме Голгофы, в которой древо изгнания Адама из рая стало древом спасения всего человечества.

В болгарской и сербской литературах апокриф о крестном древе появился в рукописях XIV в.; в русской литературе — несколько позже, в рукописях рубежа XV и XVI вв. Он переписывался как в полном составе легенд, так и частями. Текст произведения опубликован: *Пыпин А. Н.* Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862. Вып. 3. С. 81—82; *Тихонравов Н. С.* Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. Т. 1. С. 305—313; *Порфирьев И.* Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям соловецкой

библиотеки. Казань, 1877. С. 47—50, 96—99, 101—103. Кроме упомянутых исследований см.: *Ягич В.* История сербохорватской литературы. Казань, 1871. С. 101—102, 106—109; *Порфирьев И. Я.* Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань, 1872. С. 105—115, 132, 138—141, 165—166; *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русского духовного стиха. 10. Западные легенды о древе креста и Слово Григория Богослова о трех крестных древах // Прилож. к т. 45 Зап. имп. АН. СПб., 1883. С. 365—417; а также: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1. А—К. С. 60—66.

В настоящем издании текст публикуется по сербской рукописи XVI в. Библиотека РАН 13.2.25. Л. 7—12. Отсутствующее в ней начало до слов «възять три главня» восполняется по рукописи РНБ 1632 г., собр. Погодина, № 1615. Л. 193—194; по ней же сделаны некоторые добавления и исправления текста.

ОРИГИНАЛ

СЛОВО СВЯТОГО ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА О ЧЕСТНѢМ КРЕСТѢ

Егдаже погребоша Адама[1] с венцом, иже свит и возложи на главу его от древа, от негоже изгнан бысть, иже принесе ему Сифь,[2] сынъ его, иже дасть ему аггелъ из рая, и возрасте древо из венца из главы Адамовы. И бысть велико, и велико и пречюдно возрастом на трое растуще. И въ едино старѣющеся и пребысть седмерицею высочайши всѣх древъ.

О друзем древе, на немже распятся разбойник вѣрный

От того же древа изнесе Тигръ[3] река из Рая и стояше на песцѣ. Тако егда хотяше помянути Сиф отца своего Адама, и показа ему аггелъ древа, и сотвори огнь на рецѣ, рекомой Яилѣ,[4] и память сотвори отцу своему. И то огнь будет неугасая и до веку всегда горит непрестанно. И лютыя звѣри стрегут того огня.

Да егда согрѣшит Лотъ[5] и прииде ко Аврааму[6] на покаяние, егда слыша Авраам и ужасеся велми, и пусти Лота, да погибнет, и рече ему: «Прииди и принеси огня, иже во Ниле рецѣ». И шед Лот, и обрете вси звѣрие спяща, и възять три главня, и принесе къ Аврааму. И видѣ Авраамь, и позна, и удивися. И заповѣда ему посадити их на горници мѣстѣ и поливати водою. И рече: «Егда прорастят главня, тогда еси прость от грѣха того». Бѣше бо вода далече, 3-щ на день доносѣше въ

устѣх своих и поливаше главня, и тако прорастошя. И възыде дрѣво прѣчюдно и прѣкрасно зѣло.

О третиемь дрѣвѣ, на немже распятся разбойник невѣрный

От того жде дрѣва изнесе вода потопнаа. И егда исяче вода, дрѣво оста при рѣцѣ Мерстѣй.[7] Да егда изведе Моиси израильтѣны,[8] не имѣшя что пити, понеже бѣ вода горка. Моиси ходѣше скръбно, воду искый. И сътвори молитву къ Богу, и показа ему аггель дрѣво, и то дрѣво лежаше врьху и цьвтѣше. И въземь Моиси от дрѣва, и крестаобразно посади вь рѣцѣ, и усладися вода от дрѣва.[9] И израсте дрѣво прѣвеликое зѣло и чюдно, и прѣукрашенно.

Въпрос. Како зачяхуся та дрѣва или како растѣху тако?

Ответ. Егда насади Господь Рай, не бѣ ту тогда ни аггела, никого, тъкмо Господь и Сатанаиль.[10] И что велѣвааше Господь садити, Сатанаиль крадѣше от въсѣкого сада тай от Господа и просыпа насрѣдѣ Рая. Господь рече: «Ту будет тѣло мое и азъ самь ту буду, и будет тебѣ на прогнание». И изшед вьнь. И рече Сатанаиль: «Господи, благослови, елика насадиховѣ». Господь рече: «Ту есмъ азь посрѣдѣ Рая». И егда изыде Сатанаиль, да видит дрѣво свое, Дрѣво его изгна изь Рая. И почрьнѣ Сатанаиль и бысть диаволь.

Дрѣво же израсте на 3 стлъпы: единь стлъпь Адамь, 2 стлъпь Евва, 3 стлъп посрѣде самь Господь. Да егда сьгрѣши Адам и Евва,[11] тогда паде Адамова чясть вь рѣку Тигрь и изнесе его. Да егда бысть потопь, на водѣ потопнѣ изыде, да егда исяче вода, дрѣво же израсте при Мерстѣй рѣцѣ. А Еввина чясть паде вь Раи.

Въпрос. Како пакы съвъкупишася та дрѣва вь Иерусалимѣ?

Отвѣт. Егда хотѣше Господь Богъ да сьзиждеть Соломонь[12] дом Божий, святый Сионь,[13] и спусти Господь прьстень Соломону, и обладааше бѣсовы вьсѣми. И създа дом Божий, святый Сионь. И искааше дрѣво да покрыет церковь. И повѣдашя ему дрѣво, еже посади Моиси вь Меррѣ. И шед и посѣче дрѣво, и възяху дрѣво 80 бывол. И

омрачишася при Иордани,[14] и бысть бурѣ велика, и потопи дрѣво въ Иордани, и не обрѣтошу его.

И сказаша ему другое древо, иже от главен бяша, и иде на дрѣво, еже бѣ от главень. Бѣше бо народ мног, въсѣх 3 тысяш, людий, еже вѣроваху въ дрѣво, то бо дрѣво творѣше чюдеса велика, и въси мнѣху на том дрѣвѣ распятися хощет Господь. Егда хотѣше дрѣво сѣщи Соломонь, людие не даваху ему и глаголаху ему: «О Соломоне, не дамы тебѣ дрѣво сѣщи животное. Где видѣ ты 3 главня проросли и чюдо творящу я велико? И мнози обрѣтают от него спасение, понеже на нем распятися хотѣше Господь». Соломонь мнозѣх порази и посѣче дрѣво. И принесе е въ Иерусалимь. Людие же вѣрующе въ дрѣво събрашя вѣтвие дрѣву и принесошу плачяще въ Иерусалимь, и позирающе на дрѣво.

И принесе Соломон дрѣво въ церковь, и не прияся, идеже хотѣху поставити. И печалень бысть Соломон. И слыша Сивила[15] о дрѣвѣ и прииде видѣти е, и сѣде на дрѣвѣ, и подпали я огнь. Тогда Сивила рече: «О тъклятое дрѣво». Въси же людие въпиаху единогласно: «О тъблаженое дрѣво, на немже распятся Господь!» Тако Соломонь въздвиже дрѣво и послони е въ церковь.

Един же мужь именемь Елисей дрѣво дѣлаше над Иорданемь, и спаде секира въ Иордань и въглъбе въ дрѣво, еже потопи Иордань. И прииде и повѣда Соломону. И шед и възяшу дрѣво, и познашу е, и принесошя въ Иерусалимь, и приложишя къ церкви, и не прияся. И прислонишу и то къ другому дрѣву. И рече Соломон: «О велие чюдо! Сиа дрѣва прѣчюдна суть высотою и красотою, и не могошяся прияти. И где обрящем высочае тѣх дрѣвь ино дрѣво?» И въпроси демоны, их же дръжаше печатию Господнею. Они же рѣшя: «Знаемь дрѣво далече въ Едемѣ велико и чюдно, и прѣдивно. И страшно намь о том глаголати». Соломонь рече: «Завязую вы печатию Господнею, яже мне ся даль Богъ, идѣте и принесѣте зде, емше за връшие и за корение». И шедше демони и изяшу дрѣво и с корене, и изяшя Адамову главу въ корени,[16] и принесошя въ Иерусалимь, и отсѣкошу дрѣво от корениа.

И прѣмиришу на земли дрѣво и прѣсосувааше,[17] на церкви же велми не достааше. Соломонь рече: «О великое чюдо и прѣдивно! 3 дрѣва обрѣтох, еже не обрящутся нигдеже таковыя, и велика чюдеса творят, на земли достааше, на церкви не достааше много. И въсѣ яко от единого дрѣва суть». И послони их къ церкви, и постави стражие, яко да блюдут дрѣва.

Въпроси Соломон демоны: «Колико есть от Едема до Иерусалима?» Демони рѣшя: «50 тысящь и шесть сът и 53 милей мѣста, измѣрили бо бѣшя мѣсто, колико есть».

Повѣсть о главе Адамовѣ

Глава же Адамова стоаше въ корени и никтоже знааше ю. Соломон же изыде на ловь, и възят его бурѣ напрасна. Единь отрокь его, носящи връхня царю одежду, не прилучися съ царемь, видѣ пещеру и въниде въ ня, съ собою имѣше хръта и ястрьба. И сѣдящи видѣ пещеру кость, а не камень. Егда прѣста буря, изыде отрокь и обрѣте царѣ. И рече ему Соломонь: «О человѣче, камо ты дѣну мою одежду? Мене бурѣ потопи, и почто ты нѣси обурень?» Отрок рече: «Господине, видѣх пещеру и вънидох въ ня съ хрътомь и ястрьбом, а конь мой вънѣ стоаше. И видѣх кость, а не камень пещеру?» Царь же наутрие иде и очисти ю от корениа и от пръсти. И позна, яко то есть Адамова глава, и како есть съ древом изнесена, и како даде Сифу аггель, егда Адам умирааше.

Въпрос. Како бысть то дрѣво? Где ли възят аггель и даде Сифу?

Отвѣт. Иже крадѣше Сатанаиль от Господа, и рече Господь: «Ты крадеши от мене, то будет тебѣ на прогнание». И тако прогна его. И израсте дрѣво на трое — Адамова чясть и Еввина, посрѣде же самь Господь Богъ. Адамово дрѣво изнесе Тигръ рѣка, а Господню чясть даде архаггель Сифу и Сифь принесе Адаму, и извить себѣ вѣнець Адам. И из вѣнца того дрѣво израсте. Еввина чясть на потопѣ изыде.

И яко позна Соломон, яко то есть Адамова глава, принесе посрѣде Иерусалима. И посла, и сънидошуся въси людие, и заповѣдавь им и рече: «Якоже мене видите творяща, тако и вы да сътворите». И възят камень Соломон и поклонися главѣ рече: «Покланѣю ти ся, яко и пръвой твари Божии», връже камень на главу и рече: «Побиваю тя, яко прѣступника Божиа». И весь народ връгошя камение. И сътворишя Лифострато,[18] еврейскы — «Побиение». Ту бо бысть съборище въсему Иерусалиму.

Да егда бысть прѣдание Господа нашего Исуса Христа, приведошя къ Пилату Христа и два разбойника. Пилать повелѣ и сътворишу въ тѣх дрѣвѣх 3 кресты. И распяшя Христа на дрѣвѣ, иже израсте из главы Адамовы, а разбойника вѣрнаго распяшя на дрѣвѣ, иже израсте от

главень одеснуя Христа, а разбойника невѣрнаго распяшя ошую Христа на дрѣвѣ, иже израсте въ Мерстѣй рѣцѣ, еже посади Моиси.

Исправление о двою разбойнику

Егда искааше Ирод[19] Господа нашего Исуса Христа убити, поять Иосифь[20] Богородицу съ сыном ея и съ Иаковом, братом Господним,[21] и идѣху въ Египеть, якоже рече ему аггель. Бѣху бо въ горѣ той два разбойника съ женами и съ дѣтми своими. Единь разбойникь жену имѣше единь съсець имящи. И обѣ женѣ разбойничи имѣху млады дѣти. Единому разбойнику жена болѣше сердцемь люто за 6 дний, а другаго жена бѣ единѣмь съсцем, тъкмо свое дѣтя питааше, а оноя умирааше гладом. Тогда яшу Богородицу съ отрочятем и съ Иосифом, и рече разбойник, емуже бѣ жена болна: «Не сътворимь зло сему человѣку, ни женѣ его, и въздоит ми отрочя, 6 дний имать ничьсоже не въкусив». Тако пояшя и ведошу их въсвоясн. И въздои Богородица отрочя разбойничее 6 дний другых. И оздравѣ жена разбойнича, а чадо разбойниче бысть добрѣ. И разбойникь рече: «Велие чюдо! Аще бы не пришла сиа жена съ отрочятем своим и оживила мое отрочя, умрьло би». И проводишя Богородицу съ Иосифом и съ отрочятем съ дарами Велицѣми.

Отрочята же разбойнича възрастошу и бышу разбойници, якоже и отци их. И егда приведошя къ распятию Господа нашего Исуса Христа, и емше их приведошу къ Пилату. И повелѣ Пилать обесишу их обѣ странь Господа. Егоже въздои Богородица и въпиаше одеснуя Господа: «Помѣни мя, Господи, егда приидеши въ царстви си».[22] А другый разбойникь нелѣпое глаголаше,[23] и тако испаде *ис породы райския и в муку осудися*. Адам же крестися кръвия Господа нашего Исуса Христа.

Богу нашему слава въ вѣкы. Аминь.

---

[1] *Адам* — первый человек, созданный Богом, согласно библейскому сказанию, по образу и подобию своему (Быт. 1, 26, 27), из праха земного, в который Бог вдохнул жизнь (Быт. 2, 7). В апокрифах о создании первого человека рассказано иначе — Бог создал его из элементов природы (тело от земли, кости от камня, очи от моря или от солнца, кровь от росы или от моря и пр.).

[2] *Сифь* — третий сын Адама и Евы, рожденный ими после смерти Авеля, призванный заменить его (Быт. 4, 25). Дал начало племени патриархов от Еноса до Ноя. Его праведные потомки названы в апокрифах детьми Божиими. Сиф прожил 912 лет (Быт. 5, 8). В легендах ему приписано изобретение еврейской азбуки, а его потомки изобрели астрологию (легенда приведена Иосифом Флавием в «Иудейских древностях» — см.: Мифологический словарь. С. 503—504).

[3] *Тигръ* — река, стекающая с гор Тавра в Армении к Персидскому заливу. В апокрифических легендах Тигр — одна из четырех рек, вытекающих из рая (Фисон, Гион-Нил, Тигр, Евфрат).

[4] *Нил* — река в Египте. В апокрифических легендах говорится, что Нил вытекает из рая.

[5] *Лотъ* — библейский персонаж, племянник патриарха Авраама, житель города Содома, который Бог решил сжечь в наказание за грехи людей. Праведного Лота, его жену и двух дочерей ангелы вывели из обреченного города. Во время бегства жена обернулась и посмотрела на горящий город, и была обращена в соляной столп. Лот спасся с дочерьми в пещере. Грех его заключался в том, что он, находясь в опьянении, овладел собственными дочерьми. Старшая родила Моава, родоначальника племени моавитян, а младшая Аммона — родоначальника аммонитян (Быт. 19, 12—30). Сюжет о том, как Лот вырастил из головней дерево во искупление своего греха — апокрифический.

[6] *Авраам* — см. коммент. к апокрифам о Давиде. В Библии сказано, что Авраам просил Бога пощадить Содом и Гоморру, если в них найдется хоть десять праведников (Быт. 18, 20—33; 19, 15—38). Суд Авраама над Лотом — апокриф.

[7] *...дрѣво оста при рѣцѣ Мерстѣй.* — Мерра, в переводе «горечь». В Библии Меррой названа не река, а местность: «Пришли в Мерру и не могли пить воды в Мерре, ибо она была горька, почему и наречено тому месту имя Мерра» (Исх. 15, 23), «И расположились станом в Мерре» (Чис. 33, 8—9). По-видимому, это место в пустыне Сур на восточном берегу Красного моря. Есть предположение, что речь идет о минеральном источнике Товаре, находящемся на пути от Айют-Муза к Синаю.

[8] *...Да егда изведе Моиси израильтѣны...* — Моисей — пророк. Его биография изложена в библейских книгах — Исход, Числа. По библейской традиции он считается автором Пятикнижия. Моисей вывел еврейский народ из Египта, где тот находился в рабстве, 40 лет водил его по пустыне, прежде чем достиг Палестины.

[9] *...не имѣшя что пити ... и усладися вода от дрѣва.* — Сюжет о ослаждении (опреснении) воды есть в Библии: «Моисей возопил к Господу, и господь показал ему дерево, и он бросил его в воду, и вода сделалась сладкою» (Исх. 15, 25). Использован он и в «Речи философа» в Повести временных лет.

[10] *Сатанаиль* — сатана, противник, злой дух, дьявол. Но в апокрифах он выступает как падший ангел, восставший на своего создателя Бога. С ним борется обычно не Бог, а архангел Михаил.

[11] *Да егда съгрѣши Адамь и Евва...* — О грехопадении см. Быт. 3; а также Апокриф об Адаме и Еве.

[12] *Соломонь* — царь, младший сын Давида от Вирсавии (около 950—933 гг. до н. э.). Убив своего старшего брата, захватил власть. Объединил царства Израиля и Иудеи. Предпринимал обширные строительные работы; при нем построены храм бога Ягве и царский дворец. Развиваются торговые отношения с Египтом и Финикией; владения государства расширяются на юг. Библия называет его самым мудрым царем Палестины. Он считается автором книги Песни песней, Притчей и некоторых Псалмов, вошедших в состав Ветхого Завета.

[13] *...дом Божий святый Сионь...* — Сион — гора, на которой Давид построил основное укрепление Иерусалима. У пророков Сион означает царство Божие, место жительства Бога на небесах; земной Сион — церковь Божия (*Солярский П.* Опыт библейского словаря собственных имен. СПб., 1884. Т. 4. С. 15—17).

[14] *Иордань* — в Иордане крестился Христос от Иоанна Предтечи

[15] *Сивила* — Сивилла, в древнегреческой мифологии пророчица, предсказательница будущего. В эллинистическое и римское время возникло представление о нескольких Сивиллах, до десяти, получавших имена по месту их обитания. В древнерусских рукописях статья «О двенадцати Сивиллах» появилась в первой четверти XVI в., а их изображение в росписи галереи Благовещенского собора в Московском Кремле в 1564 г., на дверях Благовещенского и Успенского соборов и на дверях Троицкого собора в Костроме, а также на новгородских иконах, в книжных иллюстрациях. В XVII в. о двенадцати Сивиллах подробно рассказано в книге переводчика Посольского приказа Николая Спафария. У него же в статье о двенадцатой Сивилле приведен вариант легенды о крестном древе (1672 г.) (*Николай Спафарий*. Эстетические трактаты. Подг. текстов и вступ. статья О. А. Белобровой. Л., 1978. С. 48—86). В апокрифах Сивилла, посетившая Соломона, иногда отождествляется с царицей Савской.

[16] *...и изяшя Адамову главу въ корени...* — За этой фразой стоит ряд легенд, рассказывающих о появлении главы Адама в Иерусалиме и о происхождении Голгофы — места, на котором был распят Христос. По ефиопско-сирийской версии Адам был похоронен в раю, или вблизи рая, его тело было взято в Ноев ковчег и после потопа похоронено на месте будущей Голгофы. По версии апокрифа об Адаме и Еве Адам был похоронен в Хевроне (или на Герусийском болоте), его глава была принесена в Иерусалим потопом. Говорилось, что Христос сам велел положить ее на Голгофе, где, как он знал, будет его распятие. По талмудической версии волны потопа вырвали с корнем дерево, выросшее из главы Адама, и вместе с ней принесли дерево в Ливан, где оно было срублено для храма, который Соломон строил из ливанских

кедров (см.: *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русского духовного стиха. 10. Западные легенды о древе креста и Слово Григория Богослова о трех крестных древах // Прилож. к т. 45 Зап. имп. АН. СПб., 1883. С. 391). По версии издаваемого апокрифа следует, что Адам был похоронен в раю.

[17] *...прѣсосувааше...* — Это слово не встречается в словарях. Веселовский отмечает в других списках памятника слова «притосоваша», «прѣсоса» и более понятное «присягаше». Он задается вопросом, не заключается ли в загадочном «прѣсоса» церковнославянское слово «прѣсовъ» (стропила) (*Веселовский*. Разыскания... С. 410, прим. 1).

[18] *Лифострато* — Литостратон, греческое слово не означает «побиение», как сказано в тексте апокрифа. Оно переводится как сложенное из камней, или каменный помост. Это небольшая площадка перед Преторией, или домом прокуратора в Иерусалиме, вымощенная камнем, или мрамором, возможно, мозаикой. Здесь прокуратор вершил суд и, согласно Евангелию, судил Христа: «Пилат ... вывел вон Иисуса и сел на судилище, на месте называемом Литостратон, а по-еврейски Гаввафа» (Иоан. 19, 13) (*Солярский П.* Опыт библейского словаря собственных имен. СПб., 1881. Т. 2. С. 501).

[19] *Ирод* — в 40 г. до н. э. стал царем Иудеи, содействовал укреплению власти Римской империи на Востоке. Предпринимал грандиозное строительство городов, крепостей, театров, храмов. Жестоко расправлялся со своими политическими противниками, казнил многих своих родственников, в том числе жену и трех сыновей. Авторы Евангелий сделали его инициатором избиения вифлеемских младенцев, гонителем младенца Иисуса, хотя исторический царь Ирод умер в 4 г. до н. э., т. е. за 4 года до рождения Иисуса. Под именем царя Ирода упоминается в Евангелиях его сын Ирод—Антипа, бывший правителем Галилеи и Перейи, умерший в 39 г. в изгнании.

[20] *Иосиф* — евангельский персонаж, бедный плотник, сын Иакова из рода Давида, с которым была обручена дева Мария. В Евангелии Иосиф упоминается в последний раз в рассказе о пасхальном паломничестве его, Марии и 12-летнего Иисуса в Иерусалим (Лк. 2, 41—52). О смерти его повествуется только в апокрифах — он скончался 111 лет. В апокрифической традиции Иосиф представлен вдовцом преклонного возраста, имеющим детей от первого брака, которых называют братьями Господними.

[21] *...съ Иаковом, братом Господним...* — Братья Иисуса упоминаются в Евангелии (Мф. 13, 55—56; Мк. 6, 3). По одной версии, они — дети Иосифа от первого брака, по другой — дети Марии Клеоповой (или Алфеевой), сестры Богородицы и, тем самым, двоюродные братья Иисуса (Иоан. 19, 25). Существует ряд апокрифов, посвященных Иакову, брату Господню; в одном из них Иаков назван сыном Иосифа (см.: *Понырко Н. В.* Апокрифы о Иакове, брате Господнем // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1. А—К. С. 59—60).

[22] *«Помѣни мя, Господи, егда приидеши въ царстви си».* — Лк. 23, 42.

[23] *А другый разбойник нелѣпое глаголаше...* — См. Лк. 23, 39: «Один из повешенных злодеев злословил Его и говорил: “Если ты Христос, спаси себя и нас”».

ПЕРЕВОД

СЛОВО СВЯТОГО ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА О ЧЕСТНОМ КРЕСТЕ

Когда погребли Адама с венцом, который свил и возложил он на главу свою из ветвей того древа, из-за которого изгнан был из Рая и которые принес ему Сиф, сын его, а тому дал их ангел, вынеся из Рая, то выросло древо из венца, что был на главе Адама. И было оно велико — велико и удивительно (выросшим), разделяясь стволами на-трое. И возрастали стволы вместе и были в семь раз выше всех других дерев.

О другом древе, на котором распят был разбойник верный

Часть от того древа вынесла река Тигр из Рая, и осталась она на песке. И когда захотел Сиф помянуть отца своего Адама, показал ему ангел это древо, и возжег Сиф огонь на реке, именуемой Нил, и тем память сотворил отцу своему. И тот огонь будет неугасимым, и гореть ему до скончания мира непрестанно. И лютые звери стерегли тот огонь.

Но когда согрешил Лот и пришел к Аврааму на покаяние, и когда услышал Авраам, то так ужаснулся, что послал Лота на погибель, и сказал ему: «Пойди и принеси огня, что горит на Ниле реке». И пошел Лот, и увидел, что все звери спят, и взял три головни, и принес Аврааму. И увидел Авраам, и узнал все, и удивился. И повелел ему посадить их на высоком месте и поливать водою. И сказал: «Когда дадут побеги головни, тогда простится тебе грех тот». Хотя была вода далеко, 3-жды в день приносил Лот в устах своих и поливал головни, и так проросли они. И вознеслось древо удивительное и прекрасное.

О третьем древе, на котором распят был разбойник неверный

Часть от того древа принесла вода во время потопа. И когда спала вода, древо осталось при реке Мерре. Когда же вывел Моисей израильтян, не

было у них питья, поскольку была вода горька. Моисей ходил в заботе, воду ища. И тогда сотворил молитву Богу, и показал ему ангел древо, и то древо лежало вверху (у реки) и цвело. И взял Моисей ветви от древа и крестообразно посадил их в реке, и стала вода пресной. И выросло древо превеликое, удивительное и прекрасное.

Вопрос. Как зародились эти деревья и как выросли такими?

Ответ. Когда насаждал Господь Рай, не было с ним тогда ни одного ангела, только Господь и Сатанаил. И что велел Господь сажать, Сатанаил крал от всех растений тайно от Господа и рассыпал посреди Рая. Господь сказал: «Тут будет тело мое, и я сам тут буду, и послужит это твоему изгнанию». И удалился. И сказал Сатанаил: «Господи, благослови то, что мы насадили». Господь сказал: «Здесь я посреди Рая». И когда подошел Сатанаил, то увидел древо свое. Древом этим был изгнан он из Рая. И почернел Сатанаил и стал дьяволом.

Древо же выросло в три ствола: один ствол — Адам, 2-й ствол — Ева, 3-й ствол, средний, — сам Господь. И когда согрешили Адам и Ева, тогда упала часть Адамова в реку Тигр и вынесла река ее из Рая. А когда наступил потоп, то понесла ее вода, а когда иссякла вода, то древо выросло при реке Мерре. А Евина часть упала в Раю.

Вопрос. Как снова соединились эти древа в Иерусалиме?

Ответ. Когда приказал Господь Бог Соломону воздвигнуть дом Божий, святой Сион, ниспослал Господь перстень Соломону, чтобы он повелевал всеми бесами. И строил Соломон дом Божий, святой Сион. И искал древо, чтобы покрыть церковь. И указали ему древо, что посадил Моисей в Мерре. И пошел, и срубил древо, и впрягли в древо 80 буйволов. И стемнело на Иордани, и поднялась буря великая, и утонуло древо в Иордани, и не нашли его.

И указали ему другое древо, что из головней выросло, и пошел он к древу, которое было от головней. Был многочисленный народ, всех 3 тысячи людей, которые веровали в древо, то древо творило чудеса великие, и все думали, что на том древе распят будет Господь. Когда хотел древо срубить Соломон, люди не давали ему и говорили ему: «О Соломон, не позволим тебе древо срубить животворное. Где видел ты, чтобы три головни проросли, и чудо творит оно великое? И многие

находят в нем спасение, потому что на нем распят будет Господь». Соломон же многих убил и срубил древо. И принес его в Иерусалим. Люди же, верующие в древо, собрали ветви древесные и принесли с плачем в Иерусалим, и смотрели на древо.

И принес Соломон древо в церковь, и не подошло туда, куда хотели его поставить. И опечалился Соломон. И услышала Сивилла о древе, и пришла посмотреть на него, и села на древо, и опалил ее огонь. Тогда Сивилла изрекла: «О трижды проклятое древо!» Все же люди воскликнули в один голос: «О трижды блаженное древо, на котором будет распят Господь». Тогда Соломон поднял древо и прислонил его в церкви.

Один муж по имени Елисей плотничал при Иордани, и упал топор в Иордан и вонзился в древо, что утонуло в Иордани. И пришел он,и поведал Соломону. И пошли и взяли древо, и узнали его, и принесли в Иерусалим, и примерили к церкви, и оно не подошло. И приставили его к первому древу. И сказал Соломон: «О великое чудо! Эти древеса отличаются высотою и красотою, но не могут подойти. Где же найдем другое дерево выше этих дерев?» И спросил демонов, которыми владел печатью Господнею. Они же сказали: «Видели древо далеко, в Эдеме, высокое и удивительное, и прекрасное. Но страшно нам о нем говорить». Соломон сказал: «Заклинаю вас печатью Господнею, что дал мне сам Бог, идите и принесите его сюда, взяв за вершину и за корни». И пошли демоны и вырвали древо с корнем, и захватили Адамову главу в корнях, и принесли в Иерусалим, и отсекли древо от корней.

И измерили на земле древо, и оно подходило, но на церкви его намного не доставало. Соломон сказал: «О великое и предивное чудо! 3 дерева отыскал, каких нигде больше не найти, и великие чудеса творят, и на земле кажутся большими, на церкви же их намного не достает. И все происходят от одного древа». И прислонил их в церкви, и поставил сторожей, чтобы охраняли деревья.

Спросил Соломон демонов: «Далеко ли от Эдема до Иерусалима?» Демоны сказали: «В 50 тысяч и шестьсот и 53 мили расстояние, ибо измерили мы это расстояние, сколь велико оно».

Повесть о главе Адамовой

Глава же Адамова осталась в корнях, и никто не видел ее. Соломон же отправился на охоту, и застигла его внезапная буря. Слуга его, носящий верхнюю царскую одежду, отстал от царя, увидел пещеру и спрятался в ней вместе с борзой собакой и ястребом. И, прячась там, увидел, что пещера из кости, а не из камня. Когда утихла буря, вышел слуга и отыскал царя. И сказал ему Соломон: «Раб, куда ты делся с моей одеждой? Меня дождь вымочил, а ты как остался сухим?» Слуга ответил: «Господин, увидел я пещеру и влез в нее с борзой и с ястребом, а конь мой снаружи стоял. И увидел я, что пещера костяная, а не каменная». Царь же пошел наутро и приказал очистить пещеру от корней и земли. И понял, что это Адамова глава и что она вынесена вместе с древом, которое дал Сифу ангел, когда Адам умирал.

Вопрос. Каким было то древо? Где взял его ангел и дал Сифу?

Ответ. Когда крал Сатанаил у Господа, то сказал Господь: «То, что крадешь ты у меня, тебя же и прогонит». И так изгнал его. И выросло древо тройное — часть Адама, часть Евы, посреди же — самого Господа Бога. Адамово древо вынесла Тигр река, а от Господней части дал архангел Сифу, и Сиф принес Адаму, и свил себе венец Адам. А из венца того древо произросло. Евина часть приплыла с потопом.

И когда понял Соломон, что то есть Адамова глава, перенес ее в центр Иерусалима. И призвал, и сошлись все люди, и повелел им, сказав: «Что я буду делать, то же и вы, глядя на меня, делайте». И взял камень Соломон и, поклонившись главе, сказал: «Кланяюсь тебе, как первому творению Божию», и, бросив камень на главу, сказал: «Бью тебя, как отступника Божия». И весь народ побросал камни. И вырос Литостратон, — по-еврейски — «Побиение». Ибо собрался тут народ всего Иерусалима.

И когда совершилось предание Господа нашего Иисуса Христа, привели к Пилату Христа и двух разбойников. Пилат приказал, и сделали из тех дерев 3 креста. И распяли Христа на древе, что выросло из главы Адама, а разбойника верного распяли по правую руку Христа на древе, выросшем из головней, а разбойника неверного распяли по левую руку Христа на древе, которое выросло в Мерре реке, посаженное Моисеем.

Слово о двух разбойниках

Когда хотел Ирод Господа нашего Иисуса Христа убить, взял Иосиф Богородицу с сыном ее и с Иаковом, братом Господним, и пошли они в Египет, как велел ему ангел. Жили в горе на пути их два разбойника с женами и с детьми своими. У одного разбойника была жена с одним соском. И обе разбойничьи жены имели младенцев. Жена одного из разбойников тяжело болела сердцем уже 6 дней, а другого жена, с одним соском, только свое дитя кормила, а другое умирало с голоду. В это время захватили Богородицу с младенцем и с Иосифом, и сказал разбойник, жена которого была больна: «Не сотворим зла ни этому человеку, ни жене его, и накормит она моего ребенка, 6 дней уже ничего он не ел». Так взяли и повели их к себе. И кормила грудью Богородица разбойничье дитя еще 6 дней. И выздоровела жена разбойника, а дитя его окрепло. И разбойник сказал: «Великое чудо! Если бы не оказалась здесь эта женщина с младенцем своим и не спасла бы мое дитя, то умерло бы». И проводили Богородицу с Иосифом и с младенцем с великими дарами.

Дети же разбойничьи выросли и стали разбойниками, как и отцы их. И когда привели к распятию Господина нашего Иисуса Христа, то и их, схватив, привели к Пилату. И повелел Пилат распять их по обе стороны Господа. Тот, которого вскормила Богородица, молил по правую руку Господа: «Помяни меня, Господи, когда придешь в царство свое». А другой разбойник ругательства произносил и тем лишился рая и на адскую муку осужден. Адам же крестился кровью Господа нашего Иисуса Христа.

Богу нашему слава во веки. Аминь.

СЛОВО ОБ УСПЕНИИ БОГОРОДИЦЫ

Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова

ВСТУПЛЕНИЕ

В книгах Нового Завета сведения о Богородице крайне скупы, и это явилось причиной возникновения преданий о ее жизни и кончине. Эти предания, как и основанное на них Житие Богородицы, написанное в XI—XII вв. Епифанием, монахом иерусалимского монастыря Каллистрата, следует относить к апокрифам, поскольку содержащиеся в них сведения в канонических библейских книгах отсутствуют. Однако эти предания и особенно апокриф об успении Богородицы пользовались у богословов и верующих авторитетом, широко отразились в церковном искусстве. Так, в Сийском иконописном подлиннике композиция иконы Успения в основном соответствует апокрифическому сюжету:

Богоматерь лежит на одре, возле которого стоит Христос, держащий в руках душу Богоматери, апостолы и народ. В нижней части иконы — сцена отсечения рук «жидовину», вознамерившемуся сбросить на землю гроб с телом Богоматери (см.: *Покровский Н. В.* Сийский иконописный подлинник. СПб., 1897. Вып. 3. С. 139—140).

Апокриф надписан именем Иоанна Богослова — любимого ученика Христа, апостола и евангелиста. Однако создан он не ранее V в. Текст издается по списку Торжественника XV в. (РНБ. Основное собр., F. I, 900), поправки внесены на основе списков РНБ, собрание Погодина, № 949 и РГБ, собрание Троице-Сергиевой лавры, № 13.

ОРИГИНАЛ

СЛОВО ИОАННА БОГОСЛОВА О ПОКОИ СВЯТЫА ВЛАДЫЧИЦА НАША БОГОРОДИЦА И ПРИСНОДѢВЫА МАРИА

Благослови, отче.

Святей и преславнѣй Богородици и приснодѣвѣй Марии по обычаю на святый гробь Господа нашего восходящи кадить и покланяющи святѣи колѣни, моляще рождешагося из нея Христа Бога нашего дабы к нему шла. Видящи же ю иудеи ходящу на святый гробь, припадоша къ архиерѣом, глаголюще, яко на всякь день Мариа ходить на гробище. Призвавше же архиерѣи стража, еже бѣху учинили, да быша не дали никомуже молитися на святѣмь гробѣ, вопрашаху о *нѣй*, аще воистину си тако есть? Стражие же отвѣщавше, рекоша, яко ничесоже *такова* видѣхомь, Богу не оставльшу ихь честнаго прихожения ея видѣти. Во единъ же от дней, *пятку сущу*, прииде на гробь по обычаю святаа Мариа Богородица, и молитву ей творящи, архангелъ Гавриилъ, сьшедь к ней, рече: «Радуйся, рожшиа Христа Бога нашего! Молитва твоа, вшедши на небо, приата бысть. Ты нынѣ по прошению твоему оставльши миръ сей, на небеса къ твоему сыну на животъ истинный непремѣняемый отходиши».

Слышавши же си от архангела, возвратися въспять въ Вифлеом,[1] имущи съ собою вкупѣ три дѣвы, яже ей служаху, рече къ дѣвамь: «Принесѣте ми кадилницу, да ся помолю». И принесоша по заповѣданному им, и помолися, рекши: «Господи мой, Иисус Христе, изволивый из мене родитися великиа ради благости твоеа! Услыши глась мой и посли мнѣ апостола Иоанна, да видѣвши его, начну веселитися. И посли же мнѣ святыя апостолы твоа, и иже суть к тебѣ уже отошли и яже суть нынѣ на семь свѣтѣ, на нейже есть кождо странѣ святымь твоимь повелѣнием, да сиа видѣвши, благословлю

многое и хвалное имя твое. Надѣю бо ся, яко послушати мене имаши, рабы твоеа, о коемждо прошении».

И молящися ей, приидох азъ Иоаннъ, Духу Святому восхыщшу мя на облацѣ от Ефеса[2] и поставльшу мя на мѣстѣ, идеже лежаше мати Господня. Внидох же к ней и прославль рожьшагося из неа, рѣх: «Радуйся, мати Господня, рождьшиа Христа Бога нашего, веселися, яко с великою славою отходиши житиа сего». И прослави святаа Мариа Бога, зане приидохь азъ, Иоан, к ней, помянувь глас Господень, рекший: «Се мати твоа, и се сынъ твой».[3] И три дѣвы приидоша и поклониша ми ся. И глагола ми Богородица: «Сътвори молитву и *възложи* кадило». И помолися, тако рекь: «Господи Иисус Христе, сътворивый чюдеса, и *нынѣ створи чудеса* прѣд рожешею тя. И изыдеть мати твоа от житиа сего, и устрашатся распеншии тя и не вѣровавше в тя». И яко створих молитву, глагола ми святаа Богородица: «Принеси ми кадилницу». И, приемши кадило, рече: «Господи, съврьши о мнѣ, елико ми же ся обѣщалъ преже, даже не взыде на небеса, и яко, егда отхожу от мира сего, приидеши ты и множество ангелъ твоихь съ славою многою къ мнѣ». И глаголахь кь ней азъ, Иоаннъ: «Грядет Господь нашь Иисус Христос Богъ нашь, *и узриши и́*, якоже ти ся есть обѣщалъ». И отвѣщавши, святаа Мариа рече ми: «Иудеи суть кляли, да егда умру, съжгуть тѣло мое». И, отвѣщавь, рѣхь ей: «Не имать видѣти истлѣниа преподобное и честное тѣло твое». И, отвѣщавши, святаа Мариа рече ко мнѣ: «Принеси кадилницу и вложи кадило, и створи молитву». И бысть глас съ небеси, глаголя: «Аминь». И слышах азъ, Иоаннъ, глас, и рече ми Святый Духъ: «Иоанне, слышиши ли глас, реченьный на небеси?» И егда окончахь молитву, отвѣщавь, рѣхь: «Ей, Господи, слышах и́». И рече ми: «Глас сей, иже слыша, сказает пришествие братиа твоеа апостолъ будущее и святыхь Силъ, яко днесь приидуть к вамь».

Азъ же, Иоаннъ, о семь моляхся. И святый Духъ рече къ апостоломь: «Вси вкупѣ, на облакы всѣдше, от конець вселенныа съберитеся въ святѣмь Вифлеемѣ. Ты Симоне-Петре из Рима, Павелъ *от Тивериана*, Фома от Индия внутрьнѣйшаа, Иаковь от Иерусалима».[4] Андрѣа, братъ Петровь, Филиппъ, Лука и Симонъ Кананей, почившеи, въсташа изъ гробь Святымь Духъмь, к нимже и рече: «Уже не мните, яко въскрешение есть нынѣ, но сего ради въстасте из гробь, да идете на цѣлование и честь и чюдо матере Господня и Бога Спаса нашего, яко приближися день въсхождениа еа на небеса». Марко же сый и еще такожде, и той из Александриа прииде с прочими апостолы, якоже рѣхом — от коаждо страны кождо. Петръ же взятъ бысть на облацѣ и ста межу небом и землею, Святымь Духомь подпираемъ и подобно святымь апостолом. И тѣмь, восхыщеномь на облацѣхь, обрѣтохомся с Петром. И тако, Святымь Духомь съвокуплени, вси приидохомь къ матери Бога нашего и, поклоншеся, рѣхом: «Не бойся, ни скорби! Господь Богъ, рождеися ис тебе, изводить тя из мира сего съ славою». И возрадовавшися о Бозѣ, Спасѣ нашемь, возведься и сѣде на одрѣ и

глагола к нам: «Нынѣ вѣру яхъ, яко приидеть Господь нашь с небеси, и вижду и́, и такося изрѣшу от житиа сего, якоже видѣхь вы пришедша. И хощу, да ми *повѣсте*, како разумевше отрѣшение мое от телесе сего, приидосте ко мнѣ и от коих странь и колицѣмь приидосте сѣмо, зане тако ускористе на мое посѣщение, — не утаи бо мене Господь нашь Иисус Христос и Богъ всѣхь».

Отвѣщавь же, Петръ рече къ апостоломь: «Кождо, к немуже Святый Духь возвѣсти и заповѣда намь, извѣстите матери Господа нашего». Отвѣщавь же азъ, Иоаннъ, и рѣх: «Азь, егда вхождахь въ святый олтарь службу сътворити въ Ефесѣ, Духъ Святый глагола ми, яко приближися время преставлениа матери Господа Бога твоего. “Ходи в Вифлеомь на цѣлование ея”. И облакь свѣтелъ восхити мя и въ дверех, идеже лежиши, постави мя». Петръ рече: «Азъ в Римѣ живый, къ утреници слышахь глась Святымь Духомь глаголющь къ мнѣ: “Мати Господа твоего, оставляющи миръ сь, на *небеса* преставлением течение творить. Ходи в Вифлеомь на цѣлование еа”. И се облакь свѣтелъ восхыти мя. И видѣхь и прочая апостолы на облацѣх грядущая ко мнѣ. И глас глаголя къ мьнѣ: “Вси идѣте в Вифлеомь”». Отвѣщавь, Павелъ рече: «И азь въ градѣ, отстоящимь от Рима немалѣмь растояниемь, живы, въ странѣ, нарицаемѣ Тиверианъ, слышахь Святый Духъ, гласомь глаголющь ко мнѣ: “Мати Господа твоего, оставляющи миръ сей, на небеса преставлениемь течение творить. Поиди въ Вифлеом на цѣлование еа”. И се облакь свѣтель восхыти мя и постави мя, идѣже и вы». Отвѣщав же и Фома и рече: «И азь Индийскую страну прошедь, проповѣдаа Христовою благодатию и утвержаа сына сестры царѣ, именем Давдань, мною хотяше знаменатися в полатѣ.[5] И внезапу Духь Святый глагола ко мнѣ: “И ты, Фома, иди въ Вифлеем на цѣлование матери Господа твоего, яко преставление на небеса творить”. И облакь свѣтелъ восхыти мя и постави мя при вас». Отвѣщавь же и Марко, рече: «И азь по закону третиаа годины во Александрѣйстемь градѣ молитву творяхь, егда мя Святый Духь возхыти и приведе мя к вамъ». Отвѣщав же, Иаковь рече: «Мнѣ въ Иерусалимѣ сущу, Святый Духь повелѣ ми, глаголя: “Буди въ Вифлеемѣ, яко мати Господа твоего творить преставление”. И се облакь восхыти мя и постави мя прѣд вами». Отвѣщав же и Матфей рече: «Азъ прославих и прославлю Бога, яко сущу ми в мори влающуся и *възмущьшимъся* влънам, и внезапу облакь свѣтел осѣни и волнение мутное на тихость преврати, мене же, восхыщь, постави прѣд вами».

И отвѣщавьше же такожде и отшедше и преже повѣдаша, како приидоша. И Варфоломий рече: «Азъ въ *Фиваидѣ*[6] бѣхь, проповѣдаа слово. И се Святый Духь глагола къ мнѣ: “Мати Господа вашего преставление творить, иди убо на цѣлование въ Вифлеемь”. И се облакь свѣтелъ восхыти мя и приведе мя здѣ к вамь».

Си все повѣдаша святии апостоли, како приидоша къ Богородици и которою силою. И, воздѣвши руцѣ на небо, помолися, глаголющи: «Кланяюся и хвалю и славлю многохвалное имя твое, Господи, яко призрѣлъ еси на смѣрение рабы твоеа и сътворилъ ми еси великоты, силне, и се блажать мя вси роди».[7] И по молитвѣ рече *апостоломъ*: «Вложите кадило и створите молитву». И молшимся имь, громь бысть съ небесе, и прииде глас страшенъ, яко колесниц многих, и се множество вой ангельскыхъ. И глась, яко сына человѣча, слышанъ бысть, и серафимы окрестъ храмины стоаху, идеже возлежаше святаа и пренепорочнаа Божиа мати, приснодѣваа, яко вси сущии въ Вифлеемѣ видящи вся чюдеса, вшедше въ Иерусалимъ, возвѣстиша бывшаа. Бысть же, грому бывшу, вънезаапу явися солнце и луна окрестъ дому, и съборъ прьвѣнець святых бысть. И сташа в честь и славу святыя. Видѣша вси знамениа многаа бываема: слѣпыа прозирающа, глухыа слышати, прокаженыа очищающася и бѣсныя исцѣлевающа, и всякь, иже бѣше в недузи и язи, прикасающися внѣюду стѣнахь храмины, с вѣрою въпиаху: «Святаа Марие, рождшия Христа Бога нашего, помилуй ны!». И абие исцѣлеваху. Многь жь народ от Иерусалима и от когождо отечьствиа молитвы ради пришедше и слышавше бываемаа въ Вифлеемѣ материю Господнею знамениа, приидоша на мѣсто, различьными недугы одрьжимы, просяще исцѣлениа и улучаху. Бысть же радость велика и неизглаголанна в той день от множества исцѣлѣвших и прозрѣвшихь и славящихь Бога нашего и матерь его. Весь же Иерусалимь от Вифлеема хвалами и пѣснми духовными веселящеся, и пришедше возвращахуся.

Иереи же иудейстѣи, вкупѣ съ людми своими, удивишася о бываемых и завистию *тяжкою* низъпадше, и пакы суетною мыслью *съвѣтъ* сътворше, мышляху послати на святую Богородицю и на святыа апостолы въ Вифлеемь воины. И множество иудей, събравшеся, устремление творяху на Вифлеомь и яко от поприща единого узрѣша видѣние страшное, и от страха съпеншимся ногамь ихь, въспять возвратишася к роду своему. И все страшное видѣние повѣдаша архиерѣем. Они же, паче раждьгшися яростию, идоша къ игемону, вопиюще и глаголюще: «Погыбе языкь иудейский от жены сеа! Отжени ю от Вифлеема и от епархиа Иерусалимьскыа!» Игѣмонъ же ужасъся, яко слыша чюдеса, рече к нимь: «Азь ни от Вифлеема изгоню еа, ни от иного мѣста». Иудеи же, паче вопиюще, и спасением кесаря Тивериа[8] заклинаху и, дабы апостолы изьгналъ от Вифлеема: «Аще ли сего не сътвориши, навадимь на тя кесарю Тиверию». Принуждень же, посла тысущника во Вифлеемь на апостолы. Святый же Духь къ апостоломь и къ матери Господни рече: «Се игѣмонъ послалъ есть тысущника на тя, иудеемь въставшимь на вы. Ишедши убо изъ Вифлеема, не убоитеся, се бо на облацѣ провожу вы въ Иерусалимь, сила бо Отца и Сына съ мною и с вами есть». Воставши же, апостоли изыдоша из дому, носяще одръ Владычицы Богородицы, и устремление сътвориша во Иерусалимь. И абие, яко рече Святый Духъ, на облацѣ восхищени, обрѣтохомся во Иерусалимѣ, в дому Госпожинѣ. И, ставше, пять дней молитву *творихомъ*, не почивающе.

Егдаже доиде тысущникь в Вифлеемь и не обрѣте ту матери Господни, ни апостолы, дрьжаша вифлеемляны, глаголя к нимь: «Не вы ли внидосте къ игемону, глаголюще къ нерѣемь бывшаа знамениа и чудеса, яко пришли суть апостоли от всѣх стран? То где суть? Приидѣте, внидѣте къ игѣмону во Иерусалимь». Не *вѣдяше* бо тысущникы, яко апостоли и мати Господня шли суть во Иерусалимь. Поимь же убо тысущьникь вифлеемляны, вниде ко игемону, глаголя, яко: «Ни единого не обрѣтохомь». По пяти же дний увѣдѣвь же игемонъ и вси граждани и иереи, яко въ своемь дому есть во Иерусалимѣ мати Господня и со апостолы. Быша же пакы ту знамениа и чюдеса, множество женъ и мужей возопиша: «Святаа дѣво, рожешиа Христа Бога нашего, не забуди рода человѣчьскаго!» Сим же бывающим, наипаче движущеся людие иудейстии со иереи и, вземши дрова и огнь, наидоша, пожещи хотяще домъ, идеже бѣ мати Господня со апостолы. Игемонъ же стояше, зря, издалеча позоры дѣа. Егда доидоша дверий дому святыя Богородица мужие иудейстии, и се внезаапу сила огняна, изшедши изъвнутрь ангеломь, попали множество много людей иудейскыхъ. И бысть во всемь гради страхь великь. Вси, иже вѣроваху, *славляху* Христа Бога, рождьшагося от неа. Егда же видѣ игемонъ бывшее, възопи пред всѣми людми, глаголя: «Воистину сынъ Божий есть, рожеися от дѣвы, егоже вы прогнати мнѣсте, знамениа бо сии истиннаго Бога суть». Бысть же раздѣление между иудеи, и мнози во имя Бога нашего Иисуса Христа вѣроваша и бывшихь знаменихь.

Потом же яко быша вся чюдеса святою и славною материю Господа нашего, сущимь намь с нею, апостоломь, въ Иерусалимѣ, рече Святый Духь: «Вѣсте ли, яко в недѣлю благовѣщение приатъ Мариа дѣваа от ангела Гавриила, и в недѣлю родися Спась въ Вифлеемѣ, и в недѣлю чада иерусалимьскаа с ваиемь изыдоша противу Иисусови во срѣтение его, глаголюще: «Осанна въ вышнихь! Благословенъ, грядый во имя Господне!». И в недѣлю въскресе изь мертвыхь, и в недѣлю имать приидти судити живымь и мертвымь, и в недѣлю имать приити сь небесь въ славѣ и чести преставления ради святыа дѣвы, рожшиа его».

И в ту недѣлю глагола мати Господня къ апостоломь: «Возложите кадило, яко Господь грядеть съ вои ангельскыми». И се Господь прииде к нимь, сѣдя на престолѣ херувимьстѣмь.[9] И всѣмь молитву творящимь, явися бесчислено множьство ангелъ с нимь, свѣтло знамение предходя на святую дѣву пришествиемь единороднаго сына ея. И возгласи к матери, рече ей Господь: «Марие!» Она же отвѣща: «Се азъ, Господи!» И рече ей Господь: «Не скорби, но да веселится сердце твое и радуется: обрѣла бо еси благодать; виждь славу мою, юже имамь со Отцемь моим». И, возрѣвши, святаа Мариа, Божиа мати, видѣ славу на немь, еяже уста человѣча не могуть исповѣдати, ни разумѣти. Господь же рече к ней: «Се нынѣ тѣло твое преложено будеть на рай, а святая твоа душа на небеса, в скровища Отча, въ свѣтлость, идеже миръ

и веселие». Отвѣщавши же святаа, рече к нему: «Наложи десницу твою и благослови мя». И простеръ Господь честную десницю свою, благослови ю, та же, дрьжащи, лобызаше честьную десницу, глаголющи: «Кланяюся десници сей, сътворившей небо и землю! Молю многохвалное имя твое, Христе Боже, царю всѣхь вѣкь, единородный Сынъ Отчь, приими рабу твою, изволивый родитися от мене, смѣренныа, спасениа ради рода человѣча за неизреченное твое человѣколюбие. Всякому же человѣку, призывающу или нарицающу имя рабы твоеа, подай же ему помощь твою». Си же ей глаголющи, приступльши апостоли къ ногамь еа и, поклоньшься, рѣхом: «Мати Господня, остави всему миру благословение, яко отходиши от него! Благословила бо еси его и въскресила погыбша, рождьши свѣтъ всему миру». Помолши же ся, мати Господня рече въ молитвѣ сице: «Боже, иже еси съ небесе послалъ благостию единороднаго твоего Сына вселитися въ смѣренное мое тѣло и родитися от менѣ, помилуй весь миръ твой и всяку душу, нарицающу имя твое, святое и благое, да прославлена будеть рождешиа». И пакы, помолшися, рече: «Христе, царю небесный и Сыне Бога живаго! Приими всякого человѣка, призывающаго имя твое святое и благое, да прославлена будеть рождешия тя». И паки, помольшися, рече: «Иже вся можеши на небеси и на земли, и се моление приими: молю имя твое святое на всяко время и мѣсто, идеже бываеть память имени моего, святи мѣсто то и прослави прославляющаа тя моим именем, приемля таковыа на всяко приношение и всяку молитву и обѣтъ». Сице же молящися ей, Господь к ней рече: «Веселися, и да радуется сердце твое: всяка бо благодать и всякь даръ данъ ти бысть Отцемь небеснымь и мною и Святым Духомь. И всякаа душа, иже тя призываеть, не имать постыдѣтися, но да обрящеть милость, и утѣху, и заступление, и дрьзновение в нынѣшний вѣкь и в будущий пред Отцемь моимь небеснымь». Обращь же ся Господь к Петрови, рече: «Приспѣ время, начни пѣние!» Петру же наченшу пѣние, вся силы небесныа отпѣша: «Аллилуя». И тогда лице матери Господни просвѣтися паче свѣта, и, возведшися, своею рукою благослови каждого апостола, и воздахом Господу Богу славу.

Простер же руцѣ свои, приятъ святую и непорочьную еа душу. Во исхожение святыа ея душа исполнися вони благыа и неизреченна свѣта мѣсто то. И се глас съ небесе глаголя: «Блажена ты еси в женах!» И, текше, Петръ и Павелъ и прочии апостоли облобызахом честнѣи еа нозѣ, да ся быхом освятили. И мы сами оба-на-десяте честное же и святое тѣло, на одрѣ възложше, понесохом. И несущим намь, еврѣинъ единъ, именем Иофониа, крѣпокь телесемь, устремлься, начатъ сметати на землю одръ, апостоломь носящимь. И се ангелъ Господень невидимою силою мечемь огненымь от плещу его отсѣче обѣ руце и по аеру при одрѣ сотвори висѣти. И сему чюдеси бывшу, възпиша вси обрѣтшеися ту людие иудейстѣи, видѣвше, яко «поистинѣ истиненъ Богъ есть, рожеися ис тебе, Богородице и приснодѣво Марие!». И той же самъ Иофониа, Петру повелѣвшу ему, да ся явять чюдеса Божиа, и вставше, въслѣдь одра вопиаше, глаголя: «Святаа Марие, рождешиа Христа, помилуй мя!» Обращь же ся, Петръ рече к нему: «Во имя рождьшася от неа прилѣпитася руцѣ, отятѣи от тебе!» И абие словом

Петровѣмь, руцѣ от одра Госпожина висящии отшедши, прилѣпистася Офонии на мѣстѣ своемь. И вѣру ятъ и прослави Христа Бога, рождьшагося из неа, емуже слава и дрьжава съ Отцемь и Святымь Духом и нынѣ, и присно, и в вѣки вѣкомь. Аминь.

---

[1] *Вифлеем* — город к юго-западу от Иерусалима; в нем, согласно Евангелиям, родился Иисус Христос.

[2] *Ефес* — город, существовавший до VII в., один из крупнейших городских и культурных центров Средиземноморья. Руины его находятся на территории турецкого города Сельчука, к югу от города Измир.

[3] *Се мати твоа, и се сынъ твой.* — С этими словами Иисус обратился перед смертью к Марии и к «любимому ученику», которого отождествляют в данном случае с Иоанном Богословом. См. Иоан. 19, 25—27.

[4] *Ты Симоне-Петре из Рима ... от Иерусалима.* — После вознесения Христа апостолы разошлись проповедовать по разным странам. Здесь и далее упоминаются апостолы Андрей, Варфоломей, Иаков, Павел, Петр, Симон Канаит, Филипп и Фома, а также евангелисты Лука и Марк.

[5] *...сына сестры царѣ, именем Давдань, мною хотяше знаменатися в полатѣ.* — В апокрифическом «Деянии Фомы» рассказывается о его пребывании в Индии, но имя Давдана не упоминается, и прокомментировать эти слова пока не представляется возможным.

[6] *Фиваида.* — Здесь, видимо, имеется в виду область в Египте, хотя по другим преданиям Варфоломей проповедовал в Сирии и Малой Азии.

[7] *...яко призрѣлъ еси ... блажать мя вси роди»* — Лк. 1, 48, 49.

[8] *Тиберий* — римский император в 14—37 гг. Почему упомянут здесь он — не ясно. По традиции Богородица умерла в 48 г., то есть не при Тиберий, а при императоре Клавдии.

[9] *...на престолѣ херувимьстѣмь.* — Херувимы — ангелы-стражи. В библейских книгах они изображаются как шестикрылые, имеющие много очей существа, часто упоминается, что Бог восседает на херувимах (напр.: Ис. 37, 16; 1 Цар. 4, 4).

ПЕРЕВОД

СЛОВО ИОАННА БОГОСЛОВА ОБ УПОКОЕ СВЯТОЙ ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЙ БОГОРОДИЦЫ И ВЕЧНОДЕВЫ МАРИИ

Благослови, отче.

Когда святая и преславная Богородица и вечнодева Мария по обыкновению приходила к гробу Господа нашего кадить, то, приклонив святые колени, молила родившегося из нее Христа, Бога нашего, чтобы дано ей было прийти к нему. Иудеи же, видя ее приходящую к святому гробу, обратились к архиереям, говоря, что Мария всякий день приходит на кладбище. Архиереи же, призвав стражников, которых приставили, чтобы никому не разрешали молиться у святого гроба, стали спрашивать их о ней: правда ли все это? Стражники же в ответ говорили, что ничего подобного не замечали, ибо Бог не давал им увидеть честные ее посещения. В один же из дней, в пятницу, пришла как обычно к гробу святая Мария Богородица, и во время ее молитвы сошел к ней архангел Гавриил и возгласил: «Радуйся, родившая Христа, Бога нашего! Молитва твоя дошла до неба и принята. Ты вскоре по желанию своему, оставив мир сей, отойдешь на небо к сыну своему для жизни истинной и вечной».

Услышав все это от архангела, Мария возвратилась обратно в Вифлеем вместе с тремя девами, что прислуживали ей, и сказала она девам: «Принесите мне кадильницу, да помолюсь». И принесли ей, как она повелела, и стала молиться, говоря: «Господь мой, Иисус Христос, изволивший по великой своей благости из меня родиться! Услышь голос мой и пошли ко мне Иоанна апостола, и, увидев его, порадуюсь. И пришли ко мне святых апостолов твоих, и тех, которые уже к тебе отошли, и тех, кто еще на этом свете в разных странах по твоему повелению, чтобы, увидев их, благословила я великое и славное имя твое. Надеюсь, что услышишь эту просьбу мою, рабы твоей».

Когда так молилась она, пришел я, Иоанн, ибо Дух Святой вознес меня на облаке из Эфеса и поставил меня на том месте, где возлежала мать Господа. Вошел я к ней и, прославив родившегося от нее, сказал: «Радуйся, мать Господня, родившая Христа, Бога нашего, веселись, ибо в великой славе отходишь от жизни этой». И прославила святая Мария Бога за то, что пришел я, Иоанн, к ней, вспомнив о словах Господа, возвестившего: «Вот мать твоя, и вот сын твой». И пришли три девы и поклонились мне. И сказала мне Богородица: «Сотвори молитву и возложи кадило». И помолился я, так говоря: «Господи Иисусе Христе, творящий чудеса, и ныне сотвори чудеса перед родившей тебя. Отойдет мать твоя от жизни этой, и устрашатся распявшие тебя и не верящие в тебя». И когда вознес я молитву, сказала мне святая Богородица: «Принеси мне кадильницу». И, взяв кадило, сказала: «Господи, сделай для меня так, как обещал мне прежде, чем взошел на небеса: когда стану я покидать этот мир, придешь ты и множество ангелов твоих в

славе великой ко мне». И сказал ей я, Иоанн: «Придет Господь наш, Иисус Христос, Бог наш, и увидишь его, как он обещал тебе». И сказала мне в ответ святая Мария: «Иудеи поклялись, что когда я умру, то сожгут тело мое». И сказал я ей в ответ: «Не узнает истления преподобное и честное тело твое». И в ответ святая Мария сказала мне: «Принеси мне кадильницу и вложи благовония и сотвори молитву». И был глас с неба, возвестивший: «Аминь!». Услышал я, Иоанн, глас, и возвестил мне Святой Дух: «Иоанн! Слышал ли глас с неба?». И когда кончил я молитву, то ответил: «Да, Господи, слышал его». И сказал мне: «Глас этот, который ты слышал, возвещает скорый приход братии твоей, апостолов, и святых Сил, ибо сегодня придут они к вам».

И я, Иоанн, помолился об этом. И возвестил Святой Дух апостолам: «Вы все вместе, взойдя на облака, со всех концов вселенной соберитесь в святом Вифлееме. Ты, Симон-Петр, — из Рима, Павел — из Тивериана, Фома — из Индии Внутренней, Иаков — из Иерусалима». Андрей, Петров брат, Филипп, Лука, Симеон Канаит, уже почившие, встали из гробов по воле Святого Духа, сказавшего им: «Не думайте же, что настало время воскресения (мертвых), но сего ради востали вы из гробов, чтобы смогли прийти приветствовать и почтить и увидеть чудеса матери Господа Бога и Спаса нашего, ибо близок день восшествия ее на небеса». Марк же был также, и тот из Александрии пришел с другими апостолами, как сказали мы — из каждой страны каждый. Петр же был вознесен на облаке и пребывал между небом и землей, поддерживаемый Святым Духом, так же, как и все святые апостолы. И те, вознесенные на облаках, оказались вместе с Петром. И так, Святым Духом собранные, все явились к матери Бога нашего и, поклонившись ей, сказали: «Не бойся и не скорби! Господь Бог, родившийся из тебя, изводит тебя из мира этого со славой». И радуясь о Боге, Спасителе нашем, поднялась она и села на одре своем и сказала нам: «Ныне поверила я в то, что придет Господь наш с небес, и увижу его, и освобожусь от жизни, так как вижу вас, ко мне пришедших. И хочу, чтобы вы мне поведали, как вы узнали об отрешении моем от тела и пришли ко мне, и каким образом и из каких стран прибыли вы сюда, а особенно — как успели вы посетить меня, и как не скрыл меня от вас Господь наш, Иисус Христос, Бог всех».

Сказал в ответ Петр, обратившись к апостолам: «Каждый из вас, кому возвестил Святой Дух и заповедал, поведайте матери Господа нашего». Отвечал я, Иоанн, и сказал: «Когда вошел я в святой алтарь службу отправлять в Эфесе, то возвестил мне Дух Святой, что приблизилось время преставления матери Господа моего. “Иди в Вифлеем на прощание с ней”. И облако светлое вознесло меня и поставило в дверях дома, где лежишь ты». Петр сказал: «Я, живя в Риме, на заутрене услышал глас, возвещающий мне Духом Святым: “Мать Господа твоего оставляет мир и, умирая, на небо восходит. Иди на прощание с ней в Вифлеем”. И тогда облако светлое вознесло меня. И увидел я и других апостолов, приближающихся ко мне на облаках. И возвестил мне глас,

глаголющий: “Все идите в Вифлеем”». И сказал в ответ Павел: «Я, находясь в городе, далеко отстоящем от Рима, в области, называемой Тиверия, услышал глас Святого Духа, обращенный ко мне: “Мать Господа твоего, оставляя этот мир, возносится на небеса. Иди в Вифлеем на прощание с ней”. И тут же облако светлое вознесло меня и поставило там же, где и вы стоите». И Фома сказал в ответ: «Я пришел в Индийскую страну, проповедуя благодать Христову; и укреплял (дух) сына сестры царицыной по имени Давдан, который жаждал принять от меня знамение в палате. И внезапно Дух Святой возгласил мне: “И ты, Фома, иди в Вифлеем попрощаться с матерью Господа твоего, ибо восходит она на небеса”. И облако светлое вознесло меня и поставило меня возле вас». Марк же сказал в ответ: «И я служил, как подобает, в Александрии канон третьего часа, когда Святой Дух вознес меня и принес меня к вам». Отвечая, сказал Иаков: «Я был в Иерусалиме, и повелел мне Святой Дух: “Будь в Вифлееме, ибо умирает мать Господа твоего”. И тотчас облако вознесло меня и поставило перед вами». Отвечая, сказал Матфей: «Я славил и славлю Бога, ибо был я на море волнующемся, среди вздымающихся волн, и внезапно облако светлое осенило меня, и мутные волны смирило, меня же оно, вознеся, поставило перед вами».

И отвечали все так (...), и прежде всего поведали, как они пришли. И Варфоломей сказал: «Я в Фиваиде находился, проповедуя (божественное) слово. И вот Святой Дух воззвал ко мне: “Мать Господа вашего преставляется. Иди же на прощание с ней в Вифлеем”. И тотчас облако светлое вознесло меня и доставило меня сюда к вам».

Все это поведали святые апостолы, как пришли они к Богородице и с помощью каких сил. И, воздев руки к небу, помолилась она, говоря: «Господи! Кланяюсь я тебе, и хвалю и славлю многохвальное имя твое, что снизошел к смиренной рабе твоей, и сотворил мне величие, сильный, и вот теперь прославляют меня все народы». И, помолившись, сказала апостолам: «Вложите благовоние и сотворите молитву». И когда помолились они, раздался гром небесный, и донесся устрашающий шум, словно бы грохот многих колесниц, и явилось множество воинства ангельского. И голос — словно голос сына человеческого, был слышен, и серафимы стали вокруг дома, в котором возлежала святая и пренепорочная матерь Божия, вечнодева, так что все, бывшие в Вифлееме, увидев чудеса те, поспешили в Иерусалим и рассказали о случившемся. И когда прогремел гром, внезапно явились солнце и луна по обоим сторонам дома, и собрался сонм первейших из святых. И предстали они на славу и в честь святой. Видели же все множество знамений: прозревали слепые, начинали слышать глухие, очищались прокаженные, выздоравливали бесноватые, и все, кто был болен или изранен, прикасались к наружным стенам дома, взывая с верою: «Святая Мария, родившая Христа, Бога нашего! Помилуй нас!». И тут же выздоравливали. И из Иерусалима и из других мест пришло много народа, чтобы помолиться, и, услышав, что в Вифлееме творит

чудеса мать Господа, приходили туда одержимые различными недугами, и просили исцеления, и получали его. Была же радость великая и несказанная в тот день, ибо многие исцелились и прозрели, и славили они Бога и мать его. Все иерусалимляне, возвращаясь из Вифлеема, славили Бога песнопениями и радовались.

Иереи же иудейские вместе с людьми своими удивлялись случившемуся и, исполнившись черной завистью, снова — по скудоумию своему — совет собрали и задумали послать воинов в Вифлеем на святую Богородицу и на святых апостолов. И собралось множество иудеев, и пошли они к Вифлеему, и когда уже приблизились к городу, то увидели знамение грозное, так что от страха стали заплетаться у них ноги, и вернулись они назад к родичам своим. И об этом страшном видении поведали архиереям. Те же, еще более распалившись яростью, отправились к наместнику, с воплями возвещая ему: «Погиб народ иудейский от этой женщины! Изгони ее из Вифлеема и из области Иерусалимской!» Наместник же, услышав о чудесах, ужаснулся и сказал им: «Я не стану изгонять ее ни из Вифлеема, ни из какого другого места». Иудеи же снова стали кричать, заклиная наместника именем императора Тиберия, чтобы изгнал он апостолов из Вифлеема: «Если не сделаешь так, то донесем на тебя императору Тиберию». И вынужден был наместник послать тысячника в Вифлеем на апостолов. Святой же Дух возвестил апостолам и матери Божьей: «Вот наместник послал тысячника на тебя, ибо поднялись против вас иудеи. Покиньте же Вифлеем и не бойтесь, ибо на облаке вас препровожу до Иерусалима — сила Отца и Сына со мною и с вами». Собрались апостолы и вышли из дома, неся одр владычицы Богородицы, и направились к Иерусалиму. И тогда, как возвестил Святой Дух, были вознесены мы на облаке и оказались в Иерусалиме, в доме Богородицы. И остановившись там, пять дней не переставая творили молитву.

Когда же пришел тысячник в Вифлеем, то не застал там ни матери Господней, ни апостолов и, похватав вифлеемлян, стал допрашивать их: «Не вы ли пришли к наместнику, рассказывая иереям о случившихся знамениях и чудесах и о том, будто бы пришли апостолы со всех стран? Так где же они? Пойдемте, и предстаньте перед наместником в Иерусалиме». Ибо не знал тысячник, что апостолы и мать Господня ушли в Иерусалим. Взял с собою тысячник вифлеемлян и привел их к наместнику, говоря: «Никого я не нашел». Через пять дней узнал и наместник, иереи и все горожане, что мать Господа с апостолами пребывает в своем доме в Иерусалиме. Снова свершались тут знамения и чудеса, множество жен и мужей взывали: «Святая дева, родившая Христа, Бога нашего, не забудь о роде человеческом!». В это же время снова возбудились люди иудейские с иереями; взяв факелы и хворост, отправились поджечь дом, где находилась мать Господня с апостолами. Наместник же стоял, издали наблюдая за происходящим. Когда же подошли мужи иудейские к дверям дома святой Богородицы, внезапно по велению ангела явилось изнутри дома сильное пламя и опалило

множество людей иудейских. И весь город содрогнулся от ужаса. Благоверные же прославили родившегося у Богородицы Христа Бога. Когда увидел наместник, что произошло, то возгласил громогласно перед всеми людьми: «Воистину тот Сын Божий, кто родился от девы, тот, кого вы вздумали изгнать, ибо знамения эти ниспосланы истинным Богом». И разделились иудеи: многие уверовали в Бога нашего Иисуса Христа, видя явившиеся знамения.

Потом же, когда свершились эти чудеса, творимые святой и славной матерью Господа нашего, сидели мы, апостолы, подле нее в Иерусалиме, и возвестил нам Святой Дух: «Ведаете ли, что в воскресение удостоилась благовещения дева Мария от ангела Гавриила, в воскресение Спаситель родился в Вифлееме, в воскресение же люди иерусалимские с ветвями вышли встречать Иисуса, возглашая: “Осанна в вышних! Благословен будь, грядущий во имя Господа!” И в воскресение он воскрес из мертвых, и в воскресение же придет судить живых и мертвых, и в воскресение снизойдет с небес в славе и в чести ради преставления святой девы, его родившей».

И в это воскресение сказала мать Господа к апостолам: «Возложите благовоние, ибо Господь нисходит с воинством ангельским». И вот Господь явился им, восседая на престоле херувимском. И когда все молитву творили, явилось с ним бесчисленное множество ангелов, светлое знамение снизошло на святую деву в час пришествия единородного сына ее. И, обратившись к матери, воззвал к ней Господь: «Мария!» Она же отвечала: «Вот я, Господи!» И сказал ей Господь: «Не скорби, пусть возвеселится сердце твое и обрадуется: обрела ты благодать; увидь же славу мою, которой обладаю я с Отцом моим». И, взглянув, святая Мария, матерь Божия, увидела его во всей славе, которую нельзя ни изречь устами человеческими, ни постичь умом. Господь же сказал ей: «Вот ныне тело твое отойдет в рай, а святая душа твоя — на небеса, в сокровенное Отца, в сияние светлое, где мир и веселье». Отвечая ему, сказала святая: «Возложи на меня десницу твою и благослови меня». И простер Господь честную десницу свою и благословил ее, она же, держа десницу, целовала ее, говоря: «Поклоняюсь деснице этой, сотворившей небо и землю! Молю многохвальное имя твое, Христе Боже, царь всех времен, единородный Сын Отца, прими рабу твою ты, изволивший родиться от меня, смиренной, ради спасения рода человеческого по неизреченному твоему человеколюбию. Всякому же человеку, призывающему или произносящему имя рабы твоей, даруй помощь свою». Когда она так говорила, приступили апостолы к ногам ее и, поклонившись, сказали: «Мать Господня, оставь всему миру благословение, ибо покидаешь его! Ибо ты благословила его и воскресила погибших, родив свет всему миру». Помолившись, изрекла, молясь, мать Господня такие слова: «Боже, пославший с неба по благоволению своему своего единородного Сына вселиться в смиренное мое тело и родиться от меня, помилуй весь мир твой и всякую душу, призывающую имя твое, святое и благое, да

будет прославлена родившая тебя». И снова помолилась, говоря: «Христос, царь небесный и Сын Бога живого! Прими всякого человека, призывающего имя твое, святое и благое, и будет прославлена родившая тебя». И снова, молясь, сказала: «Ты, кто все может на небе и на земле, прими и эту мольбу мою: молю имя твое святое, во всякое время и на всяком месте, где чтут память о имени моем, освяти место то и прославь прославляющих тебя моим именем, принимая от таковых всякое приношение, и всякую молитву и всякий обет». Когда молилась она так, обратился к ней Господь: «Пребудь в веселье, и пусть радуется сердце твое: всякая благодать и всякий дар дан тебе Отцом небесным и мною и Святым Духом. И всякая душа, тебя призывающая, не узнает поношения, а, напротив, обрящет милость, и успокоение, и заступничество и дерзновение в нынешний век и в будущий перед Отцом моим небесным». Обратившись к Петру, сказал ему Господь: «Настало время, начни пение!». Когда Петр начал петь, то силы небесные воспели в ответ ему: «Аллилуя!». И тогда лицо матери Господней просияло ярче света, и, приподнявшись, рукой своей благословила она каждого апостола, и мы все прославили Господа Бога.

Простер он руки свои и принял святую и непорочную ее душу. Когда же покинула (тело ее) святая ее душа, то все место то наполнилось благоуханием и осветилось неизреченным светом. И тогда глас с неба возгласил: «Блаженна ты среди жен!» И, подойдя, апостолы Петр и Павел и прочие апостолы облобызали честные ноги ее, чтобы приобщиться святости. И мы сами — все двенадцать — понесли, возложив на одр, честное и святое тело ее. И когда несли мы, то один еврей по имени Иофония, могучий телом, подскочив, хотел сбросить на землю одр, который несли апостолы. И тогда ангел Господень невидимой силой мечом огненным отсек обе руки ему по самые плечи, и сотворил так, что остались они висеть в воздухе подле одра. И когда свершилось это чудо, воскликнули все находившиеся тут люди иудейские, видя, что «поистине истинен Бог, родившийся из тебя, Богородица, вечнодевая Мария». И сам тот Иофония, чтобы увидели все чудеса Божьи, по повелению Петра, поднявшись с земли, пошел вслед за одром, вопя: «Святая Мария, родившая Христа, помилуй меня!». Обернувшись, сказал ему Петр: «Во имя родившегося от нее пусть пристанут к телу руки твои отрубленные!». И тотчас, по слову Петра руки, висевшие на одре Богородицы, отпали и пристали к Иофонии на своем месте. И уверовал он и прославил Христа Бога, родившегося от нее, ему же слава и владычество с Отцом и со Святым Духом и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

ХОЖДЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ ПО МУКАМ

Подготовка текста, перевод и комментарии М. В. Рождественской

ВСТУПЛЕНИЕ

Известное «Хождение Богородицы по мукам», о котором упоминает Иван Карамазов в романе Достоевского, сохранилось в большом количестве русских списков, старейший из которых датируется XII в. Греческий текст апокрифа возник, по общему мнению исследователей, в IV—V вв., а славянский перевод известен, по-видимому, уже с XI в. В XVII—XVIII вв. памятник активно переписывался и переделывался в старообрядческой среде. Выделяют несколько редакций «Хождения», история текста которых полностью не изучена. Роль Богородицы как заступницы рода человеческого перед Богом традиционна для древнерусского искусства и христианского фольклора. В «Хождении» эта роль особо подчеркнута: полная сострадания к грешникам Богородица трижды молит своего Сына о даровании им хотя бы временного покоя от невыносимых посмертных мучений. В ее мольбах звучит сомнение в Божеской справедливости и милосердии по отношению к мученикам. В подобной роли Богородица выступает и в более поздних древнерусских сочинениях, например в «Видении некоему мужу духовному», созданном в эпоху Смутного времени. Подвижная вопросо-ответная форма «Хождения» построена на диалоге Богородицы с архангелом Михаилом, который проводит ее по аду, показывая различные «муки» грешников. Такая форма позволяла русским переписчикам этого текста добавлять к нему новые эпизоды, вводить новых персонажей и даже социально характеризовать их, в зависимости от того, в какой среде книжников переписывался апокриф. В древнерусском тексте апокрифа среди других грешников мучаются и язычники за то, что они при жизни обожествляли силы природы, поклонялись богам Трояну, Хорсу, Велесу и Перуну. Эти славянские имена сохранились в старейшем русском списке «Хождения». Тема «Хождения Богородицы по мукам» нашла отклик и в русских духовных стихах, где архангел Михаил часто как покровитель и начальник небесного воинства и как страж смерти перевозит грешные души через огненную реку на тот свет.

Этот потусторонний мир в «Хождении» — особое пространство, определяемое странами света, по которому проходит Богородица со своим провожатым, сопровождаемая сонмом ангелов, херувимов и серафимов. Апокриф издавался неоднократно. Последнее по времени издание его русского перевода см.: Апокрифы Древней Руси. Тексты и исследования. (Отв. ред. и составитель В. В. Мильков). Серия «Общественная мысль: исследования и публикации». Там же обстоятельный историко-философский комментарий к переводу. В настоящем издании «Хождение Богородицы по мукам» печатается по списку нач. XVII в., опубликованному А. Н. Пыпиным в Памятниках старинной русской литературы, вып. 3. СПб., 1862. С. 118—124, так как древнейший список (РГБ, ф. 304, собр. Троице-Серг. Лавры № 12), к сожалению, дефектен: в нем отсутствует начало и есть пропуски в тексте. Список в издании А. Н. Пыпина сохранил полный текст апокрифа. Он сопоставлен (и восполнен в отсутствующих фрагментах) с древнейшим списком.

ОРИГИНАЛ

ХОЖДЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ ПО МУКАМЪ

Хотѣ святая Богородица помолитися къ Господу Богу нашему на горѣ Елионстей: во имя Отца и Сына и Святаго Духа, да снидетъ архангелъ Михаилъ, да повѣсть о муцѣ небеснѣй и о земнѣй. Слово возвѣщавши, сниде архангелъ Михаилъ и 400 ангелъ съ нимъ: 100 отъ востока, 100 отъ запада, 100 отъ полудни, 100 отъ полунощь. И цѣлова Благодатную Михаилъ со ангелы и рече: «Радуйся, Отче исполнение; радуйся, Сыновне пребывание; радуйся, Святаго Духа похвало; радуйся Христови... и утвержение; радуйся, Давидово пророчение; радуйся, святое поклонение; радуйся, пророчьска проповѣдания; радуйся, превышняя всѣхъ у престола Божия».

Рече же Благодатная ко архангелу Михаилу: «Радуйся ты, архистратиже, первый воинъ, невидимаго Отца служителю и свѣтильниче; радуйся, Михаиле, первый воинъства, Святаго Духа повелѣние; радуйся архистратиже, шестокрылству похвало; радуйся, Михаиле архистратиже, мучителемъ попрание, а престолу Владыкы достоино стоиши; радуйся, Михаиле, просвѣщения никакогоже угасая; радуйся, архистратиже, первыи воине, хотя вострубити и убидити отъ вѣка умершая; радуйся, Михаиле, первыи всѣмъ небеснымъ силамъ, первыи же и до престола Божия вся ангели прославльшаго».

Богородица, хотящи, дабы видѣла, како ся душа мучать, и рече Михаилу архистратигу: «Исповѣмся, исповѣждь ми, яже суть на земли всяческая». И рече к ней Михаилъ: «Яко же (...) речеши, Благодатная, азъ всяческая тебѣ исповѣмъ». И рече къ нему Святая Богородица: «Колко есть мукъ, идѣже мучится родъ христьянскии?» И рече къ ней архистратигъ: «Неизрекомыи суть мукы». Рече же къ нему Благодатная: «Исповѣжь ми на небеси и на земли».

Тогда повелѣ архистратигъ явитися ангеломъ отъ полудне, и отверзеся Адъ, и видѣ во Адѣ мучащаяся, и бяше ту множество мужъ и женъ, и вопль много бяше. И воспроси Благодатная архистратига: «Кто си суть?» И рече архистратигъ: «Сии суть, иже не вѣроваша во Отца и Сына и Святаго Духа, но забыша Бога и вѣроваша юже ны бѣ тварь Богъ на работу сотворилъ, того они все боги прозваша: солнце и мѣсяць, землю и воду, и звѣри и гади, то святѣи человѣкы, камени ту устроя, Трояна, *Хърса*, Велеса, Перуна, но быша обратиша бѣсомъ злымъ и вѣроваша, и доселѣ мракомъ злымъ содержими суть, того ради здѣ тако мучатся...».

И видѣ на друзѣмъ мѣстѣ тму велику, и рече Святая Богородица: «Что сии есть тма сии, и кто суть пребывающи въ ней?» И рече архистратигъ: «Многи душа пребываютъ въ мѣстѣ семъ». И рече Святая Богородица: «Да отымется тма сии, да быхъ видѣла и ту муку». И отвѣщаша ангели, стрегущии муку: «*Пореченно* есть, да не видять свѣта, дондеже явится Сынъ твои благыи, паче 7 солнцъ свѣтлийши». — И прискорбна бысть Святая Богородица, и ко ангеломъ возведе очи свои, и возрѣвъ на

невидимыи престолъ Отца Своего, и рече: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, да отимется тма сии, и да быхъ видѣла сию муку». И отъятся тма си и 7 небесъ явися, и ту пребываше множство народу, мужъ и женъ, вопль многии бысть и гласъ велик (...) исхожаше. И видѣвши я Пресвятая Богородица, и рече къ нимъ, плачющися со слезами: «Что сотворили есте, бѣдницы окаянии, недостойнии, како вы сѣмо приидосте?» И не бысть гласа отъ нихъ, ни отвѣта, и рекоша ангели стрегуще: «Почто не глаголите?» Рекоша мучащиися: «О Благодатная, отъ вѣка нѣсмь свѣта видѣли, да не можемъ зрѣти горѣ». И возрѣвши на ня Святая Богородица, и восплакася велми. И видѣвши ю мучащиися, и рекоша къ ней: «Како ны еси присѣтила, Святая Богородица, но Сынъ твой благодатныи на землю приходитъ, и не воспроси насъ, то ни Авраамъ прадѣдъ, ни Моисѣи пророкъ, ни Иоаннъ креститель, то ни апостолъ Павелъ, возлюбленникъ Божии, но ты, Пресвятая Богородице, заступнице, — ты еси роду христьянскому стѣна, ты молишь Бога, како еси насъ присѣтила бѣдныхъ?» Тогда рече Святая богородица ко архистратигу Михаилу: «Что есть согрѣшение техъ?» И рече Михаилъ: «Сии суть, иже не вѣроваша во Отца и Сына и Святаго Духа, то ни въ тя, Святая Богородица, не хотяща проповѣдати имени твоего, якоже родися отъ тебе нашъ Исус Христос, плоть приимъ, освяти землю крещениемъ, — да того дѣля въ томъ мѣстѣ мучатся». И паки прослезися Святая Богородица и рече къ нимъ: «Почто ся соблазнисте, не вѣсте ли вы, якожъ мое имя чте все создание?»

То рекше Святая Богородица, и паки тма нападе на нихъ. Рече къ ней архистратигъ: «Куды хощешь, Благодатная, да изидемъ на полудне, или на полунощь?» И рече Благодатная: «Изыдемъ на полудни». Тогда обратишася херувимы и серафимы и 400 ангелъ, изведоша Богородицу на полудьнь, идѣжь рѣка огненая жжаше, и ту бяше множство мужъ и женъ, бяху погружении ту, овии до пояса, овии до пазуху, овии до шия, а друзии до верха.

И видѣвше Святая Богородица, возопи гласомъ великимъ, и воспроси архистратига: «Который суть си, иже до пояса во огни погружении?» И рече къ ней архитратигъ: «Се суть, иже отецъ и матерей своихъ клятву прияша, да за то здѣ мучатся, яко прокляти суть». И паки рече Богородица: «Иже суть подъ пазусѣ въ огни, котории суть?» И рече къ ней архистратигъ: «Сия суть присныя куми были, карящеся, и другия блудъ творяху, да за то ти здѣ мучатся». И рече Пресвятая Богородица: «А иже суть до шия во пламени огню, котории суть?» И рече къ ней архангелъ: «Сии суть, иже мяса ядшая человѣча, да за то ти здѣ мучатся тако». Рече Святая Богородица: «А сии до верха суть ввержении во пламени огню, которыи суть сии?» И рече архистратигъ: «Си суть, Госпоже, иже крестъ честныи держаще, кленутся лжами, — таковыми силы честнаго креста, егоже ангели зряще трепещутъ и со страхомъ поклоняются ему. Того жъ человѣцы держаще, кленутся имъ, не вѣдуще, какова мука ожидаетъ ихъ: того ради тако мучатся».

И увидѣ Святая Богородица мужа, висяща за нози, и червии ядяху его, и воспроси ангела: «Кто сей есть? что ли грѣхъ сотворилъ есть?» И рече къ ней архитратигъ: «Сии есть, иже приклады имаше на злато свое и на сребро, да за то на вѣки мучится».

И видѣ жену, висящу за зубъ, и различныя змия исхожаху изо устъ ея и ядяху ея. И видѣвши Пресвятая, и воспроси ангела: «Что есть жена сии, что ли грѣхъ ея?» И отвѣща архистратигъ и рече: «Та есть, Госпоже, еже хожаше по ближная своя и по сусѣдомъ, послушающи, что глаголютъ, и слагающи словеса неприязнена, сважающии на сварѣ, да того ради сице мучится». И рече святая Богородица: «Добро было человѣку тому, да ся бы не ражалъ». И рече къ ней Михаилъ: «И еще, Святая Богородица, нѣсть видѣла великихъ мукъ». И рече Святая ко архистратигу: «Изыдемъ да походимъ, да видимъ вся муки». И рече Михаилъ: «Куды хощеши, Благодатная?» И рече Святая: «На полунощь». И обратишася херувими и серафими и 400 ангелъ, изведоша Благодатную на полунощъ. И бысть облакъ огненъ распростертъ, посреди его одрове, яко пламеныи огнь, и на нихъ лежаше множство мужъ и женъ. И видѣвши Святая, и воздохнувъ, и рече ко архистратигу: «Кто си суть, что суть согрѣшили?» И рече архистратигъ: «Сии суть, Госпоже, иже во Святую недѣлю на заутреню не воставають, но лѣнящеся лежатъ, яко мертви, да за то тѣ мучатся». И рече Святая Богородица: «Да аще кто не можетъ стати, да что сотворили?» И рече Михаилъ: «Послушаи, Святая, аще кому загорится храмина на четверо, и обыдеть и огнь и згоритъ не мога востати, таковъ не имать грѣха».

И видѣ на друзѣмъ мѣстѣ столы огнены и на нихъ множство народу мужъ и женъ, згараху на нихъ, и воспроси архистратига Святая (...) «иже поповъ не чтуть, то ни встають имъ и егда приходять оть церкви Божии, да того ради мучатся».

И увидѣ Святая Богородица древо желѣзно, имѣюще отрасли и витвии желѣзныи, и вершие вѣтвия того имѣяше уды желѣзныя, и бяше множство висящии, мужъ и женъ, за языки. И видѣвши Святая, прослезися и воспроси Михаила: «Кто си суть, что ли согрѣшении ихъ?» И рече архистратигъ: «И се суть клеветницы и свадницы, иже разлучиша брата отъ брата и мужъ отъ женъ своихъ». И рече Михаилъ: «Послушаи, Пресвятая, да ти азъ скажу и о сихъ: аще кто хотяше креститися и покаятися грѣховъ своихъ, то ти разглаголаху и не поучаху спасению, да того ради тако мучатся на вѣкъ».

И видѣ Святая на друзѣмъ мѣстѣ висяща мужа за четверо, за вся края ноготь его, исхожаше кровь велми зѣло, и языкъ его вязашеся отъ пламени огненаго, не можаше воздохнути, ни рещи: «Господи, помилуй мя». И видѣвши его, Пресвятая Богородица, и рече: «Господи, помилуй», 3-ю и сотвори молитву. И приде къ ней ангелъ, иже обладаше муками, отрѣшити языкъ мужеви тому. И воспрси Святая: «Кто се есть бѣдныи человѣкъ, приемля сию муку?» И рече ангелъ: «Се есть икономъ и церкви служитель, и не творя воля Божия, но да продаяше сосуды, имѣние церковное, и глаголаша: иже церкви работаеть, то отъ церкви питаеться, и того ради мучится здѣ». И рече Святая: «Якоже есть сотворилъ, тако приемлетъ». И паки ему ангелъ связа языкъ.

И рече архистратигъ: «Поди, Госпоже, да ти покажу, гдѣ мучать ерѣи», и видѣ попы висяща отъ краи ногти, исхождаше огнь отъ тѣмяни ихъ и опаляше я. И видѣвши Пресвятая, и рече: «Кто си суть, что ли

согрѣшеньи ихъ?» И рече Михаилъ: «Си суть литоргии служители и предстоящи престолу Божию и достоинии ся творящи, да егда проскомисаху просвиру, и не храняху, и роняху крупицы на землю, яко звѣзды Божия: тогда страшный престолъ колебашеся, и подножие Божие трепеташе, да того ради тако мучатся».

И видѣ Святая мужа, змии крылатъ имѣющь 3 главы, едина же бѣ глава ко очима мужа, а 2-я ко устомъ его. И рече архистратигъ: «Се есть бѣдныи человѣкъ, яко не можетъ отдохнути отъ змию сего». И рече архистратигъ: «Се есть, Госпоже, и святыя книги прочиташе и евангелия, а самъ не послушаше; люди учаше, а самъ не творяше воля Божия, блудомъ и всѣмъ безакониемъ».

И рече архистратигъ силы господня: «Поди, Пресвятая, да ти покажу, гдѣ ся мучитъ чинъ ангельски и апостольски». И увидѣ Святая, гдѣ лежаху на пламени огненемъ и ядяше ихъ червь не усыпая. И рече Святая: «Кто си суть?» И отвѣща Михаилъ: «Сии суть, иже образъ ангельски носять и апостольски, на земли величающися, патриархи и епископи, славнии имены, и словяху: благословити отцы святии, но на небеси не звашеся святии, не сотвориша бо, яко бо ангельски и апостольски образъ носиша, да того ради тако мучатся».

И видѣ Пресвятая жены висяща за вся ногти и пламени исхожаше изо устъ ихъ и опаляше вся, и змия исхожаше изъ пламени того и прилѣпяху къ нимъ, и вопияху, глаголаше: «Помилуйте насъ, яко мы едины мучимся паче всѣхъ мукъ». И рече Святая, прослезившися: «Что есть согрѣшении тѣхъ?» И рече архистратигъ: «То суть попадьи, иже поповъ своихъ не почтоша, и по смерти ихъ идоша за мужъ, да того ради мучатся».

И видѣ другия жены во огни лежаша и различныя змия ядяху ихъ, и рече Святая: «Что согрѣшение ихъ?» И отвѣща Михаилъ: «То суть монастыря черницы, яже тѣлеса своя продаша на блудъ, да того ради здѣ мучатся».

И рече архистратигъ: «Поди, Пресвятая, и покажу ти, гдѣ ся мучитъ множство грѣшникъ». И видѣ Святая рѣку огненую.и видѣние рѣки тоя яко кровь текущи, и пояда всю землю, и посредѣ волны тоя множство грѣшникъ. И видѣвши Богородица прослезися и рече: «Что есть согрѣшение ихъ?» Рече архистратигъ: «То суть блудницы и любодѣицы, татие, иже послушають отаи, что суть ближнии глаголють, свадницы и клеветницы, иже чужие нивы ужинаху, или урояху, иже брени си остани дожидають, иже ядять труды чюжы, и малжены разлучаютъ, пьяницы, иемилостиви князи, епископи и патриарси, и цари, иже не сотвориша воля Божия, сребролюбци, иже лихву емлють, беззаконницы». Слышавше то, Пречистая Богородица прослезися и рече: «О лютѣ грѣшникомъ!» и рече ко архистратигу: «Тяжко согрѣшающимъ, да бы ся не ражали!»

И рече къ ней Михаилъ: «Почто ся плачеши, Святая? Нѣси ли видѣла великъ мукъ?» И рече Пресвятая: «Поведи мя, да вижю вся мукы». И рече къ ней Михаилъ: «Куды хощеши, Благодатная, да изыдемь на

востокъ или на западъ, или в раи, на десно или на лѣво, идѣже суть великия муки?» И рече Пресвятая: «Изыдемъ на лѣвую страну». Слово рѣкше Пресвятѣй, и обратишася херувими и серафими и 400 ангелъ, изведоша Пресвятую отъ востокъ на лѣвую страну, и близъ тоя рѣки бяше тма мрачна: ту лежаше множство мужъ и женъ, и клоктаху яко въ котлѣ и яко морския волны, и ображаются надъ грѣшники, да егда волны возхождаху, и погружаху грѣшники 1000 локоти, не можаху рещи: «Праведный судья, помилуи ны». Ядяше же червии неусыпаяи, и скрежетъ зубомъ. И видѣвше Пресвятую ангели стрегуще, и возопиша вси едины усты, глаголюще: «Святъ, святъ, святъ еси, Боже святый, и ты, Богородице, благословимъ тя и Сына Божия, родившагося отъ тебе, яко бо отъ вѣка ие видѣхомъ свѣта, и днесь видимъ свѣтъ тебе ради, Богородице». И паки возопиша вси единѣмъ гласомъ, глаголюще: «Радуйся, Благодатная Богородице; радуйся, просвѣщение свѣта вѣчнаго; радуйся, святыи архистратиже Михаиле, моляся Владыцѣ за весь миръ, мы убо видимъ грѣшныя мучащияся, и зѣло скорбимъ».

Видѣвши Богородица ангелы скорбныи и уныли грѣшникъ ради, и возплакася Пресвятая, и возопиша вси единымъ гласомъ, глаголюще: «Добрѣ есте пришли во тму сию, да ны видить како ны есть мука; помолись, Пресвятая, со архистратигом». И слыша плачъ и гласъ грѣшныхъ, воздвигоша плачъ свои, вопиюще и глаголюще: «Господи, помилуй ны», да яко опростиша молитву, уставися буря рѣчная и волны огненыя, и явишася грѣшницы, яко зерна горюшична. И видѣвши Святая, прослезися и рече: «Что есть рѣка си и волны ея?» И рече къ ней архистратигъ: «Сии рѣка вся смолена, а волны ея вся огнены, а иже ся мучатъ, то суть жидове, иже мучиша Господа нашего Исуса Христа, Сына Божия, и вси языцы, иже крестишася во имя отца и сына и святаго духа, иже крестьяне суще, ти вѣруютъ въ дѣмоны и отвергошася Бога и святаго крещения, и еже блудъ створиша по святомъ крещении, и съ кумы (...) своими и съ матерьми своими и со щерьми своими, и отравницы, иже ядями уморяютъ человѣки, и оружьемъ убиваютъ человѣки, и давятъ дѣти своя, и того ради мучатся противу дѣломъ своимъ». И рече Святая: «По дѣломъ ихъ буди тако!» И паки наиде на ня бурна рѣка и огнена волны, и тма покры я. И рече Михаилъ к Богородицы: «Аще ся кто затворитъ во тмѣ сей, нѣсть памяти о немъ отъ Бога». И рече Пресвятая: «О лютѣ грѣшникомъ, яко неусыпаемыи есть пламы огня сего!»

И рече къ ней архистратигъ: «Поди, Пресвятая, да ти покажу озеро огнено, да видиши, гдѣ мучатся родъ христьянскии». И видѣ, и услыша плачъ и вопль отъ нихъ, а онѣхъ не бѣ видѣти, и рече: «Котории си суть, что ли согрѣшение ихъ есть?» И рече къ Ней Михаилъ: «Сии суть, иже крестишася и крестъ словомъ нарицаху, а дияволя дѣла творяще: и погубиша время покаянию, и того ради мучатся тако здѣ».

И рече Пресвятая ко архистратигу: «При единои молитвѣ молютися, да вниду и азъ, да ся мучу со крестьяны, и понеже нарекошася чада сына моего». И рече архистратигъ: «Почиваи въ раи». И рече Пресвятая: «Молю ти ся, и подвигни воинства 7-ми небесъ и вся воинства ангели, да ся помолимъ за грѣшники, не бы ли насъ услышалъ Господь Богъ и помиловалъ ихъ».

«Живъ господь Богъ, имя его велико, 7-жды на день и 7 на нощь, егда хвалу приносимъ Владыцѣ и за грѣшники, Госпоже, Господеви поклоняемся, да ни худѣ насъ послушаетъ владыка». И рече Пресвятая Богородица: «Молим ти ся, повели ангельскому воинству, и вознесете мя на высоту небесную и поставите мя предъ невидимымъ Отцемъ».

И повелѣ архистратигъ, и предсташа херувими и серафими, и вознесоша Благодатную на высоту небесную, и поставиша ю предъ невидимымъ Отцемъ у престола, и воздѣ руцѣ свои ко благодатному Сыну своему, и рече: «Помилуи, Владыко, грѣшныя, яко видѣхъ я, и не могу терпѣти, да ся мучю и азъ со крестьяны». И прииде гласъ къ ней, глаголя: «Како хощу тыя помиловати? А вижу гвоздия во дланехъ сыну моему, да не имамъ я како тѣ помиловати». И рече: «Владыко, не молюся за невѣрныя жиды, но за крестьяны молю твое милосердие». И прииде гласъ, глаголя: «Азъ вижу, яко братия моея не помиловаша, да нѣсть ми како тѣхъ помиловати». И рече паки Пресвятая: «Помилуй, владыко, грѣшныя; помилуй, Господи, тварь руку своею, яко по всей земли твое имя нарицають и въ мукахъ и на всякомъ мѣстѣ, *и по всей земли* глаголюще: “Пресвятая Госпожа Богородице, помогаи намъ”, и егда ражается человѣкъ, и глаголетъ: “Святая Богородице, помози ми”». Тогда рече къ ней Господь: «Послушай, Пресвятая Богородице, Владычице, — нѣсть того человѣка, иже не молить имени твоего; азъ же не оставляю тѣхъ то ни на небеси, ни на земли».

И рече Пресвятая Богородица: «Гдѣ есть Моисѣи пророкъ, гдѣ ли суть вси пророцы, и вы, отци, иже грѣха не сотвористе николиже; гдѣ ли Павелъ возлюбленикъ божий; гдѣ есть недѣля, похвала христьянская; гдѣ ли есть сила честнаго креста, иже Адама и Евгу отъ клятвы избави?» Тогда Михаилъ *архистратигъ* и вси ангели рекоша: «Помилуй, Владыко, грѣшныя». Тогда Моисѣи возопи, глаголя: «Помилуй, Владыко, *яко* азъ законъ твой дахъ имъ». Тогда Иоаннъ возопи, глаголя: «Помилуй, Владыко, азъ Евангелие твое проповѣдахъ имъ». Тогда Павелъ возопи, глаголя: «Помилуй, Господи Владыко, яко азъ епистолья твоя принесохъ церквамъ». И рече Господь Бог: «Послушайте вси вы: аще по Евангелию моему или по закону моему, и аще есть по евангельскому проповѣданию, еже проповѣдаше Иоаннъ, епистольямъ, яже принесъ Павелъ, то тако судъ приимутъ, — имѣеши чсо ради рещи ангели, толико “Помилуй Господи — праведны еси”». И рече Пресвятая Богородица: «Помилуй, Владыко, грѣшныя, яко ти Евангелие прияша и законъ твой сохраниша». Тогда рече къ ней Господь: «Послушай, Пресвятая, аще кто тѣхъ сотвори зло, но не каются ни отъ работы, да добрѣ глаголеши, яко закону твоему поучишася, и паки сотвориша злое, егда не отдаша злаго, азъ что да реку, яко есть речено, подасть тѣмъ противу злобѣ ихъ». Тогда вси святии, слышавше Владыку глаголюще, не смѣша что отвѣщати.

И видѣвше Пресвятая, яко вси не успѣша ничтоже и Господь святыхъ не послуша, но удаляетъ милость свою отъ грѣшникъ, и рече Пресвятая: «Гдѣ есть архистратигъ Гаврилъ, иже возвѣсти мнѣ, — радуися, якоже преже всѣхъ вѣкъ внемляше Отца, — и нынѣ на грѣшники не призираеть; гдѣ есть велики, иже градъ носить на версѣ своемь и на единой земли, за неприязнена дѣла человѣческая искаляна

бысть земля, — и посла Господь Богъ Сына Своего и утверди плодъ земьныи; гдѣ суть служители престолу, гдѣ есть Иоаннъ Богословецъ? почто не явистеся съ нами на мольбу Владыцѣ за крестьяныя грѣшники? Не видите ли мене плачющуся за грѣшныя? Приидѣте вси ангели и сущии на небесѣхъ; приидѣте вси праведнии, яже Господь оправди, и вамо дано есть молитися за грѣшныя. Прииди ты, Михаиле, — ты еси первый безплотнымъ и до престола Божия, — повели и всѣмъ, да припадемъ предъ невидимымъ Отцемъ, и не подвижемъ себе, дондеже послушаетъ насъ Богъ и помилуетъ грѣшныя». Тогда падеся Михаилъ ницъ лицемъ своимъ предъ престоломъ, и вся лики небесныя, и вси чини безплотныхъ. И видѣ Владыка молбу святыхъ, умилосердися Сына ради своего единороднаго, и рече: «Сниди, Сынъ мой возлюбленный, виждь молбу святыхъ, и яви лице свое на грѣшники».

И сшедъ Господь отъ невидимаго престола, и увидѣша и во тмѣ сущии, и возопиша вси единымъ гласомъ, глаголюще: «Помилуй ны, Сыне Божий; помилуй ны, цьсарю всѣхъ вѣкъ». И рече Владыка: «Слышите вси, рай насадихъ и человѣка создахъ по образу своему и поставихъ и господина раеви, и животъ вѣчный дахъ имъ, они же ослуху створиша и въ своемъ хотѣнии согрѣшиша, и предашась смерти; азъ же не быхъ хотѣлъ обозрити дѣла руку своею мучима отъ Диявола, снидохъ на землю и воплотихся во дѣвицу, и вознесохся на крестъ, да свобожу ся отъ работы и отъ первыя клятвы; воды испросихъ, и даша ми желчи со оцетомъ смѣшено; руцѣ мои создаста человѣка, и во гробъ вложиша мя; да и во Адъ снидохъ и врага своего попрахъ, избраны своя воскресихъ, Иорданъ благословихъ, да вы прощу отъ первыя клятвы, — и вы не брегосте покаятися грѣховъ своихъ, но крестьяне ся творяще словомъ точию, а заповѣдей моихъ не соблюдосте; да того ради обрѣтостеся во огни негасимомъ, да не имамъ васъ помиловати. Нынѣ же за милосердие Отца моего, яко посла мя къ вамъ, и за молитвы матери моея, яко плакася много за васъ, и за Михаила архистратига завѣту и за множство мученикъ моихъ, яко многа трудишася за васъ, и се даю вамъ *мучащимся* день и нощь отъ Великаго четверга до святыя Пянтикостия, имѣте вы покои и прославите Отца и Сына и Святаго Духа». И отвѣщаша вси: «слава милосердию твоему».

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

ПЕРЕВОД

ХОЖДЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ ПО МУКАМ

Святая Богородица хотела помолиться Господу Богу нашему на горе Елеонской, чтобы во имя Отца и Сына и Святого Духа сошел архангел Михаил и поведал о муке, небесной и земной. И когда известили о слове этом, архангел Михаил сошел с небес, и четыреста ангелов с ним: сто с восточной стороны, сто — с западной, сто — с южной, сто — с северной. И приветствовали Благодатную Михаил и ангелы, и сказал архангел: «Радуйся, завершение Отца; радуйся, обитель Сына; радуйся, похвала Святого Духа; радуйся, Христово… и утверждение; радуйся,

Давидово пророчество; радуйся, святое поклонение; радуйся, пророками провозглашенная; радуйся, стоящая всех выше у престола Божьего».

Ответила Благодатная архангелу Михаилу: «Радуйся ты, архистратиг, первый воин, служитель невидимого Отца и светильник; радуйся, Михаил, первый в воинстве, повеление Святого Духа; радуйся, архистратиг, похвала серафимам; радуйся, Михаил-архистратиг, побеждающий мучителей, а пред престолом Владыки достойно стоящий; радуйся, Михаил, свет непрестанный; радуйся, архистратиг, первый воин, хотевший вострубить и разбудить мертвых от века; радуйся, Михаил, главный над всеми небесными силами, первый, кого прославили до престола Божьего все ангелы».

Богородица хотела увидеть, как мучаются души человеческие, и сказала архистратигу Михаилу: «Поведай мне обо всем, на земле сущем». И ответил ей Михаил: «Что (...) просишь, Благодатная, я все тебе расскажу». И спросила его Святая Богородица: «Сколько мук, какими мучится род христианский?» И ответил ей архистратиг: «Не назвать всех мук». Попросила его Благодатная: «Расскажи мне, какие они на небесах и на земле?»

Тогда архистратиг велел явиться ангелам с юга, и разверзся Ад, и увидела Богородица мучающихся в аду, и было тут множество мужей и жен, и вопили они. И спросила Благодатная архистратига: «Кто это такие?» И ответил архистратиг: «Это те, кто не веровали в Отца и Сына, и Святого Духа, забыли Бога и веровали в то, что сотворил нам Бог для трудов наших, прозвав это богами: солнце и месяц, землю и воду, и зверей и гадов; все это те люди сделали из камней, — Траяна, Хорса, Белеса, Перуна в богов превратили, и были одержимы злым бесом, и веровали, и до сих пор во мраке злом находятся, потому здесь так мучаются...»

В другом месте она увидела тьму великую, и спросила Святая Богородица: «Что это за тьма такая и кто находится там?» И ответил архистратиг: «Много душ пребывает в том месте». И сказала Святая Богородица: «Пусть разойдется тьма, чтобы видела я и те мучения». Ангелы, стерегущие их, отвечали: «Сказано, что не увидят они света, пока не явится твой благостный Сын, светлее, чем семь солнц». Огорчилась Святая Богородица, подняла на ангела свои глаза и, взглянув на невидимый престол Своего Отца, сказала: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа пусть рассеется тьма сия, чтобы я видела это мучение». И распалась тьма, и показалось семь небес, и было тут множество народу, мужей и жен, (...) и доносился вопль сильный и плач. Увидев их, Пресвятая Богородица воскликнула со слезами: «Что вы сделали, несчастные, окаянные, как попали вы сюда, недостойные?» Но ни голоса, ни ответа не слышно было, и сказали ангелы, стерегущие их: «Почему не отвечаете?» Тогда мученики сказали: «О Благодатная, мы никогда света не видели, не можем смотреть наверх». Святая Богородица взглянула на них и горько заплакала. И увидели мученики ее, и сказали Ей: «Почему ты пришла к нам, Святая Богородица? твой Сын благодатный приходил на землю и не спросил нас ни о чем, ни

прадед Авраам, ни пророк Моисей, ни Иоанн Креститель, ни апостол Павел, божий любимец, но ты, Пресвятая Богородица, заступница, ты, стена роду христианскому, молишь Бога, как же ты пришла к нам, бедным?» Тогда спросила Святая Богородица у архистратига Михаила: «В чем их грех?» И ответил Михаил: «Это те, кто не верил в Отца и Сына и Святого Духа, и в тебя, Святая Богородица; они не хотели проповедовать имени твоего и что родился от тебя наш Иисус Христос, воплотился и освятил землю крещением — вот из-за этого и мучаются они там». И вновь заплакала Святая Богородица, и спросила их: «Почему вы впали в соблазны, разве не знаете, что вся тварь чтит мое имя?»

Прорекла это Святая Богородица, и снова застлала их тьма. Архистратиг спросил ее: «Куда хочешь теперь, Благодатная, на юг или на север?» И ответила благодатная: «Пойдем к югу». Тогда повернулись херувимы и серафимы и четыреста ангелов, привели Богородицу на южную сторону, где протекала огненная река, там было множество мужей и жен, все погружены в реку — одни до пояса, другие до подмышек, третьи по шею, а иные с головой.

Увидев их, Святая Богородица заплакала громким голосом и спросила архистратига: «Кто это, по пояс в огонь погруженные?» И сказал ей архистратиг: «Это те, кого прокляли отцы и матери, за это здесь, проклятые, мучаются». Снова спросила Богородица: «А кто те, что до подмышек в огне?» И ответил ей архистратиг: «Это были близкие кумовья, а меж собой враждовали, а другие блуд творили, за это здесь и мучаются». И спросила Пресвятая Богородица: «А кто те, что по шею в огненном пламени?» И сказал ей архангел: «Это те, кто ел человеческое мясо, за то здесь и мучаются так». И спросила Святая Богородица: «А кто те, что с головой ввержены в огонь?» И ответил ей архистратиг: «Это те, Госпожа, которые, крест честной держа, ложно клялись силами честного креста, а даже ангелы при взгляде на него трепещут и со страхом поклоняются ему. Эти же люди, держа крест, клянутся на нем, не зная, какая мука их ожидает, потому-то так и мучаются».

И увидела Святая Богородица мужа, висящего за ноги, поедаемого червями, и спросила ангела: «Кто это? какой грех он совершил?» И сказал ей архистратиг: «Это человек, который получал прибыль за свое золото и серебро, за то он навеки мучается».

И увидела Богородица жену, подвешенную за зубы, разные змеи выползали из ее рта и поедали ее. Видя это, Пресвятая спросила ангела: «Что это за женщина, и в чем грех ее?» И отвечая, архистратиг сказал ей: «Эта женщина, Госпожа, ходила к своим близким и к соседям, слушала, что про них говорят, и ссорилась с ними, распуская сплетни; из-за этого и мучается». И сказала Святая Богородица: «Лучше бы такому человеку не родиться». Михаил сказал ей: «Еще не видела ты, Святая Богородица, великих мук». Святая сказала архистратигу: «Пойдем и увидим все муки». И сказал Михаил: «Куда ты хочешь идти, Благодатная?» Святая ответила: «На север». И, повернувшись, херувимы и серафимы и четыреста ангелов вывели

Благодатную на север. Там расстилалось огненное облако, а посреди него стояли раскаленные скамьи, и на них лежало множество мужей и жен. Увидев это, Святая вздохнула и сказала архистратигу: «Кто это такие, в чем согрешили?» Архистратиг сказал: «Это те, кто в Святое воскресение не встают на заутреню, ленятся и лежат, как мертвые, за это они мучаются». И сказала Святая Богородица: «Но если кто не может встать, то какой грех сотворили они?» И ответил Михаил: «Послушай, Святая, если у кого загорится дом с четырех сторон, и обойдет его огонь кругом, и сгорит этот человек, так как встать не сможет, то он не грешен».

В другом месте Богородица увидела огненные столы и горящих на них многих мужей и жен, и Святая спросила архистратига: (...) «те, кто попов не почитает, не встает им навстречу, когда они идут из церкви Божией, — из-за этого и мучаются».

И увидела Святая Богородица железное дерево, с железными ветвями и сучьями, а на вершине его были железные крюки, а на них множество мужей и жен, подвешенных за языки. Увидев это, святая заплакала и спросила Михаила: «Кто это, в чем их грехи?» И сказал архистратиг: «Это клеветники и сплетники, разлучившие брата с братом и мужа с женой». И сказал Михаил: «Послушай, Пресвятая, что я тебе скажу о них: если кто-то хотел креститься и покаяться в своих грехах, то эти клеветники отговаривали их и не наставляли их к спасению, за это они навек мучаются».

А в другом месте Святая увидела мужа, подвешенного за ноги и за руки с четырех сторон, за края ногтей его; он сильно исходил кровью, а язык его от огненного пламени скрутился, и не мог он ни вздохнуть, ни сказать: «Господи, помилуй меня». Глядя на него, Пресвятая Богородица сказала: «Господи, помилуй» — трижды — и сотворила молитву. К ней подошел ангел, владеющий муками, чтобы освободить этому человеку язык. И спросила его Святая: «Кто этот бедный человек, который так мучается?» И сказал ангел: «Это эконом и служитель церкви, он не волю Божию творил, но продавал сосуды и церковную утварь и говорил: “Кто работает в церкви, тот от церкви и питается”, поэтому он и мучается здесь». И сказала Святая: «Что заслужил, то и получает». И ангел снова связал ему язык.

И сказал архистратиг: «Пойдем, Госпожа, покажу тебе, где мучаются иереи», и она увидела попов, подвешенных за края ногтей, от их голов исходил огонь и опалял их. Увидев это, Пресвятая спросила: «Кто они и в чем согрешили?» И ответил Михаил: «Это те, кто служили литургию, и пред престолом Божьим предстояли, почитая себя достойными, а когда совершали проскомидию, не хранили просвиру, роняли крупинки ее, как звезды Божий, на землю, и тогда колебался страшный престол и подножие Божие дрожало, за то они теперь так мучаются».

И увидела Святая мужа и крылатого змея с тремя головами — одна голова была обращена к глазам мужа, а другая — к его губам. И сказал архистратиг: «Этот бедный человек не может отдохнуть от змея». И добавил архистратиг: «Он, Госпожа, и святые книги, и Евангелие

прочитал, сам не следовал им; учил людей, а сам не волю Божию творил, а жил в блуде и беззаконии».

И сказал предводитель господних сил: «Пойдем, Пресвятая, я покажу тебе, где мучается чин ангельский и апостольский». И Святая увидела, что они лежали, объятые огненным пламенем и поедаемые червем неусыпающим. Святая спросила: «Кто это такие?» И отвечал ей Михаил: «Это те, кто имеет образ ангельский и апостольский, на земле называются славными именами патриархов и епископов, и говорили им: “Благословите, отцы святые”; но на небесах они не звались святыми, так как не сделали ничего, чтобы иметь ангельский и апостольский образ, за это и мучаются так».

И увидела Пресвятая женщин, подвешенных за ногти, и пламя выходило у них изо рта и опаляло их, а змея выползала из пламени того и обвивала их; они вопили: «Помилуйте нас, так как мы одни мучаемся тяжелее всех». И, заплакав, спросила Святая: «В чем их грехи?» И ответил архистратиг: «Это попадьи, которые не почитали своих попов и после их смерти выходили замуж, поэтому и мучаются».

И увидела Богородица других женщин, лежащих в огне, поедаемых разными змеями, и спросила Святая: «В чем их грехи?» И ответил Михаил: «Это монастырские черницы, которые тело свое предавали блуду, потому здесь они мучаются».

И сказал архистратиг: «Пойдем, Пресвятая, я покажу тебе, где мучается множество грешников». И Святая увидела реку огненную, и словно кровь текла в той реке, которая затопила всю землю, а посреди ее вод — много грешников. Увидев это, Богородица прослезилась и сказала: «В чем их грехи?» Ответил архистратиг: «Это блудники и прелюбодеи, воры, тайно подслушивающие, что говорят близкие, это сплетники и клеветники, и те, кто пожинали чужие нивы и срывали чужие плоды, те, кто питается чужими трудами, разлучают супругов, пьяницы, немилосердные князья, епископы и патриархи, цари, не творившие волю Божью, сребролюбцы, которые берут проценты, беззаконники». Услышав это, Пречистая Богородица заплакала и сказала: «О горе грешникам!» И добавила архистратигу: «Лучше таким грешникам и не рождаться!»

И спросил ее Михаил: «Отчего плачешь, Святая? Разве ты не видела великих мучений?» И ответила Пресвятая: «Поведи меня, чтобы я увидела все мучения». И сказал ей Михаил: «Пойдем, Благодатная, куда хочешь, на восток или на запад, в рай, направо или налево, где великие мучения?» И ответила Пресвятая: «Пойдем на левую сторону». Сказала Пресвятая слово, и повернулись херувимы и серафимы и четыреста ангелов, вывели ее от востока в левую сторону, а около той реки была глубокая тьма: там лежало много мужей и жен, и вокруг клокотало, словно в котле и словно морские волны разбивались над грешниками, и когда волны вздымались, то погружались грешники на тысячу локтей, не в силах сказать: «Праведный судья, помилуй нас». Их непрестанно ели черви, и был слышен скрежет зубовный. И увидели Пресвятую в окружении ангелов, и вскричали в один голос: «Свят, свят,

свят, Боже Святый, и ты, Богородица, благословляем тебя и Сына Божия, родившегося у тебя, так как спокон века не видели света, а сейчас видим свет благодаря тебе, Богородица». И снова вскричали они все вместе: «Радуйся, Благодатная Богородица; радуйся, сияние света вечного; радуйся, святой архистратиг Михаил, молящийся Владычице за весь мир, мы же видим мучающихся грешников и сильно скорбим».

Богородица увидела, что ангелы печальны и грустны из-за грешников, расплакалась Пресвятая, и вскричали все в один голос: «Хорошо, что вы пришли в эту тьму увидеть нас и наше мучение; помолись, Пресвятая, с архистратигом». И, слыша плач и крик грешников, сама зарыдала, причитая и говоря: «Господи, помилуй нас», чтобы, когда кончила молитву, утихла речная буря и огненные волны, и явились грешники, словно семена горчичные. Увидев это, заплакала Святая и спросила: «Что это за река и волны ее?» И ответил ей архистратиг: «Это река вся смоляная, а волны ее все огненные, а те, кто в них мучается, это евреи, которые мучили господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия; это все народы, которые крестились во имя Отца и Сына и Святого Духа и, называясь христианами, веруют в демонов и отказались от Бога и святого крещения; здесь те, кто блуд творил после святого крещения с кумами своими (…) с матерями своими и дочерьми, и отравители, которые морят людей ядами, оружием убивают людей и удушают своих детей, за свои дела и мучаются они так». И сказала Святая: «Пусть будет так по заслугам их!» И снова залила их бурная река и огненные волны, и тьма покрыла их. И сказал Михаил Богородице: «Если кто попадет в эту тьму, не будет Бог помнить его». И сказала Пресвятая: «О горе грешникам в неугасимом пламени сего огня!»

И сказал ей архистратиг: «Пойдем, Пресвятая, я покажу тебе огненное озеро, где мучается род христианский». И она увидела и услышала их плач и вопль, а самих грешников не было видно, и спросила: «В чем грех тех, кто здесь находится?» И сказал ей Михаил: «Это те, что крестились и крест поминали, а творили дьявольские дела и не успевали покаяться, из-за этого они так мучаются здесь».

И сказала Пресвятая архистратигу: «Единственную молитву обращаю к тебе, чтобы и я могла войти и мучиться с христианами, потому что они назвались чадами сына моего». И сказал архистратиг: «Отдыхай в раю». И ответила Пресвятая: «Молю тебя, чтобы ты позвал воинство семи небес и все воинство ангелов для того, чтобы помолиться за грешников, и пусть услышит нас Господь Бог и помилует их».

«Жив Господь Бог, имя его величественно, мы поклоняемся Господу семижды днем и семижды ночью, когда хвалу возносим Владыке и за грешников просим, Госпожа, но нисколько нас не слышит Владыка». И сказала Пресвятая Богородица: «Молим тебя, вели ангельскому воинству вознести меня на небесную высоту и поставить перед невидимым Отцом».

И архистратиг повелел, и появились херувимы и серафимы, и вознесли Благодатную на высоту небесную, и поставили ее перед невидимым Отцом у престола; Богородица воздела руки к благодатному Сыну

своему и сказала: «Помилуй грешников, Владыка, так как я видела и не могу переносить их мучений, пусть буду и я мучиться вместе с христианами». И раздался голос, ей говоривший: «Как я помилую их? Вижу гвозди в ладонях сына моего, и не знаю, как можно их помиловать». И сказала Богородица: «Владыко, я не прошу за неверных иудеев, но прошу милосердия твоего для христиан». И раздался голос, говоривший: «Вижу, что братию мою не помиловали, и не могу тех помиловать». В снова сказала Пресвятая: «Помилуй, Владыко, грешников; помилуй, Господи, сотворенных твоими руками, потому что они по всей земле произносят твое имя, и в мучениях, и во всех местах по всей земле, говоря: “Пресвятая Госпожа Богородица, помоги нам”, и когда человек рождается, говорит: “Святая Богородица, помоги мне”». Тогда сказал ей Господь: «Послушай, Пресвятая Богородица, владычица, нет того человека, кто не молился бы имени твоему, и я не оставлю их ни на небесах, ни на земле».

И сказала Пресвятая Богородица: «Где пророк Моисей, где все пророки и вы, отцы, которые никогда не грешили; где Павел, божий любимец; где воскресение, христианская похвала; где сила честного креста, которая избавила Адама и Еву от проклятия?» Тогда архистратиг Михаил и все ангелы сказали: «Помилуй, Владыко, грешных». Тогда Моисей возопил, говоря: «Помилуй, Владыко, ведь я дал им закон твой». Тогда Иоанн вскричал, говоря: «Помилуй, Владыко, я твое Евангелие им проповедовал». Тогда и Павел возопил, говоря: «Помилуй, Господи Владыко, так как я церквам дал твое послание». И сказал Господь Бог: «Послушайте вы все: если по Евангелию моему или по закону моему и если по евангельской проповеди, которую провозгласил Иоанн, по посланиям, которые принес Павел, судить, — то такой суд и примут. И имеют ангелы, за что просить, только: “Помилуй, Господи, — праведны мы”». И сказала Пресвятая Богородица: «Помилуй, Владыко, грешников, так как они Евангелие приняли и закон твой сохранили». Тогда Господь сказал ей: «Послушай, Пресвятая, если кто-то из них сделал зло, но не покаялся в рабстве — а ты верно говоришь, что они закону твоему научились, — и снова они сделали зло, когда не отплатили им за зло, что говорю — уже сказано, и воздается им по злобе их». Тогда все святые, слышавшие Владыку, говорящего это, не смели ничего ответить.

И увидела Пресвятая, что никто ничего не достиг и Господь святых не послушал, но удаляет от грешников свою милость, и сказала Пресвятая: «Где архистратиг Гавриил, который возвестил мне: “Радуйся”, ведь он прежде всех услышал Отца, он теперь на грешников не смотрит; где великий, тот, кто носит город на вершине своей и на единой земле, а земля из-за гнусных человеческих дел испачкана, и послал Господь Бог своего Сына, и утвердил земной плод, где служители престола, где Иоанн Богослов? почему не молитесь с нами Владыке за христианских грешников? Разве вы не видите, что я плачу о грешниках? Придите все ангелы и все, кто на небесах; придите все праведные, кого оправдал Господь, вам позволено молиться за грешников. Приди и ты, Михаил, ты — первый среди бесплотных, стоящих у престола Божия, — вели всем припасть к невидимому Отцу, и не подымемся, пока не послушает нас Бог и не помилует грешников». Тогда Михаил пал ниц пред

престолом, и с ним все лики небесные и все чины бесплотных. И увидел Владыка моление святых, смилостивился ради Сына своего единородного и сказал: «Сойди, Сын мой возлюбленный, посмотри на моление святых и яви лицо свое грешникам».

И сошел Господь с невидимого престола, и его увидели сидящие во тьме, и возопили в один голос, говоря: «Помилуй нас, Сын Божий; помилуй нас, царь всех времен». И сказал Владыка: «Слушайте все. Я рай насадил и создал человека по образу своему, и сделал его хозяином рая, и дал им вечную жизнь, они же ослушались и в своем желании согрешили, и предались смерти; я не хотел видеть, как Дьявол мучает творение моих рук, сошел на землю и воплотился в деву, вознесся на крест, чтобы их освободить от рабства и от первого проклятия; просил воды, а дали мне желчи, смешанной с уксусом; руки мои создали человека, и они положили меня во гроб; и сошел я в Ад, победил своего врага, избранных своих воскресил, благословил Иордан, чтобы искупить ваше первое проклятие, а вы пренебрегли покаянием в грехах своих. Христианами вы называетесь только на словах, а заповедей моих не соблюдаете — поэтому и находитесь в огне негасимом, и не помилую вас. Теперь же ради милосердия моего Отца, который послал меня к вам, ради молитв матери моей, которая много плакала о вас, ради завета архистратига Михаила и ради многих моих мучеников, которые много страдали за вас, — я даю вам, мучающимся день и ночь, покой от Великого четверга до святой Пятидесятницы, прославьте Отца и Сына и Святого Духа». И все отвечали: «Слава милосердию твоему».

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

СКАЗАНИЕ О МАКАРИИ РИМСКОМ

Подготовка текста М. А. Салминой, перевод О. В. Творогова и М. А. Салминой, комментарии О. В. Творогова

ВСТУПЛЕНИЕ

Апокриф о Макарии Римском — древнерусский памятник, восходящий к греческому оригиналу. Он упоминается в индексах запрещенных книг начиная с XIV в. В апокрифе повествуется о странствиях трех иноков в поисках места, где небо «прилежит к земле». Они попадают в земли, населенные диковинными людьми и зверями, видят различные чудеса, столп, возведенный Александром Македонским, прикованного к горе гигантского мужчину, женщину, стоящую на краю пропасти, вокруг тела которой обвился страшный змей. В конце пути странники попадают в пещеру, где обитает отшельник — старец Макарий, которому прислуживают два льва. Макарий рассказывает инокам историю своей жизни и убеждает оставить попытки найти райскую землю. Путники возвращаются восвояси.

По мнению исследователей, еще на греческой почве произошло объединение двух сюжетов — жития аскета Макария, который устойчиво именуется Римским или римлянином (хотя в славянском тексте апокрифа о месте, где он родился и провел юные годы, не говорится), и рассказа о путешествии иноков в поисках земного рая.

Древнейший славянский перевод апокрифа — болгарский. Этот перевод представлен и русским списком XIV в. — РНБ, Кирилло-Белозерского собрания № 4/1081, положенным в основу издания. Пропуски основного списка восполняются по спискам той же библиотеки — ОЛДП О.234, 0.1.64 Основного собрания и № 805/915 Соловецкого собрания. По этим же спискам вносятся исправления в текст.

О изданиях памятника и истории его изучения см.: *Салмина М. А.* Апокриф о Макарии Римском // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1 (XI—первая половина XIV в.). С. 41—43.

ОРИГИНАЛ

СЛОВО О ТРЕХ МНИСѢХ, КАКО НАХОДИЛИ СВЯТОГО МОКАРЬЯ

Господи, благослови, отче!

Умилимся убо и мы убозии и недостойнии иноци Сергий, Теофиль, Югин. Вы же, отци и братья, слышите отрекшихся житья сего прелестного. Внидохомъ въ монастырь *отца нашего* Асклипия в Сепотамѣ Сурьстѣй межю двѣма рѣкама, единой имя Ефрантъ, а другой Тигръ. И отпѣвшимъ нам годину 9-ю, и сѣдохомъ 3-е на мѣсте поливнѣ.[1] И начахомъ другъ друга воспрашати о *пьстѣ* и о воздержаньи о мнишьстѣмъ. И вниде единому въ сердце умъ Божий, и рече Феофилъ братома своима къ Сергѣю и ко Угинови: «Хотѣлъ быхъ ходити живота своего и страньствовати по земли, да вижю гдѣ прилежит небо к земли». И рекоста оба брата Феофиле: «Тобе имавѣ во отца мѣсто и не останевѣ тобе». И тоя нощи изидохом из монастыря отаи. Идохомъ въ Ерусалимъ дни 16 и поклонихомъся Божию гробу и честному кресту. Идохом въ святый Вифлеомъ и поклонихомъся святѣй пещерѣ, идѣже родися Христосъ, и видѣхомъ звѣзду и кладязь водный. Идохомъ дале 2 поприща, обрѣтохом мѣсто, идѣже ангели пояху «Слава в вышнихъ Богу». И возвратихомъся, и взидохомъ на гору Елеоньскую, идѣже Христосъ взиде, и придохом въ Ерусалимъ, и створихом ту днии 12, ходяще по монастырем и молящеся Богу. И не надѣяхомъся возратити в мир ось. И обратихомъся на въсток солнца, идохом дни 8, и преидохом рѣку Тигръ, и внидѣхом в землю *Персию* на поля чиста, имянемъ Асия, идѣже убий святый Меркурей Ульяна Парвата.[2] И внидохом въ градъ, имянем Котисфонъ,[3] да в томъ граде лежать 3 отроци — Онанья, Озарья, Мисаилъ.[4] И поклонихомъся 3-мъ отроком, и славихомъ Бога, проведшему землю Персию. И *внидохомъ* в землю Индию 4-рми денми,

обрѣтохъ кровъ единъ индѣескъ празденъ, не имуще человѣка. И, влѣзъше, прилежахомъ ту. И не бяше в мѣсте томъ град, но коиждо свой кровъ да имат. И быхомъ в кровѣ томъ 2 дни.

И се придоста 2 малжана, вѣнца носяща на главах дивны. И видѣвше ны, убояшася зѣло и мнѣста, яко исходатаи есмы земли той. И шедше, собраша на ны люде. И бяше ихъ 2000 мужь, и пришедше и обрѣтоша ны кланяющас Богу, и взяша огнь, хотяше ны зажечь. Мы же убоявшеся, избѣжахом, и стахом посреди ихъ, не бы камо бѣжати. Они же глаголаху, а мы не разумѣхом речи ихъ, а они намъ не разумѣют. И приимше, и ведоша ны, и затвориша ны в мѣсте тѣснѣ, и не даша намъ ясти, ни воды пити. Мы же, грѣшнии, моляхомъся Богу и благословихом Бога, 10 дни затворени быхом. И собрашася на ны людие, и видѣша ны молящаяся Богу, а они мняхуть ны гладомъ умориша. Изведоша ны вонъ ис крова того и погнаша ны из земля тоя, бьюще ны прутьемъ.

А уже имяхом мног днии не вкушавше пища никакояже. И помолихомъся Богу, идохомъ днии 40 и обрѣтохомъ древа красна взору и плодовита зѣло, *родившия* плод благъ. И прославихомъ Бога и насытихомъся от плода того благаго. И преидохомъ в землю ину, пьсья главы, и зряхуть на ны, и не творяхуть намъ зла. По вся мѣста собѣ живуть, межи каменья гнѣзда сносивше, живуть с чады своими. Идохомъ сквозѣ зѣмлю ихъ 100 дний, перси на въстокъ солнца и внидохомъ в землю трепястокъ. Да они, видѣвше ны, бѣжахуть от нас, да мы прославихъмъ Бога, избавляющаго ны от них. И взидохомъ на гору высоку, идѣже ни солнце сияеть, ни древа есть, ни трава ростеть, развѣе гадъ и змиямъ свистающим. И съкрегующи зубы аспиды, ехидны и ували, и *василиски*.[5] И видѣхом иныя змия, многиимъ же имяни не вѣдѣхомъ. И прославихом Бога, избавляющаго ны от нихъ. Идохомъ 4 дни, слышащи глас змиевъ, уши свои залѣпивше воскомъ, не могуще терпѣти змеева свистанья. Перешедшимъ намъ гору ту и придохомъ в землю пусту и велику, и не бяше в земли той ничтоже, ни пришелъ бяше человѣкъ туду николиже.

Идохомъ днии 60, разумляюще, что сторихом, и помолимъся Господеви, иже ны упасет от лютыхъ молвъ. И приде к намъ елень, и поиде пред нами. Идохомъ *по олени*, и проведе ны сквозѣ тму и пропасть велику. Идохомъ со страхом и трепетомъ и прешедше, и обрѣтохом мѣсто равно и чреду олени пасуще. И преидохом всю землю ту беспутьемъ, и стуживше собѣ. И помолихомъся Богу, наставляющаго ны на путь благъ. И оттуду идохом дни 70, и придохомъ в мѣста равна и добра, и видѣхом древа многа на месте том, но толко мегла темна. Да ту, убозии, сѣдъ, поплакахомъся, зане путь ны ся заглади, да не вѣдяхом, камо путьшествовати. Плачющимъ же ся намъ на мѣсте том до 7-го дни, и прилѣтѣ голубь с высоты и нача лѣтати пред нами. Мы же, убозии, ради быхом и весели, и славихомъ Бога. Идохомъ по голуби

томъ и обрѣтохомъ столпъ и комару. И бяше написано окрстъ ея: «Си столпъ поставилъ есть Александро царь макидоньский, ида от Халкидона и побѣдивъ персы. Воевалъ есть до сего мѣста, се ся нарече Тма, да аще хощет кто минути се мѣсто, то налѣво идет, вся бо воды мира сего от лѣвое страны приходят, да иже ся тѣхъ водъ надержит, то идет на свѣтъ. А на десную страну суть горы великия и езеро полно змий». То бяшет написано на столпѣ Александровѣ. Да мы то прочтеше, утѣшихомъся и спѣх ны бысть и славихом Бога, спасающего ны.

И поидохом на лѣвую страну, идохом днии 40 и не можахомъ терпѣти смрада по вся дни. И благословихом Бога, подающего намъ терпѣнье духовное, идохом в печали велицѣй, и прихожаше ны глас, яко и кони ржуще. И приближихомъ на глас тъ. И видѣхом езеро полно змий, якоже бяше не видѣти воды под ним, и слышахомъ плачь и стенание люто. И бяше езеро то полно человѣкъ, и преде инъ глас с небесѣ, глаголя: «Си суть людие осужении, ти бо ся людие Бога отвергоша». Да мы со страхом и трепетомъ минухом озеро то осуженое и пошед мало дни и узрѣхом горѣ 2 высоцѣ, да ту видѣхом мужа велика, в высоту 100 локотъ, и бяше привязанъ веригами мѣдяными по всему тѣлу и пламянь паляшет все тѣло его, и вопияше гласомъ великим.[6] Исхожаше глас мужа того до 30 поприщь. И увидѣвши ны муже тъ, нача плакатися, прикланяяся к земли, и бяше опалено все тѣло его. Мы же от страха покрывше лицо свое, минухом гору ту, идохом днии 5, слышаще глас его. И припрохомъ ся стремнѣ мѣсте и глубоцѣ, и видѣхом ту жену *стояшю* простовласу на краи глубины, и змий бяше великъ обилъся около ея от ногу и до главы. И хотѣ рещи слово едино, и не даша ей, и заимаше ей уста хоботом, и бьяшеть ю по устомъ хоботом, да не глаголеть ничтоже. Инии же *гласи* исхожаху ис пропасти глубоки, народа многа изъ глубины вопиюще: «Помилуй ны, Господи, помилуй ны, Сыне Бога вышняго». Мы же от страха того идохом, рекохом: «Господи, опрости *животъ* нашь, яко видѣста очи наши чюдеса сия и труд на земли сей». И паки поидохом от мѣста того, плачюще, и обрѣтохом мѣсто другое и древа бяху смоковнымъ образом на мѣсте томъ, и на древехъ техъ множество народа птиць, тмы тмами бяше. И рѣчь ихъ бяше, яко человѣча и вси единимъ гласомъ вопияхут, глаголюще: «Остави ны, Владыко, и помилуй ны, Господи, мы бо согрешихом паче всея твари». Мы же, убозии, та чюдеса слышавше и видѣвше и поклонихомъ Господеви, глаголюще: «Господи, яви нам чюдеса сия, яже есмы видѣли и слышали». И молящимъся намъ Богу, и раступисия земля пред нами, изиди гласа глаголя: «Ни есть вы дано видѣти дѣлъ тѣхъ, но идѣте путем своим».

Мы же минухомъ со страхом и придехомъ на мѣсто иное страшно. И ту видѣхом мужи 4-ре, образа же ихъ нѣсть сказати, и бяше же пред святыми тѣми мужи оружье остро и стрегуще твердо. Змиеве со ехиднам объстояхуть около, а се 4 мужи вѣнца носяща на главах красны и в рукахъ своихъ имуща палица злата. Да мы, убозии, падохомъ на земли ниць и воспихомъ: «Помилуйте, мужи небеснии, да быша не

прикоснулися нас оружья та». И отвѣща намъ, глаголяще: «Въсташа, идѣте путемъ своимъ, аможе вы ведете, не бойтеся ничтоже, не владѣеть бо вас озлобити оружье се, мы бо и блюдем до дни Суднаго». Да мы то слышавше, прекрестившеся, и поклонихомъся, и прославихомъ Бога, и минухом, яко душа не имуще.

Идохомъ днии 40 и в напраснѣ и глас слышахом народа многа зѣло, и насытихомъся благоуханья многа, и от глас поющих благоуханно многа. Сонъ ны обумори, да мы успохом и въстахом, оли слипатися устомъ нашим, от благости паче меду и ста. И въставше, и видѣхомъ церковь, и бяше я ледяна[7] и велика, посреде же церкви тоя олтарь знамянованъ. Посреди же олтаря того источник знамянань водный бѣлъ, яко млеко. И видѣхом ту мужи страшны зѣло, окрестъ воды стояща. И пояхуть аггельския песни. И видѣвше то, мы трепещюще, яко мертви, да единъ от них красенъ зѣло, да тот ны рече, приступив: «Се есть источник бесмертенъ, ожидая праведных насладитися». Мы же то слышахом, и прославихомъ Бога, и минухом мѣсто то со страхом, и в радости велицѣй быхом яко Богъ вѣсть. Но бяху устнѣ наша ослажени от воды тоя, до 3-го дни слипахуся устнѣ наша, яко от меду. И доидохомъ реки великия зѣло и насытихомъся воды ея, и насытихомъся благости и прославихомъ Бога. И к 9-тому часу сущю и сѣдохом на брезѣ у рѣки тоя, размышляюще, что створим рецѣ сей. И бяше по рецѣ той свѣтъ седмирицею сего свѣта свѣтлѣе. И помолихомъся на 4 страны земля и бяху вѣтри в земли той инаци тварью: западный вѣтръ зеленъ тварью, а от въстока солнцю от рая рыжь вѣтръ, яко и желтъ, а от полунощи вѣтръ яко кровь чиста, а от *полуденныя* страны вѣтръ бѣлъ, яко снѣгъ. Солнце теплѣе сего 7-мижды и древа болши сихъ и краше и частѣйши и плодовито, а другое *неимуще* плод. И горы выше сихъ, и земля 2 лицѣ имущи — червьлена и бѣла, и птици всѣми лици.

Имяхом бо уже 100 дни не вкушавше пища, развѣе воды тоя, яко Богъ вѣсть. Идущимъ же намъ, *и се* в напраснѣ придоша на ны множество мужий, и женъ, и дѣтий, не вѣ, откуду. *Инии* же от них грозяхуся на побѣду на ны, друзии же дивляхуся, но бяху низци зѣло. Мы же я видѣвше, устрашихомъся, глаголюще, егда изъядят ны. Начахомъ глаголати к собѣ, что створимъ, братья. И рече Сергий ко братьи: «Рострясемъ власы главы своея, вперимъся на ня. Ащи ли бо побѣжимъ, то изъядят ны». И створиша так, да они побѣгоша, чад своя восхищающа и скрегчюще зубы своими.

Идохом по земли той много днии и обрѣтохом лядину невелику ростомъ, ни с локоть от земля в высоту. Да того грызуще проидохомъ землю ту, и бяше лядина та бѣла, но паче меду и ста, да ту лядину грызуще измѣнихомъ си лица своя и повеселихомъся. И славихомъ Бога, идохом по земли той днии 50, не вѣдуще путь. Божиимъ повелѣниемъ обрѣтохом стезю и печеру, человѣкомъ украшену. Да то

мы видѣвше, ради быхом. И влѣзше внутрь пещеры, и не обрѣтохом ничтоже. И ту благоуханье прихожаше в ноздри наша, и рекохомъ: «Братье, пребудем здѣ до вечера и не придеть ли сѣмо никтоже». И легше поспахом, и въставше от сна, излѣзохом вонъ при вечерѣ. И зрящимъ же намъ ко въстоку, ци хто приде на мѣсто се, и увидѣхомъ мужа страшна зѣло, и бяше на немъ одежа никакояже, но развѣе власи бѣли и покрываху все тѣло его от главы и до ногу. И грядяше в печеру ту, и обоня душа наша издалеча, и паде ниць на земли, и рече: «Заклинаю вы Богомъ, аще есте от Бога, то явите ми ся, аще ли есте от Дьявола, то идите от мене, проклятии». Тогда мы воспихом ему, глаголюще: «Отче благий, мы грѣшници есмы, Божии рабы наречемъся, от Дьявола отрекохомъся». Тогда приступивъ к намъ, и воздвиже руцѣ свои на небо, и помолися Богу, и благослови ны, и разложи власы от лица своего и усъ свои распрятавъ. И бяху власи его бѣли яко снѣгъ, и бяше благоуханье от него. И слышахом глас от старца того, и лице ему видѣхом: очи же ему бяху впали от старости, и брови ему бяху висли, а ногти его бяху велици ручнии и ножнии, тѣло бяше старьцю тому расѣдалося все. И впрошени быхом от него, и повѣдахомъ ему всю истинну, якоже пошли есмы, да быхомъ видѣли, кдѣ прилежить небо к земли. И рече святый Мокарей: «Чада моя милая! Не можеть человѣкъ плотянъ, от женьска грѣха родився, того мѣста видѣти, ни тѣхъ чюдесъ, ни силъ Господа Бога нашего Исуса Христа. Аз бо, грѣшный, много окушахся и плакахся къ Богу, да бых видѣлъ чюда тѣ. И рече ми ангелъ: “Не прогнѣвай Господа Бога своего, создавшего тя. Нихтоже можеть того мѣста доити”. Да и азъ рекох: “Почто, господи мой?” И рече ми: “От сего мѣста есть поприщь 20, идѣже еста 2 града — единъ желѣзен, а другий мѣдянъ. Да за тѣма градома Рай Божий, идѣже былъ 1-е Адамъ съ Евгою. На въстокъ солнца за Раемъ да ту небо прилежит. И внѣ Рая поставилъ есть Богъ хиравими и сирафими, оружье пламянно в руках имущи, стрещи Рая и древа животна. Сут же та хиравими от ногу до пупа — человѣци, а перси лвовы, а глава иною тварью, а руцѣ, яко ледяни и оружье пламянно в руках ихъ внѣ стѣнъ градных. Да не можетъ ту внити никтоже, суть бо ту Силы страшныя мнози зѣло и ликове англьстии ту пребывают, и пояси небеснии ту суть, идеже почиваеть небо”». Да то мы слышавше от человѣка Божия Мокарья, глаголавше ему ангелъ, и убояхомъся со страхом великимъ, славихомъ Бога и святого Мокарья. И возвеселихомъся, яко сказа нам дивная чюдеса Божия.

Бяше бо уже вечеръ, рече Мокарей: «Чада моя, уступите мало и постоите час, дѣтища бо имамъ 2, да приходита ко мнѣ по вся вечеры. Боюся, егда исказита вы». Да ту мы уступихом мало. И се придоста 2 лва от пустыня и поклонистася ему. Да мы, видѣше ихъ, падохомъ ниць от страха, не могуще ни слова провѣщати. И возложи руку свою на ня, и благослови я, и рече има: «Чада моя добрая, от человѣческаго мира пришли суть гости, не мозѣ та имъ створити ничтоже. Раби бо суть Божии». И рече намъ: «Идѣте сѣмо, братья, и не бойтеся ничтоже, да молитву вечернюю створим». Идохомъ к нему со страхом, и притекоста лвы противу нам на вострѣтенье. И начаста радоватися, овому нози лижющю, другаго по главѣ гладяще, яко человѣци разумѣюще, и

кланяхуться. Мы же руки своя воздѣхом къ Богу, укротившему таковыя звѣри.

И створихом вечернюю молитву, и сѣдохомъ ту, и воспросихом святого Мокарья, и рекохом: «Отче благий, како еси пришелъ на се мѣсто на святое, скажи намъ». И рече *намъ* Мокарей искони житья своего: «Скажю вам, братья. Приклоните уши своя во глаголы устъ моихъ и послушайте мене, да въскажю о всемъ. Азъ, грѣшный, Ивановъ сынь быхъ, и нужю ми створиша родители жененьемъ. И створиша бракъ, и приведоша ми жену. И бывшю вечеру и хотѣша мя положити. Народу пляшющю, изидохъ отаи, людемъ же не вѣдущимъ и скрыхся у жены вдовица. Да быхъ ту 7 дний, крыяся у вдовица, да та ми старица приношаше ми вѣсти и плачь от родитель моихъ. И рече ми старица: “Сыновче, отиди от мене, да не увѣдять тобе здѣ. Боюся родитель твоихъ”. И въстахъ в полунощи в мертвеное время, изидохъ от нея и *прослави* Бога, не оставляющаго никогоже, но всѣм руку подая молящимъся ему. И посла ми Господь ангела Рафаила во образѣ мужа стара и странна, и приближися ко мнѣ, и азъ воспросихъ его: “Гдѣ идеши?” И рече ми онъ: “Гдѣ ты умомъ мыслиши, да и азъ с тобою иду”. И рекох: “Господи, настави мя на путь живота моего”. И поидохъ вслѣдъ его по земли, и начаховѣ просити милостыня пищи собѣ. Азъ же не разумѣхъ, яко ангелъ водит мя, но мнях, яко старець водить мя. И бысть хоженья нашего 3 лѣт, идоховѣ на мѣсто, и легша поспаховѣ. И азъ же убудихся и не видѣх у собе старца, и азъ восплакахся, глаголя к собѣ: “Камо ся дежю в пустыняхъ сихъ?” Да ту ми яви глас, глаголя: “Азъ есмъ Рафаилъ, ангелъ Господень, приведый тя на се мѣсто повелѣньемъ Божиимъ”. И слышав глас тъ, утѣшихся. И паки поидохъ, не вѣдый пути, камо ити. И стрѣте мя дивий, яко пасыся. И закляхъ его Богомъ, створшимъ небо и землю, и рекохъ ему: “Поведи мя в мѣсто жилища *человѣчскаго*”. Да онъ поиде пред мною, и азъ поидох вьслѣдъ его. Идохъ 2 дни по немъ и стрѣте мя елень, да узрѣвъ дивий олень, взратися въспять. И веде мя олень другия 2 дни и стрѣте мя змей. И видѣвъ олень змия того, возратися воспять. Азъ же видѣвъ змия того, устрашихся и закляхъ его Богомъ, дабы ми не створил зла ничтоже. Да ту змий став на опашь своемъ и нача глаголати, яко человѣкъ, и рече ми: “Добрѣ еси пришел на мѣсто се, рабе Божий Мокарей, се бо уже 12 лѣт ожидаеть тобе мѣсто се, уготованое тобѣ. И поиди въслѣд мене и узриши мѣсто свое”. И прославих Бога, слышавъ рѣчь от змия того, и поиде пред мною, уношею ся створив, *и приведый*, постави мя у дверей пещеры, и не видѣмъ бысть.

Азъ же влѣзъ в пещеру и обретох лвицю мертву, а дѣти плакастася надъ нею и не обретоста сысати молока. И азъ коръмих ея, яко чада своя вершьемъ *древнымъ*, а матерь изъвлекоста вонъ и погребох в ней». И бѣсѣдующимъ намъ, и прилетѣ вран, нося 3 *полотце хлѣба, и положа* пред нами, и отлете. И *рече Макарье*: «Нынѣ разумѣхъ, яко раби есть Божии, яко ускори сице Господь принести пищу сию. И многа лѣта имам быти на мѣсте семъ, птица приношахуть *ми* пищу по вся дьни. Да

исповѣмъ вамъ грѣхи свои». *И рече*: «Бывшю ми на мѣстѣ семъ лѣт 12, излезох съ пещеры посидѣти, и нача мя Сотона мучити. И обретохъ ризу женскую. Азъ же, грѣшны, не домышляхся, *откуду се, и взях ю* и вложих ю в пещеру, и помыслих, что дѣеть риза си в пустынях сих. И на другий день обрѣтохъ другое знаменье женское и внесох и положих ту же. И прележах нощъ, не прекрестивъся, ни поклонився. На 3 дни излезох вонъ поклонитися Богу. И не могох прекреститися о ражении грѣха моего, и увидѣх жену сѣдящу, в ризахъ украшену. Лѣпота же ея бес конца, а плакашеся горко. И азъ, грѣшный, рекох к ней: “Что плачешеся и что дѣеши здѣ?” Она же единако плакашеся: “И азъ грѣшница, именемъ Марья, а дщи богата мужа, бях в Риме. Да нужу ми родители мои творяху посягнути замужь. Азъ же не хотяща осквернити дѣвства своего и, на *брацѣ плесающим* людемъ, украдохся отаи. И не вѣды мене никтоже. И заидох в пустыню сию, не вѣдущи пути. Да того ради плачюся”. Азъ же, грѣшный, ражьдегося и вѣровахъ ей, да бы врагъ ловил душу мою. И азъ, грѣшный, прияхъ я за руку и ведох ю к собѣ в пещеру и смили ми ся, и *дах ю* ясти ей ядрок дубовъ. Она же единако плачющи, а мнѣ душа мятеши мыслью. Азъ же, грѣшный, *легох не прекрестився*. Она же прилѣзѣ ко мнѣ, и отрѣши поясъ мой, и заложи руци свои за плоть *мою*. Азъ же легохъ, обуморенъ сномъ тяжким, и тогда помыслихъ согрѣшит с нею. И въставъ от сна своего, прияхъ ю и согрѣшихъ. Она же ищезе от мене. Азъ же, грѣшникъ, очютихся и легохъ на земли, яко на мраморѣ студенѣ. И ту помянухъ грѣхъ свой, излѣзохъ вонъ от пещеры, плакахся горко, а лвища разъгнѣваша на мя и киваста на мя главами своими, видяще грѣхъ мой. И звахъ я, и не идоста ко мнѣ. Умолихъ я и повелѣхъ имъ ископати яму при углѣ внутрь пещеры. Ископаста яму въ глубину человѣка стояча. Азъ же, грѣшный, ввергохъся въ яму и до трехъ денъ умолихъ я, да загребета яму о мнѣ. И придоста лвища, плачющася о мнѣ, и загребоста мя въ ямѣ. И бых в ней 3 лѣта посыпанъ и не умрох. Господь заступник мой есть. И бывшю ми ту вся 3 лѣта, и створися зима велика, Божиимъ повелѣньемъ, и расядеся земля над главою моею, и отверзеся яма, и видѣ свѣт. Излѣзохъ вонъ, и прославихъ Бога, оцистившаго грѣхъ мой. И пред ми глас глаголя съ небесѣ: “Ни есмь пришел праведныхъ дѣля, но грѣшныхъ спасти и в покаянье привести”.[8] И до сего дьни помилова мя Богъ».

Мы же то слышав от святого Мокарья и подивихомъся и прославихомъ Бога. Намъ же дивящимъся о глаголѣхъ его, и се придста лва 2 от пустыня. И возложи руцѣ свои на ня Мокарий и благослови я, и поклонистася всѣмъ нам. И рече намъ: «Возложите руки своя и вы на дѣтища сия». И благослови я преподобный отец.[9] И поцеловавъ ны и предасть ны Господеви, вводящему ны. И лва 2 предасть ны довести до темных мѣстъ. Божиимъ повелѣньемъ дошедше, обрѣтохомъ столпъ и комару Александровъ. Ту же лва оба поклонишася намъ и возратистася въ своя мѣста. Мы же, Богомъ наставляеми, преидохомъ в Персию, и прешедше рѣку Тигръ, и обрѣтохом хрестьяны. И тѣ воспросиша ны о пути нашемъ. И сказахомъ все, еже есми видѣли и слышах от человѣка Божия Мокарья. И пришедше въ Ерусалимъ, и поклонихомъся Божию гробу и всѣмъ святымъ мѣстомъ. И пришедше въ свой монастырь и

поклонихомъся всей братьи и великаго игумена Асклипия. И сказахомъ ему все, еже есми видѣли и слышали. Во имя Отца и Сына и святого Духа и нынѣ и присно и *въ вѣки вѣкомъ. Аминь*.

---

[1] *...на мѣсте поливнѣ.* — Место неясное, перевод предположительный.

[2] *...убий святый Меркурей Ульяна Парвата.* — Вспоминается широко распространенная в средневековой христианской литературе легенда, согласно которой византийский император Юлиан (361—363 гг.) был убит святым Меркурием. «Парват» — передача греческого слова, которое в качестве прозвания Юлиана обычно переводится как «Отступник».

[3] *Котисфонъ* — Ктесифон, город на реке Тигр к северу от Вавилона.

[4] *Онанья, Озарья, Мисаилъ* — три отрока, ученики пророка Даниила, о которых повествуется в 1—3 гл. библейской Книги пророка Даниила.

[5] *...ували, и василискы.* — Какое существо обозначено словом «ували» — неясно, василиск — полуфантастическое название ядовитой змеи, упоминаемой, в частности, в Библии (Иер. 8, 17).

[6] *...Си столпъ поставилъ ... побѣдивъ персы... гласомъ великим.* — Апокриф перекликается сюжетно с «Александрией»: о столпе, возведенном Александром Македонским во время его похода по неведомым землям на Востоке, рассказывается именно там; с другой стороны, в саму «Александрию» были включены отдельные подробности из апокрифа о путешествии иноков: в «Александрии» мы встретим и описание «темной земли», где царит вечный мрак, и упоминание прикованных к скале мужчины и женщины огромного роста, и озера, наполненного змеями, и т. д.

[7] *...ледяна...* — Судя по сербским спискам апокрифа речь идет о том, что храм был белизны необычайной, словно сооруженный изо льда или хрусталя.

[8] *...Ни есмь пришел праведных дѣля ... покаянье привести...* — Свободное переложение текста Лк. 5, 32.

[9] *...преподобный отец.* — Далее во всех списках читается фраза: «И мы, пришед в миръ, скажемъ о тобѣ и створим молитву»; она явно попала не на свое место и в публикации опущена.

ПЕРЕВОД

СЛОВО О ТРЕХ МОНАХАХ, КАК ПРИШЛИ ОНИ К СВЯТОМУ МАКАРИЮ

Господи, благослови, отче!

Умилимся же и мы, убогие и недостойные иноки — Сергий, Феофил и Угин. Вы же, отцы и братья, послушайте нас, отрекшихся от жизни этой, исполненной соблазнов. Вошли мы в монастырь отца нашего Асклепия в Месопотамии Сирийской между двумя реками, одна по имени Ефрат, а другая — Тигр. И когда отпели службу девятого часа, сели все трое на низменном берегу. И стали друг друга расспрашивать о посте и о воздержании монашеском. И пала одному из нас на сердце мысль божественная, и сказал Феофил братьям своим Сергию и Угину: «Хотел бы всю жизнь ходить и странствовать по земле, чтобы увидеть, где сходится небо с землею». И сказали оба брата Феофилу: «Мы тебя почитаем вместо отца и не оставим тебя». И в ту же ночь тайно вышли из монастыря. Шли до Иерусалима шестнадцать дней и поклонились гробу Господню и честному кресту. Пошли в святой Вифлеем и поклонились святой пещере, в которой родился Христос, и видели звезду и источник водный. Отойдя далее на два поприща, нашли место, где ангелы пели: «Слава Богу в вышних». И возвратились, и взошли на гору Елеонскую, на которую взошел Христос, и вернулись в Иерусалим, и провели здесь двенадцать дней, ходя по монастырям и молясь Богу. И не надеялись возвратиться в этот мир. И направились на восход солнца, шли восемь дней, и перешли реку Тигр, и вступили в землю Персидскую, на равнину, именуемую Азией, где убил святой Макарий Юлиана Преступника. И вошли в город, называемый Ктесифон, а в том городе лежат три отрока — Анания, Азария и Мисаил. И поклонились трем отрокам и прославили Бога, проведшего нас сквозь землю Персидскую. И вступили в землю Индийскую, и через четыре дня набрели на пустое жилище индийское, в котором не было людей. И войдя в него, заночевали здесь. И не было там поселения, но каждый должен был иметь свое жилище. И пробыли мы в том жилище два дня.

И вот пришли двое супругов, с диковинными венцами на головах. И увидев нас, очень испугались и подумали, что мы выходцы из земли (иной). И, пойдя, собрали на нас людей. И было их две тысячи человек, и пришли они, и застали нас молящимися Богу, и, принеся огонь, хотели нас сжечь. Мы же, испугавшись, выскочили и стали посреди них, ибо некуда было бежать. Они нам говорили, а мы не понимали языка их, а они нас не понимали. И, схватив, повели нас, и заперли в месте тесном, и не давали нам ни есть, ни пить. Мы же, грешные, молились Богу и благословляли Бога, десять дней проведя в заточении. И собрались на нас люди, и увидели нас, молящихся Богу, а они думали, что уморили нас голодом. Вывели нас вон из жилища того и погнали нас из земли той, избивая палками.

А уже много дней не вкушали мы никакой пищи. И, помолившись Богу, шли сорок дней, и набрели на деревья, красивые на вид и очень плодоносные, рождавшие добрые плоды. И прославили Бога и насытились теми плодами прекрасными. И перешли в другую землю — псоглавцев, — и смотрели они на нас, и не причиняли нам зла. Повсюду живут они в гнездах, устроенных между камней, живут с детьми своими. Шли через землю их сто дней, двигаясь на восход солнца, и вступили в землю обезьян. Они же, увидев нас, убежали, а мы прославили Бога, избавившего нас от них. И взошли на гору высокую, где ни солнце не светит, ни деревьев нет, ни трава не растет, только гады и змеи свистящие. И скрежетали зубами аспиды, ехидны и увалы, и василиски. Видели и других змей, но многим названия не знали. И прославили Бога, избавляющего нас от них. Шли четыре дня, слыша глас змеиный, уши свои залепив воском, так как не могли переносить змеиного свиста. Когда перешли мы через ту гору, то вступили в землю пустынную и бескрайную, и не было в той земле ничего, не приходил сюда человек никогда.

Шли мы дней шестьдесят, размышляя, что нам делать, и решили помолиться Богу, чтобы защитил он нас от лютых напастей. И подошел к нам олень и пошел перед нами. Пошли мы вслед за оленем, и повел он нас сквозь темноту и через огромную пропасть. Шли со страхом и трепетом и, пройдя, вышли на ровное место, где паслось стадо оленей. И прошли всю ту землю бездорожьем, и впали в уныние. И помолились Богу, указывающему нам верный путь. И оттуда шли семьдесят дней и пришли на равнину благодатную, и увидели множество деревьев на месте том, но стояла темнота. И тут, несчастные, сев, заплакали, ибо дорога сделалась невидимой и не знали мы, куда путь держать. Плакали мы на месте том семь дней, и прилетел к нам с вышины голубь и стал летать перед нами. Мы же, несчастные, обрадовались и возвеселились, и прославили Бога. Пошли вслед за голубем тем и набрели на столп со сводом. И было написано по ободу его: «Этот столп поставил Александр, царь македонский, идя от Халкидона и победив персов. Дошел, воюя, до этого места, которое именуется “Мрак”, и если кто хочет миновать место это, то пусть налево идет, ибо все воды мира с левой стороны текут, и если держаться по течению вод этих, то выйдет на свет. А по правую сторону — горы высокие и озеро, полное змей». Так было написано на столпе Александровом. Мы же, прочитав это, утешились, — пришла нам удача, и прославили Бога, спасающего нас.

И пошли мы на левую сторону, и шли сорок дней, и все эти дни страдали от зловония. И,благословив Бога, дающего нам терпение духовное, шли в печали великой, и донесся до нас звук, подобный ржанию коней. И подошли к месту, откуда шел звук этот. И увидели озеро, полное змей, так что не было видно воды под ними, и услышали плач и горькие стенания. И было то озеро полно людей, и донесся до нас другой голос с неба, вещающий: «Это люди осужденные, ибо те люди Бога отвергли». Тогда мы со страхом и трепетом миновали озеро

то осужденное и, пройдя несколько дней, увидели две высокие горы, и там увидели мужа огромного роста, высотой в сто локтей, и был он привязан опутавшими все его тело цепями медными, и огонь опалял все тело его, и вопил он голосом громким. Разносился вопль мужа того на тридцать поприщ. И, увидев нас, муж тот заплакал, склоняясь к земле, и было опалено все тело его. Мы же от страха прикрыли лица свои и, миновав ту гору, шли пять дней, все еще слыша голос его. И дошли до обрыва над глубокой пропастью, и увидели простоволосую женщину, стоящую на краю пропасти, и змей огромный обвил тело ее от ног и до головы. И хотела она сказать что-то, и не давал ей змей, и затыкал ей рот хвостом и бил им ее по губам, чтобы ничего не говорила. И другие голоса доносились из пропасти глубокой — многих людей, вопивших из глубины: «Помилуй нас, Господи, помилуй нас, Сын Бога вышнего!» Мы же от страха того шли, говоря: «Господи, пощади жизнь нашу, ибо увидели очи наши чудеса эти и страдания на этой земле». И снова пошли от места того, плача, и набрели на место другое, а на месте том — деревья, подобные смоковницам, и на деревьях тех множество птичьих стай, тьмы тьмущие. И речь их была подобна речи человеческой, и все в один голос вопили, говоря: «Оставь нас, Владыка, и помилуй нас, Господи, ибо мы согрешили больше всех сотворенных». Мы же, несчастные, те чудеса видевшие и слышавшие, поклонились Господу, говоря: «Господи, объясни нам чудеса эти, которые мы видели и слышали». И когда мы молились Богу, расступилась земля перед нами, и раздался голос, произнесший: «Не дано вам видеть дел тех, но идите своей дорогой».

Мы же миновали то место со страхом и пришли к другому страшному месту. И там увидели четырех мужей, вид которых нельзя описать словами, и было перед святыми теми мужами оружие острое, строго охраняемое. Змеи с ехиднами окружали их, у этих четырех мужей на головах были красивые венцы, а в руках у них были золотые палицы. Тогда мы, несчастные, упали ниц на землю и возопили: «Помилуйте, мужи небесные, да не коснется нас оружие это». И отвечали нам, говоря: «Встав, идите своей дорогой, туда, куда знаете, не бойтесь ничего, не может причинить вам зла оружие это, мы стережем его до дня Судного». И мы, то услышав, перекрестились, и поклонились, и прославили Бога, и прошли мимо, едва живы.

Шли мы сорок дней и неожиданно услышали звуки голосов множества людей и насладились благоуханьем — от голосов поющих исходило благоухание. Сон нас сморил, и мы уснули, и встали, когда начали слипаться губы наши от сладости, превосходящей сладость меда и медовых сот. И, встав, увидели церковь, и была она изо льда и огромна, посреди же церкви той — алтарь. Посреди же алтаря того — источник водный, — бел, словно молоко. И увидели тут мужей страшных с виду, вокруг воды стоящих. И пели они ангельские песни. И мы, видя то, затрепетали и помертвели, и тогда один из них, прекрасный видом, сказал, подойдя к нам: «Это источник бессмертия, ожидает, чтобы

праведники насладились». Мы же, услышав это, прославили Бога и отошли от места того со страхом и в радости великой были, чему свидетель Бог. Но были уста наши ослаждены той водой, и три дня слипались губы наши как от меда. И дошли до большой реки, и напились воды из нее, и насладились благостью, и прославили Бога. И, когда настал девятый час, сели на берегу реки той, размышляя, что дальше будем делать. И разлился по реке той свет, в семь раз светлее дневного света. И помолились мы на четыре стороны этой земли, и были ветры в земле той различные по виду: западный ветер зеленого цвета, а от восхода солнца, от рая — рыжий ветер и желтый, а с севера ветер — словно свежая кровь, а с южной стороны ветер белый, как снег. Солнце теплее нашего в семь раз и деревья выше, и краше, и гуще, и плодовитее, а другие — не имеют плодов. И горы выше наших, и земля два облика имела — красная и белая, и птицы различны видом.

Прошло уже сто дней, как не вкушали мы пищи, кроме воды той, чему свидетель Бог. И когда мы шли так, неожиданно напало на нас множество мужчин и женщин и детей, не знаем откуда. Одни из них угрожали, что одолеют нас, другие же дивились на нас, те, что были невысоки ростом. Мы же, увидев их, испугались, говоря между собой, что съедят они нас. И начали советоваться: «Что будем делать, братья?» И сказал Сергий к братии: «Распустим волосы на своих головах и уставимся на них. Если же мы побежим, то съедят нас». И сделали так, и они побежали, хватая детей своих и скрежеща зубами своими.

Шли по земле той много дней и нашли траву невысокую, в локоть от земли высотой. И,грызя ее, прошли землю ту, и была трава та бела, но слаще меда и медовых сот, и, ту траву грызя, изменились мы в лице и повеселели. И славили Бога, идя по земле той дней пятьдесят, не зная дороги. Божьим повелением нашли мы дорогу и пещеру, человеком обустроенную. Увидев это, обрадовались мы. И, войдя внутрь пещеры, ничего в ней не нашли. Но тут благоухание коснулось ноздрей наших, и сказали мы: «Братья, останемся здесь до вечера, не придет ли кто-нибудь сюда». И легли поспать, и поднявшись от сна, вылезли вон из пещеры под вечер. И, глядя на восток, ожидая, не придет ли кто на это место, увидели мужа страшного обликом, и не было на нем никакой одежды, но только волосы, и покрывали они все его тело от головы до ног. И направляясь к той пещере, он почувствовал издалека наше присутствие, и пал ниц на землю, и произнес: «Заклинаю вас Богом: если явились ко мне от Бога, то предстаньте передо мной, если же — от Дьявола, то идите, проклятые, прочь от меня!» Тогда мы воскликнули, говоря ему: «Отец благой, мы — грешники, рабами Божьими называемся, от Дьявола отрекаемся». Тогда, подойдя к нам и возведя руки свои к небу, помолился он Богу и благословил нас, и отвел волосы от лица своего, и усы свои расправил. И были волосы его белы как снег, и исходило благоухание от него. И услышали голос старца того, и лицо его увидели: глаза его впали от старости, и брови его свисали, а ногти его были длинны на руках и на ногах, тело же у старца того было

совсем дряхлое, и будучи спрошены им, поведали ему всю правду, как пошли мы, чтобы увидеть, где небо сходится с землею. И сказал святой Макарий: «Чада мои милые! Не может человек во плоти, рожденный от женского греха, ни места того видеть, ни тех чудес, ни силы Господа Бога нашего Иисуса Христа. Я ведь, грешный, много раз пытался и Бога молил дать мне увидеть чудеса те. И сказал мне ангел: “Не гневи Господа Бога своего, создавшего тебя. Никто не может до того места дойти”. И я спросил: “Почему же, господин мой?” И ответил он мне: “От этого места в двадцати поприщах находятся два города — один железный, а другой медный. И за теми городами — Рай Божий, где были прежде Адам и Ева. К востоку за Раем небо сходится с землей. А вне Рая поставил Бог херувимов и серафимов с оружием огненным в руках, чтобы охраняли они Рай и древо жизни. А херувимы те от ног до пупа — люди, а грудь у них львиная, а голова иного обличья, а руки их словно ледяные, и оружие огненное в руках их снаружи стен городских. И не может никто туда войти, ибо тут Силы грозные и многочисленные и сонмы ангелов тут пребывают, и поясы небесные тут, где покоится небо”». И услышав от человека Божьего Макария, что сказал ему ангел, испугались мы, охваченные страхом великим; прославили Бога мы и святого Макария. И обрадовались, что поведал он нам о дивных чудесах Божьих.

Настал уже вечер, и сказал Макарий: «Чада мои, отойдите немного и постойте немного, ибо есть у меня два детища, которые приходят ко мне всякий вечер. Боюсь, как бы не испугали вас». Тогда мы отошли немного. И вот пришли два льва из пустыни, и поклонились ему. И мы, увидев их, пали ниц от страха, не в силах и слова вымолвить. И возложил Макарий руку свою на них, и благословил их, и сказал им: «Чада мои добрые, из мира людей пришли к нам гости, не делайте им ничего. Рабы они Божьи». И сказал нам: «Идите сюда, братья, и не бойтесь ничего, сотворим вечернюю молитву». Подошли к нему со страхом, и двинулись львы нам навстречу. И начали радоваться, одному ноги лизали, другого по голове гладили, словно разумные люди, и кланялись. Мы же руки свои простерли к Богу, укротившему таких зверей.

И сотворили вечернюю молитву, и сели тут, и спросили святого Макария, и сказали: «Отец благой, как ты пришел на место это святое, скажи нам». И поведал нам Макарий о жизни своей с самого начала: «Скажу вам, братья. Склоните уши свои к словам уст моих, и послушайте меня, и расскажу вам обо всем. Я, грешный, Иванов сын был, и насилие надо мной сотворили родители женитьбой. Совершили брак и привели мне жену. И когда настал вечер, хотели меня положить на ложе. Пока народ плясал, я вышел тайно, людьми не узнанный, и скрылся у женщины-вдовы. И пробыл там семь дней, скрываясь у вдовы, и та старица сообщала мне вести о скорби моих родителей. И сказала мне старица: “Сынок, уйди от меня, чтобы не увидели тебя здесь. Боюсь родителей твоих”. И встал в полночь в глухое время, вышел от нее и

прославил Бога, не оставляющего никого, но подающего руку всем, кто молится ему. И послал мне Господь ангела Рафаила в образе мужа — старца-странника, и подошел он ко мне, и я спросил его: “Куда идешь?” И сказал он мне: “Куда ты своим умом помыслишь, туда и я с тобою иду”. И сказал я: “Господи, настави меня на путь жизни моей”. И пошел вслед за ним по земле, и стали мы просить милостыню на пропитание себе. Я же не знал, что ангел ведет меня, но думал, что старец ведет меня. И длилось путешествие наше три года, и пришли на место некоей легли поспать. И когда я проснулся и не увидел возле себя старца, я заплакал, говоря себе: “Куда мне деваться в пустынях этих?” И тут услышал я голос, говорящий: “Я Рафаил, ангел Господень, приведший тебя на это место повелением Божьим”. И, услышав тот голос, я утешился. И снова пошел, не ведая пути, куда мне идти. И встретил меня некто дикий, что пасся. И заклял его Богом, сотворившим небо и землю, и сказал я ему: “Поведи меня в места, где живут люди”. И он пошел предо мной, и я пошел вслед за ним. Шел я за ним два дня, и встретил меня олень, и, увидев оленя, этот дикий возвратился назад. И повел меня олень следующие два дня, и встретил меня змей. И, увидев олень змея того, возвратился назад. Я же, увидев змея того, испугался и заклял его именем Бога, чтобы не причинил мне никакого зла. И тут змей, поднявшись на хвосте своем, заговорил, как человек, и сказал мне: “Хорошо, что пришел ты на это место, раб Божий Макарий, вот уже двенадцать лет ожидает тебя место это, тебе уготованное. Так иди же за мной и увидишь место свое”. И прославил я Бога, слыша речь змея того, и пошел он предо мной, обратившись в юношу, и, приведя, поставил меня у дверей пещеры и стал невидим.

Я же влез в пещеру и обнаружил мертвую львицу и детенышей, плачущих над ней и не могущих сосать молоко. И я стал кормить их, словно детей своих, верхушками древес, а мать оттащил и похоронил в пещере». Пока так беседовали мы, прилетел ворон, принесший три ломтя хлеба и, положив перед нами, улетел. И сказал Макарий: «Теперь понял я, что вы — рабы Божьи, раз поспешил Господь принести пищу эту. Многие годы провел я на месте этом, и птицы приносили мне пищу всякий день. И еще поведаю вам о грехах своих». И сказал: «Когда прожил я на этом месте двенадцать лет, вышел я из пещеры посидеть, и начал меня мучить Сатана. И нашел я одежду женскую. Я же, грешный, не догадался, откуда это, и взял ее, и положил ее в пещеру, раздумывая, что означает одежда эта в этих пустынях. И на другой день обнаружил другое знаменье женское и внес его, и положил тут же. И пролежал ночь, не перекрестившись и не поклонившись. На третий день вылез, чтобы поклониться Богу. И не смог перекреститься из-за охватившего меня греха моего, и увидел сидящую женщину в дорогих одеждах. Была она красива безмерно, а плакала горько. И я, грешный, обратился к ней: “Что плачешь и что делаешь здесь?” Она же, по-прежнему плача, сказала: “Я грешница по имени Мария, дочь богатого человека из Рима. Принуждали меня родители мои выйти замуж. Я же не хотела осквернить девственность свою и во время свадьбы, когда люди плясали, скрылась тайком. И никто обо мне не знал. И зашла в пустыню эту, не зная пути. Потому и плачу”. Я же, грешный,

возбудился и поверил ей, ведь враг ловил душу мою. И я, грешный, взял ее за руку и повел к себе в пещеру, и пожалел, и дал ей поесть дубовых желудей. Она по-прежнему плакала, а мою душу смущали помыслы. Я же, грешный, лег не перекрестившись. Она же приползла ко мне, и развязала пояс мой, и обвила руками тело мое. Я же лежал, обессиленный сном тяжким, и тогда и замыслил согрешить с ней. И, пробудившись от сна, овладел ею и согрешил. Она же исчезла. Я же, грешник, очнулся и лег на землю, как мрамор, холодную. И тут вспомнил о своем грехе, вылез из пещеры, плача горько, а львята, разгневавшись на меня, качали головами своими, видя грех мой. Я звал их, и не шли ко мне. Молил их и повелел им выкопать яму в углу пещеры. Выкопали они яму глубиною в человеческий рост. Я же, грешный, ввергнулся в яму и три дня умолял их, чтобы закопали меня в яме. И пришли львята, плача обо мне, и закопали меня в яме. И пробыл в ней три года и не умер. Господь — мой заступник. И когда пробыл я там все три года, случилась лютая зима, по Божьему повелению, и рассеклась земля над головою моею, и открылась яма, и увидел я свет. Вылез я вон и прославил Бога, очистившего меня от греха. И предо мной голос, возвестивший с небес: “Пришел я не праведных ради, но грешных спасти и в покаяние привести”. И до сего дня милует меня Бог».

Мы же, услышав то от святого Макария, подивились и прославили Бога. Пока мы дивились словам его, пришли из пустыни два льва. И возложил Макарий руки свои на них, и благословил их, и поклонился всем нам. И сказал нам: «Возложите руки свои и вы на детищ этих». И благословил их преподобный отец. И, поцеловав нас, предал нас Господу, направляющему нас. И двух львов отдал нам, чтобы довели нас до темных мест. Божьим повелением дошли мы, нашли столп со сводом Александров. Тут оба льва поклонились нам и возвратились в свои места. Мы же, Богом наставляемые, пришли в Персию, и перешедши реку Тигр, нашли христиан. И те спросили нас о путешествии нашем. И рассказали обо всем, что видели и слышали от человека Божьего Макария. И пришли в Иерусалим, и поклонились гробу Господню и всем святым местам. И, придя в свой монастырь, поклонились всей братии и великому игумену Асклепию. И рассказали ему обо всем, что видели и слышали. Во имя Отца и Сына и Святого Духа и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

СКАЗАНИЕ ОТЦА НАШЕГО АГАПИЯ

Подготовка текста, перевод и комментарии М. В. Рождественской

ВСТУПЛЕНИЕ

Этот апокриф интересен тем, что сохранил одно из ранних в древнерусской литературе описаний рая. Сохранилась обширная греческая рукописная традиция «Сказания». Русский перевод с греческого известен по списку XII—XIII вв. в составе Успенского сборника. Более краткий вариант этого «Сказания» с XIII в. вошел в древнерусские Прологи.

Рай представлялся средневековым читателям реально существующим пространством, где-то «на востоцѣ», прекрасным садом, огражденным высокими стенами (оградой), полным необыкновенных плодов и цветов, звенящим от пения неземных птиц. В богословских спорах середины XIV в. о том, существует ли действительно «рай земной», или только «рай мысленный», новгородский архиепископ Василий Калика в «Послании епископу Феодору о земном рае» в подтверждение существования последнего сослался на старца Агапия как на очевидца рая (ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853. С. 87—89). «Сказание» своим описанием рая представляет как бы своеобразный антипод «Хождению Богородицы по мукам»; оно входит в группу эсхатологических апокрифов, хорошо известных славяно-русской книжной традиции (Павлово Видение, Видение пророка Исайи, Видение пророка Даниила, Откровение Иоанну Богослову на горе Фаворской, Сказание Макария Римского о рае (Житие Макария Римского) и др.). «Если “Хождение Богородицы по мукам” рассказывало читателям об адских мучениях, ожидающих грешника после смерти, то “Сказание отца нашего Агапия” главным образом показывает трудность, необычность проникновения в рай и гораздо меньше места уделяет описанию жизни в самом раю» (О. А. Белоброва, О. В. Творогов. Переводная беллетристика XI—XIII вв. // Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 151). Это последовательный рассказ о том, как по повелению Божьему инок Агапий уходит из монастыря (в ряде более поздних списков он назван игуменом монастыря). Он прощается с братией и назначает нового игумена, словно перед смертью, а затем отправляется в путь, который оказывается не только реальным путем через непроходимые леса и море в конкретное место — райский сад, к Христу, одновременно это путь духовный, путь «после смерти», путь познания ответа на вопрос, для чего люди оставляют своих близких и следуют «за Господом».

Сюжетно «Сказание» построено как преодоление цепи препятствий на этом пути. В нем соединяются христианская символика и фольклорные, особенно сказочные, мотивы. Так, 12 корабельщиков и 12 мужей в светлых одеждах — это 12 апостолов, виноградные гроздья —души человеческие. Райский сад полон ослепительного света, райская пища сладка, райский источник бел, как молоко. «Сказание» продолжает средневековую христианскую традицию «райских» описаний. В целом она беднее описаний Ада. Для того чтобы Агапий попал в райский сад, необходимо пересечь большое водное пространство — море (сказочная страна или цель поисков сказочного героя часто находится «на море-на-окияне, на острове-на-Буяне»). В пути Агапию помогают «помощные» персонажи: «детищь малый» и два мужа, старец Илья Фезвитянин (пророк Илия), орел. На разных отрезках пути все они ведут Агапия или указывают ему дорогу. Агапия подстерегает опасность то в виде диких зверей, прячущихся у морского залива, то в виде бури. И здесь его

выручает волшебный предмет: ломоть хлеба, который он получил в раю и при помощи которого получает возможность совершать чудеса. Этот чудодейственный хлеб — символ божественного познания. Немаловажную роль в построении сюжета играют исполнение предсказаний и узнавание. Древнерусский читатель видел в «Сказании отца нашего Агапия» конкретизацию символических представлений, увлекательно построенную народно-христианскую легенду. Одновременно в «Сказании» можно обнаружить и определенные черты житийного жанра, а во многих поздних списках оно прямо названо «житием».

Текст «Сказания» печатается по тексту Успенского сборника, изданного в кн.: Успенский сборник XII—XIII вв. Под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 466—473.

ОРИГИНАЛ

СЪКАЗАНИЕ ОТЦА НАШЕГО АГАПИЯ ЧЬСО РАДИ ОСТАВЛЯЮТЬ РОДЫ И ДОМЫ СВОЯ И ЖЕНЫ И ДѢТИ И ВЪЗЬМЪШЕ КРЬСТЪ И ИДУТЬ ВЪ СЛѢДЪ ГОСПОДА ЯКОЖЕ ЕВААНГЕЛИЕ ВЕЛИТЬ

Господи, благослови, Отче!

Агапии отець нашь из млада начать Бога бояти ся и заповѣди его хранити. Живъ въ дому своемь шесть на десяте лѣтъ, и тако изиде въ манастырь, и прѣбысть въ манастыри шесть на десяте лѣтъ моля ся Господу день и нощь глаголя: «Господи, съкажи ми, чьсо ради оставляють домы своя и роды и въ слѣдъ Тебе идуть».[1] Тако же ему молящу ся, услышана бысть молитва его въ девятыи час нощи. Гласъ бысть къ нему глаголя: «Агапие, рабе мои, молитва твоя въшьдъши къ мнѣ прията бысть, и се извожю тя изъ манастыря, и веду тя въ пути моя. И егда изидеши из манастыря и узьриши орьлъ, и аможе тя ведеть, иди по немь».

Агапии же рече: «Буди имя Господне благословлено отселѣ и до вѣка». И въставъ излѣзе ис церкве. И събьра вься калугеры и рече имъ: «Братия, кого хощете да поставлю вам игумена въ себе мѣсто?» Братия же рекоша къ нему: «А ты ся камо хощеши дѣти отъ насъ?» Агапии же рече къ нимъ: «Господь Богъ отводить мя отъ васъ, и азъ иду въ пути Господня. Вы же кого хощете да поставлю вам стерѣишину?» Калогери же рекоша: «Егоже ты изволиши, и поставиши намъ игумена». Агапии же постави имъ игумена брата старѣишаго, и устроивъ я и цѣлововавъ ѣ, изиде изъ манастыря, рек: «Миръ вамъ, и Господь съ вами». И егда поиде путьмь, узьрѣ и орьлъ идущь съ небесе къ себѣ, и испълъни ся Духъмь Святыимь Агапии. Орьлъ же пришьдъ къ нему поиде прѣдъ

нимь, путь кажа. Агапии же идяаше съ тъщаниемь по пути въ слѣдъ его. И доведе и орьлъ морьскыя лукы, и отиде от него.

Агапии же стояше на мори, мысля, камо бы прѣшьлъ морьскую глубину, бяше бо и звѣрь лютъ въ лукахъ морьскыихъ, иже изѣдаше человѣкы. Агапии же ужасьнъ бысть вѣльми. И яко же отиде от него орьлъ и не домышляше ся камо ити. Стоя бо узьрѣ корабль плавающь и възрадовася вельми и приближися къ морю. И видѣ въ корабли дѣтищь и дъва мужа велика. И егда поклонити ся хотѣ и рещи: «Добрѣ ходите и добръ вы путь буди», тъгда малыи-дѣтищь пърьвѣе рече къ Агапию: «Агапие, съдравъ ли еси, чьто дѣеши сьде въ лукахъ сихъ морьскыихъ, и не вѣси ли, яко звѣрь лютъ есть сьде и изѣсть тя?» Агапии же рече къ младому дѣтищу: «Къто ти имя мое повѣда, како ли мя знаеши?» Малыи же дѣтищь рече: «Агапие, а ты не знаеши ли мене? Нѣсмь ли азъ близь манастыря твоего сусѣдѣхъ? Нѣ ли мнѣ отець онь сиця (имя ему рекъ), и братия моя, не вѣси ли, яко учать ся у тебе въ манастыри?» И вьсѣмъ имена повѣда. Агапии же въздѣвъ руцѣ помолися Господу глаголя: «Прославлю тя, Господи, яко съподобилъ мя еси, Господи, обрѣсти человѣка своего племеньника въ пустыняхъ сихъ и въ глубинахъ морьскыихъ». Малыи же дѣтищь рече: «О Агапие, чьто есть путь твои и камо хощи ити?» И рече Агапии: «Не вѣмь мѣста ни нарока, камо хощю ити нъ Господь Богъ мои путь есть».[2] Малыи же дѣтищь рече: «Агапе, вълѣзи къ намъ въ корабль и прѣвеземъ тя аможе хощеши ити». Агапии же вълѣзъ въ корабль и посѣдѣвъ мало, от пути и от труда въздрѣмавъ ся и усьпе. И егда усъпе, повелѣ малыи дѣтищь великыима мужема възьмъша и прѣнесѣта чрѣсъ море. И положьше и, и се ищезоша от него.

Агапии же убудивъ ся от съна и не видѣ корабля, ни малаго дѣтища. И въставъ, оттудѣ приде въ мѣста нѣкая невѣдома. И обрѣте ту дрѣва различьна, и цвѣты цвьтуща различьны, и овоща различьны, ихъже не видѣ никътоже николиже. Сѣдяху же пътицѣ на дрѣвѣхъ тѣхъ, различьны имуща одежда. Овѣмъ бяше яко злато перие, а другыимъ багъряно, инѣмъ чьрьвлено, а другыимъ сине и зелено и различьныими красотами и пьстротами украшены. Другыя же бѣлы яко и снѣгь. Вьсѣхъ бо гласи бяху различьни и щьбьтаху сѣдяще друга къ друзѣ и пояху пѣсни различьны — ова великъмь гласомъ, а другыя льгъкъмь гласомь, а другыя тънъкъмь гласомь и пѣниемь, ины же дивьнъмь гласомь яко бо каяжьдо по ряду ихъ и по подобию, пѣсни же ихъ и слава велика, ако яже никъто же слышалъ на семь свѣтѣ ни видѣти имать. Агапии же напослушавъ ся и напитавъ ся отъ овоща и испочивъ от труда. Глагола въ себѣ: «Сего ради Господь Богъ мои привелъ мя есть сѣмо и не имамъ отити отсюду нъ обрящю си мѣсто подобьно, идеже вьртоградъ сътворивъ, и сьде животъ свои съконьчаю». И тако похажая къде сътворить вьртоградъ свои и обрѣте путь подъ овощьмь, и сѣде при пути глаголя: «Подобаеть человеку приити по пути сему, иже ми съкажеть мѣста си кая суть». И посѣдѣвъ мало и узьрѣ идуща 12 мужа въ бѣлахъ ризах, идуща къ себѣ путьмь. Въздрадова ся радостию

великою. И егда приближи ся къ нему, узърѣ Исуса въ славѣ велицѣ. Въставъ же Агапии прииде къ нимъ. И егда хотѣ поклонити ся рещи: «Добрѣ вы буди путь», тъгда великыи мужь рече: «Съдравъ ли еси, Агапие, и чьто есть путь твои?» И рече Агапии: «Господь Богъ мои путь есть». И постоявъ мало Агапии видѣ окрьстъ его лиця человечьска многа и пътиця перьнаты, и пѣсни и славу велику. И падъ поклонихъ ся прѣдъ нимь глаголя: «Господи, къто ты еси и сия 12 мужа? И яко вижю окрьст тебе лиця человечьска мънога и пътицѣ перьнаты и славу велику, и сия мѣста кая суть, въ нихъже се азъ есмь?» Рече же великыи мужь: «О Агапие, почьто тако дьрьзаеши и почьто мене въпрошаеши, нъ обаче съкажю ти вься да ся не блазниши: азъ есмь глас, глаголавый тебѣ въ манастыри: “Изиди въ путь мои”, азъ есмь орьлъ, иже стѣньмь путь тебѣ казахъ. Азъ есмь дѣтищь малыи, иже тя чрѣсъ море прѣвезохъ. Азъ есмь Господь Богъ Творьць небу и земли и вьсея видимыя и невидимыя. Си же 12 мужа апостоли суть. Си же лица, яже видиши хѣровими и серафими суть. Слава же си юже видиши, въсылаема есть сѣдящуму на семѣмь небеси. Мѣста же си раиская суть. Овоща же си пища апостольская и правьдьныихъ душь есть. Пътиця же, яже слышиши, небесьныя суть. Слава же ихъ и пѣния на небеса въсылаеть ся сѣдящуму на прѣстолѣ хѣровимьстѣ». Рече же Агапии: «Господи, помилуй мя и дажь ми да не излѣзу из дрѣвъ сихъ, нъ да сьде съконьчаю животъ свои». Господь же рече къ нему: «Нѣсмь тебе сего ради привелъ сѣмо, нъ оже рече: се, оставихомъ вься и въ слѣдъ тебе идохомъ и чьто ны будеть, — то се, иди и узьриши Славу Божьства сего». И рече Агапии: «Господи, камо ми велиши ити?» И рече Господь: «Идеши по пути сему, по немуже мы приидохомъ к тебѣ, и шьдъ приидеши къ стѣнамъ, яже суть от землѣ до небесе и обрящеши стьжицю малу и по стьжици тои идеши. И обрящеши окъньце мало въ стѣнѣ. И тълкнеши въ не, и изидеть къ тобѣ человѣкъ старъ и поимъ тя въведеть въ стѣну, ижи ти съкажеть тамо вься. И егда изидеши и идеши пакы по стьжьцѣ и доидеши лукы морьскыя и узьриши кораблиць малъ въ мори и 12 мужа въ немь и вълѣзеши къ нимъ, и доидете въ градъ въ ньже хотять ити. И егда изидуть гражане противу вамъ, изидеть и жена съ ними въ скврьрньнахъ ризахъ простовласа, и оже ти начьнеть велѣти, сътвори еи». Агапии же поклонивъ ся поиде по пути, по немуже настави и Господь. И шьдъ много обрѣте стѣну, яже стоить до небесе. И пришьдъ обрѣте стьжицю малу и по стьжици шьдъ обрѣте окъньце мало въ стѣнахъ и тълкнувъ възьва. И изиде къ нему человѣк и рече ему: «Чьто есть путь твои?» Агапии же рече: «Богъ тъ мои путь есть». И рече ему: «Человѣк сьде не приходилъ въ плъти сы ни прѣже тебе, ни по тебѣ имать прити». Агапии же съказа ему вься, елико съказа ему Господь. И како изведенъ бысть изъ манастыря, и како орьлъ казаше ему путь стѣньмь, и како прѣведенъ бысть море, и како явися ему Господь 12-те апостолома въ славѣ велицѣ. «Отнюду бо посъла мя сѣмо, рекъ: “Иди путьмь симь и обрящеши стѣны высокы и глядаи стьжицѣ мали, по неи шьдъ обрящеши окъньце мало въ стѣнѣ. И тълкнувъ възовеши, и изидеть къ тобѣ человѣкъ старъ, иже въведеть тя тамо и съкажеть ти вься”». Рече же старыи человѣк: «Буди воля Господня» и имъ за руку Агапия проведе и стѣны. И егда въниде Агапии вънутрь, узърѣ свѣтъ седмерицею свѣтлѣи сего свѣта, очи же его не можаста зърѣти на свѣтъ. И паде ниць на земли.

«Поимъ же мя человѣкъ старый приведе къ хрѣсту, егоже бяше высота до небесе и бльщаше ся паче солнця. И поклониста ся прѣдъ крьстомъ и сътвориста молитву». И тако начать Агапии търьпѣти свѣт. И поимъ приведе и идеже стояше одръ Ему и трьпеза украшена отъ камения драгааго. И лежаше хлѣбъ на неи бѣлѣи снѣга, видѣхъ бо у одра кладязь бѣлѣи млѣка и слажьи меду. Виногради же стояху различьно имуще грьздовие: ово багъряно, ово чьрьвлено, ово бѣло, и овоща имуща различьны, и цвѣтьци и житие, егоже не видѣ никътоже. И рече Агапии старому человѣку: «Господи, съкажи ми, чьто се, еже вижю?» И рече ему: «О брате мои Агапие, почьто глаголеши ми “Господи”, ельма же жидове не нарекоша Бога нашего Богомъ, нъ рекоша льстьць есть и злодѣи? И имъше убиша и распяша и́ на крьстѣ, али ты мнѣ глаголеши “Господи”, а хотящу умрѣти и съ пьрьстию съмѣсити ся, нъ обаче съкажю ти, да ся не блазниши. Азъ есмь Илия Тезвитѣнин, егоже възнесоша колесниця огньны и кони огньни, и Господь благослови мя подъ небесьмь. И съниде и посади мя сьде, и сьде живу до въторагo пришьствия Господня. Си же вься, яже видиши, душѣ суть человечьскыя, тобѣ явилыся грьздовиемь, поне бо живь человѣкъ не можеть видѣти душь человечьскъ. Сь же кладязь порода ся наричеть и исходить въ дрѣва раиская, сь же свѣтъ ангельскъ есть и правьдьныихъ душь. Сь же одръ и трьпеза творение руку Господию. Хлѣбъ же сь небесьныи есть и правьдьныихъ душь, источьникъ же сь ангели пиють и правьдьнии человѣци». — «Видѣхъ же и ина брашьна, ихъже сласти нѣсть удобь съказати, нѣсть бо имъ притъча на семь свѣтѣ. Ихже бо сласти и вонѣ человечьска уста не могуть исповѣдати. Простая же ядь яко и млѣко и медъ. И възьмъ дасть ми отъ источника въкусити. И просвьтѣ ми ся умъ и поимъ мя приведе къ трьпезѣ. И видѣхъ хлѣбъ цѣлъ и яко не уломлено отъ него ничьтоже. Илия же съказа ми вся, ихъже неудобь съказати никомуже, и приведе мя пакы къ хрѣсту и сътвори молитву съ мною. И изведе мя изъ окъньця и яко поклониховѣ и целовахoвѣ. И рече ми Илия: “Миръ ти буде, Агапие, иди въ пути Господня и Господь Богъ съ тобою”. Азъ же поклонивъ ся поидохъ по пути, иже ми показа Илия. И тако шьдъ многы дни доидохъ моря и поглядахъ по морю, и видѣхъ корабль идущь къ себѣ и 12 мужа въ немь. И егда приближиша ся къ мнѣ, глаголахъ имъ: “Добрѣ ходите и добръ вы буди путь”. Отвѣщаша и рекоша: “Послушаи тебе Богъ твои, добрыи старьче”». Агапие же рече къ нимъ: «Възьмѣте мя съ собою въ корабль и иду съ вами въ градъ, въ ньже хощете ити». Они же глаголаша къ нему: «Мы се третиее лѣто заблудихомы въ мори и не вѣмы, камо ити. Братия же наша измьроша отъ глада и зимы и отъ бурѣ морьскыя. Мы же доселѣ живи есмъ, яко ни хлѣба ни воды многы дни не насытихомъ ся, и нѣ днесь нѣ ночьсь умремъ. И аще тя приимемъ и ты съ нами умреши и болии намъ грѣхъ приложиши». Агапии же рече къ нимъ: «Възьмѣте мя съ собою; Господь Богъ печеть ся животъмь нашимь».

И глаголаша ему корабльници: «Въниди, рабе Божии, къ намъ, аще имаши брашьно съ собою, да понѣ ты спасенъ будеши». Агапий же въниде къ нимъ и видѣв я яко зѣло немощьни суть и милосьрьдовавъ о

нихъ, сътвори молитву. И посадивъ я въ корабли възя укрухъ иже ему дасть Илия въ раи, и прѣломи и на четыри части, и хвалу въздавъ, въдасть и 12 те мужема. И ѣша и насытиша ся и четвьртую часть юже остави, цѣла бысть пакы, яко и не уломлено отъ нея ничьтоже. Видѣвъше же корабльници Славу Божию, възъпиша къ Агапию глаголюще: «Рабе Божии, помилуй ны, не ходи отъ насъ, да о укрусѣ семь плаваемъ глубины морьскыя». Агапий же рече: «Буди воля Господня». И рече корабльникомъ: «Поставите вѣтрила». Они же поставиша. Приде же вѣтръ волею Божиею и принесе я единомь часѣ въ градъ свои, отъ негоже плаваша укияна, не вѣдяще камо ити. И егда присташа у града, изидоша гражане противу имъ, въпиюще: «Изидѣте яко и братия наша придоша, ихъже се тртиее лѣто гласа не слышахомъ», и шьдъше цѣловаша я. Глаголаху же къ нимъ корабльници: «И еще бысте гласа нашего не слышали, аще не бы Богъ посълалъ раба своего къ намъ, егоже ради принесени быхомъ въ градъ». Гражане же прославиша Бога, и изиде жена изъ града въ скврьньнахъ ризахъ простовласа. Пришьдъши поклони ся прѣдъ Агапиемь, плачющи ся и глаголющи: «Рабе Божии Агапие, помилуй мя». Агапий же глаголаше: «*Чьто* деши къ мънѣ?» Жена же въпияше прѣдъ въсѣмь народъмь: «Поиди, рабе Божии, яко сынъ мои се пятыи на десяте дьнь мьрътвь лежить, Господь бо не да ми его погрети глаголя: “Пожиди 3 дьни, донъдеже придеть корабль и 12 те мужа въ немь, и калугеръ съ ними имя ему Агапии, того поимъши веди, да въскрѣсить сына твоего”». Агапии же помяну, еже рече ему Исусъ. И въставъ иде въ слѣдъ жены водимъ ею, и 12 корабльника, и вьси гражане. Агапии же въниде въ хлѣвину, идеже лежааше сынъ ея на одрѣ, и сътворивъ молитву, и възя укрухъ, иже ему дасть Илия, и положи на лици его. И сѣде отрочищи на одрѣ. И имъ и за руку въдасть матери. Мати же его прослави Бога, и вьси гражане глаголаху къ Агапию: «Рабе Божии, не ходи отъ насъ, и яко мы обычаи имамъ, да иже умреть, погрѣбаемъ. А ты имаши обычаи, да иже умьреть, пакы оживиши и́». И не дадяху ему изити изъ града. И корабльници не рачаху остати его, глаголюще: «Идемъ и мы съ тобою, любо по суху, любо по водѣ, яможе хощеши ити». Прѣбы же ту семь дьнии. Въ едину же нощь приде ангелъ Господень къ нему и изведе и изъ града и рече ему: «Иди подълъгъ моря, и донъдеже обрящеши мѣсто уготованое тебѣ, идеже бо сѣдъ, напишеши, яже ти съказа Господь видѣния и яже походи мѣста Господня». И то рекъ ангелъ Господень, отиде отъ него. Агапий же иде подълъгъ моря многы дьни и обрѣте стѣны высокы, и видѣ двьрьця въ стѣнахъ. И вълѣзе въ ня по степеньмъ. И видѣ хлѣвину устроену и одръ въ неи, и постеля на одрѣ. И вълѣзъ въ хлѣвину сътвори молитву и сѣдъ написа чьтение се. И егда съконьча, волею Божиею привьрьженъ бысть вѣтрьмь къ нему корабль. И излѣзъ Агапий въдасть корабльникомъ чьтение се глаголя: «Несъше въдадите патриарху в Иерусалимѣ, да е въдасть въ вься церкви, да е чьтуть». Блаженыи же Агапий прѣбысть въ хлѣвиници тои 40 лѣтъ и съконча животъ свои о укрусѣ иже ему дасть Илия. И прѣдасть духъ свои славя прѣсвятую Троицю, Отця и Сына и Святаго Духа ныня и присно и въ вѣкы вѣкомъ. Аминь.

---

[1] *Господи, съкажи ми, чьсо ради оставляють домы своя и роды и въ слѣдъ Тебе идуть.* — Агапий в своем вопросе передает слова Христа: «И иже не приметь креста своего и въ слѣдъ мене грядетъ, нѣсть мене достоинъ» (Мф. 10, 38; 16, 24).

[2] *...нъ Господь Богъ мои путь есть.* — См. Иоан. 14, 6: «Азъ есмь путь и истина и животъ».

ПЕРЕВОД

СКАЗАНИЕ ОТЦА НАШЕГО АГАПИЯ, ДЛЯ ЧЕГО ОСТАВЛЯЮТ СВОИ СЕМЬИ, И ДОМА, И ЖЕН, И ДЕТЕЙ, И, ВЗЯВ КРЕСТ, СЛЕДУЮТ ЗА ГОСПОДОМ, КАК ВЕЛИТ ЕВАНГЕЛИЕ

Господи, благослови, Отче!

Отец наш Агапий с детства начал бояться Бога и хранить его заповеди. Прожил он дома шестнадцать лет, и ушел в монастырь, и провел там еще шестнадцать лет, ежедневно и еженощно молясь Господу и говоря: «Господи, скажи мне, для чего оставляют дома и семьи свои и следуют за Тобою?» И так он молился. Была услышана Богом его молитва в девятом часу утра. Сказал ему голос: «Агапий, раб мой, молитва твоя, дошед ко мне, принята, и вот увожу тебя из монастыря, и веду тебя по путям моим. Когда выйдешь из монастыря, увидишь орла, и куда он поведет тебя, следуй за ним».

Агапий же сказал: «Да будет имя Господа благословенно отныне и вовеки». И, поднявшись, вышел из церкви. Он собрал всех монахов и сказал им: «Братья, кого вы хотите, чтобы я поставил игуменом вместо себя?» Братья ответили: «А куда сам ты собираешься от нас?» Агапий сказал им: «Господь Бог уводит меня от вас, и я иду по пути Господнему. А вы кого хотите, чтобы я поставил старшим над вами?» Монахи же ответили: «Кого тебе угодно, того и поставь игуменом». Агапий назначил им игуменом самого старого монаха и, устроив так и поцеловав их, ушел из монастыря, сказав: «Мир вам, и Господь с вами». И когда он пошел по дороге, увидел, что орел слетает к нему с небес, и Агапий преисполнился Святым Духом. Орел же, слетев к нему, полетел перед ним, указывая путь. Агапий точно следовал по пути за ним. И орел привел его к морскому заливу, а сам улетел от него.

Агапий стоял на берегу, раздумывая, как бы ему перебраться через море, так как в морских заливах обитали дикие звери, которые поедали людей. Агапий сильно испугался. И когда от него улетел орел, он не мог решить, куда же ему идти. Стоя на берегу, он увидел, что плывет корабль, очень обрадовался и приблизился к морю. Он увидел на корабле ребенка и двух взрослых мужей.И когда Агапий хотел поклониться им и сказать «Добрый путь вам!», тогда малый ребенок первый сказал Агапию: «Агапий, здоров ли ты, что ты тут в заливах морских делаешь, разве не знаешь, что здесь водятся дикие звери и они могут съесть тебя?» Агапий ответил ребенку: «Кто сказал тебе мое имя, откуда ты меня знаешь?» Малый ребенок сказал: «Агапий, а ты не узнаешь меня? Разве не я живу по соседству с твоим монастырем? Не мой ли отец тот (имя его назвал), и не мои ли братья послушничают у тебя в монастыре?» И назвал всех по именам. Агапий, воздев руки, помолился Господу, говоря: «Господи, прославляю тебя за то, что послал мне встречу со своим сородичем в этих пустынных местах и глубинах морских». Ребенок спросил его: «Агапий, куда держишь путь и куда хочешь идти?» И ответил Агапий: «Не знаю я ни места, ни цели, куда идти, но путь мой — Господь Бог». Малый же ребенок сказал ему: «Агапий, ступай к нам на корабль, и перевезем тебя, куда ты хочешь». Агапий перебрался к ним на корабль и, посидев немного, от дороги и усталости задремал и уснул. А когда уснул, отрок велел мужам взять его и перенести через море. И там его положили и ушли все от него.

Когда Агапий проснулся, он не увидел ни корабля, ни отрока. И, встав, пришел он оттуда в совсем незнакомое место. И увидел Агапий там различные деревья и цветы разные цветущие, и разнообразные плоды, каких никто никогда не видел. На деревьях тех сидели птицы в разнообразных опереньях. Перья у одних были подобны золоту, у других — багряные, у третьих — красные, у иных — синие и зеленые, и все они различными красотами и пестротами украшены. А еще другие птицы белые, как снег. И голоса у всех птиц разные, и они щебетали, сидя друг перед другом, и пели разные песни, одни — громким голосом, другие — тихим, а третьи — тонким, иные — нежным, ибо каждая птица пела согласно и в лад; песни же их и все великолепие такое было, какого никто не слыхивал и не видывал на этом свете. Агапий послушал птиц, и напитался плодов, и поспал от усталости. И сказал он себе: «Для того и привел меня сюда Господь Бог мой, чтобы найти мне здесь подходящее место, где насадить сад, и я не уйду отсюда; здесь я и жизнь свою окончу». И так ходил он в поисках места, где бы ему насадить сад свой, и увидел дорогу под плодовым деревом, и сел у дороги, и сказал: «По этому пути должен прийти человек, который скажет мне, что это за места». Посидел он немного и увидел двенадцать человек в белых одеждах, идущих к нему по дороге. Возрадовался он радостью великой. И когда те приблизились к нему, он узрел Иисуса в великой славе. Агапий встал и подошел к ним. Когда он хотел поклониться им со словами: «Добрый путь вам!», великий муж сказал: «Здоров ли ты, Агапий, и куда лежит путь твой?» И ответил Агапий:

«Путь мой — Господь Бог». И, немного постояв, Агапий увидел вокруг себя много и лиц человеческих, и птиц пернатых, и услышал пение и славу великую. И поклонился он Христу, упав перед ним, и сказал: «Господи, кто же ты и эти двенадцать мужей? И почему вижу я вокруг тебя много человеческих лиц, и птиц пернатых, и славу великую, и что это за места, где я нахожусь?» Сказал же великий муж: «О Агапий, почему ты дерзаешь выспрашивать у меня? — но, однако, скажу тебе все, чтобы не вводить тебя в заблуждение: я — голос, говоривший тебе в монастыре: “Иди путем моим”, я — орел, который тенью своей указывал тебе дорогу, я — ребенок малый, что перевез тебя через море. Я есмь Господь Бог, Творец неба и земли и всея видимыя и невидимыя. Эти двенадцать мужей — апостолы. Эти лица, что видишь вокруг, — херувимы и серафимы. Слава же, которую видишь, воссылаема сидящему на седьмом небе. Места же эти — райские. Плоды эти — пища апостолов и душ праведных. Птицы, которых слышишь ты, — птицы небесные. Слава же их и пение на небеса воссылается сидящему на престоле херувимском». Сказал Агапий: «Господи, помилуй меня и не дай мне выйти из этого сада, да окончу здесь жизнь свою». Господь же сказал ему: «Не для того я привел тебя сюда, но если сказал: “Оставили мы все и пошли за тобой, и что нас ожидает”, — то так, иди и увидишь Славу Божию». И ответил Агапий: «Господи, куда велишь мне идти?» И сказал Господь: «Иди той дорогой, по которой мы пришли к тебе, и придешь к стенам высотой от земли до небес. Там найдешь маленькую тропку, и иди по ней. Увидишь крохотное оконце в стене. Постучи в него, и выйдет к тебе старик, который впустит внутрь, и там тебе все расскажет. И когда ты выйдешь и пойдешь снова по тропинке и дойдешь до залива морского, где увидишь небольшой корабль в море и двенадцать мужей в нем, и ты взойди к ним, и вы приплывете в город, куда им надо. И когда жители выйдут навстречу вам, среди них будет бедно одетая и простоволосая женщина, и что она ни повелит, сделай для нее». Поклонившись, Агапий отправился по дороге, которую показал ему Господь. Пройдя большое расстояние, нашел стену высотою до неба. И, подойдя, увидел тропинку, и, пройдя по тропинке, увидел оконце в стене, и, постучавшись, стал звать. И вышел к нему человек и сказал: «Каков путь твой?» Агапий же ответил: «Бог — это мой путь». И сказал ему тот: «Человек во плоти сюда еще не приходил до тебя и не придет после». Агапий поведал ему все, что велел ему Господь. И как был уведен из монастыря, и как орел указывал ему дорогу тенью, и как был перевезен через море, и как явились ему Господь и двенадцать апостолов в славе великой. «Оттуда и послал Он меня сюда, и сказал: “Иди этим путем, и найдешь высокую ограду, ищи тропинку, и, идя по ней, найдешь оконце маленькое в стене. Постучавшись, позови, и выйдет к тебе старик, который введет тебя внутрь и скажет тебе все”». Старец ответил: «Да будет воля Господня» и, взяв Агапия за руку, провел за стену. Когда Агапий вошел внутрь, он увидел сияние в семь раз светлее сего света, так что глазам невозможно было смотреть на него. И Агапий пал ниц на землю.

«Взяв за руку, старец привел меня к кресту, что возвышается до небес и сверкает ярче солнца. И поклонились перед крестом, и сотворили

молитву». И так Агапий начал терпеть сияние. И привел его старец к месту, где стояла скамья и стол Господень, украшенный драгоценными каменьями. На столе лежал хлеб белее снега, а у, скамьи был источник белее молока и слаще меду. И лежали ягоды разными гроздьями: те багряные, те красные, те белые, и были там разные плоды и цветы, в жизни никем не виданные. И сказал Агапий старцу: «Господи, скажи мне, что все это, что я вижу?» И он ответил ему: «О брат мой Агапий, почему ты говоришь мне “Господи”, ведь евреи не назвали Бога нашего Богом, но сказали: “льстец он и злодей”. И, схватив, убили его и распяли на кресте, — а ты говоришь мне “Господи”, тому, кто умрет и смешается с землею; но, однако, назовусь тебе, чтоб ты не обманывался. Я — Илия Тезвитянин, которого огненные кони в колеснице вознесли на небо, и Господь благословил меня на небесах. И сошел Он ко мне, и оставил меня здесь, и вот я живу тут до второго пришествия Господня. Все, что видишь ты здесь, — это души человеческие явились тебе в виде плодов, так как живой человек не может увидеть душ человеческих. Этот источник называется “Раем” и вытекает от райских деревьев, свет этот — свет ангелов и праведных душ. Эти скамья и стол — творение рук Господних. Хлеб — это хлеб небесный праведных душ, и из этого источника пьют ангелы и праведники». — «Я видел и другие яства, их вкус невозможно передать словами, нет им толкования на этом свете. О их сладости и запахе человеческие уста не могут поведать. А простая еда здесь — как молоко и мед. Он дал мне испить из источника. И ум мой просветлел, и, взяв за руку, он подвел меня к столу. Я увидел, что хлеб цел, словно от него ничего не отломлено. А Илия рассказал мне все, но это не следует говорить никому, потом он снова привел меня к кресту и сотворил молитву вместе со мной. Он вывел меня через отверстие в стене, и мы поклонились друг другу и поцеловались. А Илия сказал мне: “Мир тебе, Агапий, иди путем Божиим, и Господь Бог с тобою”. И я, поклонившись ему, пошел по дороге, которую указал мне Илия. Идя так много дней, я пришел к морю, окинул море взором и увидел корабль, плывущий мне навстречу, а в нем двенадцать мужей. И когда они приблизились ко мне, я сказал им: “Добрый путь вам!” Они ответили: “Да внемлет тебе Бог твой, добрый старец”». Агапий попросил их: «Возьмите меня с собою на корабль, и я поплыву с вами в тот город, куда вы направляетесь». Они ответили ему: «Уже третье лето мы блуждаем по морю и не знаем, куда плыть. Братия же наша вымерла от голода и холода и от морских бурь. Мы же пока живы, но уже много дней ни хлебом, ни водой не насыщались и не сегодня-завтра умрем. Если же возьмем тебя с собою, то и ты с нами умрешь, а нам больший грех причинишь». Но Агапий попросил их: «Возьмите меня с собою; Господь Бог печется о жизнях наших».

И сказали ему корабельщики: «Входи, раб Божий, к нам, если есть у тебя еда с собою, то хоть ты будешь спасен». Агапий взошел к ним и увидел, как сильно они истощены, и он помолился о них, жалея их. Агапий взял с собой в корабль ломоть хлеба, который дал ему в раю Илия, разломил его на четыре части и, воздав хвалу Богу, раздал их двенадцати мужам. Они съели хлеб и насытились, а четвертая часть,

которую Агапий оставил, снова стала целым хлебом, словно от него никто не отламывал ни куска. Корабельщики увидели Славу Божию и воскликнули, обратясь к Агапию: «Раб Божий, помилуй нас, не уходи, с помощью этого ломтя хлеба мы будем плавать по волнам морским». Агапий сказал: «Да будет воля Господня». И велел корабельщикам: «Поставьте паруса». Они поставили. И задул ветер по воле Божией, и через один только час пригнал их в свой город, из которого уплыли они в океан и не знали, куда идти. Когда они пристали к городу, навстречу им вышли его жители, восклицая: «Выходите все, так как пришли те, чьих голосов не слышали мы уже три года», и, подойдя, они приветствовали их. А корабельщики сказали горожанам: «Вы могли еще дольше не слышать голоса нашего, если бы не послал нам Бог своего раба, благодаря которому мы приплыли в город». И горожане прославили Бога, и из стен городских вышла простоволосая, бедно одетая женщина. Подойдя, поклонилась Агапию и с плачем сказала ему: «Раб Божий, Агапий, помилуй меня». Агапий спросил ее: «С чем ты идешь ко мне?» Женщина возопила перед всем народом: «Пойдем, раб Божий, так как сын мой пятнадцатый день лежит мертв, ибо Господь не дал мне его похоронить, сказав: “Подожди три дня, пока не придет корабль и в нем двенадцать мужей, а с ними монах, имя его Агапий; взяв его, приведи к себе, чтобы он воскресил твоего сына”». Агапий вспомнил, что говорил ему Иисус. И, поднявшись, отправился следом за женщиной, которая повела его, а за ними двенадцать корабельщиков и все горожане. Агапий вошел в дом, где на кровати лежал ее сын, и сотворив молитву, он взял хлебный ломоть, который дал ему Илия, и положил на лицо умершего. И отрок сел на постели. Агапий, взяв его за руку, подвел к матери. Мать его прославила Бога, и все горожане сказали Агапию: «Раб Божий, не покидай нас, ведь есть у нас обычай, если кто умрет, погребать того. А у тебя есть обычай оживлять снова того, кто умрет». И они не дали Агапию выйти из города. Корабельщики не хотели расставаться с ним, говоря: «И мы пойдем с тобой и по суху, и по воде, куда ты захочешь пойти». Агапий пробыл в городе семь дней. Однажды ночью к нему явился ангел Господень и вывел его из города, и сказал ему: «Иди вдоль моря, пока не увидишь место, тебе уготованное, где сядешь и напишешь, какие видения показал тебе Господь и в каких Господних местах ты пребывал». Сказав это, ангел Господень отлетел от него. Агапий шел вдоль моря много дней и увидел высокие стены и дверцу в них. И вошел в нее по ступенькам. И увидел он приготовленный дом, а в нем кровать и постель на кровати. Войдя в дом, он помолился и, сев, написал повесть сию. А когда окончил, волей Божией пригнало к нему ветром корабль. Агапий вышел и отдал это сказание корабельщикам со словами: «Отвезите его патриарху в Иерусалиме, чтобы он раздал во все церкви и чтобы все читали». Блаженный Агапий пробыл в том доме сорок лет и окончил жизнь свою с ломтем хлеба, который дал ему Илия. Он испустил дух, славя Пресвятую Троицу, Отца и Сына и Святого Духа ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

ИЗ БЕСЕДЫ ТРЕХ СВЯТИТЕЛЕЙ

Подготовка текста, перевод и комментарии М. В. Рождественской

ВСТУПЛЕНИЕ

«Беседа трех святителей» — весьма распространенный в древнерусской письменности памятник, состоящий из вопросов и ответов, изложенных от имени трех отцов православной церкви — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Однако под этим названием в рукописной традиции известны различные памятники: переводной диалог Григория Богослова и Василия строго догматического характера, старейший список которого читался уже в Изборнике 1073 г., переводное «Устроение слов Василия и Григория Феолога, Иоанна» (извлечение из сочинения Афанасия Александрийского) и собственно «Беседа трех святителей», древнейшие русские списки которой относятся к XV в. (известен также южнославянский пергаменный список XIV в.). Не позднее XIV в. «Беседа» начинает включаться в Списки (Индексы) отреченных книг. В числе «ложных писаний», которых «не достоит держати», помещена она в индексе, обычно связываемом с именем митрополита Киприана — «О Василие Кесарийском и о Иване Златоусте и о Григорие Богослове въпросы и ответы о всем лгано». Здесь «Беседа» приписана болгарскому ересиарху Иеремии, сборники сочинений которого известны уже в XIII—XIV вв.

Многочисленные русские списки «Беседы» до сих пор не имеют удовлетворительной классификации, генеалогия и история текста их не установлена. Это затрудняет в настоящее время научное издание памятника. Поэтому мы публикуем здесь лишь фрагменты «Беседы», текст которой из-за своей вопросно-ответной формы был чрезвычайно подвижен. Предлагаемые фрагменты сохранились в сборниках выдающегося книгописца конца XV в. кирилло-белозерского монаха Ефросина. Пока невозможно установить, в каком отношении находятся эти фрагменты к первоначальному русскому тексту памятника. Однако подбор их у Ефросина, характерный для специфических интересов и эстетических принципов этого книжника, вместе с тем отражает те черты «Беседы», которые побуждали включать ее в индексы отреченной литературы. Связь изречений «Беседы» с фольклором, интерес ее составителей к светскому («естественно-научному») знанию, шутовской характер многих вопросов — все это сближает славянскую «Беседу» с западными памятниками типа «Монашеских игр» (Joca monachorum). В «Монашеских играх» мы находим вопросы, совпадающие с «Беседой трех святителей» и ее фрагментами у Ефросина.

Первый фрагмент издается по списку РНБ, Кирилло-Белоз. № 22/1099, л. 288—289.

Второй фрагмент издается по списку РНБ, Кирилло-Белоз. № 9/1086, л. 263 об. и 194 об. Толкование к фразам: «Исус в стрѣлах, Моисей в

чертозѣ» и т. д. печатается по списку РНБ, Кирилло-Белоз. № 11/1088, л. 236 об.—237.

Третий фрагмент издается по списку РНБ, Кирилло-Белоз. № 22/1099, л. 15—15 об.

ОРИГИНАЛ

Вопросы и отвѣти от Божественных писаний

В. Что есть: цариць 60 и 80 наложниць и унотъ нѣсть числа?

О. Едину царицю въ 60 распространяему сирѣчь душу. 80 ради наложниць осмое таинство являет, еже есть будущий вѣкъ.

В. Что есть: домъ вдовици у нея жилиа обита и горсть мукы и масло и вода и двѣ поленѣи? Воскресшему сыну кака имя?

О. Вдовици имя Сарепфа, сыну же еа Иона, а домъ еа преобразуется церкви, а горсть муки комкание, а масло и вода крещение, а двѣ поленѣ крѣстъ.[1]

В. Что есть: иже приде богатъи к нищему, много всего имѣяше и вда нищий богатому много?

О. Богатый Христосъ, а нищий Иаоан, приде Христосъ к Иаоану, всяческыми обладая благами земными, и взят от Иаоана крещение, егоже не имѣаше.

В. Кто принесе Господу глубоку воду и убрус неткан и испроси себѣ, егоже нѣсть у него?

О. Егда блудница припаде к ногам Господу[2] и слезами мочаше и власы главы своеа отирааше, испроси себѣ оставление грѣхом.

В. Что есть Исаиа рече: «Ему же власть бысть на рамѣ его»?[3]

О. На рамѣ его крѣстъ, носяше бо, на распятие ида.

В. Что есть еже Ермѣа рече: «Горлица, ластовици, щуръ силнии птици[4] разумеша лѣту приходъ»?

От. Горлица глаголеть церковь, а ластовица Иаоан Крестителя, а щур блаженаго учителя премудраго Павла, и лѣтъ Христос да якоже тыи птица проповѣдают лѣта приходящее, тако и сии проповѣдають пришествиа Христово.

В. Кая то жена, еже от народа, рече: «Блаженое чрево ношшее тя и сосца, яже еси съсал»?

От. Фотиниа самаряныня рекла, еиже явися Господь на кладязи Ияковли.[5]

В. Что еже Господь рече: «Аще оставите человѣком согрѣшениа, оставит вам Отець ваш небесный»?[6]

О. Се глаголеть къ всѣм вѣрным, велить оставити гнѣвъ и всяку вражду другом своим и братьи.[7]

В. Рече Господь: «Вмалѣ не видите мене, и паки вмалѣ узрите мя».[8]

От. Егда положенъ бысть во гробѣ, не видѣша его. Егда же вста, тогда и видѣша.

В. Рече Господь: «Будеть дрѣво яко прити птицам небесным[9] и вселитися въ вѣтвияхь его».

От. Дубъ есть миръ, вѣтви языци, а птици апостоли, иже по всему миру и въ всѣх языцѣх проповѣдаша Слово Божие.

(...)

В. Что ради Господь рече трижды: «Симоне Ионинъ, любиши ли мя»?[10]

От. Понеже 3жды отвержеся.

В. Что есть: 5 хлѣбъ и 2 рыб, 12 укрухов?[11]

От. 5 хлѣбъ есть Моисѣевы пятеры книгы: Бытие, Исход, Левитинъ, Числа, 2 Закон, а двѣ рыбы — Апостолъ и Евангелие, 12 кош укрух — 12 апостолу учение. Господь нашь Исус Христос своима рукама первое крестилъ святого апостола Петра, а святый апостолъ Петръ святого апостола Андрѣа, а Андрѣй крестил Иаоана Богослова и Иякова, а Ияковъ и Богослов крестиста вся апостолы, Петръ и Иаоан Богослов крестиста святую Богородицю.

В. Что есть, еже в Галилеи притворь Соломонь?[12]

От. Церкви, убо была раскопана Навходомьносором[13] и паки създана Киромъ[14], а притвор быль Соломоновѣ не роскопанъ, того ради рече евангелист: «въ притворѣ Соломонь».

В. Что есть, иже рече Писание: «Видѣхъ жену сѣдящу на мори и змиа лежаща при ногу еа. Егда хотяше жена ражати отроча, та змий пожирашеть а»?[15]

Т. Море — весь миръ, жена же умѣнить церковь посредѣ мира, а змиа Диавола, да егда хотять вѣрнии людие спастися, приходяще к церкви, Диаволъ возбраняет им прельщая всѣм и козньми своими.

В. Что есть: единаго искахом, а три обрѣтахом, егоже искаху, не можаху познати его, нъ показа им мертваа девица?

Т. Егда распяша Господа со двѣма разбойникома на 3хь крѣстѣхъ и наиде святая Елена[16] три кресты, не вѣдаше Господня креста, и егда положи на мертваа девици крестъ Господень, абье сѣде мертва девица.

(...)

В. Кто есть, еже рече слово то: «двое ми не мощи убѣжати, двое не постичи»?

Т. Смерти и старости не убѣжати, а живота и юности не постичи.

В. Кто, смерти не приим, смерти бѣгаше?

Т. Илиа Езавели бѣгаше.[17]

В. Что есть, еже рече: «Горе тебѣ, граде, в немже царь юнъ и боляре рано пьюще и рано ядуще»?

Т. Град есть душа, а царь юный — умъ, а боляре пьянчивии — помысли злии, лукавии.

В. Гдѣ смѣшашеся тепло съ студению?

Т. В Содомѣ и Гоморѣ[18] град и югпие горящее.

В. Чий глас изыде от Восток до Запад?

Т. Егда Богъ проклят Каина.

В. Когда четвертая часть мира умре?

Т. Егда Каинъ уби Авеля брата своего.

В. Кто роди гиганты?

Т. Внук Хамовъ.[19]

В. Коего праведника град спасе от смерти?

О. Лота Сигоръ[20], егда избѣжа ис Содома.

В. Когда радовашеся весь миръ?

О. Егда Ное ис ковчега изыде.

(...)

В. Кая церкви створена бысть, еаже обновлениемь весь миръ погибет?

От. Ковчегъ Ноевъ.

В. Кто научил Богу кланятися на въсток?

От. Моиси на горѣ Синайстѣй.

В. Поп не поставлен, диакънъ отметник, пѣвець блудник.

Т. Иаоан Бога крестил, а отметник Петръ, а блудник Давидъ.

2

Въпрос. Кый пророкъ двою родился?

Толк. Куръ. Первое, курица яйце снесла. Изъ яйца, второе, вылупился, то естъ родился. А пророкъ есть, свѣт повѣдаеть людѣмъ рано.

(...)

Почто месяць держить 30 дний, а неделя 4?

Толк. Четырех ради стихия: 1я стихия держит «Б». 2я «О», 3яя «Г», 4я «Ъ». Да то составивше, Богъ наречеться.

На 6мь стоить, два глаголють, 5 обличаста, 12 дивятся.

Толк. Два глаголють — Христос с самарянынею. На 6мь стоить Христос: въ 6й час ко кладязю придет, 5 обличасте — 5-ры книги Моисеовы, 12 дивятся — 12 апостолъ.

Четыре орли едино яицо снесоша, имже весь миръ препитѣша.

Толк. 4ре евангелисты, а яицо Евангелие, весь миръ исполниша евангелиальскаго учения.

Видѣхъ змия лежаща при пути, хапающа коня за пяту, и сѣде конь на заднюю ногу, жды избавления от Бога.

Толк, Путь есть вѣра, а конь человечество, а задняя нога человеческий послѣдний родъ. А змий — Диаволъ, ища кого поглотити.

Два стоять, а два идуть, а два минуються.

Толк. Небо и земля стоять, а солнце и месяць идеть, а день и нощь минуются.

(...)

Исус в стрѣлах, Моисей в чертозѣ, Павелъ в дѣвкахъ, Давидъ ся женить. Адамъ в сватехъ, Соломонъ по невѣсту ѣдеть. Рѣка среди моря течеть, а животъ во огни скачеть. А зватаи з горы стоя глаголеть: «Приидѣте, приидѣте». Иниии приидоша, а инии змроша, а зватаю упокои.

Исус в стрѣлах, рекше въ Преображеньи. Моисий в чертозѣ, рекше в крабицѣ, Павел в дѣвках, рекше дѣиственик, Давидъ ся женитъ, рекше женъ много, Адам в сватех, той же толк. Соломонъ по невѣсту ѣдетъ, рѣка средь моря течеть, а живот во огни скачет. Звѣрь малъ саламандръ прованскы[21] в огни скачет, а не горит. А зватаи з горы стоя глаголет: «Приидѣте, приидѣте», инии приидоша, а инии изомроша, а зватаю покои. Рекше «приидѣте» Моисий и Илия, рекше апостоли пали на

горѣ, а Христу упокои, рекше коли з горы сшел с ними и заказал имъ свое Преображение. Во Илопии рѣка Феозъ[22] сквозѣ море идеть, а вода морская к ней не пристанеть.

Рече внук бабѣ: «Баба, положи мя у себе». И рече ему баба: «Како ми тебе положити, а ты мя родилъ».

Толк. Внукъ есть Христос, а баба земля.

3

Что ради от жены родися и на древѣ распяться? И водою крестися?

Толк. Сего ради, понеже роди человеческы женою согрѣши. Диавол бо прельсти Евгу и Адам отпаде Рая. Такоже и Богъ омывает ядь диаволю, женою побѣние бысть Диаволу. Женою бо испаде из Рая человекъ, от жены воплотися Богъ и повелѣ вѣрным внити в Рай. А еже на древѣ распяту быти, сего ради яко от древа вкушь Адам испаде ис Породы, Богъ же сего ради на древѣ страсть приатъ. Да древом Диавол побѣжен будет и от древа животнаго приимут жизнь праведнии. А иже водою обновление, понеже при Нои умножившимся грѣхом въ человѣцехъ, наведе Богъ потоп на землю, потопи человеки на земли водою. Сего ради рече Богъ: «По немже погубих водою человеки грѣх ради, в немже паки водою очищаю грѣхи человекомь». Еже бо и нынѣ креститься Духомь и водою.

---

[1] *Вдовици имя Сарепфа... двѣ поленѣ крѣстъ.* — В 3 Царств. 17, 8—24 рассказывается о том, как пророк Илья бежал в город Сарепту, где нашел приют в доме бедной вдовы. Илья воскресил ее сына, и пока он жил там, у вдовы не убывала пища.

[2] *Егда блудница припаде к ногам Господу...* — Лк. 7, 37—38 (Прощение грешницы).

[3] *Ему же власть бысть на рамѣ его.* — Ср. Ис. 9, 6.

[4] *Что есть еже Ермѣа... силнии птици...* — Ср. Иер. 8, 7: «горлица и ластовица сельныя, врабия».

[5] *Фотиниа самарянкыня рекла... на кладязи Ияковли.* — В евангельском рассказе о встрече Иисуса с самаритянкой у колодца Иакова (Иоан. 4, 5—29) имя ее не названо.

[6] *...Аще оставите человѣком согрѣшениа...* — Ср. Иоан. 20, 23.

[7] *...велить оставити гнѣвъ...* — Ср. Мф. 5, 22.

[8] *...Вмалѣ не видите мене...* — Ср. Иоан. 14, 19.

[9] *...яко прити птицам небесным...* — Образ «птиц небесных» см. Мф. 6, 26; 10, 31.

[10] *...Господь рече трижды... любиши ли мя?* — См. Иоан. 21, 15—23 (испытание апостола Петра), также: Мф. 26, 69—75.

[11] *5 хлѣбъ и 2 рыб, 12 укрухов.* — Ср. Иоан. 6, 13.

[12] *...притворь Соломонь?* — Иоан. 10, 23.

[13] *Навуходоносор* (604—562/561 г. до н. э.) — вавилонский царь, разрушивший в 586 гг. до н. э. Иерусалим.

[14] *Кир* (559—530 гг. до н. э.) — древнеперсидский царь, основатель династии Ахеменидов. Отпустил евреев из вавилонского плена и восстановил Иерусалим.

[15] *...рече Писание: «Видѣхъ жену... змий пожирашеть а».* — См. Апок. 12, 4—6.

[16] *...наиде святая Елена...* — Мать византийского императора Константина в 325 г. посетила Палестину, где ею был найден гроб Господень и крест, на котором он был распят. Это событие послужило основанием для христианского праздника Воздвижение Креста.

[17] *Илиа Езавели бѣгаше.* — О борьбе пророка Ильи с царицей Иезавель см. 3 Царств. 18.

[18] *В Содомѣ и Гоморѣ...* — См. Быт. 19, 24.

[19] *Внукъ Хамов* — Неврод, сын Хуса (Быт. 10, 6—9).

[20] *Сигор* — название места, куда ангел велел Лоту бежать с женой и детьми из горящего Содома (Быт. 19, 22—23).

[21] *...саламандръ провансkы* — тапрабантский, то есть цейлонский.

[22] *Во Илопии рѣка Феозъ...* — Имеется в виду библейская Эфиопия (с реальной Эфиопией не связанная) и райская река Фисон.

ПЕРЕВОД

Вопросы и ответы от Божественных писаний

Вопрос. Что значит: шестьдесят цариц и восемьдесят наложниц и девиц без числа?

Ответ. Единая царица в шестидесяти царицах — это душа, а восемьдесят наложниц открывают восьмое таинство, то есть будущий век.

Вопрос. Что значит: дом вдовы — жилье обитаемое, и в нем горсть муки, и масло, и вода, и два поленца? Как имя воскресшего сына?

Ответ. Имя вдовы — Сарепта, сына ее — Иона, а дом ее прообразует церковь, горсть муки — святое причастие, масло и вода — крещение, а два поленца — крест.

Вопрос. Что это: пришел богатый, имеющий большое богатство, к нищему, и отдал нищий богатому многое?

Ответ. Богатый — это Христос, а нищий — Иоанн, пришел Христос к Иоанну, владея всеми благами земными, и принял от Иоанна крещение, которого не имел.

Вопрос. Кто принес Господу чистую воду и плат нетканый и попросил для себя то, чего нет у него?

Ответ. Когда блудница припала к ногам Господа, омочила их слезами, отерла их волосами своими, то попросила себе прощение грехов.

Вопрос. Что значит: Исайя сказал: «Власть его на плече его»?

Ответ. На плече Он нес крест, ибо шел на распятие.

Вопрос. Что значит, если Иеремия сказал: «Горлица, ласточки, сильный щур — птицы, они знали приход лета»?

Ответ. Горлица называется церковь, а ласточка — Иоанн Креститель, а щур — блаженный учитель, премудрый Павел, а лето — Христос, и как эти птицы предвещают приход лета, так и те проповедают пришествие Христово.

Вопрос. Какая женщина из народа сказала: «Блаженно чрево, носившее тебя, и сосцы, которые ты сосал»?

Ответ. Это сказала Фотиния самаритянка, которой явился Господь у колодца Иакова.

Вопрос. Что значит, что Господь сказал: «Если простите людям их грехи, то и вам простит Отец ваш небесный»?

Ответ. Так говорит Он всем верующим, велит простить гнев и всякую вражду своим друзьям и братьям.

Вопрос. Сказал Господь: «Еще немного, и не увидите меня, и потом ненадолго узрите меня».

Ответ. Когда положили Его в гроб, то не видели. Когда же воскрес, тогда и узрели.

Вопрос. Сказал Господь: «Будет дерево, куда прилететь птицам небесным и поселиться на ветвях его».

Ответ. Дуб есть мир, ветви — народы, а птицы — апостолы, по всему миру и всем народам проповедающие Слово Божие.

(…)

Вопрос. Почему Господь сказал трижды: «Симон, сын Ионин, любишь ли меня»?

Ответ. Потому что (тот) трижды отрекся.

Вопрос. Что значит, пять хлебов, две рыбы, двенадцать корзин с ломтями?

Ответ. Пять хлебов — это Пятикнижие Моисеево: Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие, а две рыбы — это Апостол и Евангелие, двенадцать корзин с ломтями — учение двенадцати апостолов. Господь наш Иисус Христос своими руками первым крестил святого апостола Петра, а святой апостол Петр святого апостола Андрея, а Андрей крестил Иоанна Богослова и Иакова, а Иаков и Богослов крестили всех апостолов, Петр же и Иоанн Богослов крестили святую Богородицу.

Вопрос. Что значит, что есть в Галилее притвор Соломона?

Ответ. Это церковь, которую разрушил Навуходоносор, а потом построил Кир, а притвор Соломона не был разрушен, поэтому сказал евангелист: «В притворе Соломона».

Вопрос. Что значит, как сказано в Писании: «Видел жену, сидящую на море, и змею, лежавшую у ее ног. Когда жена рождает младенцев, змея пожирает их»?

Толкование. Море — весь мир, а жена обозначает церковь посреди мира, а змея — Дьявола. И когда верующие хотят спастись, приходя к церкви, Дьявол препятствует, прельщая их всяческими искушениями.

Вопрос. Что значит: мы искали одно, а нашли три, и то, что искали, не могли узнать его, но показала мертвая девица?

Толкование. Когда распяли Господа с двумя разбойниками на трех крестах, то нашла святая Елена три креста, не зная Господня креста, и когда положили на мертвую девицу Господень крест, вдруг села мертвая девица.

(...)

Вопрос. Кто это, о ком сказано: от двоих мне убежать невозможно, а двоих не догнать?

Толкование. От смерти и старости не убежать, а жизни и юности не догнать.

Вопрос. Кто, смерть не приняв, от смерти бежал?

Толкование. Илья от Иезавели бежал.

Вопрос. Что значит сказанное: «Горе тебе, град, в котором юный царь, а бояре рано пьют и рано едят»?

Толкование. Город есть душа, а царь юный — ум, а пьяные бояре — это хитрые и злые мысли.

Вопрос. Где смешались тепло и холод?

Толкование. В Содоме и Гоморре, город и горячие угли.

Вопрос. Чей голос пронесся от Востока до Запада?

Толкование. Когда Бог проклял Каина.

Вопрос. Когда умерла четвертая часть Вселенной?

Толкование. Когда Каин убил Авеля, брата своего.

Вопрос. Кто родил гигантов?

Толкование. Внук Хама.

Вопрос. Какого праведника град спас от смерти?

Ответ. Лота Сигор, когда убежал из Содома.

Вопрос. Когда весь мир радовался?

Ответ. Когда Ной вышел из ковчега.

(…)

Вопрос. Какая церковь была создана, через обновление которой погибнет весь мир?

Ответ. Ноев ковчег.

Вопрос. Кто научил молиться Богу на восток?

Ответ. Моисей на Синайской горе.

Вопрос. Поп не поставленный, дьякон отступник, певец блудник.

Ответ. Иоанн крестил Бога, а отступник — Петр, а блудник — Давид.

2

Вопрос. Какой пророк родился дважды?

Толкование. Петух. Во-первых, курица снесла яйцо. Во-вторых, из яйца он вылупился, то есть родился. А пророк потому, что рано людям рассвет возвещает.

(…)

Почему в месяце тридцать дней, а недель четыре?

Толкование. Из-за четырех стихий: первая стихия содержит «Б», вторая — «О», третья — «Г», четвертая — «Ъ». Соединив их, получится «Богъ».

На шестом стоит, двое разговаривают, пятеро возвещают, двенадцать дивятся.

Толкование. Двое разговаривают — Христос с самаритянкой. На шестом стоит Христос: в шестой час придет к колодцу, пятеро возвещают — Пятикнижие Моисеево, двенадцать дивятся — 12 апостолов.

Четыре орла снесли одно яйцо, которым напитался весь мир.

Толкование. Четыре евангелиста, а яйцо — это Евангелие, весь мир наполнился евангельским учением.

Видел змею, лежащую у дороги, хватающую коня за копыто, а конь сел на заднюю ногу, ожидая спасения от Бога.

Толкование. Дорога есть вера, а конь — человечество, а задняя нога — последний род человеческий. А змея — Дьявол, ищущий, кото бы поглотить.

Двое стоят, двое идут, двое расходятся.

Толкование. Небо и земля стоят, а солнце и месяц идут, а день и ночь расходятся.

(…)

Иисус в стрелах, Моисей в чертоге, Павел в девках, Давид женится. Адам сватом, Соломон за невестой едет. Река течет посреди моря, а живое бьется в огне. А зовущий, стоя на горе, призывает: «Придите, придите». Одни пришли, а другие умерли, а звавшему успокоение.

(Толкование.) Иисус в стрелах означает — в Преображении. Моисей в чертоге означает — в корзине, Павел в девках означает — девственник, Давид женится значит, что жен много, Адам сватом — то же толкование. Соломон за невестой едет, река среди моря течет, а живое

в огне скачет. Зверь малый, саламандра цейлонская, в огне скачет, а не горит. А зовущий, стоя, с горы взывает: «Придите, придите», одни пришли, а другие умерли, а звавшему покой, означает: «приидете, Моисей и Илья»; означает: апостолы пали (ниц) на горе, а Христу успокоение; означает: когда Он с горы спустился с ними и явил им свое Преображение. В Илопии река Феоз течет через море, а вода морская с ней не сливается.

Сказал внук бабке: «Баба, положи меня с собою». И сказала ему баба: «Как же я тебя положу, ведь ты меня родил?»

Толкование. Внук — это Христос, а баба — земля.

3

Почему: от женщины родился и распят на дереве? И крестился водою?

Толкование. Из-за того так, что род человеческий согрешил через женщину. Ибо Дьявол прельстил Еву, и Адам лишился Рая. Так же и Бог очищает яд дьявольский, через женщину произошла победа Дьявола. Из-за женщины лишился Рая человек, от женщины воплотился Бог и повелел верным войти в Рай. А на дереве будет распят, потому что как Адам, вкусив от древа, лишился Рая, так Бог за него на древе страдание принял. И Дьявол будет побежден древом, и от древа жизни получат жизнь праведники. А потому водою обновление, что при Ное умножились грехи людские, и навел Бог потоп на землю, и потопил людей на земле водою. Поэтому сказал Бог: «Раз погубил людей водою из-за грехов, так же потом водою очищаю грехи человеческие». Поэтому и теперь крестятся Святым Духом и водою.